986 b

Вестник Европы.
1906 г.
т. 3, кн. 6.
июнь.

17282
49 г.

ОДЕССКАЯ ЗЕМСКАЯ БИБЛИО...

П. І. ШАФАРИКЪ

ОЧЕРКЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ РУССКОЙ НАУКИ, ПОЛВѢКА ТОМУ НАЗАДЪ.

Окончаніе.

XII [1]).

„Славянская Этнографія“, съ картой, была послѣднимъ крупнымъ и цѣльнымъ трудомъ, вышедшимъ изъ-подъ пера Шафарика, по выполненію задуманной имъ программы. Все же другое, что должно было войти сюда, или осталось въ видѣ матеріала, или появлялось, время отъ времени, въ видѣ отдѣльныхъ мемуаровъ, всегда интересныхъ, проливающихъ ясный свѣтъ на тотъ или другой вопросъ, но все это были отдѣльныя звенья будущей стройной мастерской цѣпи и—увы!—не додѣланной. Изданія матеріаловъ, памятниковъ—въ разсчетъ не идутъ. Пожалуй, послѣдній, предъ самой смертью выпущенный, но долго высиживавшійся трудъ—о происхожденіи глаголицы,—можетъ быть разсматриваемъ, какъ еще другой крупный отвѣтъ отчасти на одну изъ задачъ второй части „Древностей“.

Причины неисполненности работы мы видѣли: это была пора собиранія матеріаловъ, да и они такъ тяжко доставались Шафарику! Ему подходилъ уже пятидесятый годъ, и неустанная

[1]) См. выше: май, стр. 105.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

работа давала себя чувствовать. Въ семьѣ своей онъ не скрываетъ, что онъ уже плохой работникъ, что задуманнаго уже ему не исполнить. Въ перепискѣ съ русскими друзьями звучитъ та же нота — резигнація. Его любимое выраженіе теперь въ письмахъ: „наступаетъ время — vela contrahere“, т. е. „паруса собирать“. Не скрываетъ онъ своего состоянія и отъ немногихъ своихъ чешскихъ корреспондентовъ.

„Я, — пишетъ Шафарикъ, лѣтомъ 1844 года, Шемберѣ, — своимъ нынѣшнимъ состояніемъ недоволенъ, и мнѣ очень больно, что въ литературѣ уже такъ усиленно, какъ раньше, я работать не могу. Но этого измѣнить нельзя“! То же признаніе уже малой своей пригодности онъ исповѣдывалъ и въ тѣсномъ кругу своихъ. Старшій сынъ его, покойный профессоръ въ Прагѣ, В. Шафарикъ, передавалъ однажды намъ, что отецъ, при приближеніи пятидесятаго года, какъ-то замѣтилъ своей женѣ, что до этого времени онъ предполагалъ главнымъ образомъ собирать матеріалы, а затѣмъ уже приступить къ настоящей работѣ; но что теперь, когда этотъ срокъ на лицо, онъ видитъ, что все, что онъ сдѣлалъ *дѣльнаго*, сдѣлано раньше: „отнынѣ я уже не надѣюсь сдѣлать что-нибудь порядочное; чувствую самъ, что силы слабѣютъ“.

1848-й годъ вызвалъ Шафарика, какъ было упомянуто выше, на минуту на политическую арену. Хотя русскій корреспондентъ Ганки, извѣстный Анатолій Демидовъ, въ сентябрѣ 1848 года, изъ своего Санъ-Донато, и удостовѣрялъ его, что „человѣческая проницательность становится въ тупикъ“ предъ вопросомъ — гдѣ остановится современное волненіе; что одному Богу извѣстно, что̀ выйдетъ изъ хаоса бурныхъ страстей; — но оно остановилось скоро, и 1849-й годъ открылъ въ Австріи тяжелое десятилѣтіе, истинно „свинцовое“. Спаситель трона понесъ и казнь [1]).

Шафарикъ тѣмъ старательнѣе замкнулся въ себя, въ свою

---

[1]) Не того ожидала отъ того же „хаоса“ для славянъ одна изъ русскихъ дамъ, изъ дипломатической сферы, знакомая съ Австріей лично. „Я,—пишетъ Ганкѣ баронесса Медемъ, рожд. Балугьянская, изъ Дрездена, 21-го мая 1848 г.,—весьма желаю знать, каково ваше теперешнее положеніе? Я съ участіемъ читала въ газетахъ подпись вашу въ протестаціи. Тамъ нашла я нѣсколько знакомыхъ именъ—Палацкій и др. Я такое имѣла сильное убѣжденіе, что наши славяне возстанутъ съ успѣхомъ, что немедленно послѣ парижскихъ происшествій я ежедневно это ожидала и здѣсь предсказывала. Мнѣ многіе смѣялись и сомнѣвались; но, бывши въ столкновеніи съ славянами въ Прагѣ и Пештѣ, я поняла ихъ духъ. Имена Шафарика и Ганки должны были всплыть... Славянамъ, кажется, предстоитъ слава *спасти* древній *престолъ* римскаго императора. Не могу не радоваться отъ души, что родное беретъ верхъ, и вѣрьте: русскіе и славяне теперь сблизятся. Всѣ народы имѣли *свою очередь* и владычествовали надъ вселенной; пришла и наша очередь“.

раковину. Вопросъ объ историческомъ славянскомъ письмѣ, особенно глагольская азбука, вопросъ, имѣвшій самое посредственное отношеніе къ второй части „Славянскихъ Древностей“, занялъ теперь его. Недавніе вопросы языка оставлены. Шутя, въ современномъ (1846 г.) къ Погодину письмѣ, онъ нѣкоторыя свои работы по языку называетъ допотопными (въ виду привлеченія санскрита); но онѣ встрѣчены были сочувственно самимъ основателемъ сравнительнаго языкознанія, Боппомъ въ Берлинѣ. Даже во время прогулокъ за Прагой онъ любилъ, по словамъ Томка въ „Мемуарахъ“, говорить о новомъ направленіи языкознанія. Отложены были въ сторону и любимыя картографическія работы — именно, надъ спеціальной картой южныхъ славянъ,— начатыя за двадцать лѣтъ назадъ.

Виновникомъ этого переворота въ кабинетныхъ работахъ Шафарика, какъ и виновникомъ переворота въ самой славянской наукѣ по вопросу объ азбукахъ у славянъ, былъ извѣстный Григоровичъ, тотъ „арменистъ“ изъ Казани, который, изъѣздивъ европейскую Турцію, въ концѣ 1847 года явился въ Прагу съ безцѣннымъ багажемъ — съ глагольскими рукописями, кирилловскими, отъ самаго стараго времени. Прочтенный имъ рефератъ въ Прагѣ объ открытіяхъ въ Турціи, особенно на Аѳонѣ и въ Македоніи, словесныя сообщенія, демонстрація привезенныхъ хартій старины, все это чарующе дѣйствовало на Шафарика; возникали новые вопросы, зароились новыя мысли. Самое появленіе Григоровича въ Прагѣ было предварено самыми возбудительными сообщеніями.

„Теперь,—пишетъ Ганкѣ о. Раевскій изъ Вѣны, 6 февраля 1846 г.,—гоститъ у насъ г. Григоровичъ, прибывшій изъ Константинополя, Св. Горы и турецко-европейскихъ владѣній. Много, очень много онъ собралъ интереснаго и подѣлится своею находкою съ вами, только еще не скоро. Отсюда онъ отправляется на югъ, потомъ опять въ Угры (Венгрію) и послѣ уже въ Чехи. Напередъ вамъ его рекомендую“. За Григоровичемъ находки какъ бы шли слѣдомъ. „Много сдѣлалъ и много здѣсь открылъ,— пишетъ Раевскій 2-го апрѣля,—особенно документовъ на греческомъ языкѣ XIII и XIV столѣтія, касающихся исторіи болгаръ, валаховъ и русскихъ. Эти сокровища были въ здѣшней библіотекѣ, но никто не зналъ ихъ или не хотѣлъ знать. Трудолюбивый человѣкъ и съ большимъ запасомъ знаній“. Авторъ выражаетъ искреннее сожалѣніе, что такому выдающемуся ученому путешественнику нельзя надолго оставаться среди славянъ юга и странствовать „съ меньшими затрудненіями“. Безъ сомнѣнія,

сообщенія нашего посольскаго священника Ганкѣ не остались тайной для Шафарика.

Одинъ Шафарикъ могъ вполнѣ оцѣнить и оцѣнилъ достоинства литературныхъ открытій и соображеній Григоровича, и Казань, послѣ того какъ счастливый обладатель драгоцѣннѣйшихъ глагольскихъ листовъ и разнаго стариннаго „хлама“ водворился тамъ въ своемъ университетѣ, стала для Шафарика своего рода магнитомъ: туда его всего потянуло. Вѣдь тамъ и цѣлый евангельскій глагольскій кодексъ, и такая крупная часть кодекса кирилловскаго, но съ подмѣсью глаголицы, какъ Апостолъ изъ Охриды, помимо мелочей, отдѣльныхъ листковъ. Весь погруженный въ глагольскій вопросъ, чтобы доказать пока равноцѣнность обѣихъ старыхъ славянскихъ азбукъ, Шафарикъ изъ „Записокъ Григоровича“ (т.-е. изъ знаменитаго „Отчета о путешествіи“), предварительно выпуска своихъ статей въ журналѣ музея и отдѣльнаго изданія памятниковъ глагольской письменности, составилъ краткій указатель „глагольскихъ памятниковъ, видѣнныхъ Григоровичемъ въ 1844 — 45 годахъ“. Но они недоступны, какъ въ Турціи: тѣмъ горячѣе было желаніе Шафарика имѣть хоть какой-нибудь доступъ къ казанскимъ кладамъ Григоровича, напр., въ печати.

Уже въ 1848 — 49 году Шафарикъ обращается къ Григоровичу съ просьбой о fac-simile, конечно, изъ его глагольскаго кодекса, и о его трудахъ. Письмо, къ сожалѣнію, не сохранилось; но содержаніе его ясно изъ многорѣчиваго, дипломатическаго отвѣта Григоровича, отъ 8-го іюля 1852 года, т.-е., болѣе, чѣмъ черезъ три года. „По желанію,—отвѣчалъ Григоровичъ,—изготовилъ fac-simile съ возможною точностью. Его имѣлъ честь препроводить въ Академію наукъ и просилъ о доставленіи вамъ. Думаю, этимъ путемъ вѣрнѣе достигнетъ васъ. Письмо ваше 1849 года достигло меня уже въ 1850 году, благодаря неисправности того, кому Михаилъ Петровичъ (Погодинъ) поручилъ передать мнѣ. Тогда, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, былъ въ переѣздахъ и долго не могъ устроиться. Вотъ почему не имѣлъ честь отвѣчать“. Что же касается своихъ личныхъ трудовъ, то онъ сообщалъ, что „ничтожные свои труды напечаталъ частью и буду продолжать печатать; они будутъ касаться *также* церковно-славянскаго языка“ — и только.

Богатый хозяинъ въ Казани какъ будто не понималъ бѣднаго библіотекаря въ Прагѣ, о какихъ трудахъ былъ запросъ къ нему. Стоитъ взглянуть на письма Шафарика къ Погодину послѣ 1848 года, въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, чтобы

видѣть, что одно неустанно занимало Шафарика—не издалъ ли уже чего Григоровичъ изъ своихъ сокровищъ? И отчетъ о турецкомъ путешествіи онъ съ трудомъ раздобылъ лишь къ 1852 году. Нетерпѣливое ожиданіе осталось ни при чемъ.

Очевидно, невелика была корысть для Шафарика отъ знаменитыхъ „находокъ" Григоровича: не щедръ былъ послѣдній въ Прагѣ, еще скупѣе въ Казани. Въ своихъ работахъ по поглощавшему его вниманіе глагольскому вопросу, Шафарикъ былъ предоставленъ самому себѣ да новымъ друзьямъ съ юга, изъ Хорватіи, откуда стали приходить любопытныя вѣсти о новыхъ на мѣстѣ (Далмація) глагольскихъ находкахъ, какъ надпись св. Люціи. Кукулевичъ, Берчичъ были проще и общительны. Клады въ Казани остались при своемъ стражѣ нетронутыми.

Въ такомъ состояніи находился Шафарикъ, когда изъ Петербурга, изъ Академіи наукъ, отъ непріятнаго для Ганки „грубаго нѣмца", послышался симпатическій, привѣтливый призывъ, нѣсколько напомнившій ему объ эпизодѣ, имѣвшемъ мѣсто въ его жизни почти четверть вѣка назадъ и долго ему памятномъ: —„Поработайте для Россіи".

XIII.

Въ маѣ 1846 г., умеръ петербургскій славистъ Прейсъ, по Шафарику, предреченный преемникъ Востокова въ Россіи. По словамъ сына Войтѣха, отецъ всегда любилъ вспоминать о Прейсѣ, какъ о выдающемся человѣкѣ: отъ него наука можетъ ожидать многаго. Покойный профессоръ хорошо помнилъ русскаго гостя у своего отца, какъ онъ былъ уже съ просѣдью, худъ и угрюмо-молчаливъ. Одному Ганкѣ онъ былъ не по вкусу, и его другъ Срезневскій уже въ одномъ изъ первыхъ харьковскихъ писемъ даже упрекаетъ Ганку, что онъ напрасно думаетъ худо о Прейсѣ: „сколько его знаю, это благородный человѣкъ". Петербургскій ректоръ Плетневъ, въ краткомъ некрологѣ Прейса, отмѣтилъ, что и русскіе, и иностранцы, занимающіеся славянскою филологіей, признавали его у насъ „первымъ знатокомъ общаго ихъ дѣла", что его библіотека—„рѣдкое въ своемъ родѣ сокровище". (Сочиненія, II, 209).

Прейсъ и внѣшними пріемами своихъ работъ воспроизводилъ Шафарика.

„Библіотеку Прейса покупаетъ петербургскій университетъ, а бумаги его на рукахъ у проф. Куторги,—пишетъ Срезневскій

Ганкѣ, въ мартѣ 1847 года.—Я разсматривалъ ихъ и чуть не плакалъ о томъ, что мы такъ рано лишились этого незамѣнимаго ученаго. Пріуготовительныхъ работъ сдѣлано у него множество, веденныхъ съ отличнымъ знаніемъ дѣла, съ аккуратностью, съ добросовѣстностью; но, кажется, ничто не окончено; куда ни заглянешь, все одни матеріалы... Что меня болѣе всего изумляетъ—его здѣсь не всѣ цѣнили, какъ бы надобно было ожидать. Вотъ что значитъ не заботиться о томъ, чтобы товаръ лицомъ продать. Кто не имѣлъ случая сблизиться съ Прейсомъ и понять его, тотъ его не узналъ и не оцѣнилъ; а между тѣмъ, не только не было, и нѣтъ, но едва ли скоро и будетъ у насъ такой профессоръ славянскихъ литературъ, каковъ былъ Прейсъ. Въ немъ все было, что нужно для этого: и ученость, и метода, и любовь къ дѣлу, и характеръ. Развѣ Григоровичъ заставитъ забыть о потерѣ Прейса".

Срезневскій и Прейсъ совершили вмѣстѣ свое славянское странствованіе. Но кто же замѣнилъ „незамѣнимаго"?

„Пишу письмо вамъ,—обращается Срезневскій къ пражскому другу,—по особенному случаю, которое, противъ моей воли, все должно касаться одного меня?" Сообщивъ о смерти Прейса, онъ продолжаетъ: „Послѣ борьбы съ самимъ собою и разсужденій съ родными, я рѣшился занять его мѣсто, а желая искать его, я прежде всего въ началѣ исканій обратился къ вамъ, въ надеждѣ, что ваше содѣйствіе будетъ въ этомъ случаѣ такъ же дѣйствительно, какъ было тогда, когда я просилъ отсрочки въ путешествіи"! Черными штрихами рисуетъ Срезневскій картину положенія слависта въ Харьковѣ: пособій никакихъ, не только рукописныхъ или старопечатныхъ, но даже и новыхъ печатныхъ, кромѣ личной библіотеки: „до меня славянствомъ никто не занимался", а въ Петербургѣ — сокровища: „историческій лексиконъ старорусскаго языка, для котораго я собираю матеріалы, не можетъ не оставаться только безсвязнымъ сборникомъ, грамматика старорусская также". Конечно, помѣхою онъ никому не можетъ быть,—развѣ что явится кто-либо съ запада. Срезневскій имѣлъ въ виду исторію съ докторомъ Подлипнымъ, для Кіева, подысканнымъ у Ганки.

„Итакъ, рѣшившись искать, пишу прежде всего къ вамъ: примите участіе, добрый другъ, и напишите министру (вы уже, конечно, радовались, что Государь наградилъ его саномъ графа). Напишите, какъ вамъ скажетъ ваше сердце, ваша память обо мнѣ... Напишите подробнѣе министру обо всемъ, не забывши, что я могу искать мѣсто въ Петербургѣ не для столичныхъ раз-

влеченій, которыми и пользоваться не въ состояніи, да и охоты не имѣю. Много обяжете меня вашимъ ходатайствомъ и, пожалуйста, поспѣшите. Если можете и еще черезъ кого-нибудь дѣйствовать на министра, то потрудитесь употребить въ дѣло и это: лишняя рекомендація не мѣшаетъ. Въ полной надеждѣ на ваше содѣйствіе, не могу не ждать чего-нибудь добраго. Прощайте".

Это было 9-го августа 1846 года. Прибавимъ, что въ вопросѣ объ упоминаемой здѣсь отсрочкѣ первое письмо друга Ганки къ Уварову, тогда еще не графу, написано собственноручно Срезневскимъ и исполнено хвалы себѣ и лести, что жаркая любовь къ ученымъ занятіямъ—свидѣтельство, „съ какимъ искусствомъ изволите избирать людей на службу отечеству". Въ поданномъ прошеніи петербургскому попечителю, Мусину-Пушкину, главный мотивъ—„сокровища петербургскихъ библіотекъ". Какъ видно изъ бумагъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, попечитель представлялъ гр. Уварову, что всѣ собранныя имъ отъ разныхъ лицъ свѣдѣнія говорятъ въ пользу Срезневскаго, почему 2-го сентября онъ отвѣчалъ ему, что весьма желательно видѣть его въ Петербургѣ. Въ виду этихъ смотринъ разрѣшено было Срезневскому прибыть въ столицу, по дѣламъ службы, пока безъ перевода.

На масляной 1847 года, Срезневскій читалъ вступительную лекцію въ петербургскомъ университетѣ, а затѣмъ продолжалъ среди общаго возрастающаго успѣха.

Въ первомъ петербургскомъ письмѣ къ своему ходатаю, въ своемъ отчетѣ, Срезневскій сообщаетъ Ганкѣ, что въ числѣ слушателей на студенческихъ скамьяхъ онъ имѣетъ и графа Уварова, и Мусина-Пушкина, и сановниковъ меньшаго ранга; что по окончаніи одной изъ лекцій гр. Уваровъ похвалилъ „изыскательное" направленіе его преподаванія, дѣлающее изъ изученія славянства науку, „достойную изученія". „Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній, — продолжаетъ Срезневскій отчетъ, — для меня столько же лестныхъ, сколько и незабвенныхъ, графъ прибавилъ: „я очень доволенъ". Вы понимаете, какъ высоко я цѣню это слово, какою незаслуженною наградой его считаю. Счастьемъ имѣть у себя на лекціи графа я обязанъ внимательности Мусина-Пушкина; но, гордясь этимъ для себя лично, еще болѣе радуюсь вниманію нашего правительства къ наукѣ о славянствѣ, наукѣ, не имѣющей для насъ такого интереса современности, какъ у васъ".

Но русскій Шафарикъ, покойный Прейсъ, никогда науку не смѣшивалъ съ политикой; уважая Ганку, воззрѣній его не дер-

жался, почему стихами Коллара и славянскихъ поэтовъ-романтиковъ своихъ лекцій не уснащалъ.

XIV.

Въ 1842 году, Россійская Академія, столь памятная Шафарику, отошла въ вѣчность, вслѣдъ за своимъ президентомъ, Шишковымъ. Ее смѣнило Второе отдѣленіе Императорской Академіи наукъ, или такъ-называемое Русское. Кое-кто изъ стариковъ вошелъ въ новую, научную сферу. Но перемѣнился ярлыкъ, а мертвенное направленіе осталось прежнее. Стоитъ просмотрѣть тощую книжечку „Отчета“ за первыя десять лѣтъ, чтобы удостовѣриться въ этомъ, а между тѣмъ классическое изданіе Востокова Остромира принадлежитъ личному почину. Всезнающій Давыдовъ, полу-поэтическій Плетневъ давали тонъ. Русское отдѣленіе дремало, при слабыхъ признакахъ жизни, и на сторонѣ могли бы сказать, что оно не противорѣчитъ своему наименованію для того времени.

Правда, извѣщая Ганку о выходѣ въ свѣтъ труда Второго отдѣленія Академіи — Словаря церковнославянскаго и русскаго языка — въ письмѣ отъ 1-го февраля 1848 года, Срезневскій ставитъ его довольно высоко: „онъ вышелъ, какъ самое замѣчательное явленіе русской литературы въ эту зиму, въ большихъ четырехъ томахъ, и очень кстати дополняетъ собою небольшое число хорошихъ словарей славянскихъ“. Но никто его не поставитъ на ряду съ польскимъ словаремъ Линде или чешскимъ Юнгмана. Пріемы его были старые, а главное — этотъ словарь былъ ни того, ни другого языка. Но Срезневскій могъ быть стѣсненъ и своимъ нѣкоторымъ участіемъ въ Словарѣ, и перспективой недалекаго будущаго. „Еще позволю себѣ, — пишетъ онъ въ томъ же письмѣ Ганкѣ, — вспомнить о моемъ словарѣ болгарскомъ... Авось либо и издамъ его, и тогда, надѣюсь, сама собою распадется мечта нѣкоторыхъ ученыхъ, что болгарское нарѣчіе есть то же, что старославянское. Ясно будетъ, что два эти нарѣчія сами по себѣ... Доказывать противное можно, не близко зная дѣло, а изъ-за чего, право, не понимаю. Мы съ Надеждинымъ покамѣстъ двое держимся понятія объ отдѣльности болгарскаго нарѣчія; но и Академія уже склоняется понемногу къ тому же понятію. Мнѣ давали просмотрѣть предисловіе къ академическому Словарю и приняли мои замѣчанія объ этомъ вопросѣ. Очень жалѣю, что Надеждинъ не былъ въ это время

въ Петербургѣ, и что безъ него мнѣ не хотѣлось выражаться слишкомъ рѣшительно". Его антагонистъ, Билярскій, былъ слишкомъ аподиктиченъ своимъ лаконическимъ: „а надобно", въ своихъ „Судьбахъ церковнаго языка" (1847 г.). Впрочемъ, этнографія предисловія—крайне путанная.

Въ апрѣлѣ 1849 г., Срезневскій сталъ адъюнктомъ Академіи, въ ноябрѣ 1851 г.—экстраординарнымъ, и мертвенное отдѣленіе измѣнило себѣ: началась кипучая, по выраженію его біографа, академика Бычкова, дѣятельность новаго академика.

Второе отдѣленіе Академіи начинаетъ дышать—такъ оповѣщалъ Погодина глава его, бывшій профессоръ математики въ Москвѣ, И. И. Давыдовъ, въ декабрѣ 1852 года. Конечно, Давыдовъ имѣлъ въ виду изданіе, при отдѣленіи, „Извѣстій", журнала, начавшаго выходить въ этомъ году подъ редакціей энергическаго Срезневскаго.

Какъ органъ интересовъ русско-славянской науки, „Извѣстія" имѣли въ виду участіе и всѣхъ лучшихъ силъ, среди славянъ Запада. „Со всѣми славянскими учеными вошли мы въ сношенія", —писалъ тотъ же Давыдовъ Погодину;—по крайней мѣрѣ, Русь будетъ знать о существованіи Второго отдѣленія". Между этихъ ученыхъ Шафарикъ опущенъ быть не могъ: вѣдь еще вчера, въ глаза Срезневскому и въ пику ему, Билярскій объявилъ его гигантомъ науки, въ своихъ „Судьбахъ",—и, конечно, съ правомъ.

Дѣйствительно, обращеніе къ Шафарику со стороны Академіи было. Но въ своемъ отвѣтѣ Шафарикъ ограничивался общею признательностью, такъ что Срезневскій могъ пойти ужъ очень далеко. „Съ особеннымъ любопытствомъ,—писалъ Шафарику по поводу его отвѣта Срезневскій,—читали мы въ Академіи письмо ваше и, къ сожалѣнію, начитали въ немъ что-то вродѣ отказа участвовать въ трудахъ нашихъ. Это было грустно; но мы не перестаемъ надѣяться", т.-е. на сотрудничество, а переводить будутъ студенты—правильно и изящно.

Надежды и оправдались. Но это самое обстоятельство, на первое уже знакомство, послужило источникомъ нежданной и незаслуженной непріятности для Шафарика.

Мы видѣли, что въ данную эпоху Шафарикъ весь былъ поглощенъ старославянской письменностью и, въ частности, приготовлялъ къ выпуску свои глагольскіе тексты. Результаты своихъ наблюденій онъ и послалъ въ Академію для „Извѣстій", на чешскомъ языкѣ, печатая одновременно у себя. Срезневскій благодаритъ за присылку статьи о глаголицѣ, „за доброе обѣщаніе высылать и другія статьи". Статью онъ помѣстилъ, но съ пропусками,

обрѣзанную, а предъ авторомъ ея извинялся, что онъ вынужденъ былъ на это обстоятельствами: „Небольшія сокращенія,—писалъ редакторъ 27-го февраля 1853 г.—въ вашей статьѣ о глаголицѣ были слѣдствіемъ типографской необходимости". Энергіи было много, а указаніе — едвали съ основаніемъ. Какъ ни привыкъ Шафарикъ къ уколамъ жизни, но онъ не могъ быть признателенъ Академіи за цензуру его мыслей, высиженныхъ его долгимъ и упорнымъ трудомъ. Не одинъ увлекающійся Бодянскій, но и такого критическаго ума человѣкъ, какъ Билярскій, какъ преданный ученикъ сатанински-гордаго Копитара, Миклошичъ въ Вѣнѣ, признавали въ Шафарикѣ авторитетъ учителя.

Въ результатѣ, Шафарикъ не участвовалъ болѣе въ трудахъ Академіи, „другихъ статей" не посылалъ, отчасти для упражненія слушателей Срезневскаго въ университетѣ и педагогическомъ институтѣ.

Итакъ, отъ русской стороны особенно лестнаго вниманія къ Шафарику не было; но оно вышло отъ иной, отъ „нѣмецкой", отъ того „грубаго нѣмца", на котораго такъ плакался въ свое время предъ Уваровымъ Ганка,—отъ Назарета.

XV.

„Извѣстія" Второго отдѣленія Академіи шли своимъ чередомъ, пріобрѣтая все болѣе значенія, особенно часть библіографіи и критики, отдѣлъ спеціальнаго вниманія редактора, когда среди группы членовъ *иного* отдѣленія, историческаго, возникла мысль — попытать прямо привлечь углубившагося въ себя Шафарика на ученую службу Россіи, но путемъ умнымъ, осторожнымъ, со словами: „учителю, учи насъ"! Тутъ было не призваніе въ Россію, какъ это было четверть вѣка назадъ, а приглашеніе послужить Россіи.

Старый другъ Шафарика, Погодинъ, не годился на эту славянскую миссію. Всегда политикъ, Погодинъ въ эпоху надвигавшейся грозы, съ разгромомъ Севастополя въ финалѣ, весь окунулся въ политику и, увлекая въ свою вѣру Шафарика, просто раздражалъ его,—какъ это было замѣчено раньше—своими приставаніями, навязываемыми чувствами. „Я, — не безъ рѣзкости отвѣчалъ Шафарикъ, въ началѣ крымской войны,—для глупостей такого рода, какъ война, политика и все, что̀ съ этимъ соединяется, разъ навсегда мертвъ, умеръ; одна только растущая людская нищета близка моему сердцу. Я далъ вѣчный обѣтъ

вѣрности своей кроткой богинѣ—музѣ грамматики. Вы сравнительно со мной юны". Разгуляй и Прага для Погодина — одно.

Но у „юнаго" Погодина былъ въ Академіи наукъ еще болѣе юный другъ, въ скромной роли адъюнкта, его талантливый ставленникъ. Онъ и рѣшился на смѣлый шагъ приглашенія. Мы говоримъ объ А. А. Куникѣ, этомъ многосторонне образованномъ, благородномъ и рѣдкой души человѣкѣ, еще не такъ давно (18-го января 1899 г.) смежившемъ свои очи.

Нѣмецъ изъ прусской Силезіи, но съ славянской фамиліей (вѣроятно, изъ чешскихъ братьевъ), Куникъ (род. 1814 г.) уже въ лигницкой гимназіи выучился по-польски и занимался мѣстной и польской исторіей. По окончаніи курса въ берлинскомъ университетѣ, онъ былъ въ 1839 году въ Москвѣ домашнимъ учителемъ, затѣмъ сотрудникомъ „Москвитянина", гдѣ помѣстилъ разборъ энциклопедіи Неволина и перевелъ ее по-нѣмецки. Такъ онъ быстро окунулся въ интересы русской науки.

Добрыя отношенія къ славянскимъ ученымъ Запада открылись у Куника довольно рано. Въ августѣ 1842 года, извѣстный сербо-лужицкій публицистъ и „панславъ", Іорданъ, вѣрный теоріи Коллара объ обязательномъ для каждаго образованнаго славянина знаніи четырехъ славянскихъ нарѣчій, на ужасномъ чешскомъ языкѣ пишетъ Ганкѣ изъ Лейпцига: „Д-ръ Куникъ (Kunike), который теперь здѣсь и хорошо знаетъ проф. Погодина, спрашиваетъ—былъ ли у васъ въ Прагѣ послѣдній? Отвѣчайте мнѣ съ первымъ письмомъ. Куникъ долго былъ въ Россіи и *любитъ славянъ*". Что же касается лично Шафарика, то уваженіе къ нему въ кругу такихъ академиковъ, какъ Шёгренъ, стало давней традиціей, еще отъ 30-хъ годовъ, какъ это ярко выступаетъ изъ писемъ—правда, немногихъ—послѣдняго къ автору „Славянскихъ Древностей", по провѣркѣ разныхъ вопросовъ русской древности. Куникъ былъ этого же круга. Въ этомъ же направленіи должны были дѣйствовать и близкія отношенія у Куника къ Погодину.

XVI.

Первымъ поводомъ къ непосредственнымъ отношеніямъ между Шафарикомъ и Куникомъ была твердо засѣвшая у Шафарика мысль—оживить интересъ къ старо-славянской письменности въ большой публикѣ при помощи отливки новой, художественной формы церковно-славянскихъ буквъ, образцы которыхъ онъ и изготовлялъ у себя въ Прагѣ. По пропагандѣ новаго шрифта,

уже зимой 1846 года, Куникъ предоставлялъ себя въ распоряженіе Шафарика. Въ іюнѣ 1847 г., Шафарикъ, посылая Кеппену образцы „изящной“ кирилловской азбуки, писалъ ему, что такую же пробу онъ отправилъ и Кунику, который объ этомъ предметѣ писалъ еще зимою: „прошу, чтобы вы прилагаемое письмо сначала прочли, а потомъ, запечатавъ, любезно сообщили г. Кунику; изъ письма къ г. Кунику узнаете вы больше объ этомъ новомъ шрифтѣ, почему и умалчиваю объ этомъ здѣсь“. Въ письмѣ отъ 6-го сентября 1847 г. къ Погодину, Шафарикъ признавался, что пока образцы новаго шрифта онъ послалъ только ему, Бодянскому и Кунику.

Отъ чисто дѣловыхъ отношеній они перешли къ интересамъ науки. Мы слышали не разъ сѣтованія Шафарика на трудность сношеній съ Россіей по полученію книги, той или другой научной справки, и Куникъ охотно принималъ на себя обязанности корреспондента, при чемъ въ подмогу себѣ приглашалъ Билярскаго.

Такъ, Кеппенъ, отвѣчая Шафарику на запросы его въ письмѣ 24-го октября 1847 года, писалъ изъ Петербурга 7-го мая 1848 г.: „г. Куникъ принялъ на себя исполненіе вашихъ желаній въ письмѣ отъ 24-го октября; согласно его желанію, живущій у него г. Билярскій эксцерптировалъ „Какъ се зову градове“, и я надѣсь, что точно. Такъ какъ ваше письмо я получилъ отъ Куника обратно только 17 (29) апрѣля, поэтому я въ точности не зналъ, о чемъ я долженъ былъ спросить Востокова; но теперь я вижу, что вы желали имѣть нѣсколько обстоятельныя свѣдѣнія о мѣсячной Минеѣ XI-го вѣка; поэтому я не премину спросить друга Востокова и, по полученіи отвѣта, васъ извѣстить“.

Къ этому письму Кеппена была приложена собственноручная записочка самого Куника, на грубой желтой бумагѣ, писанная ужасающимъ швабахомъ (Кеппенъ пользовался латинскимъ письмомъ, какъ и Шафарикъ), съ помѣткой Кеппена, что получена 17 (29) апрѣля 1848 года. „Я,—писалъ Куникъ,—посылаю вамъ письмо Шафарика и требуемый имъ эксцерптъ, который точно сдѣланъ г. Билярскимъ. Но такъ какъ Востоковъ рукописи „Легенды“ не имѣетъ у себя дома, то будетъ лучше всего—послать г. Шафарику, помимо краткаго мнѣнія Востокова, и болѣе обстоятельное описаніе; его я и отправлю на будущей недѣлѣ, такъ какъ я и безъ того собираюсь писать Шафарику“.

Наконецъ, обязательный Куникъ съ тою же охотой былъ посредникомъ между русскими друзьями и Шафарикомъ по доставкѣ книгъ. Извѣщая, что этнографическая карта Россіи будетъ го-

това не ранѣе конца года, Кеппенъ предварительно чрезъ Куника посылаетъ Шафарику свой этнографическій мемуаръ о Финляндіи. „Такъ какъ вы, — пишетъ Кеппенъ 16-го апрѣля 1847 г. изъ Петербурга, — интересуетесь этнографическими изслѣдованіями, то полагаю, что долженъ послать вамъ и мою обстоятельную работу о Финляндіи въ этнографическомъ отношеніи. Извлеченіе изъ нея вы получите чрезъ моего товарища Куника. Самую работу я отправлю къ книгопродавцу Фоссу въ Лейпцигѣ, съ просьбой при случаѣ послать ее вамъ". Наоборотъ, такимъ же любезнымъ посредникомъ былъ Куникъ и между Шафарикомъ и его друзьями въ Россіи, какъ это видно изъ письма къ Погодину въ октябрѣ 1853 года.

XVII.

Въ извѣстной группѣ академиковъ Третьяго отдѣленія, съ Куникомъ во главѣ, былъ поднятъ, какъ очередной вопросъ русской науки, — о древнемъ бытѣ славянъ, — т.-е. вопросъ, разрѣшить который обѣщалъ Шафарикъ во второмъ томѣ своихъ „Славянскихъ Древностей", въ частности же о славянскомъ юридическомъ бытѣ. Можетъ быть, поводомъ для нихъ къ поднятію этого вопроса было изданіе Шафарикомъ „Памятниковъ древней письменности южныхъ славянъ". По крайней мѣрѣ, Средневскій, въ концѣ февраля 1853 года, признается ему, что его глагольскій сборникъ пробудилъ живѣйшее участіе среди нашихъ ученыхъ, занимающихся славянскими древностями, что ждутъ его съ нетерпѣніемъ, какъ и новаго изданія „Памятниковъ": „ихъ не успѣлъ достать почти никто, а между тѣмъ ихъ важность понята не только филологами, но и *юристами;* для послѣднихъ, впрочемъ, можно сказать, необходимы *объясненія.* Какъ бы хорошо было, еслибы къ новому изданію вы приложили хоть *объяснительный словарь*".

Но въ самомъ обращеніи указанъ иной поводъ — слухъ, что добромысленный Мацѣёвскій собирался приступить ко второму изданію своихъ хаотическихъ „Славянскихъ праводавствъ". Впрочемъ, не забудемъ, что къ началу 50-хъ годовъ относится появленіе въ нашей литературѣ изданія Калачовымъ цѣлаго „Архива историческихъ и юридическихъ свѣдѣній", — для изученія „внутренняго быта Россіи", и труды въ немъ Ундольскаго, — свѣдѣнія для словаря *юридическихъ* и техническихъ терминовъ изъ древнихъ русскихъ памятниковъ и др.; что вообще оживились старые юридическіе интересы Иванишева.

Мы видѣли, что Шафарикъ трудными условіями работы вынужденъ былъ, до времени, ограничиться продолженіемъ собиранія матеріаловъ для второй части. Вниманіе его сосредоточено было на этнографіи, на языкѣ, на первой славянской письменности, — задачи, которыя на второмъ мѣстѣ входили въ общій планъ второй части, а собственно славянскій бытъ отодвигался все далѣе и далѣе въ сторону. Но, тѣмъ не менѣе, и въ эту эпоху изъ-подъ пера Шафарика вышелъ цѣлый рядъ мемуаровъ по миѳологіи и—особенно важныхъ—по исторіи права (о выдачѣ, о наслѣдственномъ правѣ). Эти мемуары справедливо можно разсматривать, какъ фрагменты изъ соотвѣтствующихъ главъ будущей второй части. Но, помимо этого, уже въ 1838 году Шафарикъ для извѣстнаго польскаго историка-юриста, Кухарскаго, сдѣлалъ латинскій переводъ сербскаго Законника царя Душана для его свода славянскаго права, съ обширными толкованіями (Monumenta juris Slovenici, стр. 92—226), а затѣмъ, послѣ революціи 1848 года, само австрійское правительство поручило ему главный надзоръ за выработкой славянской *юридической* терминологіи, для разныхъ своихъ славянскихъ народностей.

Правда, въ письмахъ къ друзьямъ въ Россіи 40-хъ годовъ и позже красною нитью проходитъ постоянное утвержденіе, что славянская филологія только и есть что въ Россіи, что на мѣстѣ, т.-е. въ Австріи, нѣтъ ни людей, ни толку. „Вы видите,—пишетъ въ 1852 году Шафарикъ Погодину, по поводу нѣкоторыхъ „*проглодитскихъ*“ трудовъ кое-кого изъ знакомыхъ послѣдняго,—*фантазія* у славянскихъ литераторовъ не вымираетъ“. Славянскія нарѣчія для него, сравнительно съ церковнославянскимъ и русскимъ, это — лужи по отношенію къ океану; для науки достаточны эти два языка (письмо къ Погодину 1850 г.). Но тутъ, конечно, преувеличеніе, комплиментъ, а главное, — тотъ, кто такъ высоко ставилъ насъ въ наукѣ, въ сознаніи нашихъ лучшихъ людей того времени, былъ именно единый полновластный хозяинъ дѣла, единый судья во всѣхъ научныхъ славянскихъ разбирательствахъ. Сошлемся хоть на Буслаева, единственное письмо котораго сохранилось въ бумагахъ Шафарика,—человѣка не отъ стана славянофиловъ—и нѣкоторыхъ другихъ. О взглядѣ Билярскаго мы говорили выше.

Буслаевъ посылаетъ рукопись труда своего студента, Микуцкаго, по сравнительному изученію языковъ. „По настоятельному желанію автора имѣю честь,—пишетъ Буслаевъ изъ Москвы, въ февралѣ 1850 года,—представить вамъ, *какъ главъ славянскихъ*

ученыхъ, его посильный трудъ, въ надеждѣ, что вы порадуетесь тому увлеченію, съ какимъ наша университетская молодежь предается лингвистическимъ изысканіямъ. Сочиненія ваши, братьевъ Гриммовъ, Боппа, читаются и изучаются добросовѣстно и сознательно. Почитаю нелишнимъ васъ увѣрить, что въ предлагаемомъ вашему снисходительному вниманію сочиненіи ни мною, ни кѣмъ другимъ изъ профессоровъ не поправлено ни одного слова. Ваше вниманіе воодушевитъ къ большей дѣятельности молодаго лингвиста и внушитъ его товарищамъ благородное соревнованіе". Но изъ автора ничего путнаго не вышло: говоря языкомъ Шафарика, вышелъ новый „троглодитъ". Иная судьба ожидала его товарища, знаменитаго Гильфердинга.

Юный ученый, выпустивъ свой первый трудъ — о сродствѣ славянскаго языка съ санскритомъ, спѣшитъ отправить его на судъ Шафарику, чтобы повторить Буслаева. „Естественно желаніе,— пишетъ Гильфердингъ изъ Петербурга въ іюнѣ 1853 г.,— имѣть въ ученыхъ работахъ опору и общеніе, и оно, надѣюсь, оправдаетъ меня въ томъ, что, едва начавъ заниматься славянскою наукою, я прямо обращаюсь къ вамъ, ея главѣ и учителю. Одно только могу сказать о своемъ трудѣ: я имѣлъ искреннее стремленіе принести хоть какую-нибудь пользу этой наукѣ, которой вы открыли такое широкое поприще и въ исторіи, и въ филологіи, но въ которой еще мало дѣлателей для разработки того, что вы такъ славно начали".

Наконецъ, преклонился и самъ редакторъ „Извѣстій" Второго отдѣленія, этотъ старый критикъ „Славянской Этнографіи".

Мы видѣли, какъ страстно желалъ Шафрикъ видѣть памятники Григоровича и другіе изданными. Естественно, онъ ожидалъ осуществленія своихъ грезъ отъ Академіи, съ того момента, какъ появленіе „Извѣстій Второго отдѣленія" указало на прибой новыхъ, живыхъ силъ. Въ этомъ смыслѣ — сосредоточиться — онъ подалъ совѣтъ, тѣмъ болѣе, что появившійся въ Прагѣ ученикъ Срезневскаго, болгаринъ Петковичъ, обнаружилъ несостоятельность. Въ своемъ отвѣтѣ Срезневскій благодаритъ за совѣтъ (въ письмѣ 4 іюля 1852 г.), но замѣчаетъ, что есть много причинъ, почему „у насъ такъ мало печатается древнихъ славянскихъ памятниковъ: и горько это, и неизмѣнимо". Оправдываясь изъ-за Петковича, онъ указываетъ, что молодежь много работаетъ для него по древнимъ памятникамъ (конечно, имѣются въ виду Чернышевскій, Пыпинъ, братья Лавровскіе); что каждый день можно найти его студентовъ въ Публичной Библіотекѣ, Румянцовскомъ музеѣ за древними рукописями, и наконецъ

заключаетъ признаніемъ: „Нельзя не благодарить васъ за радушное замѣчаніе и совѣтъ; извлеченіе изъ письма вашего о необходимости изученія памятниковъ я сдѣлалъ извѣстнымъ нашимъ молодымъ филологамъ, которые привыкли уважать васъ, какъ *славу* нашей науки". Извѣстно, что П. Ал. Лавровскій былъ большой почитатель Ганки.

О Бодянскомъ не говоримъ. Шафарикъ для него — „посѣдѣвшій на поприщѣ славянской филологіи, занимающій на немъ первое мѣсто знатока, судіи и дѣятеля" (письмо 15 мая 1855 г.).

Обращеніе Куника къ Шафарику имѣло мѣсто въ 1854 году. Можно предварительно замѣтить, что представитель интересовъ русской исторической науки въ Академіи, благодаря своему образованію, умѣлъ ставить на очередь вопросы. Ему принадлежала задача на академическую премію о византійской хронологіи, и Шафарикъ не ошибся въ своемъ предположеніи о виновникѣ ея, въ одномъ изъ писемъ къ Погодину 1850 года.

20 ноября 1854 года, Куникъ направилъ къ Шафарику милое приглашеніе—освѣжить старину и научить, заполнивъ одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ пробѣловъ славянской бытовой старины, въ нескрываемомъ убѣжденіи, что эта задача подъ силу одному ему, Шафарику.

„Ободряемый нашимъ общимъ другомъ (т.-е. Погодинымъ), который всегда готовъ ревностно служить общему благу, я,—пишетъ Куникъ,—пріемлю смѣлость вступить съ вами снова въ письменное общеніе, и въ настоящемъ письмѣ коснуться предмета, обработка котораго заполнитъ одинъ изъ чувствительныхъ пробѣловъ въ области славянскихъ древностей (der slavischen Alterthumskunde).

„Когда, нѣсколько времени тому назадъ, я узналъ, что Мацѣёвскій собирается выпустить въ свѣтъ новое изданіе своей „Исторіи славянскаго права", тотчасъ же у меня явилась мысль, что ему придется бороться съ одною значительною трудностью, именно съ филологическимъ объясненіемъ такъ-называемыхъ юридическихъ терминовъ. Безъ всякаго желанія унизить заслуги польскихъ и русскихъ юристовъ, я тѣмъ не менѣе питаю твердое убѣжденіе, что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи проложить прочный путь въ области славянскихъ юридическихъ древностей, но что для этой задачи *лишь вы одни* поднялись среди нынѣшнихъ славистовъ!

„Я очень хорошо понимаю, почему вы чувствуете себя болѣе

склоннымъ къ грамматическимъ изслѣдованіямъ. Но вы разрѣшите мнѣ одно замѣчаніе: область общей славянской грамматики и литературной исторіи разрабатывается, хотя и не вездѣ съ значительнымъ успѣхомъ, и другими, тогда какъ дѣло съ юридическими и миѳологическими древностями, помимо отдѣльныхъ, приготовительныхъ работъ, все еще стоитъ очень худо (sehr im Argen liegen). И такъ будетъ еще долго, если *вы* не приложите къ дѣлу своей руки".

Задача формулирована ясно, какъ и причина самаго обращенія. Но корреспондентъ, хорошо зная матеріальное положеніе лица, къ которому направлено обращеніе, не отъ себя, а прикрываясь авторитетомъ общаго друга, весьма деликатно позволяетъ себѣ далѣе указать, что трудъ, вызываемый Академіей, отъ Академіи будетъ и награжденъ, что для этого и мѣры приняты. Конечно, въ устахъ Куника это не приманка.

„Согласно желанію нашего друга, я,—продолжалъ Куникъ,—вмѣстѣ съ этимъ извѣщаю васъ, что по послѣднему Положенію о Демидовскихъ наградахъ могутъ быть увѣнчаны произведенія по славянской филологіи, древностямъ и т. д. на польскомъ или *чешскомъ* языкахъ, даже еслибы авторы ихъ жили внѣ Россіи. Эта прибавка вставлена Академіей единственно и исключительно въ интересѣ славянскихъ изученій. Я вполнѣ увѣренъ, что сочиненіе о славянскихъ юридическихъ древностяхъ было бы принято въ Демидовской коммиссіи съ общимъ одобреніемъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что и помимо преміи могла бы быть предложена сумма, достаточная для покрытія расходовъ по печати, въ томъ случаѣ, еслибы сочиненіе было представлено въ рукописи. Конкурсъ на 1855—56 г. начинается съ 1-го ноября 1855 года".

Такимъ образомъ, отъ Академіи сдѣлано все: въ интересѣ науки — объявлена конкурсная тема; въ интересѣ лица — измѣнены старыя правила, намѣренно расширена область конкурренціи.

Для достиженія желанной цѣли, Куникъ напередъ устраняетъ возможное первое возраженіе своего адресата, что для Академіи важенъ не объемъ труда, а указаніе пріемовъ, закладка фундамента науки. „Можетъ быть, вы возразите намъ, что собранные вами матеріалы еще слишкомъ недостаточны для обработки въ систематической полнотѣ. На это имѣемъ мы (я пишу и отъ имени нашего друга) замѣтить, что отъ перваго ученаго труда по славянскимъ юридическимъ древностямъ и не требуется безусловной полноты терминовъ, подлежащихъ объясненію, равно какъ и развитія всѣхъ тонкостей юридическихъ понятій: прежде всего дѣло

17282
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

идетъ о томъ, чтобы исторія славянскаго права получила прочное филологическое основаніе и почву, а уже потомъ вести самое зданіе и отдѣлку. Можетъ быть, славянскія юридическія древности могли бы быть обработаны такимъ способомъ, который освободилъ бы васъ отъ труда—приводить въ систематическую форму.

„Въ случаѣ, еслибы вы,—заключалъ Куникъ,—почтили меня отвѣтомъ, тогда бы я позволилъ себѣ познакомить васъ, въ интересѣ славянскихъ изученій, ближе съ *нашимъ положеніемъ*. На сегодня я замѣчу только то, что рессурсы нашей Академіи, въ силу реформъ 1849 года, находятся теперь въ столь цвѣтущемъ состояніи, какъ едвали когда прежде. Чего бы нельзя было сдѣлать въ интересѣ чистой наукн, еслибы были здѣсь *болѣе дѣятельныя силы* и предпріимчивый президентъ“! Извѣстно, что гр. Уваровъ вскорѣ умеръ.

Это историческое письмо русскаго академика пролежало пять дней, и 15-го общій другъ, т.-е. Погодинъ, сдѣлалъ съ своей стороны приписку въ нѣсколько строкъ, по-русски, въ цѣляхъ того же убѣжденія, и своимъ, послѣ Герцена, историческимъ слогомъ. „Присоединяю мои искреннія желанія, просьбы и убѣжденія, почтенный другъ! Дайте намъ хоть одни указанія, взгляды, намеки, безъ дальнѣйшей обработки. Пишу къ вамъ изъ Петербурга, куда я пріѣхалъ съ остальными бумагами и вещами, принадлежавшими къ моему древлехранилищу. Осыпанъ отовсюду ласками. О своей медали не безпокойтесь. Постараюсь вскорѣ доставить вамъ нужное. Да благословитъ Богъ васъ и вашихъ. Время наше не благопріятствуетъ музамъ, но мы будемъ дѣлать свое. Patientia victrix! Книги церковныя пришлю вамъ изъ Москвы немедленно. Въ Москву ѣду завтра. Демидовская премія полная—5 тыс. р. асс., половинная—$2^1/_2$. „Памятники южныхъ славянъ“ вы, вѣрно, можете продолжать на иждивеніи Академіи“.

О чемъ только не было говорено здѣсь! Да и любопытенъ самый порядокъ мыслей — въ помощь строгому логическому теченію мыслей въ письмѣ главнаго корреспондента.

Въ заключеніе своего письма, Куникъ дѣлаетъ частный запросъ Шафарику по наукѣ. „Я,—пишетъ онъ,—позволяю себѣ приложить у сего корректурный листокъ, въ которомъ я высказался о происхожденіи русскаго мартовскаго счисленія. *Вы* должны объ этомъ высказаться. Я знаю объ этомъ (о языческомъ происхожденіи русской майской игры) лишь изъ носящагося въ воздухѣ намека г. Бѣляева. Что собственно вы понимаете подъ „киріопаска“ (25 марта, какъ пасха?), я изъ объясненій Пого-

дина понять не могу". А между тѣмъ въ письмѣ къ Погодину отъ 28 сентября (№ 119) Шафарикъ ясно указалъ, что это—день, когда Пасха совпадаетъ съ Благовѣщеніемъ.

Не говоря о тонѣ письма Куника, полномъ самаго высокаго уваженія, обращеніе къ Шафарику—сослужить послѣднюю службу Россіи, русской наукѣ,—обставлено было такъ, что, казалось, полученіе благопріятнаго отвѣта имѣло много за себя. Помимо аппеляціи къ Шафарику, какъ къ единственному авторитету и учителю, въ обращеніи образованнаго академика данъ цѣлый рядъ самыхъ льготныхъ условій для рѣшенія академической задачи, только бы предложеніе было принято. Но вся сила доводовъ, вся деликатность тона и условій были напрасны: отвѣтъ былъ отрицательный.

„Ваше драгоцѣнное письмо отъ 15 ноября,—писалъ Шафарикъ Кунику 2 (14) января 1855 года,—получено мною уже давно (9 декабря). Меня очень обрадовало—читать снова, послѣ долгаго промежутка, строки вашей руки, того, заслуги котораго я такъ высоко цѣню на обрабатываемой нами съ такою любовью литературной нивѣ. Не менѣе пріятно было мнѣ извѣстіе о готовности императорской Академіи поддерживать и награждать чисто научныя работы по славянскимъ древностямъ и филологіи. Я бы охотно отвѣчалъ сейчасъ же, еслибы я могъ написать вамъ что-либо радостное и удовлетворительное въ отвѣтъ на ваше приглашеніе и вызовъ. Этого сдѣлать я и теперь не въ состояніи; но, тѣмъ не менѣе, не желаю и не смѣю оставлять васъ дольше безъ отвѣта.

„О благожелательномъ вниманіи Академіи, которой я обязанъ такой признательностью, я никогда не сомнѣвался. И вамъ я весьма обязанъ за ваше столь снисходительное и лестное мнѣніе о моихъ работахъ. Тѣмъ больнѣе для меня, что я, къ сожалѣнію, не въ состояніи обѣщать вамъ что-либо опредѣленное относительно затронутаго предмета. Я позволю себѣ коснуться лишь вкратцѣ одного пункта, чтобы вамъ было ясно, что мнѣ теперь невозможно и думать о новыхъ сложныхъ литературныхъ предпріятіяхъ.

„Черезъ нѣсколько недѣль я переступаю шестидесятый годъ жизни. Venit enim properata malis inopina senectus! Это, конечно, возрастъ, который и человѣку болѣе крѣпкому, чѣмъ я, напоминаетъ: Vitae summa brevis spem vetat inchoare longam, и опять: Contrahe vela.

„Далѣе, я состою въ утомительной и похищающей время должности, которая требуетъ для себя мое лучшее время дня—

ежедневно пять часовъ. Измѣнить это—безусловно невозможно; ибо начинать теперь снова и искать болѣе удобную гавань, послѣ того какъ я не могъ найти ея въ теченіе сорока лѣтъ, было бы прямо глупостью. Сверхъ того, теперь я почти постоянно страдаю весьма тяжелымъ и безпокойнымъ хроническимъ недугомъ ревматическаго характера. Наконецъ, ко всему этому присоединяются еще самыя гнетущія семейныя заботы.

„Таковы фактическія условія, которыя разомъ теперь или совсѣмъ нельзя измѣнить, или же только съ большимъ трудомъ. О другихъ отягчающихъ обстоятельствахъ для специфически славянскихъ занятій и работъ, *теперь* и *здѣсь*, я предпочитаю умолчать, такъ какъ каждый порядочный человѣкъ (eine feste männliche Seele) долженъ ихъ прозрѣть".

Въ послѣднихъ словахъ—осторожный намекъ на современное положеніе Австріи, въ эпоху Баховскаго абсолютизма. Въ современномъ письмѣ къ Погодину и Шафарикъ прямо признается: „только отъ Австріи ничего не ждите". Это положеніе и обезсмертилъ Гавличекъ въ небольшой пѣсенкѣ о сторонникахъ министра Шварценберга: „Худо, матушка, худо—шварценберговцы здѣсь; одинъ держитъ плеть, а другой читаетъ Отче нашъ",— т.-е. чиновникъ и іезуитъ.

„Что же касается, — продолжаетъ Шафарикъ, — собственно самаго предмета, на обработку котораго вы и другіе друзья въ Академіи вызываете меня, то, признаюсь, я совсѣмъ не такъ оснащенъ для этого, какъ вы предполагаете. Правда, въ 1836—1838 годахъ я кое-что для этого извлекъ и собралъ; но эту свою работу, какъ и нѣкоторыя другія, я, въ омутѣ жизни (im Drange des Lebens) и занятій, окончить не могъ". Въ черновой это мѣсто выражено сильнѣе—„при многихъ невзгодахъ и напастяхъ всякаго рода, которымъ была подвергаема моя дѣятельность". „Съ того же времени появились многіе, очень многіе источники и сочиненія, которые всѣ должны заново быть прочтены и использованы; но это сдѣлать я теперь уже не въ состояніи. Итакъ, solvite senescentem, ne peccet ad extremum ridendus. Близкіе примѣры устрашаютъ".

Итакъ, онъ проситъ освободить старика отъ искушенія и отъ грѣха, т.-е. предъ нами безусловное отклоненіе вызова.

„Несмотря на это,—продолжаетъ онъ,—пожалуйста, вы не думайте, что я погрязъ совсѣмъ въ бездѣятельности. Насколько могу, я продолжаю работать. Но если я еще долженъ быть сколько-нибудь полезенъ своимъ перомъ, то это можетъ относиться только къ тѣмъ работамъ, которыя я еще въ состояніи одолѣть.

Славянскую же археологію и т. д. я долженъ уже предоставить болѣе юнымъ, болѣе крѣпкимъ силамъ: онѣ, я вполнѣ увѣренъ, появятся скоро. Я же, если только Господь сохранитъ мнѣ еще жизнь и свѣжесть духа, буду трудиться, насколько это возможно въ моемъ положеніи. Во всякомъ случаѣ, мои матеріалы и собранія оставляются въ пользованіе этимъ, болѣе юнымъ, силамъ.

„Сердечно благодарю,—заключаетъ Шафарикъ,—васъ за то благоволеніе, которое оказываете вы въ вашемъ письмѣ; сохраните же его неослабнымъ и впредь. Прошу передать мой сердечнѣйшій привѣтъ всѣмъ нашимъ друзьямъ—академикамъ и сотрудникамъ. Отъ нашего уважаемаго друга Погодина въ Москвѣ не получилъ ни строки съ 15 ноября. Пожалуйста, извѣстите его объ этомъ, или, буде возможно, сообщите ему это письмо для прочтенія, ибо я самъ не знаю, буду ли я въ состояніи, и когда, писать ему".

Итакъ, всѣ разсчеты и планы академическихъ друзей рушились: отказъ Шафарика былъ безповоротный.

Съ благородной откровенностью Шафарикъ открывалъ себя настежь предъ Куникомъ, свое положеніе, душу: наступало-молъ для него то время, когда ужъ поздно искать новыхъ, лучшихъ условій для остающагося конца жизни. Друзья-академики въ Россіи опоздали съ своими благородными заботами о судьбѣ историческаго учителя. Но, какъ увидимъ сейчасъ, и послѣ отказа тамъ не отказались отъ надеждъ, и во главѣ, конечно, стоялъ иниціаторъ всего этого дѣла по вызову Шафарика, Куникъ: — уменьшимъ размѣры задачи — такъ полагали въ Академіи — и, авось, послѣдуетъ согласіе.

XVIII.

Какъ видно изъ соображенія датъ, Куникъ, вслѣдъ за полученіемъ отказа отъ Шафарика, повторилъ приглашеніе. Къ сожалѣнію, это письмо петербургскаго друга отсутствуетъ въ нашихъ матеріалахъ. Но, помимо другого, о немъ говоритъ Шафарикъ въ письмѣ къ Погодину 8 мая 1855 года, а именно, что онъ не могъ еще собраться, но вскорѣ будетъ отвѣчать Куникъ. Дѣйствительно, Шафарикъ отвѣчалъ, но очень кратко, чтобы обстоятельный отвѣтъ дать лишь къ концу года — 23 декабря 1855 г. (нов. ст.). Какъ увидимъ сейчасъ изъ письма 23 декабря, Куникъ въ своемъ отвѣтѣ на отказъ, помимо главной темы, поставилъ новые вопросы по славянской палеографіи, несомнѣнно

вызванные какъ извѣстной диссертаціей Бодянскаго на эту тему, такъ и палеографическими снимками, изданными московскимъ университетомъ въ свой юбилей; но эти запросы какъ-разъ совпали съ открытіемъ въ стѣнахъ самой Праги, въ библіотекѣ мѣстной капитулы, листковъ старой глаголицы. Замѣтимъ, что въ тотъ же день, 23 декабря, Шафарикъ писалъ и Погодину, и начало обоихъ писемъ посвящено этому важному и въ личной жизни его открытію неожиданной православной старины (по содержанію). Онъ объявлялъ Погодину, что вопросъ о славянскихъ азбукахъ долженъ подлежать новому пересмотру, но съ осторожностью и критикой.

Но обратимся къ самому письму 23-го декабря.

„Когда я недавно писалъ вамъ, я находился въ такомъ состояніи, что долженъ былъ быть очень кратокъ, и обѣщалъ вамъ написать позже. Правда, и сейчасъ я не могу войти глубже въ затронутыя вашимъ милымъ письмомъ темы; но я не желаю долѣе откладывать дѣло, въ виду того, что какъ-разъ представляется мнѣ случай сообщить вамъ предварительное извѣстіе о высшей степени важной находкѣ для палеографіи и исторіи славянскихъ письменъ“. Рѣчь идетъ о глаголическихъ листкахъ, упомянутыхъ выше. Въ будущемъ Шафарикъ обѣщаетъ поговорить объ этомъ обстоятельнѣе, а пока переходитъ къ главной темѣ письма Куника—къ упрощенной темѣ о славянскихъ юридическихъ древностяхъ.

„Что касается объясненія (Erklärung) древнихъ юридическихъ памятниковъ, то и объ этомъ отсюда я не могу сообщить вамъ ничего отраднаго. Въ общемъ, я однажды уже писалъ вамъ, что всякія надежды получить что-либо годное и основательное объ этомъ отъ нашего, болѣе юнаго, поколѣнія, должны быть оставлены. Повидимому, вы не вполнѣ освѣдомлены о нашемъ положеніи. Славистика должна здѣсь пасть и скоро упадетъ до нуля. Что же касается памятниковъ права, которыми славяне не бѣдны (я полагаю, они и составляютъ то важнѣйшее, чѣмъ только славяне владѣютъ), то мы должны быть рады, если въ состояніи кое-что изъ этого правильно напечатать, чтобы сберечь для будущаго. Интерпретаторъ долженъ быть за-разъ и филологъ, и юристъ, и къ тому же съ талантомъ: гдѣ же мы найдемъ такого среди славянъ? Наши славянскіе юристы — адвокаты и ябедники. И самъ пресловутый Мацѣёвскій въ Варшавѣ такой же; во всемъ остальномъ онъ — отчаянный невѣжда. Онъ желаетъ теперь доказывать, что старонѣмецкое, кельтское и т. д. право— по происхожденію славянское, тогда какъ мы *основательно* еще

не понимаемъ нашихъ, болѣе позднихъ, правовыхъ книгъ, какъ Книги пана изъ Розенберга, Виндольскій Законъ, Законникъ Душана, и т. д., и т. д. А ученые нѣмецкіе юристы, которыхъ у насъ теперь такая масса, — они разъ навсегда не желаютъ учиться славянскому языку, не желаютъ и слышать ни о чемъ славянскомъ, страшатся болѣе, чѣмъ собаки и змѣи (perhorrescunt cane angueque magis)". Авторъ указываетъ, что проф. Миклошичъ будетъ читать теперь лекціи въ Вѣнѣ о Законникѣ Душана; но это будетъ, и можетъ быть, одна лишь грамматическая интерпретація, слѣдовательно внѣ счета.

„Итакъ,—заключаетъ свой пессимистическій обзоръ наличныхъ славянскихъ силъ для права Шафарикъ,—мы ждемъ свѣта и помощи для подобныхъ вещей отъ васъ и отъ вашихъ краевъ. Здѣсь же мы бѣдны, очень бѣдны во всемъ; вы же богаты и имѣете всѣ средства. Если отъ васъ, вашихъ товарищей и помощниковъ, короче говоря, отъ вашихъ странъ не прольется свѣтъ на эти темныя области древности, то онъ нигдѣ не появится и никогда (nie und nimmer)".

Какъ бы въ приписке къ этому дѣловому письму, Шафарикъ возвращается къ любимой своей затѣѣ—къ отливкѣ художественнаго письма, именно, глагольскаго.

„Здѣсь, — сообщаетъ Шафарикъ, — теперь у Гаазе изготовляется новый глагольскій шрифтъ для хорватовъ и, именно, подъ моимъ наблюденіемъ и руководствомъ. Если Академія не запаслась круглымъ болгарскимъ шрифтомъ, не вполнѣ удовлетворительнымъ, то лучше пообождать, пока я вышлю образцы новаго. Дѣло это я ни въ какомъ случаѣ не оставлю. Хорваты желаютъ напечатать нѣкоторыя изъ своихъ старыхъ глагольскихъ документовъ и правовыхъ памятниковъ, которые все болѣе и болѣе отыскиваются. Такъ недавно открыта новая глагольская грамота отъ 1013 года. И мнѣ сообщены изъ Хорватіи отрывки, которые идутъ необыкновенно далеко въ старину. Но какая польза отъ всего этого!" Говоря послѣднее, Шафарикъ, конечно, имѣлъ въ виду сдѣланную раньше общую оцѣнку ничтожныхъ умственныхъ силъ у славянъ. Но относительно хорватовъ онъ нѣсколько ошибся: его дѣятельный корреспондентъ изъ Хорватіи, извѣстный патріотъ и писатель, И. Кукулевичъ, оказался очень ревностнымъ глашатаемъ стараго національнаго письма: имъ позже былъ изданъ громадный томъ грамотъ глагольскимъ шрифтомъ (кто пользовался имъ?), а католическій священникъ Ив. Берчичъ изъ Задра въ тѣхъ же цѣляхъ издавалъ хрестоматіи, начальныя руководства для школъ.

Письмомъ 23-го декабря 1855 года замыкается небольшая, но содержательная серія писемъ Шафарика къ своему петербургскому другу и почитателю. Когда же Куникъ сдѣлалъ-было позже попытку обновить сношенія, они, какъ увидимъ ниже, остались уже безъ отвѣта.

XIX.

Шафарикъ, видимо, старѣлъ, и жалобы его не были праздным звукомъ. Болѣзни, служба, семейныя заботы удручали его. Правда, въ 1856 году мы видимъ его даже въ Геттингенѣ, за пріемомъ книгъ для пражской библіотеки; но въ слѣдующемъ—физически онъ уже совсѣмъ изнемогающій человѣкъ, хотя при всемъ своемъ старомъ свѣтломъ умѣ. Всегда лишь человѣкъ науки, врагъ политики, Шафарикъ, не безъ участія надоѣдливой назойливости и грубыхъ пріемовъ своего московскаго друга Погодина, какъ бы отворотился отъ Россіи, на полуоборотъ. Отъ лѣта 1857 года сохранились любопытныя замѣтки побывавшаго тогда въ Прагѣ разсудительнаго славянофила А. И. Кошелева; въ нихъ фигура Шафарика предъ нами во весь ростъ: съ одной стороны, видимо дряхлѣющій старецъ; съ другой — та же глубина ума и сила критическаго сужденія.

Кошелевъ подъ 6-е іюля заноситъ въ свой дневникъ, что посѣтилъ свѣжаго, бодраго, отмѣнно радушнаго Ганку, а затѣмъ Шафарика. Послѣдняго онъ нашелъ въ болѣзненномъ и крайне разстроенномъ состояніи. „Виденъ еще отмѣнно умный, исполненный потухающей жизни человѣкъ, но уже развалины того, что нѣкогда было. Ему запрещено писать, читать и даже говорить о предметахъ, могущихъ его волновать. Доктора полагаютъ, что у него водянка въ головѣ".

Черезъ два дня послѣдовалъ второй визитъ, болѣе продолжительный и крайне интересный: „развалины" человѣка обнаружили, по словамъ посѣтителя, силу и умъ. „Мы,—пишетъ Кошелевъ,—говорили довольно. Онъ самъ шелъ на серьезные разговоры, и я не имѣлъ духа съ нихъ своротить. Онъ говорилъ, что теперь народное направленіе серьезнѣе и общѣе, чѣмъ прежде, хотя въ немъ бодрости, силы и генія несравненно менѣе. —Велика бѣда наша, — говорилъ онъ, — что у насъ нѣтъ денежныхъ средствъ; изъ-за границы принимать пособіе—дѣло невозможное. Эти деньги намъ сдѣлаютъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Какъ бы секретно это дано ни было, правительство узнаетъ и

выместитъ. Вы, русскіе, особенно Погодинъ, имѣете всегда въ общеніяхъ съ нами какіе-то политическіе виды: этимъ вы вредите и себѣ, и намъ, и дѣлу. Не заботьтесь о насъ, заботьтесь о себѣ; *встаньте сами на ноги*, и мы постараемся быть чехами и дѣлать общее *славянское* дѣло. Русскихъ чеховъ теперь остается только одинъ—Ганка; онъ—остатокъ прежняго движенія; теперь чехи хотятъ быть *чешскими чехами*. Мы не враждебны, напротивъ, благорасположены къ русскимъ; но входить въ русскіе интересы мы не только не можемъ, но даже и не желаемъ. Движеніе народное продолжается; но оно идетъ глубже“ [1]).

Серьезный разговоръ, широкій охватъ вопроса, не безъ раздраженія при воспоминаніи о Погодинѣ, кроившемъ на свой аршинъ весь міръ; но бесѣда такого рода могла имѣть мѣсто лишь съ разсудительнымъ Кошелевымъ.

Одновременно съ Кошелевымъ посѣтилъ Прагу и старый корреспондентъ Шафарика, Мурзакевичъ изъ Одессы. Въ апрѣлѣ 1858 года онъ пишетъ своему товарищу Бодянскому: „прошлымъ лѣтомъ я побывалъ въ Дрезденѣ, Прагѣ, гдѣ видѣлъ полубольного Шафарика и бодраго Ганку“. Кошелевъ и Мурзакевичъ взаимно подтверждаютъ и дополняютъ другъ друга. Замѣтимъ, что немало глубокаго душевнаго волненія долженъ былъ вынести старикъ, когда уже въ началѣ злополучнаго 1857 года стали выясняться патріотическіе подлоги Ганки, а онъ такъ защищалъ ихъ подлинность, — говоритъ, вынужденно. О нихъ и „фабрикантѣ“ ихъ Шафарикъ ясно говоритъ въ письмѣ къ Погодину, но довѣренно, отъ 22 февраля. „Фабриканта“ по имени онъ не называлъ; но каждый понималъ, что это былъ Ганка, что его подразумѣвалъ Шафарикъ. Черезъ годъ разразилась буря, доведенная „бодрымъ“ Ганкою до обыкновеннаго уголовнаго суда—за „оклеветаніе“. Ганка вышелъ побѣдителемъ, а „анонимный“ противникъ всю послѣдующую жизнь провелъ подъ патріотическимъ гнетомъ. Мы имѣемъ въ виду В. Небескаго, поэта, даровитаго критика и высокообразованнаго человѣка.

XX.

Прошло два съ половиною года, какъ Куникъ получилъ, 23-го декабря 1855 (ст. ст.), послѣднее письмо Шафарика.

Переписка съ русскими друзьями постепенно прекращалась.

---

[1]) Колюпановъ, А. И. Кошелевъ, т. II, приложенія, стр. 151—152.

Послѣднее письмо отъ Бодянскаго носитъ дату 25-го іюня 1857 года. Оно было послано чрезъ проф. Булича съ знаменитой „Исторіей сербскаго языка“ его ученика, А. Майкова, съ выраженіемъ надежды, что этотъ трудъ „сдѣлаетъ честь и ученику, и наставнику“, въ глазахъ „перваго судіи“, и съ московскими новостями: объ оскорбленіи Шевырева гр. Бобринскимъ, почему обновляются „Чтенія“, куда войдетъ масса славянскихъ памятниковъ, о „нашествіи сѣверныхъ варваровъ“ на западъ, между прочимъ о намѣреніи Кошелева посѣтить Прагу и о своемъ—но не удавшемся. Но отвѣта отъ Шафарика не было.

Коротенькія письма къ Погодину еще продолжались почти до конца 1857 года. Трудно читать ихъ безъ глубокаго душевнаго волненія, особенно строки, посвященныя бѣдной семьѣ и отказу отъ умственной дѣятельности. Но послѣ 18-го октября идетъ перерывъ на 14 мѣсяцевъ, и письмо отъ 12-го декабря 1858 г. было послѣднимъ, и на тѣ же темы: семья и отказъ. Оно—отвѣтъ на пустыя сообщенія, будто онъ собирается издать 16 томовъ своихъ сочиненій, написать картину русской исторіи вродѣ Маколеева вступленія, для чего уѣхать въ деревню или въ чужіе края, и пр. А Шафарикъ даже счастливъ былъ, что у порога Праги провелъ нѣсколько недѣль „среди быковъ, коровъ и овецъ“, т. е. на дачномъ воздухѣ, какъ онъ писалъ осенью 1857 года.

Молчаніе было отвѣтомъ и на обращеніе русскаго друга еще изъ-Новаго Сада. Когда Кеппенъ, послѣ промежутка въ шесть лѣтъ, 12-го января 1858 года, снова напомнилъ о себѣ, съ воспоминаніемъ старины и надеждой „лично его обнять“, —отвѣта не послѣдовало.

Отношенія съ Срезневскимъ, всегда сухія, дѣловыя, прекращены еще въ 1855 году. Но петербургскій славистъ еще въ 1842 году предъ своимъ учителемъ Ганкою признавался изъ Вѣны: „собираюсь писать къ Шафарику, да не знаю, о чемъ“.

Юный Гильфердингъ былъ мало интересенъ для старика разбросанностью своего вниманія. Шафарикъ строго осудилъ пріемы его первыхъ трудовъ, сближая ихъ съ методомъ Коллара въ извѣстномъ трудѣ о старой Италіи — „чудовищномъ произведеніи плевелъ и гноя“. Онъ писалъ Мацѣёвскому, что гдѣ исторія слова не можетъ идти отъ ступени къ ступени, отъ вѣтви къ вѣтви, тамъ все теряется во мракѣ и тьмѣ — тутъ и доказывать ничего нельзя. Письменныя сношенія съ нимъ прекращаются еще въ 1856 году. Гильфердингъ не прочь былъ отъ мысли изъ „Павла Павловича“, какъ называлъ Шафарика Срез-

невскій, сдѣлать литературнаго докладчика. Впрочемъ, если старикъ иногда бывалъ болѣе чѣмъ неравнодушенъ къ Гильфердингу, какъ это увидимъ ниже, то по особымъ поводамъ: это былъ конкуррентъ.

Что же касается случайныхъ русскихъ обращеній, то, естественно, для больного старика они были тяготою. В. Безобразовъ (будущій академикъ) изъ Дрездена проситъ (17-го авг. 1857 г.)— назначить ему время, когда онъ можетъ его навѣстить. Извѣстный Гатцукъ, авторъ фантастической малорусской книжки („Ужинок“) и правописанія, въ малорусскомъ письмѣ изъ Кіева, 14-го іюня 1858 года, развиваетъ взглядъ, что малороссы идутъ скорѣе къ славянамъ Запада. Старикъ почему-то нашелъ нужнымъ отмѣтить, и даже по латыни: „не знаю ни автора, ни его книжонки“.

Но постепенное одряхлѣніе больного старика не мѣшало ему оставаться вѣрнымъ старинѣ—грамматической музѣ: интересамъ славянской науки душа его была по старому открыта, а глагольскій вопросъ по старому стоялъ на первомъ мѣстѣ: знакомство съ новыми его источниками, исканіе новыхъ рукописей и пр., затѣмъ, въ связи съ этимъ, начальный текстъ Апостола и др.

Его племянникъ, лекарь Янко Шафарикъ, давно уже поселившійся въ Бѣлградѣ, разыскалъ знаменитую сербскую рукопись такъ называемаго Никольскаго евангелія (перепись съ глагольскаго текста) и въ началѣ 1857 года сообщаетъ дядѣ описаніе и образцы. Но въ письмѣ при этомъ (4-го февраля) онъ какъ бы спѣшитъ успокоить старика относительно появившагося конкуррента въ лицѣ Гильфердинга: „Гильфердингъ оставилъ насъ, уѣхавъ въ Вѣну; у насъ онъ усердно собиралъ и видѣлъ всѣ старыя рукописи, какія только имѣются у насъ — кромѣ Никольскаго евангелія“. Вмѣстѣ съ этимъ, отъ имени владѣтеля послѣдней рукописи, нѣкоего Вукомановича, онъ проситъ дядю, чтобы при упоминаніи о ней въ печати, его не называть, а обозначить просто: пергаментное евангеліе Никольскаго монастыря находится въ Бѣлградѣ, въ частныхъ рукахъ. „Впрочемъ я,—прибавляетъ Янко,—внимательно слѣжу за этою рукописью и не допущу легко, чтобы она исчезла“.

Было упомянуто выше, что отъ начала 50-хъ годовъ завязалась живая переписка и пересылка между Шафарикомъ и Кукулевичемъ, между Прагою и Загребомъ: изъ Загреба пошли на сѣверъ глагольскіе отрывки, снимки, старопечатныя книги, рукописи. Въ эпоху, нами разсматриваемую, Шафарикъ отъ своего хорватскаго корреспондента имѣлъ ту же товарищескую помощь и нравственную поддержку. „Я,—писалъ ему Кукулевичъ

23-го октября 1857 года, — весьма сожалѣю, что немилостивая болѣзнь мѣшаетъ вамъ въ вашей духовной, столь полезной и необходимой для насъ, работѣ; но уповаю на Господа Бога, что вы, съ помощью Всевышняго, который подарилъ васъ славянству для высшей славы и радости, воротите скоро опять свои старыя, прежнія силы, чтобы въ вашихъ неоцѣнимыхъ сочиненіяхъ и работахъ надѣлить насъ тѣмъ, что̀ ожидаемъ и можемъ ожидать единственно отъ васъ". Полный любезности, Кукулевичъ разрѣшаетъ ему глагольскія рукописи удержать у себя, пока нужно, а печатныя книги, „что вамъ я послалъ, помѣстите, какъ небольшой подарокъ отъ меня, въ вашу библіотеку, о чемъ я вамъ уже писалъ раньше".

Знаменитая книга Шафарика, вышедшая въ началѣ 1858 года, о родинѣ и происхожденіи глагольскаго письма — оно и есть дѣло рукъ св. Кирилла Солунскаго, — обязана не одной страницею любезной внимательности Кукулевича. Что касается основного положенія книги изнемогавшаго, но съ свѣтлымъ, яркимъ умомъ старика, — оно почіетъ на незыблемомъ постаментѣ.

Такъ поучительна была и самая послѣдняя бесѣда Шафарика съ людьми, съ міромъ!

XXI.

Среди страданій и терзаній, но въ то же время среди трудовъ и посильной работы мысли, шли дни угасающаго старика. Старыя русскія отношенія уходили все далѣе и далѣе за горизонтъ, затѣмъ были прерваны и забыты. Съ каждымъ новымъ днемъ положеніе Шафарика, физическое и душевное, становилось серьезнѣе. Вдругъ, весною 1858 года, со стороны знакомаго намъ петербургскаго почитателя Шафарика, академика Куника, явилась попытка обновить, освѣжить русскія отношенія. Очевидно, Куникъ невполнѣ отчетливо представлялъ себѣ, что Шафарикъ 1858-го года уже не только не тотъ, что̀ три года назадъ, но даже и при свиданіи съ Кошелевымъ, лѣтомъ 1857 г., онъ физически былъ уже совсѣмъ разваливающаяся храмина, и всякіе счеты даже по наукѣ готовы уйти за его духовный горизонтъ, тѣмъ болѣе случайные.

Куникъ писалъ въ два пріема, съ двухнедѣльнымъ промежуткомъ.

„Я очень радъ, — начинаетъ свое письмо 25-го апрѣля 1858 года Куникъ, — что мнѣ еще разъ представляется снова случай писать къ вамъ, — а именно, появленіе въ свѣтъ сочиненія моего

друга Билярскаго († 1866, въ Одессѣ), отъ котораго я длинный рядъ лѣтъ требовалъ—посвятить себя лингвистическимъ занятіямъ. Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, я вручилъ ему московскую рукопись болгарскаго перевода хроники Манасіи, съ требованіемъ обработать ее въ интересѣ славянской филологіи. Я опускаю ту борьбу, которую я долженъ былъ выдержать тогда, когда Востоковъ, въ 1847 году, присуждалъ Билярскому премію. Къ сожалѣнію, пренія, которыя возникли тогда по этому поводу въ стѣнахъ Академіи, привели моего друга въ настроеніе, слѣды котораго довольно ясно видны въ его разсужденіи о реймскомъ евангеліи. Конечно, теперь Билярскій думаетъ иначе; онъ сдѣлался спокойнѣе, и меня радуетъ, что въ прошломъ году мнѣ удалось, наконецъ, подвинуть его на новое изданіе перваго „Судебъ“.

За первый присѣстъ письмо Куника здѣсь оканчивалось. 8-го мая онъ его продолжаетъ, извѣщая, что цѣлая посылка съ экземплярами „Судебъ“ Билярскаго идетъ въ Прагу: одинъ, съ обѣими частями, лично для Шафарика; другіе же, изъ первой части, онъ долженъ передать въ пражскій музей и въ ученое общество въ Загребѣ или въ Бѣлградѣ.

„Теперь,—продолжаетъ Куникъ,—есть нѣкоторая просьба, конечно, не въ интересѣ лица, а добраго дѣла“, поддержать друга Билярскаго, нравственно, въ его рѣшеніи возвратиться къ наукѣ.

„Вы согласитесь со мною, что пришлось бы очень сожалѣть, еслибы такая сила (eine solche Kraft), какъ Билярскій, вынужденъ былъ снова свернуть съ пути, на который онъ снова вышелъ. Счастливымъ образомъ здоровье его существенно поправилось, а разумная женитьба, на которую онъ только-что рѣшился, скорѣе его способность къ работѣ въ будущемъ усилитъ, чѣмъ ослабитъ. Еще вчера онъ объявилъ мнѣ, что отнынѣ онъ снова рѣшилъ заниматься, и въ ближайшемъ будущемъ онъ желаетъ продолжать печатаніе своего перевода „Введенія“ Вильг. Гумбольдта. Слово же *ободренія* съ вашей стороны очень укрѣпило бы его въ его намѣреніи“. Куникъ проситъ письма для Билярскаго отъ корифея науки, для талантливаго самоучки-семинариста, для дѣйствительно „добраго дѣла“. Онъ сообщаетъ адресъ „наставника-наблюдателя“ въ корпусахъ. „Но если вамъ угодно будетъ, то это письмо, предназначенное ему, заключите въ письмо ко мнѣ, на случай, если вы почтете меня нѣсколькими строками“.

И внѣ стѣнъ Академіи было извѣстно о крайне напряжен-

ныхъ отношеніяхъ между двумя членами Второго отдѣленія—Срезневскимъ и Билярскимъ. Въ первомъ изданіи своихъ „Судебъ“ Билярскій довольно откровенно язвилъ Срезневскаго, который трудъ своего антагониста и пропускалъ къ печати, въ качествѣ цензора. Такъ давно установились эти недобрыя отношенія. Но Куникъ какъ будто и не подозрѣвалъ, что и между Шафарикомъ и Срезневскимъ отношеній близкихъ никогда не было, теперь же цѣлый рядъ лѣтъ они совсѣмъ прекратились,—почему онъ и почелъ необходимымъ предупредить Шафарика, что нравственная поддержка Билярскаго въ данную минуту не вызоветъ со стороны Срезневскаго какого-либо осложненія. „Относительно Срезневскаго,—писалъ онъ,—будьте безъ заботъ. Случай пожелалъ, чтобы экземпляръ новаго изданія „Судебъ“, части первой, Срезневскій получилъ изъ рукъ самого Билярскаго, который ему объяснилъ, что онъ болѣе не полемизируетъ, какъ въ 1848 году, противъ лица, но только оспариваетъ направленія и идеи, съ которыми онъ не можетъ согласиться. Главное поле, на которомъ Билярскій имѣетъ пожать новые лавры, остается, естественно, по преимуществу церковно-славянскій языкъ“.

Теперь Куникъ переходитъ къ старому, дѣловому вопросу о древностяхъ права, даетъ предъ Шафарикомъ отчетъ, что̀ сдѣлано Академіей по этому вопросу, согласно прежнимъ, руководящимъ указаніямъ его.

„Обработка славянскихъ юридическихъ древностей, къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ не сдѣлала ни шагу впередъ. Согласно вашему послѣднему письму (т.-е. отъ 23-го дек. 1855), я говорилъ съ Срезневскимъ, и въ сентябрѣ мы воспользуемся Уваровскимъ конкурсомъ, чтобы посредствомъ премій помочь выясненію этого предмета. Я предположилъ обработку исторіи различныхъ классовъ сельскаго населенія въ древней Руси, а Срезневскій—древне-русскую юридическую терминологію. Я не могъ ему уяснить, что требовать этого за одинъ разъ—слишкомъ много“.

Нѣсколько строкъ онъ посвящаетъ себѣ и своимъ занятіямъ. „Теперь же, наконецъ, я почти одолѣлъ изнурительную болѣзнь, которая долго, долго удерживала меня отъ работъ. Къ сожалѣнію, я постоянно отвлеченъ побочными занятіями отъ текущихъ работъ, а теперь немало занимаетъ меня наша русская библіотека, завѣдываніе которой я принялъ со смерти Коркунова. Въ археографической коммиссіи я печатаю теперь нѣчто въ родѣ продолженія русскихъ грамотъ изъ Риги. Наконецъ, и мое желаніе—перейти къ изданію писцовыхъ книгъ—нашло откликъ.

Савваитовъ приметъ заботы по печати. Равнымъ образомъ обработанъ хронологическій указатель всѣхъ напечатанныхъ на русскомъ языкѣ грамотъ: ихъ около 15.000. Далѣе, я приготовляю къ печати познанскій кодексъ литовскаго лѣтописца, вмѣстѣ съ другимъ, который я раздобылъ здѣсь".

Въ заключеніе письма—два слова объ „общемъ" другѣ и совмѣстныхъ планахъ на лѣто.

„Нашъ другъ Михаилъ Петровичъ на этихъ дняхъ прибылъ изъ Москвы, но затѣмъ куда-то уѣхалъ. Черезъ два дня мы собираемся вмѣстѣ поплыть въ Новгородъ и тамъ заняться древней топографіей. Въ прошломъ году я былъ уже въ Новгородѣ и Старой Ладогѣ, чтобы точнѣе опредѣлить положеніе обоихъ островныхъ бурговъ Рюрика".

Какъ и естественно было ожидать, не послѣдовало отъ Шафарика ни ободряющаго посланія къ академическому „младожену", для будущихъ его лавровъ на полѣ славянскихъ изученій, ни отвѣтнаго письма къ самому Куник у. Недавно еще онъ ожидалъ свѣта отъ Россіи: а теперь самые успѣхи русской науки, а еще менѣе того—бурги Рюрика, занимать его не могли. Отношенія были доведены до нуля, прекращены: недуги старости уже были по сю сторону порога. Можетъ быть, разсудительнаго Куника ввело въ заблужденіе появленіе именно въ началѣ 1858 года книжки о родинѣ глаголитизма: судья, значитъ, не угасъ. Кто печаталъ? Вѣроятно, дѣти.

Если неосвѣдомленъ былъ Куникъ, то тѣмъ простительнѣе было сдѣлать ту же ошибку, и тогда же, А. Тройницкому, старому, еще съ тридцатыхъ годовъ, пріятелю Ганки: онъ былъ только чиновникъ. „Имѣя въ виду,—писалъ онъ 20-го ноября 1858 года Шафарику,—что вы, слѣдя съ постояннымъ вниманіемъ за успѣхами науки въ Россіи, вѣроятно не безъ интереса взглянете на прилагаемую книгу, дающую на первый разъ хотя и неполныя, но зато оффиціальныя и, по мѣрѣ возможности, провѣренныя свѣдѣнія о русской землѣ и русскомъ народѣ; покорнѣйше прошу принять ее отъ имени статистическаго комитета". Въ тридцатыхъ годахъ эта книга была бы находкой, когда онъ, этотъ, по Шегрену, великій знатокъ славянскихъ народовъ, занимался еще „дикими" славянами и остерегалъ Погодина предъ „божественными" варягами [1]),—но не у могилы.

Уже пустымъ звукомъ пронесся откликъ изъ Москвы, когда подъ диктовку стараго кіевскаго корреспондента, въ 1859 году,

[1]) Барсуковъ, Погодинъ, IV, 419.

московскіе писатели соборнѣ вспомнили историческаго дѣятеля Праги.

„Заслуги ваши и ваша слава,—писалъ 18-го февраля предсѣдатель возродившагося „Общества любителей русской словесности“, А. Хомяковъ, — принадлежатъ не одной Чехіи, вашей родинѣ: онѣ принадлежатъ всѣмъ славянскимъ народамъ, всему славянскому міру. Недавно возобновленное „Общество любителей русской словесности“, приступая въ первый разъ къ выбору почетныхъ членовъ, по предложенію секретаря своего, М. А. Максимовича, положило украсить ихъ списокъ именемъ Павла Павловича Шафарика. Этимъ счастливымъ и благознаменательнымъ избраніемъ начался нашъ выборъ“. Хомяковъ проситъ пожелать успѣха Обществу. Въ тотъ же списокъ вошелъ и Ганка.

Эти предпослѣдніе звуки изъ Россіи прошли къ Шафарику чрезъ посредство Ганки, вѣроятно, въ видахъ экономіи. На конвертѣ, запечатанномъ печатью Ганки, съ его девизомъ, надѣлавшимъ немало шуму въ нашемъ вѣнскомъ посольствѣ („честь, слава, польза“) въ свое время, съ русскимъ адресомъ, но писаннымъ чехомъ („государью“), стоитъ привѣтственная русская приписка отъ Ганки, какъ будто опасавшагося, что больной старикъ и не прочтетъ московскаго посланія: „Поздравляю васъ съ избраніемъ въ члены любителей русскаго слова. Вашъ преданнѣйшій Ганка“.

Читалъ ли это старецъ—сказать трудно. Но наверху адреса, на конвертѣ, онъ собственноручно отмѣтилъ: „передано 1859 года, 10-го мая“. Итакъ, предъ нами—сіяющій Ганка и безмолвный Шафарикъ!

XXII.

Сведенныя къ нулю, русскія отношенія, старыя и новыя, по направленію къ востоку, главному фасу, не угасли, а продолжали, правда, только теплиться въ направленіи западномъ, благодаря случайно и нежданно образовавшемуся въ самомъ Парижѣ русскому гнѣзду для славянскихъ студій. Но парижское гнѣздо имѣло особенный характеръ; оно шло за далекими цѣлями и, вертясь около одного русскаго, обнаруживало живой научный интересъ, всегда столь цѣнный въ глазахъ старика. Этотъ русскій былъ русскій спеціальнаго общественнаго положенія—членъ ордена іезуитовъ.

Мы говоримъ объ отцѣ Іоаннѣ Мартыновѣ, изъ Казани.

Сохранившіяся отъ него письма къ Шафарику по времени замыкаютъ цѣпь русскихъ отношеній послѣдняго. Мартыновъ—ученикъ Шафарика, ученикъ заката дней. Большія письма Мартынова (отвѣты на нѣкоторые изъ нихъ, по-нѣмецки, Шафарика, не сохранились) на любимыя темы заставляютъ насъ забыться, забыть жалкое состояніе того, къ кому они обращены, переносятъ насъ въ иныя времена, производя эффектъ миража.

Начало этого знакомства относится къ лѣту 1856 года. Мартыновъ тогда приготовлялъ къ изданію описаніе славянскихъ рукописей Парижской импер. библіотеки. Шафарикъ работалъ тогда надъ пражскими глаголическими отрывками, съ православной службой; вотъ почему онъ воспользовался новымъ русскимъ знакомствомъ и пріятельски заказалъ ему сдѣлать снимки съ глагольскаго служебника, что̀ въ Парижѣ. „Но литографъ мой,—пишетъ Мартыновъ въ запоздаломъ письмѣ 5-го декабря 1856 г. изъ Парижа, rue des Postes, 5, — сдѣлалъ все такъ неискусно, что мнѣ стыдно посылать“. Онъ обѣщаетъ фотографію; но ему, „какъ иностранцу“, рукопись на домъ не дадутъ, почему для Шафарика онъ сдѣлалъ четыре снимка собственноручно, которые и проситъ принять, изъ старыхъ, глаголическихъ и кирилловскихъ, богослужебныхъ книгъ. „О вашемъ глаголическомъ отрывкѣ я помѣстилъ кое-что въ нашемъ 1-мъ номерѣ издаваемыхъ нами „Трудовъ“ (Études) и съ нетерпѣніемъ жду вашего комментарія; на дняхъ начну работать надъ вашими глаголическими памятниками, для статьи о глаголической письменности вообще“.

Мы видимъ такимъ образомъ, что ученое славянское гнѣздо въ Парижѣ, съ о. Мартыновымъ во главѣ, открыло разнообразную живую дѣятельность: изданія, изученія, подготовка матеріаловъ. Но мы знаемъ, какъ давно вопросъ о красивомъ, изящномъ славянскомъ шрифтѣ занималъ Шафарика, и онъ рѣшилъ привлечь къ этому дѣлу силы Парижа, благодаря новымъ западнорусскимъ отношеніямъ.

„Ваше письмо отъ 14-го декабря получилъ я,—отвѣчаетъ Мартыновъ 26-го декабря (1856 г.),—только третьяго дня. Спѣшу отвѣтомъ, чтобы не показаться вамъ нерадивымъ въ перепискѣ.

„Прежде всего благодарю васъ чистосердечно за письмо и прошу продолжить ваше снисхожденіе къ моему незнанію чешскаго языка, которое, признаюсь, до сихъ поръ дѣлаетъ для меня нѣмецкій необходимымъ. Ваши письма особенно хочу я понимать до послѣдней буквы. Нашедши въ васъ одобрителя

посланныхъ мною снимковъ, я считаю трудъ мой достаточно вознагражденнымъ“,—и затѣмъ Мартыновъ переходитъ къ дѣловому вопросу.

„Вашъ образчикъ глаголитскаго шрифта мнѣ очень нравится; мнѣ кажется, на немъ можно остановиться. Что же касается до кириллицы, я бы съ величайшимъ удовольствіемъ исполнилъ ваше желаніе, которое, какъ вы знаете, есть и мое, еслибы только обстоятельства мнѣ позволили сдѣлать то немедленно. Это моя любимая мечта, и, я надѣюсь, мы ее осуществимъ“. Мартыновъ указываетъ на сдѣланные шаги въ Парижѣ, но проситъ не забывать одного француза въ Петербургѣ, „кириллица котораго чрезвычайно красива, хотя и не ученая“.

Повидимому, Шафарикъ въ своемъ письмѣ торопилъ своего новаго, богоданнаго русскаго ученика съ славянскими изданіями парижскаго кружка. „Мое описаніе,— отвѣчаетъ Мартыновъ,— подвигается впередъ; но мнѣ хотѣлось бы издать его по-русски, съ пространными извлеченіями, чего по-французски сдѣлать нельзя, потому что оно никого интересовать не будетъ... Будьте увѣрены, что еслибы только у насъ были средства и готовый шрифтъ, мы бы давно издали, что достойно печати въ здѣшней библіотекѣ“. — Онъ указываетъ, что во Франціи найдутся всевозможные шрифты, „исключая самыхъ близкихъ къ Франціи, каковы славянскіе“. Въ заключеніе, повторяя, что съ нетерпѣніемъ ждетъ сочиненія о глаголическихъ пражскихъ отрывкахъ, Мартыновъ заканчиваетъ письмо 26-го декабря сердечными словами: „по случаю умирающаго года, прошу васъ беречь ваше здоровье и принять, за неимѣніемъ иного, мои молитвы, которыя не премину принести о васъ Нашему Божественному Господу и Спасу“.

Прибавимъ къ характеристикѣ интересовъ мысли Шафарика въ данную минуту, что изъ письма Мартынова 26-го декабря можно предполагать, что старикъ носился съ мыслью, что парижскому кружку русскихъ іезуитовъ можно бы заняться вопросомъ объ изданіи своднаго текста славянской Библіи, частями. „Что же касается до библіи, издаваемой по частямъ, это—трудъ, по моему мнѣнію,—пояснялъ о. Іоаннъ,—самый важный и едвали самый трудный; онъ не требуетъ глубокихъ изысканій и долженъ быть результатомъ всего открытаго доселѣ въ области славянскаго языкознанія. Это должна быть *сводная* Библія, нѣчто въ родѣ Несторовой лѣтописи Россійской Академіи. Новѣйшій трудъ Горскаго и Невоструева долженъ быть очень важенъ въ этомъ отношеніи“.

Мартыновъ весь въ хлопотахъ по вырѣзкѣ и отливкѣ

„новаго шрифта“. Онъ посылаетъ образцы, съ просьбой о заключеніи. „Такъ какъ здѣшняя имп. типографія, — отчитывается онъ въ письмѣ 16-го іюля 1857 года, — хочетъ обзавестись хорошимъ славянскимъ шрифтомъ, а безъ вашего совѣта того не сдѣлаетъ, то можно будетъ дойти до чего-нибудь совершеннаго, если только вы по прежнему недовольны вашею Газевскою кириллицею и потрудитесь сообщить г. Молю (спеціалистъ въ Парижѣ) образчики вашей руки или редакціи. Случай прекрасный“. Всѣ эти дѣловыя сообщенія отчеркнуты на полѣ письма чернымъ карандашомъ, несомнѣнно, отъ руки Шафарика, что показываетъ, съ какимъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за движеніемъ вопроса въ Парижѣ.

„За неимѣніемъ славянскаго шрифта, я,—продолжаетъ Мартыновъ,—какъ коса на камнѣ; напечатать избранные тексты изъ здѣшнихъ рукописей имп. библіотеки русскими буквами съ примѣсью юсовъ и т. д., на манеръ академическихъ записокъ, до сихъ поръ недостаетъ мнѣ духу“. Но „Сборникъ“ готовъ, какъ и „Описаніе рукописей“, которое и напечатано, но не выпущено. Эта придержка „даетъ мнѣ возможность подготовить и „Сборникъ“, безъ котораго славяне въ „Описаніи“ не нашли бы ничего новаго, а французы могутъ обойтись какъ нельзя лучше“.

И по глаголическому вопросу Шафарикъ нашелъ въ русскомъ іезуитѣ самаго ревностнаго ученика. „Глагольская письменность,— признается онъ въ томъ же письмѣ, — занимаетъ меня болѣе и болѣе. Съ нею сопряжены самые важные вопросы, касающіеся первобытной духовной жизни славянскихъ народовъ, каковъ, напр., вопросъ объ обрядѣ, богослуженіи и т. д. Послѣдній тѣмъ болѣе требуетъ критическаго поясненія, что въ настоящее время онъ обращаетъ на себя вниманіе многихъ мыслителей и ревнителей христіанской вѣры, какъ католической, такъ и не-католической“. Вмѣстѣ съ этимъ, онъ считаетъ своею задачею на мѣстѣ—знакомство ученыхъ съ славянскимъ „древлезнаніемъ“ и „посильную защиту правъ его, въ сонмѣ другихъ наукъ“, отъ учителя же ждетъ отвѣта.

Въ концѣ 1856 г. Мартыновъ выпустилъ, наконецъ, свое „Описаніе“ рукописей. Посылая экземпляръ Шафарику, онъ извиняется, что долженъ былъ приноравливаться къ умственному уровню французовъ,—оттого въ книгѣ нѣтъ ничего новаго. „Вы,—писалъ при этомъ авторъ 10-го декабря изъ Парижа, — мнѣ окажете истинную услугу, если сообщите откровенно ваши замѣчанія, не опасаясь авторскаго самолюбія; а вашъ отзывъ, каковъ бы онъ ни былъ, всегда будетъ мнѣ полезенъ“.

Между тѣмъ, въ Парижѣ преемникъ Робера по славянской каѳедрѣ, А. Ходзько, издалъ житія югославянскихъ святыхъ („Légendes slaves"), съ французскимъ переводомъ, т.-е. перепечаталъ давно извѣстный не-критическій славянскій текстъ. Это изданіе, которое Мартыновъ справедливо называетъ „страннымъ", даетъ поводъ ему вступить въ бесѣду съ Шафарикомъ о рѣшительной необходимости критическаго изданія подлинной рукописи Дометіана. „Еслибы къ этому, — пишетъ Мартыновъ 5-го мая 1858 года, — придать уже изданныя вами два житія св. Саввы, ученая публика приняла бы подобный трудъ съ большою благосклонностью и благодарностью; только для этого необходимо бы пользоваться западными матеріалами, которые очень важны". Онъ готовъ принять на себя это изданіе, но безъ подлинника оно было бы „безразсудствомъ", почему эту задачу онъ уступаетъ самому старику: „подлинникъ Дометіановъ, скрѣпленный, такъ сказать, вашею подписью, получилъ бы большій вѣсъ въ глазахъ всего славянскаго книголюбиваго міра и вполнѣ замѣнилъ бы самыя рукописи". Мартыновъ ждетъ отвѣта: „во всякомъ случаѣ, будьте такъ добры и напишите ваше мнѣніе о бѣлградскомъ изданіи, равно какъ и о моемъ предложеніи критическаго изданія". Въ заключеніе онъ проситъ о копіи Дометіана, для изданія, пока, французскаго перевода, безъ славянскаго текста.

Едвали эта масса просьбъ, запросовъ отъ послѣдняго ученика къ пражскому учителю, вызвала со стороны послѣдняго какой-либо отвѣтъ. На поляхъ письма нѣтъ обычныхъ карандашныхъ отмѣтокъ. Причина молчанія понятна: оба слѣдующихъ года — 1858 и 1859 — время самое тяжелое для угасавшаго Шафарика: прогрессирующій недугъ, тѣлесный и духовный, и итальянская война, съ активнымъ участіемъ въ ней обоихъ младшихъ сыновей, не говоря уже объ удаленіи отъ службы старшаго сына, какъ протестанта. Повидимому, Мартыновъ не былъ освѣдомленъ обо всемъ этомъ, и потому онъ напрасно извиняется въ началѣ слѣдующаго письма, уже черезъ два почти года, 24-го марта 1860 года, въ своемъ молчаніи: его молчаніе совпало съ другимъ молчаніемъ!

„Послѣ такого долгаго молчанія, — начинаетъ Мартыновъ письмо 24-го марта, — вамъ, конечно, покажется страннымъ появленіе моего письма, не въ мѣру запоздалаго. Но когда я беру въ соображеніе, что время ваше такъ драгоцѣнно, и что тратить его на мелочи было бы для вашего трудолюбія немалою жертвою, мнѣ какъ-то становится легче на совѣсти". Затѣмъ, онъ переходитъ къ отчету о новостяхъ, но съ оговоркою, что

довольно трудно найти что-нибудь важное „по части любимыхъ вашихъ занятій, что было бы для васъ новостью“. Ясно, корреспондентъ не подозрѣвалъ, что Шафарику не до новостей даже въ наукѣ.

Мартыновъ успокаиваетъ Шафарика, что слухъ о находкѣ якобы въ Ирландіи глаголической рукописи, якобы изъ XII вѣка, есть вздоръ. По тщательно сдѣланнымъ справкамъ и разслѣдованію, онъ долженъ былъ придти къ такому выводу: „утѣшьтесь, это—пуфъ!“ „Мнѣ разсказали подробности о господинѣ, пустившемъ въ ходъ слухъ о славянской рукописи; но повторять ихъ было бы нарушеніемъ дружескихъ признаній“. Другая новость, по Мартынову, гораздо ближе касается учителя.

„Юбилей св. Кирилла и Меѳодія—на дворѣ. Каждый почитатель памяти ихъ готовитъ свою лепту. *Ваша* дань принесена уже давнымъ-давно. Съ моей стороны я готовлю для болландистовъ критическое и сводное житіе этихъ апостоловъ. Такъ какъ въ этомъ изданіи допускаются только тексты греческій и латинскій, то приходится ограничиться латинскимъ... Въ этомъ разсужденіи, кромѣ церковнаго и литургическаго вопроса, обширно будетъ сказано и о литературномъ, филологическомъ; другими словами, рѣчь будетъ о васъ. Именемъ апостоловъ и славянской науки прошу васъ сообщить мнѣ ваши мысли о пунктахъ, на которые, по вашему мнѣнію, надлежало бы обратить особое вниманіе“. Кромѣ этого юбилейнаго труда, для тѣхъ же болландистовъ Мартыновъ приготовлялъ житія всѣхъ славянскихъ святыхъ, т.-е. вносилъ новую струю въ вѣковое изданіе. „Вообще болландисты обращаютъ теперь особенное вниманіе на всѣ славянскіе вопросы и занимаются ими очень серьезно. Ваше одобреніе, особенно путемъ гласности, такого направленія было бы для нихъ очень лестнымъ и въ то же время благовременнымъ“, и прибавляетъ, что уже цѣлый рядъ славянскихъ святыхъ (Иларіонъ Меглинскій, Іоаннъ Рыльскій, Параскева Терновская) помѣщенъ въ послѣднихъ томахъ.

На конвертѣ рукою Шафарика отмѣчено: „отъ Мартынова; доставлено 28 марта 1860“. Конечно, отвѣта не было, тѣмъ менѣе—„мыслей о пунктахъ“. Черезъ два мѣсяца, 11-го (23) мая, въ припадкѣ душевнаго разстройства, Шафарикъ бросился съ моста въ родную рѣку, но былъ спасенъ. Счеты земные уже были не на очереди. Но Мартыновъ все считался съ прежнимъ Шафарикомъ. За нѣсколько дней до рокового прыжка, 19-го мая 1860 года, Мартыновъ—съ новымъ обращеніемъ, и послѣднимъ.

„Я, — начинаетъ Мартыновъ письмо 19-го мая,—обѣщался

послать вамъ нумеръ французскаго журнала, въ которомъ помѣщена была выдумка о глагольской рукописи, найденной будто бы въ Ирландіи. Я предпочелъ сообщить вамъ подлинный текстъ письма, полученнаго мною отъ особы, благоволившей заняться этимъ дѣломъ и коротко знакомой съ обладателемъ рукописи. Вотъ что писалъ ей объ этомъ изъ Лондона генералъ Муръ" (слѣдуетъ письмо по-французски, которое раньше Мартыновъ не сообщалъ, чтобы не нарушить „дружескихъ признаній"). Оказывается, что это—латинская рукопись начала XIV вѣка, вѣроятно писанная готской фрактурой. Корреспондентъ повторяетъ старый приговоръ, что одинъ пуфъ—ирландская глаголица, что та же участь ожидаетъ и глаголицу изъ Опорто, что хорватскій молодой историкъ Рачкій, тогда только-что блестяще дебютировавшій въ области послѣднихъ изученій Шафарика, еще ничего обо всемъ не знаетъ: „я сообщу ему, при случаѣ, сущность настоящаго увѣдомленія, которое сообщаю вамъ въ подлинникѣ".

„Впрочемъ,—заключаетъ минорно Мартыновъ свое послѣднее письмо (не говоримъ—бесѣду, такъ какъ нельзя увѣрительно сказать, читалъ ли письмо адресатъ),—въ настоящее время событія принимаютъ такое крутое направленіе, что, мнѣ кажется, и находка какой-нибудь истинной рѣдкости въ области науки и литературы обратила бы на себя только развлеченное вниманіе ученыхъ. Рѣдко переходила Европа въ новѣйшія времена такую трудную дорогу. Что касается до меня, отдаленные раскаты грома нисколько не тревожатъ моихъ покойныхъ занятій.

„Желая и вамъ совершеннаго здоровья и благоденствія, на пользу грядущаго поколѣнія и науки, и поручая васъ Отцу Небесному, имѣю честь засвидѣтельствовать еще разъ мое глубочайшее и истинное почтеніе".

Этотъ молитвенный финалъ цѣлой переписки русскаго члена „Общества Іисусова" съ угасавшимъ историческимъ старцемъ, какъ нельзя болѣе отвѣчалъ физическому и душевному состоянію послѣдняго, особенно послѣ 23-мая 1860 года. Какъ замѣчено выше, трудно даже сказать, читалъ ли Шафарикъ послѣднее письмо Мартынова: скорѣе—нѣтъ! Поводовъ къ обычнымъ отмѣткамъ было много, а ихъ—нѣтъ...

Мы у конца послѣднихъ русскихъ отношеній Шафарика, въ ихъ обоихъ историческихъ направленіяхъ—на востокъ и, случайно, на западъ. Въ началѣ горячія, какъ нѣкогда, въ оны времена, они постепенно утрачивали свою интенсивность, пока

не замерли совсѣмъ. Нѣсколько долѣе они тянулись на западъ...

Давно худая тѣлесная храмина, Шафарикъ постепенно умиралъ для науки, но до самаго поздняго момента сохраняя всегда въ своихъ отношеніяхъ руководящій, наставительный характеръ.

Судьбѣ угодно было, чтобы послѣднее „прости“ его отношеніямъ къ Россіи принадлежало той Академіи, которая такъ упорно и неизмѣнно цѣнила Шафарика, отъ Шегрена и до Куника.

Шафарикъ доживалъ спокойно, но почти слѣпой, свои послѣдніе дни, когда въ началѣ 1861 года получилъ отъ Срезневскаго любезное увѣдомленіе (дата — 15-го января), что президентъ гр. Блудовъ согласился на покупку Академіей всѣхъ матеріаловъ Шафарика, собранныхъ, частью приготовленныхъ къ изданію или совсѣмъ готовыхъ. „Онъ велѣлъ мнѣ писать къ вамъ объ этомъ, прося васъ сообщить, что̀ именно и на какихъ условіяхъ, съ какими желаніями можете вы уступить Академіи“. По словамъ Срезневскаго, Блудовъ замѣтилъ, что современемъ все можетъ быть издано такъ, „какъ желаетъ Шафарикъ, и все будетъ сохранено съ должнымъ уваженіемъ къ этому *великому труженику*“. „Мы, академики, — прибавляетъ писавшій, — можемъ только отъ сердца повторить слово нашего президента, и тѣмъ болѣе я, вашъ ученикъ, вашъ почитатель съ того давняго времени, когда почти юношей (!) сблизился съ вами въ Прагѣ“.

Конечно, самая покупка была запоздалымъ актомъ, да и читалъ ли онъ это письмо? Выработка условій была для него также не по времени.

2-го (14) января 1861 года умеръ Ганка; черезъ полгода, 26-го (14) іюня, тихо почилъ и „великій труженикъ“, П. І. Шафарикъ, въ Прагѣ, отходя отъ столь прегрѣшившей противъ него земли...

Александръ Кочубинскій.

Одесса.

ВНѢ ЦЕХА

РОМАНЪ.

IX *).

Рощинъ, дѣйствительно, чувствовалъ себя утомленнымъ и думалъ, что онъ сейчасъ же уснетъ. Но это было его обычное утомленіе, соединенное съ нервнымъ возбужденіемъ, а не та здоровая физическая усталость, которая вызываетъ крѣпкій, спокойный сонъ. Онъ быстро раздѣлся и легъ. Сѣнникъ зашуршалъ и Рощина обдало запахомъ сѣна. „Вотъ-то засну хорошо“,— подумалъ онъ. Но прошло съ четверть часа, а онъ продолжалъ лежать, не впадая въ сладкое забытье. Мозгъ продолжалъ работать, и обрывки впечатлѣній, воспоминаній изъ только-что прожитаго дня волновали его. Припоминались разговоры, промелькнуло лицо Риты, еврейки. Рощинъ хотѣлъ принудить себя уснуть, закрылъ глаза и старался не думать. „Вотъ сейчасъ засну“. Онъ ждалъ того момента, когда человѣкъ незамѣтно теряетъ сознаніе и переходитъ въ нирвану. Но этотъ мигъ не наступалъ. И какъ бы нарочно мысль прояснялась, и въ мозгу воскресало все то, что онъ воспринялъ за день. Уже изъ спальни Малаховыхъ слышался легкій храпъ. Пропѣлъ гдѣ-то пѣтухъ, кто-то проскакалъ верхомъ по шоссе, на колокольнѣ пробили часы... Рощинъ хотѣлъ сосчитать, но сбился. Сонъ не шелъ. Это становилось тяжело и порождало раздраженіе. Рощинъ открылъ глаза, и его взглядъ упалъ на образъ Спасителя, благословляющаго дѣтей. Онъ сталъ вглядываться въ ликъ Христа; пламя лампадки слегка

*) См. выше: май, стр. 52.

колебалось отъ струи свѣжаго воздуха, проникавшаго изъ сада черезъ неплотно притворенную дверь. Рощину вспомнилось дѣтство, и онъ невольно унесся мыслями въ тѣ далекіе годы, когда жилъ въ губернскомъ городѣ, съ матерью и старухой теткой, которую любилъ не меньше матери... Сколько лѣтъ прошло, а точно это было вчера, да такъ многое памятно, живо... И вотъ въ воображеніи Рощина стали вставать годы за годами, со всѣми незабытыми деталями. Онъ то закрывалъ глаза, то открывалъ ихъ, прислушивался къ чему-то: воображеніе продолжало работать и онъ въ воспоминаніяхъ переживалъ все то, что давно уже было пережито: одно оплакано, другое осмѣяно, многое совсѣмъ схоронено и стало далекимъ и чуждымъ, а многое какъ бы только еще заснуло, но не оторвано отъ сердца, какъ близкое, дорогое, хотя и невозвратное, но которое хотѣлось бы вернуть...

Вдругъ Рощину вспомнилась фраза пріятеля: „Мы не умѣемъ беречь таланты, мы ихъ или прокучиваемъ, или заѣзживаемъ“. „Какая правда!“—мысленно произнесъ Рощинъ и началъ думать о себѣ, о своей литературной карьерѣ. Ему вспомнился холодный зимній вечеръ, въ который онъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ глухой провинціи, совсѣмъ еще юноша, съ нѣсколькими рублями въ карманѣ, но съ пылкими мечтами о славѣ, великомъ служеніи родинѣ въ званіи писателя. Онъ какъ бы пріѣхалъ не по своей волѣ, а посланный друзьями, которые признали его талантъ и настаивали, чтобы онъ ѣхалъ въ столицу. Вотъ пламенный сутуловатый Аладьевъ, сдѣлавшійся сельскимъ учителемъ во имя идеи, раньше всѣхъ признавшій въ немъ писателя. Онъ сказалъ съ убѣжденіемъ: „Авениръ, ты не долженъ зарывать талантъ, ты обязанъ имъ служить народу. Поѣзжай въ Петербургъ, тамъ добьешься вліянія и славы“. И онъ поѣхалъ, ободренный такъ же однимъ редакторомъ, который хотя и не заплатилъ ничего за его юношескую повѣсть, но письменно отозвался о ней съ большой похвалой. И вотъ онъ въ столицѣ. Здѣсь у него не было ни друзей, ни знакомыхъ въ литературѣ, но онъ вѣрилъ въ свой талантъ, зналъ, что на родинѣ друзья за нимъ слѣдятъ и ждутъ отъ него новаго слова. Онъ зналъ также, что и его „старушки“ съ тревогой смотрятъ въ его будущее. Молодость была за него, да и судьба какъ бы покровительствовала. Правда, онъ скоро началъ нуждаться, долженъ былъ жить въ каморкѣ, по нѣскольку дней питаться однимъ чернымъ хлѣбомъ, но все же его печатали, хотя и платили очень мало, а иногда и ничего не платили.

Онъ все болѣе и болѣе втягивался въ писательскую лямку.

Ему нужно было бы учиться, потому что гимназія почти ничего не дала, нужно было читать, изучать жизнь, а онъ уже писалъ, изображалъ людей, не тѣхъ, какіе есть, а какіе должны быть. Онъ уже училъ. Цѣли были самыя благородныя: онъ изображалъ новыхъ людей, призванныхъ обновить жизнь, повести страну по новой дорогѣ. О, какъ пламенно онъ писалъ! Съ какимъ жаромъ говорилъ обо всемъ устами своихъ героевъ, которые занимались развитіемъ дѣвушекъ, чтобы приготовить изъ нихъ не пустыхъ свѣтскихъ куколъ, а мыслящихъ женщинъ, настоящихъ матерей, женъ, гражданокъ... Онъ читалъ свои разсказы и статьи знакомымъ студентамъ, курсисткамъ и даже влюбленной въ него швейкѣ Машѣ, которая потомъ и переѣхала къ нему въ комнату. Онъ чувствовалъ себя парящимъ орломъ... Дѣтскія заблужденія! Но зачѣмъ ихъ поддерживали не эти курсистки и Маша,— имъ было простительно, — но редакторъ либеральнаго журнала, который говорилъ ему: „Очень горячо, молодой человѣкъ! Видно, что вы пишете сокомъ нервовъ и кровью вашего сердца!“ — и печаталъ его писанія, платя по двадцати-пяти рублей съ листа. Конечно, можетъ быть, они и этого не стоили, но вѣдь онъ дѣйствительно писалъ ихъ сокомъ нервовъ, тратилъ на нихъ свои силы, проводя безсонныя ночи, напрягая мозгъ. Отчего ему не сказали правды? Вѣдь сколько времени и силъ потрачено даромъ. Впрочемъ, не совсѣмъ даромъ. Онъ набивалъ руку и выучился писать, написавши немало восторженнаго дѣтскаго вздора. Потомъ онъ самъ смѣялся надъ собою, называя себя „родителемъ незаконныхъ новыхъ людей“. А тогда!.. Но чѣмъ бы онъ жилъ, если бы его не печатали? Служить онъ не могъ, ему было противно всякое подчиненіе, онъ хотѣлъ быть свободнымъ. Опять заблужденіе. Да развѣ онъ могъ бы быть свободнымъ, завися вполнѣ отъ издателей? Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе было нужно средствъ. Маша скоро почувствовала себя матерью, а тамъ она заболѣла.

У Рощина защемило сердце при воспоминаніи объ одномъ ужасномъ днѣ. Какъ онъ могъ сдѣлать это — онъ, передовой, либеральный писатель, такъ страстно нападавшій на консерваторовъ? Бѣдная, бѣдная Маша. Она такъ искренно любила его, такъ беззавѣтно ему вѣрила, она чуть не молилась на него... Отъ одного воспоминанія у Рощина кровь прилила къ лицу, ему стало жарко. А глаза его опять упали на ликъ Христа. Съ какой любовью глядѣлъ Онъ на дѣтей, которыхъ ласкалъ, которые толпой окружили Его! На Рощина снова пахнуло забытымъ дѣтствомъ. Мать, тетка, маленькая церковь... онъ горячо

молится Христу, о Которомъ ему любила разсказывать мать. Онъ точно видитъ Христа живымъ передъ собой. Ему хотѣлось бы быть среди дѣтей, которыхъ Христосъ благословляетъ, ему грустно, что онъ не можетъ быть среди нихъ, и онъ готовъ плакать...

Гнетущая тоска сжала сердце Рощина. Ему стало до боли жалко всего прошлаго, далекаго и свѣтлаго дѣтства, и умершихъ, дорогихъ людей, и душевной чистоты — всего, что было безвозвратно потеряно въ омутѣ столичной жизни. И мысли опять унеслись къ этой жизни. Онъ заложилъ за голову руки, закрылъ глаза, и одна картина за другой начали проноситься передъ нимъ. Замелькали лица, сцены. И молодые писатели, полные восторженныхъ идеальныхъ мечтаній, и выбившіяся изъ силъ литературныя и журнальныя клячи, едва тащившія ноги; счастливые молодые любимцы публики и забытые ею кумиры, допѣвавшіе свои старыя скучныя пѣсни; молодыя дѣвушки, пріѣхавшія издалека, съ цѣлью учиться и жить разумной жизнью; и разочарованныя женщины, разгадавшія своихъ учителей; чистыя молодыя дѣвушки съ яснымъ взглядомъ довѣрчивыхъ глазъ, въ которыхъ свѣтилось столько любви и готовности всѣмъ пожертвовать во имя идеи, ради любимаго человѣка, — и наглыя женщины съ безстыдными взглядами, — нарумяненныя, подкрашенныя, продажныя; и отцвѣтшія красавицы, измѣнявшія мужьямъ въ объятьяхъ молодыхъ любовниковъ... Что за пестрый калейдоскопъ! И онъ не наблюдатель только этой жизни, — онъ въ ней дѣйствующій актеръ. И развѣ только онъ одинъ? Онъ шелъ въ ногу съ другими уже извѣстными писателями, которые такъ же жили, какъ и онъ, такъ же красиво лгали въ своихъ произведеніяхъ. Ему памятны эти разгульныя загородныя попойки, въ которыхъ губилось здоровье, топилось все лучшее, все благородное, потому что съ каждымъ днемъ всѣ они опускались ниже, дѣлались большими лгунами, фразерами, рабами своихъ низменныхъ страстей... А онъ самъ? Развѣ онъ не падалъ низко? Чего же молчала совѣсть? Она и не молчала, но ее заглушала жизнь. А какъ было тяжело порой! Въ одну изъ такихъ минутъ онъ сблизился съ Малаховымъ. Вмѣстѣ съ компаніей онъ кутилъ за городомъ: всѣ были пьяны до того, что верхами другъ на другѣ катались съ горъ. Онъ, Рощинъ, съ какой-то неизвѣстной барыней поѣхалъ въ городъ, чтобы ночевать у „новой знакомой“, мужъ которой былъ въ отпуску. Въ то время онъ жилъ по-семейному съ акушеркой, но это не могло остановить его, потому что онъ держался принципа: „писатель долженъ все испытать“. Но вдругъ съ барыней сдѣлалось дурно.

Онъ довезъ ее до квартиры и пѣшкомъ отправился домой. На Невскомъ онъ встрѣтился съ Малаховымъ, который былъ также навеселѣ. Раньше они встрѣчались въ редакціяхъ, на вечерахъ, но не сближались. Малаховъ хотя жилъ широко и покучивалъ, но, сравнительно съ другими, могъ назваться скромнымъ и корректнымъ. Онъ уже пользовался извѣстностью, хотя его упрекали за то, что онъ не держался лагеря, измѣнялъ своимъ и поддерживалъ чужое направленіе. Это считалось большимъ грѣхомъ, и многіе изъ циничныхъ развратниковъ называли за это Малахова безнравственнымъ. Обрадовавшись встрѣчѣ, Рощинъ пригласилъ Малахова въ ресторанъ, гдѣ можно было пьянствовать до утра. Малаховъ отказался и утащилъ товарища къ себѣ. И вотъ, когда они пріѣхали на квартиру Малахова, онъ сказалъ: „Это отлично, что вы поѣхали ко мнѣ! Ночуйте у меня. Развѣ можно въ такомъ видѣ оттуда ѣхать прямо къ женѣ!“ Рощинъ помнитъ, что онъ засмѣялся надъ этой фразой, и даже спросилъ: „къ которой?“—но потомъ ему стало стыдно своего вопроса, онъ крѣпко пожалъ руку товарищу, и они легли спать.

Съ этого времени Рощинъ сталъ чаще встрѣчаться съ Малаховымъ, и вліяніе послѣдняго нѣсколько благотворно сказалось на немъ. Онъ продолжалъ кутить — да это дѣлалъ и Малаховъ—но уже все рѣже и рѣже участвовалъ въ такихъ оргіяхъ, которыя Малаховъ называлъ омерзительными. Онъ принялся за большой романъ, который читалъ частями новому другу. Романъ вышелъ удачнымъ, его отмѣтила критика. Рощинъ получилъ сравнительно хорошія деньги и приглашеніе отъ издателя новаго журнала завѣдывать беллетристическимъ отдѣломъ. Матеріальное благосостояніе его сразу измѣнилось къ лучшему. Онъ принялся за новый романъ. Вскорѣ послѣ этого Малаховъ женился и просилъ Рощина быть шафером. Молодая—это была Наталья Павловна—ему очень понравилась. У него даже пробудилась зависть къ пріятелю. Женившись, Малаховъ повелъ еще болѣе широкую жизнь: у него установились шумные четверги, кругъ его знакомыхъ расширился и сдѣлался разнообразенъ, тогда какъ ранѣе почти всѣ знакомые принадлежали исключительно къ литературному міру. Для недавнихъ интимныхъ бесѣдъ съ Рощинымъ у Малахова не оставалось свободнаго времени. Рощинъ какъ бы обидѣлся на это, но продолжалъ бывать у пріятеля и даже вздумалъ ухаживать за Натальей Павловной. Кто-то ему сказалъ полу-шутя, полу-серьезно: „Да отбей ты у Малахова жену, вѣдь ты ходокъ по этой части!“ Неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось,

но вотъ у него умерла сестра, и онъ поѣхалъ на родину. Тамъ онъ встрѣтился съ Ольгой Николаевной и влюбился въ нее. Ей только-что минуло двадцать лѣтъ, она была прелестная блондинка съ такимъ чистымъ, неземнымъ выраженіемъ глазъ, что онъ прямо сказалъ ей: „Вы—мадонна, васъ грѣшно любить! на васъ надо молиться!“ Но онъ все-таки объяснился въ любви этой мадоннѣ, которая была въ восторгѣ отъ его послѣдняго романа, надѣлавшаго нѣкоторый шумъ въ литературѣ. Она отвѣчала согласіемъ, состоялась свадьба, и они молодыми уѣхали въ Петербургъ. Наталья Павловна и Ольга Николаевна дружески сошлись. Но знакомство продолжалось недолго, потому что Рощинъ уѣхалъ скоро на югъ, и вотъ теперь встрѣтился снова съ пріятелемъ, послѣ десятилѣтней разлуки. Много воды утекло за это время. Сколькихъ уже нѣтъ въ живыхъ, многіе состарились, иные еще живы, но—уже позабытые всѣми—влачатъ свои дни, грустно вспоминая недавнее свѣтлое время. Нѣкоторые, впрочемъ, удержались. Вотъ хотя бы Дмитревскій. Изъ красиваго Донъ-Жуана онъ превратился въ дряхлаго старика, но желаетъ все-таки считаться кавалеромъ. Находятся охотницы и на эту подержанную рухлядь. Вѣдь онъ остается кумирчикомъ для несмысленышей обоего пола... Поглядѣть—та же жизнь кругомъ... Ювеналій правъ: вѣдь, собственно, это не жизнь, а чортъ знаетъ, что̀ такое! Да, онъ благую часть избралъ, во̀-время спохватился и не погибъ, какъ другіе. Въ то время, какъ другіе переписываютъ себя самихъ, онъ все глубже и глубже проникаетъ въ жизнь, его взгляды становятся шире, письмо ярче. Счастливецъ! У него такая натура, что онъ могъ остепениться. А чѣмъ виноватъ онъ, Рощинъ, если онъ не такой? Да, онъ сознаетъ, что это все скверно, но что̀ же дѣлать? Наталья Павловна сказала: „Ольга Николаевна—чудная женщина“. Кто это отрицаетъ? Во всякомъ случаѣ, не онъ. Конечно, она постарѣла, не тотъ уже цвѣтъ лица, не то выраженіе глазъ, но она та же душою и ей теперь можно молиться, она стоитъ этого. Но онъ на это не способенъ. Онъ готовъ въ восторгѣ пасть къ ногамъ богини, лобзать край ея одежды, но молиться долго, постоянно,—нѣтъ, это не въ его натурѣ. Однообразіе для него хуже всего. Онъ можетъ любить горячо, безумно, умереть по слову женщины, но оставаться всегда ей вѣрнымъ, жить такъ прозаично, мѣщански, онъ не можетъ. Да что же: онъ даже согласенъ, что сказано невѣрно — „мѣщански“. Пусть это нравственно, но онъ—безнравственъ. Да, въ его натурѣ—жить только раздраженіемъ нервовъ, какъ выразилась одна дама. Но развѣ онъ виноватъ въ этомъ? Онъ лю-

битъ Ольгу и... онъ все-таки бросилъ ее. Чѣмъ взяли его другія? Красотой? Нѣтъ! Безумной страстью? Нѣтъ! Просто, у него уже такая натура, что онъ не можетъ остановиться. Но что же это такое? Развѣ такъ, однако, можно? Неужели нельзя сломить себя? Развѣ онъ боролся съ собой? Говоря откровенно, еще никогда. Ему припомнились слова одного поэта: „Новыя губы пріятнѣе цѣловать“. Фу, какая пошлость! Нѣтъ, вотъ:

„Клянусь тебѣ, уста мои
Къ устамъ другой не прикоснутся,
Ничьимъ лобзаньемъ не сотрутся
Лобзанья чистыя твои“.

Боже мой! Вѣдь это его стихи! Онъ писалъ ихъ Ольгѣ Николаевнѣ въ первые дни ихъ брачной жизни, и онъ не лгалъ, онъ самъ тогда вѣрилъ въ то, что онъ переродился и что этимъ онъ обязанъ ей, Олѣ. А какъ славно тогда работалось! Онъ написалъ въ то время свой лучшій романъ. Ни раньше, ни послѣ онъ не писалъ ничего ему равнаго. Героиня романа — Нина Сумцова—это отображеніе Оли. Недаромъ критика называла ее мадонной, это такъ и есть. И ему припомнилась эта чудная, свѣтлая страница любви, быть можетъ, первой настоящей любви въ жизни. И откуда у него взялось столько свѣжаго чувства,— у него, еще молодого, но уже пожившаго, потрепаннаго, оскверненнаго ласками нечистой любви? Вотъ она, сила-то святой женской души! И передъ нимъ возстала во весь ростъ Ольга, высокая, стройная блондинка, съ длинной роскошной косой, съ довѣрчивыми, безгрѣшными глазами, съ улыбкой, которая говорила яснѣе словъ. О, какъ она любила его! Какъ она доказывала это нѣсколько разъ, прощая ему то, чего никогда бы не простила другая. Онъ помнитъ это тяжелое объясненіе: ни рѣзкаго слова, ни упрека, только безмолвныя слезы и сколько страданія въ этомъ бѣломъ, мраморномъ лицѣ, съ тонкими синенькими жилками! Онъ тогда поклялся ей, что никогда больше не доставитъ ей и минуты терзаній, поклялся и... черезъ мѣсяцъ уже оставилъ ее.

Его ударило въ краску. Что-то словно обожгло его. „Да вѣдь это же мерзость, подлость!“—прошепталъ онъ и даже приподнялся на постели. „Вѣдь это уже перешло всѣ границы! Развѣ можно такъ? Она любитъ, страдаетъ... А дѣти? Костя, Груня... милыя мои!“ Ему сдѣлалось тяжело, душно; онъ сбросилъ одѣяло, словно тяжесть, которая давила его, и началъ вдыхать свѣжій воздухъ, легкой струей проникавшій въ балконную дверь. Тоска росла, сердце продолжало ныть. О снѣ нечего было

и думать. Онъ всталъ съ кровати и, накинувъ на себя пальто, вышелъ на балконъ. Доставъ изъ кармана портсигаръ, Рощинъ закурилъ, сѣлъ на стулъ, облокотился на перила. Ночь уже не была та бѣлая майская ночь, когда одна заря встрѣчается съ другой, но все же она была свѣтлая, и еслибы не туманъ, который плылъ съ рѣки, весь поселокъ былъ бы виденъ, какъ днемъ. Но и теперь очертанія домовъ виднѣлись сквозь туманъ, какъ черезъ легкій тюль, а правѣе, куда туманъ почти не достигалъ, дома ясно вырисовывались. Ночь была теплая, и только сырость дѣлала ее нѣсколько свѣжей. Но Рощину была пріятна эта свѣжесть. Кругомъ царила тишина. Только гдѣ-то раздавались звуки колотушки ночного сторожа, да лаялъ низкимъ басомъ цѣпной пёсъ.

Тишина умиротворительно дѣйствовала на Рощина, мысли котораго витали теперь въ Москвѣ, гдѣ жила его жена съ дѣтьми. Благодаря ли всѣмъ дневнымъ разговорамъ, недавнимъ думамъ, или благодаря ночной обстановкѣ, эти мысли приняли иное направленіе. Жгучее чувство одиночества и раскаянія охватило Рощина, въ памяти котораго невольно проносились и дорогіе образы, и картины минувшей жизни. Ему становилось жутко. Въ самомъ дѣлѣ: на что убита жизнь? что̀ его ждетъ въ будущемъ? Одинокая старость безъ ласки, безъ тепла, безъ радости... Откуда ждать всего этого? Эти связи, эти романы,—они несутъ сильныя ощущенія, пока не остылъ зной въ крови,—но развѣ это тепло и счастье? А когда погаснетъ жаръ, оставятъ силы? Конечно, тогда всѣ бросятъ его, какъ бросили Колдымова, этого блестящаго, изящнаго фельетониста, разбитаго параличомъ. Ни дамы, увлекавшіяся имъ, ни товарищи—никто не вспомнилъ о немъ, и онъ умеръ на соломенномъ тюфякѣ, въ больницѣ для чернорабочихъ. Какой талантъ, какой успѣхъ имѣлъ онъ! Такого успѣха у Рощина не было и никогда не будетъ. Вѣдь если говорить правду, онъ начинаетъ исписываться. Недаромъ же издатель уличнаго листка предлагалъ ему написать для его газеты романъ. Развѣ это не оскорбленіе? „Спасайся, пока не поздно!“ А что̀ если въ самомъ дѣлѣ взяться за умъ, сломить себя? Да чего лучше: поселиться здѣсь съ Малаховыми, чтобы они поддержали, выписать Олю съ дѣтьми и зажить новой, свѣтлой, трудовой жизнью въ тиши. Скучно? Вѣдь въ сущности это вздоръ! Не навсегда же запереть себя сюда, а на время. Отдохнуть, поправиться здоровьемъ, написать что-нибудь хорошее, сильное, чтобы снова обратила вниманіе критика, которая перестала имъ заниматься. Какъ бы обрадовалась Ольга и дѣтишки! Ему вспо-

мнилась фраза дочери: „Папа, отчего ты не живешь съ нами?“ Эта фраза, припомнившаяся ему теперь, какъ ножемъ рѣзнула по сердцу. „Милая крошка! Отчего? Да оттого, что твой папа негодяй, подлый человѣкъ! Да, да!“ И ему стало жаль дѣтей. Вотъ она, его милая дѣвочка, бѣленькая, какъ снѣгурочка, съ русыми кудрявыми волосами, съ глазами какъ у матери. Эти розовыя губки... а въ глазахъ что-то грустное порой. Неужели... Боже мой! А Костя? Онъ въ послѣдній разъ такъ хмуро посмотрѣлъ на отца, точно понимаетъ и осуждаетъ его. Да кѣмъ же они выростутъ? Какъ они встрѣтятся съ нимъ? Неужели какъ враги, какъ его обвинители? Это ужасно!

Ему стало невыносимо тяжело. Ему хотѣлось плакать. Но слезъ не было. Онъ разучился плакать. И вдругъ онъ воскликнулъ: „Нѣтъ, это невозможно! Я поселюсь здѣсь, я сдѣлаю такъ“... Онъ самъ испугался звуковъ своего голоса, рѣзко раздавшихся въ ночной тишинѣ. И онъ продолжалъ мысленно: „Надо скорѣй, скорѣй, а то“... Онъ не вѣрилъ въ свою рѣшимость, боялся себя. „Да, завтра же! Я напишу Ольгѣ“... Дрожь пробѣжала по его тѣлу. „Однако холодно!“ Онъ закутался плотнѣе, бросилъ докуренную папиросу, которую машинально продолжалъ держать въ рукѣ, поднялся и вернулся въ комнату. Его охватило пріятнымъ тепломъ. Лампадка слабо мерцала. Онъ взглянулъ опять на икону, потомъ на столикъ, стоявшій подъ нею, и увидѣлъ какую-то книгу въ кожаномъ переплетѣ. Что это? Евангеліе? Онъ подошелъ къ столику, взялъ книгу: да, это было Евангеліе. Его вдругъ потянуло открыть книгу, какъ бы узнать, что̀ будетъ. Это не было гаданье, а какъ бы невольное желаніе узнать внушеніе, отвѣтъ свыше. Было ли это проблескомъ дѣтской вѣры, ослабленной, но не вытравленной всей бурной жизнью, или остатками привычки, сохранившейся отъ дѣтства—сказать мудрено. У него промелькнуло только въ умѣ: „такъ часто въ трудныя минуты дѣлалъ Достоевскій“. Онъ раскрылъ книгу и прочелъ тѣ строки, на которыя упалъ его взоръ. Онѣ были слѣдующія: „Итакъ смотри: свѣтъ, который есть въ тебѣ, не есть ли тьма?“ Слова эти поразили Рощина. „Свѣтъ, который есть въ тебѣ, не есть ли тьма“...—повторилъ онъ.—Да гдѣ же свѣтъ, хоть какой-нибудь? Онъ давно потухъ. Свѣтъ жилъ въ душѣ, когда онъ пріѣхалъ изъ провинціи съ высокими мечтами, съ одной цѣлью служить своимъ дарованіемъ родинѣ. Но гдѣ эта цѣль? Она имъ забыта давно, какъ и многими изъ его товарищей, которые въ погонѣ за жизнью обратили свой талантъ въ призового коня, по выраженію Ювеналія. Вся цѣль—жить хо-

рошо, всласть, удовлетворяя всѣмъ желаніямъ. А для этого надо писать и писать, угождая вкусамъ, все равно—уличной ли толпы, или прихода, настроенію командующаго класса. И онъ писалъ одно, а дѣлалъ другое, не думая о томъ, что̀ писалъ. Онъ говорилъ высокія слова, въ то время, какъ былъ весь поглощенъ самыми земными, низкими помыслами. Онъ боролся за права и честь женщины, а на дѣлѣ топталъ и эти права, и эту честь, разбивалъ чужое счастье безъ всякой думы. Да и что женщины? Не только это... А вся жизнь его и другихъ служителей слова? Много ли въ ней свѣта, хотя всѣ о немъ только и говорятъ? Ему вдругъ припомнилась сцена въ квартирѣ одного извѣстнаго беллетриста, у котораго жила племянница, дѣвочка лѣтъ девяти. Тотъ чѣмъ-то грубо обидѣлъ ее. Она серьезно посмотрѣла ему въ лицо и тихо промолвила: „пишешь о Христѣ, а самъ чортъ чортомъ“. Какъ это мѣтко сказано! Да развѣ не всѣ они говорятъ о Христѣ, а служатъ чорту! Вотъ онъ самъ: проѣзжая черезъ Москву, онъ подарилъ дочери книжку съ хорошими идеями. Ему показалось, что Ольга Николаевна грустно улыбнулась. Она была права. Причемъ тутъ книжка, если онъ всей своей жизнью научаетъ дѣтей другому? Да, надо все покончить. И Ювеналій, и Наталья Павловна помогутъ... И какъ хорошо отдохнуть, освѣжиться. Зачѣмъ откладывать въ далекій ящикъ? Надо присмотрѣть здѣсь квартирку.

Думая это, онъ машинально перевернулъ нѣсколько страницъ книги и опять прочелъ, что̀ стояло наверху страницы: „Берегитесь, однако, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазномъ для немощныхъ“...

Онъ сначала не понялъ смысла прочитаннаго, но, прочитавъ вторично, произнесъ: „Это поразительно!.. Да не мы ли соблазняемъ болѣе слабыхъ? Не эта ли наша свобода, т.-е. безпринципность, является соблазномъ для другихъ? Въ городѣ мнѣ не устоять, Ювеналій правъ, я опять заверчусь. Надо себя запереть здѣсь. Пріѣдетъ Ольга, ребята... будутъ Малаховы около... все это меня поддержитъ и какъ человѣка, и какъ писателя“...

Онъ зѣвнулъ. „Который-то часъ?“—подумалъ онъ и посмотрѣлъ на часы, лежавшіе на письменномъ столѣ. „Батюшки! Третій часъ! Надо лечь!“ Онъ сбросилъ пальто и осторожно легъ на кровать. Онъ продолжалъ думать, лежа: „Завтра же, завтра... Надо все рѣшить“... И думая объ этомъ, онъ незамѣтно для себя забылся и уснулъ.

Его разбудили крикъ и визгъ, ворвавшіеся въ комнату. Онъ въ испугѣ открылъ глаза и приподнялся на локтѣ. Крики не-

слись изъ сада. Слышалось нѣсколько голосовъ,—и высокіе и низкіе, и мужскіе и женскіе... Доносился чей-то плачъ... Рощинъ вскочилъ, завернулся въ одѣяло и заглянулъ въ садъ съ порога балкона. Въ саду стояла кучка евреевъ и посреди Малаховъ. Онъ, видимо, успокаивалъ высокаго, худощаваго еврея, который кричалъ, не то умоляя, не то угрожая, а стоявшая съ нимъ рядомъ женщина громко плакала. До Рощина донеслись сквозь рыданія ея слова: „О, за что такъ покаралъ насъ Богъ! Лучше, еслибы она умерла“...

X.

Происходившее въ саду настолько заинтересовало Рощина, что онъ поспѣшно одѣлся и отправился въ садъ. Въ тотъ мигъ, когда онъ подходилъ къ толпѣ, худощавый еврей вдругъ воскликнулъ, подымая руку:

— И вы клянетесь именемъ вашего Христа, господинъ Малаховъ, что вы тутъ непричемъ?

— Клянусь, если вы желаете этого,—отвѣтилъ Ювеналій Никандровичъ.—Хотя мнѣ вообще не хотѣлось бы прибѣгать къ клятвѣ. Неужели вы перестали мнѣ вѣрить, Абрамовичъ?

— О!—воскликнулъ еврей, и въ его голосѣ прозвучала скорбь, граничащая съ отчаяніемъ.—О, когда такое дѣло, вы не можете обижаться! Я знаю, что вы честный человѣкъ, но кто же, кто могъ совратить нашу бѣдную дочь?

— Ха!—произнесъ съ улыбкой толстый, краснощекій мѣдникъ:—Это извѣстно такъ. Господинъ Малаховъ не совращалъ прямо твоей Рахили, Исаакъ, но она не могла не заразиться чужимъ духомъ, когда ты дозволялъ ей пѣть въ христіанской церкви. Я тебѣ говорилъ...

— А я, а я?—завопила еврейка, стоявшая рядомъ съ Абрамовичемъ.—Развѣ я не говорила ему того же самаго? Я говорила: Исаакъ, что ты дѣлаешь, ты губишь своего родного дитю. Развѣ онъ меня слушалъ? Онъ говорилъ: „Отстань, господинъ Малаховъ не такой человѣкъ, онъ не погубитъ нашу Рахиль. А если у нея есть голосъ—пусть поетъ“.

— Ну, да,—подхватилъ опять мѣдникъ:—извѣстно, господинъ Малаховъ не погубилъ Рахили. Ха! Какъ это можно говорить? Она сама погубила себя.

— Ой, ой, что же мнѣ теперь дѣлать, что дѣлать!—закричала еврейка въ отчаяніи:—Мнѣ не для чего больше жить! Я пойду и утоплюсь въ рѣкѣ!

— Ревекка, ты говоришь вздоръ, — остановилъ ее Моисей Либерманъ, старый еврей съ лицомъ библейскаго пророка.—Ты въ безуміи оскорбляешь Бога.

— Ну, а что мнѣ дѣлать, когда попъ не отдаетъ намъ дочери, и самъ становой на его сторонѣ?

Рощинъ подошелъ къ Малахову и обратился къ нему съ вопросомъ:

— Что такое случилось?

Малаховъ только сейчасъ замѣтилъ пріятеля. Онъ отвѣтилъ ему коротко: — Рахиль убѣжала отъ родителей, хочетъ креститься,—и опять обратился къ Абрамовичу:

— Успокойтесь, Бога ради! Ни крикомъ, ни плачемъ вы ничего не подѣлаете. Поступать же такъ, какъ хотѣлъ бы Хаймовичъ, не совѣтую, за это вамъ придется отвѣчать.

— А зачѣмъ они такъ сдѣлали, зачѣмъ они спрятали ее у себя? — крикнулъ вызывающе Хаймовичъ, злобно сверкая черными глазами.

— Она сама обратилась къ ихъ покровительству. Вѣдь вы были у станового?

— Ну, какъ же нѣтъ! Два раза...

— И онъ сказалъ вамъ, что она сама обратилась къ владыкѣ и губернатору за защитой, и теперь ее велятъ отправить въ городъ?

— О, да, это такъ! Но кто ее научилъ?

— Этого я не знаю. Мнѣ она ничего не говорила, даю вамъ слово,—громко произнесъ Малаховъ.—Она ходила къ намъ, вы это знаете, брала читать мои книги — это тоже не тайна для васъ. Она не изъ болтливыхъ.

— О, да, это такъ, — повторилъ отецъ, — она не любитъ говорить много!

Онъ опустился на скамью и, вздохнувъ, промолвилъ, обращаясь къ Малахову:

— И все-таки это насиліе.

— Неправда,—возразилъ Малаховъ:—вы такой умный человѣкъ и говорите это. Я понимаю ваше горе, но помните, какъ вы упрекали насъ, русскихъ, за то, что мы будто бы насильно заставляемъ креститься евреевъ?

— А развѣ это не такъ? Когда нельзя дышать человѣку и ему грозитъ разореніе или голодная смерть—человѣкъ крестится поневолѣ. Что это, какъ не насиліе?

— Пусть такъ,—согласился Малаховъ.—А что вы сами теперь хотите дѣлать? Развѣ вы не хотите насильно заставить

Рахиль остаться въ іудейской религіи, когда она желаетъ креститься? Вѣдь не изъ выгоды же она крестится?

— Ее совратили!—воскликнула мать.

— То-есть, вы хотите сказать, Ревекка, что ее убѣдили?—поправилъ Малаховъ.—Убѣжденіе—не насиліе. А вы хотите насильно ее вернуть.

Эти слова озадачили Абрамовича. Онъ посмотрѣлъ на Малахова, потомъ на другихъ евреевъ и произнесъ:

— По вашему это выходитъ такъ. Оно, можетъ быть, такъ и есть, но кому не дорого свое дитё? Развѣ вы бы остались спокойны, еслибы ваша супруга приняла нашу вѣру? Не было бы это для васъ горемъ? Что вы мнѣ скажете?

— Скажу: да, было бы.

— Ха! Ну, а что тутъ? Развѣ мы не такіе же люди?

— Но я не сталъ бы употреблять насиліе. Я сталъ бы убѣждать—и только.

— А развѣ мы знали, развѣ она намъ говорила, что хочетъ креститься?—воскликнула Ревекка.—А какъ теперь мы ее будемъ убѣждать, если насъ не пускаютъ къ ней? Господинъ Малаховъ! — добавила она молящимъ тономъ: — вы—добрый человѣкъ, вы поймете родительское горе, хотя у васъ и нѣтъ дѣтей. О, вы такъ хорошо пишете, что не можете не понять! Помогите намъ, упросите о. Михаила и станового,—пусть дозволятъ мнѣ повидать Рахиль. Ради Бога! Ради...

Она, очевидно, хотѣла добавить: „ради Христа“, но ея уста не произнесли этого имени. Малаховъ все равно догадался.

— Я могу исполнить вашу просьбу,—сказалъ онъ,—хотя не увѣренъ въ успѣхѣ: вы испортили дѣло тѣмъ, что шумѣли у дома священника, стучали въ ворота и грозили ворваться.

— Чего не дѣлаетъ горе, господинъ Малаховъ! Когда отнимаютъ родное дитё, и овца можетъ обратиться въ волка.

— Я поговорю,—повторилъ Малаховъ,—но съ однимъ условіемъ: разойдитесь всѣ. Вы останьтесь, Ревекка, съ мужемъ у насъ, а я отправлюсь къ становому и о. Михаилу. Но дайте мнѣ слово, что вы не предпримете ничего, пока я не вернусь.

Евреи заговорили на своемъ языкѣ, быстро, громко. Всѣхъ сильнѣе кричалъ Хаймовичъ, размахивая руками и сверкая глазами, полными злобы. Властный голосъ Либермана заставилъ всѣхъ смолкнуть. Отъ лица всѣхъ, Либерманъ объявилъ Малахову, что „это будетъ такъ, какъ онъ хочетъ“. Послѣ этого всѣ евреи пошли изъ сада, а Малаховъ, которому съ балкона бросили шляпу, отправился къ становому.

Наталья Павловна, спустившаяся въ садъ, предложила Абрамовичамъ напиться кофе. Они отказались.

— Благодарю, — произнесъ Исаакъ, дотрогиваясь до картуза:—кушайте на здоровье, а мнѣ не хочется ничего.

— Зачѣмъ кофе!—сказала жена:—мы довольно уже напились своими слезами. Что еще надо пить!

— Не падайте такъ духомъ,—успокоительно замѣтила Наталья Павловна. — Можетъ быть, вамъ еще удастся повидать дочь.

— И что изъ того?—возразила еврейка.—Я думаю, ничего не будетъ, если велѣно ее привезти въ городъ. Все кончено! Я только хочу посмотрѣть на нее и услышать отъ нея самой, какъ она будетъ говорить. Пусть она скажетъ, какъ она могла такъ огорчить родителей и покрыть позоромъ всю семью.

Ревекка немного хитрила: она еще не потеряла надежды на возвращеніе дочери, потому и хотѣла видѣть ее и говорить съ ней.

— Отчего же это позоръ?—сказала Малахова.—Огорченіе—да, но я не вижу позора.

— Отчего? А вы думаете, это большая слава—мѣнять вѣру отцовскую и проклинать родителей?

— Какъ проклинать? Ее этого никто не заставитъ. У васъ невѣрное понятіе о христіанской религіи, Ревекка.

— Ну, что говорить! — сказала еврейка, махнувъ рукой.—Извѣстно, развѣ жидовъ вы считаете равными себѣ?

— Лично я, конечно, считаю, и вы могли убѣдиться въ этомъ. Но, во всякомъ случаѣ, причемъ проклятіе?

— Ну, не все ли равно, если насъ гонятъ, какъ паршивыхъ собакъ... что тогда?

Исаакъ сидѣлъ все время молча, склонивъ голову на руки. При послѣднихъ словахъ жены онъ медленно выпрямился, посмотрѣлъ на Малахову и на Рощина, стоявшаго съ ней рядомъ, и тихо промолвилъ:

— Ревекка говоритъ, какъ женщина. У женщинъ всегда чувства сильнѣе разудка.

— Исаакъ!

— Погоди,—остановилъ ее мужъ и продолжалъ: — Но она говоритъ правду. Я знаю все, что писано въ вашихъ книгахъ... Будете вы говорить, что всѣ вы живете такъ, какъ училъ вашъ Учитель?

— Я этого не скажу.

— Нн-у, а что еще надо? Въ вашихъ книгахъ сказано, что

язычники гнали христіанъ, а теперь вы не гоните насъ? Вы скажете: Абрамовичъ, кто гонитъ васъ, вамъ живется хорошо... Это такъ... Меня никто не бьетъ, не распинаетъ, но развѣ только въ этомъ гоненіе?

Не дожидаясь отвѣта, Абрамовичъ опустилъ голову на руки и задумался. Малаховой было глубоко жаль его и Ревекку, но въ то же время она подумала: „А для Рахили это лучше. Здѣсь она погибла бы. Эта жизнь не по ней. Но только почему она такъ сдѣлала? Ни словомъ не обмолвилась. Какая удивительная дѣвушка!“

— Можетъ быть, ваша дочь задумала выйти замужъ за христіанина,—промолвилъ Рощинъ, прерывая молчаніе.

— А что же другое,—конечно, такъ,—отвѣтила Ревекка.—Зачѣмъ бы она могла иначе такъ сдѣлать?

— Но если хорошій женихъ...

— У нея уже есть женихъ, и ей не надо другого.

— Кто же?

— Зачѣмъ вамъ это знать? Вы не знаете Рахиль, и что вамъ можетъ быть интереснаго знать ея жениха? — нѣсколько рѣзко промолвила еврейка.

Рощинъ смутился.

— А помните, Абрамовичъ,—произнесла Наталья Павловна,—вы говорили при мнѣ мужу: „всѣ религіи одинаковы, потому что Богъ одинъ, а только разные толкователи Его ученія“.

Абрамовичъ былъ такъ погруженъ въ свои думы, что не слыхалъ словъ Малаховой. Жена дотронулась до его плеча и сказала:

— Исаакъ, слышишь, тебѣ говоритъ мадамъ Малахова?

Абрамовичъ поднялъ голову, и когда Наталья Павловна повторила свою фразу, онъ медленно произнесъ, пожимая плечами:

— Ну, что изъ того? Я не требую, чтобы вы слѣдовали нашему толкованію. Я не хулю вашихъ книгъ, въ нихъ такъ много хорошаго. Но зачѣмъ же намъ молиться по вашимъ книгамъ, когда у насъ есть свой? Я только это говорю.

Ревекка вдругъ опять заплакала и, сжимая руки, произнесла:

— Рахиль, Рахиль! Какъ ты могла не пожалѣть насъ?!

— Пойдемте пить кофе,—произнесла Малахова, обращаясь къ Рощину, и добавила по-французски:—Все это очень тяжело.

Они уже допивали кофе, когда вернулся Малаховъ. Приставъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы мать видѣлась съ дочерью, только одна мать, и непремѣнно въ присутствіи священника. О. Михаилъ также соглашался на это, но сама Рахиль отказа-

лась отъ свиданія. Она умоляла—какъ можно скорѣе отправить ее въ городъ, въ монастырь, гдѣ ее уже ждали.

Абрамовичъ молча выслушалъ отвѣтъ, но Ревекка завопила, ломая руки.

Они ушли.

— Ювеналій, неужели Рахиль поступаетъ въ монастырь?—спросилъ Рощинъ.

— Нѣтъ, ее тамъ только на время пріютятъ и приготовятъ къ крещенію.

— Ты ее видѣлъ? что же она говоритъ?—спросила жена.

— Я ничего отъ нея не могъ добиться. Я передалъ все то, что узналъ. Да, вотъ еще: ее хотѣли выдать замужъ за Хаймовича, а она его ненавидитъ.

— Когда же ее увозятъ?—спросилъ Рощинъ.

— Сегодня, на поѣздѣ, который идетъ въ десятомъ часу вечера.

— Это такъ не обойдется,—проговорила Малахова и добавила:—Садись, пей кофе. А тутъ еще новость для тебя.

— Что такое?—спросилъ Малаховъ, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на жену.

— Авениръ Львовичъ остается здѣсь на житье.

— Авениръ?

И неподдѣльное изумленіе изобразилось на лицѣ Малахова.

— Вотъ видишь, какъ ты убѣдилъ меня!—воскликнулъ Рощинъ.

— Очень радъ, но только...

— Неужели ты хочешь меня отговаривать?

— Съ какой стати! Но какъ же, одинъ?

— Одинъ я не выживу. Нѣтъ, я выписываю Ольгу и дѣтей.

— Хорошо, кстати, здѣсь есть у Сахарова свободный верхъ.

— Вотъ и отлично! Мы сегодня же посмотримъ и можемъ нанять.

— Конечно, можемъ посмотрѣть... Но ты погоди писать женѣ. Это все надо обсудить.

Вернулась Рита и очень обрадовалась, когда узнала, что Рощинъ остается въ Рамцахъ. Ея радость была отравлена сообщеніемъ Натальи Павловны, что къ Рощину пріѣзжаетъ жена съ дѣтьми. Рита не знала, что Рощинъ женатъ. Она опечалилась, но скоро же примирилась съ неизбѣжнымъ фактомъ и, уже улыбаясь, отправилась вмѣстѣ съ пріятелями смотрѣть у Сахарова мезонинъ. Квартира была недурная, и она Рощину понравилась.

— Это дешевле пареной рѣпы!—воскликнулъ онъ, когда ему

сказали, что верхъ ходитъ по пяти рублей въ мѣсяцъ. Онъ сейчасъ же хотѣлъ дать задатокъ.

— Ты погоди,—остановилъ его Малаховъ.—Мы все обсудимъ, а Никита Макаровичъ повѣритъ намъ и безъ задатка.

Очевидно, Малаховъ не довѣрялъ рѣшенію пріятеля.

Побѣгъ Рахили привелъ въ восторгъ Риту.

— Ахъ, какъ это чудно!—воскликнула она.—Я не думала, что она на это способна. Выйти замужъ за Хаймовича—фи!

Она сдѣлала презрительную гримасу. Ей захотѣлось повидать Рахиль, и она рѣшила сбѣгать къ священнику. Но ее убѣдили не смущать Рахиль. Рита покорилась.

— Но будетъ скандалъ, непремѣнно будетъ!—хлопая въ ладоши, воскликнула она.—Я пойду на поѣздъ! Авениръ Львовичъ, вы вѣдь тоже пойдете?

— Я готовъ. А ты пойдешь, Ювеналій?

— Непремѣнно,—отвѣтилъ Малаховъ.

Послѣ вечерняго чая всѣ трое отправились на станцію. Малаховъ былъ нѣсколько взволнованъ. Но Рита шла точно на спектакль и такъ смѣялась, что даже Рощинъ замѣтилъ ей:

— Однако, вы слишкомъ легко относитесь ко всему этому, Гретхенъ.

— Что жъ такое? — съ удивленіемъ возразила дѣвушка. — Что же въ томъ печальнаго, что Рахиль крестится? Это восхитительно! Вѣдь мы дружили, и она ни слова! Ну, будь я на ея мѣстѣ...

При послѣднихъ словахъ Рощинъ засмѣялся. Не могъ удержаться отъ улыбки и Малаховъ.

На вокзалѣ уже собралась масса публики. Посельчане пришли съ тою же цѣлью, какъ и Рита: посмотрѣть, что будетъ. Они ходили парами и весело болтали, смѣялись. Евреи столпились въ углу и, о чемъ-то перешептываясь между собой, окидывали гуляющую публику недружелюбными взглядами.

Малаховъ подошелъ къ группѣ евреевъ и обратился къ Либерману, сидѣвшему рядомъ съ Абрамовичемъ:

— Моисей Моисеевичъ! Надѣюсь, вы сумѣете убѣдить вашихъ соплеменниковъ, что ваше сопротивленіе безплодно и можетъ только повредить имъ? Неужели вы дадите возможность это грустное для васъ событіе превратить въ веселое зрѣлище для праздношатающихся?

Либерманъ вдумчиво поглядѣлъ на Малахова и отвѣтилъ:

— И я, и мы всѣ разсуждаемъ такъ же, какъ и вы, но сердце иногда не повинуется разсудку, господинъ Малаховъ.

Когда вамъ больно, вы кричите противъ воли. Если будутъ увозить родное дитё у матери...

— Но зачѣмъ вы всѣ собрались? Пусть бы пришли только родители...

— А вы здѣсь зачѣмъ съ вашимъ пріятелемъ и съ хозяйской племянницей?—визгливо крикнулъ Хаймовичъ. — Тоже посмотрѣть пришли?

Либерманъ строго взглянулъ на молодого еврея. Тотъ замолкъ и отвернулся. Либерманъ продолжалъ:

— Я имъ говорилъ, но развѣ я начальникъ имъ и мои слова законъ? Что̀ тутъ можно подѣлать, когда всѣ возбуждены! Я пришелъ потому, что Исаакъ мой другъ, и я долженъ поддержать его.

— Поѣздъ подходитъ!—крикнулъ кто-то.

Дѣйствительно, сейчасъ же раздался звонокъ. Евреи встрепенулись и плотной толпой выступили на середину платформы.

— Но гдѣ же она, гдѣ Рахиль?—промолвила Ревекка, обращаясь къ мужу.

Она дрожала и на ея глазахъ блестѣли слезы.

Въ этотъ самый мигъ мимо вокзала пронеслась тройка. Въ телѣгѣ сидѣла Рахиль, а рядомъ съ ней по одну сторону становой, а по другую—урядникъ.

— Вотъ она, вотъ она!—закричало нѣсколько голосовъ.—Но куда же она ѣдетъ?

Телѣга завернула по дорогѣ поселка и быстро скрылась изъ глазъ. Евреи пришли въ изступленіе.

— Рахиль, Рахиль!—закричала со стономъ Ревекка и упала на руки мужа. Ея рыданія покрыли голоса кричавшихъ.

— Ее везутъ въ Ямки, и она тамъ сядетъ на поѣздъ,—догадался кто-то.

Это было вѣрно. Боясь нападенія со стороны евреевъ, становой распорядился, чтобы Рахиль уѣхала въ Новшинскъ изъ Ямокъ.

Подошелъ поѣздъ.

Евреи кинулись къ кассѣ за билетами. Касса оказалась закрытой. Поднялись крикъ и шумъ.

— Сейчасъ придетъ кассиръ, успѣете взять, — промолвилъ сторожъ.

Но кассиръ не приходилъ, а между тѣмъ раздался третій звонокъ.

— Что̀ же это такое? Вы не смѣете не выдавать билетовъ! —неистово закричалъ Хаймовичъ, подбѣгая къ начальнику станціи съ сжатыми кулаками. Жандармъ взялъ его за плечо. Хаймовичъ вырвался и кинулся на платформу, куда выбѣжало уже

нѣсколько евреевъ, старавшихся вскочить на поѣздъ безъ билетовъ. Но поѣздъ уже тронулся. Сторожа и жандармы загородили дорогу евреямъ. Хаймовичъ съ такой силой толкнулъ сторожа, что тотъ чуть не упалъ подъ поѣздъ. Еврей успѣлъ ухватиться за ручку вагона и повисъ на воздухѣ, не вскочивши на площадку. Раздался отчаянный крикъ сестры Хаймовича. Смѣльчакъ оборвался и упалъ на рельсы, но онъ отдѣлался только легкими ушибами. На платформѣ поднялся стонъ. Ревекка билась въ рыданіяхъ. Около нея суетились мужъ и Либерманъ. Малаховъ послалъ за желѣзнодорожнымъ врачомъ, который жилъ напротивъ вокзала. Все это удручающимъ образомъ подѣйствовало на собравшуюся публику. Веселые разговоры смолкли, и когда одинъ изъ молодыхъ телеграфистовъ произнесъ вслухъ какую-то шутку насчетъ Ревекки, его рѣзко оборвали. Рита также притихла. Нервное лицо Рощина конвульсивно передергивалось. Прибылъ врачъ. Ревекку привели въ чувство и отвезли домой. Малаховъ былъ сильно потрясенъ. Всѣ трое возвращались домой въ угнетенномъ настроеніи и дорогой не обмолвились ни словомъ между собою.

XI.

Малаховъ и Рощинъ сидѣли на балконѣ въ ожиданіи обѣда. Ювеналій Никандровичъ читалъ вслухъ газету, а Рощинъ слушалъ, откинувшись на спинку кресла. Впрочемъ, онъ слушалъ невнимательно, занятый думами о дѣтяхъ и Ольгѣ Николаевнѣ, которой сегодня утромъ послалъ письмо.

Катя только-что подала супъ, и Наталья Павловна начала его разливать, какъ къ садику подкатила коляска. Изъ нея вышелъ Нееловъ. Онъ раскланялся съ сидѣвшими на балконѣ и произнесъ съ улыбкой, отворяя калитку:

— Кажется, какъ разъ къ обѣду? Накормите?

— Милости просимъ, мы никогда странникамъ не отказываемъ,—шутливо отвѣтила Наталья Павловна.

Черезъ минуту Нееловъ уже входилъ на балконъ. Онъ поцѣловалъ руку у Малаховой и обмѣнялся крѣпкимъ рукопожатіемъ съ мужчинами.

— Все отлично, радуйтесь! — сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину и подсаживаясь къ столу.

— Значитъ, скоро можно будетъ приступить къ дѣлу?— промолвилъ Малаховъ.

— Да, а тамъ и за богадѣльню для престарѣлыхъ... Мнѣ

и то Захарьевна докучаетъ: „умру, говоритъ, не дождусь вашей богадѣльни“... А это кто къ вамъ?—добавилъ Нееловъ другимъ тономъ.

Въ садъ вошелъ старикъ въ синей чуйкѣ, весь бѣлый, какъ лунь, съ бородой чуть не до колѣнъ; за нимъ слѣдовали еще двое: одинъ брюнетъ, лѣтъ сорока, другой—рыжій, совсѣмъ еще молодой парень. Они остановились въ нерѣшительности посреди сада.

— Вамъ кого?—спросилъ Малаховъ.

— А тутъ намъ надо бы сочинителя повидать, который въ газетахъ пишетъ,—отвѣтилъ старикъ.

— Малаховъ по фамиліи будетъ,—добавилъ брюнетъ.

— Это я. Что вамъ надо?

— А вотъ и ладно,—обрадовавшись, произнесъ старикъ.—А мы, значитъ, къ тебѣ, по рыбному дѣлу. Защити насъ, родной! Ты обѣдай, мы подождемъ, если дозволеніе твое будетъ, а потомъ все и обскажемъ.

— Хорошо, я скоро... Чего добраго, опять корреспонденцію придется писать. Не люблю я этого, а нельзя—надо,—сказалъ онъ, обращаясь къ Рощину.

Онъ отхлебнулъ нѣсколько ложекъ супа и продолжалъ:

— Вообще, я избѣгаю всѣхъ этихъ обличеній, но когда приходится являться, такъ сказать, депутатомъ отъ народа, по выраженію супруги Дмитрія Алексѣевича, я не считаю себя въ правѣ отказывать имъ. Такое полномочіе даже лестно и обязательно. Если печатное слово можетъ быть полезнымъ, имъ нужно служить вездѣ, гдѣ надо.

— Развѣ корреспонденціи достигаютъ цѣли?—съ недовѣріемъ спросилъ Рощинъ.

— Да еще какъ! Тутъ, было, подрядчикъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ совсѣмъ прижалъ. Моя корреспонденція подняла шумъ, вызвала коммиссію, и рабочіе получили свое.

— Припоминаю, читалъ!—промолвилъ Рощинъ.—Ну, что же, честь тебѣ и слава! Вонъ Португаловъ тоже явился такимъ депутатомъ, но ему пришлось попасть на скамью подсудимыхъ.

— Мнѣ не приходилось: однако, подрядчикъ съ тѣхъ поръ меня терпѣть не можетъ, подговаривалъ даже меня отколотить, но пьянчужка, купленный имъ, пришелъ вдругъ ко мнѣ и во всемъ покаялся. Прежде чѣмъ писать, я былъ у подрядчика и просилъ покончить добромъ съ рабочими. И слышать не захотѣлъ! Я упомянулъ о газетѣ. „Мнѣ, говоритъ, наплевать; сдѣ-

лайте одолженіе, пишите!" А потомъ и жалѣлъ самъ. Съ этого дѣла мой престижъ поднялся среди крестьянъ. Но что̀ это за рыбное дѣло?

Малаховъ доѣлъ котлету и, не дожидаясь чая, отправился въ садъ.

— Хорошо сдѣлалъ Ювеналій Никандровичъ, что поселился здѣсь, — сказалъ Нееловъ, вытирая губы салфеткой: — и жить ему здѣсь здоровѣе, и писать удобнѣе, и хорошее дѣло дѣлаетъ. Я такъ радъ этому; въ деревнѣ мало людей, всѣ бѣгутъ въ города и оттуда подаютъ совѣты.

— Писатели худые дѣятели, — замѣтилъ Рощинъ: — они даютъ совѣты, чтобы...

— Другіе ихъ исполняли? — подхватилъ Нееловъ. — А гдѣ эти другіе? Оттого и худо и въ деревнѣ, что изъ нея бѣгутъ тѣ, которые могли бы быть полезными, а остаются дѣльцы, преслѣдующіе лишь свои личныя цѣли. И отчего писатели плохіе дѣятели? Вашъ пріятель первый опровергаетъ эту мысль. Конечно, надо знать деревню. Ну, такъ поживи, познакомься... А если бы вы только знали, сколько здѣсь дѣла! Я согласенъ, что писательство само по себѣ уже дѣло, служба, но если можно и еще чѣмъ-нибудь служить, такъ отчего же и нѣтъ.

— Я также думаю здѣсь поселиться, — сказалъ Рощинъ.

— Развѣ? Вотъ отлично-то! Значитъ, нашего полка прибываетъ? Вы не шутите?

— Серьезно, я даже присмотрѣлъ квартиру.

— У! мы теперь начнемъ работать.

— Вы такъ сильно на меня надѣетесь?

— Разумѣется! Всякій мыслящій человѣкъ для деревни кладъ. Но только, прибавлю я, знающій деревню...

— Мои взгляды нѣсколько иные, чѣмъ у Ювеналія.

— При чемъ тутъ взгляды? Если вы будете знать деревенскія нужды и честно отнесетесь къ дѣлу, вы постараетесь удовлетворить запросы деревни. Что̀ такое другіе взгляды? Вѣдь иногда они, простите меня, происходятъ отъ незнакомства съ жизнью. Издалека все представляется въ другомъ свѣтѣ...

Изъ сада послышался голосъ Малахова:

— Хорошо, я все это сдѣлаю и нумеръ пришлю вамъ.

Мужики сняли шапки и поклонились. Малаховъ простился съ ними, пожавъ имъ руки.

— Опять депутатомъ приходится быть, — сказалъ онъ, входя на балконъ. — Буду бороться съ богачомъ, царькомъ околотка.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

Богатый рыбопромышленникъ и пароходчикъ загородилъ въ порогахъ рѣку желѣзными рѣшетками и такимъ образомъ ловилъ рыбу, лишая всякаго улова другихъ рыбаковъ. Рыбаки жаловались ближайшему начальству, но ничего не добились, потому что „золотой крючокъ сильнѣе желѣзнаго“, какъ иронически говорили мужики. Поставленные въ безвыходное положеніе, они узнали отъ кого-то, что въ Рамцахъ живетъ такой сочинитель, который заступился за желѣзнодорожныхъ рабочихъ и помогъ имъ получить деньги съ подрядчика. Имъ посовѣтовали обратиться къ нему. Выборные отъ рыбаковъ пришли къ Малахову, прося его „все такъ описать, чтобы и министры узнали, а ужъ тогда и богачу спуска не будетъ“. Малаховъ обѣщалъ написать обо всемъ въ одну вліятельную газету.

Нееловъ сталъ торопить отъѣздомъ. Малаховъ и Рощинъ рѣшили проводить его.

— Когда же вы къ намъ?—сказалъ Нееловъ Натальѣ Павловнѣ, прощаясь:—жена ждетъ васъ играть въ четыре руки. Эхъ, жаль, что я прозѣвалъ и не попросилъ васъ что-нибудь сыграть!

— Ну, вотъ,—съ улыбкой произнесла Малахова:—Капитолина Игнатьевна такая музыканша, что вамъ нечего слушать меня.

— Будетъ вамъ скромничать, — возразилъ Нееловъ. — Вы играете съ большой душой.

— Это и я могу подтвердить, — проговорилъ Рощинъ. — Вчера и сегодня передъ обѣдомъ Наталья Павловна усладила мое сердце,—особенно моимъ любимымъ Шопеномъ.

— Это дамскій любимецъ,—замѣтилъ Нееловъ.—Впрочемъ, что хорошо, то хорошо. Но я предпочитаю Бетховена и отдыхаю на его величественныхъ хоралахъ. Такъ мы васъ ждемъ, — добавилъ онъ уже на порогѣ.

— Я, вѣроятно, скоро буду. Поклонъ Капитолинѣ Игнатьевнѣ...

Едва только коляска отъѣхала отъ дома, какъ навстрѣчу попался о. Михаилъ, на одноколкѣ возвращавшійся съ требы. Онъ снялъ широкополую шляпу, раскланялся и крикнулъ Малахову: „А я къ вамъ собирался сегодня, Ювеналій Никандровичъ! Вы надолго?“

— Скоро не отпущу! — отвѣтилъ за него Нееловъ, разсмѣявшись.

Когда они отъѣхали нѣсколько шаговъ, онъ добавилъ, обращаясь къ Рощину:

— Это большіе друзья, вашъ пріятель и о. Михаилъ. Удивляюсь я только, какъ онъ могъ осѣдлать попа?

— Ну, ужъ скажете тоже!—промолвилъ Малаховъ.

— А что же? Грѣшный человѣкъ, признаюсь, не лежитъ мое сердце къ о. Михаилу. Жаденъ онъ, лѣнивъ, однимъ словомъ—*попъ*! Этимъ все сказано: *не пастырь*, а *попъ*. А какъ бы нужны были пастыри деревнѣ! Ой, какъ нужны!

— Я думаю, они нужны вездѣ,—сказалъ Рощинъ.

— Конечно, но особенно здѣсь. Правду сказать, о. Михаилъ лучше сталъ, а все благодаря вамъ, Ювеналій Никандровичъ. Дипломатъ вы!

— Ничуть не дипломатъ,—возразилъ Малаховъ.—Просто я считаюсь съ фактами. Я ничего не требую, не говорю: „вы должны“,—это невольно раздражаетъ,—я, такъ сказать, авансомъ хвалю и признаю способности на хорошее,—ну, онъ и дѣлаетъ. Знаете, въ каждомъ человѣкѣ есть хорошія струны, надо только ихъ затронуть. Нашъ о. Михаилъ уже вовсе не такъ скверенъ. Онъ грубоватъ, малодѣятеленъ, но надо только умѣть затронуть замолкшія струны, а не натягивать ихъ сразу туго. Онъ поддается на многое.

— Я злобнаго чувства къ духовенству не питаю,—произнесъ Нееловъ,—и долженъ сказать, что встрѣчалъ очень хорошихъ пастырей... но о. Михаилъ... Мичуринъ выражается рѣзко, но по существу онъ правъ....

— Ну, вашъ Мичуринъ большой болтунъ,—замѣтилъ Малаховъ съ видимымъ неудовольствіемъ.—Конечно, о. Михаила я не назову идеальнымъ, но что̀ такое самъ Мичуринъ? Онъ продѣлываетъ разныя гадости на соблазнъ крестьянамъ: Мичурины—ядъ для деревни.

— Въ этомъ-то вы правы,—согласился Нееловъ.

Сытые кони бѣжали бойко. Коляска на мягкихъ рессорахъ почти совсѣмъ не трясла, несмотря на сравнительно плохую дорогу. Съ одной стороны ея тянулся лѣсъ, а съ другой поля, за которыми на возвышенностяхъ раскинулись деревеньки и небольшія помѣщичьи усадьбы. День былъ нежаркій, солнце не пекло, а только пріятно грѣло своими лучами. Въ воздухѣ пахло лѣсомъ и полями, дышалось легко, и человѣкомъ овладѣвало спокойствіе.

— Какая благодать!—сказалъ Нееловъ, прерывая недолгое молчаніе.—Попадешь въ городъ и невольно тянетъ тебя опять сюда, въ эту тишь. Здѣсь себя чувствуешь лучше.

— Это вѣрно,—подтвердилъ Рощинъ.—Ужъ на что я нервный, а здѣсь и я себя чувствую болѣе уравновѣшеннымъ. Мой дѣдушка всегда говорилъ: „Въ деревнѣ Богъ ближе“.

— Если хотите, это вѣрно,—въ раздумьи промолвилъ Нееловъ.—Да это и понятно: ближе къ природѣ, меньше этой сутолоки, отрывающей человѣка отъ самоуглубленія. Горожане всегда болѣе раздраженные и нервные.

— Да, сказалъ Малаховъ.—Тамъ человѣкъ не работаетъ, а мечется. Тамъ жизнь течетъ не какъ рѣка, а какъ горный потокъ.

— А я все-таки заступлюсь за городъ! — промолвилъ Рощинъ. — Тамъ больше высшихъ интересовъ, тамъ всѣ крупныя дѣла, тамъ задаютъ тонъ, а здѣсь только...

— Ну, ужъ извините, — перебилъ Нееловъ: — тонъ дается именно деревней, потому что Россія—это деревня. А если Питеръ позволяетъ себѣ давать тонъ, такъ это съ его стороны большая дерзость, за которую приходится расплачиваться деревнѣ. Почти всегда, когда Питеръ даетъ тонъ, не спрашиваясь деревни, выходитъ чепуха и самая скверная.

Коляска только-что въѣхала въ деревню и поровнялась съ казенной лавкой.

— Вотъ вамъ первое, — сказалъ Нееловъ, указывая рукой на казенную лавку.—Вы думаете, лучше стало?

— А развѣ хуже?—спросилъ Рощинъ.

— Скорѣе—да. Вы не смотрите на эти общества трезвости и поучительныя книжки. Это — чепуха: одной рукой продавать водку, а другой—усовѣщивать пьяницъ.

— Но вообще развѣ пьянства не меньше?

— Вы спросите у вашего пріятеля, что̀ за картины приходится наблюдать. Даже прежде этого не было. Не угодно ли: идетъ обѣдня, казенка забрыта, но около нея уже стоитъ шеренга жаждущихъ, точно у кассы театра, когда берутъ билеты на Мазини. Всѣ ждутъ открытія лавки и забрались раньше, чтобы не пропустить. Ждутъ, не могутъ дождаться, когда же кончится обѣдня... Тутъ же торчитъ и деревенскій полисменъ. И вотъ лавка открывается: бросаются въ нее, покупаютъ водку, выходятъ и пьютъ на улицѣ. Происходятъ сцены, достойныя кисти Рѣпина. Такъ какъ закуски-то нѣтъ, то водка дѣйствуетъ сильнѣе. Многіе напьются и тутъ же валяются. Въ Рамцахъ была одна лавка, такъ мало, видите ли, открываютъ другую. Это что̀ же: борьба съ пьянствомъ, или что̀ иное?

— Ювеналій говоритъ, что открывается чайная и при ней читальня...

— Да, но, вы думаете, чайной легко будетъ бороться съ винной лавкой?

— А вѣдь прежде, навѣрное, было еще больше кабаковъ?

— Да, но вѣдь пили не больше. И въ двухъ водки хватитъ на всѣхъ. Но прежде пили и тутъ же закусывали, и не было такихъ развращающихъ уличныхъ сценъ, какъ теперь. Нѣтъ, ужъ если бороться съ пьянствомъ,—а это надо, потому что отъ водки деревня гибнетъ,—такъ надо бороться настоящимъ образомъ.

Нееловъ закурилъ сигару и заговорилъ снова:

— Вотъ, Ювеналій Никандровичъ живетъ здѣсь уже девять лѣтъ, онъ все узналъ. Мы всякія учрежденія заводимъ, стараемся, что̀ можемъ, сдѣлать для деревни. Слава Богу—кое-что и дѣлаемъ, но намъ положительно мѣшаетъ водка. Деревня не становится трезвѣе, а пьянство все увеличивается и увеличивается, и пока водка будетъ доступна, какъ теперь, — деревнѣ не подняться.

— Вѣдь все дѣло въ желаніи пить, — сказалъ Рощинъ. — Когда не будетъ этого желанія у мужика,—никакіе кабаки не будутъ опасны.

— Это уловка!—воскликнулъ Нееловъ.—Сильный не пойдетъ. А много ли ихъ? Большинство слабо, и его нельзя искушать и говорить: а ты выдержи! Нѣтъ, уберите соблазнъ! Недаромъ мы и Бога просимъ: „не введи насъ во искушеніе“. Пора бы съ этимъ прошеніемъ обратиться и деревнѣ къ тѣмъ, кто задаетъ ей тонъ.

— А знаете, — смѣясь, сказалъ Рощинъ,—вы оба все-таки ужасные консерваторы.

— Страшное слово!—промолвилъ Нееловъ.—Консерваторы! Ну, такъ вотъ вамъ мнѣніе обо мнѣ и вашемъ пріятелѣ здѣшняго охранителя, предводителя дворянства. Онъ какъ-то встрѣтился съ Ювеналіемъ Никандровичемъ у меня, да потомъ мнѣ и говоритъ: „Повидимому, вы съ нимъ консервативнаго̀ направленія, но вѣдь собственно вы такіе консерваторы, которые опаснѣе либераловъ. Вы просто консервативные радикалы“... Вотъ вамъ!

— Что же, — замѣтилъ Малаховъ: — такого взгляда всегда держался и чиновникъ, считавшій опасными Аксакова и его единомышленниковъ.

Коляска поднялась въ гору, и глазамъ ѣхавшихъ открылась усадьба, по срединѣ которой возвышался большой домъ съ башнями, съ балконами, выкрашенный въ бѣлую краску.

— Какой прекрасный домъ, точно дворецъ! — воскликнулъ Рощинъ.

— Благодарю! Это мой дворецъ, — отвѣтилъ Нееловъ. —

Ага! вонъ и жена стоитъ на балконѣ. Она и не ожидаетъ, кого я везу.

Онъ снялъ шляпу и замахалъ ею. Женщина, стоявшая на балконѣ, замѣтила это и махнула платкомъ.

Кони точно обрадовались концу дороги и рванулись впередъ. Старый кучеръ, несмотря на это, еще подхлестнулъ ихъ. Онъ любилъ лихо подкатить къ крыльцу,—это была его слабость.

XII.

Когда-то Нееловка была извѣстна всей губерніи. Но тѣ времена давно отошли въ область преданія. Уже отецъ Дмитрія Алексѣевича, Алексѣй Ивановичъ, не задавалъ пировъ, на которые прежде съѣзжались помѣщики всего уѣзда и многіе сановники изъ Петербурга. Проѣвъ милліонъ, Иванъ Дмитріевичъ умеръ отъ апоплексіи; онъ оставилъ сыну сравнительно очень скромныя средства, и не скончайся во-время богатая тетка, дѣла новаго владѣльца Нееловки могли бы сильно пошатнуться. Наслѣдство спасло Алексѣя Ивановича, который пробылъ даже трехлѣтіе предводителемъ дворянства, а потомъ засѣлъ въ Нееловкѣ и занялся хозяйствомъ, отказавшись даже отъ мѣста предсѣдателя управы при открытіи земскихъ учрежденій въ губерніи. Хорошій и трудолюбивый хозяинъ, любитель деревни, Алексѣй Ивановичъ постарался воспитать сына въ своихъ взглядахъ. Любовь къ деревнѣ, развитую отцомъ въ Дмитріи Алексѣевичѣ, раздѣляла и его жена, Капитолина Игнатьевна, которая называла себя прямо ненавистницей города. Впрочемъ, Дмитрій Алексѣевичъ еще при жизни Алексѣя Ивановича служилъ недолго въ Петербургѣ, но въ годъ смерти отца бросилъ службу и уже навсегда поселился въ имѣніи, посвятивъ себя исключительно сельскому хозяйству, службѣ деревнѣ, являясь при этомъ дѣятельнымъ гласнымъ. Нееловы жили скромно, однако не чуждались знакомствъ, посѣщали изрѣдка Петербургъ, были два раза заграницей, въ Крыму и на Кавказѣ. Дѣтей у нихъ не было, и они жили вдвоемъ, „какъ Адамъ и Ева“, по шутливому выраженію острякa-сосѣда, который прибавлялъ при этомъ: — „Вотъ только искусителя-змѣя нѣту; впрочемъ, Капитолина Игнатьевна такая жена, какую и сто змѣевъ не введутъ во искушеніе“.

Дѣйствительно, она держала себя очень строго, съ большимъ достоинствомъ, и одна осанка ея уже внушала къ ней уваженіе.

Балагуръ-помѣщикъ, называвшій Нееловыхъ Адамомъ и Евой, признавался искренно: „я Капитолинѣ Игнатьевнѣ и комплиментъ боюсь сказать,—такая она внушительная“. Капитолина Игнатьевна прекрасно знала сельское хозяйство и могла бы его вести безъ помощи мужа; ее нельзя было обмануть, разжалобить поддѣльными слезами. Она понимала людское горе и умѣла не только сочувствовать, а и помогать въ нуждѣ, но, обладавшая сильной волей, она была чужда всякой сантиментальности. „Если дѣло—такъ дѣло“,—говорила она, и въ этомъ отношеніи была болѣе выдержана, чѣмъ мужъ. Тотъ иногда увлекался и любилъ помечтать. Капитолина Игнатьевна работала и помогала, заботилась о домѣ и хлопотала о меньшомъ братѣ, не уносясь за облака. Она снисходительно относилась къ нѣкоторымъ фантазіямъ мужа, который все-таки на дѣлѣ оставался вполнѣ почвеннымъ работникомъ, и останавливала его, когда онъ въ своихъ разговорахъ „отрывался отъ земли“.

— Погоди, Дмитрій, ты опять унесся за облака. Вѣдь надо вотъ что...

И она излагала свои мысли, планы—всегда ясные, опредѣленные. Это была женщина глубоко убѣжденная, потому что всѣ ея убѣжденія покоились на знаніи жизни и людей. Умная отъ природы, она ко всему приглядывалась и скоро научилась тому, чему учитъ жизнь. Она говорила медленно, спокойно и вѣско. „Отъ всего житейскаго“ она отдыхала за роялемъ.

Усадьба Нееловыхъ была обнесена оградой. На большой дворъ, содержимый чисто, вели чугунныя ворота. Налѣво стоялъ флигель, за нимъ домъ, въ которомъ жили рабочіе, и уже далѣе шли разныя хозяйственныя постройки. Направо господскій домъ, передъ которымъ на площадкѣ, усыпанной мелкимъ гравіемъ, стоялъ фонтанъ, дорого стоившій Ивану Дмитріевичу, но теперь уже не бившій. Крыльцо дома, расположенное полукругомъ, было съ крытымъ подъѣздомъ, надъ которымъ на высокихъ столбахъ находился балконъ.

Кучеръ лихо подкатилъ къ крыльцу и остановился какъ-разъ передъ дверьми, которыя сейчасъ же растворились, и пріѣхавшихъ встрѣтила молоденькая горничная, одѣтая въ коричневое платье и бѣлый передникъ. Худенькая, стройная, съ интеллигентнымъ выраженіемъ миловиднаго личика, она походила болѣе на выпускную гимназистку, чѣмъ на горничную. Рощинъ сразу замѣтилъ ея глазки-незабудки, не утерпѣлъ и шепнулъ:

— Какой цвѣтокъ!

Изъ просторныхъ, полусвѣтлыхъ, благодаря закрытому подъ-

ѣзду, сѣней широкая лѣстница вела въ верхній этажъ дома, а дверь, обитая клеенкой—въ нижнія комнаты.

— Пожалуйте наверхъ, господа,—сказалъ Нееловъ.— А то не хотите ли освѣжиться отъ пыли? Тогда пойдемте внизъ, ко мнѣ въ умывальную.

Гости охотно приняли это предложеніе.

— Однако, у васъ все на большую ногу, — замѣтилъ Рощинъ, видимо довольный всѣмъ видѣннымъ.

— Строено не мной, — отвѣтилъ Нееловъ, — приходится только поддерживать. Мы съ женой съ удовольствіемъ бы жили въ уютномъ домикѣ. Но не перестраивать же, да и не хочется нарушать старины. Ко всему привычка съ дѣтства; каждый уголокъ, каждая вещичка близка, дорога; всего жалко...

— Такая любовь—великая сила,—замѣтилъ Малаховъ;—она васъ и держитъ здѣсь.

— Да, конечно, этой любовью прежде все и держалось. Я только и счастливъ въ этомъ гнѣздѣ, ну а потомъ...

Они вошли въ большую комнату, въ которой стояло три умывальника, полуванночка и шкапъ съ душемъ. Тутъ же находилась висячая гимнастика, на полу лежали гири...

— Э, да вы и гимнастикой занимаетесь,—сказалъ Рощинъ.

— Нѣтъ, это отецъ любилъ. Я не охотникъ. Я предпочитаю работу въ полѣ, въ саду... верховую ѣзду... Но,—добавилъ онъ,—я все это оставляю, какъ память прошлаго. Когда-то и меня отецъ заставлялъ все это продѣлывать...

Они освѣжились съ дороги и почувствовали себя обновленными.

— Что это вы начали говорить о своемъ гнѣздѣ, Дмитрій Алексѣевичъ? „Ну, а потомъ“... сказали вы и не окончили,— напомнилъ Малаховъ, причесываясь передъ зеркальнымъ шкапомъ.

— Что я хотѣлъ сказать? Не помню...

Нееловъ задумался на мгновеніе и воскликнулъ:

— Ахъ, да, я сказалъ, что все старое близко, дорого, и потому храню его. Вотъ хотя бы этотъ умывальникъ: видите, какой онъ инвалидъ, его давно бы слѣдовало сдать въ архивъ, но это мой старый другъ. Онъ былъ моимъ умывальникомъ еще въ дѣтствѣ. Такъ и все. А послѣ насъ — мы вѣдь бездѣтны, какъ Захаръ и Елизавета—имѣніе перейдетъ къ дальнимъ родственникамъ; тѣмъ это все будетъ чужое, да они, пожалуй, и продадутъ. Жаль, жаль! Впрочемъ, жена предполагаетъ устроить здѣсь школу на особый манеръ, а наслѣдникамъ выдать деньги. Она сроднилась со всѣмъ, словно и сама здѣсь родилась. Да, право, какъ подумаешь, грустно становится.

— Вы рѣдкій экземпляръ среди современныхъ помѣщиковъ,—сказалъ Рощинъ.—Тѣ такъ не привязаны къ своимъ родовымъ гнѣздамъ.

— И бѣгутъ въ городъ на службу? О, да, это такъ! Оттого и обезлюдѣла деревня,—съ грустью произнесъ Нееловъ. — Всѣ дѣлаютъ карьеру и никому деревня не близка.

Они вышли въ сѣни и стали подниматься по лѣстницѣ.

— Вотъ, пріѣхалъ тутъ было изъ Петербурга въ свое имѣніе Холодковъ, — произнесъ Нееловъ, развивая свою мысль: — съ университетскимъ образованіемъ. Я обрадовался. И что жъ? Побылъ земскимъ начальникомъ, потомъ его сдѣлали вице-губернаторомъ, и теперь онъ кандидатъ на губернатора. Только деревня его и видѣла.

Въ просторной, свѣтлой гостиной, обставленной въ старинномъ барскомъ вкусѣ, встрѣтила гостей хозяйка дома. Это была высокая, статная женщина, красивая и величественная, державшаяся такъ, какъ умѣютъ держаться только хорошо воспитанныя женщины извѣстнаго круга. Ея величавость не переходила въ чопорность, простота была чужда вульгарности, въ любезности не замѣчалось заискивающей услужливости растерявшейся хозяйки. Неелова поздоровалась съ Малаховымъ, какъ съ хорошимъ знакомымъ, дружески освѣдомилась о здоровьи Натальи Павловны, нѣсколькими словами выразила Рощину свое удовольствіе по поводу его пріѣзда, дала ему понять, что она знакома съ нимъ, какъ съ писателемъ, но удержалась отъ тѣхъ банальныхъ похвалъ, которыя смущаютъ каждаго и кажутся всегда неискренними. Умѣренность тона чрезвычайно была пріятна Рощину.

Всѣ прошли на балконъ, гдѣ на столѣ, покрытомъ безукоризненно бѣлой скатертью и сервированномъ просто, но со вкусомъ, шумѣлъ мельхіоровый самоваръ. Разговоръ завязался сразу непринужденно, и Рощинъ скоро почувствовалъ себя точно у хорошихъ знакомыхъ. Капитолина Игнатьевна очень понравилась Рощину. Ея круглое бѣлое лицо, залитое румянцемъ, дышало здоровьемъ. Въ большихъ карихъ глазахъ свѣтились умъ и энергія. Губы сохранили удивительную свѣжесть, такъ что Рощинъ невольно подумалъ: „Да неужели ей сорокъ лѣтъ, какъ говоритъ Ювеналій?“ Каштановые густые волосы Капитолина Игнатьевна зачесывала назадъ, слегка поднимая на гребенкахъ и свертывая косу кольцомъ на затылкѣ. Одѣта она была въ легкое чесучовое платье съ такой же англійской рубашечкой вмѣсто лифа, перетянутой чернымъ поясомъ, съ большими металлическими пряжками.

Разговоръ, переходя съ одного предмета на другой, коснулся и больного вопроса — бѣдности деревни людьми. Вставивъ небольшое замѣчаніе въ споръ мужа съ Рощинымъ, Капитолина Игнатьевна обратилась къ послѣднему:

— Нашъ сосѣдъ, Мардарій Вавиловичъ Кусковъ, обижается на меня за то, что я ему сказала какъ-то: „вы одинъ изъ неоправдавшихъ надежды“. Я не желала ему сказать ничего непріятнаго, но когда вопросъ поставленъ на серьезную почву, я люблю говорить только правду.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ,—замѣтилъ Рощинъ.—Что это значитъ—„неоправдавшихъ надежды“?

— Кусковъ—бывшій здѣшній земскій начальникъ, — между прочимъ, вставилъ отъ себя Нееловъ.

— И, какъ большинство, — промолвила Капитолина Игнатьевна, — помнящій больше о своихъ правахъ, чѣмъ о своихъ обязанностяхъ. Имъ деревня не близка, не дорога... Они ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которые бѣгутъ изъ деревни для карьеры... Вѣдь они и остаются здѣсь тоже ради карьеры.

— Я только-что сообщалъ Авениру Львовичу о Холодковѣ,— опять вставилъ Нееловъ.

— Ну, вотъ,—промолвила жена.—Это одинъ изъ многихъ. И живутъ здѣсь только изъ личныхъ цѣлей и нисколько не думаютъ о деревенскихъ нуждахъ. Или ничего не дѣлаютъ, или дѣлаютъ только для вида.

— Развѣ вы полагаете, что въ роли земскаго начальника можно многое сдѣлать?—произнесъ Рощинъ.

— Видите, я на все смотрю съ практической точки зрѣнія, и въ этомъ отношеніи мы съ мужемъ солидарны, такъ что я могу сказать: для насъ съ нимъ важны не клички, а дѣло.

Неелова поправила на чайникѣ салфеточку и продолжала тѣмъ же ровнымъ тономъ:

— Пока деревня еще темна и даже малограмотна, она должна имѣть руководителей.

— Ахъ, вы за опекунство помѣщиковъ! — воскликнулъ Рощинъ нѣсколько иронично.

— Называйте, какъ хотите,—спокойно возразила Неелова.— Пусть это будетъ опека въ лицѣ помѣщиковъ или вообще просвѣщенныхъ людей, сидящихъ на землѣ и служащихъ деревнѣ— все равно.

— Это непремѣнно такъ,—подтвердилъ Дмитрій Алексѣевичъ.

— Только вотъ что,—продолжала Капитолина Игнатьевна:— чтобы честно выполнить эту задачу, нужно любить деревню и

мужика, но любить не книжно, не отвлеченно, не давать ему вмѣсто хлѣба камень, не дразнить его абрикосами, когда кругомъ и яблоки не зрѣютъ. Вы меня понимаете?

— Конечно!

— Такъ вотъ. А развѣ съ этой цѣлью остаются въ деревнѣ помѣщики, не убѣжавшіе въ городъ? Развѣ для такой службы они являются сюда изъ города? Все для себя и только.

Она замѣтила выраженіе довольства на лицѣ Рощина и добавила:

— Вы не сочтите меня за ту идейную народницу, которая требуетъ подвиговъ и жертвъ. Ничуть! Я противъ жертвъ. Хозяйничая, я ничего не упущу, но это нисколько не противорѣчитъ тому, что я говорю. Да и нашъ народъ очень практичный,— онъ мечтателей также не любитъ.

— Но едвали можно соединить такъ удобно полезное съ пріятнымъ,—уже не скрывая насмѣшки, промолвилъ Рощинъ.

— Очень легко. Вы не деревенскій житель? Я угадала.

— Да, я родился въ городѣ и прожилъ почти всю жизнь въ немъ.

— Это и видно. А я васъ могу увѣрить, что это очень легко.

— Но развѣ вы совсѣмъ противъ подвиговъ и жертвъ?— спросилъ Малаховъ.

— Ну, разумѣется, бываютъ моменты въ жизни, когда и жертвы, и подвиги нужны, даже обязательны, но я имѣю въ виду обыкновенныя времена, когда нужны не борцы, а работники, когда нужна не жертва, а трудъ.

— Прибавьте: и любовь.

— Понятно, безъ нея ничего и никогда нельзя сдѣлать, она одинаково нужна и въ борьбѣ, и въ работѣ.

Рощинъ поднялся со стула. Его нервность сказалась.

— Но развѣ теперь не боевое время?—воскликнулъ онъ.—Да развѣ теперь не нужны борцы? Чего вы достигнете безъ борьбы?

Капитолина Игнатьевна улыбнулась и хотѣла отвѣтить, но ее перебилъ мужъ:

— Прости, Лина,—сказалъ онъ:—дай мнѣ возразить Авениру Львовичу. Голубчикъ,—произнесъ онъ, подходя къ Рощину, прислонившемуся къ колоннѣ:—въ томъ-то и ошибка, что всѣ мечтаютъ о борьбѣ, а не о трудѣ. Оттого-то и жизнь подвигается къ лучшему такъ тихо. На борьбу человѣкъ способенъ недолго, и преимущественно только въ юности. Вотъ у насъ въ молодые годы горячатся, и на это ухлопаютъ всю энергію, весь

запасъ силъ, а когда надо дѣлать дѣло—ничего и нѣтъ. Остается одно разочарованіе, усталость, озлобленность... Посмотрите: на школьной скамьѣ люди готовы на всякую жертву, на гибель, а потомъ въ жизни вы просто узнать человѣка не можете: куда это все дѣвалось? Точно и не было ничего у него. Оглянитесь кругомъ: ну, поглядите на учителей, врачей, инженеровъ... да всѣ они не только далеки отъ идеала, о которомъ мечтали, а просто стыдно сказать... Возьмешь въ руки газету—и масса безобразныхъ фактовъ, а виновники—это тѣ, которые когда-то готовы были чуть не умереть за идею.

— Отчего же это?

— Отчего? да оттого, что мы не готовимся въ работники, насъ увлекаетъ только одна борьба. Для такой борьбы, какую ведутъ обыкновенно въ молодости, вѣдь достаточно только одной бурной крови. Это вовсе не идейность, а просто силъ избытокъ. Можетъ быть, васъ это покоробитъ, но вѣдь я скажу прямо: эта борьба отдаетъ немножко скандаломъ. Ну-съ, а для работы нужно знаніе, подготовка, выдержка, терпѣніе...

— Да вѣдь эта работа та же борьба?

— Пожалуй—та же. Но это такая борьба, которая требуетъ напряженія изо дня въ день, умѣнья считаться съ условіями жизни, пользоваться ими, не губить дѣло изъ-за мелочей, уважать чужую святыню. Та борьба, о которой всѣ мечтаютъ—на виду, шумная, а эта—сѣренькая, впотьмахъ и несетъ удовлетвореніе только тому, кто проникнутъ любовью къ народу.

— Но тогда въ этой борьбѣ уже подвигъ и жертва,—сказалъ Рощинъ.

— Почему?—спросилъ его Малаховъ.—Я понимаю Капитолину Игнатьевну, что можно работать и безъ жертвъ.

— Позволь, да вѣдь ты приносишь свое „я“ въ жертву общему благу!

— Конечно, если ты хищникъ, то это другой вопросъ, а иначе...

— Да что такое жертва?—вмѣшалась опять хозяйка.—Вотъ одна знакомая дама мнѣ говорила: „ахъ, дорогая, какъ вы можете приносить такую жертву,—живете въ деревнѣ?“ Да позвольте! по вашему это жертва, а по моему—совсѣмъ не жертва; я люблю деревню, и для меня было бы, напротивъ, жертвой жить въ городѣ. Такъ и все.

— Ну, конечно,—подтвердилъ мужъ.—Вотъ отецъ-Михаилъ жалуется на то, что каждое воскресенье ему приходится вести послѣ вечерни бесѣду съ прихожанами. Это для него бремя, по-

тому что ему гораздо интереснѣе играть въ преферансъ, чѣмъ бесѣдовать. Но Златоустъ смотрѣлъ иначе. Тотъ въ такихъ бесѣдахъ видѣлъ всю жизнь. Въ томъ-то и дѣло, что надо воспитывать въ человѣкѣ работника для своей страны, такъ, чтобы его влекло къ службѣ народу.

— Ну, да, воспитывать гражданина,—сказалъ Рощинъ.

— Да, гражданина, только не того гражданина, который лишь кричитъ о правахъ, забывая обязанности, и совсѣмъ не годится для упорнаго, будничнаго труда. Гражданинъ—слуга родины, по моему, и родной по духу народу.

Послѣ чая Нееловъ предложилъ гостямъ прогуляться по усадьбѣ и по деревнѣ, прилегавшей къ ней.

Капитолина Игнатьевна, къ которой пришли бабы по дѣламъ, осталась дома.

XIII.

Дмитрій Алексѣевичъ показалъ прежде всего фруктовый садъ, которымъ могъ по справедливости гордиться, такъ какъ самъ былъ „за ученаго садовника"; затѣмъ—хозяйственныя постройки, домикъ, въ которомъ находилась небольшая библіотека и гдѣ по праздникамъ самъ онъ или Капитолина Игнатьевна, а иногда о. дьяконъ читали что-нибудь крестьянамъ.

Вечеръ стоялъ хорошій. Косыми лучами солнце золотило всѣ предметы съ особенной яркостью. Поля словно горѣли въ ласкахъ солнца, сверкая цвѣтами; дорога отъ пыли вдали какъ бы курилась; избы деревни Нееловки, начинавшейся близъ усадьбы, расположенныя въ два ряда по сторонамъ широкой улицы, казались красивыми при вечернемъ освѣщеніи. Прогулка по деревнѣ и по дорогѣ къ лѣсу, освѣщенному послѣдними лучами солнца, привела всѣхъ, особенно Рощина, въ какое-то свѣтлое настроеніе, которое и бодрило, и умиротворяло въ одно и то же время.

— Положительно, я начинаю признавать цѣлебныя свойства деревни, — сказалъ Рощинъ Капитолинѣ Игнатьевнѣ, которую застали на балконѣ.

— Вотъ и прекрасно, — промолвила она. — Въ такомъ настроеніи полезнѣе и закусить. А я угощу васъ такой простоквашей, какой вы навѣрное не ѣли въ городѣ.

— Предвкушаю заранѣе!—воскликнулъ Рощинъ.

И сѣвъ на стулъ, онъ продолжалъ шутливо:

— Если еще въ Рамцахъ я рѣшилъ бросить городъ и пожить въ деревнѣ, то теперь я окончательно подписалъ сіе рѣ-

шеніе. Да, я остаюсь... Ну, Ювеналій, будемъ вмѣстѣ служить деревнѣ не только перомъ, но и... дѣломъ.

— Я могу только поздравить васъ, если вы это говорите не ради шутки,—сказала Неелова.

— Вполнѣ серьезно.

— Вы не раскаетесь и... если только пересилите себя сначала, вы не уѣдете изъ деревни... Да и зачѣмъ? Право, довольно городу поглощать людей вашей профессіи... Сколько умерло молодыхъ... въ нуждѣ... сгорѣло въ борьбѣ... Здѣсь они сохранились бы...

— А что касается работы для деревни, то это, знаете, такая важная цѣль, что ради нея одной стоитъ жить... Мнѣ кажется, что это ужасно скучно—все писать, писать, куда-то посылать другихъ, а самому не дѣйствовать,—прибавилъ Нееловъ.

— Но вы сегодня же сказали, Дмитрій Алексѣевичъ, что писательство—служба уже само по себѣ,—замѣтилъ Рощинъ.

— Ну, да, конечно. И апостолъ сказалъ: „служите другъ другу каждый тѣмъ даромъ, какой получили, какъ добрые домостроители многоразличной благодати Божіей“... Но вѣдь и словомъ и дѣломъ—одному будете служить.

— Да не въ этомъ только дѣло, Дмитрій,—произнесла жена,—а въ смыслѣ прямой пользы для писателя... Знаете, не въ обиду будь сказано,—продолжала она, обращаясь къ Рощину:—читаешь иногда газету или журналъ и видишь: человѣкъ совсѣмъ не знаетъ жизни... Такъ и хочется сказать: да приди, посмотри!.. Прежде, когда въ литературѣ работало много людей деревни, такой легковѣсности не было. Но если нельзя помѣщикамъ или вообще людямъ земли писать безъ таланта, то людямъ таланта можно изучать все на мѣстѣ... Чего самъ не разберешь—эти же деревенскіе люди научатъ, а ты только проводи въ печать.

— А кто же имъ самимъ мѣшаетъ писать?—возразилъ Рощинъ.

— Ну, батюшка,—сказалъ Нееловъ:—я... да и не одинъ, а и другіе, пробовали писать... а иногда и возражать противъ наивностей и лжи... такъ наши писанія бросались... Конечно, можетъ быть, въ литературномъ отношеніи они были и плохи, но мысли вѣрныя... А когда ихъ же излагалъ въ письмахъ и очеркахъ милѣйшій Ювеналій Никандровичъ—журналы давали охотно мѣсто. А это развѣ не полезно? Вообще, еслибы въ деревнѣ жило больше писателей, то и деревня выиграла бы, и писатели также во всѣхъ отношеніяхъ.

— Мнѣ кажется, что общество не особенно высоко смо-

тритъ на современную литературу и писателей... Всѣ эти овацiи... это дѣло юнцовъ... учащейся молодежи, но только не тѣхъ людей, которые сидятъ на землѣ и дѣлаютъ исторiю,—сказалъ Рощинъ.

— Ваше признанiе дѣлаетъ вамъ честь,—смѣясь, промолвила Неелова.—Именно честь вашему мужеству... Но здѣсь не вините общество. Когда-то оно очень высоко смотрѣло на литературу и писателей, которыхъ и уважало.

— Да, то были гиганты... и давали большiя полотна, а не этюды!—съ горечью произнесъ Рощинъ, котораго, очевидно, тяготила эта мысль.

— О, конечно!—подхватила хозяйка.—У меня большое требованiе къ писателю: по моему, онъ долженъ быть чистъ. Слово и дѣло—одно и то же. Можетъ быть, и нѣтъ дѣла, но вы чувствуете, что за словомъ можетъ послѣдовать дѣло.

— Короче—„Пророкъ“ Пушкинскiй!—замѣтилъ Рощинъ.—Но въ такомъ случаѣ вы къ писателю предъявляете болѣе строгiя требованiя, чѣмъ къ пастырю.

— Да, его служба не ниже пастырской... Даже оба съ благодатью Господней. Одинъ черезъ рукоположенiе епископа, а другой прямо отъ Бога...

— Если взять пастырей... гдѣ они? Отцы-Михаилы?—сказалъ Рощинъ.

— Вы назвали отца-Михаила, а я назову о.о. Ѳеодора, Алексѣя, или о. Дмитрiя, духовника моей матери.

— Но масса, масса, особенно прежде!

— Прежде? Да прежнiе-то, несомнѣнно, лучше были... Грубѣе—да, но это деревенская грубость; она мужика не обижала. Простые, русскiе по духу, вѣрующiе въ простотѣ—они понимали народъ, и онъ—ихъ... Они родные были между собой... А вотъ хуже, какъ пошли модные сельскiе попы, которые такъ держатся, словно имъ стыдно быть батюшками. Они жить хотятъ—по-свѣтскому. Они гонятся за обстановкой, за нарядами... Боже сохрани попадью назвать „матушкой“,—обида! Мужикъ—фи! Отъ него пахнетъ... пренебреженiе къ сермяжной паствѣ!.. Нѣтъ, вотъ эти попы-баричи, попы-чиновники, чужiе деревнѣ и мужику, который и имъ чужой, вотъ эти авгуры мнѣ противны!

— Лина, ты сегодня неузнаваема!—сказалъ Нееловъ.—Ты волнуешься,—что съ тобой?

— Это, вѣроятно, Ювеналiй Никандровичъ заразилъ меня,—съ улыбкой сказала Капитолина Игнатьевна.—Нѣтъ, мой другъ, я не волнуюсь,—добавила она,—я спокойна, какъ всегда... Но я сказала только правду.

— А если примѣнить ее къ писателямъ,—спросилъ Рощинъ:—прежніе—жрецы, а нынѣшніе—авгуры?

— Если хотите—да, вѣрно: среди нынѣшнихъ—много авгуровъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, я—публика, но мнѣ чувствуется, что это такъ... Я понимаю, Ювеналій Никандровичъ, ваше стремленіе жить не литературнымъ трудомъ... не зависѣть отъ платы...

— Но брать за трудъ,—добавилъ Рощинъ.

— Да, брать... но не жить этимъ, какъ ремесленникъ... Знаете ли: тутъ есть, въ двадцати верстахъ отецъ-Алексѣй. Онъ самъ пашетъ, огородничаетъ, переплетаетъ книги... Мнѣ, говоритъ, тяжело продавать благодать св. Духа... Не могу я брать за причастіе, за исповѣдь... Какъ бы торговать Христовымъ словомъ, таинствами...

— Позвольте, но сказано: „трудящійся, да ястъ“,—возразилъ Рощинъ.

— И еще опредѣленнѣе,—подтвердилъ Нееловъ:—„Какой воинъ служитъ когда-либо на своемъ содержаніи? Кто, пася стадо, не ѣстъ молока отъ него?“

— Вотъ видите, Капитолина Игнатьевна!

Всѣ засмѣялись.

Послѣ ужина Рощинъ, поблагодаривъ хозяйку за тѣлесное насыщеніе, попросилъ ее насытить духъ его.

— Это онъ насчетъ Шопена, должно быть,—смѣясь, сказалъ Дмитрій Алексѣевичъ.

— Именно. Не откажите.

Онъ низко поклонился Нееловой.

Капитолина Игнатьевна согласилась, и черезъ нѣсколько минутъ въ залѣ раздались мягкіе и чарующіе звуки Шопеновскаго „Impromptu“.

Поздно, совсѣмъ „не по-деревенски“, какъ выразился Нееловъ, легли спать хозяева и гости. На Рощина музыка подѣйствовала, какъ и всегда, двоякимъ образомъ: она успокоила его раздражительность, „наполнила праздникомъ сердце“ — по его собственнымъ словамъ, пробудила въ немъ поэта и въ то же время лишила его того покоя, при которомъ хорошо спится.

Рощинъ уже раздѣлся и легъ, но вдругъ приподнялся на кровати и окликнулъ Малахова, спавшаго въ той же комнатѣ на кушеткѣ:

— Ювеналій, ты не спишь?

— Нѣтъ еще.

— И не хочешь спать?

— Напротивъ, очень хочу.

— А я не могу совсѣмъ... Меня куда-то тянетъ... мнѣ летѣть хочется... Словно крылья за плечами выросли...

— Это твоя нервность... Выпей холодной воды... графинъ на окнѣ...

— Фу, ты обмѣщанился совсѣмъ, Ювеналій! Пойми, во мнѣ проснулось все, все... Вѣдь я и первую ночь у тебя не спалъ... Чортъ знаетъ... тамъ, въ лабораторіи мысли—никогда не поднимались такіе разговоры... а вотъ вдругъ въ деревнѣ...

— А ты говорилъ еще, здѣсь болото!—возразилъ Малаховъ, зѣвая.

— Но вѣдь Нееловы не такъ же часто... Неужели такихъ много?

— Такихъ не такихъ, а вообще въ деревнѣ и въ провинціи далеко не всѣ спятъ, какъ вы думаете... Ты не суди по газетамъ... Надо умѣть вникать и не вылавливать одно смѣшное да скандальное...

— Нѣтъ, вообрази, Ювеналій, вѣдь какъ вы меня всего перетряхнули... „Поэтъ—пророкъ“... А теперь поэтъ—шутъ, лавочникъ... О, это правда! Я анализирую... У меня мозгъ колышится, а вопросы, а вопросы...

— Ну, выпей воды и ложись! Поговоримъ завтра. Ей Богу, я хочу спать! Я никогда такъ поздно не ложусь... Смотри, совсѣмъ уже свѣтло.

— Фу, буржуй!—смѣясь, промолвилъ Рощинъ.

Онъ помолчалъ и сказалъ:

— Нѣтъ, я не могу спать... Я пойду на террасу... Я чувствую, что у меня напишутся стихи... Я рѣдко ихъ пишу, но сегодня...

Онъ сталъ одѣваться.

— На чемъ же ты будешь писать? — спросилъ Малаховъ, повертываясь на кушеткѣ:— на стѣнахъ террасы?

— У меня всегда съ собой книжка... Спокойной ночи, прозаикъ!

XIV.

Рощинъ, просидѣвшій на террасѣ очень долго (онъ успѣлъ написать не только стихотвореніе, но и набросать эскизъ прозой), проснулся около восьми часовъ. Малахова уже не было въ комнатѣ. Откуда-то доносилось бряканье посуды и слышались голоса... Утро было дивное. Изъ сада несло ароматомъ цвѣтовъ, и воздухъ—теплый, но не жаркій, пропитанный запахомъ зелени

и цвѣтовъ, не сухой и не сырой, а влажный, „ласкалъ легкія“,— какъ выразился про себя Рощинъ. Онъ поспѣшно умылся и только-что сталъ одѣваться, какъ въ комнату вошелъ Малаховъ.

— А, всталъ, наконецъ, поэтъ!—произнесъ Малаховъ, улыбаясь.—Ну, что, создалъ великое лирическое произведеніе?

— Да, да, я очень доволенъ... Но скажи, пожалуйста, тамъ уже встали?

— Давно! Мы съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ уже были въ полѣ... Иди скорѣе, поданъ завтракъ и самоваръ... Всѣ на террасѣ.

— Кто всѣ?

— Тамъ уже гость, и какой интересный! Это, если хочешь, представитель народной интеллигенціи.

— Какъ народной интеллигенціи? Что это значитъ?

— Ну, крестьянской. Ты думаешь, у народа нѣтъ своей интеллигенціи? Вѣдь что такое интеллигенція: мысль страны?— такъ ты самъ опредѣляешь.

— Ну, да.

— Такъ вѣдь не забудь, что мужицкій міръ совсѣмъ особый, и онъ живетъ и думаетъ не по-нашему... У него своя мысль... И вотъ представители его мысли — это и есть крестьянская интеллигенція.

— Ты какое-то новое дѣленіе выдумалъ!—замѣтилъ Рощинъ, поправляя передъ зеркаломъ галстукъ.

— Ничуть... Ну, идемъ же, идемъ... будетъ тебѣ... хорошъ. Не собираешься ли ухаживать за Капитолиной Игнатьевной?

— Но кто же именно этотъ гость? мужикъ что-ли?—спросилъ Рощинъ, оставляя безъ вниманія ироническое замѣчаніе пріятеля.

— По положенію—да. Но у него свое большое дѣло: производство масла и сыровъ, а кромѣ того—онъ лѣсопромышленникъ. Одинъ изъ сыновей кончаетъ въ Технологическомъ, а другой учится въ Лѣсномъ, и еще двое съ нимъ. Читаетъ много, слѣдитъ за литературой... у него недурная библіотека...

— Такъ это кулакъ, стало быть, а не мужикъ?

— Почему же кулакъ? — возразилъ Малаховъ: — если свое дѣло—сейчасъ и кулакъ? Странные вы, право: у васъ только тотъ и мужикъ, который въ дырявомъ армякѣ и въ лаптяхъ. Да вы къ чему стремитесь? Къ народному благосостоянію?

— Конечно!

— Стало быть, дыры и лапти не идеалъ? А между тѣмъ чуть кто поднялся—сейчасъ кулакъ.

— Но вѣдь на что̀ поднялся? При помощи кого и какъ? На чужихъ спинахъ?

— Эхъ, Авениръ, да вѣдь и мы всѣ, строго говоря, на чужихъ спинахъ, все интеллигентное общество повинно въ томъ, что до сихъ поръ столько лаптей... Твой пиджакъ отъ какого-нибудь Штаркмана, или сторублевый фракъ народолюбца Дмитревскаго—прямо на счетъ лаптей и сермягъ... А развѣ васъ кто зоветъ кулаками?

— Мы на свои это, что заработали... на насъ никто не работаетъ...

— Да Савелій Пафнутьевичъ, котораго ты сейчасъ увидишь, трудится больше нашего... и не меньше всякаго рабочаго... Дай Богъ побольше такихъ кулаковъ, какъ ты говоришь... Идемъ же, Авениръ!

На балконѣ, на своемъ обычномъ мѣстѣ, сидѣла хозяйка, одѣтая въ платье изъ легкой матеріи, сшитое въ видѣ халата; вблизи нея—Дмитрій Алексѣевичъ въ парусиновой блузѣ, а на другомъ концѣ—высокій старикъ, одѣтый въ пиджакъ, изъ-подъ котораго виднѣлся воротъ ситцевой русской рубашки. Брюки были заправлены въ сапоги бураками.

— Савелій Пафнутьевичъ Кіотниковъ, — сказала Неелова, знакомя Рощина со старикомъ, который приподнялся и крѣпко пожалъ руку Рощина своей широкой сильной рукой, шероховатой, „точно неоструганное бревно“, какъ подумалъ про себя Рощинъ.

— Можно предложить вамъ яичницы? — спросила Неелова.

Рощинъ не отказался.

— А вамъ позволите еще, Савелій Панфутьевичъ? — обратилась Капитолина Игнатьевна къ Кіотникову.

— Нѣтъ, благодарю-съ... довольно! Я вѣдь и дома еще закусилъ.

— Тогда чаю?

— Это можно.

Рощинъ, разрѣзывая ножичкомъ яичницу, пристально вглядывался въ „представителя крестьянской интеллигенціи“. Кіотниковъ былъ старикъ лѣтъ 65-ти, съ серьезнымъ и умнымъ лицомъ, темную кожу котораго избороздили мелкія морщинки, причемъ еще со щекъ не сошелъ былой румянецъ, но онъ уже поблекъ и лишь слегка оттѣнялъ щеки. Сѣрые глубоко-запавшіе глаза смотрѣли вдумчиво изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей. Серебристая борода волнообразно падала чуть не до пояса. Бѣлые густые волосы пышной шапкой покрывали его голову. Прямой носъ придавалъ лицу строгій характеръ.

— А вы меня совсѣмъ забыли, Савелій Пафнутьевичъ,— сказалъ Малаховъ, подсаживаясь къ Кіотникову.

— Дѣловъ много, родной мой, некогда разъѣзжать-то! — отвѣтилъ Кіотниковъ груднымъ голосомъ, упирая сильно на о.— Знаешь самъ: я не только капитанъ, а и матросъ на своемъ кораблѣ... Туда — сюда, а годы немаленькіе... хоть здоровьемъ Господь не обидѣлъ, а все же не то, что допрежъ... скорѣй устаешь...

— Вы достаточно поработали, могли бы и отдохнуть теперь,—сказала Неелова.

— Эхъ, барынька моя золотая!—возразилъ старикъ.—Нельзя этого допустить... Сами вы хозяйка, понимать можете... Справедливо слово дѣдовское: „не вѣрь брату родному, а вѣрь своему глазу кривому“... Такъ и есть оно... Я и теперь бы не тронулся, да по дѣламъ надо въ Питеръ, насчетъ, значитъ, поставокъ... Заминка вышла тутъ съ одной фирмой...

Разговоръ направился на масляное производство, которое интересовало Дмитрія Алексѣевича.

— А вы хорошо спали?—спросила хозяйка Рощина, когда онъ подошелъ къ ней, чтобы взять стаканъ чаю.

— Я легъ поздно... вдохновеніе налетѣло.

— Вотъ какъ! Очень пріятно, что наши мѣста...

— Не мѣста, а разговоры, Капитолина Игнатьевна.

— И это пріятно. А въ чемъ же мысль вашего стихотворенія?

— Народное, народное, Капитолина Игнатьевна! Мое покаяніе, если хотите.

— Это интересно...

Дмитрій Алексѣевичъ перебилъ разговоръ.

— Вотъ вамъ, Авениръ Львовичъ, — произнесъ онъ, обращаясь къ Рощину: — вотъ вамъ — сынъ деревни... Меня это радуетъ!..

— Что такое?—спросилъ Рощинъ, ставя стаканъ на столъ и садясь на прежнее мѣсто.

— У Савелія Пафнутьевича,—продолжалъ Нееловъ,—производство сыра и масла... Сынъ его кончаетъ въ Технологическомъ... Я спросилъ его, будетъ ли онъ служить? Такъ Савелій Пафнутьевичъ говоритъ, что не будетъ, а займется своимъ дѣломъ. Это отлично! А то что: какъ образованный человѣкъ, такъ и бросаетъ свое дѣло, сейчасъ въ вицъ-мундиръ.

— Это ваше желаніе, или и сынъ вашъ согласенъ съ вами?— спросилъ Рощинъ у Кіотникова.

— Извѣстно, и его, — отвѣтилъ Кіотниковъ, который держался степенно и говорилъ медленно.

„Совсѣмъ бояринъ старый“,—подумалъ Рощинъ.

— Нѣшто силкомъ чего добьешься, — продолжалъ Кіотниковъ, съ легкой усмѣшкой:—человѣкъ только то и дѣлаетъ, что ему любо... тогда и трудъ нипочемъ,— иначе все скучно и непріятно...

— Значитъ, вы убѣдили сына?

— Ничего я его не убѣждалъ... а самъ онъ убѣдился... съ дѣтства я его такъ велъ... Онъ потому и дальше пошелъ, что захотѣлъ дѣло самъ вести... Вотъ другой, Михайло—не любитъ нашего дѣла — тотъ все по лѣсной части... Что же, его воля... всякое дѣло—дѣло... Только бездѣльничанье худо.

Кіотниковъ почесалъ всей пятерней щеку и произнесъ, обращаясь къ Малахову:

— А я съ Патрикѣевымъ о васъ говорилъ... Онъ, знаете, нападалъ на васъ и Дмитрія Алексѣевича, а я за васъ стоялъ.

— Это насчетъ пріюта?—спросилъ Нееловъ.

— Да, да... не любо ему. „Чаво, говоритъ, для этихъ сопливыхъ дѣвчонокъ и мальчишекъ такіе институты заводить... одна порча...“

— Да какіе же это институты?—съ удивленіемъ произнесъ Малаховъ.

— Я ему уже говорилъ, что у васъ будетъ все не такъ, что не барышенъ станете воспитывать, а къ дѣлу пріучать... да съ нимъ не сговоришь.

— Упрямъ онъ,—сказалъ Нееловъ.

— Нѣтъ, это не то, — возразилъ Кіотниковъ: — очень ужъ онъ мужика не любитъ... Злобится на него...

— За что же? — спросилъ Рощинъ, который внимательно прислушивался къ словамъ старика.

— За что? А за то, что мужикъ изъ рукъ его выскользнулъ... Былъ мужикъ въ кулакѣ у него,—и выскользнулъ...

Эти слова понравились Рощину и какъ бы сразу расположили его въ пользу Кіотникова.

— Значитъ, Патрикѣевъ крѣпостникъ, — сказалъ Авениръ Львовичъ:—и не любитъ мужика?

Кіотниковъ помолчалъ съ секунду и произнесъ:

— А кто его любитъ-то?

— Ну, какъ же! да вотъ Дмитрій Алексѣевичъ, напримѣръ... да и мой другъ Ювеналій...

Кіотниковъ усмѣхнулся.

— Дмитрій Алексѣевичъ въ счетъ не идетъ... я говорю вообще... А касательно Ювеналія Никандровича...

Кіотниковъ полуобернулся въ сторону Малахова и, глядя на него съ доброй, дружеской улыбкой, продолжалъ:

— Касательно Ювеналія Никандровича—такъ надо сказать: тщится полюбить... Можетъ, и полюбитъ, какъ душу мужицкую всю раскуситъ... Да опять и онъ не чета многимъ... онъ зря не ломаетъ ничего... А злобиться ему что же... У него ничего не отнимали...

— Вы подозрительны очень, — сказалъ Рощинъ:—вамъ кажется, что безкорыстно нельзя любить мужика...

— Эхъ, господинъ,—качая головой, отвѣтилъ Кіотниковъ,—все вы о любви, да о любви... Да какъ любить того, кого не знаешь?

— Я, можетъ быть, но другіе...

— И другіе также. Кто же эти другіе? Вотъ Дмитрій Алексѣевичъ знаетъ... а почему? потому что хочетъ знать... А сколько есть господъ—живутъ среди мужика, а знаютъ его меньше, чѣмъ китайца. О томъ въ книжкахъ написано, а о мужикѣ если въ книжкахъ и есть что, такъ еще правда ли? Съ моимъ Константиномъ — это старшій сынъ мой — пріѣзжалъ гостить студентъ одинъ... Малый хорошій... тоже народолюбецъ... „Я—говоритъ—знаю мужика“.—„А гдѣ же—говорю—вы его узнали?“—„Я въ деревнѣ жилъ два лѣта на урокахъ и бесѣдовалъ съ мужиками“... Вотъ видите, какое знаніе! Ему простительно, потому что юноша, чего требовать? А вѣдь часто умные и ученые люди въ книжкахъ то же самое пишутъ. А что они узнали? Сколько воздуха въ избѣ мужика? Это измѣрили. Что онъ ѣстъ, много ли у него скотины — это узнали. Ну, а душу-то мужицкую дознали ли? Душа-то его такъ и осталась потемками.

— Кто же виноватъ?— возразилъ Рощинъ. — Интеллигенція стремится узнать народную душу. Самъ мужикъ виноватъ, если онъ прячется въ себя и не довѣряетъ...

— А почему бы ему и довѣрять?—спросилъ Кіотниковъ.— Кто его въ этой вѣрѣ-то укрѣплялъ, господинъ мой? Помѣщики что-ли? Такъ вѣдь, не въ обиду будь сказано Дмитрію Алексѣевичу и барынѣ хорошей, — вѣры такой помѣщики въ себя не дали. Вы говорите: интеллигенція (Кіотниковъ выговорилъ слово правильно, но очень медленно, подчеркивая, какъ бы съ трудомъ), то есть, по просту сказать, люди образованные,—а кто же они такіе? Начальство различное? Такъ нѣшто оно въ деревнѣ душу изучаетъ мужицкую? Ему этого совсѣмъ не надобно. Его забота насчетъ податей, либо по части суда...

— А духовенство? Оно-то имѣетъ уже дѣло съ душами.

— Опять тоже: такъ и не такъ. Мужикъ передъ попомъ исповѣдуетъ грѣшную душу, да вѣдь грѣхи—у всѣхъ грѣхи. Ну, у крестьянина развѣ что ругань особливая—мужицкая, а то чѣмъ грѣхи отъ другихъ отличаются? Ну, укралъ, обманулъ,—такъ вѣдь это и у всѣхъ такъ же... Разсказалъ все попу—и конецъ. Нонѣ времена-то другія, господинъ мой, не какъ въ первые вѣка. Я читалъ... Церкви-то мало видать, а храмъ остался. Стало быть, о душахъ опять заботы мало.

Послѣднія слова Кіотникова прямо поразили Рощина.

— Вы высказали глубокую мысль! —восхищенно воскликнулъ онъ.—Да, *Церкви* мало, а храмъ остался.

Рощинъ посмотрѣлъ на хозяйку и промолвилъ:

— Вы согласны?

— Да, фактъ справедливъ, но это тѣмъ болѣе обязываетъ всѣхъ насъ работать среди народа. Церковь составляютъ и духовенство, и міряне вмѣстѣ.

— Но если народъ не вѣритъ намъ? За что — это другое дѣло. Но вотъ Савелій Пафнутьевичъ самъ сейчасъ сказалъ это. Вы знаете, образованные люди шли толпами въ народъ, но онъ имъ не вѣрилъ. Вѣдь такъ?—закончилъ Рощинъ, обращаясь уже опять къ старику.

— Совершенно вѣрно,—отозвался Кіотниковъ,—да мужикъ ихъ и не понималъ. Ни они его, ни онъ ихъ, точно на разныхъ языкахъ говорили. Жалость просто! Я встрѣчалъ ихъ... не одного... Ребята и полно!.. Милые вы мои, говорю я одному такому, да вы географіи-то учились? Ну, ладно... объ индѣйцѣ-то читали? Такъ вы хоть мужика-то чуточку узнайте. Не учите его ничему, а его-то сперва узнайте. Въ друзья къ нему ладитесь. Доброе дѣло. Только встарину еще это сложено было: „будь другъ, да не вдругъ“. Прочнѣе такъ-то. Одинъ мнѣ и говоритъ: „Нечего намъ учиться, мы должны его учить. Онъ, напримѣръ, думаетъ, что земля на трехъ китахъ стоитъ. Надо его разувѣрить или нѣтъ? Горячій такой! Видать, что сердце хорошее и пламенное. Проку-то мало“. Я и сказалъ ему: милые вы мои, о землѣ-то да о солнцѣ въ школѣ мужику безъ васъ учителя все разскажутъ, не заботьтесь. Да вѣдь вы не о солнцѣ пришли учить, а о томъ, какъ лучше жизнь устроить. Съ этимъ онъ согласился. Ну, говорю ему, если такъ, такъ надо сперва узнать, гдѣ для мужика жизнь, что ему требуется, въ чемъ его счастье? Вамъ-то одно нравится, а намъ, можетъ, другое. А пословица вѣрно говоритъ: „не корми меня тѣмъ, чего я не ѣмъ“. Вы для

себя и старайтесь, а насъ-то въ покоѣ оставьте... мы по-вашему жить не хотимъ. Пущай вы умные, да вѣдь и у насъ голова на плечахъ, а не кочанъ капусты. Извѣстно, за чужой головой легче жить, да тошно... По чужой-то дудкѣ мы и до васъ наплясались... Довольно!

— Позвольте, тогда что же: наша служба въ деревнѣ не нужна? — произнесъ Рощинъ, растерянно посмотрѣвъ на Малахова и на Нееловыхъ. — А вы еще объ руководителяхъ народомъ говорили вчера, Капитолина Игнатьевна, — добавилъ онъ.

— Я остаюсь при своемъ, — отвѣтила Неелова, — да Савелій Пафнутьевичъ, я думаю, не противъ такого руководительства, которое не ломаетъ народныхъ воззрѣній, не говоритъ мужику: — „вотъ, на тебѣ, что, по-моему, нужно“... а, напротивъ, узнавъ, что ему надо, говоритъ: „на то, что тебѣ нужно“. Такъ вѣдь, Савелій Пафнутьевичъ?

— Конечно, такъ, — произнесъ Кіотниковъ съ разстановкой, — и это будетъ, такъ молвить, добрая послуга, отъ нея мужикъ не откажется.

— А я вотъ хочу въ деревнѣ поселиться и послужить ей. Хорошо дѣлаю? — задалъ вопросъ Рощинъ.

— Добро, если только не заберетесь въ командиры. Вотъ Ювеналій Никандровичъ живетъ и помощь оказываетъ. Спасибо ему! Онъ мужику служитъ, и тотъ ему отплачиваетъ.

— Чѣмъ же?

— А тоже учитъ, чему бы ему въ городѣ не научиться. Узнаетъ доподлинно и другимъ поразскажетъ, глядишь — и мужика будутъ знать не меньше, чѣмъ китайца какого. Мужикъ въ долгу не останется, господинъ хорошій. Поживешь въ деревнѣ — ума наберешься, какого и книги не дадутъ. Ну, а если съ тѣмъ явишься, чтобы на свой манеръ учить — ничего и не выйдетъ. Оно, положимъ, смутить можно, примѣры бывали, ну, да ужъ избави Богъ за этимъ дѣломъ въ деревню идти.

— Значитъ, все-таки можно написать на мужицкой душѣ что хочешь? — задорно спросилъ Рощинъ.

— Мужикъ мужику рознь, господинъ. Клима да Парфена смутишь, а всѣхъ — нѣтъ.

— Ну, да, — подхватилъ Малаховъ. — Кое-кого изъ мужиковъ можно смутить, а душу народную съ пути не свернешь.

— Истинно такъ, дорогой мой!

Рощинъ посмотрѣлъ на Кіотникова и промолвилъ:

— А это у васъ рѣшенное дѣло, что ваши сыновья не пойдутъ на службу, а займутся своимъ дѣломъ?

— Должно быть, рѣшенное. Да и зачѣмъ идти въ работники, когда можно быть хозяиномъ? Какой интересъ? Я, вотъ, работаю не меньше всякаго работника, и мнѣ это не тяжело — свое дѣло, а чужое всегда чужимъ и останется. Я, вотъ, чтобы работниковъ заинтересовать, такъ завелъ: отъ чистой прибыли имъ кое-что удѣляю, и они работаютъ охотнѣе. А все жъ каждый, поди, о своемъ дѣлѣ думаетъ. Смекаю, что Максимъ уйдетъ скоро, самъ хозяйничать задумалъ. Дай Богъ! Работникъ хорошій, я ему и подмогу обѣщалъ... человѣкъ стоющій... На меня моего хватитъ, отчего же и не поддержать другого?

— Не налить ли вамъ еще чаю, Савелій Пафнутьевичъ?— предложила Неелова.

— Да, плесните, барынька, плесните! Попью, да и въ путь пора. Еще въ Рамцахъ есть дѣло. Вотъ что̀ худо стало: народъ ослабъ, слово не держитъ... дѣлать дѣло трудно съ такимъ народомъ... Вотъ, хотя бы водка, господинъ, — обратился Кіотниковъ къ Рощину:—водка всему пагуба. Эхъ, не ладно тутъ у насъ! Слыхалъ я, что есть такія страны, гдѣ водку какъ лекарство отпущаютъ—это вотъ дѣло! А у насъ и не хотятъ, да велятъ лавку открывать... пей, молъ, мужичокъ! Тутъ чего ужъ!

— А вы читали Некрасова?—спросилъ Рощинъ.

— Очень даже люблю его, господинъ...

— Ну, а помните у него это: „не водись-ка на свѣтѣ вина, тошенъ былъ бы мнѣ свѣтъ... и, пожалуй, силенъ сатана! натворилъ бы я бѣдъ“... помните?

— Какъ же, господинъ... Я Некрасова очень уважаю, и хотя память слабнетъ, многое наизусть помню... Еще въ молодости учено... Можно сказать, изъ всѣхъ сочинителей особенно люблю Некрасова.

— Но вотъ же онъ...

— Это что̀ же, господинъ мой: это вродѣ шутки... Не такія пѣсенки у него, другія-то... Такъ что̀ брать... Это все равно, что начетчики старовѣрскіе: выхватятъ одну строчку изъ писанія и суютъ въ носъ: „видите, мы правы“... Да строчка одна что̀? Надо все брать и соображать, какъ выходитъ, какое положеніе...

— А моего ничего вы не читали?—спросилъ Рощинъ.

— Книжки вашей не читалъ, не было у меня... въ журналахъ какъ будто встрѣчалъ вашу фамилію, припоминаю... Получалъ я „Пчелу“... не было ли тамъ чего вашего, господинъ?

— Было... повѣсть моя была и стихи...

— Ну, вотъ, вотъ... „О заброшенныхъ дѣтяхъ“... это ваша?

— Моя.

— Теперь припоминаю... По-божески написано... Душевно... Заступились за „малыхъ сихъ“... Это хорошо... Я вѣдь хоть и читаю, а человѣкъ необразованный, самоучка, и обо всемъ по-своему сужу... можетъ, и не ладно, да все думаю: пусть и такъ, а зато по-своему, на что же и голова дана. Такъ вотъ, господинъ хорошій, я такъ разсуждаю: ужъ если печатать, такъ такое, чтобы хорошему учило, о правдѣ и Богѣ напоминало... Люди и то копошатся въ грязи, по-уши ушли въ грязь... чего ихъ еще толкать глубже; надо вытаскивать... и такъ, того гляди, захлебнутся... А возьмешь другую книжку: весело, да и похоже на то, что кругомъ видишь, а читать не хочется, потому что еще тошнѣе становится: думалъ отдохнуть отъ житейской-то слякоти, а тутъ тебѣ то же самое... Да на что мнѣ? Я и самъ вижу, какъ свиньи въ грязи валяются... Хочется узнать, какъ безъ грязи-то жить можно. Да вѣдь и живутъ...

— Будете, господинъ, въ деревнѣ жить, да хозяйствомъ заниматься—все полюбите... Оттого и деревня хороша для человѣка, что любовь ко всякой твари и всякому растенію развиваетъ въ сердцѣ... Въ городѣ не то... Тамъ и глазъ, и сердце къ иному прилѣпляется: не къ тому, что Богомъ на пользу дано, а что человѣкомъ на пагубу выдумано... Ты это что же, Ювеналій Никандровичъ, уголокъ-то себѣ долго не покупаешь, а? — вдругъ закончилъ Кіотниковъ, обращаясь къ Малахову.

— Денегъ мало, Савелій Пафнутьевичъ.

— Передъ деньгами... А сколько есть-то? Коли есть фундаментъ, такъ заѣзжай, поговоримъ въ сурьезъ... можетъ быть, на первый-то этажъ у меня найдется... Ну, вѣстимо, слуплю процентъ здоровенный!

Старикъ впервые громко засмѣялся. Смѣхъ его былъ также на о, какъ у всѣхъ людей великодушныхъ и смѣлыхъ.

— И мнѣ дадите? тогда бы я сталъ строиться, — сказалъ Рощинъ. — Или не посовѣтуете мнѣ?

— Отчего не строиться, стройтесь, господинъ хорошій, — отвѣтилъ Кіотниковъ. — Только помните, — наставительно добавилъ Савелій Пафнутьевичъ: — „никто не можетъ положить другого основанія, кромѣ положеннаго, который есть Іисусъ Христосъ“. Знаете, чьи это слова, господинъ хорошій?

— Признаюсь, нѣтъ.

— Вотъ и видать, что писаніе-то священное мало читаете... а оно, кажется, свѣтскаго-то стоитъ... Это апостолъ Павелъ сказалъ... великій апостолъ былъ, да-съ...

— Это что же: иносказательно понимать?

— Ужъ тамъ какъ хотите, господинъ хорошій,—отвѣтилъ Кіотниковъ съ добродушной улыбкой.

Онъ поднялся со стула и добавилъ:

— Ювеналій Никандровичъ—особь статья... Онъ на мѣстѣ... Знаете, господинъ мой: „не учи словами, а учи дѣлами“... Вашъ другъ и мнѣ другъ... а потому и люблю его, что онъ нитку-то не раскручиваетъ, а сидитъ, да крутитъ... Глядючи на него, и другому стыдно баловствомъ заниматься... Смекаете, господинъ хорошій?

И, не дожидаясь отвѣта, Кіотниковъ обратился къ хозяину:

— Идемъ-ка, Дмитрій Алексѣевичъ.

Въ этотъ мигъ на балконъ вошла горничная.

Она подошла къ Капитолинѣ Игнатьевнѣ и что-то шепнула ей.

— Кто это тебѣ сказалъ?—спросила Неелова.

— Сейчасъ Дементій пріѣхалъ изъ Рамцевъ,—уже громко отвѣтила дѣвушка.

— Что такое?—тревожно спросилъ Малаховъ.

— Вы не пугайтесь... Въ Рамцахъ ночью случился пожаръ... но это отъ васъ далеко...

Малаховъ всталъ съ мѣста.

— Все равно... Надо сейчасъ ѣхать!.. Кто такой Дементій? гдѣ онъ? Можно его видѣть?

— Онъ на дворѣ,—отвѣтила горничная.—Позвать его?

Малаховъ самъ отправился въ людскую.

Оказалось, что пожаръ былъ не изъ обыкновенныхъ—сгорѣло болѣе двадцати домовъ.

— Какъ есть весь порядокъ въ Глиняномъ переулкѣ выгорѣлъ,—разсказывалъ Дементій:—страшенный пожаръ... Думали, что и аптека сгоритъ... Головешки-то до вокзала долетали... Затушили теперь, а все еще тлѣетъ. Господи, сколько бѣдноты-то теперь безъ всего осталось!

— Отчего загорѣлось? не знаешь?

— Кто жъ его знаетъ! Болтаютъ, будто евреи со злости запалили, значитъ, въ отместку за Рахиль, зачѣмъ ее окрестили.

— Что за вздоръ, это не можетъ быть!—сказалъ Малаховъ.

Возвращаясь въ домъ, онъ столкнулся на дворѣ съ Нееловымъ и Кіотниковымъ.

— Я сейчасъ ѣду,—объявилъ Малаховъ.—Можетъ быть, лошади заняты у васъ, такъ я возьму въ деревнѣ.

— Вотъ еще выдумали! Конечно, моихъ возьмите... Да я съ

вами тоже поѣду. Надо узнать, можетъ быть, помощь понадобится...

Малаховъ былъ очень встревоженъ за жену. Черезъ часъ со двора усадьбы выѣхали два экипажа: впереди—легкая бричка, въ которой сидѣлъ Кіотниковъ, а за ней—коляска, въ которой помѣщался Нееловъ съ гостями.

Александръ Кругловъ.

ИЗЪ

ДНЕВНИКА

НА ВОЙНѢ 1877—78 ГОДОВЪ.

1878-ой годъ

1-ое января — 17-ое апрѣля.

IV *).

14 февраля — 15 марта.

14 февраля. — Сегодня въ 12 ч. дня получена шифрованная телеграмма Государя, отъ 10 ч. 20 м. (утра или вечера, неизвѣстно) 13-го февраля:

„Прошу тебя не терять изъ вида указаній моихъ въ телеграммѣ третьяго февраля относительно мѣръ охраненія Босфора [1]). Соглашеніе по этому предмету съ турецкимъ правительствомъ тѣмъ желательнѣе, что, вѣроятно, ты затруднился бы вооружить укрѣпленія Босфора нашею артиллеріею соотвѣтствующихъ калибровъ. Притомъ, для надежнаго охраненія Босфора, желательно занять оба его берега".

Такимъ образомъ, неисполнимое требованіе отъ 3-го февраля о занятіи укрѣпленій Босфора съ согласія султана — дополнено теперь еще менѣе исполнимымъ пожеланіемъ занять оба берега

*) См. выше: май, стр. 5.

[1]) Въ телеграммѣ этой, полученной 4 февр., повелѣно было: „Въ случаѣ попытки англійскихъ судовъ въ сторону Босфора, постараться занять, съ согласія султана, нѣкоторыя изъ укрѣпленій европейскаго берега".

и не пропускать англійскую эскадру, для чего и воспользоваться турецкою береговою артиллеріею съ согласія султана. Намекъ на это достаточно ясенъ: *у насъ въдь нѣтъ другой артиллеріи, кромѣ полевой, да и той на лицо очень мало!*

Задача немыслимая. Великій Князь очень взволновался этою телеграммою. Цѣлый день онъ видимо обдумывалъ, что отвѣчать, но ни съ кѣмъ на этотъ счетъ не совѣтовался (только высказывался) и наконецъ вечеромъ самъ составилъ и приказалъ зашифровать слѣдующую телеграмму:

„Получилъ твою шифрованную телеграмму отъ 13-го числа. Все буду имѣть въ виду, но задача при теперешнихъ обстоятельствахъ весьма трудная, благодаря близкому сроку конференціи, который, съ тѣхъ поръ что сталъ извѣстенъ туркамъ, оказываетъ вредное вліяніе на наши переговоры съ ними тѣмъ, что они, видимо, нарочно начали затягивать дѣло".

Вечеромъ получена еще слѣдующая телеграмма отъ великаго князя Константина Николаевича, отъ 12 час. сегодня:

„Государь приказываетъ тебѣ передать, что онъ желалъ бы, чтобы гвардейскій экипажъ былъ тобою употребленъ при оборонѣ Босфора или сухимъ путемъ, или черезъ Одессу моремъ, если оно свободно отъ непріятеля".

Эта телеграмма интересна лишь какъ подтвержденіе, до чего крѣпко засѣла мысль о возможности заградить англійскому флоту доступъ въ Босфоръ, несмотря *на полное отсутствіе у насъ какъ флота, такъ и артиллеріи большого калибра*, единственно способной бороться съ англійскою судовою артиллеріею. Просто непостижимо, откуда могла явиться и созрѣть подобная мысль. Великій Князь предполагаетъ, что она внушена Государю, конечно черезъ военнаго министра, Обручевымъ, такъ какъ только въ его головѣ могъ родиться столь фантастическій планъ. Въ подтвержденіе своего предположенія, Великій Князь вспоминалъ о запискѣ Обручева, поданной имъ въ 1876 г., осенью, когда Государь былъ въ Ливадіи: въ запискѣ этой доказывалось, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ можно пройти отъ Дуная до Константинополя.

Эту собственноручную записку Обручева, вмѣстѣ съ другою его же запискою, составленною 23-го марта 1877 г., Великій Князь мнѣ передалъ впослѣдствіи.

Съ перваго же дня прибытія въ Санъ-Стефано я засѣлъ за пересоставленіе и дополненіе отчета Государю, начатаго еще

въ Адріанополѣ. Вчера вечеромъ читалъ его Великому Князю, ночью переписывалъ, а сегодня Великій Князь его подписалъ и отправилъ (на пароходѣ въ Одессу) со своимъ ординарцемъ, лейбъ-гвардіи семеновскаго полка поручикомъ Скарятинымъ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ посланъ сынъ графа П. А. Шувалова, молодой графъ П. П. Шуваловъ, только въ прошломъ году произведенный въ офицеры въ 24-ую артиллерійскую бригаду и состоявшій во все время войны ординарцемъ при отцѣ.

Привожу теперь извлеченіе изъ отчета отъ имени Великаго Князя:

„Съ 1-го февраля, когда я отправилъ послѣдній отчетъ мой Вашему Величеству, положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Политическія затрудненія, возвѣщенныя мнѣ Вашимъ Величествомъ, побудили меня принять немедленныя мѣры къ усиленію готовности возобновить военныя дѣйствія.

„4-го февраля, по окончательномъ разъясненіи видовъ Вашего Величества, я сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія какъ для подготовки мирнаго вступленія въ Константинополь, въ случаѣ согласія на то султана, такъ и для занятія его силою, въ случаѣ отказа впустить насъ туда добровольно. При этомъ я объявилъ турецкимъ уполномоченнымъ, что, въ виду переполненія Константинополя войсками и бѣжавшимъ мусульманскимъ населеніемъ, я не желаю стѣснять правительство султана и беру на себя сдѣлать ему снисхожденіе: въ самый Константинополь не вступлю, а ограничусь занятіемъ его предмѣстья Санъ-Стефано.

„Отвѣтъ на мое предложеніе относительно Санъ-Стефано обѣщанъ былъ 8-го февраля вечеромъ, причемъ турецкіе уполномоченные дали понять, что почти увѣрены въ томъ, что султанъ пригласитъ насъ съ полною готовностью самъ.

„Но однако отвѣта къ условленному сроку не было: турки, очевидно, медлили умышленно. Въ виду этого, я 9-го февраля призвалъ къ себѣ Савфета-пашу и рѣшительно объявилъ ему, что если къ 6 часамъ утра 11-го февраля я не получу приглашенія или согласія султана вступить въ Санъ-Стефано, то вступлю туда самъ и займу при этомъ всѣ тѣ пункты, какіе найду нужнымъ. Стрѣлять первый не буду, но еслибы турки вздумали воспротивиться моему вступленію, то не задумаюсь настоять на своемъ насильно. Выѣзжаю изъ Адріанополя во всякомъ случаѣ въ 6 ч. утра 11 февраля, а затѣмъ, когда доѣду до Чаталджи, то слѣдую далѣе въ Санъ-Стефано, смотря по обстоятельствамъ, какъ другъ или какъ врагъ, но иду туда непремѣнно. Его, Савфета, и всю его свиту беру съ собою. Что же касается до

войскъ, то сосредоточиваю ихъ къ демаркаціонной линіи немедленно, съ тѣмъ, чтобы въ 6 час. утра 11-го февраля они ее во всякомъ случаѣ перешли.

„Савфетъ-паша принялъ мое заявленіе къ свѣдѣнію, повторилъ, что не сомнѣвается въ благопріятномъ отвѣтѣ султана, и завѣрилъ меня, что къ назначенному сроку отвѣтъ непремѣнно будетъ. Дѣйствительно, въ ночь съ 10-го на 11-е февраля онъ получилъ и 11-го утромъ, уже въ вагонѣ, сообщилъ мнѣ, что султанъ согласенъ на вступленіе мое въ Санъ-Стефано, но съ тѣмъ, чтобы я взялъ съ собою не 10.000, а 1.500 чел. войскъ и размѣстилъ ихъ въ трехъ пунктахъ: въ Санъ-Стефано, въ Кучукъ-Чекмедже и Буюкъ-Чекмедже. На это я возразилъ, что мнѣ, какъ побѣдителю, не приходится принимать такія условія, и разъ что турки позволяютъ себѣ указывать мнѣ — объявляю, что въ отвѣтъ на это я проведу за демаркаціонную линію уже не 10.000 человѣкъ, а столько, сколько найду нужнымъ; при этомъ требую, чтобы всѣ тѣ пункты, которые будутъ мною избраны для расположенія нашихъ войскъ, были очищаемы турецкими войсками немедленно по приближеніи нашихъ. А въ доказательство того, что я все-таки вступаю въ константинопольскія предмѣстья безъ всякихъ враждебныхъ намѣреній — прикажу объявить по войскамъ, чтобы никто не смѣлъ переступать, подъ страхомъ смертной казни, ту черту, которую я назначу. Турецкимъ же войскамъ предоставляю вполнѣ свободно отходить и увозить, не торопясь, все свое имущество; а турецкимъ подданнымъ — полную свободу передвиженій какъ въ предѣлахъ занимаемаго мною раіона, такъ и изъ него въ Константинополь и обратно.

„Савфетъ-паша съ покорностью принялъ мое заявленіе.

„Прибывъ около 6-ти час. вечера 11-го февраля въ Чаталджу, я нашелъ тамъ всю среднюю колонну Скобелева 2-го въ полной готовности, произвелъ ей смотръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, узналъ, что два головные поѣзда, отправленные 10-го февраля впередъ, съ собственнымъ Вашего Величества конвоемъ и сводно-гвардейскою конвойною Вашего Величества ротою, были задержаны турками на демаркаціонной линіи. Чтобы устранить всякія дальнѣйшія недоразумѣнія, я послалъ впередъ, на дежурномъ локомотивѣ, турецкаго полковника Таиръ-бея (находившагося уже нѣсколько дней при генералѣ Скобелевѣ 2-мъ, къ которому онъ былъ присланъ Мухтаромъ-пашой), въ сопровожденіи двухъ нашихъ офицеровъ, объявить туркамъ, что я не привыкъ къ неисполненію моихъ приказаній, настаиваю на немедленномъ исполненіи,

ѣду вслѣдъ за ними и требую безпрепятственнаго пропуска. Колоннѣ Скобелева я приказалъ оставаться на мѣстѣ впредь до особаго приказанія.

„Все уладилось благополучно, и около 4-хъ часовъ утра 12-го февраля я прибылъ въ Санъ-Стефано, гдѣ былъ встрѣченъ съ величайшею предупредительностью и вниманіемъ турецкимъ военнымъ министромъ Реуфомъ-пашой и бывшимъ главнокомандующимъ Мехмедомъ-Али-пашой, а также греческимъ духовенствомъ, которое вышло съ хоругвями и свѣчами. При этомъ я въѣхалъ въ мѣстечко верхомъ, предшествуемый духовенствомъ съ иконами, хоругвями и зажженными свѣчами; турецкіе же паши, не имѣя лошадей, поневолѣ шли за мной пѣшкомъ. Конвой мой, отправленный, какъ сказано выше, впередъ, былъ задержанъ на одной изъ промежуточныхъ станцій, чтобы пропустить мой поѣздъ, такъ что я прибылъ въ Санъ-Стефано только въ сопровожденіи моей свиты, при собственномъ Вашего Величества конвоѣ и одной ротѣ конвойнаго баталіона.

„Между тѣмъ, головныя войска гвардейскаго корпуса, назначенныя мною для перехода демаркаціонной линіи, заняли 11-го февраля Кучукъ-Чекмедже, а 12-го вступили въ Санъ-Стефано.

„Генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, выступивъ, какъ было назначено, въ 6 час. утра, прошелъ безпрепятственно Каликратъ и Беюкъ-Чекмедже и встрѣтилъ ординарца генералъ-адъютанта Гурко, возившаго письмо сего послѣдняго къ Мухтару-пашѣ. Офицеръ этотъ доложилъ графу, что Мухтаръ принялъ его довольно сухо и выразилъ удивленіе, что русскіе подвигаются такъ быстро, что даже не даютъ ему времени спокойно отойти. Въ виду этого извѣстія, ген.-адъют. графъ Шуваловъ, чтобы предупредить всякія непріятныя недоразумѣнія, послалъ къ Мухтару-пашѣ свиты Вашего Величества генералъ-маіора Скалона и генеральнаго штаба подполковника Скугаревскаго, съ приказаніемъ заявить ему, что онъ, графъ Шуваловъ, имѣетъ предписаніе занять сегодня же Кучукъ-Чекмедже, Галатарію, Фурію и С.-Стефано, и долженъ исполнить это во что бы то ни стало и не взирая ни на что, о чемъ и считаетъ долгомъ предупредить Мухтара-пашу. Но въ виду тѣхъ затрудненій, съ которыми сопряженъ вывозъ артиллеріи и прочихъ военныхъ тяжестей, графъ Шуваловъ взялъ на себя предложить туркамъ: оставить все это на мѣстѣ, подъ охраною турецкихъ часовыхъ, и вывезти потомъ помаленьку, ручаясь за полную сохранность турецкаго имущества.

„Г.-м. Скалонъ, при проѣздѣ черезъ Кучукъ-Чекмеджейскій

мостъ, былъ встрѣченъ какимъ-то арабомъ, который спросилъ его, въ чемъ дѣло, попросилъ слѣдовать за собой и провелъ, но однако не къ Мухтару, а къ дивизіонному генералу Осману-пашѣ. Паша этотъ принялъ Скалона чрезвычайно любезно, но, видимо, старался оттянуть время, задерживая его любезными приглашеніями отдохнуть, выпить кофе и т. д. Впрочемъ, когда Скалонъ рѣшительно объявилъ, что долженъ видѣть Мухтара немедленно, Османъ-паша приказалъ проводить его къ нему. Оказалось, однако, что Мухтаръ уѣхалъ въ Константинополь, такъ что Скалонъ вынужденъ былъ вернуться и вступить въ переговоры съ Османомъ, какъ старшимъ. Османъ, выслушавъ предъявленное ему требованіе, попросилъ Скалона дать его письменно. Только-что онъ кончилъ писать, какъ пришло извѣстіе о прибытіи самого военнаго министра Реуфа-паши, чему Османъ, видимо, очень обрадовался. Скалонъ тотчасъ же поѣхалъ навстрѣчу турецкому сановнику, представился и передалъ все, что было приказано. Реуфъ-паша принялъ его чрезвычайно привѣтливо, и не только ничего не возражалъ, но даже выразилъ пріятное удивленіе, когда услышалъ, что все турецкое военное имущество можетъ быть спокойно вывезено. Онъ просилъ только, не можетъ ли графъ Шуваловъ повременить до утра, выѣхавъ съ вечера лишь лично съ конвоемъ. Скалонъ отвѣтилъ, что ему объ этомъ ничего не приказано, и что паша можетъ лично переговорить объ этомъ съ графомъ Шуваловымъ, причемъ, вѣроятно, убѣдится, что русскіе вступаютъ не врагами, а друзьями. Реуфъ-паша любезно отвѣчалъ, что въ этомъ увѣренъ, и что желалъ бы упроченія этой дружбы навсегда. Послѣ этого Скалонъ поѣхалъ обратно къ графу Шувалову. Послѣдній, выслушавъ его, приказалъ войскамъ продолжать слѣдованіе, а самъ со своимъ штабомъ и конвоемъ поскакалъ впередъ для личнаго свиданія съ Реуфомъ-пашой. Доѣхавъ до С.-Стефано, онъ встрѣтилъ Мехмеда-Али-пашу, который былъ чрезвычайно привѣтливъ и, между прочимъ, сказалъ ему: „Мы уже въ продолженіе двухъ дней приготовляемся встрѣтить русскихъ, и я буду счастливъ видѣть Е. И. В-во“. Въ это время подъѣхалъ и Реуфъ, который отнесся къ графу Шувалову съ величайшею предупредительностью и любезностью, пригласилъ его обѣдать, велѣлъ приготовить для него поѣздъ для обратнаго переѣзда въ Кучукъ-Чекмеджѣ и въ разговорѣ замѣтилъ, что онъ приготовилъ бы все необходимое для нашихъ войскъ (фуражъ, сѣно, дрова и проч.), еслибъ ему дали два дня времени. Предупредилъ, что во всемъ этомъ будетъ на первое время большой недостатокъ, но что онъ немедленно сдѣ-

лаетъ все возможное, чтобы войска поскорѣе имѣли все необходимое. Затѣмъ онъ условился съ графомъ Шуваловымъ, во избѣжаніе безпорядка и недоразумѣній, учредить смѣшанную коммиссію для расквартированія и для удовлетворенія всѣхъ нуждъ войскъ, а графъ Шуваловъ рѣшилъ: въ виду наступившей темноты, не вводить войскъ въ С.-Стефано до разсвѣта. Вообще, весь разговоръ турецкихъ властей съ графомъ Шуваловымъ имѣлъ самый дружелюбный характеръ. Бригадный генералъ Османъ-паша (былъ у насъ въ учебномъ баталіонѣ) былъ назначенъ Реуфомъ-пашой въ распоряженіе графа Шувалова. Считаю долгомъ доложить Вашему Величеству, что паша этотъ, видимо, вынесъ самыя лучшія воспоминанія о времени своего пребыванія у насъ, ибо относится и къ нашимъ войскамъ, и ко всѣмъ нашимъ требованіямъ—не только съ величайшимъ вниманіемъ и предупредительностью, но и съ искреннимъ дружелюбіемъ.

„Затѣмъ, графъ Шуваловъ простился съ пашами. Реуфъ и Мехмедъ-Али остались на станціи встрѣчать меня, а графъ Шуваловъ поѣхалъ на приготовленномъ для него поѣздѣ въ Кучукъ-Чекмедже и приказалъ: 1-й бригадѣ 1-й гвард. пѣх. дивизіи съ артиллеріею расположиться тамъ на ночлегъ, а гвардейской стрѣлковой бригадѣ, л.-гв. саперному баталіону, л.-гв. уланскому полку и л.-гв. донской батареѣ—выдвинуться къ Галатаріи.

„12-го февраля весь гвардейскій отрядъ вступилъ въ Санъ-Стефано, представился мнѣ на смотръ и затѣмъ размѣщенъ по квартирамъ...

„Съ каждымъ днемъ сюда набирается все бо́льшая масса любопытныхъ изъ Константинополя: тамъ убѣждены, что мы скоро туда вступимъ. Какъ курьезъ, сообщаю, что греческій костюмированный балъ отложенъ до вступленія нашихъ войскъ въ Константинополь“.

15 февраля.—Сегодня въ $9^1/_2$ час. утра получена телеграмма Государя отъ 9 ч. 50 м. вчерашняго утра:

„Игнатьеву приказалъ объявить туркамъ, что мы никакой конференціи не примемъ, пока не будутъ подписаны мирныя предложенія“.

Вчера прибылъ командированный по Высочайшему повелѣнію въ распоряженіе Великаго Князя вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ Поповъ. Его роль—быть консультантомъ Великаго Князя по морской части. Но самаго главнаго, флота,—у насъ нѣтъ!

. . . . . .

16 февраля.—Сегодня поздно вечеромъ получена телеграмма Государя отъ 4 ч. пополудни нынѣшняго же дня:

„Запоздалыя телеграммы твои отъ 8, 9 и 10-го дошли до меня только сегодня. Изъ Лондона весьма неудовлетворительно: весьма желательно ускорить заключеніемъ мира".

На эту телеграмму Великій Князь немедленно отвѣчалъ (телеграмма эта помѣчена 17 февраля, ибо отправлена уже послѣ полуночи):

„Тороплю, сколько могу, наши переговоры. Здѣсь про Лондонъ ничего не слыхать. Правда ли, что отъ другихъ тоже неудовлетворительно?"

17 февраля.—Вчера турки опять заупрямились и прервали переговоры. Графъ Игнатьевъ, съ цѣлью ихъ устрашить, придумалъ и присовѣтовалъ Великому Князю произвести сегодня демонстрацію наступленія на Константинополь. Великій Князь охотно согласился, и вотъ какъ демонстрація эта состоялась:

Около 10 ч. утра построились впереди Санъ-Стефано, правымъ флангомъ къ Мраморному морю и фронтомъ къ Константинополю: л.-гв. преображенскій и семеновскій полки, гвардейская стрѣлковая бригада, л.-гв. саперный баталіонъ, сводный конвойный баталіонъ, собственный Его Величества конвой, л.-гв. казачій Его Величества полкъ и вся наличная артиллерія. Великій Князь объѣхалъ войска и затѣмъ приказалъ музыкѣ играть, а пѣсенникамъ—пѣть. Нижнимъ чинамъ было дано „вольно" и разрѣшено бѣжать вразсыпную впередъ, „смотрѣть Константинополь", хотя онъ и съ мѣста былъ виденъ, какъ на ладони. Въ скорости пріѣхалъ отъ графа Игнатьева князь Церетелевъ и что-то доложилъ Великому Князю. Войскамъ приказано было стать смирно въ ружье, а затѣмъ, по командѣ Великаго Князя, вся линія двинулась, съ музыкой, впередъ. Когда прошли шаговъ двѣсти—триста, было скомандовано: „стой"! Великій Князь выѣхалъ передъ середину, поблагодарилъ и распустилъ войска.

Къ моему величайшему удивленію, эта невиннѣйшая демонстрація произвела желаемое впечатлѣніе: турецкіе уполномоченные одумались и возобновили переговоры. Графъ Игнатьевъ съ увѣренностью разсчитываетъ заставить турокъ подписать мирный договоръ непремѣнно 19-го февраля, въ день восшествія Государя на престолъ.

Отъ Государя получена необыкновенно запоздалая телеграмма, поданная въ Петербургѣ въ $8^1/_2$ ч. вечера 10-го (!) февраля:

„Два дня не имѣю отъ тебя никакихъ извѣстій: сегодня

только получилъ шифрованныя телеграммы твои отъ 8-го и 9-го февраля. Дошли ли до тебя мои шифрованныя телеграммы отъ 6-го февраля и отвѣтъ мой султану отъ 7-го числа? Еще разъ прошу тебя положительно отвѣчать на мои вопросы и заявлять о полученіи всѣхъ моихъ телеграммъ. Обращаю особое вниманіе твое на сегодняшнюю телеграмму шифрованную отъ князя Горчакова. Никакого посланца отъ султана не намѣренъ принимать до заключенія мирныхъ переговоровъ".

Что отвѣчалъ Великій Князь—не знаю. Государева телеграмма отъ 6 февраля повелѣвала ускорить занятіе Санъ-Стефано и приготовиться вступить туда даже силою, въ случаѣ отказа султана насъ впустить. Эта телеграмма была получена 9-го февраля, въ одинъ день съ телеграммою князя Горчакова отъ 7-го, въ которой сообщалась просьба султана повременить вступленіемъ въ Санъ-Стефано и отказъ Государя на эту оттяжку. Великій Князь немедленно, 9-го же февраля, послалъ Государю три отвѣтныхъ телеграммы, но, конечно, онѣ 10-го дойти не успѣли.

18 февраля.—Положеніе крайне натянутое. Турки опять грозятъ прервать переговоры. Обезпокоенный Великій Князь послалъ въ 11 ч. утра слѣдующую шифрованную телеграмму Государю:

„Переговоры затягиваются, вслѣдствіе наущеній Лейарда, который пишетъ притомъ своему правительству разные вымыслы на нашъ счетъ, въ чемъ его поддерживаютъ Зичи и Фурнье [1]). Главныя затрудненія для турокъ—новая граница Кавказа, въ особенности Саганлугъ и Баязетъ и денежное вознагражденіе".

Весь день прошелъ въ смутной тревогѣ. По озабоченнымъ лицамъ Великаго Князя и Непокойчицкаго видно было, что мирные переговоры висятъ на волоскѣ, который ежеминутно можетъ оборваться. Вечеромъ Великій Князь лично бесѣдовалъ съ турецкими уполномоченными. Какъ и о чемъ—не знаю, но 19-го февраля, утромъ, Великій Князь телеграфировалъ Государю:

„Вечеромъ крупно поговорилъ съ уполномоченными, дѣло пошло хорошо на ладъ".

19 февраля.—Вчера вечеромъ была получена телеграмма Государя отъ 2 ч. 20 м. вчерашняго же дня, слѣдующаго содержанія:

„Сейчасъ съ панихиды [2]) въ крѣпости: чувствовалъ, что ты

[1]) Послы австро-венгерскій и французскій.

[2]) 18-го февраля—день кончины императора Николая I.

мысленно съ нами. Шифрованная телеграмма твоя отъ 8-го февраля дошла до меня только вчера. Столь непростительная неисправность требуетъ строгаго изслѣдованія. Флигель-адъютанту Чингису дѣлаю строгій выговоръ за безпорядокъ. Телеграмму твою отъ 16-го получилъ только вчера, а отъ 17-го—сегодня. Горчакову приказалъ сообщить тебѣ все, что̀ есть вѣрнаго. Завтра ожидаю курьера изъ Лондона и Вѣны".

Бѣдный Чингисханъ получилъ Высочайшій выговоръ вмѣсто дѣйствительнаго начальника полевого телеграфа Шталя только потому, что Государю извѣстно̀ его участіе въ пріемѣ и передачѣ депешъ. Чингисханъ—просто телеграфный спортсменъ и состоитъ при Шталѣ совершенно добровольнымъ помощникомъ, но къ дѣлу устройства и управленія полевымъ телеграфомъ совершенно непричастенъ и за его неисправность неотвѣтственъ. Тѣмъ не менѣе, ему пришлось подпасть подъ царскій гнѣвъ. На словахъ Великій Князь оправдалъ бы его, но въ телеграммѣ—не рѣшился доложить Государю, что онъ объявилъ выговоръ не по надлежащему адресу. Отвѣтная телеграмма Великаго Князя отъ 10 ч. сегодняшняго утра была слѣдующая:

„Искренно благодарю за вчерашнюю депешу. Поздравляю съ сегодняшнимъ великимъ праздникомъ. Да хранитъ тебя Богъ для славы матушки-Россіи. Сегодня дѣлаю парадъ гвардіи и молебенъ. Да благословитъ Господь обрадовать тебя сегодня чѣмъ-нибудь хорошимъ. О медленности передачи телеграммъ дѣлаю изслѣдованіе".

Сегодняшній день былъ напряженно-утомительный. Утромъ была торжественная обѣдня и затѣмъ молебенъ въ греческомъ соборѣ. Съ 1 часу до $5^1/_2$ томились ожиданіемъ объявленія мира. Все было покончено уже ко вчерашнему вечеру, и на сегодня осталась только одна переписка мирнаго договора, но она-то и затянулась, тѣмъ болѣе, что подъ конецъ сдѣлали кляксъ, и пришлось вновь переписывать цѣлый листъ. Мы, т.-е. свита Великаго Князя, ожидали сперва у него въ пріемной, а затѣмъ верхомъ. Парадъ былъ назначенъ въ 2 ч., потому что наканунѣ разсчитывали переписать и подписать мирный договоръ не позже какъ къ 12 ч., а на самомъ дѣлѣ войскамъ пришлось дожидаться до $5^1/_2$. Великій Князь разъ пятнадцать посылалъ взадъ и впередъ состоявшаго при турецкихъ уполномоченныхъ адъютанта своего, полковника Орлова, съ приказаніемъ поторопиться. Наконецъ, въ $5^1/_4$ час. дня, Орловъ прискакалъ послѣдній разъ и доложилъ, что все готово. Тогда сѣлъ верхомъ и Великій Князь, мы выѣхали изъ Санъ-Стефано и остановились въ полѣ, въ нѣ-

которомъ разстояніи отъ войскъ, въ ожиданіи пріѣзда гр. Игнатьева. Тутъ же ожидала въ коляскѣ его супруга (вчера пріѣхавшая) и необозримая масса публики, наѣхавшей изъ Константинополя. Войска были выстроены фронтомъ къ Константинополю. День былъ сѣренькій, вѣтреный, но теплый.

Ровно въ 5½ подъѣхалъ въ коляскѣ графъ Игнатьевъ и, снявъ фуражку, сказалъ: „Поздравляю В. И. В. Миръ подписанъ“. Великій Князь обнялъ и поцѣловалъ его, затѣмъ крѣпко обнялся съ Непокойчицкимъ и поскакалъ къ войскамъ. Объѣхавъ войска и задушевно поздоровавшись, выѣхалъ передъ середину (гдѣ уже стоялъ походный аналой, священникъ и пѣвчіе) и вызвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ. Выждавъ, когда всѣ собрались, громкимъ голосомъ сказалъ:

„Поздравляю васъ, господа, и васъ, молодцы-ребята, съ славнымъ миромъ! Именемъ Государя благодарю васъ всѣхъ за доблестную службу, которую вы сослужили нашей матушкѣ-Россіи. Вы доказали, что если царь нашъ прикажетъ, то вы и невозможное сдѣлаете! Спасибо вамъ, орлы! ура!“

Отвѣтомъ было безконечное „ура“ съ бросаньемъ шапокъ вверхъ и торжественные звуки „Боже, Царя храни!“. Великій Князь поблагодарилъ еще разъ начальниковъ и всѣхъ офицеровъ.

Затѣмъ начался благодарственный молебенъ, подобнаго которому не было со дня взятія Парижа въ 1814 году. Царьградъ—весь какъ на ладони, озаренный послѣдними блѣдными лучами заходящаго солнца, окутаннаго таинственною дымкою облаковъ.

По окончаніи молебна—парадъ, единственный въ своемъ родѣ. Насколько скучны и надоѣдливы мирные парады, черезчуръ частые, настолько же былъ величественъ этотъ, въ полномъ смыслѣ слова, торжественный парадъ. Надо было видѣть, съ какимъ воодушевленіемъ, съ какимъ гордымъ сознаніемъ своей несокрушимости, проходили мимо своего вождя эти войска, прославившіяся цѣлымъ рядомъ геройскихъ подвиговъ, и съ какимъ почтительнымъ благоговѣніемъ смотрѣла на нихъ многотысячная толпа, собравшаяся изъ Царьграда и окрестностей. Кстати: весь л.-гв. уланскій полкъ былъ вооруженъ длинными бамбуковыми пиками, отбитыми у турокъ и подаренными Великимъ Княземъ своему любимому шефскому полку.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда парадъ кончился и мы вернулись въ Санъ-Стефано.

Обѣдъ былъ съ шампанскимъ и множествомъ тостовъ. Тотчасъ послѣ обѣда я пошелъ къ Великому Князю составлять по-

дробную депешу Государю. Короткую онъ составилъ самъ тотчасъ же по прибытіи гр. Игнатьева (по-русски, латинскими буквами) и отослалъ на телеграфъ съ поля, еще до молебна и парада, ровно въ 5½ ч. вечера. Вотъ эта депеша:

„Петербургъ, Государю Императору.

„Счастіе имѣю поздравить Ваше Величество съ подписаніемъ мира. Господь сподобилъ Васъ окончить предпринятое вами великое святое дѣло; въ день освобожденія крестьянъ Вы освободили христіанъ изъ-подъ ига мусульманскаго“.

Телеграмма эта дошла замѣчательно быстро: уже въ 9 ч. 40 м. вечера былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ Государя (отъ 8 ч. 40 м.):

„Благодарю Бога за заключеніе мира. Спасибо отъ души тебѣ и всѣмъ нашимъ молодцамъ за достигнутый славный результатъ. Лишь бы европейская конференція не испортила то, чего мы достигли нашею кровью“.

Депеши Великаго Князя, посланныя Государю послѣ 9 ч. веч., были слѣдующія:

1) „Сегодня въ 2 часа дня былъ назначенъ парадъ слѣдующимъ войскамъ: твоему конвою и почетному гвардейскому твоему конвою; 1-й бригадѣ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи; первымъ тремъ полкамъ 2-й гвард. пѣх. дивизіи; гвардейской стрѣлковой бригадѣ; л.-гв. саперному баталіону; моему конвойному баталіону; 4-й стрѣлковой бригадѣ; л.-гв. уланскому и казачьему полкамъ; л.-гв. 1-й артилл. бригадѣ и первымъ четыремъ батареямъ л.-гв. 2-й артилл. бригады и л.-гв. донской батареѣ. Но такъ какъ переговоры подходили къ концу, то я отложилъ парадъ до подписанія мирнаго договора. Въ 5½ ч. вечера графъ Игнатьевъ объявилъ мнѣ, что миръ подписанъ. Тотчасъ подъѣхалъ я къ войскамъ и поздравилъ ихъ съ славнымъ миромъ. Затѣмъ поблагодарилъ ихъ твоимъ именемъ за славную, доблестную службу и, собравъ офицеровъ, сказалъ имъ краткую рѣчь, поблагодаривъ ихъ особо. Царь приказалъ, и вы сдѣлали то, что̀ считалось невозможнымъ: спасибо вамъ отъ имени Государя. Таковъ былъ смыслъ моей рѣчи. Восторженное, нескончаемое ура было отвѣтомъ. Послѣ этого былъ отслуженъ торжественный благодарственный молебенъ. Въ виду Царьграда и Святой Софіи, это торжество производило неизъяснимое впечатлѣніе. Затѣмъ, уже въ сумеркахъ, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ и прошли такъ великолѣпно, какъ никогда не проходили на Царицыномъ Лугу. День закончился обѣдомъ, за которымъ мы провозгласили восторженное ура за здоровье

обожаемаго Государя и за славу и благоденствіе дорогого нашего отечества".

2) Отвѣтная, въ $10^1/_2$ вечера:

„Искренно благодарю за твою милѣйшую депешу. Минута, когда объявилъ войскамъ на парадѣ о мирѣ, была невыразимо-величественная, особенно когда молились на колѣняхъ и пѣли „Тебе Бога хвалимъ", подъ стѣнами Царьграда и въ виду Св. Софіи. Думалъ о тебѣ въ эту чудную минуту. Счастіе всѣхъ — невыразимое".

3) „Прошу тебя сообщить мнѣ, могутъ ли войска, кромѣ оккупаціонныхъ частей, быть отправлены въ Россію послѣ ратификаціи мира, или должны ожидать окончанія конференціи. Это свѣдѣніе мнѣ нужно для соображенія средствъ перевозки войскъ моремъ въ то или другое время".

Послѣднюю депешу считаю очень-преждевременною. Какъ-то неудобно въ самый день заключенія мира, при совершенно-невыяснившихся намѣреніяхъ Англіи, заводить рѣчь о возвращеніи войскъ, тѣмъ болѣе, что мы не имѣемъ никакихъ морскихъ перевозочныхъ средствъ.

Вообще, меня не очень радуетъ заключеніе мира, ибо не вѣрится въ его прочность: все боюсь, что это лишь конецъ 1-й части, за которою послѣдуетъ еще невѣдомая 2-я, а можетъ быть и 3-я часть. Многіе стыдятъ меня за пессимизмъ, совершенно несогласующійся съ моимъ неизмѣнно-бодрымъ настроеніемъ во время всей войны; но я никакъ не могу отдѣлаться отъ смутно-мрачныхъ предчувствій. Всѣ убѣждены, что недѣли черезъ двѣ мы уже уѣдемъ домой, но мнѣ не вѣрится.

При мнѣ сегодня Нелидовъ, въ присутствіи гр. Игнатьева, читалъ Великому Князю полный текстъ мирнаго договора, но читалъ такъ быстро, что, при всемъ моемъ навыкѣ проворно записывать, я могъ лишь занести въ свою записную полевую книжку слѣдующее:

1) Черногорія признается независимымъ государствомъ и получаетъ часть Герцеговины съ Никшичемъ и Гацко, часть Албаніи съ Антивари и Спужемъ. Новая граница будетъ проведена особою коммиссіею; могущіе возникнуть споры будутъ разрѣшаться русскимъ и австрійскимъ делегатами.

2) Сербія признается независимою и получаетъ часть Старой Сербіи, въ томъ числѣ Нишъ, Акпаланку и Куршумле. Пиротъ отходитъ къ Болгаріи.

3) Румынія признается независимою.

4) Болгарія дѣлается вассальнымъ княжествомъ, которое пла-

титъ Портѣ дань. Размѣры дани будутъ опредѣлены конференціею, въ зависимости отъ того дохода, который Порта получала съ этой части своей территоріи.

5) Князь болгарскій будетъ избранъ и избираемъ впредь представителями болгарскаго народа, которые соберутся въ Тырновѣ или Филиппополѣ. Тамъ же будетъ собираться и палата представителей. Князь будетъ утверждаемъ султаномъ, съ согласія великихъ державъ. Онъ не можетъ быть избираемъ изъ семействъ главнѣйшихъ царствующихъ династій. Южная и восточная граница Болгаріи идетъ отъ Мидіи (на Черномъ морѣ) черезъ Люле-Бургасъ, огибаетъ Адріанополь, идетъ по р. Марицѣ до устья, затѣмъ по берегу моря и огибаетъ Салоники, которыя остаются за Турціей. Западную границу Болгаріи я не успѣлъ записать.

6) Въ первые два года со дня ратификаціи мирнаго договора, Болгарія управляется русскимъ коммиссаромъ, а для обезпеченія порядка и введенія новаго устройства остается русская оккупаціонная армія, въ составѣ 6-ти дивизій пѣхоты и 2-хъ дивизій кавалеріи. Армія эта пользуется всѣми болгарскими черноморскими портами для сообщенія съ Россіей.

7) Турецкія войска выводятся изъ Болгаріи навсегда, а турецкій флотъ не имѣетъ права входа въ болгарскіе порты. Турція сохраняетъ право пользованія болгарскими дорогами, обыкновенными и желѣзными, для передвиженія своихъ войскъ и для провоза почты въ чрезполосныя части своей территоріи.

8) Всѣ дунайскія крѣпости, а также Шумла и Варна, срываются и не могутъ быть возобновляемы.

9) Боснія, Герцеговина, Эпиръ, Ѳессалія и островъ Критъ получаютъ административную автономію, для устройства которой будетъ образована спеціальная международная коммиссія.

10) Арменія также получаетъ административную автономію.

11) Всѣмъ турецкимъ подданнымъ, провинившимся передъ Портою во время настоящей войны, даруется полное прощеніе.

12) Турція обязывается уплатить Россіи 1.410 милліоновъ рублей за военныя издержки. Но, въ виду несостоятельности Порты, Россія соглашается принять въ уплату: а) Добруджу, которую предоставляетъ себѣ переуступить Румыніи, въ обмѣнъ на отошедшую къ ней, по Парижскому миру 1856 г., часть Бессарабіи; б) Ардаганъ, Карсъ, Батумъ и Баязетъ съ округами, до Саганлугскаго хребта. Эти территоріальныя уступки оцѣниваются въ 1.100 милліоновъ. Остальные 310 милліоновъ рублей

уплачиваются по особому соглашенію (подразумѣвается — изъ болгарской дани).

13) Плаваніе по Дунаю—безусловно свободное. Очистка Сулинскаго рукава—на счетъ Турціи.

14) Босфоръ и Дарданеллы открываются для свободнаго плаванія торговыхъ судовъ. Укрѣпленія обоихъ проливовъ упраздняются.

15) Русскіе монахи и паломники въ Святой землѣ уравниваются въ правахъ съ прочими, а наши монастыри на Аѳонѣ уравниваются въ правахъ съ греческими.

16) Обмѣнъ плѣнныхъ долженъ быть произведенъ въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ со дня ратификаціи договора.

17) Обмѣнъ ратификацій долженъ состояться въ теченіе 15-ти дней, т.-е. къ 7-му марта. Обѣ стороны признаютъ себя формально-связанными настоящимъ договоромъ.

Договоръ, а также полномочія гр. Игнатьева и Нелидова заключены въ красный бархатный переплетъ съ тисненымъ государственнымъ гербомъ и съ пришнурованною громадною государственною печатью, съ дессертную тарелку величиной. Шнуръ толстый серебряный, перевитый чернымъ и желтымъ шолкомъ и оканчивающійся двумя такими же тяжелыми кистями, пропущенными сквозь печать.

Сегодняшній день былъ омраченъ смертью князя Черкасскаго, начальника гражданскаго управленія Болгаріи и извѣстнаго дѣятеля по освобожденію крестьянъ. Онъ скончался внезапно отъ кровоизліянія въ мозгъ въ день 26-й годовщины освобожденія. Еще вчера былъ совершенно здоровъ и имѣлъ продолжительную дѣловую бесѣду съ Великимъ Княземъ. О смерти его Великій Князь сообщилъ Государю собственноручною телеграммою.

20 февраля. — Великій Князь послалъ сегодня Государю слѣдующія телеграммы:

1) Отъ 12 ч. дня: „Бибиковъ [1]) сейчасъ пріѣхалъ. Искренно благодарю за письмо. Счастливъ, что ты доволенъ моими распоряженіями. Отвѣчаю на то, что приказалъ сказать мнѣ черезъ Бибикова: всѣ телеграммы твои получалъ черезъ нѣсколько дней послѣ моихъ распоряженій, которыя, по счастью, совпадали съ твоими желаніями, что придавало мнѣ еще больше рѣшимости; на всѣ твои депеши отвѣчалъ, какъ только ихъ получалъ. Осо-

[1]) Адъютантъ Великаго Князя, ѣздившій къ Государю курьеромъ.

бенно опаздывали шифрованныя и сообщаемыя по кабелю депеши твои султану и его тебѣ. Надо полагать, что задерживались преднамѣренно. Твой отвѣтъ вчера пришелъ въ 9½ час. вечера".

2) „Сегодня у князя Рейсса [1]) родился сынъ. Софія Веймарская здѣсь, въ Константинополѣ. Мое здоровье все попрежнему: стоять и ходить долго не могу, верхомъ ѣзжу только шагомъ, а то боль дѣлается подъ ложкой. Кромѣ этого—я здоровъ. Надѣюсь, что теперь, съ заключеніемъ мира и съ прекращеніемъ большихъ заботъ, стану поправляться. Сердечно тебя обнимаю".

Въ 8 ч. вечера получена отвѣтная телеграмма Государя на вчерашнюю великокняжескую (подана въ Петербургѣ сегодня въ 4 ч. 40 м. дня):

„Хорошо сдѣлалъ, что передалъ вчера мое спасибо славнымъ нашимъ войскамъ. Вполнѣ понимаю, что вы ощущали во время молебна. Сегодня и у насъ былъ выходъ въ большую церковь, передъ которымъ получилъ твое письмо съ Скарятинымъ [2]). На вопросы твои отвѣчу, когда получу подробности о заключенномъ мирѣ. Весьма сожалѣю о бѣдномъ Черкасскомъ. О впечатлѣніи въ Лондонѣ и Вѣнѣ еще ничего не знаю".

21 февраля. — Въ 5 ч. 50 м. вечера получена телеграмма Государя, поданная сегодня же въ 12 ч. 5 м. дня:

„Всѣ донесенія твои, привезенныя Скарятинымъ, прочелъ съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ. Всѣ распоряженія твои вполнѣ одобряю и повторяю тебѣ мое сердечное спасибо. Сожалѣю только, что ты все жалуешься на здоровье. Жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда Игнатьева".

Великій Князь отвѣчалъ въ 11 ч. 10 м. вечера:

„Депешу твою отъ 21-го полудня получилъ, равно и шифрованную телеграмму князя Горчакова [3]). Счастливъ, что ты доволенъ всѣми моими распоряженіями. Здоровье мое мнѣ крайне надоѣло. Здоровье въ войскахъ пока еще удовлетворительно, хотя уже тифъ начинаетъ показываться. Свѣчинъ [4]) въ Адріанополѣ опасно заболѣлъ сыпнымъ тифомъ".

Около полуночи Великій Князь послалъ еще слѣдующую телеграмму:

---

[1]) Германскій посолъ въ Константинополѣ.

[2]) Ординарецъ Великаго Князя, штабсъ-капитанъ л.-гв. семеновскаго полка.

[3]) Этой телеграммы я не видалъ и содержаніе ея мнѣ неизвѣстно.

[4]) Адріанопольскій генералъ-губернаторъ, командиръ 9-го армейскаго корпуса.

„Въ виду крайней необходимости замѣнить князя Черкасскаго, не дозволишь ли мнѣ вызвать князя Дондукова“ [1])?

Сегодня цѣлое утро меня душило безсильное негодованіе: довелось молча слушать переговоры Непокойчицкаго и Левицкаго съ представителемъ „Русскаго общества пароходства и торговли“, капитаномъ 1-го ранга Зеленымъ, пріѣхавшимъ сюда изъ Одессы, условиться насчетъ обратной перевозки нашихъ войскъ въ Россію на пароходахъ этого общества. Можно подумать, что это не русское, а иностранное общество, пользующееся случаемъ подороже продать намъ свои услуги. А между тѣмъ—это общество создано и поддерживается въ теченіе двадцати лѣтъ на казенныя, т.-е. кровныя народныя деньги: за эти двадцать лѣтъ ему уплачены милліоны субсидіями и помильною платою; оно разжирѣло на казенный счетъ и акціи его стоятъ чуть не вдесятеро противъ номинальной цѣны, а воротилы общества стали изъ бѣдняковъ милліонерами. Всѣ эти жертвы были принесены именно для того, чтобы въ случаѣ войны обратить этотъ коммерческій флотъ въ военный, котораго мы не имѣемъ права содержать въ Черномъ морѣ по Парижскому договору. И что же? теперь, когда въ первый разъ приходится сослужить службу родинѣ, отблагодарить правительство за многолѣтнія щедроты — представитель общества требуетъ плату по полному тарифу за перевозку какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, отказывается принять на себя устройство пристаней для погрузки артиллеріи, обозовъ и лошадей, несмотря на предлагаемую за это особую плату, и категорически уклоняется отъ включенія въ условія перевозки какой бы то ни было отвѣтственности за медленность и неисправность погрузки.

Слушаешь—и ушамъ своимъ не вѣришь! И вѣдь эти господа, снимающіе за счетъ казны сливки съ предоставленной имъ пароходной монополіи, состоятъ вмѣстѣ съ тѣмъ на государственной службѣ и пользуются всѣми ея преимуществами! Директора — свиты Его Величества контръ-адмиралъ Чихачевъ, контръ-адмиралъ Попандопуло и другіе, фамилій не знаю. Уполномоченный общества, Зеленый, пріѣхавшій сюда торговаться — тоже капитанъ 1-го ранга!

Гдѣ, въ какой странѣ возможно что-либо подобное?

Не могъ выдержать: высказалъ какъ Непокойчицкому, такъ и Великому Князю (сегодня вечеромъ) свое удивленіе и негодованіе по этому поводу. Но Непокойчицкій только загадочно, хотя и сочувственно, покачалъ головой и ничего не отвѣтилъ,

[1]) Командиръ 13-го армейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ.

а Великій Князь развелъ руками и сказалъ: „Что дѣлать! такія имъ даны права, что они могутъ ставить намъ свои условія“.

И дѣйствительно: по самоувѣренному тону капитана 1-го ранга Зеленаго, по апломбу, съ которымъ онъ ставитъ свои условія и отвергаетъ наши требованія, чувствуется, что за нимъ стоитъ сила, которую не намъ сломить.

Возмутительно!

22 февраля. День прошелъ томительно скучно, но не безъинтересно. Левицкій продолжалъ вести переговоры съ капитаномъ 1-го ранга Зеленымъ, но я ушелъ изъ дому, чтобы не слушать. Если самъ Великій Князь признаетъ за „Русскимъ обществомъ пароходства и торговли“ права независимой договаривающейся стороны, то помочь дѣлу нельзя, а портить себѣ кровь — не стоитъ.

Утромъ получено извѣстіе, что адріанопольскій генералъ-губернаторъ Свѣчинъ скончался. Великій Князь телеграфировалъ Государю:

„Тифъ не на шутку начинаетъ работать. Сегодня скончался командиръ 9-го корпуса генералъ Свѣчинъ отъ сыпного тифа. Крайне необходимо подумать о вывозѣ лишняго числа войскъ“.

На эту телеграмму полученъ въ 7¼ ч. вечера слѣдующій отвѣтъ Государя отъ 1 ч. 5 м. пополудни:

„Крайне сожалѣю о развивающемся тифѣ и о смерти бѣднаго Свѣчина. Князя Дондукова можешь вызвать теперь же [1]). О возвращеніи войскъ не могу еще ничего рѣшить, пока обстоятельства не разъяснятся“.

Сегодня пріѣзжалъ къ Великому Князю съ визитомъ германскій посолъ въ Константинополѣ, князь Рейссъ. Онъ говорилъ Великому Князю, что, по его убѣжденію, Англія только угрожаетъ, но войны намъ не объявитъ. Это заявленіе вызвано распространившимся здѣсь сегодня слухомъ, будто бы англійскій посолъ Лейардъ потребовалъ, чтобы Порта въ 24-хъ-часовой срокъ сообщила ему мирный договоръ, еще даже не ратификованный султаномъ. Этотъ вздорный слухъ никого бы не встревожилъ, еслибъ его не повторялъ, допуская его правдоподобіе, самъ графъ Игнатьевъ. Нелидовъ, мнѣніе котораго я сегодня спрашивалъ, считаетъ этотъ слухъ нелѣпою сплетнею. Несо-

---

[1]) Это отвѣтъ на вчерашнюю просьбу Великаго Князя. Мѣсто князя Черкасскаго надѣялся занять его помощникъ, генералъ-лейтенантъ Анучинъ, но Великому Князю онъ антипатиченъ,—чему вполнѣ сочувствую.

мнѣнно лишь, что англичане бѣснуются на заключеніе нами сепаратнаго мира съ Турціей. Макъ-Гаханъ сдѣлалъ большую ошибку, опубликовавъ въ „Daily News“ отзывъ Сервера-паши объ англичанахъ. Національное самолюбіе было этимъ оскорблено, въ общественномъ мнѣніи совершился поворотъ въ пользу политики Дизраэли, и толпа разбила стекла въ домахъ не только редакціи „Daily News“, но и самого Гладстона.

Отсутствіе серьезнаго намѣренія англичанъ воевать подтверждаетъ, однако, и принцъ Александръ Баттенбергъ, вчера вернувшійся съ англійской эскадры адмирала Горнби, при которомъ состоитъ флагъ-офицеромъ братъ Баттенберга, принцъ Людвигъ. На эскадрѣ находится и мужъ великой княгини Маріи Александровны, герцогъ Эдинбургскій, который, по словамъ Александра Баттенберга, открыто ропщетъ на то непріятное положеніе, въ которое его поставила мать, королева Викторія. Она сдѣлала это будто бы нарочно, изъ нелюбви къ сыну. Не только герцогъ Эдинбургскій, но и англійскіе офицеры и самъ адмиралъ Горнби настроены будто бы весьма миролюбиво и сами рѣзко осуждаютъ своего посла Лейарда за его настойчивое стремленіе довести до открытаго разрыва между Англіей и Россіей.

Насколько можно положиться на слова принца Александра— не берусь судить, ибо слишкомъ мало его знаю. Да его едвали кто-нибудь и знаетъ хорошо, кромѣ его тетки, Императрицы Маріи Александровны, которая его очень любитъ. У насъ онъ для всѣхъ человѣкъ чужой.

Нельзя, однако, не обратить вниманія, что даже по его успокоительнымъ словамъ несомнѣнно стремленіе англійскаго посла Лейарда довести дѣло до разрыва. Слѣдовательно, вопросъ сводится къ тому, хватитъ ли у Лейарда на это вліянія.

Сегодня пришелъ изъ Россіи пароходъ „Русскаго общества пароходства и торговли“, „Владиміръ“, подъ военнымъ флагомъ. Онъ долженъ принять на бортъ графа Игнатьева, какъ только мирный договоръ будетъ ратификованъ султаномъ. Задержка ратификаціи происходитъ оттого, что договоръ переводится на турецкій языкъ и переписывается золотыми буквами, и лишь послѣ этого будетъ подписанъ султаномъ. Тогда графъ Игнатьевъ повезетъ турецкій текстъ договора въ Петербургъ и представитъ Государю, который въ свою очередь подпишетъ русскій текстъ и пошлетъ его султану. Это и будетъ обмѣнъ ратификацій, который долженъ быть учиненъ, согласно договору, въ 15-тидневный срокъ, считая съ 19-го февраля.

23 февраля. — Вчера Великій Князь получилъ письмо отъ низложеннаго султана Мухамедъ-Мурада, съ просьбою разрѣшить ему пріѣхать и отдаться подъ покровительство Россіи, такъ какъ онъ, Мурадъ, опасается за свою жизнь. Разумѣется, просьба эта останется безъ отвѣта: намъ нѣтъ никакого разсчета вызывать смуту въ Константинополѣ. Это значило бы играть въ руку англичанамъ, создавая для нихъ лишній поводъ къ вмѣшательству.

На сегодня былъ предположенъ торжественный визитъ Великаго Князя къ султану, но не состоялся. Повидимому, султанъ просилъ повременить визитомъ, ссылаясь на свое нездоровье; но говорятъ, что онъ уклоняется отъ пріема Великаго Князя потому, что боится Лейарда и, сверхъ того, опасается вообще выѣзжать изъ своего дворца. Визитъ же Великаго Князя потребуетъ контръ-визита, — а этимъ султанъ очень затрудняется. Какъ бы то ни было, но визитъ отложенъ на неопредѣленное время. Великому Князю это очень не нравится: ему хотѣлось устроить свиданіе съ султаномъ поскорѣе.

Вчерашняя депеша Государя о невозможности немедленнаго рѣшенія вопроса о возвращеніи войскъ въ Россію, пока не выяснится обстановка, очень разстроила Великаго Князя, хотя на его преждевременный запросъ и не могло быть иного отвѣта. О сдѣланномъ же Великимъ Княземъ запросѣ всей главной квартирѣ было извѣстно, и легкомысленное большинство съ замираніемъ сердецъ ожидало благопріятнаго отвѣта. Поэтому, когда сегодня распространился слухъ о содержаніи Государевой телеграммы, всѣ повѣсили носы и скисли. Догадливые люди сейчасъ же стали соображать, что армія останется въ Турціи впредь до утвержденія нашего сепаратнаго мира европейскою конференціею. Къ Великому Князю приступили съ вопросами, гдѣ и когда конференція соберется. Великій Князь отвѣчалъ, что достовѣрно извѣстно только одно: конференція соберется въ Берлинѣ и участіе Австріи обезпечено. Объ Англіи и Франціи ничего не извѣстно, такъ что теперь нельзя даже сказать, состоится ли конференція вообще. Если Англія упрется, то все можетъ разстроиться.

Отъ себя прибавлю, что Англія можетъ нагадить намъ такъ, какъ никто. Говорю это, впрочемъ, не отъ себя, а опираясь на опытъ исторіи. Англійская система воевать извѣстна. Пошлетъ во всѣ моря флотъ, который парализуетъ торговлю, уничтожаетъ торговыя суда и разоряетъ берега, преимущественно беззащитные. Изнуряя и разоряя противника, Англія, вмѣстѣ съ тѣмъ, интригуетъ до тѣхъ поръ, пока не образуетъ коалицію или не пріобрѣтетъ хоть одного сильнаго на сухомъ пути союзника: тогда

дастъ деньги взаймы или въ видѣ субсидіи и начинаетъ воевать чужими солдатами, а отъ себя выставляетъ лишь небольшой вспомогательный корпусъ, только для обозначенія своего участія въ войнѣ.

Тянуть войну, выжидать благопріятнаго оборота обстоятельствъ Англіи даже выгодно. Сама она неуязвима, многочисленный флотъ ея вооруженъ постоянно и, плавая въ моряхъ всѣхъ пяти частей свѣта, вполнѣ можетъ окупить себя военными призами и грабежомъ открытыхъ коммерческихъ портовъ.

Воевала же она съ Наполеономъ I-мъ цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ, устраивая противъ него одну коалицію за другою. Союзникамъ ея крѣпко доставалось, а самой Англіи—ничего. Въ концѣ концовъ она доканала-таки Наполеона чужими руками и выиграла отъ его паденія больше всѣхъ.

Нашихъ теперешнихъ успѣховъ Англія переварить не можетъ и, конечно, все сдѣлаетъ, чтобы намъ навредить. Порукою этому служитъ та страстная ненависть, съ которою такъ энергично и настойчиво дѣйствуетъ противъ насъ Лейардъ какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Лондонѣ. Самое назначеніе Лейарда посломъ обусловливалось его непримиримымъ руссофобствомъ.

Намъ нельзя чрезмѣрно обольщаться нашими оглушительными успѣхами, а надо помнить, что конечный исходъ кампаніи не разъ уже висѣлъ, да и теперь даже виситъ на волоскѣ. Безъ сочувственной поддержки Германіи и безъ предварительнаго секретнаго обѣщанія крупной подачки Австріи (Боснія и Герцеговина) мы и воевать бы не могли. Наша поддержка дала Германіи возможность довести войну 1870—71 гг. до взятія Парижа, а теперь, благодаря германской поддержкѣ, мы побѣдоносно дошли до Константинополя. Семь лѣтъ тому назадъ, мы сдерживали Австрію, которая тогда была весьма непрочь отомстить Германіи за 1866 годъ; теперь подобную же услугу оказала Германія намъ. Еслибъ она не стояла за австрійской спиною, то императору Францу-Іосифу, пожалуй, и не удалось бы сдержать ярую ненависть къ намъ мадьяръ и антипатію австрійскихъ нѣмцевъ: симпатіи тѣхъ и другихъ всецѣло на сторонѣ англичанъ и турокъ.

Намъ вызывать европейскую войну не приходится: она сразу обнаружитъ нашу внутреннюю несостоятельность. Пріобрѣтенная нами военная слава разсѣется, какъ дымъ. Храбрости, самоотверженія, умѣнья переносить неслыханныя лишенія и преодолѣвать невѣроятныя препятствія у насъ отнять никто не мо-

жетъ. Но для веденія европейской войны нужны еще система, порядокъ и умѣнье,—а этого у насъ нѣтъ.

Нельзя также забывать, что всякая война съ Турціей—кто бы ее ни велъ—составляетъ общеевропейскій вопросъ. Ибо въ рукахъ Турціи „пупъ земли", Константинополь, малѣйшее прикосновеніе къ которому неминуемо вызываетъ общее вмѣшательство. Поэтому мы не можемъ обижаться, если насъ не допускаютъ до отдѣльнаго мира съ Турціей, ибо она не есть полноправная держава. Да, къ тому же, мы заранѣе связали себя обѣщаніемъ заключить миръ съ Турціей не иначе, какъ по соглашенію съ другими державами.

Конечно, во внѣшней политикѣ издавна принято не церемониться съ стѣснительными обѣщаніями, если нарушеніе ихъ можетъ принести серьезныя выгоды. Но это можно дѣлать лишь тому, за кѣмъ сила, всегда стоящая на практикѣ выше права. По моему глубокому убѣжденію, за нами этой силы нѣтъ. А такъ какъ нѣтъ разсчета выносить свое внутреннее безсиліе всему свѣту на показъ, то благоразумнѣе замаскировать его личиною вѣрности своимъ обязательствамъ.

Игнатьевская политика держится противоположнаго взгляда: побольше запросить, чтобы было съ чего сбавлять. Я не считаю этотъ пріемъ государственнымъ. Мнѣ возражаютъ, что я ничего не понимаю въ политикѣ. Вполнѣ соглашаюсь, но все-таки остаюсь при убѣжденіи: все на свѣтѣ держится прежде всего на довѣріи, а посему главною задачею всѣхъ государственныхъ людей, какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ, должно быть стремленіе заслужить всеобщее довѣріе и утвердить его за собой. На надувательной системѣ далеко не уѣдешь. Не даромъ есть пословица: „ложью свѣтъ пройдешь, да только не воротишься".

Сегодня, подъ огорчительнымъ впечатлѣніемъ телеграммы Государя о невозможности опредѣлить время возвращенія арміи въ Россію, Великій Князь самъ составилъ и послалъ военному министру слѣдующую шифрованную телеграмму [1]):

„Вслѣдствіе депеши Государя о томъ, что нельзя *рѣшить время возвращенія войскъ до разъясненія дѣла*, считаю обязанностью сообщить вамъ, что въ войскахъ, находящихся за Балканами, *обозъ пострадалъ до того, что его можно считать несуществующимъ*, и если имѣется въ виду *двинуть войска куда-либо въ бой*, то необходимо предупредить насъ, *дабы успѣть*

[1]) Зашифрованныя слова—курсивомъ.

устроить вьюки. Только войска *восточнаго отряда* [1]) имѣютъ *кое-какой обозъ, одни они и 14-й корпусъ* [2]) *въ состояніи двинуться немедленно.* Дивизіонные лазареты *въ матеріальномъ отношеніи находятся въ полномъ разстройствѣ.* По всему вышесказанному прошу дать мнѣ знать, *что намѣрены съ нами дѣлать,* дабы мочь *все приготовить къ предназначенной цѣли*".

24 февраля. — Ночью была получена телеграмма отъ великаго Князя Михаила Николаевича изъ Тифлиса, отъ 2 ч. 25 м. пополудни 23-го.

„Необходимо, чтобы командующій турецкимъ батумскимъ корпусомъ Дервишъ-паша неотлагательно былъ извѣщенъ своимъ правительствомъ объ очищеніи Батума и территоріи около этого города, отходящихъ къ намъ. Онъ не получилъ должныхъ указаній и полномочій. Онъ затрудняется даже въ опредѣленіи требуемой нами демаркаціонной линіи, далеко не доходящей до предѣловъ, опредѣленныхъ нашими мирными условіями".

Великій Князь отвѣчалъ брату сегодня утромъ:

„Требовать отъ турокъ очищенія отходящихъ къ намъ мѣстъ до ратификаціи нельзя, но можешь торопить пашу, чтобъ все приготовилъ ко времени полученія текста договора и чтобъ было все очищено въ срокъ, который по взаимному соглашенію будетъ тобою назначенъ".

Около 6 ч. вечера пришла слѣдующая телеграмма военнаго министра, поданная въ Петербургѣ въ 2 ч. 5 м. дня:

„Государь Императоръ, одобривъ предложенный Вашимъ Высочествомъ выборъ дивизій для оставленія въ Болгаріи [3]), а равно назначеніе корпусными командирами генераловъ барона Деллингсгаузена [4]) и Манзея [5]), и командующимъ всѣми оккупаціонными войсками князя Дондукова-Корсакова, изволитъ полагать: не лучше ли изъ означенныхъ войскъ образовать два корпуса, въ каждомъ по три дивизіи пѣхоты и по одной кавалерійской. Благоволите сообщить ваши соображенія какъ по этому вопросу, такъ и о самомъ распредѣленіи дивизій по корпусамъ, размѣщеніи ихъ и назначеніи корпусныхъ командировъ".

Въ 8 ч. вечера Великій Князь отвѣтилъ:

„Составить два корпуса нахожу неудобнымъ. Располагаю

---

[1]) Наслѣдника Цесаревича, какъ стоявшій все время на мѣстѣ.

[2]) На нижнемъ Дунаѣ, въ Добруджѣ.

[3]) Когда это предложено—не знаю.

[4]) Начальникъ 26-ой пѣх. дивизіи.

[5]) Начальникъ 7-ой кавалер. дивизіи.

оккупаціонныя войска такъ: тринадцатый корпусъ: штабъ—Рущукъ, одна дивизія—Тырновъ, другая—Шумла. Девятый корпусъ: штабъ—Филиппополь, одна дивизія—Сливно, другая—Софія. Четвертый корпусъ: штабъ—Ускюбъ, одна дивизія—Битолія, другая—Сересъ. Кавалерійскія дивизіи каждаго корпуса по границамъ Болгаріи по усмотрѣнію корпусныхъ командировъ".

Вечеромъ же получена телеграмма Государя отъ 4 ч. 10 м. пополудни:

„Ожидаю съ нетерпѣніемъ ратификаціи трактата и надѣюсь, что Игнатьеву можно будетъ выѣхать въ воскресенье [1]). Очень радъ, что Людвигъ [2]) былъ у тебя съ братомъ. Я совершенно здоровъ. Нѣсколько дней, что у насъ совершенная оттепель".

Великій Князь немедленно отвѣчалъ:

„Очень счастливъ, что ты здоровъ. Игнатьевъ надѣется, что въ воскресенье выѣдетъ совмѣстно съ Реуфомъ-пашой. Тороплю турокъ съ ратификаціей. Погода здѣсь поправилась".

Отправляя эту телеграмму, Великій Князь приказалъ мнѣ составить отчетъ Государю и представить ему къ подписи, съ такимъ разсчетомъ, чтобы завтра вечеромъ сдать его курьеру, отправляемому 26-го февраля вмѣстѣ съ гр. Игнатьевымъ на пароходѣ „Владиміръ".

25 февраля.—Составленіе отчета Государю на сей разъ не потребовало напряженнаго труда. Ночью я его составилъ, сегодня утромъ прочелъ Великому Князю; въ теченіе дня, не торопясь, переписалъ, а въ 7 ч. вечера Великій Князь его подписалъ и сдалъ курьеру. Вотъ этотъ отчетъ:

„На другой день по вступленіи моемъ въ Санъ-Стефано, была установлена, по обоюдному словесному соглашенію моему съ Реуфомъ-пашой, новая демаркаціонная линія. Она идетъ отъ Чернаго моря на Агачлы, и оттуда черезъ Перенджикіой, Чифликъ-Хаджи-Петро-Мандра и по оврагу Беданица-дере къ кирпичному заводу на берегу Мраморнаго моря.

„О расположеніи войскъ позади этой линіи я уже доносилъ Вашему Императорскому Величеству. Турецкія же войска расположились между этою линіей и Константинополемъ. Штабъ Мухтара-паши остался также внѣ города, въ казармахъ „Даудъ-паша".

„На 19-ое февраля, чтобы ознаменовать высокоторжественный

---

[1]) Т.-е. 26-го февраля.

[2]) Принцъ Баттенбергскій, офицеръ англійскаго флота.

день вступленія на престолъ Вашего Величества, я назначилъ въ 2 ч. пополудни парадъ всѣмъ войскамъ, расположеннымъ въ Санъ-Стефано и окрестностяхъ. Къ этому времени выстроились въ пять линій, фронтомъ къ Константинополю: въ 1-й линіи—собственный Вашего Величества конвой, сводная гвардейская рота почетнаго Вашего Величества конвоя и 1-я бригада 1-й гвард. пѣх. дивизіи; во 2-й линіи—первые три полка 2-й гвард. пѣх. дивизіи [1]); въ 3-й линіи—гвардейская стрѣлковая бригада, л.-гв. саперный баталіонъ, мой конвойный баталіонъ и 4-я стрѣлковая бригада; въ 4-й линіи—л.-гв. 1-я артилл. бригада и первыя четыре батареи л.-гв. 2-й артилл. бригады; въ 5-й линіи—сводный гвардейскій полуэскадронъ почетнаго Вашего Величества конвоя, л.-гв. уланскій полкъ, л.-гв. казачій Вашего Величества полкъ и л.-гв. донская казачья Наслѣдника Цесаревича батарея.

„Турки обѣщали мнѣ наканунѣ, что миръ будетъ подписанъ къ 12-ти, самое позднее—къ 1 ч. пополудни. Поэтому я и назначилъ парадъ въ 2 часа, съ тѣмъ, чтобы объявить войскамъ о заключеніи мира. Но переписка и исполненіе другихъ формальностей такъ затянули дѣло, что пришлось прождать до $4^1/_2$ ч. пополудни. Около $4^1/_4$ я сѣлъ верхомъ и, выѣхавъ изъ мѣстечка, остановился въ нѣкоторомъ удаленіи отъ войскъ. Наконецъ пріѣхалъ генералъ-адъютантъ графъ Игнатьевъ, съ объявленіемъ, что миръ окончательно подписанъ.

„Провозгласивъ, вмѣстѣ съ моею свитою, громогласное ура Вашему Величеству, подхваченное многочисленною собравшеюся публикою и народомъ, я направился къ войскамъ. Объѣхавъ линіи, вызвалъ передъ середину, къ походному аналою, всѣхъ офицеровъ и, когда они собрались, — громко поздравилъ войска съ славнымъ миромъ. Единодушное, восторженное ура вырвалось у всего собраннаго войска и прокатилось до стѣнъ Царьграда. Шапки высоко полетѣли вверхъ. Радостные клики долго не умолкали; едва удалось унять общій восторгъ.

„Когда все утихло, я горячо поблагодарилъ отъ имени Вашего Величества какъ войска, такъ и въ особенности офицеровъ.

„Затѣмъ отслужено было торжественное благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Трудно передать то величественное и благоговѣйное впечатлѣніе, которое производило богослуженіе передъ строемъ побѣдоносныхъ войскъ, подъ самыми стѣнами Царьграда, въ виду высящагося надъ нимъ купола Святой

[1]) Л.-гв. финляндскій полкъ не былъ на парадѣ по отдаленности расположенія.

Софіи. По окончаніи молебствія, въ сумеркахъ, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ. Парадъ кончился уже въ темнотѣ, слабо озаряемой свѣтомъ санъ-стефанскаго маяка и отдаленнымъ мерцаніемъ константинопольскихъ огней.

„Я убѣжденъ, что всякій, присутствовавшій на этомъ единственномъ въ своемъ родѣ торжествѣ, сохранитъ о немъ воспоминаніе на всю жизнь и передастъ его своимъ дѣтямъ.

„По заключеніи мира, я призналъ необходимымъ дать нѣсколько болѣе просторное размѣщеніе войскамъ, для прекращенія уже начавшейся между ними болѣзненности, которая можетъ принять эпидемическій характеръ. Въ разныхъ мѣстахъ расположенія войскъ уже началъ появляться тифъ, преимущественно сыпной. Пока еще, слава Богу, до повальныхъ заболѣваній не дошло; но не скрою отъ Вашего Величества, что въ настоящее время года—и къ тому же въ отравленной трупными міазмами атмосферѣ—здоровье войскъ составляетъ предметъ самыхъ серьезныхъ моихъ опасеній.

„Хотя въ мирномъ договорѣ численность остающейся въ Болгаріи кавалеріи и опредѣлена въ двѣ дивизіи, но я полагаю, что оставленіе трехъ дивизій не возбудитъ со стороны турокъ серьезнаго протеста. Въ случаѣ какого-либо съ ихъ стороны заявленія по этому поводу, я намѣренъ сказать, что мы оставляемъ здѣсь двѣ дивизіи шестиполкового состава, такъ какъ составъ дивизій въ мирномъ договорѣ не предусмотрѣнъ“.

Сегодня въ 8 ч. утра получена шифрованная депеша военнаго министра, отъ 8 ч. 40 м. вчерашняго вечера, слѣдующаго содержанія:

„Отвѣтъ на депешу 23-го февраля. Государь Императоръ изволитъ предполагать: немедленно по ратификаціи договора съ Портою и полученіи окончательнаго согласія державъ на конгрессъ въ Берлинѣ,—перевезти моремъ въ Одессу и Николаевъ: всѣ части гвардіи, обѣ гренадерскія дивизіи и нѣкоторыя другія части дѣйствующей арміи. Войска эти, если ко времени ихъ возвращенія въ Россію не будетъ еще полной увѣренности въ сохраненіи мира, расположатся въ кіевскомъ и одесскомъ округахъ, дабы въ случаѣ войны поступить въ составъ западныхъ армій. Ввѣренная же Вашему Высочеству армія, оставаясь на Забалканскомъ полуостровѣ, должна быть въ готовности захватить Босфоръ, дабы не впустить англійскій флотъ въ Черное море. Подробнѣе будетъ сообщено письменно, первымъ фельдъегеремъ № 1049“.

Теперь многое ясно. Во-первыхъ, что мы, заручившись согласіемъ императора Вильгельма на конгрессъ въ Берлинѣ, все еще не увѣрены въ окончательномъ согласіи на это другихъ державъ и, главнымъ образомъ—Англіи. Во-вторыхъ,—наши отношенія къ Австріи очевидно замутились, ибо предусматривается возможность формированія „западныхъ армій", для которыхъ только Австрія съ Румыніей и могутъ быть цѣлями дѣйствій. Наконецъ, въ-третьихъ, на остающіяся подъ начальствомъ Великаго Князя войска возлагается совершенно неисполнимая задача: не имѣя флота, захватить Босфоръ и не впускать англійскій флотъ въ Черное море. Какъ это сдѣлать? какія мѣры могутъ быть предположены въ Петербургѣ для достиженія подобной цѣли? Рѣшительно не могу себѣ представить.

Великій Князь, разсердившись на эту телеграмму, сегодня же утромъ телеграфировалъ уже Государю шифромъ:

„Военный министръ шифрованною депешею отъ вчерашняго числа сообщаетъ твои указанія о выводѣ части войскъ отсюда послѣ ратификаціи мирнаго договора и расположеніи ихъ, временно, въ одесскомъ и кіевскомъ округахъ, если обстоятельства того потребуютъ. Считаю долгомъ заявить, что для предстоящей мнѣ тогда цѣли остающихся войскъ за Балканами будетъ слишкомъ мало, такъ какъ 4-ый и 9-ый корпуса, послѣ ратификаціи мирнаго договора, я долженъ тотчасъ расположить, согласно вчерашней моей телеграммы военному министру. А потому, еслибы дѣйствительно угрожала намъ опасность новой войны, прошу оставить здѣсь гренадеръ, а западныя арміи усилить 11-мъ и 12-мъ корпусами и 2-ою пѣхотною дивизіей. 14-й корпусъ необходимо удержать въ Болгаріи до полнаго очищенія турками Шумлы и Варны".

Телеграмма эта совсѣмъ не въ точку бьетъ. Не понимаю, почему Великій Князь, вполнѣ сознающій невозможность возбранить англійскому флоту пройти черезъ Босфоръ въ Черное море,—не говоритъ этого Государю прямо и опредѣленно, а вмѣсто этого заводитъ рѣчь о недостаточности войскъ, предназначенныхъ для достиженія этой цѣли. Разъ нѣтъ флота у насъ—не все ли равно, сколько сухопутныхъ войскъ? Насколько мы неуязвимы для англичанъ на сушѣ, настолько же и они для насъ на водѣ. Сегодня вернулся изъ Константинополя М. Д. Скобелевъ и говоритъ, что тамъ настроеніе скверное. Санъ-Стефанскій миръ никто не считаетъ серьезнымъ и всѣ ждутъ объявленія намъ войны Англіей, которая спѣшно къ ней готовится. Мобилизуются два англійскихъ корпуса и часть остъ-индскихъ войскъ. Въ Вульвичѣ и Портсмутѣ работаютъ день и ночь.

Цѣлый день буря съ дождемъ и даже съ грозою.

26 февраля.—Сегодня пароходъ „Владиміръ“ ушелъ въ Россію съ графомъ Игнатьевымъ и Реуфъ-пашой. Повезли къ Государю санъ-стефанскій мирный договоръ. Дай Богъ, въ добрый часъ! Послѣ вчерашней бури—море какъ зеркало, а солнце ярко сіяетъ на высокомъ безоблачномъ небѣ.

Военный министръ сообщилъ сегодня телеграммою, что всѣ предположенія Великаго Князя о расположеніи въ Болгаріи оккупаціонныхъ войскъ—Государемъ одобрены; о приведеніи же этихъ предположеній въ исполненіе будетъ въ свое время особое Высочайшее повелѣніе.

По случаю дня рожденія Наслѣдника, Великій Князь послалъ ему сегодня двѣ телеграммы: одну лично отъ себя, а другую слѣдующаго содержанія:

„Всѣ части дѣйствующей арміи поздравляютъ Ваше Высочество съ днемъ вашего рожденія, съ гордостью вспоминая то время, которое вы провели въ ея средѣ, доблестно, въ теченіе семи мѣсяцевъ, отстаивая всѣ старанія непріятеля пробиться черезъ командуемыя вами войска“.

Что отвѣчалъ Наслѣдникъ—не знаю, но Государь откликнулся слѣдующею телеграммою отъ $3^1/_2$ ч. дня, полученною въ $6^1/_2$ час. вечера:

„Сердечно благодарю за Сашу. Далъ ему сегодня саблю съ брилліантами за все время командованія рущукскимъ отрядомъ. Выходъ былъ въ большую церковь. На шифрованную телеграмму (см. 25-го февраля)—отвѣчу завтра“.

27 февраля. — Прибыла въ распоряженіе Великаго Князя императорская яхта „Ливадія“ и на ней главный командиръ генералъ-адъютантъ Аркасъ изъ Одессы. Говоритъ, что, судя по спокойному настроенію торговаго міра, войны не будетъ. Англійскіе консулы и купцы утверждаютъ, что Англія вовсе не расположена воевать и что на конгрессѣ все уладится. Дай Богъ!

Государь телеграфировалъ сегодня (получ. 5 ч. 11 м. дня):

„На всѣ вопросы твои получишь подробныя указанія съ фельдъегеремъ, отправляющимся завтра“.

28 февраля.—Еще телеграмма Государя отъ $11^1/_4$ сегодняшняго утра:

„Гвардію можно будетъ отправить, приблизительно, около нашего 15-го марта. Дальнѣйшія указанія получишь съ генераломъ

Анненковымъ, котораго отправляю къ тебѣ по прибытіи Игнатьева".

1 марта.—Великій Князь мучится головною болью. Однако, сегодня самъ составилъ и велѣлъ зашифровать слѣдующую депешу Государю (отправленную въ $2^1/_2$ ч. дня):

„Для свѣдѣнія и твоихъ соображеній сообщаю, что гвардейскій корпусъ, начавъ отправку отсюда пятнадцатаго числа, будетъ перевезенъ окончательно въ Одессу и Николаевъ къ десятому апрѣля; гренадерскій же корпусъ, начавъ перевозку десятаго апрѣля, окончитъ къ двадцать-пятому,—все это въ томъ случаѣ, если буря не помѣшаетъ".

Не вѣрю всѣмъ этимъ соображеніямъ, ибо никакъ не могу согласовать ихъ съ недавними еще свѣдѣніями о вызывающемъ образѣ дѣйствій англичанъ. Проекты обратной перевозки войскъ разстроятъ они, а не бури. Мысль объ англичанахъ вообще мнѣ покою не даетъ: каждый день жду отъ нихъ какой-нибудь крупной непріятности. Еслибъ мы въ свое время заняли Галлиполи, англійская эскадра не рѣшилась бы пройти Дарданеллы, и тогда былъ бы совсѣмъ другой разговоръ. Упущенное на войнѣ время—непоправимо.

2 марта.—Въ 5 ч. 40 м. дня получена телеграмма Государя отъ 4 ч. 10 м. дня:

„Игнатьевъ только-что прибылъ. Благодарю искренно за письмо отъ 25-го февраля. Объ оставленіи румынами Виддина и Бѣлградчика не сожалѣю, а напротивъ, доволенъ, что мы ихъ займемъ нашими войсками".

Великій Князь немедленно отвѣчалъ:

„Радуюсь пріѣзду Игнатьева. Князья Дондуковъ и Имеретинскій пріѣхали сегодня. Здѣсь все пока тихо и спокойно".

3 марта.—Пріѣзжалъ къ Великому Князю турецкій великій визирь Ахмедъ-Вефикъ-паша, о чемъ Великій Князь сегодня вечеромъ телеграфировалъ Государю:

„Сегодня былъ у меня первый министръ Ахмедъ-Вефикъ-паша; переговорили о выходѣ нашихъ войскъ. Все благополучно. Погода грязная, дождь, но тепло".

А я все не могу отдѣлаться отъ смутнаго чувства, что дѣла наши обстоятъ неладно, и что мы не скоро отсюда выберемся. Многіе сердятся на меня за пессимизмъ; даже Великій Князь выразилъ удивленіе, куда дѣвались моя прежняя бодрость духа и спокойная увѣренность.

4 марта. — Великій Князь нашелъ нужнымъ вчера запросить Государя, когда и куда отправить его сводно-гвардейскій почетный конвой (рота и полуэскадронъ). Сегодня утромъ полученъ отвѣтъ Государя отъ 8 ч. вчерашняго вечера:

„Сегодня принималъ Реуфа-пашу и вслѣдъ затѣмъ утвердилъ мирный договоръ. Корсакову-Дондукову можешь объявить теперь же его назначеніе. Мою конвойную роту и полуэскадронъ отправь сюда при первой возможности".

5 марта. — Загадочное затишье разразилось-таки сегодня крупною непріятностью, свалившеюся намъ какъ снѣгъ на голову, хотя ее можно и должно было предвидѣть. Оказывается, что мы, не спросясь хозяевъ, намѣтили пунктомъ посадки войскъ Буюкдере на Босфорѣ, руководствуясь единственно тѣмъ соображеніемъ, что тамъ посадка удобнѣе, чѣмъ на Мраморномъ морѣ, и къ тому же — не на глазахъ у англичанъ. Сдѣлали всѣ подготовительныя распоряженія, объявили даже по войскамъ и тогда лишь сообщили туркамъ. Сегодня пріѣхалъ къ Великому Князю самъ Савфетъ-паша, крайне встревоженный, и сталъ умолять отказаться отъ посадки въ Буюкдере, такъ какъ Лейардъ объявилъ ему, что въ такомъ случаѣ англійскій флотъ вступитъ въ Босфоръ. Великій Князь донесъ объ этомъ казусѣ Государю двумя шифрованными депешами слѣдующаго содержанія:

1) „Турки дѣлаютъ намъ затрудненія въ посадкѣ войскъ въ Буюкдере, въ виду англичанъ, которые будто бы могутъ принять движеніе нашихъ войскъ къ Босфору за желаніе наше овладѣть пунктомъ на Босфорѣ. Порты же на Мраморномъ и Черномъ моряхъ неудобны для посадки войскъ, ибо рейды открытые и при малѣйшемъ вѣтрѣ нѣтъ возможности пароходамъ стоять на рейдѣ [1]). Между тѣмъ, посадка войскъ въ Буюкдере есть единственное средство приблизиться къ Босфору для завладѣнія, въ случаѣ разрыва съ Англіей, пунктомъ на проливѣ, тѣмъ болѣе, что возможность захватить проливъ силою становится съ каждымъ днемъ затруднительнѣе, такъ какъ турецкія войска изъ крѣпостей Болгаріи свозятся преимущественно въ Царьградъ, гдѣ ихъ уже до ста тысячъ. Сажать войска въ Мраморномъ морѣ, въ виду

---

[1]) Не знаю, кто увѣрилъ въ этомъ Великаго Князя, но считаю это крайнимъ преувеличеніемъ. Конечно, посадка на Босфорѣ удобнѣе, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что она почти невозможна на Мраморномъ морѣ. Кромѣ того, Буюкдере внѣ нашего расположенія, слѣдовательно безъ предварительнаго соглашенія съ турками мы тамъ совсѣмъ не вправѣ распоряжаться.

возможности разрыва съ Англіей, даже опасно, потому что суда наши могутъ быть ими тамъ захвачены".

2) (Подана около 12 ч. дня). „Савфетъ былъ сейчасъ у меня для того, чтобъ условиться о мѣстѣ посадки войскъ. Послѣ объясненія съ нимъ, дѣло, кажется, уладится по моему желанію. Несмотря на это, не найдешь ли нужнымъ приказать объясниться съ Лофтусомъ [1]), такъ какъ сію минуту получилъ увѣдомленіе, что англичане угрожаютъ Портѣ: въ случаѣ посадки нашихъ войскъ въ Босфорѣ, занять Босфоръ своею эскадрою".

Вслѣдъ за этимъ Великій Князь послалъ еще телеграмму Государю:

„Не полагаешь ли полезнымъ, чтобы князь Дондуковъ прибылъ въ Петербургъ до вступленія въ должность, для полученія послѣднихъ указаній лично отъ тебя?"

Отвѣтъ на всѣ эти телеграммы былъ полученъ около 11 ч. вечера:

„Если имѣешь на кого возложить временно завѣдываніе гражданскими дѣлами, можешь разрѣшить Дондукову прибыть сюда. На твои двѣ шифрованныя телеграммы отъ 5-го марта, отвѣчаю шифромъ".

И почти одновременно получена еще слѣдующая шифрованная телеграмма:

„Въ западную Болгарію полагалъ бы послать на первое время лишь небольшіе отряды, преимущественно кавалерійскіе, для поддержанія спокойствія и порядка. Отдѣлять же туда значительную часть войскъ было бы опасно, ибо теперь главною нашею заботою должно быть сосредоточеніе большихъ силъ въ ближайшемъ къ Константинополю и Галлиполи раіонѣ на случай войны съ Англіей. Ожидаю твоихъ соображеній по содержанію письма военнаго министра отъ 27-го февраля".

Великій Князь отвѣчалъ немедленно:

„Телеграмму твою отъ сегодня 6 часовъ получилъ. Фельдъегерь отъ 27-го февраля еще не пріѣзжалъ. Все будетъ исполнено по твоему желанію".

Телеграмму Государя надо понимать такъ: 4-й корпусъ не слѣдуетъ уводить въ Ускюбъ, Монастырь и Сересъ (см. телеграмму Великаго Князя отъ 24-го февраля и отчетъ Государю отъ 25-го февраля, отправленный на пароходѣ „Владиміръ"), а напротивъ: приблизить къ главнымъ силамъ. Но не могу понять, какимъ образомъ сосредоточеніе нашихъ войскъ къ Константи-

[1]) Великобританскій посолъ въ Петербургѣ.

нополю и Галлиполи можетъ помѣшать англичанамъ хозяйничать на морѣ. Не понимаю также, почему Великій Князь не говоритъ этого Государю прямо. Не понимаю наконецъ, какъ распутается вопросъ о посадкѣ нашихъ войскъ въ Буюкдере, возникшій единственно по нашему же легкомыслію. Еслибъ мы заранѣе сговорились объ этомъ съ турками—намъ все-таки легче было бы поставить на своемъ, не взирая на протестъ англичанъ. Но теперь—не вижу, какъ намъ это удастся, тѣмъ болѣе, что англичане вполнѣ вѣрно поняли этотъ проектъ, какъ предлогъ завладѣть опорнымъ пунктомъ на берегу Босфора, и отвести имъ глаза на этотъ счетъ, конечно, не удастся. Намъ, изъ амбиціи, надо теперь настаивать на своемъ, а между тѣмъ это почти навѣрное приведетъ къ формальному разрыву съ Англіей, ибо она по этому вопросу ни за что не уступитъ: себѣ дороже стоитъ!

И выходитъ, что мы стоимъ наканунѣ европейской войны. А между тѣмъ, мы и не готовы, и устали. Безошибочно могу сказать, что никто не хочетъ новой войны. Даже такой желѣзный человѣкъ, какъ Гурко, стремится домой. Онъ уже просился въ отпускъ на словахъ; но такъ какъ Великій Князь наотрѣзъ отказалъ, то онъ подалъ рапортъ съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Погода холодная и дождливая.

6 марта.—День тихій и пасмурный, но къ вечеру—шквалъ, гроза и затѣмъ сильный вѣтеръ.

Настроеніе невыносимо-напряженное. Мрачная неизвѣстность душитъ, какъ кошмаръ. Нелидовъ говорилъ мнѣ, что, по полученнымъ имъ изъ Константинополя отъ германскаго посольства свѣдѣніямъ, Англія принимаетъ все болѣе и болѣе угрожающее положеніе, такъ что избѣжать войны съ нею будетъ очень трудно. Великій Князь отправляетъ его сегодня въ Константинополь, попытаться уладить съ турками вопросы о посадкѣ нашихъ войскъ въ Буюкдере.

Съ утра (въ $8^1/_2$ ч.) Великій Князь телеграфировалъ Государю:

„Фельдъегерь еще не пріѣхалъ, депешу шифрованную еще не получалъ. Жду ее съ нетерпѣніемъ при теперешнихъ обстоятельствахъ. Со вчера мнѣ опять нездоровится: боль подъ ложкой назойливая, дѣйствуетъ на нервы, въ особенности когда есть заботы и хлопоты, которыхъ теперь снова немало. Пишу объ этомъ потому, что неоднократно желалъ знать о моемъ здоровьи. Работаю, сколько силъ хватаетъ“.

Въ 1 ч. 10 м. дня получена шифрованная депеша Государя отъ 9½ ч. сегодняшняго утра:

„Въ виду явно-враждебнаго расположенія Англіи, которая ищетъ предлоговъ къ разрыву, необходимо пріостановить отправленіе гвардіи и гренадеръ и принять рѣшительныя мѣры къ воспрепятствованію прорыву англичанъ черезъ Босфоръ. Прошу тебя, не теряя времени, обдумать во всей подробности и сообщить мнѣ твой планъ дѣйствій. Можно ли надѣяться на содѣйствіе турокъ, или исполнить—помимо ихъ?“

Время давно уже потеряно и никакими мѣрами мы не можемъ помѣшать англичанамъ вступить въ Босфоръ и въ Черное море, когда имъ это вздумается. Въ Петербургѣ воображаютъ, что можно, не имѣя флота, преградить англичанамъ доступъ въ Босфоръ подводными минами. Къ сожалѣнію, и въ нашихъ руководящихъ сферахъ признаютъ это возможнымъ, хотя и очень труднымъ. А по-моему, это чистѣйшая химера. Даже на Дунаѣ (а не на морѣ!) и противъ такого безпомощно-бездѣятельнаго противника, какъ турки—намъ только одинъ разъ удалась минная аттака, и то лишь потому, что это былъ первый разъ. Всѣ остальныя попытки минныхъ аттакъ были неудачны, а постановка минныхъ заграждeній на Дунаѣ оказалась совершенно недѣйствительною. Уповать на однѣ мины, какъ на средство парализовать активныя дѣйствія англійскаго флота—совершенно безнадежное дѣло. У англичанъ вѣдь тоже есть и мины, и средства борьбы съ ними, но кромѣ того есть и сильный боевой флотъ, котораго у насъ нѣтъ вовсе.

Что же касается до надежды на помощь намъ турокъ, то можно лишь изумляться, кто могъ внушить Государю столь несообразную мысль!

Великій Князь отвѣчалъ на эту телеграмму въ 2 ч. 30 м. пополудни шифромъ и попрежнему уклончиво. Сколько могу судить, у него просто не хватаетъ духу рѣшительно высказаться: опасается возбудить гнѣвъ Государя. Вотъ эта депеша:

„Телеграмму шифрованную и фельдъегеря съ письмомъ военнаго министра [1]) получилъ. Такъ какъ въ письмѣ говорится о сформированіи на лѣвомъ берегу Дуная арміи для дѣйствій противъ Австріи, а въ телеграммахъ вчерашней и сегодняшней говорится только о дѣйствіяхъ противъ Англіи, то означаетъ ли это, что со стороны Австріи намъ теперь нечего опасаться. Про турокъ ничего положительнаго сказать не могу; скорѣй,—они не

[1]) Этого письма Великій Князь мнѣ не показывалъ.

будутъ намъ содѣйствовать. Обо всемъ подумаю, узнаю и немедленно сообщу".

Въ 5 час. дня была получена еще одна телеграмма Государя отъ 3 час. 50 мин. сегодняшняго дня:

„Крайне сожалѣю, что ты опять чувствуешь себя хуже. Да подкрѣпитъ тебя Богъ въ теперешнюю критическую минуту, гдѣ твоя дѣятельность для меня столь необходима. Обращаю твое особенное вниманіе на мою шифрованную телеграмму отъ вчерашняго вечера. Реуфъ-паша отправляется обратно завтра".

Въ 7 час. 15 мин. вечера Великій Князь отвѣчалъ:

„Искренно благодарю тебя за депешу. Будь увѣренъ, что буду работать, сколько силъ хватитъ. Да поможетъ намъ Богъ. Нелидова послалъ въ Константинополь: когда вернется, соображу и сообщу".

Вскорѣ по отправленіи этой депеши, вернулся Нелидовъ съ весьма неутѣшительными, но отнюдь не неожиданными извѣстіями. Тотчасъ же была составлена, зашифрована и въ $9^1/_2$ час. вечера отправлена Государю слѣдующая телеграмма:

„Нелидовъ вернулся изъ Константинополя. Турки, послѣ долгихъ совѣщаній, наотрѣзъ отказываютъ въ посадкѣ войскъ въ Буюкдере, говоря, что они къ этому принуждены. Поэтому занятіе Босфора мирнымъ путемъ будетъ мнѣ почти невозможно. Намъ на содѣйствіе турокъ въ случаѣ разрыва съ Англіей разсчитывать положительно нельзя. А приблизиться къ Босфору безъ согласія турокъ—повлечетъ неминуемо къ разрыву съ Англіей,—что при болѣе успокоительныхъ извѣстіяхъ изъ Европы, полученныхъ здѣсь въ посольствахъ, мнѣ кажется нежелательно. Въ случаѣ войны съ Англіею я дѣлаю всѣ распоряженія, дабы во что бы то ни стало занять Босфоръ. Да поможетъ намъ Богъ, чтобы до этого не дошло".

Остаюсь при убѣжденіи, что нѣтъ и не можетъ быть такихъ мѣръ, которыми мы могли бы помѣшать англійскому флоту вступить въ Босфоръ. Простое занятіе Буюкдере или иного пункта на Босфорѣ не можетъ стѣснить свободное плаваніе англичанъ, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ вовсе артиллеріи большого калибра, могущей состязаться съ британскою судовою артиллеріею. Слѣдовало бы прямо и рѣзко разбить иллюзію захвата Босфора [1]).

[1]) Впослѣдствіи, уже по окончаніи войны, я узналъ, что мысль о захватѣ Босфора зародилась въ горячей головѣ Н. Н. Обручева, любителя смѣлыхъ, фантастическихъ плановъ. У него была особая способность увлекательно и настойчиво проповѣдывать свои завѣтныя идеи и вселять ихъ, путемъ пламеннаго внушенія, въ головы лицъ, власть имѣющихъ. Онъ такъ глубоко вѣрилъ въ свои идеи, что увлекалъ

7 марта.—Весь день буря, холодъ и дождь. Вчера Великій Князь приказалъ: 11-ую пѣхотную дивизію отправить на присоединеніе къ своему 11-му корпусу (32 пѣх. и 11 кав. дивизіи) въ Румынію; весь 12-й корпусъ стянуть ближе къ Рущуку; 26-ую пѣх. дивизію притянуть къ Адріанополю; „Русскому обществу пароходства и торговли“ объявить, что по политическимъ обстоятельствамъ перевозка войскъ въ Россію откладывается на неопредѣленное время, — и поэтому только-что заключенный съ обществомъ договоръ считается недѣйствительнымъ.

Въ теченіе сегодняшняго дня состоялся слѣдующій обмѣнъ телеграммъ между военнымъ министромъ и Великимъ Княземъ.

Отъ военнаго министра получены три телеграммы:

1) *Шифромъ*. „Изъ телеграммы Государя Императора сего числа (6-го) Вашему Высочеству уже извѣстно, что отправленіе гвардіи и гренадеръ должно быть пріостановлено, почему распоряженія о перевозкѣ всей арміи были бы теперь преждевременны. Необходимо прежде рѣшить общій планъ на случай войны; теперь же воспользоваться морскимъ путемъ для перевозки только того, въ чемъ не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ надобности для продолженія дѣйствій балканской арміи“.

2) *Шифромъ*: „Прошу сообщить мнѣ для доклада Государю Императору соображенія относительно срытія дунайскихъ крѣпостей: признается ли болѣе для насъ выгоднымъ исполнить неотлагательно или удержать за собою которыя-либо изъ нихъ въ предвидѣніи войны. Какія приняты мѣры къ очищенію турками Шумлы и Варны?“

3) *Шифромъ*: „Нынѣ въ составѣ дѣйствующей арміи двадцать-пять донскихъ полковъ и четырнадцать батарей. Сколько изъ нихъ Ваше Высочество полагаете возможнымъ выдѣлить изъ арміи? Желательно двинуть ихъ къ нашей границѣ неотлагательно, равно какъ и одну изъ кавалерійскихъ дивизій“.

Великій Князь отвѣчалъ слѣдующими шифрованными телеграммами:

1) „Крѣпости дунайскія полагалъ бы необходимымъ срыть и начать немедленно. Насчетъ Шумлы и Варны сказано туркамъ, чтобы живѣе очищали, и приказано Ванновскому подгонять ихъ на мѣстѣ“.

2) „Могу послать отсюда 1-ую кавалерійскую дивизію, 1-ую донскую дивизію съ ихъ артиллеріею, 21-й, 26-й и 37-й донскіе

этою вѣрою и другихъ, даже такого спокойнаго и трезваго мыслителя, какъ Д. А. Милютинъ.

полки и двѣ донскія батареи. Нужно ли и когда двинуть въ Россію, согласно вашего письма, 1-ую саперную бригаду. Куда надо направить всѣ вышепоименованныя части?"

Вечеромъ въ 9½ час. послана телеграмма Государю:

„По полученнымъ здѣсь извѣстіямъ, настроеніе въ Европѣ какъ будто успокоительнѣе. Соображеніе (объ оборонѣ Босфора) составляю, постараюсь прислать какъ можно скорѣе. Погода ужасная, холодъ и буря второй день, даже шелъ снѣгъ. Здоровье мое все то же, но работаю дѣятельно".

Вслѣдъ за отправленіемъ этой телеграммы получена шифрованная телеграмма князя Горчакова отъ вчерашняго 6-го марта:

„Завтра выѣзжаютъ курьеры, которые повезутъ нашъ предварительный мирный договоръ съ Портою посламъ при всѣхъ великихъ державахъ, съ приказаніемъ его сообщить. Условлено, что на берлинскомъ конгрессѣ каждый сохраняетъ свободу оцѣнки и дѣйствій; мы требуемъ того же и въ той же степени для себя и не допускаемъ обязательства склоняться передъ большинствомъ, такъ какъ это было бы противно обычаю, всегда соблюдаемому на конгрессахъ. Хотя Андраши [1]) и увѣряетъ въ своемъ миролюбивомъ настроеніи, однако тройственное соглашеніе, затѣянное въ Вѣнѣ, не сдѣлало никакихъ успѣховъ. Бисмаркъ предлагаетъ предварительную конференцію въ Берлинѣ изъ шести членовъ, частью вторыхъ уполномоченныхъ, частью мѣстныхъ пословъ, для разработки вопросовъ, имѣющихъ быть представленными конгрессу, созывъ котораго отсрочить впредь до окончанія работъ предварительной конференціи. Хотя мнѣ лично эта комбинація не представляется практическою, Государь Императоръ соизволилъ на нее согласиться, назначивъ для участія въ ней нашего второго уполномоченнаго Игнатьева. Но Англія отвергаетъ эту конференцію, какъ безполезную, настаивая при этомъ, чтобы въ случаѣ, если конгрессъ состоится,—можно было обсуждать всѣ статьи нашего предварительнаго договора. Однако, Германія надѣется устранить всѣ препятствія. Получилъ сію минуту телеграмму Убри [2]), который увѣдомляетъ, что предварительная конференція составится только изъ мѣстныхъ пословъ, для опредѣленія подробностей формальнаго свойства, не затрогивая никакихъ вопросовъ. Мы согласились".

8 марта.—Ночью получена слѣдующая шифрованная телеграмма Государя, поданная вчера въ 8 час. 10 мин. вечера.

[1]) Австро-венгерскій первый министръ.

[2]) Нашъ посолъ въ Берлинѣ.

„Обѣ твои шифрованныя вчерашнія телеграммы получены. Касательно отношеній Австріи тебѣ извѣстно изъ телеграммы канцлера настоящее положеніе дѣлъ. Стратегическія соображенія наши остаются прежнія. Въ моихъ телеграммахъ не упоминалось объ Австріи потому, что въ нихъ заключались лишь указанія на ближайшій предметъ нашихъ заботъ и распоряженій, именно на Босфоръ. Судя по твоей послѣдней телеграммѣ [1]), надѣюсь вполнѣ, что всѣ мѣры будутъ приготовлены къ быстрому захвату пролива, когда окажется нужнымъ. Прошу сообщить, къ какому именно сроку считаешь возможнымъ это исполнить. Образъ дѣйствій турокъ въ этомъ дѣлѣ не согласуется съ завѣреніями, полученными здѣсь отъ Реуфа, какъ увидишь изъ посылаемой сегодня записки Игнатьева“.

Очевидно, убѣжденіе въ возможности захватить Босфоръ, не имѣя флота, засѣло очень крѣпко. Вотъ результатъ цѣлаго ряда уклончивыхъ отвѣтовъ Великаго Князя. Надо было сразу и категорически объявить это предпріятіе неисполнимымъ, не смущаясь боязнью прогнѣвить Государя. Сомнѣнія нѣтъ, что послѣ перваго порыва неудовольствія онъ самъ понялъ бы всю фантастичность этого плана. Теперь Великому Князю ничего не остается, какъ продолжать ту же систему недомолвокъ, вѣроятно, въ надеждѣ, что дѣло какъ-нибудь „образуется“ и обойдется безъ необходимости осуществлять неосуществимое. Онъ отвѣтилъ Государю въ 11 ч. утра:

„Телеграмму Горчакова получилъ вчера вечеромъ, а твою — сегодня ночью. На твою телеграмму отвѣчу, собравъ свѣдѣнія о положеніи дорогъ, которыя вслѣдствіе постоянныхъ дождей стали непроходимы. О дѣйствіяхъ турокъ могу сказать, что хотя они въ своихъ увѣреніяхъ къ намъ дружелюбны, но находятся подъ сильнымъ гнетомъ Англіи и особенно Лейарда, а потому на нихъ надѣяться нельзя. Стараюсь всѣми силами ускорить мое свиданіе съ султаномъ; — надѣюсь, что тогда, Богъ дастъ, дѣла пойдутъ лучше“.

Сегодня утромъ, когда я пришелъ къ Великому Князю, онъ встрѣтилъ меня словами: „Lieber Freund, jezt denken Sie nicht an Abreise“ („Любезный другъ, теперь и не думайте объ отъѣздѣ“). Я отвѣтилъ, что давно потерялъ на это всякую надежду, а при теперешнихъ обстоятельствахъ объ этомъ и думать не смѣю. Его

---

[1]) Государь, очевидно, принялъ очень серьезно слова Великаго Князя: „въ случаѣ войны съ Англіей я дѣлаю всѣ распоряженія, дабы во что бы то ни стало занять Босфоръ“. Между тѣмъ — ничего изъ этихъ распоряженій выйти не можетъ.

этотъ естественный отвѣтъ, очевидно, тронулъ, и онъ сталъ мнѣ жаловаться на Гурко, который такъ настойчиво просилъ отпуска, что онъ уже было-согласился, но, по полученіи телеграммы Государя о явно-враждебномъ настроеніи Англіи, послалъ сказать Гурко, что онъ его отпустить не можетъ. Оказалось, что Гурко уже былъ на пароходѣ, и его вернули чуть не за 5 минутъ до отплытія, и теперь онъ на Великаго Князя дуется. Этимъ въ свою очередь очень обижается Великій Князь. „Я дольше всѣхъ въ разлукѣ съ семьею,—сказалъ онъ мнѣ:—я самъ тоскую, я совсѣмъ боленъ и все-таки терплю, а другіе пристаютъ, чтобы я ихъ въ такое тяжелое время отпустилъ!“ Великій Князь былъ такъ взволнованъ и озабоченъ, что я счелъ неделикатнымъ излагать ему цѣликомъ свой взглядъ на теперешнее положеніе дѣлъ, тѣмъ болѣе, что это отчасти имѣло бы видъ напоминанія мыслей, высказанныхъ уже раньше и оставленныхъ безъ вниманія. Теперь этимъ дѣла не поправишь.

Каждый день можно ожидать разрыва, прежде чѣмъ дойдетъ до конгресса. Англія принимаетъ всѣ мѣры, чтобъ вывести насъ изъ терпѣнія и вызвать на такой поступокъ, который оправдаетъ объявленіе намъ войны въ глазахъ англійскаго общественнаго мнѣнія. Лейардъ даже не скрываетъ своего намѣренія довести до войны. Онъ разсчитываетъ, что Турція, если и будетъ нѣкоторое время колебаться, то, наконецъ, все-таки возобновитъ войну съ нами, въ надеждѣ, благодаря союзу съ Англіей, вернуть многое изъ того, что утрачено. У насъ же наоборотъ, до сихъ поръ было въ большомъ ходу и лишь теперь поколебалось совершенно неосновательное мнѣніе, что Турція охотно будетъ за-одно съ нами противъ Англіи, ибо ей будто бы выгоднѣе съ нами дружить. Я всегда рѣшительно оспаривалъ это самообольщеніе: союзъ съ Турціей мы можемъ только *купить*, заключивъ съ нею дополнительное секретное соглашеніе о добровольномъ отказѣ отъ нѣкоторыхъ условій санъ-стефанскаго договора и преподнеся затѣмъ этотъ сюрпризъ Европѣ на берлинскомъ конгрессѣ. Такъ, напр., мы могли бы съузить слишкомъ широко раздвинутыя границы Болгаріи и подарить совсѣмъ контрибуцію, уплата которой все равно весьма гадательна. Тогда еще, можетъ быть, Турція и рѣшится на союзъ съ нами, но и то едвали. А между тѣмъ, ради этого союза, стоило бы сдѣлать серьезнѣйшія уступки—и вотъ почему.

Мы стоимъ теперь на берегу моря, имѣя за собою вплоть до Адріанополя совершенную пустыню. Живемъ подвозомъ изъ Константинополя, Малой Азіи и Одессы, ибо на двѣсти верстъ позади

насъ нѣтъ ни куска хлѣба, ни клочка сѣна и даже мясо на исходѣ, ибо скотъ, который еще есть, начинаетъ падать отъ чумы или другой какой-то повальной болѣзни. Подвозъ съ тыла невозможенъ. Средства желѣзной дороги такъ слабы, что не въ силахъ поддерживать даже правильное срочное сообщеніе, а грунтовыя дороги—вязкая глина, растворяющаяся отъ каждаго дождя такъ, что даже верховая ѣзда затруднительна. Былъ случай, что лошадь, вытаскивая ногу изъ глины, оставила въ ней все копыто. Даже горныя дороги черезъ Балканы удобопроходимѣе глинистыхъ дорогъ между р. Тунджею и Мраморнымъ моремъ. Поэтому невозможно и мечтать о подвозѣ осадныхъ орудій съ тылу,—а безъ нихъ нечего и думать о борьбѣ съ англійскою судовою артиллеріей: противъ нея наши полевыя орудія—только плевательницы.

Каково же наше положеніе въ случаѣ войны съ Англіей и враждебнаго, даже просто колеблющагося положенія Турціи? Морской подвозъ прекратится немедленно, слѣдовательно нечего будетъ ѣсть. Стѣснить свободу дѣйствій англійскаго флота нечѣмъ: разсчитывать на минныя загражденія, какъ я уже доказывалъ выше—пустая мечта.

А если Турція, подъ давленіемъ Англіи, тоже объявитъ намъ войну, что тогда? Допустивъ даже, что мы турокъ опять разобьемъ, но что выигрываемъ? Константинополь? Но это будетъ непосильное для насъ бремя. Не имѣя ни флота, ни подвоза съ тыла, пріобрѣтемъ городъ съ милліоннымъ населеніемъ, которое начнетъ умирать тысячами отъ голоду и заразительныхъ болѣзней, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и мы. Къ тому же мы въ городѣ не въ состояніи удержаться: англійская эскадра, сама ничѣмъ не рискуя, выкуритъ насъ оттуда бомбардировкою. А въ глазахъ всей Европы будемъ виноваты мы: пойдетъ общій вопль, что мы совершили „le crime de Constantinople“. На вооруженное содѣйствіе Германіи разсчитывать нечего: она дальше доброжелательнаго нейтралитета не пойдетъ. Въ дальнемъ тылу нашемъ—недоброжелательная, крайне-ненадежная Австрія и озлобленная противъ насъ Румынія.

Выходъ изъ этого отчаяннаго положенія только одинъ: намъ надо купить союзъ Турціи. Только въ союзѣ съ нею мы можемъ не допустить англичанъ въ Босфоръ и оградить отъ нихъ свободное плаваніе по Черному морю, т.-е. обезпечить себѣ подвозъ продовольствія и боевыхъ запасовъ. Если мы дѣломъ, а не словами убѣдимъ турокъ, что даемъ имъ больше, чѣмъ они могутъ ожидать отъ англичанъ, то они предоставятъ намъ и свой

флотъ, и свои береговыя батареи въ Дарданеллахъ и Босфорѣ. И тогда мы можемъ смѣло вступить въ борьбу съ англичанами, съ серьезными шансами на успѣхъ.

Если же, какъ я опасаюсь, время для такого соглашенія съ Турціей противъ Англіи уже безвозвратно упущено, то есть и другой исходъ. Надо добровольно выйти изъ теперешняго невозможнаго положенія, очистивъ нынѣ занимаемыя нами позиціи и отступивъ къ Адріанополю. Занимая всю новую Болгарію и усиливъ войска въ Румыніи и Бессарабіи, мы станемъ въ совершенно-неуязвимое положеніе по отношенію и къ Англіи, и къ Турціи, парализуемъ непріязненность Румыніи и Австріи и въ короткое время можемъ устроить совершенно обезпеченное сухопутное сообщеніе съ отечествомъ черезъ Добруджу и Нижній Дунай.

Не угодно ли тогда выкурить насъ съ Балканскаго полуострова. Задача для турокъ непосильная, а для англичанъ невозможная.

Но, конечно, изъ ложнаго стыда, мы никогда не сдѣлаемъ ни того, ни другого: т.-е., не станемъ ни покупать союзъ Турціи, ни отступать. Въ Петербургѣ носятся съ призрачнымъ планомъ захвата Босфора. Хотятъ вынудить у султана категорическій отвѣтъ, на чьей онъ сторонѣ: на нашей или на англійской, а въ случаѣ неблагопріятнаго или уклончиваго отвѣта—занять Константинополь и Босфоръ хотя бы даже силою. Подобный образъ дѣйствій—самый желанный для Англіи, которая тотчасъ же выставитъ насъ зачинщиками европейской войны.

А между тѣмъ войны никто у насъ не хочетъ ни въ Петербургѣ, ни здѣсь. Поэтому время уходитъ на безполезные переговоры, а когда эта безполезность станетъ очевидною—несносная канитель сразу оборвется какимъ-нибудь рѣзкимъ поступкомъ, вродѣ нашего насильственнаго водворенія въ Санъ-Стефано. На первыхъ порахъ оно какъ будто и привело къ успѣху, но въ конечномъ результатѣ—только большой вредъ. Успѣхъ отъ вступленія въ Санъ-Стефано былъ чисто декоративный. Чего мы этимъ достигли? Только ускорили подписаніе мира, тоже декоративнаго, ибо онъ ничего не стоитъ, пока не будетъ признанъ европейскимъ конгрессомъ. А между тѣмъ занятіе Санъ-Стефано вызвало во всей Европѣ совершенно основательное подозрѣніе, что мы стремимся къ овладѣнію Константинополемъ. Въ Англіи должна была примолкнуть сильная и вліятельная партія сторонниковъ мира. Когда въ парламентѣ была прочитана депеша Лейарда о нашемъ движеніи на Константинополь,—глава оппозиціи, маркизъ Гартингтонъ, всталъ и объявилъ, что беретъ назадъ свой

протестъ противъ чрезвычайнаго кредита правительству. Это произвело столь сильное впечатлѣніе, что и теперь сторонники войны продолжаютъ его использовать: въ настоящее время англійское общественное мнѣніе вполнѣ подготовлено къ войнѣ, и если она будетъ объявлена—никто не дерзнетъ протестовать. Это будетъ война популярная.

Чѣмъ она кончится—Богу одному извѣстно. Но вѣрю твердо: черезъ какія бы тяжкія испытанія намъ ни пришлось пройти, Божія гроза пойдетъ намъ впрокъ. Россія должна выйти и выйдетъ изъ европейской войны обновленною и освѣженною. Но только въ такомъ случаѣ, если мы будемъ думать и дѣйствовать обдуманно и послѣдовательно, а не подъ впечатлѣніями данной минуты. Вѣчныя колебанія и рефлективно-судорожныя мимолетныя рѣшенія приведутъ насъ только къ смутѣ и въ настоящемъ, и въ будущемъ. А въ хронической смутѣ невозможна правильная, здоровая жизнь.

Заходилъ вечеромъ опять къ Великому Князю. Попрежнему —томительная неизвѣстность. Въ теченіе дня онъ обмѣнялся съ Государемъ слѣдующими телеграммами.

Государь телеграфировалъ отъ 1 ч. 40 м. сегодня:

„Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта на мою вчерашнюю шифрованную телеграмму (т.-е. полученную въ ночь съ 7-го на 8-ое марта, см. выше). Мы никакихъ успокоительныхъ свѣдѣній не получали (это отвѣтъ на телеграмму Великаго Князя отъ $9^1/_2$ час. веч. 7-го марта), а напротивъ того. Надѣюсь, что дурная погода не усилила болѣзненность. Здѣсь довольно тепло. Письмо къ тебѣ отправилъ вчера въ Стефано съ фельдъегеремъ“.

Великій Князь отвѣчалъ въ 5 ч. 15 м. дня:

„Отвѣтъ послалъ сегодня на твою вчерашнюю телеграмму въ 11 часовъ утра. Утромъ былъ совершенно здоровъ, а послѣ обѣда сдѣлалось круженіе головы и общая слабость. Утомился потому, что работы много. Записка моя отправляется завтра“.

Что это за записка—не знаю.

Военный министръ сообщилъ, что Высочайше разрѣшено немедленно приступить къ срытію дунайскихъ крѣпостей, въ томъ числѣ и Никополя, но желательно подольше удержать Виддинъ, на случай войны съ Австріей.

9 марта.—Томительный день. Свѣдѣній—никакихъ и ни откуда. Обѣдалъ и вечеръ провелъ у М. Д. Скобелева.

10 марта.—Холодно, вѣтрено, пасмурно; по временамъ налетаетъ мелкій дождь. Ѣздилъ съ Великимъ Княземъ на императорскую яхту „Ливадія“. Осмотрѣли ее: яхта роскошная, никогда не видалъ столь изящнаго и комфортабельно-устроеннаго судна. Великій Князь пожелалъ совершить морскую прогулку на паровомъ катерѣ; я уклонился, ибо не нахожу удовольствія кататься въ такую скверную погоду. Вернулся съ генераломъ Раухомъ на берегъ на шлюпкѣ.

По возвращеніи съ прогулки, Великій Князь получилъ депешу отъ Государя (отъ 3 ч. 50 м. сегодня):

„Слава Богу, что тебѣ лучше и что здоровье въ войскахъ удовлетворительно. Празднуемъ сегодня, по обыкновенію, большимъ обѣдомъ рожденіе императора Вильгельма. Новаго особеннаго ничего нѣтъ“.

Въ 7 ч. веч. Великій Князь отвѣчалъ:

„Благодарю за депешу. Сегодня, чтобъ отдохнуть отъ занятій, ѣздилъ на паровомъ катерѣ до Босфора. Морской воздухъ мнѣ очень пользителенъ. Здѣсь мы праздновали тоже рожденіе императора. Всѣ суда расцвѣтились флагами, вездѣ музыка играетъ, пѣсенники поютъ. Поздравлялъ императора отъ своего имени и всей арміи. Какъ твое здоровье и Императрицы?“

Телеграмма императору Вильгельму была послана еще съ утра:

„Прошу В. В. принять почтительныя поздравленія мое и ввѣренной мнѣ арміи, имѣющей честь считать въ своихъ рядахъ три полка, августѣйшимъ шефомъ коихъ Вы состоите. Да услышитъ Господь Богъ всѣ мои благопожеланія Вашему Величеству“.

12 марта. — Неизвѣстность полная. Даже берлинскій конгрессъ сталъ вопросомъ, ибо Англія настаиваетъ на пересмотрѣ всего санъ-стефанскаго договора по статьямъ, а мы, конечно, этого не хотимъ. Нелидовъ полагаетъ, что, по соглашенію съ Бисмаркомъ и Андраши, удастся изобрѣсти такую формулу, которая обойдетъ англійскія требованія и поставитъ лондонскій кабинетъ въ невозможность уклониться отъ участія въ конгрессѣ. Со стороны Австріи пока нѣтъ опасеній, а одни сомнѣнія. На Турцію разсчитывать нечего; она, конечно, будетъ на сторонѣ Англіи. Очевидно, по настоянію Лейарда, турки уже заняли своими войсками Буюкдере и начали возводить тамъ укрѣпленія. Теперь очень важно поскорѣе выяснить, какое положеніе займетъ Османъ-паша, котораго Государь приказалъ освободить изъ плѣна. Сегодня вечеромъ или завтра утромъ ожидаютъ его прибытія въ Константинополь. Его мнѣніе будетъ имѣть рѣшающее значеніе.

Нелидовъ все-таки надѣется на возможность скоро созвать берлинскій конгрессъ. Тотъ острый кризисъ, который переживаемъ теперь, надо терпѣливо переждать; а когда конгрессъ состоится,—самимъ предложить нѣкоторыя уступки, чтобы отнять у англичанъ возможность ихъ вымогать. Напримѣръ, отказаться отъ контрибуціи, которую все равно не получимъ, а воевать изъ-за этого—все равно что затрачивать тысячу рублей изъ-за полученія двадцати-рублеваго долга. Сверхъ того, мы смѣло можемъ отказаться отъ прирѣзаннаго къ Болгаріи берегового участка Эгейскаго моря съ гаванью Кавалà. Жители этого участка не болгары, а греки, а гавань на Эгейскомъ морѣ вовсе не нужна ни намъ, ни болгарамъ. А между тѣмъ изъ-за этой Кавалы бѣснуется почти вся европейская печать, подозрѣвая насъ въ желаніи имѣть, подъ видомъ болгарской, свою станцію на Эгейскомъ морѣ. А куда намъ она, когда у насъ и черноморскаго флота нѣтъ.

Принцъ Александръ Баттенбергскій заходилъ проститься: сегодня уѣзжаетъ совсѣмъ. Во вторникъ, 14-го, уѣзжаетъ на нѣкоторое время въ Петербургъ великій князь Николай Николаевичъ Младшій, въ сопровожденіи генерала Галла.

Прибылъ изъ Петербурга генералъ Анненковъ, привезъ Великому Князю какое-то письмо отъ Государя, по поводу котораго Великій Князь телеграфировалъ сегодня, въ 9 час. 45 м. вечера:

„Искренно благодарю за письмо отъ 6-го числа: Анненковъ прибылъ сейчасъ. Всѣ твои указанія, высказанныя въ письмѣ, буду стараться всѣми силами исполнить. Завтра съ Анненковымъ обо всемъ подробно переговорю. Дай Богъ, чтобы турки, послѣ пріѣзда Реуфа (изъ Петербурга), выяснили свое положеніе“.

Князь Горчаковъ сообщилъ сегодня, что графъ Игнатьевъ сегодня утромъ поѣхалъ чрезвычайнымъ посломъ въ Вѣну, чтобы установить и упрочить соглашеніе къ предстоящему конгрессу. Сомнѣваюсь, однако, чтобъ это удалось, ибо въ Австріи ему довѣряютъ столь же мало, какъ и въ Турціи [1]).

---

[1]) Недѣли двѣ спустя, мнѣ это вполнѣ откровенно высказалъ, конечно съ-глазу-на-глазъ, австрійскій военный агентъ, флигель-адъютантъ баронъ Лёнейзенъ. „Какъ жаль,—говорилъ онъ,—что вашъ Государь послалъ къ нашему, для такихъ интимныхъ переговоровъ, профессіональнаго дипломата, а не одного изъ отличившихся на войнѣ генераловъ, какъ, напр., Гурко, Тотлебена, князя Имеретинскаго или Радецкаго. Каждый изъ нихъ былъ бы встрѣченъ императоромъ съ сердечнымъ довѣріемъ, и соглашеніе было бы достигнуто легко и скоро.

13 марта. — Въ 3 часа Великій Князь объявилъ мнѣ, что завтра наконецъ ѣдетъ къ султану, и въ составѣ своей свиты беретъ и меня. Самъ Великій Князь съ наличными членами императорской фамиліи, высшимъ генералитетомъ и своими личными адъютантами пойдетъ въ Константинополь на императорской яхтѣ „Ливадія"; остальная свита — на военномъ пароходѣ „Константинъ". Для временнаго пребыванія Великаго Князя будетъ отведенъ Бейлербейскій дворецъ, гдѣ онъ приметъ отвѣтный визитъ султана.

Изъ-за мѣста отдачи этого визита были долгія пререканія, главнымъ образомъ и затянувшія визитъ, который Великій Князь давно порывался сдѣлать. Султанъ, опасающійся выѣзжать далеко изъ своей резиденціи Ильдизъ-кіоскъ (Звѣздный кіоскъ), предлагалъ Великому Князю одинъ изъ ближайшихъ дворцовъ на Босфорѣ, Долма-Бахче или Чераганъ, а Великій Князь настаивалъ, чтобы Султанъ отдалъ ему визитъ или въ Санъ-Стефано, или на яхту „Ливадія". Наконецъ, помирились на Бейлербейскомъ дворцѣ, находящемся на азіатскомъ берегу Босфора.

14 марта, вторникъ. — Въ 9 ч. утра всѣ назначенные сопровождать Великаго Князя, въ мундирахъ при орденахъ, сѣли на паровые катера и переѣхали съ берега на „Ливадію" и „Константинъ". Въ 10 ч. отплыли при довольно свѣжемъ вѣтрѣ. На обоихъ пароходахъ играли хоры музыки. Замѣчу мимоходомъ, что при распредѣленіи лицъ свиты по пароходамъ была совершена нѣкоторая безтактность: представителей иностранныхъ армій при нашей главной квартирѣ пригласили не на „Ливадію", а на „Константинъ". Вслѣдствіе этого, прибыли только двое: американскій — лейтенантъ Гринъ и японскій — полковникъ Ямазама. Французскій — полковникъ Гальяръ, германскій — маіоръ Лигницъ, австрійскіе — подполковникъ баронъ Лёнейзенъ и капитанъ Болла — обидѣлись и не пріѣхали вовсе.

Въ $11\frac{1}{4}$ ч. утра оба парохода съ музыкою вступили въ Босфоръ. Всѣ стоявшія тамъ военныя суда подняли наши военные флаги, выставили караулы, послали матросовъ по вантамъ и привѣтствовали насъ криками „ура". „Ливадія" стала на якорь противъ дворца Долма-Бахче, на европейскомъ берегу, а нашъ „Константинъ" перешелъ къ азіатскому и сталъ противъ дворца Бейлербей, въ которомъ (незадолго до франко-германской войны) останавливалась императрица Евгенія во время своего путешествія на Востокъ.

Къ „Ливадіи" тотчасъ подошли парадные турецкіе каюки

(шлюпки) и свезли Великаго Князя съ находившимися при немъ особами на берегъ. Тогда „Ливадія“ перешла на азіатскій берегъ и, когда мы всѣ [1]) сошли съ „Константина“, спустила на берегъ на шлюпкахъ почетный караулъ отъ гвардейскаго экипажа изъ пятидесяти красавцевъ-матросовъ при четырехъ офицерахъ, со знаменемъ и хоромъ музыки.

Султанъ ожидалъ Великаго Князя на нижней площадкѣ лѣстницы дворца Долма-Бахче, окруженный всѣми министрами и высшими сановниками, въ числѣ которыхъ былъ и нашъ старый знакомый Гази [2])-Османъ-паша. Великій Князь, князь Евгеній Максимиліановичъ и принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій были въ турецкихъ лентахъ Османіе (у великаго князя Николая Николаевича Младшаго турецкой ленты нѣтъ). Изъ нашихъ генераловъ только у Скобелева-отца оказалась турецкая лента.

Турецкій почетный караулъ отдалъ Великому Князю честь, музыка сыграла „Боже, Царя храни“.

Султанъ, привѣтливо поздоровавшись съ Великимъ Княземъ, пригласилъ его въ гостиную и посадилъ рядомъ. Со стороны султана сѣли: великій князь Николай Николаевичъ Младшій, князь Евгеній Максимиліановичъ, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій и генералъ-адъютантъ Непокойчицкій; со стороны Великаго Князя—дѣйст. стат. сов. Нелидовъ, первый министръ Ахмедъ-Вефикъ-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ Савфетъ-паша и 1-й драгоманъ стат. сов. Ону. Прочія сопровождавшія Великаго Князя особы остались въ сосѣдней залѣ. Это были генералъ-адъютанты Гурко, графъ Шуваловъ, князь Масальскій, Поповъ (вице-адмиралъ) и Гершельманъ; генералъ-лейтенанты Скобелевъ 1-й, Скобелевъ 2-й и Галлъ; свиты его величества генералъ-маіоръ Левицкій, генералъ-маіоры Раухъ и Яфимовичъ и всѣ личные адъютанты Великаго Князя.

Послѣ обмѣна любезностей, Великій Князь представилъ султану свою свиту, а онъ—свою. Оффиціальное начало разговора происходило черезъ посредство Ахмеда-Вефикъ-паши. Но затѣмъ султанъ отошелъ и сѣлъ съ Великимъ Княземъ на отдѣльный диванъ въ глубинѣ гостиной, и тогда всѣ наши и турецкіе сановники тотчасъ же отошли и сгруппировались въ отдаленіи.

---

[1]) То-есть, всѣ вообще генералы и флигель-адъютанты, всѣ начальники отдѣловъ полевого управленія, всѣ состоящіе при Великомъ Князѣ для порученій и всѣ офицеры генеральнаго штаба главной квартиры.

[2]) Гази—значитъ „непобѣдимый“. Титулъ этотъ былъ ему пожалованъ султаномъ послѣ третьей Плевны, если не ошибаюсь.

Султанъ движеніемъ руки подозвалъ нашего перваго драгомана Ону (давно ему извѣстнаго) и началъ при его посредствѣ бесѣдовать съ Великимъ Княземъ наединѣ. Подробности этой бесѣды, конечно, остались неизвѣстными всѣмъ, кромѣ Ону и Нелидова, которые въ тотъ же день составили, для представленія Государю, подробнѣйшій отчетъ. Бесѣда наединѣ продолжалась почти цѣлый часъ. Затѣмъ встали; султанъ проводилъ Великаго Князя до нижней площадки лѣстницы и любезно простился съ нимъ. Въ 12½ ч. дня Великій Князь со свитою сѣлъ на ожидавшій его паровой катеръ и переѣхалъ на азіатскій берегъ въ Бейлербей [1]).

Пока все это происходило, мы, т.-е. главная масса свиты, имѣли время подробно осмотрѣть прелестный Бейлербейскій дворецъ, бѣлый мраморный, двухъ-этажный, въ выдержанномъ мавританскомъ стилѣ.

Дворецъ окруженъ небольшимъ, маловажнымъ садомъ и каменной стѣной. Внутреннее убранство прелестное, въ восточномъ стилѣ, но явно-европейской работы. Полы устланы нѣжными, плотными соломенными матами безукоризненной чистоты, покрытыми узкими ковровыми половиками. Комнаты — исключительно парадныя, безъ всякихъ жилыхъ удобствъ. Потолки лѣпные, арабесками; перила лѣстницы—рѣзныя. Замѣчательны окна—цѣльныя зеркальныя и необыкновенно прозрачныя. Большую часть нижняго этажа занимаетъ центральная великолѣпная зала съ большимъ мраморнымъ бассейномъ посерединѣ, въ которомъ, какъ говорятъ, султанъ Абдулъ-Азисъ, заставлялъ при себѣ купаться своихъ одалисокъ. Въ верхнемъ этажѣ такая же зала, но безъ бассейна. Потолки поддерживаются витыми колоннами изъ лапись-лазури. Изъ каждой залы, наверху и внизу, по восьми открытыхъ дверей въ небольшія роскошныя гостиныя. Изъ всѣхъ оконъ —обворожительные виды на Босфоръ съ Золотымъ Рогомъ и на Константинополь.

На дворѣ, отъ пристани до дворца, стояли одинъ противъ другого два почетныхъ караула: нашъ, отъ гвардейскаго экипажа, со знаменемъ и хоромъ музыки, и турецкій, отъ дворцовой гвардіи, одѣтой вродѣ нашихъ пажей. Въ рядахъ этой гвардіи были молодые люди не старше 30-ти лѣтъ (а можетъ быть и моложе) и мальчики отъ 18 до 15-ти лѣтъ. Сзади караула, неизвѣстно зачѣмъ, стоялъ породистый негръ, огромнѣйшаго роста,

[1]) Все вышеизложенное извлечено изъ отчета Великаго Князя Государю, составленнаго мною со словъ Непокойчицкаго; все, что слѣдуетъ далѣе и чему я уже былъ очевидцемъ, извлечено изъ того же отчета, съ дополненіемъ личными моими впечатлѣніями.

эбеновой черноты, съ необыкновенно-крупными, ярко-малиновыми губами. Кромѣ хора музыки, при турецкомъ почетномъ караулѣ было еще десять человѣкъ съ длинными трубами, на которыхъ, вѣроятно, играть нельзя, потому что эти декоративные музыканты только держали трубы противъ ртовъ, даже не прикасаясь къ нимъ губами.

У самой пристани стоялъ еще третій почетный караулъ, тоже турецкій, изъ рослыхъ смуглыхъ молодцовъ въ несовсѣмъ свѣжихъ курткахъ обыкновеннаго турецкаго образца.

Когда подошелъ паровой катеръ съ Великимъ Княземъ и его отборною свитою, всѣ три караула отдали честь и заиграли русскій гимнъ. Великій Князь привѣтливо поздоровался съ турками и прошелъ во дворецъ, гдѣ немедленно начали обносить угощеніе: фрукты, шербетъ, варенье разныхъ сортовъ, чай и папиросы. Примѣрно черезъ полчаса показался паровой катеръ подъ султанскимъ штандартомъ. Великій Князь тотчасъ приказалъ всей многочисленной свитѣ стать шпалерами по обѣ стороны дворцовой лѣстницы, а самъ, въ сопровожденіи великаго князя Николая Николаевича Младшаго, Евгенія Максимиліановича, Александра Петровича Ольденбургскаго и старшихъ генераловъ, встрѣтилъ султана на пристани. Въ моментъ вступленія его на берегъ — всѣ три караула отдали честь и заиграли турецкій гимнъ, очень звучный и музыкальный. Великій Князь съ султаномъ, имѣя позади себя свиту изъ нашихъ и высшихъ турецкихъ сановниковъ, направился мимо почетныхъ карауловъ ко дворцу и поднялся по лѣстницѣ въ верхній этажъ. Мы всѣ, стоявшіе шпалерами, держали руки подъ козырекъ. Султанъ, маленькій, тщедушный, некрасивый и горбоносый, шелъ робко, медленно, сгорбившись; на немъ былъ наглухо-застегнутый черный сюртукъ съ двумя звѣздами и красная феска съ черною кисточкой. Онъ имѣлъ необыкновенно жалкій видъ рядомъ съ такимъ величественнымъ, рослымъ красавцемъ, какъ нашъ Великій Князь. Турецкіе сановники были въ парадныхъ мундирахъ съ золотымъ шитьемъ, несравненно менѣе роскошныхъ, чѣмъ наши. Особенною простотою одежды бросались въ глаза турецкіе генералы сравнительно съ нашими. Въ свитѣ султана я немедленно узналъ старыхъ знакомыхъ: Намыка, Савфета, Реуфа, Мехмеда-Али и Гази-Османа пашей. На послѣднемъ красовалась пожалованная ему по возвращеніи изъ плѣна высшая турецкая звѣзда; я замѣтилъ также, что шашка была та самая, которую ему возвратилъ нашъ Государь послѣ благодарственнаго молебна подъ Плевною. Реуфъ-паша имѣлъ на себѣ ленту и звѣзду Бѣлаго Орла.

только что пожалованнаго ему Государемъ въ Петербургѣ. Изъ турокъ особенно выдѣлялись еще: первый министръ, красивый старикъ Ахмедъ-Вефикъ-паша, красавецъ и щеголь Фуадъ-паша, начальникъ султанскаго конвоя (старшій сынъ знаменитаго Шамиля, служившій прежде въ нашемъ конвоѣ и ушедшій въ Турцію [1]), и наконецъ какой-то паша въ мундирѣ съ красными лацканами. Ни раньше, ни послѣ я ни одного турка въ такомъ мундирѣ не видалъ.

Когда султанъ съ Великимъ Княземъ поднялись наверхъ, мы всѣ двинулись вслѣдъ. Оба они прошли въ одну изъ боковыхъ гостиныхъ, пригласивъ съ собою только Савфета-пашу и Ону; мы всѣ остались въ большой центральной залѣ. Тотчасъ же мы всѣ окружили и привѣтствовали Гази-Османа-пашу, который прежде всего спросилъ черезъ переводчика, гдѣ М. Д. Скобелевъ, и когда тотъ подошелъ, онъ, видимо, обрадовался и оживленно началъ бесѣдовать съ нимъ. Съ прочими турками разговоры шли вяло и клеились плохо. Шамиль демонстративно сторонился отъ насъ.

Послѣ бесѣды, продолжавшейся около двадцати минутъ въ присутствіи Савфета, султанъ всталъ и простился съ Великимъ Княземъ, который—а вслѣдъ за нимъ и мы всѣ—проводилъ его до пристани. Вся свита его была на катерѣ, который уже приготовился къ отвалу, какъ вдругъ султанъ вышелъ изъ своей раззолоченной рубки и позвалъ Ону. Послѣдній, выслушавъ султана, доложилъ Великому Князю: „Его величество вспомнилъ, что Ваше Высочество говорили ему о своемъ намѣреніи посѣтить германскаго посла князя Рейсса и его тещу, герцогиню Софію Саксенъ-Веймарскую [2]). Его величество предлагаетъ Вашему Высочеству: не угодно ли вмѣстѣ переѣхать на тотъ берегъ, а оттуда, въ султанской каретѣ, въ домъ германскаго посольства“.

Великій Князь тотчасъ же съ удовольствіемъ согласился, взошелъ на катеръ и поблагодарилъ султана за вниманіе. Тогда султанъ поручилъ Ону пригласить также и великаго князя Николая Николаевича Младшаго, Евгенія Максиміліановича и Александра Петровича Ольденбургскаго. Само собою разумѣется,

[1]) Младшій сынъ Шамиля, Мухамедъ-Шефи Шамиль, остался служить въ нашемъ конвоѣ, вышелъ въ отставку генералъ-маіоромъ и поселился съ семьей въ Казани; тамъ онъ женился вторично на дочери одного богатаго татарина и живетъ тамъ до сихъ поръ. Я его знаю лично.

[2]) Дочь королевы Нидерландской Анны Павловны и, слѣдовательно, двоюродная сестра Государя и его братьевъ.

пригласилъ и Ону, такъ какъ безъ него не могло бы быть никакого разговора [1]).

По прибытіи ко дворцу Долма-Бахче, султанъ неожиданно пригласилъ Великаго Князя зайти къ нему вторично, чтобы поговорить еще разъ, черезъ Ону, наединѣ; а сопровождавшимъ членамъ императорской фамиліи любезно предложилъ развлечься осмотромъ дворца. Послѣ четверти-часового разговора султанъ очень сердечно простился съ Великимъ Княземъ, предоставивъ въ его распоряженіе свою карету и пригласивъ его къ себѣ къ обѣду на 15-е марта, къ 6-ти часамъ.

Сдѣлавъ предположенные визиты князю Рейссу и герцогинѣ Саксенъ-Веймарской, Великій Князь поѣхалъ въ нашъ посольскій домъ, куда уже успѣли прибыть изъ Бейлербея всѣ знакомые съ придворными обычаями, а также наиболѣе догадливые и проворные чины свиты. Не принадлежа ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, я туда не попалъ, и очень потомъ сожалѣлъ, что не видѣлъ эффектную сцену: когда Великій Князь подъѣхалъ къ посольскому дому, моментально открылись двуглавые орлы на воротахъ, бывшіе во все время войны, по обычаю, подъ чехлами. Принявъ хлѣбъ-соль отъ Нелидова, Великій Князь отслушалъ въ посольской часовнѣ благодарственный молебенъ, затѣмъ отправился въ Топханé, тамъ сѣлъ, въ 4½ ч. пополудни, на ожидавшій его паровой катеръ и вернулся на „Ливадію“, уже стоявшую противъ Топханé на бочкѣ. Тамъ къ нему немедленно явились командиры всѣхъ иностранныхъ военныхъ судовъ, стоявшихъ на константинопольскомъ рейдѣ: всѣ эти суда въ теченіе цѣлаго дня были полурасцвѣчены флагами.

По отъѣздѣ Великаго Князя съ султаномъ изъ Бейлербея, мы всѣ, нѣсколькими рейсами на шлюпкахъ, перешли на пароходъ „Константинъ“. Знатоки придворныхъ обычаевъ и ихъ внимательные подражатели поспѣшили тотчасъ же, на паровыхъ катерахъ и шлюпкахъ, на европейскій берегъ, чтобы отыскать Великаго Князя и присоединиться къ нему, а большинство, въ томъ числѣ и я, сѣли на пароходной палубѣ (подъ тентомъ) обѣдать. Тѣмъ временемъ, такъ-называемый „свѣжій вѣтеръ“ началъ разводить зыбь: опытный командиръ парохода предупредилъ насъ, что желающимъ попасть къ ночи въ Санъ-Стефано надо теперь же съѣзжать на берегъ въ Константинополь, чтобы возвратиться по желѣзной дорогѣ, ибо съ парохода никого нельзя

[1]) Все нижеизложенное, относящееся до Великаго Князя, онъ мнѣ передалъ лично, для включенія въ его всеподданнѣйшій отчетъ, изъ коего я это и выписалъ.

будетъ спустить на берегъ въ Санъ-Стефано: шлюпки не въ состояніи будутъ тамъ причалить.

Пароходъ уже былъ окруженъ цѣлою стаею турецкихъ каюковъ. Пообѣдавъ, я съ тремя другими лицами нанялъ одинъ изъ нихъ. Каюкъ полетѣлъ стрѣлою къ берегу и высадилъ насъ на грязную и мрачную набережную Галаты, противъ правленія французскаго пароходнаго общества „Messageries maritimes“. Темными, грязными и узкими, какъ корридоры, переулками мы выбрались на такую же грязную улицу, застроенную столь же грязными каменными домами безобразной архитектуры, и, повернувъ по этой улицѣ наугадъ, случайно вышли на главную улицу Галаты. Эта улица была хотя столь же непривлекательна, но значительно шире и по ней ходила конка. Разумѣется, и за нами, и впереди, и по бокамъ все время шла густая толпа любопытныхъ. Многіе назойливо просили милостыню. Мы только-что разсуждали между собой, у кого бы спросить, гдѣ станція желѣзной дороги, какъ вдругъ навстрѣчу попались мои товарищи Скугаревскій и Энгельгардтъ, оба въ статскомъ платьѣ. Они объяснили моимъ спутникамъ, какъ пройти на желѣзную дорогу, а меня уговорили остаться съ ними въ Константинополѣ, гдѣ они уже со вчерашняго дня поселились въ „Hôtel de Bysance“. Чтобы попасть туда, надо было перейти изъ Галаты въ Перу. Галата—гдѣ преобладаютъ греки, армяне и левантинцы—на самомъ берегу Босфора и Золотого Рога, а Пера расположена надъ нею на горѣ, амфитеатромъ. Подъемъ туда по улицамъ—очень кружный и утомительный. Товарищи повели меня къ тунелю, служащему кратчайшимъ сообщеніемъ между главными улицами Галаты и Перы: мы сѣли въ вагончикъ желѣзной дороги, и черезъ пять минутъ были наверху. Главная улица Перы оказалась гораздо лучше и несравненно чище главной улицы Галаты: дома и магазины имѣли вполнѣ европейскій видъ. Дойдя до „Hôtel de Bysance“, я занялъ комнату во второмъ этажѣ за 20 франковъ въ сутки на полномъ пансіонѣ, и затѣмъ мы опять отправились на прогулку. Пошли сперва пѣшкомъ по всей главной улицѣ Перы, которая очень круто спускается къ Золотому Рогу, подъ конецъ даже ступеньками, такъ что тутъ можно только идти пѣшкомъ или проѣхать верхомъ. Дойдя до Золотого Рога, перешли по мерзѣйшему деревянному мосту въ мусульманскую часть города, Стамбулъ. Рядомъ съ этимъ мостомъ строился очень красивый желѣзный мостъ, но онъ не былъ доведенъ до конца. Мой мундиръ (товарищи были въ статскомъ) сразу привлекъ толпу любопытныхъ, которая все время неотступно слѣ-

довала за нами, а на мосту сплотилась еще тѣснѣе. Перейдя мостъ, Скугаревскій предложилъ мнѣ и Энгельгардту подождать, пока онъ поищетъ извозчика, такъ какъ дальше дороги не зналъ. Тутъ насъ сразу обступила и начала разглядывать огромная толпа. Это вѣдь былъ первый случай появленія въ Константинополѣ русскаго офицера въ военной формѣ. Настроеніе толпы было, впрочемъ, вполнѣ дружелюбное. Тѣмъ не менѣе, очень скоро появился и раздвинулъ толпу полицейскій, отогнавъ отъ насъ тѣхъ, которые назойливо просили милостыню. Исполнивъ свой долгъ, онъ заговорилъ съ нами ломанымъ русскимъ языкомъ, выражая свое удовольствіе, что тяжелая война кончилась и мы пріѣхали просто въ гости. Эти добродушныя изліянія были прерваны возвращеніемъ Скугаревскаго въ нанятомъ имъ маленькомъ четверомѣстномъ ландо, по часамъ, три франка въ часъ. Экипажъ и лошади были весьма неважные. Извозчикъ оказался болгариномъ, такъ что мы могли объясняться съ нимъ довольно свободно. По его словамъ, почти всѣ константинопольскіе извозчики—изъ болгаръ.

Поѣхали кататься по улицамъ Стамбула. Многія довольно широки, по нѣкоторымъ проложены конно-желѣзныя дороги. Мѣстная особенность: передъ каждымъ вагономъ конки бѣжитъ скороходъ и—вмѣсто звонка—крикомъ предостерегаетъ экипажи и прохожихъ. На самыхъ бойкихъ улицахъ новые каменные дома, иногда довольно красивые, чередуются съ жалкими лачугами, а то и просто съ развалинами или грудами мусору, Богъ вѣсть откуда сваленнаго. Про маленькія боковыя улицы и говорить нечего. Грязь вездѣ—ужасающая; читалъ я про нее немало, но дѣйствительность превзошла описанія. По всѣмъ улицамъ уныло бродятъ или кучами лежатъ пріобрѣвшія всемірную извѣстность собаки, единственные санитары Царьграда. Всѣ онѣ на одно лицо: полу-волкъ, полу-лисица, грязно-желтой масти, со свалявшеюся или противно-облѣзлою шерстью. Но замѣчательно смирны, даже трусливы: несомнѣнное слѣдствіе полуголодной жизни.

Улицы часто прерываются старыми кладбищами одного и того же типа: чудные, высочайшіе, многовѣковые кипарисы, полуразрушенные памятники (каменные столбы съ чалмами или плиты стоймя), полуразвалившіяся каменныя ограды. На этихъ кладбищахъ давно уже никого не хоронятъ, но ихъ чтятъ и не упраздняютъ.

Экипажъ не избавилъ насъ отъ любопытства уличныхъ зѣвакъ и отъ назойливости нищихъ. Цѣлыя толпы бѣжали по обѣ

стороны; нѣкоторые оборванцы просовывали къ намъ руки. Женщины также обнаруживали сильнѣйшее любопытство. Только несомнѣнно старыя и безобразныя плотно закрывали себѣ лица „яшмаками“; тѣ же, которыя считаютъ себя привлекательными, носятъ яшмаки прозрачные, какъ вуали. Но красивыхъ мы вовсе не видали. Даже молодыя лица одутловаты, съ желтизной, глаза отекшіе или заплывшіе. Выраженіе лица—тупое и безжизненное. На нихъ печать затворнической жизни и рабской доли.

Доѣхали наконецъ до Ая-Софіи. Знаменитый храмъ весь обезображенъ какими-то уродливыми контрфорсами и позднѣйшими аляповатыми пристройками. Внутри же мы застали ужасную картину. И внизу, и на хорахъ бивакировали въ повалку тысячи людей обоего пола и всякаго возраста, въ истрепанныхъ рубищахъ: это все мусульманскія семейства, бѣжавшія отъ нашихъ войскъ въ Стамбулъ. Добрая половина всего этого несчастнаго люда состояла изъ тяжко-больныхъ, или неподвижно-лежавшихъ, или метавшихся въ горячечномъ бреду. Очень возможно, что въ сплошныхъ кучахъ валявшихся на полу несчастныхъ людей были и покойники. Пробираясь по этому ужасному биваку, мы скоро обратили на себя всеобщее вниманіе, и когда дошли до середины храма и остановились, чтобъ осмотрѣться—насъ окружила почти сплошная толпа, уставившаяся на насъ мрачно и сосредоточенно. Замѣчательно, что ни одна рука не протянулась къ намъ за милостыней, какъ это было на улицахъ. Видя устремленные на насъ мрачные взгляды, мы рѣшили, что пожалуй лучше намъ уйти. Въ эту самую минуту, прежде чѣмъ мы тронулись съ мѣста — толпа вдругъ начала раздаваться въ стороны: показался медленно-идущій турокъ-полицейскій, величавымъ мановеніемъ палочки раздвигавшій передъ собою толпу. Дойдя до насъ, онъ приложилъ руку къ фескѣ и знаками пригласилъ слѣдовать за собою, что̀ мы съ удовольствіемъ исполнили. Толпа молча давала намъ дорогу, и мы, осторожно лавируя между лежащими на полу больными (преимущественно женщинами и дѣтьми), выбрались на воздухъ.

Извозчикъ объяснилъ намъ, что какъ только мы вошли въ храмъ, къ нему подошелъ полицейскій и, узнавъ, что изъ трехъ русскихъ одинъ въ военной формѣ, немедленно пошелъ вслѣдъ за нами на выручку. По его словамъ, среди бивакирующей въ храмѣ толпы свирѣпствуютъ всевозможныя заразныя болѣзни, и ежедневно оттуда выносятъ по нѣсколько покойниковъ: входить въ храмъ безъ крайней необходимости не слѣдуетъ.

Нашъ избавитель-полицейскій не ограничился тѣмъ, что вы-

велъ насъ изъ Ая-Софіи, а пошелъ за нами вслѣдъ, очевидно для огражденія насъ отъ какого-нибудь новаго легкомысленнаго поступка. Обойдя подъ его наблюденіемъ храмъ, мы обратили особенное вниманіе на площадь съ другой стороны, окруженную зданіями несомнѣнной древности. Размѣры площади невелики: она не больше піаццы-Санъ-Марко въ Венеціи. Отсюда прошли пѣшкомъ (полицейскій и извозчикъ—слѣдомъ за нами) къ большой величественной мечети Ахмеда, окруженной шестью минаретами (обыкновенно ихъ два или четыре). Внутри ея нашли такое же скопленіе несчастныхъ бѣглецовъ, какъ въ Ая-Софіи, и прошли по ней, предшествуемые нашимъ добровольнымъ тѣлохранителемъ. Выйдя изъ мечети, осмотрѣли площадь „Атмейданъ", бывшій византійскій ипподромъ, на которомъ сохранились обелискъ и двѣ колонны временъ Ѳеодосія Великаго. Этимъ закончили сегодняшнюю прогулку и, поблагодаривъ полицейскаго, поѣхали въ свой отель.

15 марта. — Утромъ, какъ только я всталъ, появился въ моемъ номерѣ корреспондентъ „Новаго Времени" А. Д. Ивановъ (случайно узнавшій о моемъ прибытіи) и предложилъ ѣхать вмѣстѣ осматривать базаръ. Я съ удовольствіемъ согласился, и мы отправились туда въ экипажѣ, захвативъ съ собой коммиссіонера отъ гостинницы. Это оказалось мудрою предосторожностью: безъ опытнаго спутника намъ никогда не удалось бы ни оріентироваться въ лабиринтѣ константинопольскаго базара, ни отдѣлаться отъ осаждавшихъ насъ любопытныхъ и нищихъ.

Базаръ — громадное, высокое, сводчатое зданіе, скупо освѣщенное какъ сверху, такъ и съ боковъ, окнами, пробитыми въ сводѣ и въ наружныхъ стѣнахъ. Вмѣсто пола — отвратительная мостовая. Внутреннее пространство пересѣкается множествомъ проходовъ, выходящихъ на разные городскіе улицы и переулки. Лавки или совсѣмъ открытыя, или же въ видѣ небольшихъ комнатъ безъ дверей, вмѣсто которыхъ служатъ ковры или просто куски грубой матеріи, преимущественно яркихъ цвѣтовъ: краснаго, малиноваго, желтаго. Празднаго народу и нищихъ — нетолченая труба. Товаръ въ массѣ — дрянной. Единственно стоющія вниманія вещи — ковры, восточныя матеріи и оружіе. Цѣны — ужасныя: безъ опытнаго проводника намъ ничего не удалось бы купить, ибо не пришло бы въ голову, насколько нужно сбавлять запрашиваемыя цѣны. Только благодаря коммиссіонеру и удалось сдѣлать нѣсколько удачныхъ покупокъ.

Только-что я вернулся съ базара въ гостинницу, какъ узналъ,

что за мной приходило уже нѣсколько нарочныхъ: Великій Князь требуетъ на яхту „Ливадія“. Разумѣется, я поспѣшилъ разсчитаться съ гостинницею и отправился на пристань Топханé, а оттуда на турецкомъ каюкѣ на „Ливадію“. Ни Великаго Князя, ни Непокойчицкаго еще не было: оба были на берегу. Командиръ „Ливадіи“ самъ провелъ меня въ назначенную мнѣ каюту, куда уже былъ поставленъ, по личному приказанію Великаго Князя, письменный столъ.

Въ 5½ ч. дня Великій Князь простился съ сыномъ, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ, который отправился, для поправленія разстроеннаго здоровья, въ Россію, на пароходѣ „Константинъ“, въ сопровожденіи генерала Галла съ сыномъ и отцовскаго адъютанта, поручика Муханова.

Вслѣдъ за ихъ отплытіемъ, самъ Великій Князь поѣхалъ въ Ильдизъ-Кіоскъ обѣдать къ султану, который пригласилъ еще только троихъ: князя Евгенія Максимиліановича, принца Александра Петровича Ольденбургскаго и старика Д. И. Скобелева. Приглашеніе послѣдняго состоялось, кажется, по недоразумѣнію: султанъ думалъ, что онъ-то и есть прославленный герой. На „Ливадіи“ остались и обѣдали вмѣстѣ лица ближайшей свиты Великаго Князя, съ Непокойчицкимъ во главѣ. Въ 11½ ч. вечера Великій Князь вернулся отъ султана, очень довольный, и подѣлился съ нами своими впечатлѣніями. Къ султанскому обѣду были приглашены паши: Ахмедъ-Вефикъ, Намыкъ, Савфетъ и Реуфъ, два турецкихъ гофмаршала и нашъ первый драгоманъ Ону. Султанъ былъ чрезвычайно любезенъ. Послѣ обѣда пригласилъ Великаго Князя побесѣдовать наединѣ и болѣе двухъ часовъ разговаривалъ съ нимъ черезъ драгомана Ону. Въ заключеніе обѣщалъ безусловный нейтралитетъ на случай войны съ Англіей и объявилъ Великому Князю, что проситъ его принять на память и въ знакъ дружбы четырехъ арабскихъ жеребцовъ, которые уже отосланы въ Санъ-Стефано.

Допуская полную искренность со стороны султана, я все-таки думаю, что ему просто невозможно будетъ сдержать свое обѣщаніе быть нейтральнымъ: если Англія начнетъ войну съ нами, то она вынудитъ султана идти также противъ насъ. Ему другого выбора не будетъ: господствуя на моряхъ, Англія можетъ отнять у него, что̀ ей вздумается.

16 марта, на яхтѣ „Ливадія“. — Переписавъ утромъ составленный вчера отчетъ Государю о свиданіи съ султаномъ, я представилъ его Великому Князю къ подписи. Отправка его

задержалась, однако, до 6-ти ч. вечера, ибо у Нелидова не былъ готовъ подробный дипломатическій отчетъ князю Горчакову для доклада Государю. Содержаніе этого документа, конечно, осталось для меня неизвѣстнымъ. Нелидовъ работалъ на берегу, въ зданіи посольства, и прислалъ отчетъ съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ. Немедленно по его прибытіи, фельдъегерь переѣхалъ на ожидавшій его почтовый пароходъ нашего черноморскаго общества и отправился въ Одессу.

Сегодня утромъ Великій Князь передалъ мнѣ входящія и исходящія телеграммы отъ 14 и 15 марта.

Телеграммы, отправленныя имъ Государю *еще 14 марта*:

1-я, отъ 5 ч. дня: „Сейчасъ вернулся съ визита отъ султана: пріемъ былъ отличный, могу даже сказать—радушный. Онъ отдалъ тотчасъ мнѣ визитъ въ Бейлербей, который данъ въ мое распоряженіе. Встрѣтилъ его съ почетнымъ карауломъ роты гвардейскаго экипажа. Потомъ онъ взялъ меня на свой пароходикъ и привезъ обратно во дворецъ Долма-Бахче. Былъ сначала застѣнчивъ, а потомъ все болѣе и болѣе любезенъ. Подробности разскажетъ Николаша [1]), который уѣзжаетъ завтра, и донесу письменно. Былъ у Рейсса и видѣлъ Софію Веймарскую. Остаюсь здѣсь до завтра вечера [2]), потому что обѣдаю завтра у султана".

„Свиданіе съ султаномъ состоялось въ наилучшихъ условіяхъ. Пріемъ дружелюбный и сочувственный. Въ бесѣдѣ наединѣ султанъ далъ мнѣ формальное увѣреніе въ прямодушіи своей политики по отношенію къ намъ и выразилъ желаніе закрѣпить тѣсное сближеніе съ нами, при условіи, чтобы мы открыли къ тому возможность путемъ облегченія условій мира. Онъ подчеркнулъ чрезвычайную трудность своего положенія: слабость, до которой онъ доведенъ, лишаетъ его возможности дѣйствовать. Султанъ очень сожалѣетъ объ инцидентѣ Буюкдере, но необходимость вынудила его отказать. Еще разъ выразилъ надежду на смягченіе мирныхъ условій, ради укрѣпленія дружескихъ связей и сохраненія добраго согласія. Общее впечатлѣніе свиданія: поставленный между Англіей и нами, султанъ желалъ бы избѣжать столкновенія, а если оно все-таки произойдетъ—сохранить по отношенію къ намъ дружественный нейтралитетъ".

Я лично понимаю султанскія слова нѣсколько иначе. Даже

---

[1]) Великій князь Николай Николаевичъ Младшій.

[2]) Пришлось остаться сутками дольше, въ ожиданіи дипломатическаго отчета Нелидова.

тайно-доброжелательный нейтралитетъ Турціи, на случай войны съ Англіей, мы должны купить у султана цѣною смягченія мирныхъ условій и для того вступить съ нимъ вновь въ секретные переговоры. А такъ какъ мы этого намека не понимаемъ или не хотимъ понимать, то нечего и разсчитывать на содѣйствіе Турціи. Не получивъ ничего отъ насъ, султанъ естественно бросится (тайно или явно, смотря по обстановкѣ) въ объятія Англіи. Понять не могу, какъ можно обольщать себя надеждою на безкорыстное содѣйствіе турокъ противъ англичанъ.

Телеграммы отъ 15 марта:

1) Государя, отъ 4 ч. дня 14-го марта, получена въ ночь на 15-ое марта:

„Дондуковъ прибылъ. Жду съ нетерпѣніемъ послѣдствій возвращенія Реуфа и твоего свиданія съ султаномъ. Осмотрѣнные мною сегодня запасные баталіоны первой гвардейской дивизіи и саперъ нашелъ въ отличномъ состояніи. Надѣюсь, что тебѣ лучше“.

2) Отвѣтъ Великаго Князя, посланный 15-го марта утромъ:

„Благодарю за депешу. Изъ моихъ двухъ депешъ, русской и французской, ты могъ видѣть первыя впечатлѣнія. Сегодня завтракаю у Рейсса, а обѣдаю у султана: увижу, какъ пойдетъ дѣло дальше. Николашу посылаю сегодня: все хвораетъ. Не успѣю съ нимъ написать, но онъ разскажетъ многое на словахъ. Дня черезъ два или три пошлю курьера съ подробностями, ранѣе не успѣть. Надѣюсь видѣть Реуфа на этихъ дняхъ. Сегодня здоровье мое удовлетворительно“.

3) Шифрованная телеграмма Государя, отъ 15-го марта, получена въ 9 ч. вечера 15-го марта:

„Вчерашнія двѣ телеграммы твои и сегодняшнюю получилъ. Разговоръ твой съ султаномъ ничего хорошаго не обѣщаетъ. Кромѣ того, что было передано Игнатьевымъ Реуфу, мы никакихъ уступокъ дѣлать не можемъ. Соображенія твои въ запискѣ отъ 9-го марта, полученной сегодня, одобряю. Дальнѣйшія указанія дамъ по полученіи свѣдѣній отъ Игнатьева изъ Вѣны“.

Ясно, что Государь не придаетъ цѣны любезностямъ султана и никакихъ практическихъ послѣдствій отъ свиданія 14-го марта не ждетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ — не желаетъ дѣлать никакихъ уступокъ для привлеченія султана на нашу сторону. Слѣдовательно — изъ переговоровъ ничего не выйдетъ, и султанъ останется тайнымъ сторонникомъ Англіи.

4) Телеграмма Государя, отъ сего 16-го марта, получена уже въ Санъ-Стефано, послѣ 7 ч. вечера:

„Желалъ бы весьма, чтобы свиданіе твое съ султаномъ не осталось безъ послѣдствій. Горчаковъ сообщаетъ тебѣ мое приказаніе, которое прошу исполнить немедля. На будущей недѣлѣ ожидаю пріѣзда Миши [1]) съ женою и двумя старшими дѣтьми. Сожалѣю, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ о твоемъ возвращеніи и думать нельзя".

5) Великій Князь отвѣчалъ сегодня, 16-го марта, вечеромъ: „Получилъ твою телеграмму съ извѣстіемъ о пріѣздѣ скоромъ Миши въ Петербургъ. Какъ ни тяжела 16-ти-мѣсячная отлучка изъ дому, но всегда готовъ исполнить твои приказанія, насколько силъ хватитъ. Горчакова телеграмму еще не получалъ".

Мы ушли на яхтѣ „Ливадія" въ началѣ седьмого часа вечера, тотчасъ по отъѣздѣ фельдъегеря въ Одессу. При этомъ нельзя не отмѣтить, какъ очень дурной признакъ, наглое нарушеніе англичанами морского этикета. Когда „Ливадія" тронулась, то всѣ стоявшія на рейдѣ суда, *кромѣ англійскихъ*, послали матросовъ по вантамъ и отдали честь великокняжескому брейдъ-вымпелу. За эту явно-умышленную дерзость слѣдовало бы потребовать удовлетворенія, какъ за оскорбленіе русскаго военнаго и притомъ еще великокняжескаго флага. Великій Князь оставилъ это безъ вниманія.

М. А. Газенкампфъ.

[1]) Великій князь Михаилъ Николаевичъ.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛЬСКІЙ РОМАНЪ

ОЧЕРКЪ

Знакомить поляковъ съ русской литературой, а русскихъ—съ польской, уже восемьдесятъ тому лѣтъ, хотѣлъ не кто иной, какъ Адамъ Мицкевичъ. Высланный изъ Литвы и живя въ Москвѣ, онъ подалъ въ 1827 г. прошеніе въ цензурный комитетъ о разрѣшеніи ему издавать тамъ польскій журналъ „Ириду", именно съ цѣлью взаимнаго литературнаго ознакомленія обоихъ народовъ. Еще въ началѣ 1826 г., Мицкевичъ совсѣмъ не зналъ русскаго языка, но въ теченіе года, по свидѣтельству Ксен. Полевого, научился говорить по-русски.

Во время пребыванія въ Петербургѣ и Москвѣ (1824—1829 гг.), Мицкевичъ, какъ извѣстно, близко сошелся съ Полевымъ, Кирѣевскимъ, Хомяковымъ, кн. Вяземскимъ, Козловымъ, Баратынскимъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ, который въ 1827 г. перевелъ вступленіе къ „Конраду Валленроду". Время было еще близкое къ первой половинѣ царствованія Александра I, жили еще тѣ же люди, и Мицкевичъ, съ его идеализмомъ, гуманитарнымъ настроеніемъ и идеею свободы, приходился имъ по душѣ. Но главнымъ начальникомъ цензуры былъ министръ просвѣщенія Шишковъ, а товарищемъ его, на рѣшеніе котораго дѣло было передано, состоялъ Блудовъ, одинъ изъ представителей наступавшей духоубійственной казенщины. Блудовъ нашелъ, что если Мицкевичу и Фр. Малевскому, который предполагался помощникомъ редактора, правительствомъ было воспрещено самое

пребываніе въ польскихъ губерніяхъ, то едвали они могутъ быть признаны „благонадежными“ къ изданію польскаго журнала. Такъ и было устранено любопытное явленіе—Мицкевича въ роли посредника между литературами русской и польской.

Объ этомъ обстоятельствѣ припоминаетъ профессоръ славянскихъ языковъ въ берлинскомъ университетѣ Александръ Брюкнеръ [1]). Г-нъ Брюкнеръ извѣстенъ самостоятельными изслѣдованіями по славянской и литовской филологіи и по польской литературѣ,—изданными частью на нѣмецкомъ, частью на польскомъ языкахъ. Для нѣмцевъ имъ была издана въ 1901 г. учебная книга „Geschichte der polnischen Literatur“, которую онъ переработалъ и расширилъ въ очеркъ польской литературы, изданный въ 1903 г. уже на польскомъ языкѣ („Dzieje literatury polskiej“). По глубокому изученію источниковъ, самостоятельности и трезвости взгляда, это одинъ изъ лучшихъ трудовъ въ данной области. Около восьми мѣсяцевъ (1889—90 гг.) проф. Брюкнеръ провелъ въ Петербургѣ для просмотра и изученія находящихся въ здѣшнихъ библіотекахъ польскихъ рукописей преимущественно XVII-го вѣка.

Въ упомянутой брошюрѣ приведенъ списокъ 26-ти русскихъ переводовъ съ польскихъ источниковъ XVII-го вѣка съ сравнительными объясненіями происхожденія ихъ и значенія. Триста лѣтъ назадъ переводились на русскій (и малорусскій) языкъ оригинальныя польскія или вошедшія въ польскую литературу изъ западно-европейскихъ произведенія повѣствовательныя, религіозныя, нравственно-назидательныя, научныя, астрологическія, календари, сонники и проч.

„Отчего же впослѣдствіи обѣ литературы такъ совершенно разобщились?“—спрашиваетъ авторъ и объясняетъ этотъ фактъ политическими событіями и цензурными условіями. Возстанія 1830 и 1863 годовъ и ихъ послѣдствія не дали возникнуть нравственной связи между народами, входившими въ составъ одного государства. Часть русской печати и нѣкоторые дюжинные русскіе беллетристы, какъ Маркевичъ, Крестовскій и Саліасъ, приняли участіе въ возбужденіи ненависти къ полякамъ, какъ къ мятежному элементу. Но это не могло быть задачей такихъ писателей, какъ Тургеневъ, Толстой, Достоевскій, Салтыковъ. Сверхъ того, они никогда не живали среди поляковъ, да и цензурныя условія были таковы, что выступать съ какой-либо защитою поляковъ

[1]) Alex. Brückner. „O literaturze rosyjskiej a naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysta“. Lwów i Warszawa. 1906.

представлялось невозможнымъ. Вотъ почему когда Тургеневъ, желая противопоставить „цѣльнаго человѣка“ излюбленнымъ имъ типамъ колебаній и безсилія, вывелъ въ „Наканунѣ“ героя національной независимости, то герой этотъ оказался болгариномъ, а не полякомъ, хотя болгаръ Тургеневъ зналъ не лучше, чѣмъ поляковъ.

Отчужденіе же поляковъ отъ русской литературы г. Брюкнеръ объясняетъ не только ненавистью, какую возбуждали преслѣдованія, но и принудительнымъ, нерѣдко прямо враждебнымъ характеромъ преподаванія русскаго языка и литературы въ училищахъ царства польскаго. Это преподаваніе не только не привлекало учениковъ, но навсегда отталкивало ихъ отъ русской книги. Такъ авторъ объясняетъ фактъ полнаго отчужденія поляковъ отъ русской литературы,—однако, факта этого онъ не оправдываетъ. Онъ указываетъ, что виднѣйшіе русскіе писатели не только никогда не были солидарны съ правительственною системой, но и не поддавались никакимъ компромиссамъ съ нею: „русская литература всегда оставалась чистой и великой“. Онъ указываетъ на обличительную роль русскихъ сатириковъ, какъ Салтыковъ, и на рѣшительную симпатію къ полякамъ Герцена, который былъ свободенъ отъ цензурныхъ стѣсненій.

Признавая, что поляки и въ настоящее время еще не интересуются русской литературой даже въ наиболѣе крупныхъ ея явленіяхъ, авторъ сожалѣетъ объ этомъ. „Въ то время, когда литература эта,—говоритъ онъ,—прошла побѣдоносно по всему Западу, когда повсюду признана ея сила, когда, напр., Ницше говоритъ, что ни отъ кого на свѣтѣ онъ ничему не научился, какъ отъ Достоевскаго, мы сидимъ себѣ спокойно въ полномъ незнакомствѣ съ одной изъ величайшихъ литературъ сосѣднихъ народовъ“.

Незнаніе и даже „игнорированіе“ русской литературы въ польскомъ обществѣ, по свидѣтельству г. Брюкнера, „остались въ полной силѣ“, и этому, по его мнѣнію, не противорѣчитъ фактъ, что за послѣдніе годы стали появляться, одинъ за другимъ, переводы на польскій языкъ произведеній Горькаго и г. Андреева. „Горькій и Андреевъ еще не составляютъ русской литературы“,—говоритъ критикъ, хотя тутъ же признаетъ, что и поляковъ интересуетъ въ Горькомъ „протестъ, идущій проломомъ, писатель истинно революціонный, вѣстникъ бури“.

Отмѣтимъ, что и въ русскомъ переводѣ изъ новѣйшихъ польскихъ беллетристовъ всего скорѣе и полнѣе появлялись въ ближайшіе годы представители „самаго послѣдняго слова“—Пржи-

бышевскій и Тетмаеръ. Объясняется это тѣмъ именно, что наиболѣе вниманія привлекаетъ всегда то творчество, въ которомъ ищутъ борьбы за проложеніе новыхъ путей не только для литературы, но и для общественныхъ реформъ и даже для всего человѣческаго самопознанія.

Вопросъ о томъ, насколько Пржибышевскій и Тетмаеръ могутъ удовлетворить это исканіе новыхъ путей, мы оставимъ пока въ сторонѣ. Оба эти писателя—болѣе поэты, чѣмъ романисты. Впрочемъ, прозаическое ихъ творчество мы разсмотримъ позже, въ слѣдующихъ главахъ нашего очерка.

I.

Прежде всего оглянемся на „старыхъ“, которые еще не вышли изъ боевыхъ рядовъ. Первыя мѣста въ дѣйствующей и нынѣ старой дружинѣ занимаютъ Сенкевичъ, г-жа Оржешко и Прусъ. Изъ нихъ первые два наиболѣе знакомы русскимъ читателямъ. Генрику Сенкевичу теперь 60 лѣтъ (род. 1846 г.), Элизѣ Оржешко—64 (род. 1842 г.), Александру Гловацкому (Прусу)—59 лѣтъ (род. 1847 г.). Всѣ трое исходятъ изъ эпохи такъ-называемаго позитивизма и реализма.

Такимъ дѣленіямъ по философскому міровоззрѣнію, по предпочитаемымъ сюжетамъ и по литературнымъ пріемамъ, критики придаютъ, пожалуй, нѣсколько преувеличенное значеніе. Не можетъ быть спора, что крупныя перемѣны въ настроеніи европейскихъ народовъ, а вмѣстѣ и въ ихъ литературныхъ формахъ, обусловливаются великими событіями, научными открытіями и экономической эволюціей. Все это отражается въ литературѣ, и стало быть, не только литературныя школы, но и ихъ основатели, даже величайшіе геніи словеснаго творчества, должны быть относимы къ опредѣленнымъ и историческимъ эпохамъ, какъ выразители ихъ духа, независимо отъ того всечеловѣческаго значенія, какое за ними можетъ оставаться навсегда.

Но однѣ только великія эпохи и имѣютъ то право, чтобы къ нимъ приписывались и прикрѣпощались творческія души, воспитывавшія человѣчество. Въ новой исторіи таковы эпохи возрожденія, реформаціи, монархическаго сосредоточенія, первой соціальной революціи, національнаго движенія, научныхъ завоеваній и капитализма, наконецъ—стремленія личности къ освобожденію отъ чрезмѣрнаго ига тѣхъ собирательныхъ механизмовъ, которые представляются государствомъ и капиталистическимъ производствомъ.

Этихъ крупныхъ, монументальныхъ дѣленій, казалось бы, совершенно достаточно для классификаціи литературныхъ движеній и смѣнявшихся формъ творчества въ области слова, то-есть—пластической, вполнѣ договоренной мысли. Но когда ближайшій къ намъ фазисъ движенія—реакцію противъ позитивизма—дробятъ еще на общественный идеализмъ, личный импрессіонизмъ, пессимизмъ, декадентство и нео-романтизмъ, то отъ этого классификаціоннаго избытка уже нѣсколько отдаетъ педантствомъ.

Надѣлали столько полокъ въ критической библіотекѣ, что ни на одной не укладывается цѣлый авторъ, за исключеніемъ развѣ шаблонистовъ, которые прямо производятъ свой товаръ подъ данную вывѣску, по заказу хитроумной критики, расщепляющей волосокъ на четыре продольныя эфемериды.

Приступая къ польскимъ романистамъ, не знаешь, куда и дѣвать такого, напр., какъ Реймонтъ. Онъ и натуралистъ, и импрессіонистъ, и пессимистъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ разнымъ общественнымъ средамъ и къ душевному содержанію своихъ типовъ. Итакъ, вотъ, ни въ одну изъ нынѣшнихъ мелкихъ клѣтокъ съ критическими этикетами не влѣзаетъ цѣликомъ писатель, если онъ талантливъ, силенъ и многостороненъ, какъ Реймонтъ.

А геніи? Тѣмъ не по мѣркѣ и самыя крупныя, самыя законновыдѣленныя эпохи. Велика эпоха Возрожденія. Но и она не можетъ вмѣстить такихъ гигантовъ, какъ Данте и Шекспиръ. Первый стоитъ у входа въ эту грандіозную эпоху, второго „мы видимъ на всѣхъ выходахъ Возрожденія, какъ нѣкій громадный и повелительный дубъ, къ которому сходятся всѣ пути изъ лѣса“, какъ говоритъ Тэнъ [1]).

Данте предвѣщаетъ эпоху, но не входитъ въ нее. Пути Возрожденія ведутъ къ Шекспиру, но онъ стоитъ особнякомъ. Оба прозрѣваютъ не одинъ періодъ. Сама основная мысль Данте—объ одномъ всехристіанскомъ цезарѣ и объ отмѣнѣ свѣтской власти папъ—нисколько не внушаетъ Возрожденія и имъ не усвоивается. А надломленность воли, раздвоенность души Гамлета, его болѣзненная нервность и пессимизмъ—развѣ это не есть провидѣніе далекаго будущаго, когда люди вообразятъ, что ими только-что открытъ разладъ между стремленіями жизни и ея роковыми условіями, когда они станутъ носиться съ „нашимъ нервнымъ вѣкомъ“, какъ съ писаною торбой?

Возьмемъ болѣе близкіе примѣры изъ періода, въ которомъ го-

[1]) „Histoire de la lit. angl.“, II.

сподствовалъ—а въ половинѣ теченія господствовалъ даже деспотически—позитивизмъ. Этой философіи періода соотвѣтствовали: экономическій фактъ быстраго развитія промышленности и капитализаціи производствъ, благодаря машинамъ; господство буржуазіи на Западѣ, какъ фактъ политическій; утилитарное направленіе и реалистическая форма, какъ правила и пріемы, обязательные для литературы.

Но можно ли вмѣстить въ эту рамку Гоголя? Нѣтъ, нельзя. Во-первыхъ, онъ уже высказался вполнѣ раньше, чѣмъ Бѣлинскій сталъ позитивистомъ и началъ провозглашать законъ утилитарности, окончательно установленный Добролюбовымъ и Писаревымъ. Во-вторыхъ, первыя произведенія Гоголя совсѣмъ не относятся къ такъ-называемой натуральной школѣ. А въ-третьихъ, Гоголь хотя и былъ родоначальникомъ русскаго реализма, но съ позитивизмомъ, какъ философскимъ міровоззрѣніемъ, не имѣлъ ничего общаго. Отсюда то недоразумѣніе критики, усвоившей себѣ новый символъ вѣры, во всѣхъ его членахъ, что Гоголь, послѣ „Переписки съ друзьями", явился въ ея глазахъ какъ бы ренегатомъ, между тѣмъ какъ онъ никогда и не думалъ исповѣдывать позитивное credo.

Въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, позитивизмъ возникъ въ свое время не только какъ естественная эволюція философскаго мышленія, заимствованная съ Запада, но и изъ національныхъ условій политическихъ. Какой идеализмъ или романтизмъ могъ уцѣлѣть въ тридцатилѣтнее царствованіе солдатчины, православія, самодержавія, взятки и забиванія человѣческаго достоинства всею грубой дѣйствительностью, начиная со школы, продолжая службой и всѣми общественными отношеніями? Помѣщикъ неистовствовалъ надъ крестьянами, сколько хотѣлъ, а дворянъ сѣкли въ Третьемъ отдѣленіи; подчиненныхъ на службѣ отдѣлывали послѣдними словами; въ толпѣ чиновникъ съ орденомъ на шеѣ билъ по лицу купца, не уступившаго ему мѣста. Въ то именно жестокое, убійственное для духа время, въ русскомъ обществѣ сталъ зарождаться протестъ противъ всякихъ выспреннихъ словъ, звучавшихъ фальшью среди подавляющей дѣйствительности.

Поляки страдали отъ той же системы, страдали еще болѣе, такъ какъ къ общему гнету присоединялись въ Польшѣ еще политическія преслѣдованія. Но, съ другой стороны, то именно, что служило поводомъ къ этому мѣстному обостренію жестокихъ условій жизни, а именно національная идея, мечта о независимости, культъ памяти мучениковъ, любовь къ своему, возведенная преслѣдованіемъ въ настоящій фанатизмъ,—поддерживали,

крѣпили духъ, питали идеализмъ, побуждали жить душой не въ дѣйствительности, а въ стремленіи, если не въ надеждѣ.

И вотъ почему идеи позитивизма, утилитаризма и реализма принялись въ польскомъ обществѣ позднѣе, чѣмъ въ русскомъ. Въ польской литературѣ поворотъ этотъ запоздалъ, сравнительно, лѣтъ на десять. Да и важно тутъ не число лѣтъ, а то, что наступило событіе, которое сразу потрясло все прежнее настроеніе, мечты и надежды поляковъ. Это былъ полный неуспѣхъ возстанія 1863—64 годовъ. Обанкрутился мессіанизмъ Мицкевича и Словацкаго; оказались призрачными надежды, окрылившіяся недавнимъ освобожденіемъ Италіи съ помощью французскаго узурпатора; охладѣла даже религіозность. Отмѣна реформы Велёпольскаго, разореніе края ссылками и конфискаціями—вотъ что оказалось при ликвидаціи патріотическаго идеализма.

Между тѣмъ, правительство надѣлило землею народъ и на первое время привлекло его на свою сторону, а одновременно пошла перестройка частно-владѣльческаго хозяйства, для которой потребовались наличныя деньги. Сверхъ того, отмѣна таможеннаго кордона между царствомъ и имперіею дала германской промышленности возможность основывать вблизи границы фабрики, которыхъ производству открылся доступъ на всѣ русскіе рынки. А быстрое возникновеніе фабрично-заводской промышленности въ Лодзи, Згержѣ, Сосновицахъ, въ самой Варшавѣ—усилило возрастаніе новаго буржуазнаго элемента, который уже ранѣе сталъ возникать въ Познани, послѣ присоединенія къ Пруссіи, и въ царствѣ польскомъ со времени герцогства варшавскаго, введенія Наполеонова кодекса, провозглашенія личной свободы крестьянъ, равноправія евреевъ и всѣхъ вообще гражданъ.

Дѣйствіе всѣхъ этихъ перемѣнъ сказалось въ значительной степени только въ 1880 году. Но на чувствительной пластинкѣ настроенія молодежи оно замѣтно отразилось гораздо ранѣе. Молодое поколѣніе воспріяло новое умственное направленіе еще въ Главной школѣ, которая была закрыта вскорѣ послѣ возстанія. Тамъ оно услышало о Контѣ и Литтрѐ, тамъ ознакомилось съ популяризаторами матеріализма. Тамъ пошли первые разговоры о томъ,—что же теперь дѣлать и что съ нами будетъ?

Тамъ было положено основаніе научной трезвости взглядовъ и признана несостоятельность Мицкевичевой заповѣди—„соразмѣряй свои силы съ цѣлями, а не цѣли съ силами“. Дальнѣйшіе выводы являлись сами собою. Идея мессіанизма глупа, какъ всякое мечтательство; романтизмъ—сказки, отводящія отъ дѣйствительности; сила—только въ знаніи; для улучшенія условій

жизни необходима „органическая работа“, а не разбиваніе головы объ стѣну въ видѣ нелѣпаго самопожертвованія или безплоднаго и никому ненужнаго отчаянія.

Практическій примѣръ отрѣшенія отъ прежнихъ вѣрованій въ революцію и возможность національной независимости былъ поданъ, начиная съ 1866 г., польскими дѣятелями въ Австріи, галиційскими „станьчиками“, которые вступили въ лойяльныя отношенія къ ненавистному до того времени австрійскому правительству. Однако, эти представители утилитарной политики въ Галиціи, Шуйскій, Тарновскій, Бобржинскій, рѣшившіеся высказать полное осужденіе возстанію 1863 года, отличались отъ подроставшихъ еще варшавскихъ позитивистовъ тѣмъ, что сами нисколько позитивистами не были. Отсюда постоянная борьба между тѣми и другими на почвѣ философской, несмотря на сродство въ видахъ утилитаризма и „органической работы“.

За эру выступленія варшавскаго позитивизма на литературную сцену можно принять 1870-й годъ [1]), между тѣмъ какъ въ Россіи „Современникъ“ и „Русское Слово“ были уже запрещены въ 1866 году. Выраженіе „нигилисты“, впервые употребленное Тургеневымъ, относится къ 1862 году. Теперь кажется страннымъ, что такія названія, прямо противоположныя по смыслу, какъ „нигилисты“ и „позитивисты“, служили въ Петербургѣ и Варшавѣ для обозначенія прогрессивной молодежи, задававшейся общими цѣлями политической и общественной реформы, эмансипаціи женщины и просвѣщенія народной массы.

Но русскій нигилизмъ западалъ въ души молодыхъ людей гораздо глубже, чѣмъ польскій позитивизмъ. Соціалистическіе кружки стали образовываться въ Польшѣ уже только въ 80-хъ годахъ, а собственно тотъ воинствующій позитивизмъ, который выступалъ въ 1870 году въ варшавскомъ еженедѣльномъ „Przegląd Tygodniowy“, сохранилъ характеръ преимущественно литературный. Почти всѣ выдающіеся писатели той поры прошли чрезъ названное изданіе. Просматривая теперь фельетоны этого обозрѣнія, называвшіеся „Echa“, поражаешься сходствомъ ихъ полемическихъ и популизаторскихъ пріемовъ съ пріемами Добролюбовскаго „Свистка“.

[1]) Jeske-Choiński, „Pozytywizm warszawski“. 1885.

II.

Однако и тѣхъ польскихъ писателей, которые воспитывались въ школѣ позитивизма и реализма, нельзя уложить въ рамки одного этого направленія, особенно наиболѣе талантливыхъ. Изъ числа послѣднихъ замкнулись въ немъ развѣ только главный porte-voix этой школы, блестящій публицистъ и критикъ Свентоховскій, рано умершій сатирикъ Лямъ и Дыгасинскій, натуралистъ по своей спеціальности. Но нельзя сказать этого ни о Сенкевичѣ, ни о Прусѣ, ни о г-жѣ Оржешко, хотя всѣ они дѣлали первые свои шаги подъ знаменемъ позитивизма.

Въ этомъ случаѣ, кромѣ свойственной сильнымъ талантамъ субъективности, которая, нѣтъ-нѣтъ, да и увлечетъ ихъ непремѣнно за указку теоріи или программы, выказалась сравнительная слабость позитивизма и строго реалистическаго письма надъ умами и національнымъ темпераментомъ польскихъ писателей. Богатство и пластичность воображенія, прирожденные лиризмъ и склонность къ риторству, однимъ словомъ, тѣ чисто-южныя свойства, которыми поляки надѣлены такъ щедро, не позволяютъ довольствоваться ролью фотографовъ или хотя бы жанристовъ. Такъ, Сенкевичъ и въ первомъ своемъ, реалистическомъ періодѣ, въ „Наброскахъ углемъ“ [1]), въ письмахъ изъ Америки—вовсе не реалистъ только.

А „Трилогія“ его, начиная съ „Огнемъ и мечомъ“ [2]), появившимся въ 1884 г., это уже прямая реакція противъ позитивизма и реализма, новый призывъ къ патріотизму въ традиціонномъ смыслѣ, ссылка на блескъ польской исторіи, на національную славу, на поэзію боевой и сословной жизни свободнаго дворянства—противъ загнанности и приниженности бюрократически третируемаго „Привислинскаго края“, противъ упадка духа и мѣщанскихъ идеаловъ, противъ той мѣдной монеты, которая вытѣсняла изъ обращенія благородный металлъ великихъ патріотическихъ романтиковъ.

Да, съ точки зрѣнія позитивизма и органической работы, трилогія имѣла положительно реакціонный характеръ. Однако она имѣла болѣе, чѣмъ одно литературное значеніе. Она наэлектризовала польское общество, которому, по вѣрному замѣчанію

[1]) „Szkice węglem“.
[2]) „Ogniem i mieczem“.

г. Фельдмана [1]), „было холодно, хотя ясно, и нѣсколько вчужѣ—въ порѣ позитивизма“. Но творческая сила и даръ психологической интуиціи у Сенкевича такъ велики, что онъ вовсе и не думалъ сдѣлать изъ своего историческаго эпоса нѣчто вродѣ обязательнаго для современниковъ учебнаго плаца, на которомъ ему принадлежала бы роль коменданта,—и вскорѣ самъ снялъ съ себя, на время, историческіе доспѣхи.

Въ „Семьѣ Поланецкихъ“ онъ далъ вполнѣ реально и безпристрастно нарисованный типъ современнаго человѣка образованнаго и неглупаго, могущаго понять всякую тенденцію, но по природѣ своей „средняго“, повседневнаго, типъ настоящаго филистера. Если типъ вышелъ несимпатичный, то не по винѣ автора, который не выдалъ своей личной мысли ни одной лишней чертой въ ту или другую сторону. Ее можно угадать развѣ въ другихъ типахъ романа, совершенно несходныхъ съ его „героемъ“. Затѣмъ, въ романѣ „Безъ догмата“ Сенкевичъ явился яркимъ представителемъ новѣйшаго литературнаго направленія. Глубочайшій и неотвязчивый анализъ своего „я“, гамлетовское строеніе этого „я“, скептицизмъ во всѣ стороны, слабость въ дѣйствіи, безконечная впечатлительность и пессимизмъ,—словомъ, всѣ черты декадентства,—проявляются здѣсь въ тонкомъ и художественномъ анализѣ. Вслѣдствіе того, читатель невольно сочувствуетъ Плошовскому. А вѣдь надо быть предвзятымъ поклонникомъ извѣстной произвольной манеры, чтобы сочувствовать пессимистамъ Пржибышевскаго, у которыхъ все сводится къ отношеніямъ сексуальнымъ, или прыткимъ, но утомительнымъ пессимистамъ-фразеологамъ г. Берента [2]), которые просто упражняются въ психологической гимнастикѣ и стилистикѣ.

Наконецъ, „Quo vadis“ завершило исключительную, по разнохарактерности, живости и выпуклости типовъ и сценъ, галерею Сенкевичевскаго творчества. Надо прочесть „Quo vadis“ въ переводѣ итальянскомъ, чтобы оцѣнить всю вѣрность его классическаго духа и мѣстнаго колорита. Въ обоихъ послѣднихъ произведеніяхъ [3]) Сенкевичъ снова ушелъ въ польскую воинскую эпопею, и странно было бы упрекать его за то, что онъ слѣдуетъ личному влеченію. Изъ того, что большой художникъ умѣетъ сознавать психику самыхъ разнообразныхъ типовъ, еще не слѣдуетъ, что у него только проходная душа, какъ у актера.

---

[1]) W. Feldman, „Współczesna liter. polska“, 1905.

[2]) „Próchno“.

[3]) „Krzyżacy“ и „Na Polu chwały“.

Остановимся еще на двухъ крупныхъ писателяхъ, не только вышедшихъ изъ школы позитивизма, какъ Сенкевичъ, но продолжающихъ исповѣдывать и даже проповѣдывать ея начала до настоящаго времени. Это—Прусъ и г-жа Оржешко. Какъ публицистъ, Прусъ и доселѣ остается имъ вѣрнымъ. Но какъ крупный художникъ, онъ не разъ далеко расходился съ этими началами, даже прямо имъ противорѣчилъ.

И притомъ надо замѣтить, что Прусъ дѣлалъ это не намѣренно, какъ Сенкевичъ, но какъ бы по неодолимому порыву природы, которая противъ его воли разбивала приготовленныя доктринерскія рамки. Такъ, въ „Куклѣ“ [1]), произведеніи замѣчательно талантливомъ, которое можно признать однимъ изъ перловъ польской беллетристики, выводится представитель органической работы, Вокульскій, вначалѣ какъ двойникъ Поланецкаго, владѣлецъ галантерейнаго магазина въ Варшавѣ, разбогатѣвшій на подрядахъ въ Болгаріи, во время войны. Подобно Поланецкому, и у него есть торговыя дѣла съ богатыми русскими купцами. Въ коммерческомъ дѣлѣ онъ ловокъ, въ магазинѣ онъ—строгій хозяинъ.

Но, вотъ, онъ влюбляется. Это случалось и съ Поланецкимъ, но не помѣшало ему остаться „уравновѣшеннымъ“ человѣкомъ. А Вокульскій тотчасъ теряетъ всякое равновѣсіе, совершенно какъ прежніе романтики, а если угодно и какъ нео-романтики. Въ дальнѣйшемъ своемъ настроеніи и дѣйствіяхъ это тотъ же Густавъ изъ „Дѣдовъ“ Мицкевича, или, если предпочитаете, Сирано де-Бержеракъ Ростана. Когда аристократическая барышня, настоящій идеалъ его души, оказывается просто куклой, неспособной ни любить, ни понять его, Вокульскій взрываетъ себя на воздухъ, вмѣстѣ съ приготовленнымъ имъ памятникомъ.

Правда, есть въ этомъ романѣ и превосходно, реалистически сдѣланные жанры—картинка нѣмецкой семьи, которая во второмъ поколѣніи полонизируется, типы двухъ братьевъ, безпрестанно разрывающихъ всякія между собой отношенія, а между тѣмъ продолжающихъ любить и поддерживать другъ друга, типы служащихъ у Вокульскаго продавцовъ, наброски людей „изъ общества“, желающихъ участвовать въ органической работѣ, но ничего не понимающихъ въ дѣлахъ.

Однако всѣ эти второстепенные типы и сценки блѣднѣютъ передъ простой, скромной, но ярко-романтической и глубоко-поэтической фигурой главнаго приказчика и вмѣстѣ друга Вокульскаго—Ржецкаго, бывшаго офицера венгерской пѣхоты (въ

[1]) „Lalka“, 1890.

1848 г.) и отъявленнаго поклонника наполеонизма, все въ томъ смыслѣ, какъ его разумѣли польскіе легіонисты прошлаго столѣтія. Дневникъ Ржецкаго и его догадки о таинственной будто бы роли хозяина, это—цвѣтъ самаго чистаго, спеціально польскаго романтизма.

Въ „Эмансипанткахъ“ [1]) Прусъ, какъ будто, поставилъ себѣ одинъ изъ главныхъ вопросовъ беллетристическаго позитивизма—о равноправности женщинъ и о путяхъ къ ея осуществленію. Но при исполненіи вопросъ этотъ совершенно ускользнулъ изъ-подъ пера автора. Правда, первый томъ, заключенный самъ въ себѣ, содержитъ интересную и реалистично написанную драму содержательницы перворазряднаго женскаго пансіона въ Варшавѣ, которая долго борется съ недостаткомъ денегъ, начинаетъ пить и гибнетъ. Но этотъ сильно веденный трагическій эпизодъ ровно ничего не доказываетъ, да авторъ, очевидно, и не думалъ доказывать имъ что-либо, а просто увлекся самымъ трагизмомъ положенія г-жи Латтеръ.

Далѣе, въ этомъ романѣ онъ далъ нѣсколько каррикатуръ, въ родѣ Кукшиной Тургенева, только въ болѣе современной формѣ, конечно не съ цѣлью осмѣять стремленіе, которому онъ, проникнутый духомъ гуманности во всѣхъ ея проявленіяхъ, можетъ только сочувствовать. Просто художнику подвернулись характерные типы, и художникъ взялъ верхъ надъ публицистомъ. Затѣмъ, Прусъ вывелъ тутъ же нѣсколько симпатичныхъ женскихъ типовъ, которые однако не даютъ матеріала для вопроса объ эмансипаціи, и, наконецъ, главное мѣсто въ послѣдней части отвелъ краснорѣчивому трактату о безсмертіи души, которымъ нѣкій натуралистъ старается утѣшить пріятеля, близкаго къ смерти. Такимъ образомъ, Прусу-публицисту прямо противорѣчитъ Прусъ-художникъ.

Необходимо упомянуть и объ историческомъ романѣ Пруса—„Фараонъ“ [2]), который въ творчествѣ этого писателя является какъ бы въ pendant къ римско-христіанскому роману Сенкевича „Quo Vadis“. Въ „Фараонѣ“ выведенъ Рамзесъ XIII, 22-й династіи египетскихъ царей, фараонъ-реформаторъ, предпринявшій устранить злоупотребленія и несправедливости, которымъ подвергались рабочія сословія [3]). Но уже на самомъ приступѣ къ этому пути фараонъ встрѣчается съ непреодолимымъ препятствіемъ въ

---

[1]) „Emancypantki“, 1894.
[2]) „Faraon“, 1897.
[3]) Томъ III, стр. 217.

кастовомъ строѣ народа и въ умственномъ, а также и нравственномъ всемогуществѣ жрецовъ. Появляются чудеса; дезорганизація проникаетъ въ самое войско Рамзеса, котораго закалываетъ подосланный жрецами грекъ, а на престолъ вступаетъ первосвященникъ Хрехоръ, вступившій въ бракъ съ матерью убитаго фараона.

Романъ этотъ читается съ большимъ интересомъ; дѣйствіе развивается строго-логическимъ путемъ; природа, нравы и учрежденія окрашены своеобразнымъ, таинственнымъ колоритомъ. Словомъ, авторъ удачно совладалъ съ крупной и трудной задачей. Обстановку жизни, краски, самыя формы обращенія между людьми онъ принужденъ былъ брать изъ третьихъ рукъ. Сенкевичу въ созданіи типа Петронія, въ изображеніи двора Нерона былъ открытъ первоисточникъ — литературные подлинники этого времени. Если Прусу приходилось самому довольствоваться только копіями и, несмотря на то, все-таки удалось поставить передъ глазами читателя картину, которая, по цѣльности характера и живости красокъ, кажется ему оригиналомъ, то это свидѣтельствуетъ о необыкновенной силѣ того микроскопа или волшебнаго фонаря, какимъ является творческая способность высокоталантливаго писателя.

Но гдѣ же при этомъ Прусъ-позитивистъ, гдѣ даже прежній его обликъ художника-бытописателя крестьянской самообороните льной силы, гдѣ авторъ замѣчательнаго разсказа о бѣдномъ Слимакѣ [1]), который отстоялъ землю, несмотря на всѣ взваливавшіяся на него бѣды — обвалъ, неурожай, неимѣніе денегъ, смерть жены, нашествіе окружившихъ и выживавшихъ его колонистовъ-нѣмцевъ? Просто, слишкомъ силенъ, а потому и норовистъ талантъ Пруса. Талантъ этотъ согласенъ запречься въ доктрину, но какъ только почуетъ широкое поле, этотъ кровный конь понесетъ впередъ неудержимо, не по волѣ автора, а по потребности природы, порветъ и поломаетъ упряжку—и въ результатѣ, вмѣсто утилитарной пахоты, получится великолѣпный скаковой рекордъ.

Вѣрнѣе осталась службѣ позитивизму и органической работѣ г-жа Оржешко. Большой умъ и художественный талантъ въ ней замѣчательно уравновѣшены. У нея нѣтъ ни одного произведенія, которое бы не имѣло дидактической подкладки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ публицистическая мысль выражена такъ вѣрно и съ такой логической убѣдительностью, что художественная сторона

[1]) „Placówka“, 1886.

прямо ей подчиняется, не теряя однако при этомъ своей самостоятельной силы и прелести. Таковы, чтобы указать въ видѣ примѣровъ, „Czternasta część“, „Silny Samson“ и „Meir Ezofowicz“, „Sylwek Cmentarnik“, „Niziny“, „Cham“, „Widma“, „Dwa bieguny“.

Но въ самомъ крупномъ изъ болѣе новыхъ ея романовъ, въ „Надъ Нѣманомъ“ [1]) чувство, идеализмъ, романтическая традиція, красота, словомъ, все невѣсомое на рынкѣ утилитарности—положительно беретъ верхъ. Реализмъ не отсутствуетъ и здѣсь. Онъ проявляется въ картинахъ быта оригинальной этнографической группы. Это—колоніи мелкой шляхты, такъ-называемыхъ однодворцевъ въ Литвѣ, издавна ведущихъ вполнѣ крестьянскій образъ жизни, но отличающихся отъ крестьянъ спѣсью дворянскаго происхожденія, хотя и не доказаннаго документами, но болѣе несомнѣннаго, чѣмъ у иныхъ признанныхъ графовъ. Эта спѣсь можетъ быть забавна, но она поддерживаетъ въ этихъ потомкахъ издавна свободнаго класса нѣкоторую культурную, а вмѣстѣ и историческую традицію. Въ ихъ средѣ гораздо рѣже встрѣчаются пьянство и грубые проступки, соблюдается нѣкоторая деликатность въ обращеніи, въ особенности съ женщинами. Изъ этого-то класса преимущественно и выходили рядовые повстанцы. Живя особняками отъ крестьянъ, эти колоніи, иногда затерянныя въ литовской и бѣлорусской глуши, не образованныя, а только грамотныя, сохранили нѣкоторые завѣты и пѣсни отъ отдаленной старины. Такъ, иныя принѣманскія пѣсни, приводимыя въ романѣ, держатся еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ царства польскаго.

Г-жа Оржешко дала яркую картину жизни нравовъ и настроеній въ этой средѣ, которая, быть можетъ, скоро исчезнетъ въ литовскомъ и будущемъ бѣлорусскомъ движеніи. При всей свойственной автору реальности въ контурахъ лицъ и оцѣнкѣ отношеній, въ этой вѣрной бытовой картинѣ такъ много исторической поэзіи, что данное произведеніе г-жи Оржешко можно назвать ея „Паномъ Тадеушемъ“.

III.

Мы видѣли, что наиболѣе выдающіеся польскіе писатели, вышедшіе изъ школы позитивизма и реализма, впослѣдствіи сами

[1]) „Nad Niemnem“, 1891.

приняли дѣятельное участіе въ реакціи противъ этого направленія, увлекались въ свою очередь и патріотической фантазіею, и идеализмомъ, какъ давніе ихъ предшественники-романтики, а отчасти являлись какъ бы романтиками просто потому, что сильный талантъ не можетъ закрѣпоститься въ указной доктринѣ.

Но зато среди новыхъ романистовъ, приписываемыхъ классификаторами къ болѣе моднымъ этикетамъ импрессіонизма, индивидуализма и декадентства, нѣкоторые, — именно наиболѣе крупные,—съ равнымъ правомъ могли бы быть причисляемы къ позитивистамъ, такъ какъ и они стремятся къ проложенію новыхъ общественныхъ путей, хотя прямо о томъ не заявляютъ и даже положительно чураются всякаго дидактическаго тона.

Таковы Реймонтъ и Жеромскій, самые видные представители новѣйшаго польскаго повѣствовательства. Измѣнилась форма, языкъ сталъ образнѣе, пріемы причудливѣе, психологическій анализъ тоньше или, лучше сказать, мелочнѣе, въ обязательной связи съ физіологической подкладкой. Колоритъ дѣлается ярче, особенно въ описаніяхъ природы, къ которымъ авторы обязательно прибѣгаютъ, чтобы вызвать настроеніе соотвѣтственное предстоящей сценѣ, какъ въ Вагнеровской оперѣ входъ каждаго лица обозначается спеціально заготовленнымъ лейтмотивомъ. При этомъ большинство литературныхъ композиторовъ пишутъ всю партитуру не иначе, какъ съ пятью діэзами или бемолями, чтобы было чувствительнѣе, и съ безпрестанными перемѣнами тона, чтобы даже полуглухой не могъ не замѣтить эффекта.

Словомъ—ужасно стараются, и въ этомъ ихъ слабая и иногда даже нѣсколько утомительная сторона. Кажется, какъ будто они напрягаютъ всѣ силы, изъ кожи лѣзутъ, чтобы ужъ глубже, шире, тоньше и вмѣстѣ возвышеннѣе, живописнѣе, пластичнѣе и музыкальнѣе ихъ никто больше не могъ написать ничего, такъ чтобы на нихъ совсѣмъ окончилась „изящная“ литература, les belles lettres.

Но всѣ эти преувеличенія, конечно, не составляютъ сущности дѣла, которое все-таки состоитъ въ интенсивности самого таланта. А новыхъ, несомнѣнныхъ талантовъ появилось въ польской беллетристикѣ, всего за какой-нибудь десятокъ послѣднихъ лѣтъ, немалое число. Всѣ они стремятся къ обновленію жизни или къ болѣе глубокому проникновенію въ природу человѣка, что̀ составляетъ естественное и законное призваніе каждаго новаго поколѣнія. Но у большинства ихъ стремленія эти вызваны скорѣе иностранными вліяніями, чѣмъ инстинктомъ природнымъ, національнымъ. Французскіе натуралисты, импрессіонисты и де-

каденты, Ницше, Гауптманъ и Зудерманъ, скандинавскіе писатели — вотъ учители, у которыхъ они заимствуютъ и духъ, и пріемы.

Реймонтъ и Жеромскій оба считаются импрессіонистами, но первый, сверхъ того,—натуралистъ новаго пошиба, а второй—пессимистъ. Можно, однакоже, совершенно игнорировать эти перегородки и опредѣлить роль того и другого писателя просто по впечатлѣнію, какое остается отъ чтенія ихъ произведеній.

Реймонтъ избираетъ какую-нибудь общественную среду, наводитъ на нее сильный прожекторъ, дающій возможность охватить общій характеръ жизни въ этомъ муравейникѣ и бросающій наиболѣе яркій свѣтъ на цѣлый рядъ единичныхъ типовъ, которые чѣмъ-либо особенно выдаются въ этой толпѣ, но все-таки служатъ только для ея распознанія и разумѣнія, а вовсе не для вивисекціи надъ человѣческой природой.

Письмо Реймонта вполнѣ объективно, исключая въ описаніяхъ природы, въ которыхъ именно и проявляется его импрессіонизмъ. Но объективность у него, какъ и у прежнихъ позитивистовъ или реалистовъ, никакъ не исключаетъ тенденціи. Только онъ уже не такъ наивенъ, какъ прежніе реалисты, которые обыкновенно выходили съ флагомъ своихъ убѣжденій и съ готовой прописью путей ко спасенію общества. Своего онъ не выставляетъ ничего, а даетъ дѣйствующимъ лицамъ свободно ломаться и грызться въ ихъ муравейникѣ, предоставляя читателю любоваться зрѣлищемъ. Но впечатлѣніе получается такое, что вездѣ худо.

Въ каждой средѣ между людьми кипитъ вѣчная борьба, идетъ неумолимая эксплоатація. Среда не оказываетъ никакого сдерживающаго вліянія на первобытныя, животныя страсти людей, но еще возбуждаетъ въ нихъ страсти, чуждыя лѣснымъ звѣрямъ—стремленіе къ господству, тщеславіе, зависть, наклонность втоптать въ грязь ближняго даже безъ всякой реальной пользы для себя.

И люди живутъ, плодятся, барахтаются въ той или другой, болѣе или менѣе пошлой средѣ и умираютъ въ ней, по большей части даже и не подозрѣвая, что она могла бы быть иною. Только немногихъ осѣняетъ сознаніе, что не стоитъ жить въ болотѣ, хотя бы и родномъ, жить на подобіе лягушекъ,—немногіе пробуютъ вырваться изъ болота, стремятся за призракомъ чего-то высшаго, чистаго и хотя бы только необычайнаго, способнаго удовлетворить душу и дать счастье.

Но и тѣ, вырвавшись изъ одной среды, попадаютъ въ другую, гдѣ встрѣчаются съ иными формами, но съ тѣмъ же неумоли-

мымъ закономъ борьбы, съ новыми условіями той же фальши и той же эксплоатаціи, ломаютъ свои крылья о преграды, стоящія передъ идеалами, упадаютъ въ горькомъ сознаніи, что и самые тѣ идеалы были только плодами ихъ воображенія, что истиннаго счастья вовсе нѣтъ, а въ лучшемъ случаѣ можно найти только суррогатъ его — спокойствіе, то-есть отреченіе отъ обманчивой мечты.

Въ „Комедіанткѣ“ [1]) Реймонтъ вводитъ сперва въ общество маленькихъ людей, служащихъ на желѣзнодорожной станціи Буковецъ. Скука тамъ держится безысходная. Поѣзда приходятъ, постоятъ и отходятъ, и къ каждому изъ нихъ приводится въ движеніе все то же самое представленіе, какъ на часахъ съ кукушкой. Вся жизнь прикована къ этой, постоянно повторяющейся церемоніи. Люди тамъ живутъ неразвитые, нетребовательные, но и ихъ поѣдаетъ тоска.

Въ такую-то среду попала Янка, дочь начальника станціи Орловскаго, дѣвушка развитая и посвященная уже въ потребности и условія жизни интеллигентной. Общаго съ отцомъ она имѣла только страстный темпераментъ и порывистый, неудержимый нравъ. Она искренно любила отца, но не знала, что и онъ любилъ только ее одну на свѣтѣ. Несмотря на это, онъ не допустилъ ее до сближенія съ собой. Онъ не любилъ „нѣжностей“ и „фанаберій“. Назначеніемъ дѣвушки было выйти замужъ, и отецъ желалъ, чтобы судьба ея была „обезпечена“ въ скоромъ времени, при его жизни, тѣмъ болѣе, что онъ сознавалъ въ себѣ что-то неладное.

Но Янка думала совсѣмъ иначе. Ее давила жизнь въ Буковцѣ, душилъ идіотизмъ станціоннаго общества, ее манили далекіе горизонты чего-то неизвѣстнаго, но осмысленнаго, свѣтлаго, а быть можетъ и необыкновеннаго, какая-нибудь исключительная судьба.

Отсюда—столкновенія между отцомъ и дочерью, принимавшія все болѣе острый характеръ. При одномъ изъ нихъ, Янка обвинила отца въ томъ, что онъ своимъ деспотизмомъ и придирчивостью вогналъ въ гробъ ея мать, а теперь и ей самой не даетъ жить. Самымъ рѣшительнымъ образомъ она отказалась отъ предложеннаго брака, предварительно объявивъ объ этомъ и самому своему претенденту. Тогда Орловскій, доведенный до безпамятства, гонитъ дочь изъ дому и объявляетъ ей, что между ними все кончено, и онъ не хочетъ о ней знать.

---

[1]) „Komedyantka“, 1896.

И вотъ Янка является въ театръ, видитъ представленіе и затѣмъ, безъ всякой протекціи, обращается къ антрепренеру, прося о пріемѣ въ труппу. Оказывается, что роли она читаетъ недурно и хорошо играетъ на фортепіано, что̀ сразу импонируетъ всѣмъ въ труппѣ. Антрепренерша пожелала воспользоваться ея даровыми услугами для обученія дочери,—„а тамъ уже вмѣстѣ сочтемся“. Красота Янки много помогаетъ ея пріему. Ее зачисляютъ въ хористки, „пока“. Жалованье грошевое, да и того не платятъ, развѣ по рублю, самое большее — по три, при повторенномъ требованіи.

Женщины сразу относятся къ Янкѣ враждебно и за красоту, и за замѣчаемый, но, конечно, непризнаваемый нѣкоторый талантъ, и за то, что она — какая то совсѣмъ иная, очевидно — панна „изъ общества“. Мужчины же тотчасъ начинаютъ за ней ухаживать. Изъ своего станціоннаго затишья, гдѣ люди наводили тоску, но зато освѣженіемъ и поддержкой для внутренней жизни служила природа — богатый и живописный лѣсъ, съ которымъ дѣвушка сдружилась, убѣгая туда отъ пошлости и однообразія, Янка попала въ сферу прямо противоположнаго характера. Это была сфера совершенно искусственная, не столько въ томъ смыслѣ, что она „служила искусству“, сколько въ томъ, что вся жизнь здѣсь была дѣланная, заимствуемая на прокатъ. Всѣ постоянно играли роли, даже передъ самими собой, являлись какъ бы заведенными грамофонами, говорившими и думавшими не свое, а чужое.

Въ первое время Янка видѣла въ нихъ какъ бы жрецовъ искусства, преклонялась передъ несомнѣннымъ талантомъ, восторгалась драматическими эффектами. Даже та сѣть интригъ, какую она видѣла вокругъ себя, сперва извинялась ею — артистическимъ соревнованіемъ, а безпрестанныя, иногда грубыя ссоры — нервностью этихъ людей, постоянно жившихъ въ приподнятомъ настроеніи, какъ бы въ творческомъ экстазѣ, съ почти ежедневнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ. Но вскорѣ ей стала надоѣдать сплошная ложь, противная ея природѣ, и, познакомясь ближе со своими товарищами, она должна была убѣдиться, что единственное натуральное, собственное въ нихъ — то, что̀ не было на показъ и не заимствовалось изъ игранныхъ ролей — была мелочность и пошлость, едва ли не худшая той, какую она видѣла въ Буковцѣ.

Актрисамъ еще нужнѣе талантовъ были туалеты; а чтобы имѣть туалеты, надо было ловить покровителей и содержателей. Нужда теребила и актрисъ, и актеровъ, а борьба изъ-за ролей

ставила ихъ въ условія вѣчной вражды между собой и съ дирекціей. Мужчины, по крайней мѣрѣ, постоянно утѣшали себя мечтой о навербованіи своей собственной труппы или объ ангажементѣ въ другомъ театрѣ, гдѣ ихъ лучше оцѣнятъ. Женщины были пассивнѣе въ этомъ отношеніи, но зато гораздо активнѣе мужчинъ въ интригахъ. Составлялись заговоры, чтобы провалить кого-нибудь, по большей части изъ мести, а иногда и просто изъ злорадства, изъ злобнаго школьничества.

Только постепенно Янка познала нравственное ничтожество большей части своихъ товарищей и ту нравственную грязь, въ какой жили иные изъ нихъ. Само собой разумѣется, что кромѣ той эксплоатаціи, какой она подвергалась со стороны дирекціи, ей угрожала еще эксплоатація и какъ женщинѣ. И эта эксплоатація удалась человѣку совершенно ничтожному, который воспользовался случайнымъ возбужденіемъ и неопытностью своей жертвы, и вскорѣ отвернулся отъ Янки, затѣвая выгодную женитьбу. Взятыя изъ дома деньги приходили къ концу, а ей еще только была обѣщана первая выдающаяся роль. Пришла нужда, сталъ грозить прямой голодъ. Приходилось выпрашивать изъ заслуженнаго жалованья, хоть по мелочамъ. Наконецъ, денегъ уже совсѣмъ не осталось, послѣднія пошли на костюмъ для обѣщанной роли, а за день до представленія роль, разученная Янкой съ любовью, роль, въ которой заключалась вся ея надежда, была отнята у нея и передана женѣ антрепренера. Это былъ ударъ, закрывавшій для дѣвушки всякую будущность. Конечно, Янка могла просить у отца прощенія и денегъ, чтобы вернуться домой. Но этого сдѣлать она не хотѣла и—отравилась.

Однако въ слѣдующемъ романѣ „Броженіе“ [1]) мы встрѣчаемъ ее вновь. Писатель Глоговскій, единственный близкій къ театру человѣкъ, который относился къ ней съ уваженіемъ, укрывая нѣкоторое чувство къ ней, телеграфировалъ Орловскому, который засталъ ее въ безпамятствѣ и привезъ въ Буковецъ, не говоря съ ней ни слова.

Здѣсь — все попрежнему. Только самъ Орловскій замѣтно подался. Подъ вліяніемъ гнѣва и горя, въ немъ начался странный процессъ раздвоенія личности. Состоя начальникомъ станціи, онъ исполняетъ также обязанности письмоводителя, но для этой работы всегда садится за другой столъ. Въ теченіе дѣйствія во второмъ романѣ процессъ этотъ постепенно развивается. Получивъ замѣчаніе за какой-то рапортъ, онъ громко распекаетъ

[1]) „Fermenty“. 1897.

себя, какъ начальникъ — подчиненнаго. Потомъ онъ начинаетъ вступать въ споры со своимъ двойникомъ и даже даетъ ему особое имя. Съ дочерью онъ сперва не говоритъ. Но отношенія между ними облегчаетъ старый врачъ, другъ семьи. Онъ сообщаетъ Янкѣ о ненормальности отца и запрещаетъ ей признаваться ему во всемъ, такъ какъ это навѣрное бы его убило. А въ оправданіе Янки онъ напоминаетъ отцу, что тотъ самъ выгналъ ее изъ дому, и что ей ничего не оставалось дѣлать, какъ зарабатывать себѣ хлѣбъ.

Какъ въ „Комедіанткѣ“ авторомъ выведено много оригинальныхъ типовъ изъ міра театральнаго, очерченныхъ съ полнымъ знаніемъ быта и съ замѣчательной живостью, такъ и въ „Броженіи“ представлены любопытныя фигуры желѣзнодорожной и вообще провинціальной захолустной сферы. Надо замѣтить, что Реймонтъ самъ служилъ при желѣзной дорогѣ, а также былъ актеромъ.

Послѣ новаго продолжительнаго пребыванія на станціи, Янка стала опять чувствовать порывы къ иной жизни, а тутъ еще Глоговскій посѣтилъ ихъ и привезъ ей приглашеніе вернуться въ прежнюю труппу, но уже на первыя роли. Янка совсѣмъ было-собралась ѣхать. Она рѣшилась выдержать новое, рѣшительное столкновеніе съ отцомъ и хотя бы порвать съ нимъ отношенія навсегда. Но одного она не ожидала, а именно того, что отецъ сдѣлалъ. Увидавъ ея чемоданы, приготовленные къ поѣзду, онъ спросилъ, возвращается ли она въ театръ, и, услыхавъ, что да, онъ на словахъ одобрилъ это рѣшеніе, призналъ, что ей тамъ будетъ лучше, и хотѣлъ отдать ей всѣ свои цѣнныя бумаги, говоря, что все это—ея, а ему ничего не нужно, такъ какъ онъ получаетъ жалованье.

Зная болѣзнь отца и видя, что онъ себя превозмогъ, видя это доказательство любви его къ ней, Янка отказалась отъ блестящей перспективы, рѣшилась остаться и даже исполнить желаніе отца, выйти замужъ. Крылья ея уже сломаны, нѣтъ прежней неудержимости, и вскорѣ она начинаетъ мечтать — о простомъ успокоеніи. Отречься отъ борьбы, успокоиться окончательно въ той усыпительной, не лишенной пріятности апатіи, какую она ощущала въ постели послѣ возвращенія домой.

Однако природа ея не сдалась вдругъ. Уже живя съ мужемъ и взявъ съ собой отца, впавшаго въ полное помѣшательство, Янка едва не увлеклась интереснымъ, облеченнымъ нѣкоторой загадочностью, типомъ. Но прежнихъ крыльевъ уже не было. Страхъ удержалъ ее, и она должна была покориться судьбѣ.

IV.

Въ обоихъ этихъ романахъ, имѣющихъ общую героиню, но изображающихъ разныя среды со множествомъ характерныхъ типовъ, Реймонтъ является не только тонкимъ наблюдателемъ, реалистомъ въ лучшемъ значеніи слова, но и сильнымъ художникомъ, создающимъ вполнѣ законченныя лица, съ которыми читатель вполнѣ сживается, такъ что могъ бы ясно представить себѣ, какъ поступило бы каждое изъ нихъ въ томъ или другомъ случаѣ, и даже въ какомъ родѣ высказалось бы по данному поводу. Впечатлительность къ явленіямъ природы и замѣчательный живописный даръ проявляются здѣсь въ наброскахъ лѣсныхъ видовъ въ разныя поры дня и года.

Но во всей своей силѣ талантъ Реймонта сказывается въ цѣлой эпопеѣ, посвященной описанію жизни общества въ большомъ фабричномъ городѣ. „Обѣтованная земля“ [1]), это—Лодзь, съ ея лѣсомъ фабричныхъ трубъ, съ ея притязательно-роскошными домами промышленныхъ тузовъ, ея кипучей дѣятельностью, которая стягиваетъ народъ даже изъ отдаленныхъ мѣстностей и порабощаетъ, обращаетъ въ машины, не только рабочихъ и техниковъ, но отчасти и самихъ фабрикантовъ. Тамъ кипитъ вѣчная борьба, тамъ каждый человѣкъ—конкуррентъ другому и спихиваетъ его съ пути безъ зазрѣнія совѣсти. Тамъ свои нравы, свои понятія о границѣ дозволеннаго, которая, впрочемъ, довольно близка къ чертѣ уголовщины. Не переступать этой черты не слѣдуетъ, но зато ужъ все остальное—предразсудки.

— Morgen!—крикнулъ Максъ, проснувшись.

— Что жъ не встаешь?—шестой часъ.

Но отвѣтъ заглушили свистки, которые раздались какъ бы надъ самымъ домомъ и рычали съ четверть минуты такъ пронзительно, что въ окнахъ звенѣли стекла.—Дома будешь сидѣть?

— А куда мнѣ спѣшить?... Въ свою паршивую нору? Да и съ фатеромъ я вчера погрызся.

— Максъ, ты плохо кончишь съ этой грызьбой со всѣми,—недовольнымъ тономъ сказалъ Морицъ, разгребая въ каминѣ уголь.

— Отстань. Разбудилъ—чортъ знаетъ, зачѣмъ, а теперь еще брешетъ.

---

[1]) „Ziemia obiecana“, 1898.

— Да потому что ты вредишь намъ въ дѣлѣ, вѣчно на кого-нибудь огрызаясь. Вотъ, хотя бы вчера. Развѣ ты у Блументалей не сказалъ громко, что большинство нашихъ фабрикантовъ—просто воры и обманщики?

— Конечно,—сказалъ и всегда скажу.

— Ты, Максъ Баумъ, такъ не будешь говорить, тебѣ нельзя... Понимаешь? Во-первыхъ, какое тебѣ дѣло—воры они или порядочные люди? Мы всѣ здѣсь сидимъ въ Лодзи, чтобы нажить побольше. Никто тутъ навѣки не останется. А каждый дѣлаетъ деньги, какъ умѣетъ и можетъ. Ты просто—красный, ты—радикалъ пунцовой краски № 4.

Боровецкій слушалъ, опираясь локтями на столъ, а лицомъ въ ладони.

— Я—честный человѣкъ,—сказалъ вошедшій Максъ, наливая себѣ чаю.

— Безъ глупостей. Рѣчь идетъ о деньгахъ. Твои обвиненія могутъ повредить нашему кредиту. Мы основываемъ фабрику и втроемъ не имѣемъ пока ничего; значитъ, у насъ весь разсчетъ на кредитъ, на довѣріе тѣхъ, которые намъ его откроютъ. Намъ теперь необходимо быть не только порядочными людьми, но и людьми любезными, пріятными въ обращеніи. Вотъ, если тебѣ этакой толстосумъ Борманъ скажетъ: „подлая эта Лодзь“,—подтверди, что подлая въ квадратѣ; ему надо подтверждать, потому что онъ—слишкомъ крупная рыба. А ты какъ отозвался о немъ самомъ Кноллю? Что онъ—глупый хамъ. Душа моя, какой же глупый, когда онъ изъ своей башки извлекъ милліоны и имѣетъ ихъ! И мы хотимъ, чтобы они у насъ были. Можемъ и мы заговорить иначе, когда у насъ будутъ деньги. А теперь—ни слова, мы въ этихъ людяхъ нуждаемся. Ну, пусть Карлъ скажетъ, правъ ли я,—обратился Морицъ Вельтъ къ Боровецкому.

— Морицъ безусловно правъ,—съ удареніемъ произнесъ Боровецкій, взглядывая своими холодными, сѣрыми глазами на раздраженнаго Макса.—Весь вашъ споръ—одни слова,—равнодушно добавилъ онъ и поспѣшилъ на работу, такъ какъ сегодня онъ пускалъ въ ходъ новое набивное отдѣленіе.

Замыселъ товарищей основать свою фабрику—служитъ наиболѣе прочной путеводной нитью въ разсказѣ, гдѣ смѣшиваются много разныхъ предпріятій, стремленій и романовъ, развивающихся параллельно. Можно, пожалуй, признать нитью личный романъ Боровецкаго, ученаго техника, стоящаго во главѣ всего красильнаго и набивного дѣла одного изъ самыхъ крупныхъ фабрикантовъ, большого милліонера Бухгольца. Но этотъ личный

романъ оканчивается раньше, чѣмъ полное осуществленіе дѣлового предпріятія, какъ то и естественно въ такой средѣ.

Боровецкій—полякъ и человѣкъ съ высшимъ образованіемъ. Однако среда засосала его, и онъ такой же „Lodsermensch", какъ его товарищъ, маклеръ и коммиссіонеръ Морицъ Вельтъ. Онъ поддался средѣ не только пассивно, но и съ полнымъ сознаніемъ, стараясь отдѣлаться отъ всякихъ идеаловъ и сжать въ себѣ всякое чувство до возможно-минимальнаго объема, чтобы оно не мѣшало въ дѣлахъ. Все это—пустяки. Слишкомъ много поляки претерпѣли оттого, что вѣчно мечтали о несуществующемъ и неосуществимомъ. Онъ искренно любитъ дѣвушку небогатую и намѣренъ жениться на ней, когда дѣла его устроятся. Но когда его забота объ устройствѣ дѣлъ обращается въ мысль о постановкѣ собственной ситцевой фабрики, то привязанность къ Янкѣ начинаетъ слабѣть и отходить на второй планъ. Это ему, однако, не мѣшаетъ воспользоваться ея деньгами для пріобрѣтенія земли и строеній фабрики, которая погорѣла отъ поджога, сдѣланнаго прежнимъ владѣльцемъ съ цѣлью спастись страховою суммой отъ банкротства.

Но первыя средства на оборудованіе предпріятія компаніономъ даетъ неожиданное обстоятельство. Боровецкій сошелся съ Люси Цукеръ, красавицей, женой фабриканта, которая, можно сказать, прямо навязалась ему. Въ отсутствіе мужа изъ Лодзи, онъ остается у нея до поздняго часа и въ столовой находитъ упавшій со стола листъ бумаги. Это—телеграмма изъ Петербурга, написанная шрифтомъ, который употребляется на фабрикѣ Бухгольца, и, очевидно, сообщенная Цукеру или выкраденная для него изъ конторы. Въ ней сообщается, что пошлина съ американскаго хлопка, доставляемаго чрезъ Гамбургъ и Тріестъ, повышена до 25 коп. золотомъ съ пуда, а тарифная ставка на дорогахъ отъ западной границы поднята до 20 коп. съ пудоверсты; вводится это черезъ мѣсяцъ, а объявлено будетъ черезъ недѣлю.

Тогда на всѣ сбереженія трехъ товарищей и суммы, какія имъ удается на-скоро занять, то-есть на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, Морицъ Вельтъ отправляется въ Гамбургъ для заключенія контрактовъ на краткосрочную поставку наибольшаго количества хлопка, сколько возможно въ разсрочку, съ уплатой всей наличной суммы въ задатокъ. Конечно, львиную часть общей наживы Вельтъ присвоиваетъ себѣ, но все-таки разница въ цѣнѣ хлопка при продажѣ его даетъ средства для начатія дѣла.

Когда фабрика уже поставлена, Боровецкій ссорится съ Вель-

томъ, скупавшимъ его векселя съ разсчетомъ выжить его изъ дѣла. Но онъ не имѣетъ средствъ, чтобы отдѣлаться отъ этого компаніона, а тутъ еще на фабрикѣ происходитъ пожаръ, впрочемъ случайный. Но Боровецкаго спасаетъ богатый фабрикантъ Миллеръ, который давно переманивалъ къ себѣ отъ Бухгольца этого изобрѣтательнаго и талантливаго спеціалиста красильнаго дѣла. Сынъ Миллеру не удался, не хочетъ ничего знать о работѣ,—ему надо купить имѣніе, какъ неспособному, а Миллеру уже желательно отдохнуть, сдать свое дѣло близкому и надежному человѣку. Онъ и женитъ Боровецкаго на своей дочери. Замѣчательно, что и еврейки, и нѣмки у Реймонта рѣшительно предпочитаютъ поляковъ. Такъ, Меля Грюншпанъ, единственная умная и привлекательная по своимъ душевнымъ качествамъ дѣвушка изъ фабрикантской среды, только съ трудомъ и горемъ отказывается отъ врача Высоцкаго, единственнаго идеалиста въ той же средѣ, и выходитъ за юркаго Морица Вельта, котораго знаетъ съ дѣтства.

Передъ читателемъ проходитъ богатая и самая разнообразная галерея портретовъ, жанровыхъ картинъ и intérieur'овъ фабрикъ съ видами ихъ дѣйствія. Весь этотъ обильный и разнохарактерный матеріалъ схваченъ твердою рукой, которая всему даетъ выпуклость и ясное, реальное освѣщеніе. Оригинальныхъ типовъ множество. Можно сказать, ни одно изъ выводимыхъ лицъ не осталось безъ самой тщательной отдѣлки. Вся галерея дышетъ жизнью и грубой правдой. Въ такомъ полномъ овладѣніи цѣлой массой матеріала и въ детальной, часто поражающей яркостью обработкѣ его, всего въ двухъ томахъ, проявляется огромная сила, которая и составляетъ главную особенность таланта этого автора.

„Обѣтованная земля“, несомнѣнно, производитъ впечатлѣніе нѣкоихъ Содома и Гоморры. Слышны проклятія рабочихъ, бросившихъ свои деревни за болѣе сытный, но тяжкій кусокъ хлѣба, зарабатываемый въ настоящей кабалѣ, подъ властью произвола и подъ гнетомъ презрѣнія хозяевъ, техниковъ и мастеровъ по большей части иноплеменныхъ. Самъ Боровецкій, достигнувъ своей цѣли, пріобрѣтя богатство, чувствуетъ себя разореннымъ, какъ бы прожившимъ свою душу и неспособнымъ находить удовлетвореніе въ деньгахъ, власти и роскоши. Ему хотѣлось бы бросить все это, и онъ сознаетъ потребность сдѣлать что-нибудь полезное для своего народа. Но и независимо отъ личной неудовлетворенности Боровецкаго, все разсказываемое въ этомъ романѣ составляетъ протестъ само по себѣ.

Надо, однако, замѣтить, что собственно бытъ фабричныхъ рабочихъ не составляетъ здѣсь главнаго и затрогивается только эпизодически, въ видѣ отдѣльныхъ примѣровъ крайняго униженія и несправедливости. Но Реймонтъ имѣлъ, конечно, полное право изслѣдовать преимущественно среду самихъ представителей промышленнаго капитализма и ихъ ближайшихъ помощниковъ. Выборъ среды совершенно зависитъ отъ автора, лишь бы она была изслѣдована глубоко и результаты изслѣдованія представлены были наглядно и сильно. А эта задача исполнена Реймонтомъ блестящимъ образомъ.

Въ неоконченномъ еще, большомъ романѣ: „Крестьяне“ [1]), тотъ же авторъ вводитъ насъ въ совсѣмъ иную среду, такую, которая ему лично сочувственна. Это сказывается, прежде всего, въ томъ, что въ разсказѣ своемъ онъ самъ усвоиваетъ себѣ языкъ ея, которымъ владѣетъ свободно. Но при этомъ встрѣчаются все-таки диссонансы, такъ какъ въ излюбленныхъ имъ и иногда слишкомъ обширныхъ описательныхъ картинахъ ему все-таки приходится вставлять слова, совершенно чуждыя народному лексикону. Впрочемъ, лексиконъ этотъ богатый, и, напр., описаніе полунощнаго богослуженія на Рождествѣ (pasterka) много выиграло отъ народнаго языка въ непосредственности впечатлѣнія.

Вообще о живописныхъ пріемахъ, какъ Реймонта, такъ и Жеромскаго, надо сказать, что въ ихъ описаніяхъ бываютъ страницы, полныя поэзіи, дѣйствительно увлекательныя. Правда, иногда авторы ужъ слишкомъ произвольно одухотворяютъ явленія природы, игру свѣта, красокъ и тѣней, смыслъ птичьяго полета, чиликанья или крика. Чувствуешь порою, что этого, такъ называемаго, импрессіонизма слишкомъ много, что для лейтмотива послѣдующей сцены отведено чуть ли не болѣе мѣста, чѣмъ для нея самой. Но вдругъ попадается опять страница, отъ которой нельзя оторваться,—такъ она красива. Понятно, что въ переводѣ теряется, по меньшей мѣрѣ, половина этой красоты, такъ какъ переводчикъ уже не бываетъ такимъ же мастеромъ слова. Лучше всѣхъ удаются обоимъ авторамъ именно тѣ описательныя страницы, въ которыхъ не замѣтно намѣренія дать „стихотвореніе въ прозѣ“,—жанръ, что бы тамъ ни говорили, дѣланный, потому что при немъ прозаикъ невольно впадаетъ въ нѣкоторую ритмичность, въ нѣчто недалекое отъ присказки нараспѣвъ.

Такъ какъ романъ „Крестьяне“ еще не конченъ, то мысль

[1]) „Chłopi“, 1894. Вышли только два тома.

его еще не уяснилась вполнѣ. Это опять настоящій эпосъ—крестьянскаго быта въ Польшѣ, въ самой коренной, мазовецкой ея части, той, впрочемъ, которая находится подъ властью русскихъ учрежденій. Мы видимъ и фактическое безправіе крестьянъ, и недовѣріе ихъ къ „обширникамъ“, то-есть крупнымъ землевладѣльцамъ, и аграрныя стремленія.

„— Ужъ я говорю правду... даже въ газетѣ написано, стоитъ какъ волъ. Не такъ-то живутъ на свѣтѣ люди, какъ у насъ, нѣтъ! У насъ что? Помѣщикъ тебѣ панъ, ксендзъ тебѣ панъ и чиновникъ тебѣ панъ... А ты только роби, морись голодомъ да каждому низко кланяйся, чтобы еще по башкѣ тебѣ не попало...

— А земли-то много ли, скоро и по одному загону на человѣка не хватитъ.

— А у дѣдича [1]), у него одного, больше чѣмъ цѣлыя двѣ деревни вмѣстѣ...

— Вчера при судѣ [2]) сказывали, будетъ новый надѣлъ грунтовъ, отъ дѣдичей отпишутъ.

— Ага, какъ же! Вы что-ли дѣдичамъ-то жаловали, а теперь отбирать будете? Вотъ уже чужое разбираютъ...

— Да еще пишутъ, тамъ крестьяне и управляются-то сами во всемъ, и всѣ учатся въ школахъ, и живутъ панами въ своихъ дворахъ.

— А гдѣ же это?

— Въ теплыхъ краяхъ.

— Что жъ ты, кузнецъ, самъ туда не поѣхалъ? — спросила злая баба Ягустинка [3]).—Въ сажѣ весь и вретъ какъ старый песъ, а вы слушаете.

— Говорю вамъ, Ягустинка, по добротѣ — идите вы себѣ, откуда пришли.

— А не пойду! Корчма для всѣхъ, за свои три гроша и я тутъ не хуже тебя... Скажите! Учитель какой, самъ-то жидамъ прислуживается, съ чиновниками нюхается, а передъ дѣдичемъ за полверсты шапку ломаетъ. Ужъ я про тебя, брехунъ ты, кое-что знаю...

Но она не кончила, потому что кузнецъ схватилъ ее подъ ребра, толкнулъ дверь ногой и выбросилъ бабу вонъ, такъ что она растянулась... Вставъ, она не начала ругаться, но сказала весело:

---

[1]) Буквально, „наслѣдникъ“, но такъ называютъ помѣщика.

[2]) Т.-е. среди присутствовавшихъ въ гминномъ судѣ.

[3]) Августина.

— Здоровъ, подлецъ, какъ конь; вотъ бы мнѣ пригодился въ мужья.—И среди хохота она вышла, бормоча бранныя слова про себя".

Но къ концу перваго же тома разсказъ начинаетъ сводиться, главнымъ образомъ, къ любовной драмѣ. Молодецъ Антекъ, женатый сынъ богатаго вдовца Борыны водится съ красавицей Ягной [1]), за которой, впрочемъ, ухаживаетъ не онъ первый. Ягну мать хочетъ выдать поскорѣе замужъ, такъ какъ ее ужъ взяли на языки, и придумываетъ выдать ее за самого старика Борыну. А у того, какъ разъ, обостряются отношенія со взрослыми дѣтьми, которыя находятъ, что старику пора на покой и слѣдуетъ сдать хозяйство имъ или выдѣлить ихъ. Но Борына, доселѣ державшій всѣхъ въ крѣпкихъ рукахъ, знаетъ, что̀ такое милостивый хлѣбъ, для родителей отдавшихъ землю дѣтямъ, какъ сдѣлала Ягустинка, которую теперь дѣти корятъ, что она еще не издохла, а то и на глаза не пускаютъ.

Изъ своихъ тринадцати морговъ [2]) Борына при жизни не дастъ дѣтямъ ни одного. Но раздоры по этому случаю дѣлаютъ то, что въ хозяйствѣ нѣтъ уже необходимаго послушанія. Антку нельзя слова сказать, онъ на все огрызается; зять-кузнецъ все напоминаетъ о выдачѣ приданаго, а пока выпрашиваетъ себѣ то теленка, то что̀ иное. Даже Витекъ, привезенный изъ Варшавы найденышъ-мальчишка, и тотъ, когда хозяинъ сильно выпоролъ его ременнымъ поясомъ, не идетъ потомъ на первый его зовъ, а убѣгаетъ съ отзывомъ:—„Какъ бы не такъ! Поцѣлуйте меня куда слѣдуетъ".

Какъ разъ въ это время подвертывается осторожное, но прозрачное внушеніе матери Ягны, что за такого хозяина пошла бы каждая дѣвка. А Борына крѣпокъ еще, силенъ, вотъ какіе мѣшки на спину подымаетъ. Однако, между Антькомъ и Ягной—не простые амуры, но настоящая страсть. И вотъ каково Антку, что на его возлюбленной женится его же отецъ... У нихъ и дѣти могутъ быть, и земли придется менѣе, и о выдѣлѣ теперь уже нечего думать, да и Ягну онъ теряетъ. Она ему измѣняетъ, продается отцу.

Между сыномъ и отцомъ разгорается вражда, дѣло доходитъ до драки, потомъ до поджога. Наконецъ, Ягна не можетъ устоять противъ страсти, которая ее совершенно обезсиливаетъ при встрѣчѣ съ Антькомъ. Ягна отдается ему, а отецъ накрываетъ

---

[1]) Агнеса.

[2]) Моргъ—около $^1/_2$ десятины.

ихъ при одномъ свиданіи въ сараѣ, запираетъ его и поджигаетъ, а самъ ждетъ съ вилами въ рукахъ. Но они спасаются сквозь разобранныя доски.

Съ необыкновенной силой и съ неумолимой реальностью написаны какъ эти сцены, такъ и картины разныхъ крестьянскихъ собраній, посидѣлокъ и, наконецъ, бунта для обороны проданнаго помѣщикомъ лѣса. Въ дракѣ, настоящей битвѣ крестьянъ съ дворовой прислугой и сосѣдними крестьянами, пришедшими въ помощь помѣщику, Борына, раненый, былъ бы убитъ, какъ убитъ силачъ Матеушъ. Но Борынѣ спасаетъ жизнь другой силачъ. Это—Антекъ. На этомъ разсказъ останавливается. Романъ „Крестьяне“ на русскій языкъ пока не переводится,—конечно, по трудности передать тотъ крестьянскій языкъ, которымъ онъ написанъ.

Хотя еще и нельзя окончательно опредѣлить, что хотѣлъ въ немъ сказать авторъ, однако и теперь можно констатировать, что къ деревнѣ онъ отнесся съ нѣкоторой любовью. Это не скопъ спекулянтовъ, какъ въ Лодзи. Какъ тамъ авторъ мало касался рабочихъ, такъ здѣсь оставилъ совершенно въ сторонѣ землевладѣльцевъ. Однако, связанный съ народомъ кровною симпатіей, Реймонтъ не только не идеализируетъ его, но показываетъ во всей грубости и даже звѣрствѣ. Наиболѣе чистые въ этой средѣ люди, какъ работникъ Куба [1]), нелюбимая жена Антка, найденышъ Витекъ: это—загнанныя существа, живущія въ безвыходной эксплоатаціи. Крестьянинъ жаденъ на землю, какъ на богатство и власть. Это безпардонный собственникъ, совершенный буржуа по духу, если только онъ — хозяинъ. Намекъ на возможныхъ реформаторовъ этой среды встрѣчается развѣ въ странникѣ Рохѣ, который обучаетъ дѣтей, а крестьянъ наставляетъ все больше отъ божественнаго. Но онъ совсѣмъ ушелъ въ это божественное, да еще дополняетъ его фантазіею, къ которой даже Борына и Ягустинка относятся скептически. Настоящихъ реформаторовъ пока не видно. А вотъ агитаторы—тѣ есть, и вліяніе ихъ отражается на деревнѣ, и въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ.

V.

Полную противоположность Реймонту составляетъ другой изъ наиболѣе видныхъ представителей новѣйшаго польскаго романа—

[1]) Яковъ.

Жеромскій, хотя и онъ ищетъ пути выхода изъ среды, порабощающей человѣка и посягающей на его душу, на все, что человѣка возвышаетъ надъ другими общежительными тварями. Но уголъ зрѣнія и настроеніе обоихъ авторовъ совершенно различны. Реймонтъ объективенъ, какъ настоящій реалистъ, только отбросившій готовыя прописи позитивной школы. Какъ отрицательно онъ ни относится къ той или другой описываемой средѣ, все-таки его болѣе интересуетъ самая эта среда, чѣмъ тѣ единичные люди, которые отъ нея терпятъ. Актерскій и захолустный міры—болѣе, чѣмъ Янка, громадная промышленная берлога—гораздо болѣе, чѣмъ Боровецкій, а особенно чѣмъ идеалистъ Высоцкій. Его главные герои и не гибнутъ окончательно именно потому, что онъ вовсе не хочетъ разжалобить надъ ними читателя.

Жеромскій, наоборотъ, въ высшей степени субъективенъ и впечатлителенъ. Это поэтъ скорби надъ человѣкомъ, поставленнымъ въ условія, которыя не соотвѣтствуютъ врожденнымъ и воспитаннымъ въ немъ стремленіямъ. Несчастье человѣка—не въ томъ только, что онъ долженъ дѣйствовать въ такой-то средѣ, но прежде всего въ томъ, что онъ родился на землѣ, подъ закономъ борьбы за существованіе, между тѣмъ какъ все, что въ немъ есть именно человѣческаго, все высшее, скажемъ—душа, отрицаетъ эту борьбу, отвергаетъ зло и возмущается смертью.

Еслибы нашлась такая среда, оказались такія условія, въ которыхъ человѣкъ могъ бы найти личное счастье, то и это было бы обманомъ, потому что личнаго счастья не можетъ и не должно быть, когда вокругъ себя онъ видитъ страданія, когда даже труда своего на пользу общую онъ не можетъ исполнять съ какой-либо надеждой на успѣхъ. А между тѣмъ исполнять этотъ трудъ онъ все-таки обязанъ,—таково его внутреннее призваніе, такъ ему велитъ душа, таково его сознаніе человѣческаго достоинства.

Поэтому, Жеромскаго интересуетъ не столько изображаемая среда, сколько именно личная трагедія человѣка, одушевленнаго этимъ сознаніемъ и безсильнаго, и, тѣмъ не менѣе, призваннаго передѣлывать людской міръ. Отсюда, понятно, всѣ лучшіе люди у Жеромскаго или гибнутъ, или остаются глубоко несчастными.

Какъ назвать такое направленіе писателя? Это—пессимизмъ. Конечно, но почему же въ немъ столько любви? Идеализмъ? Хорошо, но во имя какихъ же идеаловъ? Во имя блага человѣчества... Вотъ позитивистская цѣль. Но вѣдь позитивизмъ исключаетъ идеалъ—чувствительность и самопожертвованіе, а все, и самый альтруизмъ, основываетъ на разумно понимаемой общей

пользѣ. А Жеромскій въ самую эту пользу не вѣритъ. Онъ сознаетъ только чувство и долгъ, призваніе, какъ внутренній законъ, безъ надежды на успѣхъ, какъ и безъ надежды на вознагражденіе въ будущей жизни.

Его врачъ—Юдимъ въ „Безпріютныхъ людяхъ“ [1]) и журналистъ Радускій въ „Лучѣ“ [2]) постоянно, даже въ мелочахъ, повинуются высокому призванію человѣка, но не потому, что они какіе-нибудь педанты, или что авторъ дѣлаетъ изъ нихъ манекеновъ направленія, а просто по той причинѣ, что въ нихъ много жалости ко всякой обидѣ и страданію и неудержимаго возмущенія противъ насилія и лжи. Радускій, получивъ неожиданно около 20-ти тысячъ въ наслѣдство по дядѣ, удаляется съ широкаго свѣта въ подупавшій губернскій городишка Лжавецъ, чтобы послужить тамъ, на родинѣ, своимъ образованіемъ, знакомствомъ съ разными заимствованными съ Запада начинаніями на пользу нуждающагося люда.

Все, что онъ видѣлъ на желѣзныхъ дорогахъ и въ родномъ городѣ, представляетъ, во всѣхъ частностяхъ, отъ пустяковъ до случаевъ, рѣшающихъ судьбу людей, сплошное торжество грубой силы, успѣхъ пошлости и преобладаніе въ людяхъ стороны животной.

— Иначе и быть не можетъ,—поучаетъ бывшій школьный товарищъ, преуспѣвающій адвокатъ Кошчицкій,— потому что самая природа человѣка—злая и подлая. Стало быть, уменъ тотъ, кто не только рѣшается жить по-волчьи съ волками, но еще умѣетъ раздобыть себѣ на нихъ же и шубу, и кормъ. А глупъ тотъ, кто въ жизни продолжаетъ мечтать, какъ прежде въ школѣ, и обращается въ человѣка бумажнаго, которому въ реальной жизни нѣтъ мѣста. „Ну, пусть—геній! Тотъ, если дѣйствуетъ въ какой-нибудь необыкновенной, высшей области, то еще имѣетъ право хвалиться вашими бумажными добродѣтелями, не изъ-за нихъ, конечно, а за то, что онъ все-таки создаетъ разное, такое, чѣмъ живутъ сотни и тысячи людей“.

Оказывается, что одинъ общій ихъ товарищъ уже пробовалъ счастья въ Лжавцѣ, также какъ адвокатъ, поидеальничалъ, а потому пропалъ, даже и померъ. Радускій чувствуетъ только отвращеніе къ этой житейской морали, да и ко всему, что процвѣтаетъ въ Лжавцѣ. Возобновивъ пріостановившуюся газету, Радускій сталъ помѣщать въ ней статьи по соціальнымъ вопро-

---

[1]) „Ludzie bezdomni“, 1900.

[2]) „Promień“, 1904.

самъ, корреспонденціи о кустарныхъ промыслахъ, о положеніи сельскихъ рабочихъ и т. п., и хотя заинтересовалъ нѣкоторую группу губернскаго общества, но все-таки долженъ былъ приплачивать на расходы около тысячи рублей въ мѣсяцъ изъ своего капитала.

Редакторъ другой, давно существовавшей газеты старался вредить ему намеками на анти-религіозность его направленія, а потомъ сталъ входить въ сдѣлки съ типографіями, которыхъ было всего три, чтобы прекратить изданіе конкуррента. Близкаго себѣ по убѣжденіямъ человѣка Радускій нашелъ въ докторѣ Поземскомъ, который лечилъ преимущественно бѣдный людъ и отъ одного изъ даровыхъ паціентовъ, поденьщика, снимавшаго кожи съ падали, заразился сапомъ, отъ котораго и умираетъ. Радускій, ухаживая за больнымъ, влюбился въ его жену, но молчалъ про свою любовь. Когда же оказалось, что Поземская заразилась отъ мужа его болѣзнью, то развязка получается въ самоубійствѣ этой женщины. А Радускій беретъ на воспитаніе ея малолѣтнюю дочь и еще одну дѣвочку-сироту того поденьщика, отъ котораго заразился докторъ. И газету свою продолжаетъ издавать, несмотря на предложеніе конкуррента купить ее и на всякія встрѣчаемыя затрудненія.

Большое сходство съ героемъ „Луча“ представляетъ врачъ Юдимъ, съ которымъ мы знакомимся въ „Безпріютныхъ людяхъ“. Юдимъ вышелъ изъ ремесленной семьи, жившей въ Варшавѣ въ грязномъ домѣ, на грязной улицѣ, какъ продолжаютъ жить его братъ съ женой. Юдима, мальчикомъ, взяла къ себѣ тетка, которая была когда-то жившей въ роскоши куртизанкой. Подъ старость, она держала квартиру, служившую для свиданій и для карточной игры. Посѣтивъ однажды родныхъ, она взяла къ себѣ понравившагося ей мальчика, но присоединила его къ своей прислугѣ. На Юдима сыпались колотушки со всѣхъ сторонъ. Однако тетка помѣстила къ себѣ студента, который приготовилъ мальчика въ гимназію. Но одѣвала она племянника плохо. Онъ натерпѣлся холода и приготовлять уроки ему было трудно, такъ какъ онъ былъ постоянно на посылкахъ, да и съ книжкой долженъ былъ примащиваться въ кухнѣ или въ какомъ-нибудь углу. Будучи въ пятомъ классѣ, онъ сбѣжалъ отъ тетки, нанимался въ работу, подготовлялъ уроками товарищей, жилъ въ нищетѣ. Такъ онъ провелъ гимназическіе и университетскіе годы и наконецъ добрался до диплома.

Читатель однако впервые знакомится съ нимъ въ совсѣмъ иной обстановкѣ, а именно въ той залѣ Лувра, гдѣ стоитъ ста-

туя Венеры Милосской. Юдимъ уже годъ въ Парижѣ, учится въ клиникахъ и случайно забрелъ въ галерею, спасаясь отъ страшной жары, какая бываетъ въ Парижѣ и особенно пылаетъ вдоль каменной стѣны Лувра, выходящей на Сену. Онъ сидѣлъ задумчиво передъ чуднымъ произведеніемъ Скопаса, и вдругъ услышалъ польскій разговоръ.

Это были четыре дамы: двѣ почти еще дѣвочки, старушка и шедшая рядомъ съ ней дѣвушка лѣтъ двадцати съ чѣмъ-нибудь, замѣчательно красивая брюнетка съ голубыми глазами, которая потомъ подошла къ статуѣ ближе, положила руки на плюшевомъ шнурѣ, отдѣляющемъ статую, и вглядывалась въ нее съ жадностью, какъ будто хотѣла поглотить этотъ образъ и унести его съ собой. Старушка уже бывала въ Луврѣ въ прежніе годы и хотѣла показать внучкамъ и ихъ учительницѣ Амура и Психею Кановы, но не знала, гдѣ ихъ найти. Докторъ подошелъ, поклонился со свойственной ему неловкостью и предложилъ провести ихъ, причемъ назвалъ свое имя и профессію.

Когда старая дама спросила, не изъ тѣхъ ли онъ Юдимовъ, которыхъ она знала въ Волыни, разумѣется, помѣщиковъ, то докторъ отвѣчалъ, что онъ — изъ Варшавы и притомъ изъ самыхъ простыхъ Юдимовъ.

— То-есть, почему же?

— Мой отецъ былъ сапожникъ и вдобавокъ плохой сапожникъ, на Теплой улицѣ.— Этимъ онъ хотѣлъ сразу освободиться отъ тѣхъ утонченностей въ обращеніи, въ знаніи которыхъ онъ не былъ увѣренъ. Наступило молчаніе. Но когда они уже прошли черезъ дворъ въ другое зданіе, старая г-жа Невадзкая, обратилась къ нему въ тонѣ, подражавшемъ любезности:

— Вы такъ рѣзко упомянули о занятіи вашего отца, что пристыдили меня. Не подумайте, пожалуйста, что, спрашивая о родственныхъ связяхъ, я хотѣла сдѣлать вамъ непріятность. Просто—привычка старой бабы, которая знавала много людей.

— А что дѣлалъ вашъ отецъ,— спросила младшая изъ барышенъ:—дамскую обувь или мужскіе сапоги?

— Больше башмаки, но и тѣ только въ трезвыхъ интервалахъ, а чаще всего онъ дѣлалъ скандалы.

— Такъ какимъ же чудомъ вы стали врачомъ, да еще гдѣ—въ Парижѣ?—Учительница покраснѣла отъ стыда на такой вопросъ своей ученицы, но г-жа Невадзкая сгладила все это, замѣтивъ Юдиму, что, сколько она ни видѣла людей, ей еще не случалось слышать, чтобы кто-нибудь такъ оригинально рекомендовался, и говорила это въ смыслѣ одобренія правдивости своего

собесѣдника. Тогда Юдимъ спросилъ брюнетку, какое на нее сдѣлала впечатлѣніе Венера Милосская.

— Какъ она хороша и какъ естественна! Еслибы я жила въ Парижѣ, то приходила бы къ ней... ну, не милліонъ разъ, а каждую недѣлю, чтобы насмотрѣться. Греки вообще создали себѣ такой чудесный міръ боговъ... Гёте...

При этомъ имени Юдиму сдѣлалось опять неловко, потому что изъ Гёте онъ только что-то и притомъ когда-то читалъ.

Но о Гёте ничего больше не было сказано, такъ какъ они уже подошли къ группѣ Кановы. Юдиму было жалко, что его роль провожатаго кончилась и слѣдовало уходить.

А между тѣмъ, для него это былъ новый моментъ въ жизни и какъ бы дополнительный патентъ на равноправность, потому что ему еще не случалось бывать въ обществѣ такихъ женщинъ. Будучи гимназистомъ и студентомъ, онъ иногда завидовалъ тѣмъ лакеямъ, которые имѣли право смотрѣть на нихъ вблизи, обращаться къ нимъ. Онъ же видывалъ ихъ только мелькомъ на улицѣ, въ экипажахъ, и онѣ казались ему скорѣе цвѣтами, выросшими въ недоступномъ саду, чѣмъ обыкновенными существами.

Однако обстоятельства сложились такъ, что Юдиму пришлось еще быть провожатымъ этихъ дамъ въ Версалѣ и въ Сенъ-Клу. Они ближе познакомились, и онъ узналъ имена барышенъ, Натальи и Ванды Оршенскихъ, ихъ учительницы Іоанны Подборской и бабушки Невадзкой. Онѣ сразу сдѣлались близкими его духу изяществомъ своей природы, мысли, языка и движеній, даже туалета. Тѣ женщины, среди которыхъ онъ выросъ, были совсѣмъ иныя, слишкомъ похожія на мужчинъ своей грубостью и инстинктами.

На другой день послѣ поѣздки, новыя знакомыя Юдима отправились въ Трувилль.

Возвратясь въ Варшаву, Юдимъ разыскалъ своего брата и невѣстку, которые оба работали на фабрикахъ, племянниковъ, другую свою тетку, жившую въ бѣдности, окунулся опять въ давній міръ нужды и недовольства, наслушался попрековъ за то, что онъ въ господа произошелъ, насмотрѣлся прежняго горя. Да и самъ скоро попалъ въ нужду. Онъ нанялъ и меблировалъ „докторскую“ квартиру, прибилъ къ дверямъ дощечку. Но паціенты не являлись, такъ какъ онъ былъ неизвѣстенъ. Юдимъ попробовалъ сблизиться съ нѣкоторыми собратами, но былъ такъ безтактенъ, что, приглашенный принять участіе въ кружкѣ врачей, гдѣ читались рефераты, выступилъ тамъ съ изслѣдованіемъ о санитарномъ состояніи городовъ и гигіенѣ рабочихъ массъ. Въ

этомъ изслѣдованіи онъ приходилъ къ выводу, что ничего существеннаго для гигіены рабочихъ массъ не дѣлается потому, что самое положеніе врачей принуждаетъ ихъ быть только врачами для богатыхъ классовъ.

Вѣжливо, но очень саркастически отнеслось собраніе къ этому притязанію на нравоучительность и реформаторство; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ученые спеціалисты усмотрѣли даже прямое безвкусіе—какой-то лиризмъ въ научномъ рефератѣ. Послѣдствіемъ было то, что никто изъ врачей не помогъ фантазёру и непрошенному реформатору обзавестись хоть какой-нибудь практикой. Издержавъ остальныя сбереженія, Юдимъ долженъ былъ принять мѣсто помощника врача въ курортѣ Цисахъ. А курортъ этотъ былъ основанъ умершимъ мужемъ той старушки Невадзкой, съ которой докторъ познакомился въ Парижѣ. Лечебное заведеніе находилось въ большомъ паркѣ Невадзкихъ, который служилъ и паркомъ для пріѣзжихъ.

Парижское знакомство возобновилось, и Юдимъ полюбилъ ту брюнетку, Іоасю Подборскую, учительницу, которая сопровождала Невадзкую, съ ея внучками, въ Парижѣ. Ее мы узнаемъ близко по ея дневнику, помѣщенному въ романѣ. Дневникъ этотъ занимаетъ, относительно, слишкомъ много мѣста, но онъ веденъ такъ непосредственно, просто, откровенно и умно, что читатель выноситъ изъ него совершенно живое представленіе о развитой и въ высшей степени симпатичной дѣвушкѣ, и по одному этому дневнику долженъ признать Жеромскаго писателемъ, одареннымъ большой интуиціей. Этотъ дневникъ могъ быть написанъ только самой Іоасей или большимъ художникомъ, умѣющимъ соблюдать правду въ каждомъ помышленіи создаваемаго типа и въ каждомъ выраженіи даннаго лица.

Объясненіе между Юдимомъ и Іоасей происходитъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ Юдимъ долженъ разстаться со своей должностью. Пока реформаторская его дѣятельность ограничивалась лечебницей, устроенной для бѣднаго люда, старшій врачъ и администраторъ курорта только пожимали плечами. Но когда Юдимъ потребовалъ засыпки пруда и канала, распространявшихъ міазмы, они въ этомъ рѣшительно отказали. Оба они были старики, и доказательства Юдима не убѣждали ихъ именно по той причинѣ, что онъ былъ молодъ, а хотѣлъ быть умнѣе ихъ. По увѣренію Юдима, не слѣдовало печатать въ объявленіяхъ о курортѣ, что тамъ могутъ найти пользу больные, страдающіе лихорадкой или болѣзнями дыхательныхъ органовъ, когда прудъ и каналъ поддерживали сырость во всей окрестности, а

въ бассейнѣ, куда спускалась лишняя вода, происходило гніеніе, заражавшее воздухъ. Сама Невадзкая не входила въ дѣла курорта, полагаясь совершенно на администрацію.

Послѣ крупнаго столкновенія со старшимъ врачомъ и съ управляющимъ, Юдимъ выѣхалъ по желѣзной дорогѣ, самъ не зная, гдѣ остановится. Но на поѣздѣ онъ встрѣтился съ инженеромъ Коржецкимъ, съ которымъ, два года передъ тѣмъ, объѣзжалъ Швейцарію. По рекомендаціи Коржецкаго, Юдимъ получилъ мѣсто врача при рудникахъ въ Сосновицахъ. Тамъ, и въ условіяхъ самаго труда людей, и въ массѣ ихъ, на которую приходилось слишкомъ мало врачебныхъ силъ и средствъ, и въ бѣдности рудокоповъ, наконецъ въ огромныхъ ямахъ, наполненныхъ грязной, стоячей водой, было много такого, съ чѣмъ еще труднѣе было бороться, чѣмъ въ Цисахъ. Оставалось развѣ оказывать людямъ помощь по мѣрѣ возможности. Однако Юдимъ не терялъ надежды исправить санитарное состояніе, сдѣлать леченіе доступнѣе, отвести воду и засыпать ямы. Онъ разсчитывалъ на помощь Коржецкаго, который понималъ и любилъ его, прямо въ немъ нуждался, какъ въ человѣкѣ, который зналъ его психическое состояніе, и врачѣ, которому онъ довѣрялъ. Это былъ человѣкъ съ сильно потрясенной нервной системой. Его постояннымъ кошмаромъ было опасеніе смерти. То-есть, не страхъ передъ нею, когда она придетъ, нисколько! Но—вѣчное опасеніе, что она идетъ и, вотъ-вотъ, его схватитъ.

Коржецкій былъ хорошъ съ главнымъ инженеромъ, управлявшимъ рудниками, и на его-то содѣйствіе Юдимъ могъ разсчитывать. Но произошелъ случайный кризисъ, который уменьшилъ вѣроятность успѣха, а именно—Коржецкій застрѣлился. А въ это время Юдимъ долженъ былъ увидѣться съ своей невѣстой. Онъ былъ сильно разстроенъ смертью Коржецкаго. А Іося явилась, полная вѣры въ недалекое уже счастье. При свиданіи, ее, однако, удивило, что Юдимъ тотчасъ согласился показать ей рудники, вмѣсто того, чтобы отложить это и воспользоваться всѣмъ временемъ ея посѣщенія, чтобы наговориться объ ожидавшей ихъ жизни.

Осмотрѣвъ рудники, она уже было-начала объ этомъ. Говорила, какъ она будетъ рада служить ему фельдшерицей, какъ они устроятся скромно, какъ будутъ вмѣстѣ работать и какъ будетъ хорошо.

„— А что жъ мы сдѣлаемъ съ тѣми гнилыми хижинами, которыя я тебѣ показывалъ, и съ людьми, которые въ нихъ жи—

вутъ?—спросилъ Юдимъ, смотря на нее мутными, какъ бы невидящими ее глазами.

— Съ ними? Не понимаю.

— Я долженъ развалить эти норы... Скажу тебѣ все, хотя для меня это тяжелѣе смерти... Я такъ тебя люблю, и никогда не думалъ, что съ человѣкомъ можетъ сдѣлаться нѣчто подобное... Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, какъ я увидалъ все это, во мнѣ что-то горитъ.

— Боже, какое у тебя лицо!

— Видишь, дитя мое... Я вѣдь самъ—изъ этой черни, изъ этой послѣдней голытьбы. Ты не имѣешь и понятія—что такое эта чернь. Не можешь даже далекимъ предчувствіемъ обнять того, что у нея на сердцѣ. Ты—изъ иной касты. А тотъ, кто самъ вышелъ оттуда, кто все это пережилъ, тотъ ее знаетъ... Здѣсь люди помираютъ на тридцатомъ году жизни, потому что они уже состарѣлись. А дѣти ихъ, это—идіоты.

— Но какое же отношеніе это имѣетъ къ намъ?

— Да на комъ же будетъ отвѣтственность за все это? На мнѣ. Я отвѣчаю передъ своимъ духомъ, который кричитъ во мнѣ: ты не долженъ допускать этого! На мнѣ лежитъ этотъ долгъ проклятый. Мнѣ дано было что нужно, я обязанъ отплатить... Не могу имѣть ни отца, ни матери, ни жены, ничего любимаго, пока эти кошмары не исчезнутъ съ лица земли. Я долженъ отречься отъ счастья, долженъ быть одинъ.

„Послѣ этого они шли долго, долго въ молчаніи. Наконецъ, присѣли подъ деревомъ, все молча. Юдимъ прислонился головой къ ея плечу. При этомъ онъ услышалъ ея одинокій плачъ предъ лицомъ Божіимъ. Онъ не поднялъ головы. Прошло еще время, и тихимъ голосомъ, сквозь слезы, она произнесла:—„Помоги тебѣ Богъ“. — Тогда онъ взглянулъ на нее; она была блѣдна какъ гипсъ. Вскорѣ Юдимъ потерялъ ее изъ вида“.

VI.

Вполнѣ ли это правдоподобно и даже возможно ли? Не будемъ ставить такого вопроса Жеромскому, потому что онъ вовсе и не ожидаетъ, что отказываться отъ счастья эгоистическаго когда-нибудь будутъ не только всѣ люди, но хотя бы многіе. Онъ не имѣетъ такой надежды, и полагаетъ скорѣе, что всякое зло, страданіе, несправедливость останутся навсегда, какъ навсегда останется смерть. А когда есть смерть, то можетъ ли быть въ самомъ дѣлѣ счастливымъ и здоровый человѣкъ?!

Жеромскій только *хочетъ*, чтобы человѣкъ поступалъ такъ, какъ поступили Радускій, Поземскій, Юдимъ. Только въ такомъ человѣкѣ, у котораго вѣчная, преобладающая мысль—страданія ближнихъ, обязанность помогать имъ, долгъ—бороться со зломъ, хотя бы безъ надежды,—только въ томъ, кто не можетъ удовольствоваться благополучіемъ для себя одного,—только въ такомъ-то пессимистѣ или, если угодно, сумасбродѣ, онъ и видитъ истиннаго человѣка.

Такова натура автора, и можно быть трезвѣе его, покорнѣе, но нельзя его не любить. Вотъ въ чемъ особая сила и очарованіе этого писателя. Своимъ героямъ онъ присвоиваетъ свою личную, безнадежную, но вполнѣ опредѣленную думу—заповѣдь. И потому, тѣ изъ нихъ, которые пребываютъ ей вѣрны до конца, другъ на друга похожи. Это, въ сущности, одинъ типъ, такъ какъ они вышли изъ одной мысли или, вѣрнѣе, изъ одной потребности души.

Но Жеромскій не проповѣдуетъ, именно потому, что не вѣритъ въ возможность благополучія для всѣхъ, а стало быть, и личнаго благополучія для „настоящаго“ человѣка. Встрѣчается у Жеромскаго и такая разновидность типа, какъ человѣкъ, шедшій тѣмъ же путемъ избранныхъ, но смирившійся передъ препятствіями, уставшій и опошлѣвшій. Таковъ докторъ Обарецкій въ разсказѣ „Силачка“ [1]). Опять—докторъ; такова ужъ среда наблюденій. Въ эпоху, когда „шли въ народъ“, онъ также поселился въ дрянномъ мѣстечкѣ и началъ исполнять миссію. Но жить было такъ неудобно, что врачъ скоро утомился, и уже предвидитъ возможность соглашенія съ аптекаремъ, который не хотѣлъ отпускать лекарствъ бѣднякамъ даромъ. Прежде докторъ завелъ-было себѣ домашнюю аптеку и лечилъ ихъ на свой счетъ. Но не вытерпѣлъ, сталъ проводить вечера за винтомъ, и сознаетъ, что вскорѣ долженъ состояться компромиссъ въ видѣ длинныхъ рецептовъ отъ него и дорогихъ счетовъ отъ аптекаря.

Но, вотъ, за нимъ пріѣзжаютъ сани изъ близкой деревни—заболѣла учительница. Когда-то, еще студентомъ, онъ изъ далекихъ пунктовъ Варшавы каждый день бѣгалъ, въ извѣстный часъ, въ Саксонскій садъ, чтобы только взглянуть на совсѣмъ молоденькую дѣвушку, которая всегда въ ту пору проходила съ тетрадками. Потомъ познакомился съ этимъ недосягаемымъ идеаломъ въ домѣ нѣкоего позитивиста, женатаго на дарвинисткѣ, которой дѣвушка оказалась пріятельницей. И она, эта Стася,

[1]) „Opowiadania“, 1896.

также пошла въ народъ учительницей. Теперь въ деревнѣ, глухой зимой, онъ застаетъ ее въ холодной избѣ, гдѣ нестерпимо дуетъ отъ оконъ, застаетъ ее—въ тифѣ, безъ памяти. Она жила тутъ уже третій годъ—такая сила! Книжки были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ.

„Ахъ, глупая ты, глупая... сумасшедшая!—думалъ онъ.—Развѣ такъ жить можно? Да и не стоитъ. Жизнь не можетъ быть однимъ подвигомъ. Не позволятъ идіоты, а еслибы ты и устояла противъ нихъ, то тебя-то саму прежде всѣхъ и убьетъ смерть, за то что ты такая хорошая, такая дорогая“...

Не было ни антипирина, ни хинина. Онъ хотѣлъ послать въ городъ, обѣщая все, что̀ спросятъ, лишь бы скорѣе; но во второй разъ, да еще въ метель, никто не хотѣлъ ѣхать. Обарецкій, разыскавъ солтыса [1]), добился наконецъ, что ему были даны лошади, но, возвратясь изъ города съ лекарствами и припасами, онъ засталъ трупъ, который бабы уже обмывали.

Когда ее одѣли и уложили, Обарецкій наклонился надъ умершей. „Въ немъ заговорили глубокое поклоненіе, разумѣніе, усердное вникновеніе въ нее, великое передъ нею смиреніе. Еслибы онъ тамъ остался хоть часъ, то дошелъ бы до той вершины, на которой властвуетъ безуміе. Его охватывалъ страхъ за самого себя, и онъ чувствовалъ, что надо скорѣй бѣжать. Почтивъ покойную въ мысли самыми красивыми словами, данью пустыхъ сердецъ величію, докторъ выскочилъ въ сѣни. Нѣкоторое время онъ оставался подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ, читалъ въ свободные часы „Божественную Комедію“ Данте, даже не игралъ въ винтъ. Но постепенно успокоился. А теперь онъ уже накопилъ денегъ и растолстѣлъ“.

Повторимъ, что излюбленные имъ типы самоотверженниковъ Жеромскій рисуетъ по влеченію, но не въ назиданіе. Назиданіе представлялось бы несогласнымъ съ его пессимизмомъ. Въ отличіе отъ позитивистовъ, онъ хотя и считаетъ высшимъ призваніемъ борьбу со зломъ и помощь страждущимъ, но не вѣритъ въ такую эволюцію, которая могла бы осуществить общее благополучіе. Онъ—писатель скорѣе лирическій, чѣмъ тенденціозный. Тѣмъ не менѣе, описывая господство зла и несправедливости со всѣмъ увлеченіемъ своей впечатлительной души, онъ, помимо воли, все-таки является фактически борцомъ противъ существующихъ условій.

Но еслибы Жеромскій былъ намѣренно тенденціознымъ пи-

[1]) Старосту.

сателемъ, то едвали бы принялся за крупный свой романъ, за историческую эпопею „Прахъ“ [1]), такъ какъ въ настоящее время нѣтъ уже цѣли напоминать, что культъ Наполеона и участіе польскихъ легіоновъ въ его завоевательныхъ войнахъ не принесли полякамъ никакой реальной пользы. Но какое широкое поле для поэта человѣческихъ страданій и художника, располагающаго богатствомъ красокъ!

Здѣсь нѣтъ собственно романа. Это скорѣе поэма. Начинается она въ моментъ еще совсѣмъ близкій къ послѣднему раздѣлу Польши. Въ имѣніяхъ, деревняхъ существуютъ еще прежніе порядки. Но уже вводятся новые, австрійскіе. Производится перепись населенія, объявляется объ учрежденіи крейсамтовъ, о правилахъ, которыми ограничивается барщина крестьянъ и воспрещается помѣщичій самосудъ. Наступаютъ болѣе оформленные порядки, но эти порядки налагаются чужеземнымъ игомъ, и произволъ чиновниковъ надъ всѣмъ населеніемъ добавляется къ произволу помѣщиковъ надъ крестьянами.

Большая часть дворянства живетъ еще въ преданіяхъ и обычаяхъ временъ саксонской династіи, знаетъ только хозяйство, охоту и своеволіе. Но молодежь уже увлекается духомъ конституціи 3-го мая, барской конфедераціи, той свѣтлой борьбы, въ которой Польша пала уже въ моментъ начавшагося возрожденія.

Живой образъ этого перелома въ деревенской глуши служитъ введеніемъ къ боевымъ подвигамъ польскихъ легіоновъ. Дѣйствующихъ лицъ и своеобразныхъ типовъ тутъ такое множество, что непосредственные герои разсказа, молодые Рафалъ Ольбромскій и Кристофъ Цедро вовсе не играютъ главныхъ ролей. Они скорѣе—только свидѣтели подвиговъ легіоновъ въ Италіи, Испаніи и надъ Вислой, при занятіи, въ 1804 г., части нынѣшняго царства польскаго, принадлежавшей въ то время Австріи. Изъ историческихъ лицъ мы встрѣчаемъ генераловъ Князевича, Домбровскаго, Понятовскаго, Заіончка, полковника Хлопицкаго (диктатора въ 1830 году) и другихъ. И—самого Наполеона.

Одна изъ сильно дѣйствующихъ сценъ, это— когда уланъ Кристофъ Цедро, тяжко раненый въ битвѣ при Туделѣ, слышитъ клики: „Vive l'empereur!“, старается приподняться и, облитый кровью, устремляетъ взглядъ на проходящаго со свитой Наполеона.

„На слово: „Sire!“—тотъ пріостановился и обратилъ къ нему свое каменное лицо.

---

[1]) „Popioły“, 1904.

— Ваше желаніе?—спросилъ онъ глухимъ и холоднымъ тономъ.

— Если умру... Я пришелъ сюда изъ отцовскаго дома... Вѣрилъ, что спасаю мою землю... А вотъ, самъ, на чужой... Скажите, что—не даромъ, ваше величество... что сбудется...

Кровь полилась у него горломъ.

Наполеонъ еще нѣсколько секундъ стоялъ неподвижно, какъ бы прикованный мыслью. Слегка приподнявъ руку къ шляпѣ, онъ произнесъ: „Soit!“—и отошелъ спокойнымъ, мѣрнымъ шагомъ“.

Конечно, Наполеонъ не думалъ въ 1804 г. объ основаніи герцогства варшавскаго, которое состоялось въ 1806 г., послѣ разгрома Пруссіи. Но вѣдь авторъ и поставилъ отвѣтъ такъ, что допустимо и иное его значеніе. Какъ бы то ни было, этотъ символъ,—будто бы мысль о возстановленіи Польши пришла Наполеону впервые въ видѣ утѣшенія, брошеннаго имъ умиравшему,—несомнѣнно поэтиченъ.

Впрочемъ, все это послѣднее произведеніе Жеромскаго такъ исполнено поэзіи, такъ богато великолѣпными картинами природы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ проникнуто духомъ поэта современнаго, уже не вѣрующаго ни въ военную славу, ни въ великихъ людей, но чутко, всѣми силами души отзывающагося на страданія, что эта историческая поэма въ прозѣ высоко подняла значеніе Жеромскаго въ литературѣ.

Содержаніе трехъ томовъ нельзя разсказать вкратцѣ, тѣмъ болѣе, что судьба самихъ свидѣтелей великой драмы стоитъ здѣсь на второмъ планѣ. Все дѣло—въ эпизодахъ, въ бытовыхъ пейзажныхъ и батальныхъ картинахъ, какъ взятіе Сарагоссы. Прибавимъ, что хотя въ описаніи нѣкоторыхъ операцій называются воинскія части—корпусъ, дивизія, бригады и полки, но общаго хода дѣйствій не видно, не только по отношенію къ цѣлой кампаніи, но хотя бы и къ одной битвѣ. Это именно—батальныя картины. Каждая представляетъ моментъ. Сенкевичъ рисуетъ бои шире, хотя не живописуетъ ихъ въ такой подробности и съ такой дѣйствующей на нервы реальностью. Но одна изъ особенностей импрессіонизма заключается именно въ томъ, что имъ передается субъективное впечатлѣніе, которое можетъ быть воспринимаемо, а стало быть, и передаваемо только въ раіонѣ непосредственнаго наблюденія.

VII.

Родственнымъ по духу Жеромскому является поэтъ Даниловскій въ замѣчательной прозаической повѣсти „Изъ минувшихъ

дней“ [1]). Та же любовь къ преслѣдуемымъ, гибнущимъ, тотъ же пессимизмъ, въ смыслѣ если не безнадежности, то слишкомъ слабой надежды на близкій успѣхъ борьбы съ торжествующимъ зломъ и, вмѣстѣ, признаніе того же высшаго, рокового закона, гласящаго: борись и гибни, ложись въ черноземъ, на которомъ можетъ вырости возрожденіе человѣчества. Иными словами— возьми крестъ свой и иди, если не къ личному спасенію, то къ спасенію ближнихъ.

Нѣкоторое психологическое противорѣчіе, заключающееся въ этой мысли, мелькаетъ, впрочемъ, у автора въ образѣ нѣкоего старика-врача, который дрался въ 1848 г. за свободу въ Берлинѣ, потомъ въ Венгріи, наконецъ, въ 1860 г., въ Италіи, но убѣдился, что въ подвигахъ самопожертвованія люди нуждаются только въ извѣстные моменты, а потомъ не только охладѣваютъ къ героямъ, но даже гонятъ ихъ, если только имъ не удалось,— какъ, напримѣръ, Криспи,—на самомъ самопожертвованіи сдѣлать себѣ карьеру. Онъ относится скептически къ настроенію молодого человѣка, который уже имѣетъ семью, а самъ глядитъ куда-то въ лѣсъ.

На замѣчаніе въ такомъ смыслѣ, что лбомъ стѣны не прошибешь, Викторъ возражаетъ:

„— О настоящемъ я не говорю... Но оно не предопредѣляетъ будущности.

— Тѣ обѣщаютъ награду въ небѣ, а эти ссылаются на будущность“.

Но Викторъ—сынъ патріота, погибшаго въ возстаніи. Онъ— прямой наслѣдникъ тѣхъ идеалистовъ и романтиковъ, которые видѣли только цѣль, а не считались съ силами. Онъ вдругъ уѣзжаетъ, съ согласія молодой жены, которая сочувствуетъ его идеалу. Четыре года тому, когда вышла эта повѣсть, нельзя было сказать прямо, что онъ отправился въ Варшаву, принялъ участіе въ соціалистической партіи дѣйствія и скоро попалъ въ цитадель. Туда ѣздитъ навѣщать его Марина и однажды привозитъ съ собой ребенка, сына. Затѣмъ Виктора высылаютъ въ такой далекій край, куда надо ѣхать по желѣзной дорогѣ цѣлую недѣлю. Узнавъ, что онъ заболѣлъ, Марина, несмотря на отговоры родныхъ и врача, отправляется туда, и мужъ умираетъ въ ея присутствіи. Возвратясь въ мужнину семью, Марина впадаетъ въ меланхолію, ходитъ по ночамъ къ любимому мѣсту въ лѣсу, надъ рѣкой, гдѣ она часто сиживала съ покойнымъ, и—вызы-

[1]) „Z minionych dni“, 1902.

ваетъ его. Она наконецъ доходитъ до такой галлюцинаціи, что его видитъ. Тогда въ этихъ ночныхъ видѣніяхъ сосредоточивается вся ея жизнь.

Старый гарибальдіецъ-врачъ понимаетъ, что ея болѣзнь въ тоскѣ, и посѣщаетъ ее, но не лечитъ. Однажды, вечеромъ, онъ осторожно отворяетъ дверь, полагая, что она уснула, но вдругъ видитъ у нея въ рукѣ кавказскій кинжалъ, когда-то привезенный ея мужемъ. Первая мысль старика — броситься къ ней, а затѣмъ онъ подумалъ:

„— Пусть бы только сумѣла, и сразу! И сразу!—Онъ отошелъ отъ двери".

Она „сумѣла". Сынъ ея, маленькій Игнась, болѣе, чѣмъ другія дѣти, живетъ въ волшебномъ мірѣ фантазіи. Оставшись сиротой, онъ въ умершихъ родителяхъ видитъ чудесныя, святыя существа, о которыхъ думаетъ постоянно. Доброту ихъ и ласки онъ переноситъ на всѣхъ людей и на животныхъ. Каждое страданіе глубоко отзывается въ его душѣ, а постоянныя жалобы дяди и тетки на недостатокъ средствъ онъ приписываетъ все той же несправедливости. Наконецъ, незадолго передъ Ивановымъ днемъ, въ немъ зарождается мысль—подстеречь ночью въ лѣсу, какъ зацвѣтетъ папоротникъ. По народному повѣрью, папоротникъ расцвѣтаетъ въ святоянскую ночь, а тотъ, кто сорветъ его цвѣтокъ, получитъ счастье и исполненіе желаній. Игнась знаетъ мѣсто въ лѣсу, гдѣ больше всего папоротника. Сорвавъ этотъ цвѣтокъ, онъ уничтожитъ всякую печаль, дастъ счастье всѣмъ, кого знаетъ. Мальчикъ убѣгаетъ ночью и прокрадывается къ папоротнику по трясинѣ. Вдругъ что-то блеснуло,—мальчикъ бросился, чтобы схватить искру этого блеска, и увязъ въ болотѣ, которое его засосало.

Превосходно сдѣланы типы женщинъ—Марины и невѣстки ея, хозяйственной и энергичной Изабеллы. Хорошъ и старикъ, насквозь проникнутый горечью, не вѣрящій въ побѣду борцовъ, но любящій въ нихъ свое прошлое. Мастерски переданы дѣти, ихъ понятія, игры и языкъ.

Изъ разсказовъ Даниловскаго отмѣтимъ „Nego" [1]) и „Поѣздъ". Въ первомъ является опять мальчикъ, сынъ бѣдной вдовы, которая сама подготовляетъ его къ гимназическимъ урокамъ. Добрый, веселый мальчикъ, но бѣда въ томъ, что онъ второй годъ въ одномъ классѣ и если не получитъ удовлетворительной отмѣтки изъ латинскаго языка на переэкзаменовкѣ, то будетъ исключенъ.

[1]) „Nego", „Pociąg", 1900.

Опасность большая, такъ какъ латинскій учитель не взлюбилъ его за шалости, да Ясь и слабъ въ латыни, которой сталъ учиться только въ этомъ классѣ.

Изъ грамматики онъ отвѣчаетъ на переэкзаменовкѣ недурно. Но въ заданномъ текстѣ для устнаго перевода его останавливаетъ самое первое слово „nego“, котораго онъ доселѣ не встрѣчалъ. Когда онъ отзывается незнаніемъ, учитель спрашиваетъ:— „Ну, по крайней мѣрѣ, какая часть рѣчи?—Ясю, второпяхъ и въ страхѣ, приходитъ въ голову, что nego значитъ „не я“, и онъ отвѣчаетъ—„мѣстоименіе“.—„Въ такомъ случаѣ склоняй“.— „Nego, nei, nihi, ne, ne“.

Результатъ—единица и исключеніе. Въ глазахъ бѣдной вдовы вся будущность ея сына пропала. Но находится добрый учитель, который ее успокаиваетъ, и она утѣшаетъ сына.

О поэзіи мы здѣсь не говоримъ, но мимоходомъ упомянемъ о красивой, хотя нѣсколько туманной поэмѣ Даниловскаго „Na Wyspie“, потому что она по мысли подходитъ къ „Минувшимъ днямъ“. Здѣсь поэтъ Даймонъ плыветъ съ дружиной борцовъ на освобожденіе нѣкоего „материка“, покореннаго грубой силой эгоизма и чувственности. По внѣшней формѣ, эта поэма нѣсколько напоминаетъ „Princesse Lointaine“ Ростана. Но мысль у Даниловскаго—психологическо-общественная, все та же мысль, общая ему съ Жеромскимъ — о борьбѣ и самопожертвованіи, какъ о призваніи высшихъ натуръ.

Рядомъ съ Даниловскимъ мы поставимъ другого поэта—Немоевскаго. Въ его поэзіи яснѣе и сильнѣе звучатъ патріотическія ноты. Онъ свободенъ отъ туманности аллегорій, чрезмѣрнаго обилія и произвольности эпитетовъ, наконецъ отъ расплывчатости описаній, то-есть, отъ недостатковъ, какіе замѣчаются даже у самыхъ крупныхъ пѣвцовъ „настроеній“. Но мы займемся только его интереснымъ, очень талантливымъ произведеніемъ въ прозѣ: „Письма безумнаго“ [1]). Въ немъ изображается среда „современныхъ“, самыхъ „передовыхъ“ художниковъ въ Варшавѣ, жрецовъ „искусства для искусства“, импрессіонистовъ и декадентовъ par excellence, у которыхъ Матейко и Гротгеръ уже считаются старымъ хламомъ, а живопись и рисунки ихъ—неимѣющими ничего общаго съ художественностью.

Такое самомнѣніе выражается, конечно, не въ одномъ отрицаніи славныхъ и еще очень недавнихъ предшественниковъ, но и въ непомѣрномъ превознесеніи самихъ себя, какъ оракуловъ

[1]) „Listy człowieka szalonego“, 1899.

новаго завѣта, Колумбовъ новаго міра—„истиннаго“ искусства. Многія изъ отмѣчаемыхъ здѣсь авторомъ чертъ, разумѣется, примѣнимы не только къ художникамъ рисунка и колорита, но и къ инымъ „артистамъ слова“, выдающимъ себя или выдаваемымъ сторонниками за пророковъ „совершенно новаго“ откровенія, сопровождаемаго и безпримѣрными еще, по красотѣ и глубинѣ, обрядами культа.

„Письма безумнаго“, это—въ формѣ писемъ—дневникъ, заключающій повѣсть о бытѣ веселой группы художниковъ, съ ихъ товарищескими сходками и разсужденіями объ искусствѣ, ихъ позировкой, ихъ кутежами, отношеніемъ къ публикѣ, выставкамъ, меценатамъ и—къ женщинѣ. Написано это бойко, съ истиннымъ юморомъ, то-есть, съ такимъ, который является только приправой къ глубокой мысли.

Собственно повѣствовательная сторона заключается здѣсь въ контрастѣ между самодовольствомъ жрецовъ, служащихъ идеаломъ чистаго искусства, и совершенно животной эксплоатаціей ими модельки, которая у нихъ переходитъ изъ рукъ въ руки, спаивается ими и самимъ тѣмъ, кому она уже надоѣла, швыряется въ руки другому, съ полнымъ пренебреженіемъ къ человѣческому достоинству и просто потому, что ей некуда уйти, что она уже неспособна жить на тѣ двадцать копѣекъ въ день, которыя зарабатываетъ швея.

Въ кружкѣ оказывается простой и добрый человѣкъ, Рымковскій, поэтъ, который своихъ стиховъ не печатаетъ, и, отчасти по влеченію, отчасти изъ жалости, хочетъ жениться на этой модельке, такъ какъ онъ не знаетъ всей глубины ея паденія. Но, вотъ, онъ запаздываетъ на большой ужинъ съ художниками и застаетъ уже полную оргію. Эта дѣвушка, Бронка, уже пьяна, какъ они всѣ, волоса у нея растрепаны, грудь обнажена, ее тянутъ къ себѣ то тотъ, то другой, а она поднимаетъ рюмку:

— Все вздоръ и пустяки! Разъ человѣку жить! Что тамъ старики брешутъ!—Вдругъ кто-то показался въ дверяхъ. Глаза ея закатились, подъ ними выступили синія пятна, потомъ она опустила вѣки, и голова ея склонилась на грудь. То былъ Рымковскій. Черезъ нѣсколько дней Бронка утопилась.

Въ этой сатирѣ на нѣкоторый кружокъ „сверхчеловѣковъ“ искусства есть сходство съ этюдомъ Реймонта изъ міра комедіантовъ. Только Реймонтъ, по своему обычаю, предоставляетъ имъ самимъ обличать себя, не прибавляя самъ никакого сужденія. А Немоевскій прямо рѣжетъ то, что ему представляется правдой.

У одного „сверхчеловѣка“ онъ видитъ нѣсколько набросковъ оригинальнаго, самаго модернистскаго направленія. Синеватый полумракъ — на фонѣ зеленомъ, который переходитъ въ фіолетовое небо, а на серединѣ зеленой полосы вырастаетъ изъ земли — красная рука. Надпись: „Вечерній вздохъ“. Другая начатая картина: синеватый полумракъ — фонъ фіолетовый, отъ него идетъ небо зеленое, а въ серединѣ фіолетоваго пространства скорчилась черная кошка, которая смотритъ на зрителя красными глазами. Надпись — „Душа“.

Тотъ же „сверхчеловѣкъ“ оказывается вмѣстѣ и поэтомъ и читаетъ автору дневника сумбурную фантазію, какъ нѣкоему князю видится восходъ солнца — бѣлаго, „какъ ея тѣло“, какъ это солнце оказывается идущей изъ моря въ небо фигурой съ золотисто-снѣжными ступнями. Оказывается, вдобавокъ, что это именно — „она, душа, первоначало, абсолютъ, женщина“...

И „сверхчеловѣкъ“ — самый модный изъ художниковъ (онъ же и поэтъ) — такъ обидѣлся на скептическое отношеніе къ его стихотворенію въ прозѣ — автора дневника, что вызвалъ его на дуэль и даже слегка подстрѣлилъ его. Дневникъ заканчивается тѣмъ, что автору, стоящему на берегу Вислы, въ которой утонула Бронка, въ мѣрномъ плескѣ воды слышатся слова, когда-то произнесенныя простымъ и добрымъ Рымковскимъ: — „пусть человѣчество будетъ счастливѣе“...

Такова, конечно, цѣль всякой серьезной работы. Но развѣ это — новое слово? Нѣтъ, оно слышалось и въ мессіанизмѣ Мицкевича, и въ постепенныхъ воплощеніяхъ короля-духа Словацкаго, и въ утилитаризмѣ позитивной школы. Въ идеѣ безусловнаго долга и самопожертвованія у Жеромскаго слово это повторяется только въ новой формѣ.

Стремленіе къ пересозданію формъ является безусловнымъ закономъ общественно-психологическимъ, настолько же, какъ и закономъ геологическимъ. Изъ-подъ морского дна вздымаются горы, въ то время, какъ на другомъ полушаріи воды потопляютъ материкъ и льды разбиваютъ вершины скалъ, которыя потомъ постепеннымъ дѣйствіемъ дождей, солнца и вѣтровъ раздробляются въ осколки, перетираются водою на песокъ и уносятся рѣками въ далекое море, гдѣ образуютъ отмели и острова.

Съ такой же стихійной силой дѣйствуетъ и законъ общественно-психологической эволюціи. Но эволюція эта не должна оставаться безцѣльной, какъ слѣпыя геологическія метаморфозы, потому что она происходитъ въ средѣ сознательной, хотя самый законъ вѣчнаго стремленія къ перемѣнѣ все-таки дѣйствуетъ

стихійно. И напрасно жаловаться, что иная перемѣна безполезна, пожалуй даже уродлива или вредна. Она законна уже потому только, что она — перемѣна, новая форма, естественно смѣняющая старую. И мысль дѣйствительно новая нуждается въ переработанной формѣ, для того, чтобы быть легче замѣченной и охотнѣе усвоенной новымъ поколѣніемъ.

Правда, писателямъ или художникамъ легче обновить формы, чѣмъ уловить и воплотить въ искусствѣ ту мысль, которую подсказываетъ невполнѣ еще обрисовавшійся и невполнѣ сознаваемый фазисъ общественной эволюціи. Обновленіе формъ происходитъ само собой, какъ результатъ конкурренціонной выработки техники каждаго искусства.

Замѣтьте, какъ выработалась въ наше время техника музыки, инструментовка и гармонизація, виртуозность исполнителей. Очень вѣроятно, что ни Паганини, ни Листъ, такъ не удивили бы насъ, какъ они удивляли своихъ современниковъ.

Въ литературѣ замѣчается явленіе аналогичное. Теперь, даже посредственный шаблонный беллетристъ пишетъ легче, свободнѣе, образнѣе, чѣмъ иной его предшественникъ, имѣвшій болѣе его значенія въ свое время, да и въ самомъ дѣлѣ превосходящій его силой ума. Оставаясь въ рамкахъ современной литературы польской, скажу, что особенно техника стиха достигла такой выработки, которая современникамъ представляется уже какъ бы совершенствомъ. Этой усовершенствованной техникой иные поэты, да и романисты, даже злоупотребляютъ, постоянно гоняясь за эффектами, стараясь изо всѣхъ силъ удивить и поразить читателя, такъ чтобы у него зарябило въ глазахъ. Объ этихъ крайностяхъ, о такой виртуозности чрезмѣрной, иногда прямо докучливой, уже было упомянуто въ началѣ статьи.

Итакъ, формы, несомнѣнно и вполнѣ законно, обновились. Этого вправѣ требовать каждое наростающее поколѣніе. Но ничто не ручается, чтобы непремѣнно каждому поколѣнію соотвѣтствовало такое вдохновенное новое слово, такая творческая мысль, которая дѣйствительно способна произвести переворотъ въ литературѣ и стать для нея эрой. Для этого нужно, чтобы талантъ очень крупный угадалъ смыслъ происходящей въ данное время эволюціи въ жизни человѣчества или хотя бы главную потребность духа своего народа въ настоящій моментъ. Вдохновенный этимъ новымъ словомъ, онъ своей творческой силой воплотитъ его и имъ откроетъ уже дѣйствительно новый періодъ въ литературѣ.

Л. Полонскій.

НЕ ГЕРОЙ

ПОВѢСТЬ.

— No hero, by E. W. Hornung. London, 1906.

I.

Приходило ли въ голову кому-нибудь изъ писателей разработать тему о нераспечатанномъ конвертѣ? Я что-то не могу припомнить ничего подобнаго, хотя въ этой безстрастной оболочкѣ „безграничныхъ возможностей“ кроется, по-моему, матеріалъ для философскихъ размышленій. По лицу пріятеля, догнавшаго васъ на улицѣ, вы всегда можете судить: съ хорошими или дурными онъ вѣстями, но по почерку его на письмѣ, полученномъ за завтракомъ, вы никакъ не можете догадаться, о чемъ онъ сообщаетъ вамъ? Случилось ли у него прибавленіе къ семейству или семейная утрата, приглашаетъ ли онъ васъ отобѣдать съ нимъ въ клубѣ, или проситъ одолжить ему десять фунтовъ—почеркъ его остается такимъ же, какъ и всегда; только въ томъ случаѣ, если вы чѣмъ-нибудь его обидѣли, онъ съ несвойственнымъ ему стараніемъ тщательно выводитъ ваше имя на конвертѣ.

Эти обыденныя размышленія явились у меня при видѣ письма Катерины Эверсъ, съ котораго собственно и начинается моя негероическая исторія. Послѣ долгаго перерыва это было первое письмо отъ моей когда-то постоянной корреспондентки. О чемъ могла она писать мнѣ теперь? Полгода тому назадъ, у нея былъ предлогъ для возобновленія сношеній, и еще болѣе удобный—за нѣсколько недѣль передъ этимъ, когда меня привезли изъ Африки и я уже начиналъ ходить на костыляхъ.

Почеркъ Катерины ничуть не измѣнился: то же милое педантство, избѣгающее всякихъ сокращеній, тотъ же лѣсъ восклицательныхъ знаковъ, густо насаженныхъ, какъ тополи по ту сторону канала. Они слѣдовали непосредственно за первымъ ея обращеніемъ: „Дорогой Дунканъ!!“—которымъ она сразу заслужила мое полное прощеніе, но слѣдующая же строчка нѣсколько испортила впечатлѣніе:—„Вы обѣщали все сдѣлать для меня“.

Не стану этого отрицать, такъ какъ вообще плохо помню, что я говорилъ при обстоятельствахъ, на которыя она, очевидно, намекаетъ. Но было ли хорошо съ ея стороны игнорировать мое существованіе до тѣхъ поръ, покуда я не понадобился ей. Правда, она упоминала о нашемъ отдаленномъ родствѣ и прибавляла, что я болѣе, чѣмъ кто-либо другой, могу быть ей полезенъ.

„Вы, быть можетъ, удивляетесь, что я ни разу не написала вамъ, ничѣмъ не выразила своего участія, даже не поздравила васъ! Но вотъ именно ваша военная слава и помѣшала мнѣ написать вамъ; я могла только радоваться тому, что вы получили орденскій крестъ“.

Когда человѣкъ влюбляется въ женщину, которая старше его на нѣсколько лѣтъ, ему нелегко бываетъ побѣдить свою слабость, и прошлое воскресло во мнѣ вмѣстѣ съ очарованіемъ, повѣявшимъ на меня даже отъ этого коротенькаго письма.

Я телеграфировалъ Катеринѣ, что буду у нея въ три часа, и провелъ цѣлое утро, глядя изъ окна на старыя, уже начинавшія преждевременно желтѣть деревья. Я жилъ въ Кенсингтонѣ для того, чтобы находиться подъ непосредственнымъ наблюденіемъ хирурга, все еще надѣявшагося, что ему удастся извлечь послѣднюю пулю. Былъ конецъ августа, и я порадовался, что не успѣлъ уѣхать изъ Лондона.

Несмотря на мою телеграмму, м-ссъ Эверсъ не было дома, но мнѣ передали, что она проситъ меня обождать въ ея кабинетѣ. Здѣсь тоже все осталось до такой степени попрежнему, что мои африканскія похожденія вдругъ показались мнѣ какимъ-то сномъ. Въ этой комнатѣ, полной знакомыхъ бездѣлушекъ и жгучихъ воспоминаній,—тѣ же поэты стояли на полкахъ; со стѣнъ глядѣли на меня та же копія „Надежда“ Уатса и его невыносимо-грустной картины „Паоло и Франческа“; тѣ же фотографіи, и между ними—моя собственная. Вотъ и персидскій коверъ, на которомъ я, какъ идіотъ, стоялъ на колѣняхъ. Но вдругъ я замѣтилъ занимавшую почетное мѣсто на каминѣ новую фотографію, изображавшую высокаго юношу въ фланелевомъ костюмѣ, съ милымъ открытымъ лицомъ, принадлежавшимъ Робину Эверсу.

Я всюду узналъ бы его честное, симпатичное лицо, но неужели же этотъ великанъ—маленькій Бобъ? Когда я въ послѣдній разъ видѣлъ его, онъ только-что поступилъ въ Итонъ, а теперь, какъ я зналъ изъ спортсменскихъ листковъ, онъ уже перешелъ въ кембриджскій университетъ. Портретъ его напомнилъ мнѣ о томъ, какъ летитъ время.

По матери его это не было замѣтно. Когда она вошла въ комнату, просто, но безукоризненно одѣтая, какъ всегда, въ шляпѣ съ широкими полями, никто не далъ бы ей болѣе тридцати лѣтъ; только холодноватая, сдержанная улыбка ея была улыбкою немолодой женщины, и, по правдѣ говоря, я ожидалъ болѣе теплаго пожатія ея твердой маленькой руки. Но оно было привѣтливо, какъ и весь ея пріемъ;—только почему-то люди всегда ждали отъ Катерины Эверсъ бо́льшаго, чѣмъ она могла дать.

— Вы все еще хромаете и должны ходить съ костылями? Бѣдняжка! Садитесь скорѣе.

Я повиновался, отвѣтивъ, что за послѣднія недѣли я чувствую себя гораздо лучше.

— Вы пережили ужасное время!—сказала она, садясь рядомъ со мною и не сводя съ меня своихъ умныхъ спокойныхъ глазъ.

— Я перенесъ зараженіе крови и былъ при смерти, но, къ счастью, не умеръ.

— Все это было очень тяжело и мучительно, но самый этотъ день—вотъ что́ было всего ужаснѣе,—пояснила Катерина, вздрогнувъ, какъ человѣкъ, пережившій нѣчто подобное.

— Да, это былъ чертовскій день!—сказалъ я, забывшись, но Катерина пропустила эпитетъ мимо ушей. Телеграмму о взятіи редута она получила отъ Боба. Тотъ съ ума сходилъ въ Кембриджѣ; еслибы она не удержала его, онъ все бы бросилъ и помчался бы въ дѣйствующую армію...

Лицо Катерины приняло особенное выраженіе, которымъ я не могъ не восхищаться, такъ какъ сильная страсть невольно вызываетъ восхищеніе. Страстью всей ея жизни, ея единственною любовью былъ ея единственный сынъ, такъ какъ, выйдя рано замужъ по сильной любви, она вскорѣ овдовѣла и съ тѣхъ поръ жила исключительно для него.

— Какое тяжелое впечатлѣніе произвела на меня громадная красная афиша съ извѣщеніемъ о взятіи редута непріятелемъ!—продолжала Катерина, къ счастью не подозрѣвавшая о роившихся въ моей головѣ мысляхъ.

— Сожалѣю, что намъ не удалось продержаться долѣе.

— Долѣе?—воскликнула Катерина.—Вы держались слишкомъ долго! Я давно бы сбѣжала!—и она снова смолкла, словно подавленная ужасомъ, несомнѣнно лестнымъ для меня, но выраженнымъ такъ просто и естественно, что я не ощущалъ чувства неловкости.

— Многіе изъ насъ не могли бѣжать, такъ какъ у нихъ не было ногъ, м-ссъ Эверсъ.

— Какъ вы сказали?..

— Катерина... Простите.

— Благодарю васъ. Если вы желаете, я стану называть васъ капитанъ Клифэнъ, но въ такомъ случаѣ я уже не буду въ состояніи просить васъ объ одолженіи, котораго можно ожидать только отъ стараго друга.

Ея чарующій голосъ былъ такъ же послушенъ ей, какъ и въ былыя времена, и въ умныхъ твердыхъ глазахъ зажигался по временамъ мгновенный огонекъ.

— Между вами и мною, Катерина, не можетъ быть рѣчи объ одолженіи.

— Прежде всего мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ,—сказала она очень мягко:—Дунканъ, дѣло касается Боба.

Уголки ея рта дрогнули, въ глазахъ мелькнуло выраженіе не чуждой юмора озабоченности, когда она, въ видѣ предисловія, протянула мнѣ карточку Боба, спрашивая, не прелесть ли онъ?—съ чѣмъ я согласился отъ чистаго сердца, и сейчасъ же былъ вознагражденъ милымъ взглядомъ, болѣе нѣжнымъ, чѣмъ незабвенные взгляды прежнихъ лѣтъ. Я сразу вернулъ все утраченное и даже болѣе того, и тотчасъ же сдѣлалъ открытіе, что я радуюсь этому и чувствую себя странно, жутко, тревожно счастливымъ, какимъ я ни разу не чувствовалъ себя за предѣлами этой комнаты.

Я слушалъ въ какомъ-то полуснѣ разсказы Катерины о ея мальчикѣ, о его успѣхахъ по части всякаго спорта въ Итонѣ; несмотря на свои годы, онъ остался тѣмъ же милымъ, простымъ, неизбалованнымъ мальчикомъ, какимъ я раньше зналъ его. И все же рѣчь идетъ о немъ.

— Попалъ въ бѣду?

— Смотря по тому, что вы подъ этимъ подразумѣваете.

Катерина сдѣлалась серьезна: она поставила фотографію на каминъ, и теперь въ ея глазахъ появился жесткій, почти животный блескъ, какой наблюдается во взорѣ львицы, когда дѣтенышамъ ея грозитъ опасность. Деньги не играютъ въ этомъ дѣлѣ никакой роли,—мальчикъ ея достаточно богатъ. Но ему

нѣтъ двадцати лѣтъ, и онъ позволяетъ женщинѣ дурачить себя. Нужно положить этому конецъ.

Выразивъ сочувствіе, я ждалъ дальнѣйшихъ разъясненій.

— Бѣдный Бобъ—не геній; онъ слишкомъ милъ для того, чтобы сдѣлаться чѣмъ-либо подобнымъ,—продолжала Катерина своимъ обычнымъ тономъ,—но у него сердце и голова всегда были на мѣстѣ, и я не желаю, чтобы онъ потерялъ ихъ въ какомъ-то швейцарскомъ отелѣ. Я отпустила его съ его лучшимъ другомъ—Джорджемъ Кеннерли, лучшимъ ученикомъ, полагая, что общество его можетъ быть полезно Бобу; они уѣхали въ началѣ мѣсяца, и оказывается, что они уже разъѣхались.

— Поссорились?

— Въ томъ-то и дѣло, что у Боба—ангельскій характеръ; онъ никогда ни съ кѣмъ не ссорился, и Джорджъ обожаетъ его,—онъ вернулся совсѣмъ несчастнымъ. Подумайте, до чего это неприлично! Бобъ, затѣвающій ссору со своимъ лучшимъ другомъ! Вчера я подвергла мистера Джорджа допросу; онъ слишкомъ честенъ и простъ для дипломатическихъ уловокъ, и вотъ я все узнала! Въ отелѣ живетъ отвратительное существо—какая-то вдова! Сначала Бобъ называлъ ее въ письмахъ ко мнѣ „вдовушкой“, затѣмъ—„м-ссъ Лэссельсъ“, а теперь онъ уже пишетъ о „нѣкоторыхъ знакомыхъ“, которыхъ онъ сопровождаетъ всюду и вездѣ. „Нѣкоторые знакомые“! Скажите пожалуйста!

Глаза Катерины мелодраматически искрились, на губахъ появилась уничтожающая улыбка.

— Нечего прибавлять, что она на двадцать лѣтъ старше моего сына и совсѣмъ не хороша. Джорджъ не отрицалъ этого. Они поссорились изъ-за нея. Бѣдный мой мальчикъ прямо околдованъ.

— Онъ излечится отъ этого!—пробормоталъ я неувѣренно, памятуя личный мой опытъ.

— Но вѣдь это продолжается, Дунканъ,—поймите, это продолжается!

— Въ его годы онъ не можетъ зайти слишкомъ далеко.

Катерина не топнула ножкой потому, что изящной дамѣ этого не полагается, но я, очевидно, сразу упалъ въ ея мнѣніи. Онъ и безъ того зашелъ слишкомъ далеко! Скандалъ продолжается на глазахъ у всего отеля. Этому необходимо положить конецъ, и положить конецъ немедленно.

— Дунканъ, я не могу туда поѣхать именно потому, что я — его мать. Но это могъ бы сдѣлать другъ, еслибы только (тутъ она вздохнула)... у меня былъ другъ, который бы взялъ это на себя...

Катерина сидѣла, опустивъ глаза, въ позѣ просительницы, и нѣжный румянецъ на ея лицѣ, легкое смущеніе—все было въ ней неотразимо. Былое съ особенною остротою оживало въ ея памяти (такъ думалось мнѣ); она какъ будто сожалѣла (такъ мнѣ казалось) о причиненномъ мнѣ злѣ, которое возможно загладить; надъ ея склоненной головою склонялась „Надежда“ Уатса—не болѣе привлекательная и выразительная, чѣмъ она сама.

Рука моя дрожала, когда я потянулся къ моимъ вѣрнымъ костылямъ, но я твердымъ голосомъ спросилъ названіе швейцарскаго отеля.

— Риффель, надъ Церматтомъ.

— Я отправляюсь завтра,—сказалъ я,—хорошо?

Тутъ Катерина подняла голову. Что сдѣлалось съ ея лицомъ? Преображеніе—слишкомъ слабое слово. Это былъ цѣлый снопъ лучей, исходившихъ отъ человѣческаго лица.

— Вы поѣдете?—воскликнула она.—Вы согласны поѣхать, Дунканъ?

— Хоть въ Австралію. Лишь бы не было поздно.

— Что поздно?

— Остановить свадьбу, если оглашеніе въ церкви уже было.

— Что за вздоръ вы говорите, Дунканъ! Свадьба въ девятнадцать лѣтъ? Помните, вы всегда имѣли на него вліяніе.

— Да, когда онъ былъ малышомъ.

— И вы стали старше, и притомъ были ранены на войнѣ, что придаетъ вамъ особенный престижъ.

— Отель можетъ быть полонъ ранеными офицерами,—теперь это не рѣдкость. Во всякомъ случаѣ—я поѣду.

— Этого достаточно!—воскликнула она пылко.—Остальное я предоставляю на ваше усмотрѣніе; я вѣрю въ вашъ здравый смыслъ и доброе сердце. И я никогда этого не забуду, никогда, Дунканъ. Вы—единственный человѣкъ, котораго онъ не заподозритъ. Онъ вѣритъ вамъ такъ же безусловно, какъ я.

Ея сіяющіе взоры словно растворялись въ моихъ, и выражавшіяся въ нихъ признательность и довѣріе невольно возбуждали надежды на бо́льшее. Я уже спрашивалъ себя: не будетъ ли низкимъ воспользоваться обстоятельствами и просить ее дозволить мнѣ попытать счастье еще разъ въ томъ случаѣ, если мнѣ удастся оправдать ея довѣріе?

Къ счастью, поданный во́-время чай помѣшалъ мнѣ сдѣлать ложный шагъ.

II.

До Церматта — не близко, а въ серединѣ августа поѣзда бываютъ переполнены, и духота въ вагонѣ ужасающая. Я предпочелъ просидѣть въ углу купэ и прибылъ утромъ въ Швейцарію съ небритымъ подбородкомъ и грязнымъ воротничкомъ. Безсонная ночь не была скрашена для меня даже мечтаніями, обычными для рыцаря, исполняющаго волю дамы его сердца. Наоборотъ, чѣмъ больше я думалъ о предстоящемъ мнѣ предпріятіи, тѣмъ нелѣпѣе казалась мнѣ моя роль. Юный гигантъ, котораго я не видѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ ребенкомъ, увлекся безобиднымъ, по всей вѣроятности, флиртомъ, а я, на основаніи дошедшихъ со стороны слуховъ, проѣхалъ половину Европы для того, чтобы испортить ему его удовольствіе. И однако, я чуть ли не самъ напросился въ добровольцы. Мое мысленное „отступничество“ удивляло меня; но душное купэ не походило на святилище Катерины, полное возбуждающихъ чаръ, и она не стояла передо мною во плоти, съ ея полу-шутливыми, полу-патетическими интонаціями и взглядами. Я уже не мечталъ о наградѣ; я не заглядывалъ далѣе настоящаго момента, казавшагося мнѣ непріятнымъ и комическимъ.

Дорогою я познакомился съ саперомъ, котораго встрѣчалъ въ Индіи. Оказалось, что одинъ изъ его пріятелей живетъ въ альпійскомъ Риффелѣ, и онъ сейчасъ же телеграфировалъ ему, прося занять комнату для меня,—услуга, которую я вполнѣ оцѣнилъ лишь на второй день къ вечеру, когда пріѣхалъ на мѣсто въ состояніи крайняго утомленія: я увидѣлъ, что половина моихъ спутниковъ принуждена была, за неимѣніемъ помѣщенія, вернуться въ Церматтъ.

Окна отеля сіяли въ лучахъ заходящаго солнца. По обѣимъ сторонамъ возвышались на фонѣ бирюзоваго неба ослѣпительно-бѣлыя вершины горъ, почтительно разступавшіяся, однако, передъ несравненнымъ Маттергорномъ, гордымъ главою горной цѣпи. Величественное зрѣлище и дивный воздухъ внушили мнѣ чувство признательности за то, что я здѣсь, и я пожалѣлъ, что не пріѣхалъ сюда ради болѣе достойной цѣли.

Я не пробылъ въ отелѣ и десяти минутъ, какъ появился мой невѣдомый благодѣтель — штатскій, по имени Квинби, высокій, худой человѣкъ съ рыжеватыми усами и нѣсколько непріятною манерою шутить, сопровождаемою характернымъ смѣш-

комъ въ носъ. Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на мои костыли.

— Радуюсь, что у васъ имѣются на лицо „внѣшніе признаки“. Я столько наговорилъ о вашихъ ранахъ, что вы обязаны вашею комнатою исключительно имъ. У насъ тутъ—избранная компанія: вонъ тотъ весельчакъ въ панамѣ—прокуроръ; высокій господинъ, стоящій къ намъ спиною—Бельгрэвъ Шиль, знаменитый актеръ, являющійся каждый день въ новой роли. Но намъ именно недоставало настоящаго офицера, только-что вернувшагося изъ дѣйствующей арміи, да еще раненаго! Вы пополняете пробѣлъ.

Такія шуточки въ устахъ мало знакомаго человѣка покоробили бы меня, но я видѣлъ, что имѣю дѣло съ особеннымъ типомъ болтуна, и притомъ онъ былъ нуженъ мнѣ.

Мы стояли на лѣстницѣ, отдѣлявшей стеклянную веранду отъ террасы, и любовались оживленною, залитою солнечнымъ свѣтомъ площадкою передъ отелемъ,—но среди дѣйствующихъ лицъ этой маленькой сцены я не видѣлъ женщины съ наружностью, бросающеюся въ глаза, за которою ходилъ бы по пятамъ высокій юноша.

„Надо внести свою фамилію въ книгу для посѣтителей“,—вдругъ мелькнула у меня мысль.

Но прежде чѣмъ вписать свое имя, я перелисталъ послѣднія ея страницы.

— Нашли кого-нибудь знакомаго?—спросилъ Квинби, обязательно послѣдовавшій за мною.

— Клянусь честью, да! Робинъ Эверсъ! Вотъ кого я менѣе всего думалъ встрѣтить здѣсь.

— А вы знаете его?—насторожился Квинби:—мать его—аристократка по происхожденію.

— Я зналъ ее и его также, когда онъ былъ еще мальчикомъ. Каковъ онъ?

— Милый юноша,—засмѣялся Квинби,—только, пожалуй, черезчуръ скороспѣлый. Флиртируетъ во всю съ молодою вдовою, пріѣхавшей изъ Индіи; говорю—молодою, хотя она вдвое старше его.

Я закурилъ папиросу съ нѣкоторымъ чувствомъ облегченія: значитъ—все же я не понапрасну пріѣхалъ.

— О ней нехорошо говорятъ,—продолжалъ Квинби;—не стану повторять толковъ,—вы сами ихъ услышите,—но вамъ бы слѣдовало, на правахъ стараго знакомства, направить юношу на путь истинный. Не ищите ихъ,—прервалъ онъ себя, замѣтивъ, что

я гляжу по сторонамъ: — они исчезаютъ съ утра до ночи; вы встрѣтите ихъ позднѣе гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ. А вотъ и почта! Пойду за письмами.

Дѣйствительно, ни за обѣдомъ, ни вечеромъ, когда изъ гостиной послышались звуки вальса, а изъ билліардной — стукъ шаровъ, скандализировавшая общество пара не появлялась.

Боба Эверса не было ни среди танцующихъ, ни среди играющихъ; я кончилъ тѣмъ, что отправился на террасу, гдѣ въ это время почти никого не было, и тамъ-то я встрѣтилъ ту чету, ради разъединенія которой я сдѣлалъ столько миль.

Луна не взошла, но такихъ яркихъ звѣздъ я еще не видѣлъ въ Европѣ. Горы скромно темнѣли въ отдаленіи; лишь одна вершина Маттергорна поднималась къ звѣздамъ, и въ холодномъ, блѣдномъ сіяніи звѣздъ друзья мои стояли весьма близко другъ къ другу. Мнѣ показалось, что я вижу вспыхивавшіе по временамъ огоньки двухъ папиросъ. Я узналъ высокую фигуру Боба въ легкомъ пальто, а такъ какъ женщина кажется сравнительно выше мужчины, эта женщина показалась мнѣ почти одного роста съ нимъ.

— Бобъ Эверсъ? Вы, можетъ быть, не помните меня? Мое имя Клифэнъ, Дунканъ Клифэнъ.

Я чувствовалъ себя настоящимъ негодяемъ, но, тѣмъ не менѣе, я проговорилъ все это, какъ по писаному, словно въ доказательство того, что я всю жизнь мою былъ негодяемъ.

— Дунканъ Клифэнъ? Конечно, я помню васъ... Еще бы мнѣ не помнить! Сколько вамъ пришлось перенести за это время!

Голосъ Боба, несмотря на его изумленіе, былъ спокойный; держался онъ прекрасно, хотя въ темнотѣ я не могъ разсмотрѣть выраженіе его лица; правая рука его сжимала мою, а въ лѣвой онъ держалъ папиросу. Теперь только я замѣтилъ, что другой огонекъ исчезъ.

— Я прочелъ ваше имя въ книгѣ посѣтителей, — сказалъ я, — и былъ увѣренъ, что это должны быть вы.

— Какъ это чудесно! — воскликнулъ длинный Бобъ своимъ мягкимъ голосомъ. — Кстати, позвольте васъ представить м-ссъ Лэссельсъ. Капитанъ Клифэнъ, нашъ старинный другъ, только-что вернувшійся изъ дѣйствующей арміи.

Мы обмѣнялись привѣтствіями. Для такой „опасной“ женщины нарядъ ея отличался черезчуръ большою простотою: на ней былъ ватерпруфъ съ капюшономъ, надѣтымъ на голову, по случаю свѣжей погоды. И швейцарскія звѣзды — не болѣе какъ

звѣзды,—поэтому я не могъ видѣть ея лица, но голосъ у нея былъ глубокій, грудной, какой бываетъ у пѣвицъ контральто.

— Вы были въ бою?— спросила она, и будь на моемъ мѣстѣ человѣкъ непредубѣжденный, онъ уловилъ бы въ ея тонѣ состраданіе и восхищеніе, даже своего рода безсильную женскую зависть.

— Да еще какъ сражался!—вставилъ Бобъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, были тяжело ранены?—сказала м-ссъ Лэссельсъ, отводя глаза отъ моихъ костылей и напряженно всматриваясь въ меня.

— Я былъ раненъ въ обѣ ноги, но не могу особенно жаловаться, такъ какъ не лишился ихъ.

Но тутъ Бобъ принялся разсказывать м-ссъ Лэссельсъ исторію взятія редута и моего „геройства".

— Я до смерти завидовалъ вамъ, Дунканъ, и гордился тѣмъ, что знаю васъ. Страшно радъ, что вы пріѣхали именно сюда на поправку. Не правда ли, какое странное совпаденіе? Но онъ не могъ выбрать лучшаго мѣста,—не такъ ли, м-ссъ Лэссельсъ?

— Разумѣется! Я желала бы одного: выселить публику изъ отеля и отдать всѣ комнаты нашимъ бѣднымъ раненымъ.

Не знаю, почему я такъ удивился. Я уже нарисовалъ себѣ образъ м-ссъ Лэссельсъ, и весь ея обликъ, каждое ея слово совершенно не соотвѣтствовали ему, что начинало раздражать меня. Не безъ затаеннаго ехидства я вынулъ свой портсигаръ и, прежде чѣмъ закурить, предложилъ папиросу м-ссъ Лэссельсъ. Она поблагодарила и отказалась. Развѣ она не куритъ? Иногда. А, значитъ, я не ошибся: мнѣ показалось, что я видѣлъ огоньки двухъ папиросъ.

Юный Робинъ продолжалъ курить, причемъ я могъ замѣтить твердыя очертанія его губъ. Очевидно, направленіе разговора ему не понравилось.

— Забавно, — проговорилъ онъ, но по тону его чувствовалось, что онъ совсѣмъ не находитъ этого забавнымъ, — почему нѣкоторые люди имѣютъ предубѣжденіе противъ курящихъ женщинъ? Если намъ папироса доставляетъ удовольствіе, почему же лишать его и ихъ? Развѣ женщина не можетъ выпить рюмку вина? А помните, м-ссъ Лэссельсъ, давно ли всѣ были шокированы ѣздою женщинъ на велосипедѣ?

— Но вѣдь я не сказалъ, что раздѣляю старые предразсудки,—разсмѣялся я, невольно восхищаясь его юношескою горячностью.—Закурите, м-ссъ Лэссельсъ, для того, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, предразсудки заразительны.

— Ну, такъ я закурю! — воскликнулъ Бобъ своимъ прежнимъ дружелюбнымъ тономъ.—Кстати, не принести ли вамъ стулъ? Вамъ не слѣдуетъ долго стоять.

Я чиркнулъ спичкой, но она погасла, и пришлось зажечь другую, что позволило мнѣ увидѣть мелькомъ лицо м-ссъ Лэссельсъ. Быть можетъ, оно не было такимъ интеллигентнымъ, какъ лицо Катерины, но въ очертаніяхъ низкаго лба, смѣлыхъ глазъ и полныхъ губъ замѣчались умъ и характеръ. Когда огонь спички освѣтилъ его во второй разъ, я замѣтилъ, какъ оно измѣнилось, и ясно прочелъ въ ея взорѣ мольбу... Я понялъ, къ чему относилась эта мольба, и это такъ меня поразило, что въ первую минуту я не могъ выговорить ни слова. Зато первый же мой вопросъ—о томъ, какъ здѣсь проводятъ время здоровые люди?—не отличался особеннымъ тактомъ.

Бобъ отвѣтилъ, что меньшинство лазаетъ по горамъ.

— Вы сейчасъ же отличите ихъ по облупившимся краснымъ носамъ; остальные же болтаются цѣлый день вокругъ отеля, читаютъ романы или наблюдаютъ въ телескопъ за экскурсантами, поднимающимися на Маттергорнъ. Не такъ ли, м-ссъ Лэссельсъ?

— М-ръ Эверсъ умалчиваетъ о томъ, что онъ самъ—отличный ходокъ, и я тоже хожу съ нимъ въ горы. Конечно, мы—лишь начинающіе альпинисты, но мы начали вмѣстѣ наше обученіе, и эти экскурсіи чрезвычайно интересны. Сегодня мы были на Шварцзее—это съ чѣмъ-то три тысячи футовъ. Завтра мы идемъ на Монте-Роза, и если такая погода продлится,—неизвѣстно, куда мы еще взберемся?

Такимъ образомъ м-ссъ Лэссельсъ не только съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ открыла мнѣ свои карты, но и дала понять бѣдному Бобу, что скрытность его — неумѣстна. Очевидно, имъ нечего было скрывать, хотя въ поведеніи ихъ замѣчалась извѣстнаго рода бравада, дававшая пищу для пересудовъ. Когда я замѣтилъ, что очень желалъ бы сопровождать ихъ, еслибы могъ ходить попрежнему, Бобъ Эверсъ такъ сочувственно откликнулся на мое пожеланіе, что я не могъ сомнѣваться въ его искренности. И однако, по уходѣ м-ссъ Лэссельсъ, мнѣ не сразу удалось вызвать его на откровенность. Конечно, я замѣтилъ, что она кажется „довольно красива“. Довольно красива? Пусть-ка я посмотрю на нее при солнечномъ свѣтѣ: немного найдется женщинъ, красота которыхъ выдержитъ подобное испытаніе.

— Она произвела на васъ впечатлѣніе, Бобъ!—проговорилъ

я съ такой нарочитой безобидностью, что онъ вспыхнулъ и выдалъ себя, проговоривъ раздраженно:

— Не будьте такимъ осломъ, Дунканъ!

Я воздержался отъ возраженій, хотя былъ на десять лѣтъ старше его, и мы молча прошли два шага, но затѣмъ Бобъ остановился и сказалъ:

— Простите, пожалуйста, я самъ оселъ!

Онъ взялъ меня подъ-руку и сталъ разсказывать. Дѣло въ томъ, что у него уже вышелъ по этому же поводу разрывъ съ его лучшимъ другомъ, товарищемъ по Итону. Тотъ предложилъ ему, ни болѣе, ни менѣе, какъ выборъ между нимъ и м-ссъ Лэссельсъ! Неужели нельзя дружить съ женщиной безъ всякихъ любовныхъ умысловъ? Съ такими идіотами, буквально, потеряешь терпѣніе. Но, конечно, это не оправданіе для его дерзости по отношенію ко мнѣ.

Я увѣрилъ его, что его раздраженіе кажется мнѣ вполнѣ естественнымъ, и я считаю всякія извиненія между нами—лишними.

Бобъ снова остановился и поглядѣлъ на меня съ такою юношескою довѣрчивостью, что у меня явилось желаніе сознаться ему во всемъ,—но, конечно, я этого не сдѣлалъ.

— Я дорожу вашимъ мнѣніемъ, а потому и спрашиваю васъ. Неужели и *вы* находите что-нибудь дурное въ томъ, что я сопровождаю м-ссъ Лэссельсъ и симпатизирую ей, и она, съ своей стороны, симпатизируетъ мнѣ?

Его милая прямота совершенно обезоружила меня, и я отвѣтилъ, что считаю его неспособнымъ ни на что дурное. Онъ такъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, что едва ее не вывихнулъ.

Еще никогда я не ложился спать съ такимъ плохимъ мнѣніемъ о себѣ. Не лучше ли прямо написать Катеринѣ, что юноша съ такимъ чистымъ, неиспорченнымъ сердцемъ можетъ самъ о себѣ позаботиться? Это былъ первый порывъ, но я вскорѣ одумался. Я вспомнилъ о томъ, что̀ я увидѣлъ на террасѣ при свѣтѣ мгновенно вспыхнувшей спички. Не ему не довѣрялъ я, но женщинѣ, лицо которой я видѣлъ на одну секунду.

Я встрѣчался съ нею въ Индіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

III.

Однажды въ Симлѣ мнѣ пришлось вальсировать съ м-ссъ Гейманъ изъ Лагора, высокою, но легкою, какъ перышко, красавицею. Мы танцовали уже второй вальсъ, когда изъ карточной

комнаты появился разгоряченный виномъ и проигрышемъ ея мужъ, который демонстративно увезъ ее домой. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, прочтя въ газетахъ объ ихъ разводѣ, я не почувствовалъ къ нему сожалѣнія, а что касается его жены—ее я узналъ сегодня съ перваго же взгляда. Эта блестящая смѣлая женщина, разведенная жена, оказывалась тою самою вдовою, за которою ухаживаетъ Бобъ. Рѣдко я кѣмъ-нибудь такъ восхищался, какъ ею. Когда мужъ уводилъ ее съ бала, она повиновалась ему съ видомъ побѣжденной королевы—холодно и презрительно. Но она, конечно, не пара Бобу. Теперь она носитъ—по праву или нѣтъ—другое имя. Во всякомъ случаѣ она—не подходящій другъ для юноши, только-что покинувшаго школьную скамью: предчувствіе Катерины оказывалось пророческимъ.

Тревожныя мысли долго не давали мнѣ заснуть, а рано поутру меня разбудилъ Бобъ; онъ былъ въ костюмѣ альпиниста, лицо его лоснилось отъ кольдкрема, употребляющагося при экскурсіяхъ, на шнуркѣ у него висѣли синіе очки. Онъ извинился, что разбудилъ меня, но солнце уже высоко, и онъ получилъ отъ м-ссъ Лэссельсъ записку, по поводу которой хочетъ со мною посовѣтоваться. Вѣроятно, и до нея дошли какіе-нибудь глупые толки,—она проситъ его идти безъ нея на Монте-Роза. Не попробовать ли ему переубѣдить ее? Не все ли имъ равно, что этотъ „сбродъ“ станетъ говорить о нихъ?

— Вамъ все равно, а ей быть можетъ—и нѣтъ.

Брови его озабоченно наморщились, что вышло очень забавно при намазанномъ лицѣ, и онъ по-дѣтски вопросительно поглядѣлъ на меня.

— Милый мой, повѣрьте мнѣ, такъ лучше.

— Что жъ? Я не буду настаивать, хотя это глупо,—мы пріятели и ничего болѣе.

Бобъ казался разочарованнымъ, но безропотно покорился волѣ своей дамы и, поговоривъ еще нѣсколько времени на эту тему, ушелъ, поблагодаривъ меня за совѣтъ. Когда онъ вышелъ, мнѣ пришло на умъ, что желаніе м-ссъ Лэссельсъ отдѣлаться на сегодня отъ своего кавалера было вызвано, быть можетъ, не столько опасеніемъ пересудовъ, сколько иными соображеніями.

Я долго лежалъ съ открытымъ окномъ, вдыхая изумительной чистоты живительный воздухъ. Въ ослѣпительныхъ лучахъ солнца Маттергорнъ казался гигантскимъ кристалломъ; когда я вышелъ на террасу, вокругъ наведеннаго на него телескопа столпилась цѣлая группа любопытныхъ; остальная публика возлежала въ тѣни зонтовъ,—почти у всѣхъ были томики Таухница.

— Пятнадцать лѣтъ сряду я ожидаю катастрофы,—говорилъ веселый прокуроръ,— но онѣ всегда случаются на другой день послѣ моего отъѣзда.

Вертѣвшійся тутъ же Квинби поспѣшилъ насъ познакомить, изложивъ, конечно, исторію моего „геройства“,—что̀ заставило меня поморщиться; но патріотическое чувство прокурора, котораго звали сэръ-Джономъ, было польщено, и мы заговорили о войнѣ, покуда насъ не подозвали къ телескопу.

Мой непривычный глазъ едва могъ различить какія-то черныя нити и точки на ослѣпительно бѣломъ снѣгу.

— Они спускаются,—пояснилъ Квинби,—все черно отъ людей, это одно изъ опасныхъ мѣстъ... Кстати, вашъ другъ Эверсъ сказалъ, что онъ непремѣнно поднимется на Маттергорнъ до отъѣзда. А я видѣлъ, какъ вы говорили съ ними вчера! Не знаю, что̀ вы ему сказали, но сегодня онъ въ первый разъ отправился одинъ.

— А вы, очевидно, интересуетесь имъ, м-ръ Квинби?

— Очень. Онъ гораздо интереснѣе нашей знаменитости, Бельгрэва Шиля. Тотъ недоволенъ, что въ его комнатѣ солнце бываетъ не весь день: онъ не привыкъ быть въ тѣни...

— А вы сами никогда не ходите въ горы? Вотъ бы вы предложили свои услуги м-ссъ Лэссельсъ: прекрасный случай изучить ее.

Вмѣсто того, чтобы почувствовать мой сарказмъ, онъ безъ церемоніи дернулъ меня за рукавъ, проговоривъ:

— Она сама... Легка на поминѣ...

М-съ Лэссельсъ показалась на ступеняхъ; высокая, статная, со смѣло поднятою головою, она, въ буквальномъ смыслѣ слова, сіяла красотою, хотя на ней было просто полотняное платье. Ея глаза, зубы, цвѣтъ лица, даже выраженіе его—все въ ней было ослѣпительно. Чувствовалось, впрочемъ, что она не лишена извѣстной мягкости,—сегодня, напримѣръ, въ ней не замѣчалось вчерашней настороженности, готовой къ отпору. Она стояла, взявшись за спинку камышеваго кресла и очевидно отыскивая глазами тѣнистое мѣстечко, и вся ея поза говорила о привычкѣ къ независимости. Я поспѣшно заковылялъ къ ней.

— Благодарю васъ, капитанъ Клифэнъ. Пожалуйста, не надо, я могу сама... Вотъ сюда.

М-ссъ Лэссельсъ усѣлась съ книгою въ уголкѣ террасы; казалось, она искала уединенія, но я медлилъ уходить.

— Вы такъ и не пошли сегодня, м-ссъ Лэссельсъ?

— Нѣтъ. Боюсь, что м-ръ Эверсъ мнѣ этого не проститъ.

Въ голосѣ ея заслышались глубокія ноты, какъ вчера во время разговора о куреньи. Она смотрѣла на меня своими красивыми открытыми глазами; я хотѣлъ заговорить о Бобѣ, но не находилъ словъ и чувствовалъ себя въ глупомъ положеніи.

— Вамъ не слѣдуетъ много стоять. Нѣтъ, не принимайте этого за намекъ... Развѣ вы не утомляетесь?

— Наоборотъ, мнѣ предписано ходить, —не до изнеможенія, конечно.

— Тутъ есть красивыя мѣста по близости, если только вамъ не трудно.

— Ничуть. Куда вы поведете меня, м-ссъ Лэссельсъ?

Это было смѣло, но я имѣлъ дѣло со смѣлою женщиной.

— Развѣ я сказала, что намѣрена васъ вести?..

— Нѣтъ, но я на это надѣюсь.

Опять, какъ вчера, наши глаза встрѣтились.

— Хорошо, я согласна, такъ какъ мнѣ нужно съ вами поговорить.

Мы поднялись выше, чѣмъ дозволяло благоразуміе, но всѣ скамейки были слишкомъ на виду, а взгляды и перешептыванія, долетавшія до моего слуха, уже успѣли меня раздражить. Мы поднялись по уступамъ Риффельберга и пошли вдоль тропинки надъ глетчерами. Налѣво возвышались покрытыя ослѣпительно-бѣлымъ снѣгомъ вершины; мы сѣли въ виду изумрудно-зеленой лужайки, спиною къ скалѣ, и среди полнаго молчанія природы я ожидалъ, что̀ скажетъ моя спутница. Мнѣ не долго пришлось ждать.

— Вы были все же очень добры ко мнѣ, капитанъ Клифэнъ.

— Я не понимаю васъ, м-ссъ Лэссельсъ.

— Нѣтъ, вы понимаете. Вы узнали меня и не захотѣли поставить въ неловкое положеніе, что̀ сдѣлали бы многіе на вашемъ мѣстѣ. Положимъ, я не совершила преступленія, но вы встрѣчали меня подъ другимъ именемъ.

Я молча слушалъ; если она желаетъ касаться непріятнаго вопроса — ея дѣло. На лицѣ ея не было признаковъ смущенія или страданія, но она смотрѣла на меня съ признательностью, которой я не заслуживалъ.

— Вы помните моего мужа? Вы слышали?..

— Я прочелъ объ этомъ въ газетахъ, и не стану говорить, что я былъ удивленъ или... или—что-нибудь въ этомъ родѣ...

Я совсѣмъ запутался, желая выразить ей мое сочувствіе, и почувствовалъ себя очень неловко во время наступившей паузы, такъ какъ мое замѣчаніе не отличалось тактичностью. Тѣмъ не

менѣе, она, очевидно, желала продолжать этотъ разговоръ. Повѣрю ли я ей, если она разскажетъ мнѣ кое-что изъ своего прошлаго?

— Менѣе всего я усомнился бы въ вашей правдивости.

— Благодарю васъ. Вы едвали не единственный человѣкъ, знавшій меня въ то время, и я хотѣла бы, чтобы вы знали обо мнѣ всю правду. Но этотъ милый мальчикъ, оказавшійся вашимъ другомъ, ничего не подозрѣваетъ, и мнѣ было бы больно, хотя я вообще мало чувствительна къ страданію, еслибы вы обличили меня передъ нимъ.

Я указалъ на полосу яркой зелени, отдѣлявшую насъ отъ ледяной пропасти.

— Вы могли бы съ такимъ же успѣхомъ благодарить меня за то, что я не столкнулъ васъ сюда.

Она слегка улыбнулась и продолжала:

— Такъ какъ вы этого не сдѣлали, то я могу вамъ сказать, что обличеніе вовсе не было бы такъ страшно. Конечно, разводъ всегда останется разводомъ. Но я дѣйствительно вышла послѣ этого замужъ и дѣйствительно овдовѣла.

Я взглянулъ на нее, уступая чувству искренней жалости. Какъ мало въ сущности она жила и какъ далеко прошла по пути страданія! Она угадала мою мысль и покачала головою, спокойно выдержавъ мой взглядъ.

— И этотъ бракъ не былъ счастливъ,— проговорила она, словно рѣчь шла о комъ-нибудь другомъ: — можете думать обо мнѣ что хотите, но я не желаю незаслуженныхъ мною симпатій. Кстати, вы встрѣчали когда-нибудь майора Лэссельса? Нѣтъ? Нашъ бракъ былъ несчастіемъ для насъ обоихъ, какъ это, впрочемъ, всегда бываетъ съ подобными браками. Даже въ томъ случаѣ, если люди души не чаютъ другъ въ другѣ, мужчины указываютъ на нихъ пальцемъ, а женщины поворачиваются къ нимъ спиною, и съ этимъ приходится считаться. Конечно, и темпераментъ играетъ тутъ роль; я, напримѣръ, не могу молчать и сдерживаться, хотя знаю, что моими словами и поступками я еще болѣе раздражаю общество. А все же тяжело въ мои годы, когда, въ сущности, жизнь еще впереди, сознавать себя какою-то заклейменною женщиной!

Она говорила медленно, не сводя глазъ съ далекихъ снѣговъ, но я воздержался отъ выраженія отвергнутыхъ ею симпатій, и только возразилъ на ея послѣднія слова,— но м-ссъ Лэссельсъ настаивала. Нѣтъ, это такъ. Не я—такъ другой кто-нибудь, не въ этомъ отелѣ — такъ въ другомъ, но все равно ея прошлое всплыло бы, ее непремѣнно бы узнали. Я удивляюсь, что она

постоянно живетъ въ отеляхъ,—но гдѣ же ей жить? Ея родные не хотятъ ее знать; родные ея покойнаго мужа, всегда считавшіе его черною овцой, окончательно отказались отъ него послѣ его женитьбы на ней... Впрочемъ, она не имѣетъ права на нихъ жаловаться: они даютъ ей средства къ жизни.

Трудно было не заинтересоваться судьбою красивой женщины, такъ рано разбившей свою жизнь, такою одинокой, гордой и независимой въ своемъ одиночествѣ, притомъ обладавшей, очевидно, хорошимъ сердцемъ и неизбалованной. Не будь Боба и его матери, мой интересъ имѣлъ бы другой характеръ, но теперь, обязанный дѣйствовать противъ нея, я все же не могъ не восхищаться ею. Я стиснулъ зубы и заговорилъ о Бобѣ, отца котораго я мало зналъ, но съ матерью его былъ прежде очень друженъ.

— А въ какомъ она родѣ?—вдругъ спросила м-ссъ Лэссельсъ, оторвавшись отъ созерцанія безсмертной красоты и возвращаясь къ земному.

IV.

Еслибы въ теплый мягкій лѣтній вечеръ васъ попросили описать чудный зимній день, — пожалуй вы не сразу бы нашли подходящія для этого краски. Различіе между Катериною Эверсъ и м-ссъ Лэссельсъ было неменьшимъ, чѣмъ между лѣтомъ и зимою. Первую я не могъ себѣ представить иначе, какъ окруженную ея любимыми книгами, картинами, произведеніями искусства; она пробуждала во мнѣ лучшую духовную сторону моей природы; она дѣйствовала на мое молодое честолюбіе, плѣняла умомъ и остроуміемъ. М-ссъ Лэссельсъ поражала, наоборотъ, своею непосредственностью, и я вспоминалъ о томъ, какъ она танцовала, вся отдаваясь увлеченію вальсомъ. Въ искусствѣ она, вѣроятно, такъ же, какъ и въ жизни, плохо умѣла различать настоящее отъ ненастоящаго. Будь здѣсь Катерина, она сходила бы съ ума отъ красотъ природы, очаровательно вышучивала бы Квинби и прокурора. М-ссъ Лэссельсъ жила сама по себѣ; я смотрѣлъ на ея свѣжее лицо и выразительные глаза съ таившимся въ ихъ глубинѣ познаніемъ добра и зла, презрѣніемъ къ презрѣнію людей и прямотою, искупающею ея ошибки.

— Вы не отвѣтили на мой вопросъ, капитанъ Клифэнъ. О чемъ вы задумались?

— О томъ, сколько было написано по поводу этихъ снѣговъ, и мнѣ вспомнилась одна строфа Броунинга.

— Пожалуйста, не цитируйте Броунинга... Онъ слишкомъ глубокъ для меня. Я спрашивала васъ о м-ссъ Эверсъ.

— Она очень умная женщина.

— Достаточно умна для того, чтобы понимать Броунинга?

— Вполнѣ.

Я не могъ отвѣтить иначе: я чувствовалъ себя слишкомъ обязаннымъ Катеринѣ за все, что она сдѣлала для меня въ смыслѣ моего развитія. Не она ли сняла съ моихъ глазъ повязку и научила меня цѣнить красоту? Все равно, съ м-ссъ Лэссельсъ мнѣ скоро придется поссориться.

— М-ръ Эверсъ не похожъ въ этомъ отношеніи на мать, и это даже нравится мнѣ. Пусть молодое остается молодымъ. Они очень привязаны другъ къ другу?

Мнѣ почудилась въ ея голосѣ ревнивая нотка,—и я отвѣтилъ, что, конечно, они очень любятъ другъ друга, хотя я давно не видѣлъ ихъ вмѣстѣ. Бобъ былъ милымъ мальчикомъ и изъ него вышелъ славный юноша.

— Да, онъ славный,—проговорила она задумчиво;—я прямо не знаю болѣе симпатичнаго человѣка,—съ нимъ такъ хорошо и просто себя чувствуешь.

— Онъ—типъ итонскаго юноши, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

— Пожалуй вы правы,—отвѣтила она, снисходительно улыбаясь,—но какъ вы его опредѣлите? Онъ какъ будто очень увѣренъ въ себѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до крайности простъ, не заносчивъ и очень деликатенъ: онъ никогда не задастъ безтактнаго вопроса.

Неужели мы всѣ заблуждались? Станетъ ли говорить такимъ образомъ авантюристка о томъ, кого она заманиваетъ въ свои сѣти? Или она попросту влюбилась въ него, какъ онъ—въ нее? Но ея опредѣленіе его характера было слишкомъ мѣтко и откровенно. Во всякомъ случаѣ, надо положить конецъ толкамъ.

Я заговорилъ, выбирая слова.

— Какъ вамъ сказать, м-ссъ Лэссельсъ? Эта независимость и увѣренность въ себѣ не столько относятся къ характеру, еще не успѣвшему окончательно сложиться, сколько выработались подъ вліяніемъ школы. Несмотря на свою кажущуюся самостоятельность, Бобъ еще не мужчина, а мальчикъ,—онъ не знаетъ ни свѣта, ни себя самого...

М-ссъ Лэссельсъ посмотрѣла на меня въ упоръ.

— Вы хотите сказать, что онъ не сумѣетъ уберечь себя отъ опасности?

— Я этого не сказалъ.

— Что же вы хотѣли сказать?

Она прямо смотрѣла мнѣ въ глаза и улыбалась румянымъ ртомъ. Просто обидно дѣлать себѣ врага изъ такой красивой женщины. Да и нужно ли это? Покуда я колебался, она встала и прошлась до края зеленой лужайки.

Въ то же время послышался звукъ, похожій на царапанье желѣза по камню. Кто-то карабкался въ подбитыхъ гвоздями сапогахъ по скалѣ.

— Теперь вы уже не успѣете отвѣтить, — шепнула м-ссъ Лэссельсъ:—вотъ и самъ м-ръ Эверсъ возвращается съ Монте-Роза. Мы сдѣлали ему сюрпризъ.

Это былъ дѣйствительно сюрпризъ. Я видѣлъ, какъ просіяли ихъ лица; въ ихъ обоюдномъ удовольствіи не могло быть сомнѣній. Когда онъ замѣтилъ меня, улыбка его не исчезла,—она только сдѣлалась иною; измѣнился и его тонъ.

— Великій Боже!—воскликнулъ Бобъ:—какъ это *вы* попали сюда? По желѣзной дорогѣ, надѣюсь?

— Нѣтъ, съ помощью костылей.

— Это я виновата, я показала ему дорогу,—сказала м-ссъ Лэссельсъ,—но капитанъ Клифэнъ съ своей стороны заупрямился и не хотѣлъ вернуться назадъ. А теперь разскажите о себѣ, м-ръ Эверсъ,—неужели намъ съ вами предстояло возвращаться этимъ путемъ, карабкаясь по утесамъ?

— Не намъ,—сказалъ Бобъ, иронически посмѣиваясь,— но мнѣ одному почему же было и не пройти здѣсь? Въ обходъ — слишкомъ далеко.

— А гдѣ же нашъ проводникъ?

— Стану я брать проводника для себя одного!

— Но вы могли провалиться въ расщелину.

— Я и то едва не провалился. А теперь вы позволите мнѣ проститься съ вами для того, чтобы переодѣться? Я—въ невозможномъ видѣ...

Онъ не безъ церемонности раскланялся съ м-ссъ Лэссельсъ и фамильярно кивнулъ мнѣ. Странно, что она не попыталась удержать его!

— Что вы хотѣли сказать относительно м-ра Эверса въ ту минуту, какъ онъ самъ появился передъ нами такъ неожиданно?—спросила м-ссъ Лэссельсъ по дорогѣ къ отелю.

— Я забылъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ скоро? Кажется, вы хотѣли сказать, что онъ не сумѣетъ уберечься отъ опасности?

— Должно быть не это, такъ какъ я вижу противное.

Въ сущности я уже нашелъ средство оградить Боба, не говоря ни слова ни ему, ни ей, и во всякомъ случаѣ не возстановляя противъ себя ихъ обоихъ.

V.

Конечно, я не намѣревался вступить въ соперничество съ Бобомъ, какъ это могъ бы вообразить Квинби,—я просто желалъ раздѣлить съ нимъ опасность, которой онъ подвергался въ ея обществѣ. На основаніи этого я отправилъ Катеринѣ Эверсъ успокоительную депешу, но не могу сказать, чтобы мысли мои были заняты исключительно Катериной въ то время, какъ я одѣвался къ обѣду и испортилъ три бѣлыхъ галстука.

Моя миссія показалась мнѣ заманчивой: ухаживать за красивою женщиной и видѣть ее такою, какова она есть на самомъ дѣлѣ, а не такою, какою вы желаете ее видѣть, когда разсудокъ вашъ затемненъ страстью. Тутъ нечего опасаться разочарованія; вамъ не приходится выбирать между систематическимъ самообманомъ и унизительнымъ сознаніемъ въ собственной ошибкѣ. Вы не возводите красавицу на недосягаемый пьедесталъ, и потому она не рискуетъ упасть съ него. Въ данномъ случаѣ женщина являлась передо мною со всѣми своими достоинствами и недостатками; ея прямота, мужество, независимость и стремленіе исправить разбитую жизнь — говорили въ ея пользу. Я питалъ къ м-ссъ Лэссельсъ извѣстную симпатію, чуждую всякаго увлеченія. Она не была высокообразованной женщиною и больше знала жизнь по первоисточнику, нежели изъ книгъ; она даже не любила много говорить, но она умѣла слушать, и я старался занимать ее, съ сознаніемъ, что я исполняю свой долгъ, и лишь по временамъ я испытывалъ угрызенія совѣсти, видя, какъ Бобъ изумленно слушаетъ насъ или молча отходитъ.

На третій день къ вечеру дождь, начавшійся съ утра, пересталъ, и на очистившемся небѣ ярко засіяли звѣзды. Мы сидѣли съ м-ссъ Лэссельсъ на стеклянной верандѣ, когда подошедшій Бобъ напомнилъ ей о томъ, что они условились завтракать на слѣдующій день близъ глетчера Финделенъ. Онъ улыбнулся мнѣ и его обращеніе было такъ же непринужденно, какъ и всегда, хотя за цѣлый день онъ ни разу не заговорилъ со мною. М-ссъ Лэссельсъ отвѣтила, что она не забыла. Тогда Бобъ обернулся ко мнѣ.

— Пойдите и вы съ нами!

— Это пожалуй слишкомъ далеко,—сказалъ я, рѣшившись сыграть на этотъ разъ вторую скрипку.

— Не для того, кто поднимался до Зеленой площадки.

— Тамъ нога очень скользитъ,—замѣтила м-ссъ Лэссельсъ, взглянувъ на мои костыли.

— Пусть онъ велитъ подбить гвоздями сапоги, и тогда можетъ подняться хоть на Маттергорнъ.

Это могло сойти за шутку, но въ тонѣ Боба мнѣ почуялся вызовъ, и мои великодушныя намѣренія разлетѣлись по вѣтру.

— Благодарю васъ, я воспользуюсь вашимъ совѣтомъ и сейчасъ же распоряжусь относительно сапогъ.— Съ этими словами я уступилъ свое мѣсто Бобу и ушелъ: пусть онъ не говоритъ, что я отбиваю у него м-ссъ Лэссельсъ. Его слова разозлили меня, и я еще болѣе разозлился, когда Квинби, болтавшійся по близости, имѣлъ безстыдство мнѣ шепнуть:

— Даете бѣдному юношѣ возможность отыграться?

— Я васъ не понимаю!

— Нечего притворяться! Сами знаете, что вы дѣйствовали въ этомъ случаѣ по военному: быстрота и натискъ...

Я окончательно взбѣсился. Не только Бобъ, но и всѣ здѣшніе сплетники истолковали по-своему мое вниманіе къ м-ссъ Лэссельсъ. Вмѣсто того, чтобы положить конецъ скандалу, я только еще болѣе раздулъ его.

Забывъ проведенные мною въ обществѣ м-ссъ Лэссельсъ пріятные часы, я сталъ жалѣть о томъ, что я ввязался въ эту исторію, но отказаться отъ прогулки къ глетчеру — ни за что! Бобъ самъ виноватъ.

Тѣмъ не менѣе, поднимаясь по живописной извилистой тропинкѣ къ Финделену, мы являли собою весьма согласное тріо. Бѣдный Бобъ держался сегодня не только джентльменомъ, но и настоящимъ мужчиною; съ нимъ прямо было пріятно имѣть дѣло; онъ уступалъ мнѣ мѣсто рядомъ съ м-ссъ Лэссельсъ, сочувственно слушалъ мои отвѣты на ея разспросы о военныхъ событіяхъ, смѣялся тамъ, гдѣ полагалось,—словомъ, я встрѣтилъ въ немъ вполнѣ лойяльнаго противника,—какъ ни странно подобное слово по отношенію къ сыну Катерины Эверсъ. Но я гналъ прочь эти непріятныя размышленія, а день былъ такъ хорошъ, что невольно этому способствовалъ. Въ горномъ лѣсу разливалось благоуханіе отъ земли, омытой вчерашнимъ дождемъ; снѣговыя вершины ослѣпительно выдѣлялись на бирюзовомъ небѣ, и Церматтъ казался игрушечнымъ городкомъ. Подъемъ разгорячилъ насъ, но первое

дуновеніе глетчера повѣяло на насъ освѣжающей струей. Ноги очень скользили, идти было трудно, но при помощи моихъ костылей и подбитыхъ гвоздями сапогъ я подвигался молодцомъ. Бобъ все время держался впереди, изрѣдка помогая м-ссъ Лесселсъ въ опасныхъ мѣстахъ; мы позавтракали на скалѣ взятою съ собою провизіей, и вернулись обратно тѣмъ же порядкомъ; но передъ обѣдомъ, когда я еще брился, Бобъ вошелъ ко мнѣ, безукоризненно, какъ всегда, одѣтый. Его свѣжее загорѣлое лицо было серьезно, какъ у судьи, и губы плотно сжаты. Я угадалъ, что предстоитъ „объясненіе". Онъ спросилъ: помню ли я нашъ первый разговоръ? Онъ назвалъ идіотами людей, которые думаютъ, что нельзя быть съ женщиною въ просто пріятельскихъ отношеніяхъ. Теперь онъ думаетъ, что они были правы.

Рука моя съ бритвою застыла въ воздухѣ.

— Вы это не серьезно, Бобъ?—воскликнулъ я, обернувшись къ нему.

— Серьезно,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.—А вы?

Мнѣ не случалось видѣть болѣе неожиданной аттаки,—у меня даже духъ захватило. Голубые глаза Боба пылали огнемъ.

— Я намѣренъ жениться на ней, если она пойдетъ за меня!—выпалилъ онъ.

Я не могъ засмѣяться. Несмотря на свои двадцать лѣтъ, онъ казался настоящимъ мужчиною, и ему нельзя было отказать въ характерѣ.

— Но вы такъ еще молоды, милый Бобъ...

— Это ужъ мое дѣло. У меня намѣренія серьезныя. А каковы ваши?

Я перевелъ духъ.

— Милый другъ, вамъ было угодно почтить меня вашею откровенностью, но это еще не обязываетъ меня быть откровеннымъ съ вами.

— Хорошо,—воскликнулъ онъ:—я буду дѣйствовать относительно васъ на чистоту, какъ бы вы ни дѣйствовали относительно меня. Я самъ заблуждался, я не понималъ своихъ чувствъ, но вы заставили меня глубже заглянуть въ себя. Какимъ способомъ вы этого достигли — спросите себя самого. Во всякомъ случаѣ, я признателенъ вамъ—и дѣлу конецъ.

Онъ повернулся и вышелъ, а я остался съ сознаніемъ, что я ускорилъ ту развязку, для предупрежденія которой я такъ спѣшилъ сюда изъ Англіи.

VI.

Я совершенно упустилъ изъ виду важнѣйшій элементъ во всѣхъ любовныхъ дѣлахъ — ревность. Мое появленіе и ничто иное—раздуло юношеское увлеченіе Боба въ настоящую страсть. Выдать Катерину и тайну моего присутствія—значило бы лишь ускорить неизбѣжный шагъ. Выдать м-ссъ Лэссельсъ и ея тайну—не помогло бы дѣлу. Переговорить съ м-ссъ Лэссельсъ, открыть ей тайну Катерины и мою — на это я не имѣлъ права. Ради Катерины я предпринялъ эту смѣшную миссію и не могъ бѣжать рядомъ со звѣремъ послѣ того, какъ охотился на него съ собаками. Лучше быть вѣрнымъ рыцаремъ одной женщины, нежели не быть вѣрнымъ ни одной. Я видѣлъ одно средство для спасенія бѣднаго Боба: продолжать игру, въ которой онъ меня заподозрилъ.

Но чѣмъ болѣе я думалъ о немъ, тѣмъ болѣе я убѣждался, что будь я на мѣстѣ м-ссъ Лэссельсъ, я безъ дальнихъ разговоровъ вышелъ бы замужъ за этого милаго юнаго идіота. Послѣ обѣда я увидѣлъ его съ нею на террасѣ, и у меня не хватило духу нарушить ихъ tête-à-tête. Зато, уже улегшись въ кровать, я долго лежалъ безъ сна, прислушиваясь къ шагамъ въ корридорѣ и ежеминутно ожидая увидѣть Боба, принесшаго мнѣ извѣстіе о помолвкѣ.

Слѣдующій день былъ воскресенье. За утренней службой, совершавшейся въ мѣстной церкви очень торжественно, я увидѣлъ м-ссъ Лэссельсъ—одну. Она показалась мнѣ взволнованной и озабоченной. Неужели онъ уже объяснился вчера, и она дала ему слово?

— Вы не ожидали встрѣтить меня въ церкви, м-ссъ Лэссельсъ?—спросилъ я, подождавъ ее у входа.

— А вы меня—тѣмъ болѣе? Не могу сказать, чтобы я была очень набожна, но иногда у меня является желаніе помолиться.

Она чуть замѣтно вздохнула; въ ней, какъ и въ Бобѣ, мнѣ почудилась какая-то неуловимая перемѣна. Я только-что предложилъ ей прогуляться въ Церматтъ, какъ вблизи показалась фигура Боба въ фланелевомъ костюмѣ, зорко наблюдавшаго за нами издали. Снявъ шляпу передъ м-ссъ Лэссельсъ и кивнувъ мнѣ, онъ подошелъ къ ней и предложилъ идти завтракать въ Церматтъ.

Она весело улыбнулась и развела руками.

— Какъ же мнѣ быть? Сейчасъ капитанъ Клифэнъ предложилъ мнѣ то же самое.

Бобъ гнѣвно сверкнулъ на меня глазами.

— Почему бы намъ не идти втроемъ?—воскликнулъ я, прежде чѣмъ онъ успѣлъ открыть ротъ.

Бобъ покачалъ головою. Онъ только желалъ показать м-ссъ Лэссельсъ ущелье, но я могу замѣнить его, такъ какъ въ сущности ему очень нужно подождать здѣсь проводника, за которымъ онъ уже давно охотится. Это—лучшій изъ проводниковъ на Маттергорнѣ; онъ ушелъ въ горы съ партіей туристовъ и его ждутъ обратно съ минуты на минуту.

Итакъ, мы отправились вдвоемъ, причемъ я рѣшилъ воспользоваться случаемъ для того, чтобы поговорить съ м-ссъ Лэссельсъ. Тропинка была очень узка, такъ что приходилось идти гуськомъ, и шумъ водопада заглушалъ наши голоса; изъ ущелья, образовавшагося вслѣдствіе горнаго обвала, мы вышли въ чудную, цвѣтущую долину; впечатлѣніе отъ окружающей природы было такъ сильно, что мы обмѣнивались лишь короткими замѣчаніями. Разговорились мы уже позднѣе, послѣ посѣщенія маленькаго музея, въ которомъ хранятся реликвіи погибшихъ во время катастрофы на Маттергорнѣ альпинистовъ. Мы долго разсматривали фотографіи двоихъ юношей, и я замѣтилъ, что оба они были въ годахъ Боба Эверса. М-ссъ Лэссельсъ измѣнилась въ лицѣ и проговорила:

— Пожалуйста, не пускайте его, капитанъ Клифэнъ!

— По какому праву?—спросилъ я, нѣсколько пораженный ея волненіемъ.

— Вы—въ родствѣ, и потомъ—развѣ вы не очень дружны съ его матерью?

Мнѣ пришлось выдержать испытующій взглядъ красивыхъ глазъ.

— Былъ прежде.

— Въ такомъ случаѣ, ради его матери, вы должны уберечь его отъ опасности.

Я въ свою очередь отвѣтилъ ей такимъ же взглядомъ, и заговорилъ очень неловко и нетактично, безъ сомнѣнія, но не могъ же я упустить подобнаго случая.

— Конечно, м-ссъ Лэссельсъ,—я сдѣлалъ и сдѣлаю все отъ меня зависящее для того, чтобы не допустить его до гибели. Для матери своей онъ дороже зѣницы ока; она не перенесетъ, если ей придется—такъ или иначе—потерять его...

Я выждалъ съ секунду, но м-ссъ Лэссельсъ только смотрѣла

на меня, плотно сжавъ губы и широко раскрывъ глаза. Я продолжалъ:

— Что касается Маттергорна, — я не думаю, чтобы опасность была такъ велика. Существуютъ цѣпи и всевозможныя приспособленія. Будь у меня здоровыя ноги,—я пошелъ бы съ нимъ.

— Чтобы раздѣлить опасность?

— И удовольствіе.

— Ахъ, да! И удовольствіе! Я забыла объ этомъ.

Не знаю, поняла ли она меня и были ли ея слова отвѣтомъ на мои, но съ меня довольно было символическихъ намековъ. Я уже сожалѣлъ, что затронулъ эту тему, такъ какъ прогулка наша оказалась испорченной, и мы въ молчаніи дошли до станціи желѣзной дороги. Но событія слѣдовали ускореннымъ темпомъ: Бобъ Эверсъ ожидалъ насъ у отеля и сейчасъ же послѣдовалъ за мною въ мою комнату.

Онъ былъ блѣденъ отъ сдерживаемаго гнѣва, но когда дверь затворилась, лицо его вспыхнуло яркимъ румянцемъ, хотя онъ заговорилъ, повидимому, спокойно.

— Дунканъ, одолжите мнѣ на выборъ одинъ изъ вашихъ костылей—самый тяжелый.

— На кой чортъ онъ вамъ понадобился?—спросилъ я, подумавъ прежде всего о своей собственной спинѣ.

— Чтобы отколотить по заслугамъ этого негодяя Квинби! Я хочу вздуть его теперь же, покуда на террасѣ много народу! Вы знаете, какіе слухи онъ позволилъ себѣ распространять?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я, и сердце у меня упало:—что онъ сказалъ?

Бобъ сконфузился и даже опустилъ глаза.

— Мнѣ стыдно и противно повторять это передъ вами: гнусная сплетня, касающаяся м-ссъ Лэссельсъ. Кажется, онъ самъ узналъ ее изъ письма, полученнаго имъ съ этою почтой, и, конечно, поспѣшилъ разнести по всему отелю... Почему я не взялъ съ собою палки?..

— Постойте,—сказалъ я, схвативъ его за руку:—какого же рода эта сплетня?

— Разводъ!—прошепталъ онъ.—Подумайте, Клифэнъ, этотъ человѣкъ говоритъ, что она развелась въ Индіи со своимъ мужемъ, и что вина—на ея сторонѣ.

— И вы хотите отколотить Квинби? Но, милый мой, вѣдь это только подольетъ масла въ огонь.

— По крайней мѣрѣ, лжецъ будетъ наказанъ.

— А вы такъ увѣрены, что это—ложь?

— Увѣренъ ли?—глаза его широко раскрылись.—Вы не знаете, какъ мы были дружны! Она такъ много разсказывала мнѣ о себѣ, хотя я и не разспрашивалъ ее...

Тогда я сказалъ ему, что это правда, сказалъ и причину, по которой я не говорилъ, что встрѣчался съ нею ранѣе: мнѣ пришлось бы упомянуть о томъ, что я зналъ ее не какъ м-ссъ Лэссельсъ. Это признаніе облегчило мою душу, и Бобъ, сначала омрачившійся, отвѣтилъ, что онъ точно такъ же поступилъ бы на моемъ мѣстѣ; онъ даже поблагодарилъ меня за мою сдержанность и сразу отнесся ко мнѣ теплѣе и сердечнѣе.

— Я радъ, что вы сказали мнѣ, Дунканъ, такъ какъ этимъ многое объясняется. Я начиналъ смотрѣть на васъ, простите, какъ на пришельца, но вы знали ее ранѣе, и это мѣняетъ дѣло. Я все же надѣюсь оставить васъ за флагомъ, но если вы оставите меня—это не будетъ мнѣ такъ обидно...

Я пришелъ въ ужасъ. Неужели и такое открытіе—не повліяло на него?

— Оно повліяло на мое отношеніе къ Квинби. Не стану его бить, хотя онъ и заслужилъ трепку.

— Но неужели въ ваши годы вы серьезно можете думать о женитьбѣ на женщинѣ, два раза бывшей замужемъ и разведенной съ первымъ своимъ мужемъ?

— Ея прошлое меня не касается,—проговорилъ онъ упрямо,—развѣ вы сами посмотрѣли бы на это?

Я могъ только отвѣтить, что я старше его и не единственный сынъ у матери.

— Моя мать—сама по себѣ, а я—самъ по себѣ. Я очень благодаренъ вамъ, Дунканъ, и надѣюсь, что вы не сердитесь на меня, но я знаю, что дѣлаю.

VII.

Я постарался оправдать доброе мнѣніе о себѣ моего молодого друга; весь вечеръ я избѣгалъ его, а послѣ обѣда отправился въ поиски за Квинби въ билліардную. Онъ возлежалъ на диванѣ и съ величіемъ паши слѣдилъ за игрою, похваливая прокурора, весьма посредственнаго игрока, и умышленно игнорируя мастерскіе удары его противника.

Онъ любезно очистилъ мнѣ мѣсто рядомъ съ собою, но я безъ всякаго угрызенія совѣсти спросилъ его, что это за слухи

относительно м-ссъ Лэссельсъ? Квинби, скользнувъ по мнѣ косымъ взглядомъ, отвѣтилъ, что если я говорю о разводѣ, то этотъ слухъ—совершенно справедливъ.

— Но кто же распространилъ его?

— Гм! Въ такомъ мѣстечкѣ все узнается само собою... Ловкій ударъ, сэръ Джонъ!

— Оставьте въ покоѣ ловкіе удары, Квинби, и отвѣчайте мнѣ. Я не задержу васъ. Я друженъ съ м-ссъ Лэссельсъ, и хочу знать: кто распространилъ эти толки? Если вы не скажете, я спрошу кого-нибудь другого.

Пурпуръ заката, струившійся въ окна билліардной, ярче запылалъ на лицѣ Квинби.

— Въ сущности я узналъ это первый—изъ письма Гамильтона, того сапера, который сообщилъ мнѣ о вашемъ пріѣздѣ и просилъ занять для васъ комнату.

— Значитъ, вы писали ему о ней и наводили справки?

— Это уже мое дѣло,—проговорилъ онъ въ носъ.

— Вполнѣ,—согласился я;—но считаете ли вы рыцарскимъ дѣломъ—наводить справки о прошломъ женщины, которую вы почти не знаете, и затѣмъ распространять ихъ по всему отелю? Спросимъ сэръ-Джона, что онъ объ этомъ думаетъ?

Подозвавъ сэръ-Джона, я изложилъ ему обстоятельства дѣла, не говоря о томъ, что въ немъ играетъ роль Квинби, и попросилъ его высказать по этому поводу свое мнѣніе. Прокуроръ покосился въ сторону взбѣшеннаго Квинби.

— Какъ вамъ сказать? Боюсь, что всѣ мы падки до скандала, и я самъ—въ томъ числѣ. Но если рѣчь идетъ о женщинѣ, да еще одинокой, и вся эта исторія—дѣла минувшихъ дней, то, по-моему, иниціаторъ заслуживаетъ, чтобы ему влетѣло.

Тутъ Квинби не выдержалъ и заговорилъ съ жаромъ, отчасти примирившимъ меня съ нимъ. Почему я прямо не назвалъ его? То, что онъ говорилъ—справедливо. Такъ-называемая м-ссъ Лэссельсъ была женою нѣмецкаго еврея въ Лагорѣ; онъ развелся съ нею потому, что она сбѣжала отъ него съ майоромъ Лэссельсомъ, котораго она такъ же бросила, и продолжаетъ носить его имя, не имѣя на это никакого права.

— Я не назову васъ лжецомъ, Квинби, потому что, очевидно, вы сами были введены въ заблужденіе. Во-первыхъ, эта дама—м-ссъ Лэссельсъ, такъ какъ майоръ женился на ней, а во-вторыхъ—онъ умеръ.

— Почему вы знаете?—спросилъ съ неподдѣльнымъ изумленіемъ Квинби.

— Вы забываете, что я самъ жилъ въ Индіи и лучше освѣдомленъ, чѣмъ вашъ корреспондентъ. Я познакомился тамъ съ м-ссъ Лэссельсъ и хорошо знаю ея исторію. Неужели вамъ не приходило въ голову, Квинби, сколько женщина должна выстрадать, прежде чѣмъ рѣшиться на подобный шагъ,—а вы подбавляете лишнюю каплю горечи въ ея чашу!

Квинби засмѣялся своимъ вызывающимъ смѣшкомъ и поднялся съ дивана.

— Вотъ вамъ благодарность за то, что вы хлопочете о комнатѣ для незнакомаго человѣка!

— Напротивъ, я благодаренъ вамъ, и доказалъ это тѣмъ, что спасъ васъ отъ колотушекъ. Человѣкъ во много разъ сильнѣе меня намѣревался избить васъ моимъ костылемъ.

— И по дѣломъ!—заключилъ сэръ-Джонъ, когда виновникъ удалился, оставивъ мою послѣднюю вылазку безъ отвѣта.—Вы говорите о молодомъ Эверсѣ, капитанъ Клифэнъ?

— Да, сэръ Джонъ. Мнѣ пришлось сказать ему правду для того, чтобы удержать его отъ „репрессалій“.

Юристъ изумленно приподнялъ брови.

— Какъ? Вы сказали ему только теперь? Конечно, вы дѣйствовали очень послѣдовательно и по-рыцарски относительно дамы, но я не увѣренъ: было ли это честно по отношенію къ юношѣ? Заступиться за женщину—одно, но позволить такому славному малому жениться на ней—другое дѣло.

Таково было мнѣніе искушеннаго опытомъ „гражданина вселенной“. Въ томъ, что такъ думаетъ Катерина, не было ничего удивительнаго: она пристрастна по праву; я и самъ такъ думалъ ранѣе, но теперь, изъ чувства противорѣчія, я готовъ былъ стать на сторону обвиняемой. Неужели м-ссъ Лэссельсъ, съ ея добрымъ, неиспорченнымъ сердцемъ, не можетъ быть хорошею женою? Не для Боба, конечно,—онъ еще мальчикъ,—это было бы съ его стороны безуміемъ и самоубійствомъ.

Я надѣлъ пальто, шляпу, и вышелъ на воздухъ. Круглая луна ослѣпительно сіяла на маленькомъ, оставленномъ горами клочкѣ неба. Изъ раскрытыхъ настежъ оконъ салона лился широкою мягкою волною голосъ знаменитой, недавно пріѣхавшей сюда пѣвицы, и казалось, что въ лунномъ сіяніи сами снѣговые великаны столпились вокругъ и прислушиваются къ чарующимъ звукамъ, дерзнувшимъ нарушить ихъ величавое молчаніе.

„Прикажетъ та, кого люблю—
Сажусь я на коня!
Награды я не уступлю,
Будь врагъ сильнѣй меня.

„Твои цвѣта ношу въ бою,
На сердцѣ—твой портретъ,
Кто не призналъ красу твою—
Тому пощады нѣтъ".

Противъ обыкновенія, слова старинной пѣсни не потонули въ мелодіи,—они звучали явственно страстнымъ, бодрымъ, почти вдохновеннымъ призывомъ. Немудрено, что всѣ въ отелѣ внимали имъ, затаивъ дыханіе. Я стоялъ какъ завороженный, когда по ступенямъ террасы быстро сбѣжалъ Бобъ Эверсъ въ такомъ видѣ, что я не сразу узналъ его.

— Ни слова никому!—шепнулъ онъ взволнованно:—я сейчасъ отправляюсь.

— Куда?—спросилъ я, только-что разглядѣвъ его горный костюмъ и лоснившееся отъ „смазки" при лунномъ свѣтѣ лицо.

— На Маттергорнъ.

— Ночью?

— Немного поздно. Потому-то я и прошу васъ молчать. Я досталъ пару замѣчательныхъ проводниковъ, ожидающихъ меня у домика сапожника. И пожалуйста не говорите мнѣ о мамѣ...

Я именно думалъ о ней. Катерина внушила мнѣ любовь къ поэзіи; къ ней я когда-то обращалъ мысленно строки этого стихотворенія.

— Обыкновенно въ горы отправляются на зарѣ.

— Все равно, теперь свѣтло. Въ два часа мы отдохнемъ, закусимъ, и со свѣжими силами начнемъ подъемъ. Посмотрите въ телескопъ. Я вернусь до вечера, и тогда...

— Что тогда?—спросилъ я, видя, что Бобъ колеблется.

— Тогда я узнаю свою судьбу. Я сдѣлалъ предложеніе м-ссъ Лэссельсъ; она не отказала мнѣ, но я сказалъ, что буду ждать до вечера. Я полагаю, что мнѣ слѣдовало сообщить вамъ объ этомъ, Клифэнъ. Если вы пожелаете попытать этимъ временемъ счастья, это будетъ даже лучше для насъ обоихъ. Разумѣется, я стану беречься; на Маттергорнѣ я все равно намѣревался побывать до отъѣзда, но я говорю вамъ, почему я рѣшилъ идти туда именно сегодня.

Не говорило ли въ немъ юношеское желаніе—подѣйствовать на воображеніе любимой женщины, тронуть ее, заставить ее волноваться и тревожиться за него? Если это и было, то безсознательно. Я крѣпко пожалъ ему руку, и видѣлъ, какъ онъ исчезъ за темными соснами. Изъ-за домика сапожника показались ему навстрѣчу двѣ рослыхъ, широкоплечихъ фигуры, и я долго еще слышалъ твердые, удалявшіеся отъ меня шаги троихъ мужчинъ.

Когда они затихли, я подошелъ къ сапожнику, стоявшему у дверей своего дома, и мы обмѣнялись нѣсколькими словами на ломаномъ французскомъ языкѣ.

— Вы знаете этихъ проводниковъ?

— Прекрасно знаю, monsieur.

— Они хорошіе проводники?

— Лучше не бываетъ, monsieur.

VIII.

— Это вы?

Я просидѣлъ цѣлый часъ на террасѣ, на которой впервые встрѣтилъ Боба съ м-ссъ Лэссельсъ, припоминая и группируя въ памяти нѣкоторыя мелочи, имѣвшія важное значеніе. Я разобралъ и свой собственный образъ дѣйствій, подвергнувъ его безпристрастной критикѣ.

Музыка давно уже смолкла, огни погасли, были освѣщены только окна спальныхъ комнатъ, но я все сидѣлъ, и опомнился лишь при вопросѣ м-ссъ Лэссельсъ.

— Это зависитъ отъ того, за кого вы меня приняли, — отвѣтилъ я, смѣясь и вставая съ мѣста.

— Какъ это глупо съ моей стороны! Я думала, что это м-ръ Эверсъ!

Значитъ, онъ не сказалъ ей, что идетъ въ горы! Бобъ оказывался болѣе чуткимъ, нежели можно было предположить, хотя меня это не удивило.

— Жалѣю, что принужденъ разочаровать васъ, но боюсь, что вы уже не увидите его сегодня.

— Что вы хотите сказать? — спросила она подозрительно.

— Удивляюсь, что онъ умолчалъ объ этомъ. Онъ отправился на Маттергорнъ.

— Не можетъ быть!

— Однако онъ ушелъ, болѣе часа тому назадъ, взявъ съ собою двоихъ проводниковъ.

— Онъ сразу это рѣшилъ?

— Да—болѣе или менѣе.

Я ожидалъ слѣдующихъ вопросовъ, но она замолчала. Выплывшая изъ-за облака луна озарила ея фигуру; я увидѣлъ, что она была въ ватерпруфѣ, но безъ капюшона, и лицо ея выражало тревогу и неудовольствіе, но никакихъ признаковъ болѣе глубокаго чувства.

— Глупый мальчикъ! Какъ вы думаете, онъ не очень рискуетъ, капитанъ Клифэнъ?

— По-моему, онъ рискуетъ менѣе, чѣмъ при другихъ обстоятельствахъ. При немъ два лучшихъ проводника, и по всей вѣроятности онъ вернется завтра живъ и здоровъ и страшно доволенъ собою. А тѣмъ временемъ я хотѣлъ бы поговорить съ вами о Бобѣ, м-ссъ Лэссельсъ. Я давно уже собираюсь.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросила она холодно:—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Половина оконъ была отворена; мы сошли съ террасы и направились въ аллею, бывшую шагахъ во ста отъ отеля. Дорогою я сказалъ ей, что Бобъ довѣрился мнѣ, но его признаніе такъ меня удивило, что мнѣ до сихъ поръ какъ-то не вѣрится. Онъ сдѣлалъ ей предложеніе?

— Такой мальчуганъ!—проговорилъ я пренебрежительно съ тѣмъ, чтобы вызвать м-ссъ Лэссельсъ на отвѣтъ, такъ какъ она упорно молчала.

— Неужели это правда, м-ссъ Лэссельсъ?—продолжалъ я, не смущаясь дальнѣйшимъ ея молчаніемъ.

— Это правда.

— И вы не дали ему рѣшительнаго отвѣта?

— Не понимаю, какое вамъ до этого дѣло?—рѣзко проговорила м-ссъ Лэссельсъ.—А если онъ все разсказалъ вамъ, не понимаю, почему вы меня спрашиваете? Ну, да! Я не отказала ему въ окончательной формѣ.

— Но вы откажете ему?

Мы подошли къ скамьѣ, но не сѣли. М-ссъ Лэссельсъ глядѣла на меня съ гнѣвомъ и недовѣріемъ; я же, выпаливъ свою фразу, смягчился.

— А почему бы мнѣ отказывать ему?—сказала она съ достоинствомъ и довольно спокойно.

— Но вѣдь онъ—такой мальчикъ,—повторилъ я свои слова, не рѣшаясь приводить другихъ доводовъ,—ему еще нѣтъ двадцати лѣтъ...

— А мнѣ лѣтъ тридцать-пять, по вашему мнѣнію? Я вышла замужъ восемнадцати лѣтъ, а теперь мнѣ двадцать шесть. Можете этому вѣрить или не вѣрить.

— Въ другихъ отношеніяхъ вы—много старше его.

— Я знаю, о чемъ вы говорите. Ошибки прошлаго прощаются только мужчинамъ. Женщина не можетъ начать жизнь сызнова,—этого никогда не было и не будетъ.

— Я не сказалъ ничего подобнаго, м-ссъ Лэссельсъ!—воскликнулъ я съ жаромъ.

— Нѣтъ, вы не сказали, но подумали. Я была несчастна, я сдѣлала ошибку, слѣдовательно я никогда уже не могу быть счастлива, никогда не буду права. Я не могу выйти замужъ за порядочнаго человѣка, даже въ томъ случаѣ, если полюблю его и онъ полюбитъ меня.

— Я никогда не говорилъ ничего подобнаго!—повторилъ я, и на этотъ разъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ, такъ какъ м-ссъ Лэссельсъ спросила голосомъ, еще дрожащимъ отъ негодованія, но въ которомъ слышались слезы:—Что̀ же такое вы хотѣли сказать?

— Я думаю, — проговорилъ я искренно, — что тотъ, кто женится на васъ—счастливый человѣкъ!

Я увидѣлъ при лунномъ свѣтѣ, какъ блеснули ея глаза и мимолетный румянецъ покрылъ ея щеки. Она отвѣтила насмѣшливо, какъ мнѣ показалось:

— Благодарю васъ, капитанъ Клифэнъ!

— Но онъ долженъ быть мужчиною, а не мальчикомъ и еще менѣе — единственнымъ сыномъ женщины, съ которою вы никогда не поладите.

— Вы увѣрены въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ? А вы съ нею ладите? — Послѣднюю фразу она произнесла съ особою интонаціей.

Этого я не могъ отрицать.

— Вы даже восхищаетесь ею? Значитъ, вы должны считать меня очень непріятною женщиною, если полагаете, что я не уживусь съ нею?

— Это не то, м-ссъ Лэссельсъ. Вы должны меня понять. Вы хотите выйти за мужъ за ея сына... — М-ссъ Лэссельсъ улыбнулась.

— Допустимъ, что вы хотите. Этого для лэди Катерины совершенно достаточно. Будь вы олицетвореніемъ всѣхъ совершенствъ, она скорѣе согласилась бы умереть, нежели позволить ему жениться въ его годы. Не говорю, что она неправа, и не говорю, что она права. Но таковъ фактъ. Вы имѣли бы дѣло съ настоящею львицей, защищающей своего дѣтеныша.

Мнѣ вдругъ представилась Катерина такою, какою она предстала мнѣ при послѣднемъ свиданіи, — но это видѣніе вмигъ исчезло, и я увидѣлъ м-ссъ Лэссельсъ, смѣявшуюся при лунномъ свѣтѣ, какъ своевольный ребенокъ.

— Нѣтъ, право я должна выйти за него и посмотрѣть, что̀ изъ этого выйдетъ!

— Если вы это сдѣлаете,—отвѣтилъ я серьезно,—вы разлучите мать съ сыномъ и загубите вашу собственную жизнь.

Задорная улыбка исчезла съ ея лица; она какъ-то вопросительно заглянула мнѣ въ глаза.

— Вы отлично знаете м-ссъ Эверсъ?

Я осторожно отвѣтилъ, что часто видался съ нею раньше.

— Значитъ, вы совсѣмъ не встрѣчались за послѣдніе годы?

Мнѣ не понравился ея тонъ, но она говорила такъ прямо, что трудно было не отвѣчать ей тѣмъ же.

Однако я попробовалъ уклониться, сказавъ, что потерялъ изъ виду Боба и его мать со времени моего отъѣзда въ Индію.

— То-есть, до вашего возвращенія сюда?—настаивала она.

— Конечно, я разсчитываю повидаться съ нею,—заключилъ я, надѣясь, что допросъ оконченъ.

— Мнѣ кажется, что вы повидались съ нею передъ тѣмъ, какъ поѣхать въ Церматтъ?

Всѣ пути къ дальнѣйшей лжи были мнѣ отрѣзаны.

— Ну, да,—отвѣтилъ я развязно:—я, дѣйствительно, былъ у нея.

Лицо м-ссъ Лэссельсъ было въ тѣни; меня, наоборотъ, луна озаряла въ эту минуту съ головы до ногъ, и я чувствовалъ, что проницательные глаза наблюдаютъ за мною.

— Какъ странно, что Бобъ не сообщилъ мнѣ о вашемъ свиданіи съ его матерью!

— Я не сказалъ объ этомъ Бобу.

— Это было странно съ вашей стороны, капитанъ Клифэнъ.

— Нисколько. Бобъ только-что повздорилъ, какъ вамъ извѣстно, со своимъ другомъ Кеннерли и они разъѣхались. Онъ могъ подумать, что тотъ насплетничалъ на него, и что я пріѣхалъ ради наблюденія за нимъ.

Снова наступило молчаніе; я приготовился къ худшему.

— Тутъ, можетъ быть, есть доля правды,—проговорила м-ссъ Лэссельсъ.

— Можетъ быть,—согласился я.

Наступила пауза — самая длинная изъ всѣхъ; луна зашла за тучи, и я уже не могъ слѣдить за выраженіемъ лица моей собесѣдницы, хотя чувствовалъ, что я много теряю.

— Я запуталась-было, но теперь я начинаю понимать,—продолжала м-ссъ Лэссельсъ:—Вы навѣстили его мать, до васъ дошли слухи, и вы предложили или согласились поѣхать — присмотрѣть за бѣднымъ мальчикомъ. Вѣдь я болѣе или менѣе права, капитанъ Клифэнъ?

Тонъ ея былъ медово-ледяной.

— Болѣе или менѣе,—согласился я иронически.

— Конечно, я не знаю и не желаю знать, какого рода слухи распространилъ этотъ жалкій юноша. Но я могу угадать. Не даромъ я странствую изъ отеля въ отель. И вотъ,—продолжала она со страннымъ взглядомъ, котораго я никакъ не могъ опредѣлить,—вы узнали кто я, и ваши худшія опасенія оправдались. Удивляюсь, какъ вы не сообщили обо всемъ Бобу, хотя для человѣка съ истинно рыцарскимъ характеромъ это открытіе, конечно, не имѣло бы значенія.

Я молча поклонился.

— Но, впрочемъ, не было надобности обращаться къ Бобу. Вы могли поговорить со мною. Почему вы этого не сдѣлали?

— Потому что не желалъ съ вами ссориться: ваше общество было для меня слишкомъ пріятно,—отвѣтилъ я отъ души.

— Это очень мило съ вашей стороны, — сказала м-ссъ Лэссельсъ почти прежнимъ своимъ добродушнымъ тономъ, всегда привлекавшимъ меня,—если только вы искренни, разумѣется.

— Теперь я вполнѣ искренень.

— Такъ что же, по-вашему, мнѣ слѣдуетъ сдѣлать?—спросила она мягко, что польстило моему самолюбію; очевидно, она собирается послѣдовать моему совѣту.

— Отказать ему.

— И затѣмъ?...—Слова эти она произнесла почти шопотомъ.

— И затѣмъ...—Я колебался. Мнѣ было тяжело высказать до конца мою мысль. Мы были добрыми друзьями, я цѣнилъ ея общество, и тѣмъ не менѣе между нами происходило теперь объясненіе далеко не дружескаго характера. Острота его смягчалась, дружескія отношенія могли снова наладиться, и тѣмъ непріятнѣе и тяжелѣе было мнѣ дать ей единственный совѣтъ, подсказываемый мнѣ долгомъ и обстоятельствами. Если она приметъ его—я лишусь ея общества, и мнѣ предстоитъ выдержать гнѣвъ Боба. Чтобы облегчить себѣ задачу, я рискнулъ взять руку м-ссъ Лэссельсъ, и былъ радъ, что она дозволила мнѣ эту дружескую фамильярность.

— Будь я на вашемъ мѣстѣ—я отбросилъ бы всякія „затѣмъ“. Я отказалъ бы ему при такихъ обстоятельствахъ, которыя сдѣлали бы немыслимымъ дальнѣйшее настаиваніе съ его стороны. Теперь—самый удобный для этого случай.

— Въ самомъ дѣлѣ?—голосъ ея дрогнулъ, и я ощутилъ легкій трепетъ теплой руки, которую я держалъ въ своей.

— Самый удобный случай, если только вы не черезчуръ привязаны къ этому мѣсту и къ намъ всѣмъ... (Рука ея безсильно лежала въ моей.) М-ссъ Лэссельсъ, на вашемъ мѣстѣ, я

уѣхалъ бы завтра утромъ (рука ея выскользнула изъ моей), покуда онъ еще на Маттергорнѣ... И я скрылъ бы отъ него свой адресъ—такъ чтобы онъ не могъ найти моихъ слѣдовъ.

Взрывъ смѣха прервалъ меня. Въ первую минуту я даже не повѣрилъ, что это смѣется моя спутница, и оглядѣлся кругомъ, но никого по близости не было. Это былъ удивительно веселый смѣхъ,—только онъ звучалъ рѣзко и жестко.

— Благодарю васъ, капитанъ Клифэнъ! Чудесно! Я видѣла, къ чему вы клонили, и только удивлялась, какъ я могу сдерживаться? Ваше заключеніе въ особенности—верхъ безстыдства. Конечно, теперь—самый удобный случай. Его нѣтъ, а *вы* поспѣшили воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ. Это позабавитъ его, хотя и раскроетъ ему на многое глаза. Предупреждаю васъ, что я все разскажу ему; я повторю каждое слово, которое вы имѣли дерзость сказать мнѣ...

Она подобрала платье и отвернулась отъ меня, готовясь уйти. Напускная веселость исчезла. Истинное негодованіе звучало въ ея глубокомъ мелодичномъ голосѣ, чувствовалось во всей ея стройной, гордо выпрямившейся фигурѣ. Я не помню, скрылась ли въ эту минуту луна за облаками, но я чувствовалъ, какъ пылали глаза оскорбленной женщины—сухимъ блескомъ, не смягчаемымъ слезами. Хотя она презирала меня, я не могъ не восхищаться ею такъ, какъ я восхищался до сихъ поръ лишь одною женщиною, и менѣе всего я думалъ, что подобное восхищеніе вызоветъ во мнѣ м-ссъ Лэссельсъ.

Мы стояли, мѣряя другъ друга взглядомъ; затѣмъ, приподнявъ шляпу, я поздравилъ ее и Боба.

— Я не сказалъ вамъ, почему онъ вздумалъ пойти на Маттергорнъ. Онъ слишкомъ волновался, ожидая рѣшенія своей судьбы. Еслибы теперь можно было извѣстить его!

М-ссъ Лэссельсъ взглянула по направленію къ горѣ, вершина которой была окутана туманомъ.

— Зачѣмъ вы отпустили его!—воскликнула она съ упрекомъ, и тонъ ея былъ такъ искренен, такъ далекъ отъ мелкихъ и злобныхъ чувствъ, которыя я имѣлъ несчастіе возбудить въ ней, что я ощутилъ глубокое сожалѣніе. Въ этомъ восклицаніи, быть можетъ, безсознательно сказалась настоящая женщина,—оно исходило прямо отъ сердца.

Она пошла къ дому, и я молча послѣдовалъ за нею, сознавая себя незаслуженно разбитымъ на голову.

IX.

Утро настало холодное, вѣтреное, туманъ окуталъ всю долину Церматта, и Маттергорнъ совершенно исчезъ изъ виду. Когда я спустился внизъ, мнѣ удалось разглядѣть вершину; все остальное было окутано густою бѣлой пеленой. На стеклянной верандѣ отеля уже сидѣлъ у телескопа какой-то человѣкъ, не отрывавшій глазъ отъ трубки.

— Вы видите кого-нибудь?—спросилъ я.

Онъ покачалъ головою и поднялся съ мѣста.

— Никого не вижу, и очень этому радъ. Утро—самое отвратительное, какое только можно себѣ представить. Вчера была чудная погода, и пожалуй какіе-нибудь туристы отправились туда, а затѣмъ у нихъ не хватило благоразумія вернуться. Посмотрите сами.

— Благодарю васъ. Если ужъ вы ничего не видите, то я—тѣмъ болѣе. Вѣдь вы альпинистъ?—Я заключилъ это по его носу, съ котораго мѣстами облупилась кожа. Онъ скромно улыбнулся.

— О, да, я поднимался на Маттергорнъ съ разныхъ сторонъ — съ проводниками и безъ нихъ. Теперь это не рѣдкость, при современныхъ приспособленіяхъ, веревкахъ, цѣпяхъ и тому подобномъ. Не хватаетъ только желѣзной лѣстницы... А все же я не желалъ бы тамъ быть сегодня.

— Даже съ проводниками?—спросилъ я, обезпокоенный.

— Это судя по проводнику. Они тоже не любятъ вѣтра и тумана. Имъ хорошо извѣстно, чѣмъ это угрожаетъ.

Теперь я понялъ, что опасность существуетъ, и могъ только надѣяться, что Бобъ Эверсъ или его проводники будутъ имѣть настолько нравственнаго мужества, чтобы вернуться съ полъ-дороги, хотя въ своемъ романическомъ увлеченіи онъ скорѣе былъ склоненъ идти навстрѣчу опасности. Я зналъ его лучше, нежели онъ самъ.

Мои опасенія скоро подтвердились. Вернувшись на веранду послѣ завтрака въ швейцарскомъ трактирчикѣ, гдѣ угощали домашнимъ печеньемъ и медомъ, я засталъ вокругъ телескопа цѣлую толпу любопытныхъ и среди нихъ моего новаго пріятеля альпиниста.

— Мы ошиблись, — пробормоталъ онъ: — какіе-то безумцы отправились туда.

— Сколько ихъ?—спросилъ я съ живостью.

— Не знаю, теперь не доберешься до телескопа, покуда облака опять не сгустятся.

Я взглянулъ на Маттергорнъ. Риза тучъ разорвалась, и я увидѣлъ темную массу горы, увѣнчанную снѣговою шапкой.

— Ихъ трое, — объявилъ чей-то голосъ: — одинъ высокій, длинноногій—и двое проводниковъ.

— Они ясно выдѣляются на снѣгу, — продолжалъ Квинби, занявшій наблюдательный постъ: — кажется, они спускаются?.. — Нѣтъ, они поднимаются вверхъ...

— Значитъ, они покуда въ безопасности, — сказалъ альпинистъ: — самое трудное — спускъ...

— Веревка такъ и развѣвается по вѣтру между ними... Какой тамъ, должно быть, вѣтеръ!.. Она выгнулась дугою, уклонъ очень великъ...

— Подъемъ ничего не значитъ, — пробормоталъ альпинистъ.

Я прошелъ въ залу, смутно надѣясь встрѣтить м-ссъ Лэссельсъ, заглянулъ въ гостиную, но и тамъ ея не было. Дорогою я бросилъ взглядъ на невзятыя адресатами письма—на мое имя ничего не было, но я замѣтилъ адресованный Робину Эверсу, эсквайру, конвертъ безъ марки, надписанный твердымъ, прямымъ, нѣсколько крупнымъ почеркомъ. Я никогда не видѣлъ почерка м-ссъ Лэссельсъ, но почему-то былъ убѣжденъ, что письмо—отъ нея. Я обратился къ портье.

— Вы не видѣли м-ссъ Лэссельсъ сегодня утромъ?

— Она уѣхала, сэръ.

— Знаю. Но съ какимъ поѣздомъ?

— Съ первымъ утреннимъ, идущимъ на Церматтъ, сэръ.

— Мнѣ очень жаль. Я надѣялся повидать м-ссъ Лэссельсъ до отъѣзда. Теперь придется ей написать. Она оставила адресъ?

— О, да, сэръ.

— Хорошо. Я справлюсь позже. А нѣтъ ли мнѣ писемъ?

— Нѣтъ, сэръ.

Я посмотрѣлъ черезъ плечо портье, и письмо на имя Боба возбудило во мнѣ тройное чувство зависти, любопытства и тревоги. Мнѣ хотѣлось бы получить отъ м-ссъ Лэссельсъ пару строкъ, какъ бы ни были онѣ обидны: молчаливое презрѣніе всего тяжелѣе. Я желалъ также узнать—что она написала Бобу, и вмѣстѣ съ тѣмъ я опасался этого „прощальнаго слова“.

Теперь я могъ торжествовать побѣду; какъ ни тяжела и непріятна была моя задача, я выполнилъ ее съ успѣхомъ и устранилъ „опасную женщину“,—но подъ этимъ внѣшнимъ торжествомъ таилось болѣе глубокое чувство неудовлетворенности и

недовольства собою. Конечно, въ глубинѣ души м-ссъ Лэссельсъ сознавала всю невозможность этого брака такъ же ясно, какъ и всѣ мы, но все же это я окончательно открылъ ей глаза и заслужилъ благоволеніе Катерины Эверсъ.

Странно, что послѣднее соображеніе мало доставляло мнѣ удовлетворенія, и я даже неохотно останавливался на этой мысли. Я нарочно сталъ думать объ опасности, которой подвергался Бобъ. Что если съ нимъ случится несчастіе? Какая иронія судьбы! Какой ударъ для оставшихся въ живыхъ! Мать пожалуй предпочла бы видѣть его скорѣе мертвымъ, нежели женатымъ на „подобной женщинѣ“,—но эта женщина не простила бы ни себѣ, ни мнѣ.

Когда я вернулся на террасу, вершина Маттергорна уже снова исчезла за бѣлою завѣсою тумана; публика раздѣлилась на группы и оживленно обсуждала событія. Какимъ-то образомъ всѣ узнали, что на Маттергорнъ отправился именно Бобъ, всегда производившій сенсацію въ отелѣ; а когда къ тому же стало извѣстно объ отъѣздѣ м-ссъ Лэссельсъ, всѣ рѣшили, что ея измѣна отправила бѣднаго юношу на вѣрную смерть. Никто не ожидалъ увидѣть его живымъ, и нельзя было найти лучшаго развлеченія въ ненастный день, чѣмъ обсужденіе подробностей воображаемой трагедіи. Укоризненные взоры по моему адресу служили доказательствомъ, что и мнѣ приписывалась въ ней роль.

Вечеръ прошелъ для меня въ сплошной тоскѣ и тревогѣ. Ни одного солнечнаго луча извнѣ, ни одной искры тепла внутри. Маттергорнъ казался грознымъ, стерегущимъ свою жертву чудовищемъ. И въ то время, какъ я терзался опасеніями у себя въ комнатѣ, Бобъ Эверсъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся въ отель и прямо прошелъ къ себѣ, взявъ поданное ему привратникомъ письмо.

Эти подробности я узналъ отъ моего пріятеля альпиниста, которому онъ весьма сухо отвѣтилъ на его вопросъ о Маттергорнѣ.

Тщетно ждалъ я однако, что Бобъ зайдетъ ко мнѣ,—онъ, точно Маттергорнъ, оставался невидимъ, и полученное мною отъ Катерины письмо еще болѣе усилило мое безпокойство. Не вздумалось ли ей написать на тотъ же сюжетъ Бобу? Это не было такимъ письмомъ, какое было бы пріятно получить отъ женщины, поставленной на недосягаемый пьедесталъ. Одно я могу сказать о немъ: много лѣтъ тому назадъ, я желалъ найти въ Катеринѣ хотя какую-нибудь общечеловѣческую слабость. Теперь она судила м-ссъ Лэссельсъ съ черезчуръ общечеловѣческой точки зрѣнія.

Потерявъ терпѣніе, я спряталъ самолюбіе и тактическія соображенія въ карманъ и самъ отправился къ Бобу. Въ комнатѣ его виднѣлся свѣтъ. Въ отвѣтъ на мой стукъ онъ рѣзко крикнулъ:—Войдите!—Я нашелъ его въ рубашкѣ и жилетѣ,—онъ укладывался и при моемъ входѣ изумленно вытаращилъ на меня глаза. Что такое могла написать ему м-ссъ Лэссельсъ?

— Уѣзжаете?—спросилъ я, затворяя за собою дверь. Видя это, Бобъ приподнялъ брови и, бросивъ на лету:—Да!—снова наклонился надъ своимъ чемоданомъ, поставленнымъ на постель.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ смилостивился и поднялъ на меня глаза.

— Могу я чѣмъ-нибудь быть вамъ полезнымъ, Клифэнъ?

— Это зависитъ отъ того, куда вы уѣзжаете.

Бобъ улыбнулся и, не поднимая головы, проговорилъ:

— Я думалъ, что это что-нибудь спѣшное.

— Да, спѣшное. Есть нѣчто такое, что вы можете сейчасъ же сдѣлать для меня. Постарайтесь повѣрить, что я не поступилъ относительно васъ такъ предательски, какъ это можетъ вамъ казаться.

— Ну, что объ этомъ говорить!—сказалъ онъ тономъ, явно противорѣчившимъ его словамъ:—все хорошо, что хорошо кончается... Я не могу упрекать васъ, какъ вы не могли бы упрекать меня. Надѣюсь, наоборотъ, что вы позволите мнѣ васъ поздравить?

Тутъ я въ свою очередь уставился на него.

— Меня не съ чѣмъ поздравлять.

— Развѣ вы не помолвлены съ нею?

— Конечно нѣтъ! Великій Боже, что могло внушить вамъ подобную мысль?

— Все!—воскликнулъ Бобъ, очевидно очень пораженный.—Видите ли, я получилъ отъ м-ссъ Лэссельсъ письмо.

— Да?—спросилъ я съ дѣланною небрежностью и сильнымъ желаніемъ узнать его содержаніе.

— Всего нѣсколько строкъ... Я получилъ ихъ сразу по возвращеніи и почти пожелалъ скатиться съ горы. Не стоитъ теперь объ этомъ говорить, но я думалъ, что вы все знаете... Обычный отказъ, изложенный въ очень милой формѣ... Она не пишетъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ, и совѣтуетъ обратиться за свѣдѣніями къ вамъ.

— Но вы не удостоили этого сдѣлать?

Бобъ засмѣялся—почти дружелюбно.

— Я послалъ васъ къ чорту,—сказалъ онъ:—разумѣется, я рѣшилъ, что счастливецъ—вы. Я и до сихъ поръ такъ думаю.

— Вы ошибаетесь.

— Неужели вы хотите сказать, что она отказала и вамъ?

— Я не дѣлалъ ей предложенія.

Бобъ совершенно по-дѣтски раскрылъ глаза во всю ихъ ширину.

— Но я полагалъ, что у васъ серьезныя намѣренія?

— Я только сказалъ, что смотрю серьезно на это дѣло.

— Это то же самое,—возразилъ онъ рѣзко;—можетъ быть, вы—другого мнѣнія, но мнѣ безразлично, какого вы мнѣнія. Я только сожалѣю, что вы такъ выразились...

Тонъ его убѣдилъ меня въ томъ, что онъ сокрушается не о себѣ лично, и я мгновенно ощутилъ укоры моей виновной совѣсти.

— Почему вы сожалѣете?

— Не вслѣдствіе личныхъ причинъ. Я въ сущности — въ восторгѣ.

— Въ такомъ случаѣ, вы хотите сказать, или вы... сказали ей, что у меня серьезныя намѣренія?

Бобъ Эверсъ улыбнулся мнѣ въ лицо, и это было его единственной местью, смягченной однако невыразимо милымъ прямодушіемъ и дѣтскою довѣрчивостью, не покинувшими его даже въ этотъ часъ униженія.

— Не совсѣмъ въ этихъ выраженіяхъ, но боюсь, что я дѣйствительно далъ ей это понять. Я думалъ, что это такъ. Мнѣ очень жаль, Дунканъ. Но въ сущности вамъ подѣломъ!

Ничего не отвѣчая, я поглядѣлъ на чемоданъ. Бобъ вдругъ пересталъ укладываться, но я молча пошелъ къ двери.

— Мнѣ очень жаль,—повторилъ онъ и, догнавъ меня, протянулъ мнѣ руку.

— И мнѣ тоже,—сказалъ я, пожимая ее.

Но въ эту минуту я думалъ не о себѣ.

X.

Была половина ноября, и я снова стоялъ въ знакомой гостиной. Драпировки у оконъ были спущены, въ каминѣ горѣлъ огонь, и за исключеніемъ электричества, котораго раньше не было, все оставалось здѣсь такимъ же, какъ въ августѣ. Впрочемъ—нѣтъ. На каминѣ я замѣтилъ новый портретъ Боба, который я принялся изучать съ какимъ-то болѣзненнымъ любопытствомъ. Показалось ли мнѣ это вслѣдствіе близкаго знакомства съ его интимными дѣлами, но я нашелъ, что юноша измѣнился, сталъ

серьезнѣе, сосредоточеннѣе; онъ возмужалъ, выраженіе лица его было осмысленнѣе, но отчасти утратило дѣтскую наивность и довѣрчивость.

— Смотрите карточку Боба? Очень хорошъ, не правда ли? Какъ видите, отлично все обошлось.

Катерина Эверсъ такъ же горячо и признательно пожимала мнѣ руку, какъ въ часъ прощанія, но я подмѣтилъ въ ней нѣкоторую нервность, которая страннымъ образомъ придала мнѣ самоувѣренности: еще впервые я дерзнулъ взглянуть на Катерину критическимъ взоромъ.

— Только-что сегодня отъ него было письмо... Онъ играетъ въ футболлъ и уже получилъ малый призъ. Въ Итонѣ онъ былъ первымъ, но не надѣялся на успѣхъ въ Кембриджѣ. А теперь онъ пишетъ, что у него есть шансы... Письмо его такъ радостно, Дунканъ. И я такъ признательна—вамъ...

На Катерину пріятно было смотрѣть. Говоря о Бобѣ, она была оживлена, пересыпая рѣчь свою восклицательными знаками, какъ и свои письма. Жизнь и свѣтъ искрились въ ея большихъ умныхъ глазахъ, въ каждой чертѣ тонкаго интеллигентнаго лица, въ каждомъ звукѣ суховатаго голоса. Привлекательная женщина, молодая женщина съ сердцемъ, полнымъ любви, симпатіи и нѣжности—къ Бобу. Но когда она благодарила меня, я подмѣтилъ въ ней новую для Катерины Эверсъ черту—какое-то странное замѣшательство.

— Не станемъ говорить объ этомъ,—сказалъ я;—я ничуть не горжусь моимъ дѣломъ.

Она окинула меня характернымъ проницательнымъ взглядомъ и усадила у огня.

— Нечего спрашивать васъ о здоровьи. Вы никогда не имѣли болѣе цвѣтущаго вида. Хорошо, что вы не поторопились съ возвращеніемъ. Но вы все еще съ костылями, Дунканъ? Видали ли вы вашего хирурга? Что онъ сказалъ?

— Боюсь, что мнѣ придется проститься съ военной службой.

Катерина не только огорчилась, но вознегодовала. Увѣренъ ли я, что мой врачъ не ошибается? Надо посовѣтоваться съ вторымъ, третьимъ, четвертымъ. Существо наиболѣе достойное сожалѣнія—это человѣкъ безъ профессіи, безъ опредѣленныхъ занятій. Сожалѣніе Катерины было такъ велико, что походило на ужасъ.

— Къ счастію, у меня есть кое-какія средства,—сказалъ я:—попробую заняться чѣмъ-нибудь другимъ,—пожалуйста не тревожьтесь обо мнѣ; я хотѣлъ поговорить съ вами о другомъ.

Катерина оторвалась отъ созерцанія огня, по которому она, казалось, гадала о моей злополучной судьбѣ, и подозрительно взглянула на меня. Вѣдь она уже сказала мнѣ о Бобѣ?

— Рѣчь идетъ не о Бобѣ и не о томъ, что, по вашему мнѣнію, я сдѣлалъ для него. Я хотѣлъ говорить съ вами о той дамѣ.

Лицо Катерины выразило облегченіе и вмѣстѣ съ тѣмъ— новую тревогу.

— Неужели вы хотите сказать, что эта особа... Но я только-что сегодня получила отъ Боба письмо. Оно—такое радостное...

Я не могъ не улыбнуться.

— Они не видятся, не безпокойтесь. Но она совсѣмъ не заслуживаетъ подобнаго презрѣнія. Я желалъ бы, чтобы вы оказали справедливость „этой особѣ", какъ вы ее называете.

Можетъ быть, я былъ дѣйствительно смѣшонъ, такъ какъ Катерина, юмористически оглядѣвъ меня, разсмѣялась граціознымъ, нѣсколько искусственнымъ смѣхомъ.

— Простите мнѣ, милый Дунканъ, но вы такъ серьезны и высказываете такую широкую терпимость. Это не въ моемъ духѣ. Широкая терпимость и свободные принципы—нераздѣльны. Но, серьезно, что вы можете сказать въ ея пользу, Дунканъ? Возможная ли она особа въ какомъ-нибудь смыслѣ слова?

— Вполнѣ возможная.

— Но я слышала о ней такія вещи...

— Отъ Боба или отъ меня?

— Нѣтъ, Дунканъ, не отъ васъ обоихъ. Но, кажется, у Боба есть зубъ противъ васъ? Онъ считаетъ васъ счастливымъ соперникомъ. Вы это великолѣпно придумали... Только зачѣмъ вы позволили моему мальчику лазать на Маттергорнъ?

— Я не могъ удержать его. Притомъ это былъ такой удобный случай избавиться отъ м-ссъ Лэссельсъ.

— Конечно. Вѣдь у меня никого нѣтъ, кромѣ Боба. Знаете, Дунканъ,—быть можетъ, вы мнѣ не повѣрите и мои слова покажутся вамъ ужасными,—но, право, я предпочла бы, чтобы онъ не вернулся совсѣмъ, чѣмъ вернуться въ его годы женатымъ на индійской вдовѣ, съ которою развелся ея первый мужъ! Право, я предпочла бы первое, Дунканъ.

— Вѣрю вамъ. Я такъ и говорилъ себѣ.

— Подумать только: мой Бобъ оказался бы мужемъ № 3-й!— воскликнула Катерина жалобно-насмѣшливо, съ тою миной, противъ которой я никогда не могъ устоять.

На этотъ разъ я, однако, устоялъ и спокойно замѣтилъ, что хорошо знаю м-ссъ Лэссельсъ, такъ какъ встрѣчался съ нею въ Индіи еще при жизни ея перваго мужа.

— Вы знали ее? Почему же вы мнѣ объ этомъ не написали?—воскликнула она съ нѣкоторою рѣзкостью.

— Зачѣмъ? Я исполнилъ ваше желаніе. Этого достаточно.

— Конечно,—сказала она, сразу смягчаясь.—Дунканъ, я не хочу быть суровой къ этой бѣдняжкѣ, но поймите, что женитьба въ его годы даже на самой очаровательной дѣвушкѣ—была бы... безуміемъ, гибелью! Дунканъ, я скажу еще одну вещь, которая, быть можетъ, ужаснетъ васъ?..

— Говорите.

Она вся какъ-то насторожилась, словно заранѣе наблюдая за впечатлѣніемъ отъ своихъ еще не произнесенныхъ словъ.

— Вообще... относительно брака—у меня большія сомнѣнія... Хотя я сама была очень счастлива, я ни за что не вышла бы вторично, и я не увѣрена, слѣдуетъ ли жениться и Бобу?

Катерина говорила очень мягко, глядя въ огонь, и когда она смолкла, въ комнатѣ наступило молчаніе. Затѣмъ она искоса скользнула по мнѣ взглядомъ, и вдругъ ея глаза снова весело засмѣялись.

— Мой Бобъ—№ 3-й!—воскликнула она.

— Не безпокойтесь, онъ никогда не будетъ имъ.

— Боже сохрани!

— Онъ сохранилъ. Этого никогда не случится.

— Развѣ она умерла?—спросила Катерина безъ неприличной торопливости.

— Насколько мнѣ извѣстно,—нѣтъ,—не удержался я отъ насмѣшки.

— Почему же вы думаете, что онъ никогда не можетъ жениться на ней?

— По крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, покуда я живъ.

— Какъ вы добры ко мнѣ!—воскликнула она съ признательностью.

— Ничуть не добръ, или лучше сказать—добръ къ самому себѣ. Я пріѣхалъ къ вамъ именно съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ это, Катерина. Я самъ женился на ней.

Съ англійскаго О. Ч.

П. КОРНЕЛЬ

1606—1906 г.

Триста лѣтъ тому назадъ, 6-го іюня 1606 года, въ городѣ Руанѣ родился авторъ „Сида“ и „Горація“ и одинъ изъ создателей французскаго классическаго театра,—Пьеръ Корнель. Онъ родился въ буржуазной семьѣ, хотя и не богатой, но все же зажиточной, давно уже имѣвшей отношеніе къ магистратурѣ и чиновничьему міру, занимавшей извѣстное положеніе въ мѣстномъ обществѣ и впослѣдствіи возведенной, въ лицѣ отца драматурга, въ дворянское достоинство. Очень интересно было бы знать, какъ воздѣйствовала на мальчика и юношу-Корнеля окружающая его обстановка, и что̀ именно повліяло всего болѣе на развитіе у него литературныхъ вкусовъ и желанія работать на пользу родного слова. Но біографическія данныя, особенно по отношенію къ болѣе раннему періоду жизни Корнеля, весьма скудны и безцвѣтны; его дѣтство остается для насъ почти абсолютно неизвѣстнымъ: сухія фактическія свѣдѣнія, къ тому же очень скудныя, еще не могутъ служить матеріаломъ для выясненія его психологіи и міросозерцанія, не покажутъ намъ, что̀ творилось въ его духовномъ мірѣ на зарѣ его жизни, когда онъ намѣчалъ себѣ извѣстныя цѣли и задачи.

Въ изслѣдованіяхъ и этюдахъ, посвященныхъ Корнелю, затрогивался иногда вопросъ о томъ, какъ долженъ былъ вліять на будущаго драматурга общій характеръ той провинціи, которая была его родиною,—вмѣстѣ съ отличительными особенностями ея населенія. По мнѣнію Лотгейсена [1]), Нормандія, когда-

[1]) Ferdinand Lotheissen, „Geschichte der französischen Literatur im XVII Jahrhunderte“; томъ II, стр. 127.

то связанная съ отважными, рискованными морскими экспедиціями норманновъ, всегда жившая въ тѣсномъ общеніи съ моремъ, представлявшая собою страну съ очень разнообразною природою, гдѣ возвышенности чередуются съ равнинами, должна была положить нѣсколько суровый, мужественный, энергичный отпечатокъ на творчество одного изъ величайшихъ ея сыновъ. Съ другой стороны, въ той же Нормандіи издавна процвѣтала литература, поэзія, своеобразнымъ созданіемъ которой явились, между прочимъ, такъ называемые „vaux-de-Vire“,—сатирическія, любовныя или застольныя пѣсни, прославившія въ XV вѣкѣ имя Оливье Басслэна и положившія начало позднѣйшему *водевилю*, въ новомъ значеніи этого слова. Такимъ образомъ, извѣстныя литературныя традиціи держались въ томъ уголкѣ Франціи, гдѣ явился на свѣтъ будущій знаменитый писатель; замѣтимъ кстати, что за шестьдесятъ лѣтъ до Корнеля, въ другомъ нормандскомъ городѣ, Канѣ (Caen), родился законодатель французскаго поэтическаго слога, Франсуа Малербъ.

Совершенно особаго рода вліяніе нормандской дѣйствительности и воздѣйствіе расы на психологію Корнеля предполагаетъ авторъ новѣйшаго біографическаго очерка, ему посвященнаго, Гюставъ Лансонъ. Онъ думаетъ, что чисто мѣстною чертою, объясняемою духомъ окружающаго общества и произвольно перенесенною въ античную обстановку, является склонность героевъ Корнеля тщательно истолковывать и защищать свои поступки въ пространныхъ рѣчахъ, построенныхъ по всѣмъ правиламъ судебнаго краснорѣчія, вдаваясь во всѣ детали, даже мелочи, и обнаруживая свойственную руанской буржуазіи, особенно той ея части, которая имѣла отношеніе къ судейскому міру, склонность къ сутяжничеству,—„le goût de chicane et de plaiderie“ [1]). Сверхъ того, по мнѣнію Лансона, вліяніемъ среды и обстановки объясняется отчасти и тотъ практическій, дѣятельный, совершенно свободный отъ поэтической мечтательности и сентиментальной меланхоліи характеръ, какой носятъ даже лучшія, первоклассныя его пьесы, въ которыхъ мы, дѣйствительно, тщетно стали бы искать слѣдовъ настоящей фантазіи или склонности къ пламеннымъ грезамъ. Мнѣніе Лансона,—по крайней мѣрѣ, вторая его часть,—несомнѣнно, также заключаетъ въ себѣ долю правды, въ особенности если обращать главное вниманіе на роль наслѣдственности, которая не могла не сказаться и въ данномъ случаѣ.

[1]) Gustave Lanson, „Corneille“ (въ коллекціи „Les grands écrivains Français“); Парижъ, 1898, стр. 6.

I.

Пьеръ Корнель получилъ образованіе въ училищѣ, содержимомъ іезуитами; для характеристики постепеннаго развитія его таланта и выработки его вкусовъ и симпатій очень важно было бы, конечно, располагать болѣе или менѣе обстоятельными свѣдѣніями о томъ, какъ прошли его ученическіе годы, чѣмъ онъ всего болѣе интересовался въ эту пору, что было главнымъ предметомъ его занятій. Къ сожалѣнію, объ его пребываніи въ іезуитскомъ коллэжѣ мы знаемъ отнюдь не больше достовѣрнаго, чѣмъ о занятіяхъ Шекспира въ стратфордской „Грамматической школѣ“... [1]) Можно только дѣлать извѣстныя предположенія, болѣе или менѣе правдоподобныя; такъ, очень возможно, что интересъ къ римской исторіи и литературѣ впервые сказался у Корнеля въ школьные годы, такъ какъ іезуиты,—къ которымъ, замѣтимъ мимоходомъ, авторъ „Сида“ до конца своихъ дней относился съ глубокимъ уваженіемъ и признательностью,—отводили обыкновенно латинскому языку и словесности видное мѣсто въ программѣ своихъ учебныхъ заведеній. Окончивъ курсъ іезуитской школы, Корнель сталъ готовиться къ юридической карьерѣ; таково было желаніе семьи, считавшей эту дорогу наиболѣе подходящею для юнаго Пьера. Такъ какъ въ ту пору особенно тщательной и продолжительной подготовки для занятія адвокатурою не требовалось, Корнель началъ свою дѣятельность, какъ адвоката, въ руанскомъ судѣ, когда ему было всего восемнадцать лѣтъ... Но его судебныя рѣчи едва ли имѣли успѣхъ; онѣ должны были произвести, скорѣе, отрицательное впечатлѣніе, такъ какъ говорилъ онъ недостаточно свободно, и его дикція оставляла многаго желать. Такъ или иначе, онъ вскорѣ рѣшилъ воздержаться отъ произнесенія рѣчей и вообще отъ притязаній на славу выдающагося адвоката, и обратить свое вниманіе на бюрократическую карьеру,—правда, тѣсно связанную съ тою областью, которая привлекла его вначалѣ: онъ получилъ званіе и мѣсто „premier avocat du roi en l'amirauté de France au siège de la table de marbre du Palais“ и „avocat du roi au siège des eaux et forêts“, причемъ къ сферѣ его дѣятельности относились дѣла, связанныя съ ка-

[1]) Любопытно, что уцѣлѣла вплоть до новѣйшаго времени книга, которую Пьеръ Корнель получилъ въ этомъ коллэжѣ—въ видѣ награды (1618—19 г.).—См. Guizot, „Corneille et son temps“ (1852), стр. 143.

зенными лѣсами, водяными путями сообщенія и т. д. Сынъ пошелъ, такимъ образомъ, по стопамъ отца, также занимавшаго долгіе годы извѣстное положеніе въ провинціальномъ административномъ мірѣ. Пьеръ Корнель очень добросовѣстно и тщательно относился къ своимъ обязанностямъ, въ теченіе двадцатиодного года, не считая возможнымъ отдаться одной литературѣ, нарочно живя въ родномъ городѣ и только наѣзжая въ Парижъ, чтобы не лишиться мѣста. Сколько бы онъ ни удалялся въ своихъ произведеніяхъ въ глубь вѣковъ, какіе бы героическіе образы ни занимали его воображеніе,—практическая, дѣловая сторона жизни всегда играла очень важную роль въ его планахъ, заботахъ и интересахъ...

Корнелю было всего двадцать-три года, когда онъ поставилъ на сцену свою комедію „Mélite“; съ этого момента начинается исторія его литературной дѣятельности (раньше этого онъ писалъ стихи, которые, однако, въ ту пору не были напечатаны). Въ дальнѣйшемъ, его біографія сводится почти исключительно къ исторіи постановки тѣхъ или другихъ его пьесъ и неоднороднаго отношенія къ нимъ публики; то, что мы знаемъ объ его личной жизни, объ его бракѣ, судьбѣ его родныхъ, не представляетъ выдающагося интереса. „У Корнеля нѣтъ біографіи“,—какъ выразился одинъ историкъ французской литературы. До извѣстной степени мы видимъ то же самое и по отношенію къ Расину, жизнь котораго не только не походитъ на занимательный романъ, какъ судьба писателей вродѣ Вольтера, Бомарше, Байрона или Гейне, но вообще—необыкновенно бѣдна внѣшними фактами и ничего не говоритъ воображенію! Замѣтимъ, однако, что если біографія Корнеля и Расина, въ сущности, представляетъ собою, прежде всего—исторію ихъ творчества, это не мѣшаетъ ей быть интересной для тѣхъ, кто хочетъ изучить постепенный ростъ ихъ дарованія и воздѣйствіе вкусовъ окружающаго общества на ихъ литературную карьеру, съ ея блестящими тріумфами и томительными, удручающими духъ, неудачами...

Преданіе гласитъ, что „Мелита“ носила, въ значительной степени, автобіографическій характеръ, что въ основѣ ея лежалъ подлинный эпизодъ, случившійся въ ту пору съ Корнелемъ, что подъ именемъ Тирсиса, котораго другъ его Эрастъ неосторожно знакомитъ съ любимою имъ дѣвушкою—Мелитою, причемъ послѣдняя неожиданно обращаетъ все свое вниманіе именно на Тирсиса, забывая своего прежняго поклонника,—Корнель вывелъ самого себя. Мы не будемъ особенно останавливаться на этомъ

вопросѣ, имѣющемъ лишь второстепенное значеніе [1]), но нельзя не указать на то, что въ первомъ произведеніи, какое Корнель написалъ для сцены, съ одной стороны, несомнѣнно уже чувствуются нѣкоторые проблески литературнаго таланта, съ другой—обнаруживается, что онъ не сразу попалъ на свою настоящую дорогу и вначалѣ шелъ ощупью, еще не сознавая, въ какой области онъ всего лучше и полнѣе можетъ проявить свое дарованіе. Какъ бы то ни было, первый шагъ былъ сдѣланъ; довольно живая и бойкая, мѣстами, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень запутанная по сюжету комедія обратила вниманіе публики на молодого руанскаго юриста; вначалѣ она, правда, не имѣла успѣха именно на его родинѣ, какъ это часто бываетъ, но послѣ того, какъ парижская публика сочувственно отнеслась къ „Мелитѣ“, кореннымъ образомъ измѣнилось и мнѣніе о ней руанскаго общества... Подобный фактъ не можетъ удивить насъ: въ ту пору приговоръ столичныхъ зрителей, болѣе чѣмъ когда-либо, имѣлъ рѣшающее значеніе для провинціальной публики, стремившейся не отстать отъ моды и очень рѣдко отваживавшейся „свое сужденіе имѣть“; совершенно такъ же парижская буржуазная публика, въ свою очередь, жадно ловила приговоры и оцѣнки придворныхъ круговъ, мало довѣряя своему собственному впечатлѣнію: недаромъ же впослѣдствіи публика, присутствовавшая на первыхъ представленіяхъ комедіи Расина „Les plaideurs“ и смѣявшаяся отъ души, вначалѣ, по свидѣтельству современниковъ, съ тревогою думала о томъ, что, быть можетъ, она „смѣялась не по правиламъ“,—и успокоилась только тогда, когда дворъ призналъ пьесу остроумною и интересною...

Ободренный успѣхомъ, въ концѣ концовъ выпавшимъ ему на долю, Корнель съ этого времени сталъ энергично работать для театра. Постепенно онъ пріобрѣталъ извѣстный навыкъ, улучшалъ слогъ своихъ произведеній, отрѣшался отъ неудачныхъ пріемовъ и крайностей, свойственныхъ неопытному дебютанту. Тѣмъ не менѣе, его раннія вещи все еще очень мало приближаютъ насъ къ его настоящей манерѣ, къ тому „величавому генію“, по выраженію Пушкина, который придаетъ такую своеобразную окраску его творчеству и совершенно не поддается подражанію. Передъ нами довольно интересныя, живыя пьесы, иногда имѣющія нѣкоторую связь съ современною автору дѣйствительностью, не лишенныя бытовыхъ чертъ („La galerie du

[1]) Ср. Guizot, o. c., и Taschereau, „Histoire de la vie et des ouvrages de Corneille“. (1829).

Palais", „La place Royale"); иныя изъ нихъ имѣли безусловный успѣхъ, и, напр., комедія „La veuve" принесла ему 26 хвалебныхъ стихотвореній, частью подписанныхъ именами выдающихся писателей того времени,—что было далеко не заурядымъ явленіемъ. Сравнивая комедіи Корнеля съ подобными же произведеніями, появлявшимися во Франціи до него, мы не можемъ не отмѣтить безусловнаго превосходства его пьесъ во всѣхъ отношеніяхъ. До Корнеля въ комедіяхъ,—сбивавшихся на фарсъ,—играли большую роль неприличныя шутки и остроты, мало вѣроятныя или совершенно неправдоподобныя детали, переодѣванія, неожиданныя встрѣчи, фантастическіе эпизоды, иногда—явныя несообразности. Корнель, разумѣется, не могъ сразу отрѣшиться отъ подобныхъ пріемовъ, но у него очень рано сказывается стремленіе внести въ комедію реальный элементъ, сблизить ее съ жизнью, воздерживаться отъ шутовства и пошлости. Онъ попытался также обходиться, по возможности, безъ тѣхъ шаблонныхъ типовъ, которые прежде считались неотъемлемою принадлежностью комедіи и фарса и всегда получали, приблизительно, одинъ и тотъ же обликъ. Впослѣдствіи, въ своей лучшей комедіи „Le menteur" (1643—44), за которою послѣдовало весьма неудачное „Продолженіе" этой пьесы, онъ обнаружилъ даже весьма яркое комическое дарованіе, и многія сцены въ этой комедіи вызываютъ и теперь смѣхъ, а комическій діалогъ болѣе, чѣмъ когда-либо, отличается, мѣстами, живостью и остроуміемъ. При всемъ томъ, о сравненіи комедій Корнеля съ произведеніями Мольера не можетъ быть рѣчи,—по живости, неподдѣльной веселости и неистощимой фантазіи, по части придумыванія комическихъ ситуацій Мольеръ стоитъ гораздо выше Корнеля, чьи комедіи иногда неожиданно сбиваются на драму, благодаря примѣси отнюдь не жизнерадостнаго элемента [1]). Наряду съ комедіями, Корнель въ началѣ своей дѣятельности пробовалъ свои силы и въ другихъ жанрахъ; такъ, его пьеса „Clitandre", написанная якобы съ соблюденіемъ „правилъ и единствъ", подходитъ, въ сущности, къ типу мелодрамы, производящей тяжелое впечатлѣніе, изобилующей разными ужасами и очень запутанной по сюжету. Наконецъ, въ своей трагедіи „Médée", относящейся уже къ 1635 году и написанной, съ одной стороны, подъ вліяніемъ успѣха, выпавшаго на долю „Софонисбы" Мэре, съ другой—подъ сильнымъ воздѣйствіемъ трагедіи Сенеки „Медея",

[1]) Это признавалось еще въ XVII вѣкѣ,—ср. отзывъ Сегрэ о комедіяхъ Корнеля и Мольера.

онъ впервые обнаружилъ извѣстное трагическое дарованіе, сказывающееся даже во внѣшней формѣ (знаменитый лаконическій отвѣтъ Медеи: „Moi!“), хотя эту пьесу и нельзя сравнивать съ его лучшими произведеніями.

II.

Корнель, быть можетъ, остался бы надолго извѣстнымъ только ограниченному кругу читателей и зрителей, еслибы не состоялось его сближеніе съ придворными кругами, болѣе тѣсное знакомство съ парижскимъ литературнымъ и артистическимъ міромъ. Положеніе вещей было таково, что болѣе выдающійся писатель не могъ остаться внѣ всякаго общенія съ придворными „цѣнителями и судьями“ и, если онъ былъ драматургомъ,—пріобрѣсти настоящую славу, не добившись того, чтобы его пьесы разыграны были при дворѣ. Изъ біографіи Расина, Мольера и другихъ писателей мы достаточно знаемъ, какую роль играло въ ихъ жизни это сближеніе съ дворомъ, въ иныхъ отношеніяхъ — благотворное и желательное, такъ какъ оно улучшало ихъ матеріальное положеніе и поднимало ихъ престижъ въ глазахъ общества, все еще недостаточно уважавшаго дѣятелей словесности, но въ то же время способное вліять на нихъ и въ другую сторону, произвольно стѣсняя свободу творчества, заставляя считаться съ извѣстными условностями, чрезмѣрно прислушиваться къ приговорамъ и оцѣнкамъ не всегда достаточно компетентныхъ и знающихъ дѣло, но зато вліятельныхъ и высокопоставленныхъ людей...

Изъ Корнеля, въ силу особенностей его характера и неумѣнія его вести свою линію, прибѣгая къ дипломатическимъ хитростямъ, правда, никогда не могло выработаться настоящаго царедворца, — хотя, съ другой стороны, онъ не былъ способенъ и къ смѣлой, рѣшительной борьбѣ или отстаиванію своей индивидуальности, чего бы это ни стоило. Какъ бы то ни было, первые признаки его сближенія съ дворомъ, несомнѣнно, играютъ извѣстную роль въ его біографіи; произошло это совершенно случайно,—король Людовикъ XIII пріѣхалъ въ Нормандію на-воды, и руанскій архіепископъ предложилъ Корнелю, наряду съ нѣкоторыми другими писателями, отозваться на это событіе особымъ привѣтственнымъ стихотвореніемъ. Корнель, правда, отклонилъ отъ себя это предложеніе, высказывая ту мысль, что есть другіе поэты, которые съ бо́льшимъ успѣхомъ выполнятъ подобную задачу, тогда какъ его настоящею сферою является театръ;

но то латинское посланіе, въ которомъ онъ извинялся, что не можетъ исполнить просьбу архіепископа, уже заключало въ себѣ косвенное восхваленіе короля и, несомнѣнно, должно было обратить на него вниманіе кого слѣдуетъ... Черезъ нѣсколько времени послѣ этого Корнель, раньше занимавшій, сравнительно, скромное второстепенное мѣсто въ литературномъ мірѣ, становится однимъ изъ тѣхъ пяти писателей, которымъ могущественный Ришелье поручалъ писать подъ его наблюденіемъ тѣ или другія пьесы на заданный имъ сюжетъ, извѣстнымъ образомъ распредѣляя между собою работу. Съ современной точки зрѣнія, такое подневольное положеніе драматурговъ, принужденныхъ писать на заказъ, угадывать мысли и желанія своего покровителя, считаться съ его прихотями и капризами, опасаясь ежеминутно немилости, можетъ показаться далеко не завиднымъ,—въ то время это все же представлялось большимъ отличіемъ, котораго удостоивались только немногіе... Корнель вскорѣ оказался, однако, совершенно непригоднымъ для подобной роли; въ одномъ случаѣ онъ рискнулъ отступить отъ той программы, которую намѣтилъ для него Ришелье, что, конечно, не могло не вызвать неудовольствія и раздраженія со стороны послѣдняго, и привело къ тому, что Корнель пересталъ числиться однимъ изъ привилегированныхъ пяти писателей и вернулся къ себѣ въ Руанъ. Его сношенія съ парижскимъ обществомъ, конечно, не прекратились вслѣдствіе этого, и вскорѣ онъ долженъ былъ даже болѣе, чѣмъ когда-либо, заставить о себѣ говорить въ столицѣ.

На тускломъ фонѣ жизнеописанія Корнеля, отнюдь не изобилующаго крупными событіями, рельефно выдѣляется исторія постановки на сценѣ и оживленнаго комментированія въ обществѣ и критикѣ его знаменитой пьесы „Le Cid“ (1636 г.). Судьба этой пьесы такъ часто освѣщалась съ разныхъ сторонъ изслѣдователями французской литературы XVII вѣка, что въ нѣкоторыхъ французскихъ этюдахъ и спеціальныхъ работахъ о Корнелѣ, появившихся въ новѣйшее время, весь этотъ эпизодъ намѣренно излагается довольно сжато, какъ достаточно извѣстный и безъ того. Въ исторіи литературной полемики и столкновенія противоположныхъ теченій или школъ—борьба, разгорѣвшаяся вокругъ одной изъ лучшихъ пьесъ Корнеля, можетъ составить высокоинтересную главу [1]). Передъ нами любопытный примѣръ рѣзкаго, непримиримаго разлада между приговоромъ публики и оцѣнками

[1]) Подробное изложеніе всего этого эпизода—см. у Лотгейсена, въ главѣ „Der Streit über den *Cid*“. Ср. также интересную брошюру Ѳ. Д. Батюшкова „Корнелевъ Сидъ“ (историко-литературный анализъ пьесы); Спб., 1895 г.

тѣхъ лицъ, которыя считались въ ту пору авторитетами и законодателями литературнаго вкуса. Въ то время, какъ „весь Парижъ смотрѣлъ на Химену глазами Родриго“, и публика, возмущаясь нападками противниковъ Корнеля, упорно продолжала восторгаться „Сидомъ“,—могущественный Ришелье дѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы развѣнчать и унизить пьесу. Академія поневолѣ должна была отыскивать въ ней недостатки и слабыя стороны, а многіе представители литературнаго міра не скрывали своего несочувственнаго отношенія къ тому произведенію, въ которомъ впервые ярко и опредѣленно отразилось дарованіе драматурга. Послѣдній фактъ не можетъ особенно удивить насъ; крупный, небывалый успѣхъ, выпавшій на долю „Сида“, естественно не могъ быть особенно пріятенъ тѣмъ лицамъ, которыя были его соперниками или занимали раньше его выступленія на литературномъ поприщѣ выдающееся, никѣмъ не оспаривавшееся положеніе.

Самъ Корнель, до извѣстной степени, подлилъ масла въ огонь, выпустивъ свое посланіе „Excuse à Ariste“, гдѣ онъ не безъ нѣкоторой самонадѣянности говоритъ о своихъ блестящихъ успѣхахъ, которыми онъ обязанъ исключительно самому себѣ, такъ какъ не прибѣгаетъ ни къ чьей протекціи, не составляетъ себѣ вліятельной партіи, хорошо зная самъ цѣну своимъ произведеніямъ... Насчетъ того времени, къ которому относится „Excuse“, существовало извѣстное разногласіе между біографами Корнеля или изслѣдователями его творчества; но даже если предположить, вмѣстѣ съ Лотгейсеномъ, Гунгеромъ и др., что это посланіе написано было раньше появленія „Сида“ [1]), то все же оно должно было создать въ нѣкоторыхъ кругахъ атмосферу раздраженія и недоброжелательства, подготовлявшую тѣ нападки, которыя обрушились на „Сида“... Какъ бы то ни было, чѣмъ-то безусловно враждебнымъ вѣетъ и отъ памфлета Мэре, „Настоящій авторъ *Сида*“, и отъ надѣлавшихъ столько шума „Observations sur le *Cid*“ Скюдери, на которыя счелъ нужнымъ отвѣтить самъ Корнель. Съ современной точки зрѣнія можно, конечно, отмѣтить извѣстные недочеты въ пьесѣ Корнеля (напр., тѣ, которые вызваны были необходимостью считаться съ единствомъ времени),—но любопытно, что его противники и критики въ XVII вѣкѣ часто обращали свое вниманіе на совершенно другія детали, стараясь его изобразить то беззастѣнчивымъ подражателемъ, ли-

[1]) Такого же взгляда придерживается Гизо, а также русскій изслѣдователь—Ѳ. Д. Батюшковъ.

шеннымъ всякой самобытности, то неумѣлымъ стилистомъ, способнымъ писать некрасивые и неизящные стихи... Тотъ фактъ, что число памфлетовъ, написанныхъ по поводу „Сида“ и отражавшихъ два противоположныхъ взгляда на это произведеніе (въ защитникахъ его также не было недостатка), въ короткое время дошло до сорока,—самъ по себѣ остается очень любопытнымъ, какъ бы мы ни смотрѣли на эти полемическія упражненія. Еще недавно вопросамъ литературы и театра отнюдь не придавалось особеннаго значенія,—имъ отводилось второстепенное мѣсто, и они могли живо интересовать только болѣе или менѣе ограниченный кругъ цѣнителей словесности,—и вотъ теперь чисто литературный споръ получаетъ небывалые размѣры и заставляетъ о себѣ говорить чуть не все парижское общество, какъ бы предвѣщая тѣ толки, споры, ожесточенныя схватки, которыми должно было современемъ неоднократно ознаменовываться столкновеніе между враждующими литературными направленіями, вродѣ классицизма и романтизма,—напр., борьбу изъ-за „Эрнани“ и пр.

Въ полемической литературѣ, вызванной появленіемъ пьесы Корнеля, особое мѣсто занимаетъ тотъ разборъ ея, который былъ выпущенъ Французскою Академіей,—тогда еще очень молодымъ учрежденіемъ, не успѣвшимъ ни въ чемъ проявить свою дѣятельность,—подъ заглавіемъ „Sentiments de l'Académie Française sur la tragi-comédie du *Cid*“. Это произведеніе является печальнымъ памятникомъ незавиднаго, подневольнаго положенія французской литературы въ дни кардинала Ришелье, который желалъ господствовать въ области словесности совершенно такъ же, какъ и въ политической... Разборъ „Сида“ былъ написанъ членами академіи не по ихъ собственному желанію, а подъ давленіемъ кардинала, который не хотѣлъ мириться съ крупнымъ успѣхомъ пьесы и надѣялся, что созданное имъ высшее литературно-научное учрежденіе развѣнчаетъ ее и докажетъ публикѣ, что она заблуждалась. Отрицательное отношеніе Ришелье къ Корнелю истолковывалось на всѣ лады въ критико-біографическихъ работахъ, посвященныхъ драматургу; высказывалось, напр., мнѣніе, что Ришелье усмотрѣлъ въ пьесѣ косвенное возвеличеніе гордой и мятежной знати, съ которою онъ считалъ нужнымъ бороться во Франціи, или что его непріятно поразило обращеніе драматурга за сюжетомъ къ испанскому міру, противорѣчившее общему направленію французской политики, въ ту пору открыто враждебной всему испанскому. Другіе видѣли источникъ нерасположенія кардинала къ знаменитому писателю въ личныхъ счетахъ съ нимъ, начавшихся еще въ то время, когда онъ былъ однимъ

изъ пяти приглашенныхъ Ришелье драматурговъ,—даже въ извѣстной зависти, которую могъ питать къ автору „Сида“ кардиналъ, считавшій себя тоже литераторомъ и въ глубинѣ души сознававшій, что у него нѣтъ истиннаго дарованія и неоспоримаго права на успѣхъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ объясненій не отличаются особенною убѣдительностью и должны быть признаны довольно парадоксальными; скорѣе всего можно утверждать, что, наряду съ личными столкновеніями, которыя способны были заранѣе возстановить Ришелье противъ литературной дѣятельности руанскаго адвоката, въ данномъ случаѣ сыгралъ извѣстную роль и тотъ фактъ, что общій духъ пьесы, неукротимый, захватывающій, страстный, нѣсколько безпорядочный, еще не подавленный полновластнымъ господствомъ „празилъ и единствъ“, конечно, не могъ нравиться кардиналу, стремившемуся во всѣхъ областяхъ жизни проводить однородные принципы порядка, единства, сильной власти и безусловной субординаціи... Такъ или иначе, молодая академія *принуждена* была высказаться по поводу траги-комедіи Корнеля, причемъ ея члены, конечно, прекрасно понимали, что отъ нихъ, прежде всего, ожидаютъ рѣзкой критики и отыскиванія въ пьесѣ, во что бы то ни стало, недочетовъ и недостатковъ,—въ духѣ нападокъ Скюдери и его единомышленниковъ! Насколько трудно было академикамъ исполнить возложенное на нихъ порученіе и рѣшительно выступить противъ единодушнаго голоса всей публики, видно изъ того, что прошло полгода, прежде чѣмъ разборъ пьесы былъ готовъ, да и то его пришлось дважды передѣлывать по указанію Ришелье, которому очень нелегко было угодить... Мы не будемъ особенно долго останавливаться на этомъ критическомъ разборѣ, который во многихъ случаяхъ производитъ впечатлѣніе чего-то вымученнаго, недостаточно откровеннаго и смѣлаго,—хотя двѣ-три мысли въ немъ были, до извѣстной степени, справедливы, и самъ Корнель впослѣдствіи, чрезъ много лѣтъ, нашелъ возможнымъ согласиться съ ними. Въ общемъ, академики, писавшіе этотъ разборъ, видно, старались угодить тому лицу, отъ котораго они зависѣли, и которое ожидало отъ нихъ опредѣленнаго отзыва, не становясь, въ то же время, въ слишкомъ рѣзкую оппозицію къ голосу зрителей, „смотрѣвшихъ на Химену глазами Родриго“... Результатомъ этого явились извѣстная двойственность и противорѣчивость; соглашаясь по нѣкоторымъ пунктамъ со Скюдери, находя образъ дѣйствій Химены, въ иныхъ отношеніяхъ, безнравственнымъ, стараясь отыскать въ слогѣ пьесы всевозможныя погрѣшности и признавая сюжетъ ея

неудачно выбраннымъ, академики, съ другой стороны, отмѣчали и безусловныя достоинства „Сида“, мастерство, обнаруженное авторомъ при изображеніи страстей, сильный, захватывающій характеръ отдѣльныхъ сценъ. Подобный анализъ, выдержанный въ очень осторожномъ и дипломатическомъ духѣ, едвали могъ вполнѣ удовлетворить Ришелье, который ожидалъ болѣе опредѣленнаго и рѣзкаго приговора въ желательномъ для него смыслѣ... Вся эта исторія вообще слишкомъ затянулась, и кардиналъ далъ понять, что пора ее окончить, тѣмъ болѣе, что Корнель ничего не отвѣтилъ на „Sentiments de l'Académie“...

III.

На судьбу „Сида“ нападки противниковъ драматурга и уклончивый приговоръ академіи не оказали сколько-нибудь существеннаго вліянія; слава траги-комедіи продолжала расти; она надолго осталась репертуарной пьесою, продолжала находить почитателей въ XVIII-мъ и XIX-вѣкѣ (достаточно вспомнить имена Вольтера и Наполеона I) и привлекаетъ даже въ наши дни вниманіе выдающихся актеровъ, вродѣ Мунэ-Сюлли, мастерски исполняющаго роль Родриго. На самого Корнеля эпизодъ съ „Сидомъ“ произвелъ, повидимому, болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ можно было думать, судя по внѣшности; неудачи, выпадавшія на его долю, онъ вообще переносилъ далеко не равнодушно, и послѣ нихъ надолго оставался въ его сердцѣ мучительный слѣдъ.... Прошло, приблизительно, три года, прежде чѣмъ онъ выступилъ съ новою пьесою „Horace“ (1640), которая должна была упрочить его славу; въ теченіе двухъ лѣтъ онъ пробылъ у себя въ Руанѣ, вдали отъ сутолоки парижской жизни, какъ будто желая, чтобы о немъ забыли, или стремясь отдохнуть послѣ всѣхъ тревогъ и непріятностей, связанныхъ съ „Сидомъ“. Раздраженіе и печаль постепенно улеглись въ его душѣ, незаслуженная обида съ теченіемъ времени перестала удручать его въ такой степени, въ какой это было раньше, — но нападки критиковъ не остались все же безъ вліянія на дальнѣйшее развитіе таланта Корнеля и общій характеръ его творчества... Пьесы, непосредственно слѣдовавшія за „Сидомъ“, во многихъ отношеніяхъ стояли выше траги-комедіи, представляли собою безспорный шагъ впередъ, — но въ нихъ уже не чувствовалось того бурнаго, страстнаго, мѣстами — почти романтическаго духа, который придалъ столь своеобразную окраску первой безусловно выдающейся пьесѣ Кор-

неля; не было уже и тѣхъ попытокъ бороться съ единствами,— напр. съ единствомъ мѣста, — которыя навлекли на драматурга столько нападокъ и заставили его поневолѣ перейти затѣмъ на торную дорогу, отрѣшаясь отъ послѣднихъ остатковъ неограниченной свободы, царившей въ старомъ французскомъ театрѣ и подчасъ доходившей даже до крайностей и уродства. Чтобы покончить съ этимъ эпизодомъ, нельзя не указать на то, что враждебное отношеніе Ришелье къ „непокорному“ драматургу съ теченіемъ времени, какъ это ни странно, смѣнилось не только болѣе терпимымъ, но даже благожелательнымъ [1]): преданіе, правда, недостаточно провѣренное, утверждаетъ, что именно благодаря содѣйствію кардинала Корнель получилъ возможность жениться (въ 1640 году) на Маріи де-Ламперьеръ...

Независимо отъ того, что эпизодъ съ „Сидомъ“ является едва ли не самымъ яркимъ и выдающимся фактомъ біографіи Корнеля, лишенной захватывающихъ моментовъ, онъ составляетъ весьма важную дату въ исторіи постепеннаго развитія дарованія автора. Разсматривая теперь, на значительномъ отдаленіи, надѣлавшую когда-то столько шума пьесу, мы, конечно, можемъ отнестись къ ней вполнѣ безпристрастно, отрѣшаясь отъ нетерпимости или неумѣренныхъ восторговъ современниковъ Корнеля. Воздерживаясь отъ всякаго сравненія траги-комедіи французскаго драматурга съ лучшими созданіями Шекспира, мы все же должны будемъ признать, что передъ нами — сильное, полное драматизма, въ общемъ—очень красивое по формѣ произведеніе. Исторія Родриго, прозваннаго Сидомъ, возвеличеннаго въ старыхъ испанскихъ поэмахъ, романсахъ, стихотворныхъ хроникахъ, ставшаго потомъ героемъ пьесы испанскаго драматурга Гильена де-Кастро, „Las mocedades del Cid“, утратила, въ обработкѣ Корнеля, значительную долю мѣстнаго, національнаго колорита, нѣсколько пострадала отъ того, что ее насильственно втиснули въ узкія для подобнаго сюжета рамки классическихъ единствъ (достаточно вспомнить, что продолжительная борьба Родриго съ маврами свелась къ одному сраженію, за которымъ почти немедленно слѣдуетъ дуэль между героемъ траги-комедіи и Донъ-Санчо), — но зато въ иныхъ отношеніяхъ впервые получила истинно художественную, поэтическую обработку. Уже внѣшняя форма пьесы отличается красотою и выразительностью; слогъ

[1]) Любопытно, съ другой стороны, что трагедія „Horace“ была уже посвящена Корнелемъ своему недавнему врагу, Ришелье (см. „dédicace“ къ этой трагедіи, гдѣ попадается много восхваленій, почти сбивающихся, по обычаю того времени, на лесть).

опредѣленно свидѣтельствуетъ о томъ, какіе успѣхи сдѣлалъ къ этому времени авторъ „Мелиты“ и „Клитандра“; діалогъ отличается живостью и драматизмомъ: достаточно вспомнить хотя бы знаменитое объясненіе между Родриго и Хименою („Rodrigue, qui l'eût cru“... „Chimène, qui l'eût dit“... и пр.); „стансы“ Родриго („Percé jusques au fond du coeur“...), выдѣляющіеся изъ пьесы, благодаря измѣненію размѣра и чередованія риѳмъ, принадлежатъ къ наиболѣе красивымъ образцамъ творчества Корнеля. Неоднократно производившееся біографами и критиками Корнеля сравненіе его пьесы съ „Las mocedades del Cid“ [1]) достаточно краснорѣчиво говоритъ о томъ, что французскій драматургъ не только не былъ простымъ подражателемъ, чуть не плагіаторомъ, какъ старались доказать его враги и завистники, но оставилъ далеко позади испанскій оригиналъ, развивъ тотъ же сюжетъ вполнѣ самостоятельно, одухотворивъ его извѣстною идеей, которой не было у Де-Кастро. Съ подобнымъ явленіемъ мы сталкиваемся, правда, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Корнель, многимъ обязанный испанской словесности, но никогда не копировавшей рабски иностранные образцы, дѣлалъ тѣ или другія заимствованія изъ творчества Лопе де Вега, Кальдерона и др.; вспомнимъ, что отголоски испанской литературы сказываются и въ „Illusion comique“, и въ комедіи „Le menteur“ (вліяніе пьесы Аларкона „La sospechosa verdad“), — равно какъ и въ „продолженіи“ къ ней, на которое повліяла испанская комедія „Amar sin saber a quien“, и въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Héraclius“ и „Don-Sanche d'Aragon“), — даже въ знаменитой трагедіи „Horace“, гдѣ отысканы были слѣды вліянія „El honrado hermano“ Лопе де Вега [2]). Но подобно тому, какъ Шекспиръ, взявъ тотъ или другой сюжетъ изъ народныхъ преданій, новеллъ, пастушескихъ романовъ, хроникъ, старыхъ комедій, создавалъ нерѣдко высоко-художественныя произведенія, въ которыхъ все лучшее принадлежало ему самому, Корнель, — если оставить въ сторонѣ болѣе раннюю и какъ бы написанную неопытною рукою подающаго надежды дебютанта „Медею“, гдѣ онъ, мѣстами, довольно близко держался трагедіи Сенеки — умѣлъ

---

[1]) См., напр., Ѳ. Д. Батюшкова, „Корнелевъ *Сидъ*“, стр. 9—21, 29—40; Ernest Martinenche, „La *Comedia* espagnole en France“, гл. III. — Pierre Corneille et la Comedia: Du *Cid* à *Héraclius*“.

[2]) Новѣйшіе труды, посвященные вопросу о вліяніи испанской драмы на французскихъ драматурговъ, въ томъ числѣ на Корнеля: указанный выше трудъ Martinenche'a (Парижъ (1900); G. Huszar, „Pierre Corneille et le théâtre espagnol“ (1903); Segall, „Corneille and the spanish drama“ (Нью-Іоркъ, 1902).

быть самобытнымъ даже въ тѣхъ пьесахъ, сюжетъ которыхъ былъ уже раньше разработанъ въ литературѣ. Первый примѣръ такого соединенія заимствованій съ творчествомъ мы и видимъ въ „Сидѣ".

Нѣкоторыя особенности „Сида", какъ мы уже говорили выше, не перешли въ другія пьесы Корнеля, который въ этомъ случаѣ сдѣлалъ извѣстную уступку своимъ строгимъ и придирчивымъ критикамъ и судьямъ, и въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ счелъ нужнымъ нѣсколько отступить отъ того жанра и тѣхъ пріемовъ, которые привлекли-было его симпатіи; тѣмъ не менѣе, именно „Сидомъ" начинается наиболѣе зрѣлый и интересный періодъ литературной дѣятельности Корнеля, который съ этой поры становится первоклассным драматургомъ и завоевываетъ сочувствіе и уваженіе современной ему французской публики, отдающей ему пальму первенства, рѣшительно ставящей его выше всѣхъ другихъ литераторовъ, работавшихъ для театра, и, повидимому, не способной измѣнить ему ради какого-нибудь другого драматурга... Въ началѣ 40-хъ годовъ XVII столѣтія его ожидалъ рядъ тріумфовъ; исполненіе на сценѣ такихъ выдающихся его трагедій, какъ „Horace" (1640), „Cinna ou la Clémence d'Auguste" (1640 г.), „Polyeucte" (1642—43), упрочило его славу и создало ему обширный кругъ почитателей. Если христіанская окраска „Поліевкта" не понравилась посѣтителямъ салона маркизы де-Рамбулье, гдѣ авторъ самъ читалъ свою пьесу, то это не оказало никакого вліянія на публику, восторгавшуюся „христіанскою трагедіей", которая словно предвѣщала драмы само-новѣйшаго времени, съ сюжетами, взятыми изъ Священнаго Писанія или житій святыхъ, произведенія Эдмонда д'Арокура, Ростана, Ришпэна („La martyre") и др. За этими тремя пьесами, которыя, наравнѣ съ „Сидомъ", невольно вспоминаются первыми, какъ только въ наши дни заходитъ рѣчь о Корнелѣ и его творчествѣ, послѣдовало нѣсколько другихъ, болѣе или менѣе забытыхъ теперь, но заслуживающихъ вниманія и поддержавшихъ въ свое время на прежней высотѣ славу драматурга: къ числу ихъ относятся, напр., мрачная и довольно запутанная по сюжету трагедія „Rodogune, princesse des Parthes" (1645), въ свое время сурово разобранная Лессингомъ, какъ образецъ ложно-классической драмы, и эффектная пьеса „Nicomède" (1651), въ которой есть нѣсколько очень сильныхъ и благодарныхъ сценъ. Передъ нами — самый блестящій и плодотворный періодъ жизни и дѣятельности Корнеля, на которомъ собственно и основывается его право на выдающееся мѣсто въ

исторіи французской драмы и на вниманіе даже болѣе отдаленнаго потомства. Постепенно образовалась обширная группа восторженныхъ поклонниковъ драматурга, которые остались ему вѣрными даже въ ту пору, когда звѣзда его, видимо, стала уже меркнуть, и новыя литературныя свѣтила должны были привлечь на свою сторону интересъ и симпатію публики. Къ числу этихъ поклонниковъ принадлежала, напр., г-жа Севинье, которую самыя яркія, художественныя, захватывающія пьесы Расина не могли заставить забыть о томъ писателѣ, чьи произведенія восхищали ее въ дни юности. Въ годъ появленія „Баязета“ Расина (1672) она писала своей дочери, что, наряду съ крупными недостатками, въ этой трагедіи есть, конечно, отдѣльныя удачныя и красивыя частности,—„но ничего безусловно прекраснаго, поднимающаго духъ, похожаго на тирады Корнеля, которыя вызываютъ трепетъ“. „Дочь моя, воздержимся отъ того, чтобы сравнивать съ нимъ Расина; будемъ сознавать всегда разницу между ними!.. Да здравствуетъ нашъ старый другъ Корнель! Простимъ ему нѣкоторые дурные стихи ради тѣхъ божественныхъ, возвышенныхъ красотъ его сочиненій, которыя приводятъ насъ въ восторгъ; въ нихъ чувствуется неподражаемое мастерство!“ О томъ, какимъ ореоломъ долгое время окружено было у публики имя Корнеля, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, дошедшій до насъ разсказъ объ оваціи, которой удостоился однажды драматургъ, появившись, послѣ довольно продолжительнаго промежутка, въ зрительномъ залѣ, переполненномъ публикою. „Когда Корнель пришелъ въ театръ, гдѣ онъ не показывался въ теченіе двухъ лѣтъ, актеры невольно остановились; великій Конде, принцъ Конти и вообще всѣ тѣ, кто былъ на сценѣ, поднялись со своихъ мѣстъ; сидѣвшіе въ ложахъ послѣдовали ихъ примѣру; въ партерѣ раздались рукоплесканія и привѣтственные возгласы, повторявшіеся каждый антрактъ!“ Подобное чествованіе популярнаго и заслуженнаго драматурга, несомнѣнно, представляетъ большой интересъ и опредѣленно указываетъ на то, какъ возросло съ годами во Франціи значеніе театра и его дѣятелей, еще недавно занимавшихъ далеко не завидное мѣсто въ общественной жизни и отнюдь не считавшихся достойными благодарности и поклоненія цѣлаго народа [1]). Къ сожалѣнію, автору „Сида“ пришлось съ теченіемъ времени пережить—наряду съ такими отрадными, свѣтлыми, хотя и приводившими его въ смущеніе, въ виду его

[1]) Здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить, что въ 1647 году Корнель былъ избранъ за свои заслуги членомъ Французской Академіи, которая когда-то подвергла придирчивой критикѣ одно изъ лучшихъ его созданій...

рѣдкой скромности и застѣнчивости, минутами — также немало печальныхъ и томительныхъ эпизодовъ, съ болью въ сердцѣ убѣдившись одновременно и въ упадкѣ своего собственнаго таланта, и въ измѣнчивости вкусовъ театральной публики...

IV.

Произведенія Корнеля, относящіяся къ лучшему, наиболѣе яркому періоду его дѣятельности, заключаютъ въ себѣ весьма цѣнный матеріалъ для выясненія отличительныхъ особенностей его таланта и общаго характера его творчества. Здѣсь невольно приходитъ опять на память извѣстное опредѣленіе Пушкина, назвавшаго геній Корнеля *„величавымъ“*. Перечитывая въ наши дни, когда европейская драма давно уже ушла далеко впередъ, нѣсколько разъ измѣнивъ на протяженіи вѣковъ свой общій характеръ, наиболѣе типичныя вещи Корнеля, мы все же невольно поддаемся обаянію того величія, которое, дѣйствительно, свойственно рѣчамъ и поступкамъ многихъ его героевъ и отражается въ его словѣ, въ иныхъ отношеніяхъ оставшемся неподражаемымъ... Для насъ, конечно, ближе и понятнѣе творчество Расина, мастера психологическаго анализа, предшественника тѣхъ драматурговъ новѣйшаго времени, которые ставятъ себѣ задачею всестороннее изображеніе внутренняго міра своихъ героевъ и героинь, съ самыми неуловимыми оттѣнками ихъ настроенія, съ быстрою смѣною ощущеній, рѣзкими переходами отъ надежды къ меланхоліи, борьбою противорѣчивыхъ порывовъ и стремленій. Но бываютъ моменты, когда мы испытываемъ потребность въ чемъ-нибудь болѣе сильномъ, энергичномъ, незыблемомъ, поднимающемъ духъ, торжествующемъ надъ слабостью и малодушіемъ; въ этихъ случаяхъ „величавый геній“ Корнеля скорѣе подойдетъ къ нашимъ запросамъ, показавъ намъ людей съ сильною волею и желѣзною энергіей, которыхъ, повидимому, никто на свѣтѣ не можетъ сломить или подчинить своей власти. Справедливо замѣчено было, что его героевъ можно раздѣлить на три главныхъ категоріи: на благородныхъ, преступныхъ и слабыхъ, причемъ первыя двѣ категоріи являются, въ сущности, только двумя разновидностями болѣе общей группы—*сильныхъ людей*, которые различаются между собою тѣмъ, что у однихъ эта сила направлена къ благимъ, разумнымъ и плодотворнымъ цѣлямъ, у другихъ она порождаетъ только зло, ведетъ къ преступленію, пріучаетъ заглушать въ себѣ человѣчность и властно расчищать себѣ дорогу, не особенно стѣсняясь въ выборѣ средствъ...

Очень часто въ душѣ героевъ Корнеля происходитъ рѣшительная борьба между долгомъ и чувствомъ, голосомъ разума—и голосомъ сердца,—борьба являющаяся главною основою драматизма въ его пьесахъ; въ подобныхъ случаяхъ его творчество пріобрѣтаетъ извѣстную моральную окраску, возвеличивая тѣхъ, кто одерживаетъ верхъ надъ слабостью, искушеніемъ, голосомъ страстей; такъ, обратившійся въ христіанство Поліевктъ ставитъ спасеніе своей души выше всѣхъ мірскихъ наслажденій и почестей, не дорожитъ своею жизнью, не поддается даже мольбамъ и увѣщаніямъ любимой жены, какъ ему ни тяжело навсегда разстаться съ нею. Самъ Корнель, видимо, раздѣлялъ взглядъ нѣкоторыхъ лицъ его трагедій, считающихъ, что истинный герой долженъ стать неизмѣримо выше всѣхъ страстей, волнующихъ и увлекающихъ обыкновеннаго, дюжиннаго человѣка, что нѣтъ такого чувства, котораго онъ не могъ бы побѣдить... Одинъ изъ русскихъ подражателей автора „Сида“, Княжнинъ, очень удачно формулировалъ впослѣдствіи этотъ взглядъ въ извѣстномъ стихѣ, попадающемся въ его „Росславѣ“: „Тиранка слабыхъ душъ, любовь—раба героя“... Отецъ Родриго, донъ-Діего, восклицаетъ въ одномъ случаѣ, бесѣдуя съ сыномъ и убѣждая его „не уступать слабости сердечной“: „Вѣдь честь одна у насъ, а женщинъ много; любовь отрада намъ, а честь—нашъ долгъ [1])!“ Раньше этого, въ посвященіи своей комедіи „La place Royale“, Корнель проводилъ слѣдующую мысль: „Любовь благороднаго человѣка должна всегда быть добровольною; не слѣдуетъ любить до такой степени, чтобы *не любить* сдѣлалось уже невозможнымъ; если человѣкъ доходитъ до такого состоянія, это уже начинается тираннія, иго которой нужно съ себя сбросить; любимая женщина будетъ гораздо болѣе цѣнить нашу любовь, если послѣдняя является результатомъ нашего выбора и ея достоинствъ, чѣмъ если она вытекаетъ изъ слѣпой привязанности и вызывается инстинктивнымъ влеченіемъ, съ которымъ мы не можемъ бороться“. Въ одной изъ болѣе позднихъ пьесъ Корнеля категорически высказывается та мысль, что истинно выдающійся человѣкъ всегда владѣетъ собою и старается даже не показывать людямъ той внутренней борьбы, которая иногда волнуетъ его душу: „Les plus grands déplaisirs sont les moins éclatants, et l'on sait qu'un grand coeur se possède en tous temps!..“

Въ иныхъ случаяхъ сила воли того или другого героя настолько велика, что тѣ страсти, съ которыми онъ борется и ко-

[1]) Переводъ В. Лихачова; Спб. 1891 г.

торыя онъ побѣждаетъ, могутъ показаться намъ слишкомъ ничтожными, отнюдь не опасными для него; иногда это—какія-то „полу-страсти“, demi-passions, по мѣткому выраженію Лансона, очень далекія отъ того, что̀ переживаютъ герои и героини Расина, доходящія иногда до какого-то изступленія, подъ вліяніемъ горячей, безумной любви. Невольно возникаетъ вопросъ: всегда ли можетъ даже идти рѣчь о настоящей *борьбѣ*, разъ одной изъ борющихся сторонъ побѣда обезпечена заранѣе?.. Но въ такомъ случаѣ нѣкоторыя пьесы Корнеля, при всемъ ихъ величавомъ колоритѣ, могутъ оказаться лишенными истиннаго драматизма, потому что люди, слишкомъ легко торжествующіе надъ всѣми своими колебаніями, сомнѣніями и слабостями, едвали являются вполнѣ подходящими героями для трагедіи... Справедливость требуетъ, однако, признать, что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь объ извѣстной крайности, съ которою мы встрѣчаемся далеко не во всѣхъ произведеніяхъ французскаго драматурга, — изъ числа наиболѣе удачныхъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что иные его герои производятъ впечатлѣніе слишкомъ ужъ цѣльныхъ, неизмѣнныхъ, прямолинейныхъ, точно отлитыхъ, разъ навсегда, въ опредѣленную форму; невольно закрадывается сомнѣніе, могли ли подобные люди когда-либо существовать въ дѣйствительности,—даже въ самую героическую пору! Въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно изобразить ту или другую перемѣну взглядовъ и намѣреній героя, Корнель обыкновенно придаетъ этой перемѣнѣ довольно рѣзкій и внезапный характеръ; возсоздавать, какъ это дѣлалъ впослѣдствіи Расинъ, постепенный переходъ героя или героини отъ одного настроенія къ другому, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, отмѣчать малѣйшіе оттѣнки ихъ душевнаго міра,—все это отнюдь не соотвѣтствовало общему характеру дарованія Корнеля. Но когда нужно было выводить суровыхъ, энергичныхъ, мужественныхъ, закаленныхъ въ борьбѣ людей,—онъ не зналъ соперниковъ. Нужно замѣтить, что въ основѣ его трагедій далеко не всегда лежитъ моральная идея, что энергія его героевъ очень часто направлена совсѣмъ не на борьбу съ порокомъ, во имя нравственнаго долга. Для Корнеля важнѣе всего остального—сила *воли*, независимо отъ того, въ какую сторону она будетъ направлена; властолюбивый, жестокій, все сокрушающій на своемъ пути человѣкъ тоже можетъ стать его героемъ, разъ онъ не признаетъ надъ собою ничьей власти, убѣжденъ въ томъ, что можетъ достигнуть всего, чего ни пожелаетъ, презираетъ малодушныхъ и смѣется надъ трусами...

Не разъ задавали себѣ вопросъ: откуда могъ взять Корнель эти сильныя, могучія фигуры, гдѣ находились оригиналы его героевъ, гдѣ онъ подсмотрѣлъ эту желѣзную волю, эту способность бороться съ самимъ собою?.. По мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, въ окружающемъ обществѣ, по крайней мѣрѣ—въ старшемъ поколѣніи, не было тогда недостатка въ суровыхъ, гордыхъ, мужественныхъ образахъ, которые драматургъ только перенесъ въ древне-римскую обстановку. Но невольно является вопросъ: изъ той ли среды были взяты драматургомъ тѣ герои, нравственный обликъ которыхъ обрисованъ имъ въ болѣе отрадномъ свѣтѣ, такъ какъ онъ заставляетъ ихъ обнаруживать стойкость, несокрушимую убѣжденность, любовь къ родинѣ, великодушіе?.. На этотъ счетъ одинъ изъ историковъ французской литературы XVII вѣка, Адріэнъ Дюпюи, высказывается очень опредѣленно, проводя тотъ взглядъ, что Корнель надѣлялъ иногда своихъ героевъ многими положительными свойствами, какими онъ самъ былъ одаренъ отъ природы, и нерѣдко выводилъ поэтому въ своихъ пьесахъ такихъ людей, какихъ трудно было встрѣтить въ окружающемъ обществѣ. „Иногда ставили въ заслугу обществу,—говоритъ Дюпюи,—то, что было свойственно только самому поэту“. Средній уровень характеровъ былъ тогда очень невысокъ, героизмъ представлялъ собою нѣчто болѣе, чѣмъ рѣдкое. Но вотъ явился Корнель; онъ постарался сообщить своимъ ничтожнымъ современникамъ извѣстную долю того огня, которымъ онъ самъ пылалъ, того великодушія и благородства, неугасимый очагъ котораго таился въ его душѣ. При соприкосновеніи съ нимъ, сердца воспламенились и попытались биться въ унисонъ съ его сердцемъ; если сварливые люди или интриганы могли, въ глазахъ нѣкоторыхъ историковъ, сойти за людей съ независимымъ и гордымъ духомъ, они обязаны этимъ Корнелю: онъ одинъ создалъ эту иллюзію! Говорятъ, что всякій поэтъ обыкновенно описываетъ своихъ современниковъ, и что Корнель поневолѣ долженъ былъ вдохновляться нравами и характерами, которые были у него передъ глазами. Это справедливо по отношенію къ другимъ, но не вполнѣ вѣрно по отношенію къ нему: онъ гораздо охотнѣе описывалъ людей такими, какими они должны были быть, чѣмъ такими, каковы они въ дѣйствительности [1])... Если это мнѣніе и нельзя принять безъ нѣкоторыхъ оговорокъ,—мы можемъ все же признать вмѣстѣ съ Дюпюи, что

[1]) Adrien Dupuy, „Histoire de la littérature française au XVII-e siècle“. (Парижъ, 1892); стр. 160—161.

психологія иныхъ героевъ Корнеля, несомнѣнно, была очерчена съ особенною любовью, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ задавался цѣлью нарисовать свой идеалъ, надѣляя ихъ тѣми свойствами, которыя были ему всего болѣе симпатичны.

Если французская классическая трагедія вообще всего чаще и охотнѣе дѣлала своими героями царей, полководцевъ, вельможъ и т. п., то никому изъ французскихъ драматурговъ не удавалась въ такой степени обрисовка психологіи и міросозерцанія правителей, обладающихъ сильною, могущественною властью, какъ она удавалась почти всюду Корнелю. Зная общій характеръ его творчества, мы, конечно, отнюдь не удивимся этому; подобный фактъ вполнѣ гармонировалъ съ отличительнымъ колоритомъ величавыхъ трагедій Корнеля, въ которыхъ „даже темныя дѣла своимъ величьемъ поражали“... Вопросы политики, внутренней и внѣшней, болѣе многаго другого интересовали драматурга, и онъ умѣлъ искусно вводить ихъ въ свои пьесы; недаромъ, когда впослѣдствіи Расинъ пожелалъ доказать, что онъ можетъ писать и въ какомъ-нибудь другомъ жанрѣ, кромѣ чисто психологическаго, способенъ создать трагедію, гдѣ были бы затронуты политическіе вопросы, онъ въ своемъ „Митридатѣ“ явился, въ значительной степени, подражателемъ Корнеля, хотя въ другихъ отношеніяхъ освободился къ этому времени отъ его вліянія и писалъ совершенно по новому. Авторъ „Никомеда“ очень охотно влагаетъ въ уста своимъ героямъ пространныя разсужденія о политическихъ дѣлахъ, международныхъ отношеніяхъ, интересахъ государства и т. п.; прежде бывали даже попытки изобразить его глубокомысленнымъ политикомъ, способнымъ удивлять спеціалистовъ этого дѣла своими познаніями въ столь чуждой для него, повидимому, области; въ новѣйшее время этотъ взглядъ, въ значительной степени, поколебленъ критикою [1]). Любопытно, что цари являются у Корнеля, прежде всего, правителями, общечеловѣческія свойства которыхъ какъ бы отодвигаются на второй планъ,—въ противоположность Расину, у котораго, напр., въ пьесѣ „Bérénice“ императоръ Титъ выведенъ не только государемъ, но и страдающимъ, выносящимъ нравственныя терзанія человѣкомъ. У Корнеля цари, какъ остроумно замѣтилъ въ свое время Гизо, прежде всего, *правятъ*, — вѣчно правятъ, какъ бы не желая ни на минуту стать простыми людьми!.. Но если помириться съ нѣсколько одностороннимъ

[1]) Ср. Lanson, o. c., глава V: „L'histoire et la politique dans les tragédies de Corneille“.

освѣщеніемъ ихъ психологіи, мы должны будемъ признать, что во многихъ случаяхъ драматургу, дѣйствительно, удалось создать сильные, величественные образы, которые даже теперь производятъ впечатлѣніе.

V.

Женскіе типы въ трагедіяхъ Корнеля совершенно подъ стать его героямъ. Если Расина Пушкинъ назвалъ—въ извѣстномъ отрывкѣ изъ „Домика въ Коломнѣ“ — „пѣвцомъ *влюбленныхъ женщинъ* и царей“, то Корнеля можно было бы смѣло назвать пѣвцомъ сильныхъ, властныхъ женщинъ, которыхъ онъ лучше всего умѣлъ изобразить. Все мягкое, нѣжное, чисто *женственное*, что можно найти въ женской натурѣ, только Расинъ изобразилъ вполнѣ художественно и правдиво, оставивъ далеко позади слишкомъ ужъ чувствительныя, приторныя и манерныя произведенія Кино, который тоже хотѣлъ противопоставить что-нибудь менѣе суровое и величавое творчеству Корнеля и въ частности—его манерѣ обрисовывать женскую психологію. Героини Корнеля очень часто въ такой же мѣрѣ живутъ разсудкомъ, обнаруживаютъ сильную волю и способность бороться съ голосомъ чувства, какъ и его герои. Нѣкоторымъ изъ нихъ, повидимому, даже не приходится выносить никакой борьбы, потому что онѣ уже достаточно закалены въ этомъ отношеніи, и ихъ мысли заняты совершенно другимъ. Многія героини выказываютъ живой интересъ къ политическимъ вопросамъ, прекрасно знакомы съ положеніемъ своей страны, могутъ при случаѣ вести цѣлый диспутъ съ врагами родины или представителями другой, противоположной партіи, обнаруживаютъ гордость, чувство собственнаго достоинства, увѣренность въ себѣ. Нечего и говорить, что этимъ далеко не исчерпана женская натура!.. Нельзя не согласиться съ Дюпюи, когда онъ утверждаетъ, что женское сердце такъ и осталось закрытымъ для Корнеля, который не былъ въ состояніи возсоздать то, что таится въ глубинѣ этого сердца, и только одинъ разъ вполнѣ успѣшно справился съ задачей—обрисовать лишенную властолюбія, чрезмѣрной прямолинейности и желѣзной воли женскую натуру,—создавъ прекрасный, вполнѣ жизненный и привлекательный образъ Полины, супруги Поліевкта. Это не мѣшаетъ многимъ женскимъ образамъ Корнеля производить потрясающее впечатлѣніе и быть вполнѣ подходящими и благодарными для выдающихся артистокъ съ сильнымъ трагическимъ дарованіемъ. Когда Расинъ, съ такимъ поразительнымъ искусствомъ

возсоздавшій женскую психологію, захотѣлъ въ „Британникѣ“ вывести жестокую, властную и неразборчивую насчетъ средствъ Агрипину, въ которой нѣтъ ничего типично-женскаго, онъ опять долженъ былъ позаимствовать нѣкоторыя детали и внѣшніе пріемы у Корнеля, который въ этой области не зналъ соперниковъ.

Въ сущности, героини Корнеля, по силѣ характера и неукротимой гордости духа, подходятъ къ тому типу „сверхъ-женщины“ (Ueberweib), который въ новѣйшее время неоднократно изображался въ западно-европейской словесности, подъ вліяніемъ распространенія теорій Ницше. Да и самые герои французскаго драматурга очень часто отличаются такой силой воли и энергіей, какую мы едвали можемъ встрѣтить у обыкновенныхъ людей, не принадлежащихъ къ „породѣ господъ“... Въ исторіи постепеннаго развитія литературнаго типа „сверхъ-человѣка“ героямъ и героинямъ Корнеля, несомнѣнно, принадлежитъ видное мѣсто; между тѣмъ, этотъ фактъ обыкновенно оставляется безъ вниманія, и, напр., въ любопытной книгѣ Лео Берга о „сверхъ-человѣкѣ въ новой литературѣ“ [1]), которая переведена теперь и по-русски, указано, между прочимъ, нѣсколько яркихъ примѣровъ изображенія сильныхъ, властныхъ натуръ въ трагедіяхъ Шекспира, но не взято ни одного примѣра изъ пьесъ Корнеля. Старое предубѣжденіе противъ „ложно-классической“ драмы продолжаетъ сказываться, время отъ времени, и въ наши дни.

Придавая большое значеніе политическимъ вопросамъ, стремясь дѣлать своими героями только властныхъ, суровыхъ и закаленныхъ людей, Корнель, въ поискахъ сюжетовъ для своихъ пьесъ, естественно, обратилъ вниманіе на римскую исторію, которая заключала въ себѣ особенно подходящій для него матеріалъ. Нечего и говорить, что сюжеты всѣхъ его трагедій взяты изъ исторіи, или, по крайней мѣрѣ, въ основѣ ихъ лежитъ историческій фактъ; Корнель объяснялъ это, прежде всего, тѣмъ, что одни только историческіе сюжеты можно признать вполнѣ реальными, правдивыми, соотвѣтствующими дѣйствительности, такъ какъ на этотъ счетъ есть документальныя данныя,—тогда какъ сюжеты, взятые изъ жизни частныхъ лицъ и относящіеся къ новѣйшему времени, оставляютъ слишкомъ много простора воображенію и творчеству писателя... Исходя изъ подобнаго взгляда, съ которымъ мы теперь уже не можемъ согласиться, драматургъ въ критическихъ разборахъ (examens) своихъ пьесъ, которые помѣщаются въ любомъ изданіи его сочиненій передъ началомъ почти каждой изъ

[1]) Leo, „Der Uebermensch in der modernen Litteratur“ (1897).

нихъ, тщательно отмѣчаетъ произведенія, послужившія для него источниками и какъ бы гарантирующія достовѣрность тѣхъ фактовъ, которые онъ хочетъ возсоздать... Въ частности, римская исторія, на всемъ ея протяженіи, отъ древнѣйшей поры до періода упадка и вырожденія, казалась ему особенно удобною и подходящею для воспроизведенія въ драматической формѣ. Именно тамъ нашелъ онъ оригиналы тѣхъ суровыхъ, непреклонныхъ борцовъ, государственныхъ людей или патріотовъ, яркимъ представителемъ которыхъ является старикъ Горацій, съ его знаменитымъ „Qu'il mourût!“... Несомнѣнно, что при этомъ дѣло не обошлось безъ извѣстной подрисовки и пріукрашенія, что типъ носителя идеаловъ римской доблести, пламеннаго патріотизма и вѣрности гражданскому долгу создался не безъ нѣкотораго литературнаго вліянія (вспомнимъ хотя бы „Discours“ Бальзака), придавшаго ему нѣсколько условный, разъ навсегда установленный характеръ, не вполнѣ соотвѣтствующій тому, что было въ дѣйствительности... Но все же никто до Корнеля не извлекъ изъ римской исторіи такихъ величественныхъ образовъ, не сумѣлъ съ такимъ искусствомъ превращать какой-нибудь сжатый, сухо изложенный отрывокъ изъ сочиненія того или другого историка въ захватывающія и потрясающія сцены! Самые разнообразные періоды — время царей, республиканская эпоха, междоусобныя войны, возникновеніе и упроченіе монархіи, борьба между христіанствомъ и язычествомъ, постепенное развитіе византійской имперіи—дали ему матеріалъ для его трагедій. Наряду съ этимъ, Грецію фигурируетъ у него всего въ трехъ пьесахъ!.. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи Корнель и Расинъ рѣзко расходятся между собою: у автора „Враждующихъ братьевъ“, „Александра Великаго“, „Андромахи“, „Ифигеніи“, „Федры“ были на этотъ счетъ совершенно другіе взгляды. — Грецію гораздо больше говорила его душѣ! Съ другой стороны, отъ Корнеля мы могли бы a priori ожидать сочувственнаго отношенія именно къ Риму, съ его отличительными особенностями. Нужно замѣтить, что многимъ современникамъ драматурга его римляне казались настоящими, вполнѣ реально и точно обрисованными римлянами; если Лабрюйеръ высказывался въ томъ смыслѣ, что представители римскаго общества вышли у Корнеля даже болѣе живыми, чѣмъ въ самой исторіи, то Сегрэ рѣшительно заявлялъ, что у Корнеля *римлянинъ всегда говоритъ какъ римлянинъ*, грекъ — какъ подобаетъ греку, и т. п., въ противоположность Расину, которому не удалось, при всемъ желаніи, возсоздать подлинную турецкую дѣйствительность въ „Баязетѣ“. Мы не присоединимся

теперь къ такимъ похваламъ, не скажемъ и вмѣстѣ съ Фонтенелемъ, что выше „Цинны“ и „Поліевкта“ ничего не можетъ быть („Cinna et Polyeucte, au-dessus desquels il n'y a rien“...), — но мы все же воздадимъ должное тому сильному и своеобразному дарованію, которое и теперь бросается въ глаза каждому безпристрастному читателю, когда онъ знакомится съ лучшими произведеніями Корнеля, и, несомнѣнно, оцѣнивалось бы у насъ гораздо болѣе рѣшительно и единодушно, еслибы не застарѣлое предубѣжденіе противъ французской классической трагедіи, будто бы совершенно лишенной истиннаго драматизма и всецѣло подавленной гнетомъ единствъ и правилъ...

VI.

Когда отъ тѣхъ успѣховъ и тріумфовъ, которыми ознаменована была лучшая пора литературной дѣятельности Корнеля, мы переходимъ къ позднѣйшему періоду его жизни, впечатлѣніе получается, по истинѣ, томительное... Привыкнувъ къ похваламъ и единодушному признанію его заслугъ, драматургъ испыталъ мучительныя, безотрадныя ощущенія, когда поставленная на сценѣ „Hôtel de Bourgogne“, въ теченіе сезона 1651—52 года, трагедія его „Pertharite, roi des Lombards“, прошла безъ успѣха и совершенно не понравилась зрителямъ, которымъ, быть можетъ, впервые пришла въ голову мысль, что талантъ Корнеля уже нѣсколько блѣднѣетъ и утрачиваетъ прежнюю свѣжесть... Эта неудача такъ сильно подѣйствовала на автора „Pertharite“, что онъ рѣшилъ отказаться отъ дальнѣйшей работы для театра и надолго уѣхалъ къ себѣ въ Руанъ, гдѣ сталъ вести жизнь обыкновеннаго буржуа, наполняя свои досуги только переложеніемъ „Подражанія Іисусу Христу“ и нѣкоторыхъ другихъ духовныхъ произведеній, повидимому, совершенно позабывъ о театрѣ [1]). Въ данномъ случаѣ можно, до извѣстной степени, провести параллель между судьбою Корнеля и аналогичнымъ эпизодомъ изъ жизни Расина, который также удалился отъ мірской суеты подъ вліяніемъ подстроеннаго его врагами и завистниками провала „Федры“ и сталъ искать утѣшенія въ религіи. Но Расинъ уже не вернулся на свое прежнее поприще и прожилъ двадцать-

[1]) Лотгейсенъ держится того мнѣнія, что Корнель и раньше думалъ бросить карьеру драматурга, и что неудача „Пертарита“ только утвердила его въ этомъ намѣреніи.—„Geschichte“, etc., стр. 292.

печальное въ этомъ медленномъ угасаніи прежняго любимца публики, который однажды обратился даже съ трогательнымъ посланіемъ къ Людовику XIV, умоляя его вспомнить объ его прежнихъ заслугахъ, выражая ему благодарность за то, что онъ „воскресилъ“ нѣкоторыя прежнія его пьесы, съ грустью говоря объ упадкѣ своего дарованія, о своей старости. Недаромъ его сравнивали въ этомъ случаѣ съ Велизаріемъ, принужденнымъ просить милостыни послѣ прежней славы и могущества...

VII.

Относительно характера Корнеля, его образа жизни, наружности, манеры говорить и держать себя, и того впечатлѣнія, какое онъ производилъ на окружающихъ, сохранились любопытныя показанія современниковъ. Почти всѣ эти показанія обрисовываютъ его нравственный обликъ въ симпатичномъ свѣтѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣленно говорятъ о томъ, что въ обыденной жизни его очень трудно было принять за человѣка съ крупнымъ дарованіемъ, богатымъ воображеніемъ, художественною натурою. Между его устною рѣчью и слогомъ его лучшихъ пьесъ не было ничего общаго; въ его сужденіяхъ, привычкахъ, внѣшнихъ пріемахъ иногда чувствовалось что-то характерно-буржуазное и тяжеловѣсное; мнѣнія по литературнымъ вопросамъ, какія онъ высказывалъ въ разговорѣ съ друзьями и знакомыми, не заключали въ себѣ ничего особенно оригинальнаго или глубокаго... Это нисколько не умаляетъ, конечно, значенія его литературной дѣятельности и таланта, и только является лишнимъ примѣромъ того, какъ у такихъ объективныхъ писателей, какъ Корнель, иногда можетъ совершенно не быть настоящей гармоніи между литераторомъ и человѣкомъ, личностью и поэзіей, будничною жизнью и заповѣднымъ міромъ творчества. Впрочемъ, въ частности—фантазія, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, свободная, пылкая, ничѣмъ не стѣсняемая, вообще никогда не являлась faculté maîtresse Корнеля, творчество котораго всегда носило, въ значительной степени, разсудочный характеръ и, оставаясь возвышеннымъ и величавымъ, все же не порывало связи съ реальною жизнью, не переходило безповоротно въ область чистаго вымысла...

Одинъ изъ современниковъ Корнеля разсказываетъ, что съ перваго взгляда никакъ нельзя было повѣрить, чтобы онъ могъ влагать такія замѣчательныя рѣчи въ уста своимъ героямъ и

такъ искусно оттѣнять ихъ чувства и мысли. „Когда я впервые увидѣлъ его, я его принялъ за руанскаго купца. Его внѣшность ничего не говорила душѣ, а разговоръ его былъ настолько тяжеловѣсенъ, что начиналъ тяготить его собесѣдника, какъ только немного затягивался. Одна высокопоставленная дама, пожелавшая его увидѣть и побесѣдовать съ нимъ, говорила потомъ, что его рѣчи нужно слушать только съ подмостковъ „Hôtel de Bourgogne“... Мы узнаемъ, что Корнель очень мало заботился о своей внѣшности, манерахъ, костюмѣ; когда его ближайшіе друзья обращали на это его вниманіе, желая, чтобы онъ и въ этомъ отношеніи всегда находился на должной высотѣ, и боролся съ своею небрежностью или апатіей, онъ съ улыбкою отвѣчалъ имъ: „Это все-таки не мѣшаетъ мнѣ оставаться Пьеромъ Корнелемъ“. Еще любопытнѣе другое показаніе того же современника: „Корнель *никогда не говорилъ вполнѣ правильно по-французски;* быть можетъ, онъ и не заботился въ данномъ случаѣ объ особенной точности“... Вспомнимъ кстати, что Лабрюйеръ также называлъ Корнеля скучнымъ собесѣдникомъ, ищущимъ словъ и употребляющимъ иногда одно вмѣсто другого, не умѣющимъ декламировать свои произведенія, даже разбирать свой почеркъ... Впрочемъ, онъ прибавлялъ (въ той же главѣ его „Caractères“): „Дайте ему только возвыситься при помощи творчества,—и тогда онъ не будетъ стоять ниже Августа, Помпея, Никомеда, Ираклія! Онъ самъ сдѣлается тогда царемъ,—даже великимъ царемъ,—политикомъ, философомъ, онъ заставитъ своихъ героевъ говорить и дѣйствовать, будетъ выводить римлянъ, которые покажутся болѣе великими и даже болѣе *римлянами* — въ его стихахъ, чѣмъ въ исторіи!“...

Въ краткой біографіи Корнеля, помѣщаемой иногда въ началѣ собранія его сочиненій и вышедшей изъ-подъ пера автора „Discours sur la pluralité des mondes“, Фонтенелля, наряду съ весьма сочувственною оцѣнкою литературной дѣятельности и характера знаменитаго драматурга, приходившагося ему дядей, приводятся, однако, ближе къ концу, нѣкоторыя данныя, совпадающія съ тѣмъ, что мы знаемъ изъ показаній нѣкоторыхъ современниковъ. Фонтенелль также говоритъ, что у Корнеля была очень простая, обыкновенная, хотя и пріятная внѣшность, что онъ мало думалъ о своемъ туалетѣ, какъ бы пренебрегая заботою о немъ, что произношеніе у него было невполнѣ чистое, и чтеніе имъ своихъ стиховъ отличалось иногда силою, но отнюдь не красотою. Довольно интересно также то, что біографъ сообщаетъ намъ о вкусахъ и интересахъ Корнеля. „Онъ зналъ

изящную литературу, исторію, политику, но онъ ихъ разсматривалъ только съ той стороны, которая имѣла отношеніе къ театру... Для всѣхъ другихъ знаній у него не было ни досуга, ни любознательности, ни даже особаго уваженія. Онъ мало говорилъ, даже по такимъ вопросамъ, съ которыми былъ прекрасно знакомъ, и никогда не придавалъ красивой формы своимъ рѣчамъ. Чтобы найти *великаго Корнеля*, нужно прочесть его сочиненія".

Въ очеркѣ Фонтенелля очень опредѣленно указывается, однако, и на положительныя стороны знаменитаго драматурга, въ признаніи которыхъ сходятся почти всѣ лица, касавшіяся его жизни и характера. Онъ названъ здѣсь, между прочимъ, прекраснымъ мужемъ и родственникомъ, нѣжнымъ другомъ, человѣкомъ съ независимою душою, склоннымъ скорѣе къ меланхоліи, чѣмъ къ жизнерадостности, неспособнымъ на уловки и хитрость, свободнымъ отъ мелкаго тщеславія. Мы знаемъ, что онъ всегда отличался вполнѣ искреннею и глубокою религіозностью, хотя и пропущенною черезъ призму міросозерцанія іезуитовъ; въ этомъ отношеніи онъ всегда оставался вѣрнымъ себѣ, и ему не пришлось проходить черезъ послѣдовательные періоды религіознаго рвенія и индифферентизма, какъ это случилось съ Расиномъ, питомцемъ портъ-рояльской общины, временно отдалившимся отъ янсенистовъ и увлекшимся мечтаніями о славѣ, чтобы затѣмъ снова явиться къ нимъ съ повинною головою и жаждою утѣшенія и духовнаго руководства, потерпѣвъ рядъ неудачъ въ области театра... Родственныя чувства, весьма характерныя для Пьера Корнеля и сильно развитыя у него, проявились, между прочимъ, въ его нѣжномъ, участливомъ отношеніи къ брату его Thomas, который былъ моложе его на двадцать лѣтъ и съ которымъ они жили душа въ душу, почти никогда не разлучаясь, не допуская даже мысли о ссорѣ или разрывѣ [1]). Утвержденіе Лабрюйера, будто Корнель судилъ о достоинствѣ той или другой своей пьесы по той денежной суммѣ, которую она ему принесла, можетъ быть принято только съ большими оговорками. Мы, во всякомъ случаѣ, не имѣемъ нравственнаго права обвинять въ корыстолюбіи и утилитарномъ взглядѣ на литературу человѣка, который, по справедливому замѣчанію другого его современника, ученаго іезуита Турнемина, „получалъ съ своихъ пьесъ только то, что̀ согласны были давать актеры, никогда не считаясь съ ними,

[1]) Изъ-подъ пера Корнеля младшаго, — посредственнаго, лишеннаго настоящей самобытности писателя, вышли, между прочимъ, трагедіи: „Timocrate", „Laodice", „Stilicon", „Le comte d'Essex" и др.; его литературная дѣятельность началась въ 1656 году.

въ теченіе цѣлаго года не собрался поблагодарить Кольбера за возстановленіе его пенсіи, и, живя почти безъ всякихъ расходовъ, умеръ, не оставивъ средствъ"...

Отношеніе Корнеля къ своему собственному творчеству, къ мнѣнію публики, къ дарованію другихъ писателей—не всегда можетъ удовлетворить насъ. Достаточно вспомнить холодный пріемъ, оказанный имъ Расину, неодобрительные отзывы о пьесахъ послѣдняго, вызванные ревностью или завистью, болѣзненную чувствительность по отношенію къ оцѣнкамъ окружающаго общества [1]). Все это до извѣстной степени объясняется, хотя и не оправдывается, особенностями его натуры, отсутствіемъ настоящей вѣры въ себя, склонностью къ мучительному самоанализу, колебаніямъ и сомнѣніямъ, наконецъ—чувствомъ уязвленнаго самолюбія, подъ вліяніемъ неудачъ, неожиданно обрушившихся на него послѣ столькихъ тріумфовъ. Одно время онъ былъ очень избалованъ похвалами и восторженными отзывами; несомнѣнно, онъ очень любилъ славу и далеко не былъ равнодушенъ къ ней,—но ему не было свойственно мелкое тщеславіе, смѣшное самомнѣніе дюжинныхъ, заурядныхъ людей, всегда довольныхъ собою! Насколько ему удавалось, при желаніи, относиться критически къ своимъ собственнымъ произведеніямъ, показываютъ иные *разборы* (examens), приложенные имъ къ отдѣльнымъ пьесамъ; мы видимъ здѣсь, мѣстами, искреннее желаніе разобраться въ достоинствахъ и недостаткахъ той или другой трагедіи или комедіи, опредѣлить причину извѣстныхъ нападокъ или неодобрительныхъ замѣчаній по ея адресу, исходившихъ отъ зрителей или критиковъ. Извѣстно также, что онъ необыкновенно тщательно относился къ слогу своихъ произведеній, неоднократно передѣлывая и улучшая отдѣльныя мѣста, прежде чѣмъ представить ихъ на судъ публики; трудно повѣрить тому, какъ блѣдны и, сравнительно, мало совершенны по формѣ были вначалѣ иные отрывки, вполнѣ основательно причисляемые теперь къ наиболѣе яркимъ и законченнымъ образцамъ творчества Корнеля. Эта неудовлетворенность своими произведеніями, это постоянное желаніе автора „Сида" улучшить то, что было имъ написано, заставляетъ насъ относиться съ извѣстною осторожностью къ обвиненію драматурга въ славолюбіи или самомнѣніи. Въ общемъ, при всѣхъ тѣхъ недостаткахъ и слабостяхъ, которые были нами

---

[1]) О взаимныхъ отношеніяхъ Корнеля и Расина—см., между прочимъ, въ нашей статьѣ „Жанъ Расинъ" (въ книгѣ „Литературные Очерки", — М., 1900; раньше — въ „Вѣстникѣ Европы" за 1899 годъ).

отмѣчены у Корнеля, со словъ иныхъ его современниковъ,—его нравственный обликъ вырисовывается все же скорѣе въ симпатичномъ свѣтѣ,—и мы можемъ смѣло утверждать, что онъ не могъ бы совершить нѣкоторыхъ поступковъ, съ которыми мы, къ сожалѣнію, встрѣчаемся въ біографіи болѣе живого и даровитаго *по натурѣ* Расина,—въ пору постепеннаго расцвѣта его литературнаго таланта: вспомнимъ хотя бы ѣдкія насмѣшки автора „Андромахи“ по адресу членовъ воспитавшей его и съ любовью относившейся къ нему портъ-рояльской общины, или исторію его разрыва съ Мольеромъ, связанную съ постановкою его трагедіи „Alexandre le Grand“.

Для полноты нашей характеристики нелишнимъ будетъ привести въ заключеніе сжатую оцѣнку его отличительныхъ свойствъ, принадлежащую его новѣйшему біографу и представляющую собою какъ бы искусное резюме того, что̀ выясняется изъ показаній современниковъ. „Честный и трудолюбивый буржуа, набожный, прекрасный семьянинъ, человѣкъ строгихъ и степенныхъ нравовъ, болѣе склонный къ семейнымъ привязанностямъ, чѣмъ къ свободнымъ страстямъ, одаренный миролюбивымъ сердцемъ и солиднымъ умомъ, въ значительной степени любившій деньги, очень скромный въ общественной жизни, всегда помнившій свое мѣсто, быть можетъ, даже слишкомъ сгибавшійся передъ всякаго рода величіемъ имени, могущества и богатства, не соблюдавшій мѣры въ комплиментахъ и лести—больше изъ неловкости, чѣмъ изъ низкопоклонства, въ глубинѣ души—*гордый*, но лишенный той свѣтской непринужденности, которая помогаетъ человѣку сохранять свое достоинство даже при самыхъ щекотливыхъ шагахъ; настолько же горделивый, какъ поэтъ, насколько онъ отличался смиреніемъ, какъ буржуа,—чувствовавшій себя главою литературнаго міра и гордившійся этимъ, подозрительный, легко отдававшійся сомнѣніямъ и выносившій нравственныя страданія: вотъ какимъ намъ представляется Корнель, когда мы изучаемъ его жизнь!.. Въ немъ, какъ человѣкѣ, не было ничего такого, что̀ указывало бы на его геній; ничто въ его жизни не предвѣщало его творчества“ [1])...

Но что̀ бы намъ ни говорили о Корнелѣ, какъ частномъ лицѣ, мирномъ руанскомъ буржуа, съ виду ничѣмъ не отличающемся отъ заурядныхъ, дюжинныхъ людей,—все это нисколько не можетъ вредить его славѣ, какъ одного изъ величайшихъ драматурговъ. Создатель новой французской драмы, порвавшій съ наив-

[1]) Lanson, o. c., стр. 28—29.

ностью и несообразностями стараго репертуара и заставившій самые обширные круги интересоваться театромъ и дѣятельностью тѣхъ, кто для него работалъ; мастеръ слога, способный и теперь увлекать и потрясать зрителей красотою и силою своихъ блестящихъ монологовъ,—Корнель, по выраженію Пушкина, вмѣстѣ съ Кальдерономъ, Шекспиромъ и Расиномъ, „стоитъ на высотѣ недосягаемой“, и его славу не могутъ, конечно, поколебать никакія указанія на то, что онъ былъ великъ только въ своемъ творчествѣ, а не въ жизни...

Юрій Веселовскій.

Москва.

КИППСЪ

ИСТОРІЯ ПРОСТОЙ ДУШИ.

H. G. Wells. Kipps. The Story of a Simple Soul. London. 1906 (Macmillan et C°).

КНИГА ВТОРАЯ.

I *).

Въ слѣдующій четвергъ Киппсъ сидѣлъ въ читальнѣ въ состояніи, близкомъ къ полному отчаянію. Тутъ онъ обыкновенно проводилъ время до урока рѣзьбы по дереву. Но сегодня часъ, приносившій ему прежде столько блаженства, пробилъ, а урока не было и не будетъ до октября. Да и то еще неизвѣстно, сможетъ ли тогда Киппсъ посѣщать *ея* классъ. Шальфордъ сталъ за послѣдніе дни сильно придираться къ Киппсу за его разсѣянность, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ пристегнулъ билетики въ своей витринѣ верхомъ внизъ. Постоянные штрафы Шальфордовской „системы“ были невыносимы... Киппсъ вздохнулъ, отложилъ юмористическій журналъ, въ которомъ тщетно искалъ развлеченія, и сталъ ходить по комнатѣ; онъ разсматривалъ висѣвшія на стѣнахъ гравюры съ изображеніемъ стараго Фолькстона, но это не успокоило его истерзанныхъ чувствъ. Потомъ онъ сталъ перелистывать каталогъ библіотеки—очень интересное занятіе, но не надолго. Киппсъ вышелъ на улицу, но сразу почувствовалъ раздраженіе, заслышавъ звуки шарманки. Онъ пошелъ къ морскому берегу, чтобы погулять тамъ въ одиночествѣ, и сталъ размышлять по дорогѣ о томъ, какъ бы хо-

*) См. выше: май, стр. 259.

рошо броситься съ мола въ волны, чтобы положить конецъ всѣмъ страданіямъ. Онъ шелъ медленнымъ, похороннымъ шагомъ, точно слѣдуя за своимъ собственнымъ гробомъ,—какъ вдругъ на перекресткѣ двухъ улицъ ему повстрѣчалась Фортуна. Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что ее трудно было бы узнать въ томъ видѣ, который она приняла при встрѣчѣ съ Киппсомъ: онъ только услышалъ громкій окрикъ зычнаго голоса, потомъ почувствовалъ толчокъ въ спину; шапка сползла ему на глаза, что-то ударило въ ногу—и онъ очутился на землѣ, въ грязи, которую Фортуна, при содѣйствіи Фолькстонскаго городского управленія и для выполненія какихъ-то таинственныхъ цѣлей, уготовила въ избыткѣ для него. Онъ пролежалъ нѣсколько секундъ, соображая, не разбито ли теперь у него внутри еще что-нибудь, кромѣ сердца, и потомъ приподнялся при чьей-то помощи. Тогда онъ увидѣлъ передъ собой человѣка, который держалъ одной рукой велосипедъ и тревожно глядѣлъ ему въ лицо.

— Вы не очень расшиблись?—спросилъ взволнованный голосъ. Видя, что Киппсъ можетъ подняться, незнакомецъ сталъ объяснять, какъ произошло столкновеніе. — Вся бѣда въ томъ, что руль у меня слишкомъ низкій,—началъ онъ страдальческимъ тономъ, точно самъ тоже пострадалъ не меньше Киппса. — Я сталъ съѣзжать, а эти Фолькстонскіе спуски—точно заколдованные, —такъ и летишь съ нихъ сломя голову. Я тормозилъ, какъ только могъ, но ничего не помогло. Правду сказать, я очень плохо управляю тормазомъ.

Онъ уже повернулся и, повидимому, хотѣлъ опять сѣсть на свою машину, но его остановилъ видъ Киппса, который наклонился и разсматривалъ поврежденія въ своемъ костюмѣ.

— Цѣлый кусокъ панталонъ вырванъ,—сказалъ Киппсъ,— и, кажется, нога въ крови. Вамъ бы, дѣйствительно, слѣдовало осторожнѣе съѣзжать съ горы.

Незнакомецъ тоже нагнулся.

— Да вѣдь вы, правда, въ крови, — сказалъ онъ.—Знаете что̀,—пойдемъ ко мнѣ, тамъ мы починимъ ваше платье. Я, конечно, виноватъ, но... Послушайте, — быстро проговорилъ онъ, понизивъ голосъ:—вотъ полицейскій; не говорите ему, что я наѣхалъ на васъ, а то мнѣ бѣда будетъ.

Незнакомецъ не напрасно понадѣялся на великодушіе Киппса; тотъ сейчасъ же сталъ на сторону виновника своего несчастья, противъ представителя закона, и при приближеніи полицейскаго сдѣлалъ видъ, что ничего не случилось. Когда полицейскій прошелъ мимо, велосипедистъ сталъ экспансивно выражать свою при-

знательность. Онъ повелъ Киппса къ себѣ, и въ то время какъ Киппсъ, слегка прихрамывая, слѣдовалъ за нимъ, онъ опять сталъ объяснять, почему собственно все произошло, какъ, налетая на Киппса, онъ все-таки дѣлалъ усилія, чтобы не очень расшибить его; онъ выражалъ надежду, что Киппсъ не очень ужъ пострадалъ.

— А все-таки, — сказалъ онъ, — вы благородно поступили, промолчавъ передъ полицейскимъ. Это я называю—поступать совсѣмъ, совсѣмъ благородно. Вѣдь съ меня могли бы содрать шиллинговъ сорокъ штрафа—что жъ бы я тогда сдѣлалъ? Пришлось бы развѣ только сказать имъ, что время — деньги. И я бы даже не могъ быть на васъ въ претензіи—многіе бы на вашемъ мѣстѣ разсердились. Но вѣдь вы поступили какъ истинный джентльменъ. Увѣряю васъ, немногіе бы такъ повели себя, какъ вы.

Киппсъ почти ужъ не чувствовалъ боли,—до того ему льстили похвалы незнакомца. Онъ шелъ, прихрамывая, рядомъ съ нимъ, и только мычалъ что-то, выражая этимъ протесты противъ преувеличенныхъ похвалъ. Проходя мимо фонарей, онъ оглядывалъ своего спутника, стараясь составить себѣ о немъ представленіе. Это былъ человѣкъ довольно плотнаго сложенія; онъ быстро шагалъ въ короткихъ велосипедныхъ панталонахъ, открывавшихъ необыкновенно толстыя икры. Велосипедная фуражка сдвинулась на сторону, и изъ-подъ нея выглядывали пряди рыжихъ волосъ. Носъ у него былъ весьма солидныхъ размѣровъ; толстыя щеки и крупный подбородокъ были гладко выбриты, также какъ и верхняя губа. У него были очень непринужденные жесты, и онъ такъ увѣренно ходилъ по улицамъ, точно все по дорогѣ было его собственностью. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ они вошли въ темную улицу и остановились передъ очень невзрачнымъ, ветхимъ домикомъ, втиснутымъ между двумя болѣе высокими домами; тѣ его какъ бы поддерживали,—точно два полицейскихъ, которые ведутъ подъ руки пьянаго. Велосипедистъ прислонилъ машину къ окну, вынулъ ключъ, продулъ его предварительно и сталъ съ невообразимыми усиліями открывать дверь. Послѣ очень сложныхъ манипуляцій, сопровождавшихся трескомъ лопающихся пружинъ, дверь открылась. Незнакомецъ попросилъ Киппса обождать, оставилъ его и нырнулъ въ глубокій мракъ, говоря, что идетъ за лампой. Сначала онъ зажегъ спичку, и при вспыхнувшемъ розоватомъ свѣтѣ Киппсъ могъ различить только корридоръ и дверь въ слѣдующую комнату, куда направился незнакомецъ. Все это настолько заинтересовало Киппса, что онъ совсѣмъ забылъ о боли въ ногѣ и разорванномъ платьѣ.

Прошло нѣсколько минутъ—и Киппса вдругъ ослѣпилъ свѣтъ керосиновой лампы подъ розовымъ абажуромъ. Рыжій человѣкъ повелъ Киппса въ слѣдующую комнату и самъ вышелъ, оставивъ его одного. Киппсъ вскользь увидѣлъ очень жалкую обстановку: столъ, покрытый рваной красной скатертью съ пятнами отъ стакановъ, тусклое зеркало надъ каминомъ, сломанный газовый рожокъ, догорающій огонь въ каминѣ, нѣсколько запыленныхъ открытыхъ писемъ и счетовъ, всунутыхъ за зеркало, запыленныя фотографическія карточки на каминѣ, столъ, покрытый бумагами и пепломъ отъ папиросъ, и сифонъ содовой воды. Велосипедистъ вернулся, и Киппсъ въ первый разъ ясно разглядѣлъ его оживленное бритое лицо и блестящіе каріе глаза. Онъ былъ, вѣроятно, лѣтъ на десять старше Киппса, но бритое лицо придавало ему моложавость.

— Вы очень благородно поступили, не выдавъ меня полиціи,—опять повторилъ онъ.

— Да какъ же бы я могъ иначе поступить?—скромно возразилъ Киппсъ.

Велосипедистъ тоже внимательно посмотрѣлъ на гостя и сталъ усиленно проявлять гостепріимство, предложилъ погрѣться у огня, прежде чѣмъ чистить платье отъ грязи, и, главное, усиленно совѣтовалъ Киппсу выпить, спрашивая, что онъ предпочитаетъ, коньякъ или виски, и называя разныя марки того и другого. Киппсъ не зналъ собственно, что выбрать, но, чтобы не выдать своей неопытности, сказалъ, что предпочитаетъ виски.

— Чудесно, дружище!—сказалъ хозяинъ.—И послушайтесь меня, пейте не разбавляя. Виски Маѳусаила четыре звѣздочки—вотъ моя марка! Старина Гарри Читерло и добрая бутылка виски Маѳусаилъ—вотъ друзья, которымъ не скучно вмѣстѣ. Ну-съ, я пошелъ...

Онъ громко разсмѣялся, оглянулся съ нѣкоторымъ колебаніемъ и вышелъ, оставивъ Киппса одного на время.

II.

Киппсъ сталъ разглядывать комнату болѣе внимательно, и прежде всего обратилъ вниманіе на фотографіи. Больше всего было карточекъ дамъ въ трико, но на одной Киппсъ увидѣлъ самого велосипедиста въ какомъ-то историческомъ костюмѣ. Киппсъ сообразилъ, что его хозяинъ—актеръ, и что дамы тоже, вѣроятно, все актрисы. Тутъ же лежавшая разорванная афиша подтвер-

ждала это предположеніе. На видномъ мѣстѣ лежала записка, написанная очень крупнымъ почеркомъ: „Дорогой м-ръ Читерло,—прочелъ Киппсъ,—пришлите мнѣ драму, о которой вы говорили,—непремѣнно прочту ее". На стѣнѣ, у окна, висѣлъ рисунокъ, изображавшій велосипедиста въ профиль, и подъ нимъ было очень четко подписано: „Читерло". Киппсу рисунокъ показался замѣчательно вѣрнымъ. Бумаги на столѣ были исписаны порывистымъ и неряшливымъ почеркомъ; буквы ложились косо на страницы.

Киппсъ успѣлъ все это осмотрѣть, и уже нѣсколько времени спустя открылась—опять съ трескомъ и шипѣніемъ перекрученныхъ пружинъ—входная дверь, и въ комнату вошелъ Читерло, слегка запыхавшійся и держа въ рукахъ бутылку съ звѣздочками на этикеткѣ.

— Все-таки пришлось сходить купить—въ домѣ не оказалось больше ни одной бутылки. Садитесь поудобнѣе—только не сюда,—тутъ рукописи моей драмы. Вотъ на то кресло—съ разломанной спинкой.

Читерло усадилъ гостя, быстро раскупорилъ бутылку, выполоскалъ содовой водой два стоявшіе на столѣ стакана, продѣлавъ все это привычными движеніями, и налилъ драгоцѣнной влаги въ оба стакана. Киппсъ, стараясь главнымъ образомъ не выдавать свою неопытность, сразу отпилъ такъ много, что ему обожгло всѣ внутренности и онъ лишился на нѣсколько секундъ способности соображать что-либо. Очнувшись, онъ поглядѣлъ на м-ра Читерло и увидѣлъ, что тотъ спокойно сидитъ у потухшаго камина, куритъ трубку и наливаетъ себѣ вторую порцію виски.

— Въ концѣ концовъ,—сказалъ м-ръ Читерло съ пріятной улыбкой,—все обошлось благополучно, и даже привело къ пріятному знакомству. Вотъ мы тутъ сидимъ и болтаемъ какъ старые друзья, а полчаса тому назадъ не знали о существованіи другъ друга; встрѣтивъ васъ на улицѣ, я бы прошелъ мимо, не зная, какъ благородно вы способны поступить при случаѣ. Да, удивительно!.. Хотите папироску?

Киппсъ отвѣтилъ что-то неопредѣленное и, въ замѣшательствѣ, выпилъ вторично виски, послѣ чего ему показалось, что его врагъ, старикъ Маѳусаилъ, всадилъ ему горящій факелъ въ горло и, вталкивая его все глубже, зажегъ ему всѣ внутренности. Онъ только различалъ въ какомъ-то туманѣ Читерло, который крутилъ для него папиросу и, къ величайшей радости Киппса, предложилъ ему подлить содовой воды въ виски.

— Нѣкоторые это предпочитаютъ,—сказалъ Читерло, прибавивъ съ возмущеніемъ:—Но не я, конечно!

Обезсиливъ наполовину своего врага при помощи содовой воды, Киппсъ проглотилъ весь остатокъ изъ стакана; хозяинъ тогда подлилъ ему, изъ гостепріимства, еще. Киппсъ почувствовалъ себя болѣе твердымъ, чѣмъ могъ бы самъ ожидать; онъ сталъ съ большимъ интересомъ вникать въ то, что̀ говорилъ Читерло, и рѣшилъ принять болѣе активное участіе въ разговорѣ, чѣмъ до сихъ поръ. Онъ закурилъ, выпуская дымъ черезъ носъ, чѣмъ очень гордился; онъ только недавно научился этому искусству.

Читерло тѣмъ временемъ разсказалъ ему, что онъ—драматургъ. Киппсъ, у котораго развязался языкъ, отвѣтилъ, что онъ зналъ молодого человѣка, написавшаго пьесу, т.-е. не самъ онъ, а его товарищъ по магазину, или, вѣрнѣе, братъ товарища, и что будто бы за эту пьесу—кажется, названіе ея было „Жертва любви“—авторъ получилъ пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ.

— Что̀ это за деньги!—сказалъ Читерло съ внушительной авторитетностью.—За хорошую пьесу можно имѣть сколько угодно денегъ,—прямо-таки сколько угодно.

Читерло сталъ приводить въ доказательство своей правоты множество примѣровъ и обнаружилъ при этомъ необыкновенный талантъ къ монологамъ. Онъ сталъ разсказывать безконечные анекдоты изъ закулисной жизни, не забывая „старика Маѳусаила“ и все болѣе оживляясь послѣ каждаго новаго стаканчика. Киппсъ слушалъ его, закуривъ уже вторую папироску, и внутренно гордился своей непринужденной бесѣдой съ такимъ, повидимому, замѣчательнымъ человѣкомъ. Читерло постепенно все болѣе входилъ въ роль знаменитости, которую интервьюируетъ молодой поклонникъ; онъ разсказывалъ безъ конца о себѣ, отвѣчая Киппсу или самъ ставя себѣ вопросы. Иногда онъ старался быть очень ужъ обстоятельнымъ и вставлялъ въ разсказы чрезмѣрное количество отдѣльныхъ эпизодовъ и подробностей; но потомъ онъ ловко выбирался на большую дорогу и опять говорилъ о главномъ, о своихъ актерскихъ успѣхахъ въ Америкѣ („гдѣ я получалъ по тридцати, сорока, пятидесяти долларовъ въ недѣлю“,—говорилъ онъ) и во всѣхъ странахъ міра.

И по мѣрѣ того, какъ онъ все это разсказывалъ своимъ звучнымъ громкимъ голосомъ, а также по мѣрѣ того, какъ „добрый старый Маѳусаилъ“ подливалъ огонь въ жилы Киппса, такъ что онъ весь горѣлъ и свѣтился внутри, вся комната вмѣстѣ съ Читерло и Киппсомъ совершенно преображалась. Читерло превратился въ человѣка необыкновенныхъ знаній, поражающаго

своимъ талантомъ и юморомъ, равнаго Шекспиру, Ибсену и Метерлинку (эти три имени, однако, онъ скромно ставилъ выше себя), одѣтаго не въ потертый велосипедный костюмъ, а въ изящное платье, подобающее свѣтскому льву. Комната, въ которой они сидѣли, уже не была жалкой конурой, а сдѣлалась гостиной съ дорогой мебелью, съ старинными картинами на мѣстѣ карточекъ и афишъ на стѣнѣ; и лампа освѣщала все это великолѣпіе мягкимъ дивнымъ свѣтомъ. Даже дырки и пятна на скатерти казались только интереснымъ контрастомъ, чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ въ обстановкѣ геніальнаго артиста. Киппсъ тоже сталъ совсѣмъ инымъ: онъ преобразился въ многообѣщающаго юношу съ благородными порывами, въ героя, выказавшаго необычайное величіе души — и допущеннаго за это въ святую святыхъ великаго артиста, чьей дружбы и симпатіи тщетно добивались самыя прекрасныя свѣтскія дамы... Вдругъ вся эта идиллія прервалась громкимъ боемъ часовъ: Бумъ... бумъ...

— Боже!—спохватился Киппсъ:—вѣдь не одиннадцать бьетъ, надѣюсь?

— Конечно, одиннадцать. Было около десяти, когда я пошелъ за виски. Но вѣдь еще рано.

— Я долженъ бѣжать домой. Вѣдь у насъ двери запираютъ въ половинѣ одиннадцатаго... И какъ это я раньше не вспомнилъ!

— Ну, если нужно, такъ идите. Я васъ провожу... Ахъ, да,— какъ это мы забыли?—нужно вѣдь зашить вамъ панталоны. Нельзя такъ выйти на улицу. Ну, я зашью, а вы пока выпейте еще виски.

— Лучше бы сейчасъ идти,—слабо запротестовалъ Киппсъ, но Читерло показалъ ему, какъ стать на колѣно на стулѣ, чтобы можно было зашить ему прорѣху, а еще одинъ стаканчикъ „старика Маѳусаила“ снова оживилъ упавшее возбужденіе Киппса. Читерло сталъ-было чинить панталоны Киппса, но вдругъ расхохотался, бросилъ шитье и сказалъ, что этимъ положеніемъ отлично можно воспользоваться для фарса. Онъ сейчасъ же сталъ представлять эту сцену, потомъ сталъ говорить о другомъ своемъ фарсѣ, для котораго онъ уже написалъ вступительную сцену; въ ней онъ представилъ человѣка, у котораго попалъ за воротникъ живой жукъ, причемъ онъ старается быть какъ ни въ чемъ не бывало въ комнатѣ, гдѣ собралось многочисленное общество. Такого положенія еще никто не бралъ, хотя оно вполнѣ возможно на сценѣ.

— Я вамъ прочту,— сказалъ Читерло; — это отниметъ ми-

нутъ десять, не больше. Васъ впустятъ домой, ничего!—прибавилъ онъ успокоительнымъ тономъ и сталъ читать сцену. Она, дѣйствительно, очень понравилась Киппсу, и онъ такъ восхищался ею, что Читерло возымѣлъ высокое мнѣніе о его критическихъ способностяхъ, и заявилъ, что рѣдко встрѣчалъ юношу съ такимъ тонкимъ умомъ. Глупо, что такого человѣка съ десяти часовъ — или съ половины одиннадцатаго — держатъ взаперти дома. Читерло сказалъ, что думаетъ порекомендовать его знакомому редактору одной изъ лондонскихъ газетъ въ качествѣ драматическаго критика; тотъ, кто ведетъ теперь тамъ театральный отдѣлъ, никуда не годенъ.—Тѣмъ лучше, что вы начнете писать съ нетронутыми силами,—сказалъ онъ въ отвѣтъ Киппсу, который робко объяснилъ, что, кромѣ этикетокъ для товаровъ, онъ ничего не писалъ въ жизни.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше,— повторялъ Читерло. — Вѣдь вы сразу поняли юморъ сцены съ жукомъ — это поразительно! Вы всѣхъ критиковъ за поясъ заткнете. Нѣтъ, я долженъ вамъ прочесть первые два акта трагедіи, которую я теперь пишу... Это займетъ не больше часа.

III.

Послѣ того, насколько Киппсъ припоминалъ потомъ, они выпили еще по стаканчику, затѣмъ Киппсъ, кажется, рѣшительно отклонилъ чтеніе трагедіи, заявивъ, что ему необходимо идти, а затѣмъ уже его воспоминанія спутались. Читерло пошелъ его провожать, чтобы посмотрѣть, гдѣ онъ живетъ, а также чтобы освѣжиться на воздухѣ. На улицѣ Киппсъ вдругъ почувствовалъ, что ему трудно идти прямо, и что его колетъ иголка, которую Читерло такъ и оставилъ въ работѣ, не зашивъ прорѣхи. Киппсъ наклонился, чтобы вынуть ее, но споткнулся и упалъ. Читерло со смѣхомъ помогъ ему подняться, говоря:—На этотъ разъ васъ уже не велосипедъ сшибъ съ ногъ!—Эта шутка показалась имъ обоимъ столь удачной, что они долго не переставали хохотать по поводу нея. Затѣмъ Киппсъ нѣсколько времени представлялся, что онъ совершенно пьянъ и не можетъ стоять на ногахъ, и Читерло,—тоже въ шутку, конечно,—поддерживалъ его. Потомъ въ памяти Киппса наступилъ пробѣлъ, и онъ уже помнилъ только тотъ моментъ, когда онъ очутился передъ магазиномъ, на которомъ особенно ярко блестѣли при лунномъ свѣтѣ золотыя буквы имени „Шальфордъ“. Киппсу показалось въ эту минуту, что

двери магазина навсегда закрылись передъ нимъ. Золотыя буквы вывѣски складывались для него въ слово „Конецъ“. Кончено, онъ никогда больше не попадетъ въ классъ рѣзьбы по дереву, никогда не увидитъ миссъ Уольшингэмъ!.. Впослѣдствіи, вспоминая эту минуту, онъ былъ увѣренъ, что былъ тогда совершенно трезвъ и въ глубинѣ души очень несчастенъ, но старался не выдать своего малодушія и заявилъ, что ему все равно—не впустятъ его, такъ не впустятъ. Читерло опять похвалилъ его за его мужество во всѣхъ обстоятельствахъ, и разсказалъ по этому случаю, что когда онъ служилъ клеркомъ въ Шеффильдѣ—прежде чѣмъ сдѣлался актеромъ, — то иногда по шести ночей кряду не попадалъ на ночь домой, потому что приходилъ слишкомъ поздно. А все-таки его и теперь бы охотно приняли обратно на то же мѣсто,—„еслибы, конечно, они еще помнили меня тамъ, чего я не предполагаю“,—прибавилъ онъ.

На вопросъ Киппса, что ему, однако, теперь дѣлать, Читерло посовѣтовалъ провести ночь внѣ дома и утромъ пробраться въ магазинъ „вмѣстѣ съ кошкой“; если никто не выдастъ, то ему, навѣрное, эта исторія сойдетъ съ рукъ.

Послѣ того Киппсу на минуту сдѣлалось очень скверно, и по совѣту Читерло онъ пошелъ освѣжиться на берегъ. Тамъ ему, дѣйствительно, скоро стало лучше. Перспектива провести ночь, гуляя при лунѣ, не представляла собой ничего непріятнаго для Киппса и его друга. Они ходили вдвоемъ по морскому берегу, и Читерло говорилъ сначала о томъ, какъ лунный свѣтъ преображаетъ видъ моря, о томъ, что и лица людей—совсѣмъ другія при лунѣ, и разговоръ перешелъ затѣмъ на тему любви.

Оказалось, что и на эту тему Читерло могъ сказать много поучительнаго, обладая большимъ опытомъ въ любовныхъ дѣлахъ. Онъ разсказалъ о разныхъ своихъ приключеніяхъ, и заявилъ между прочимъ, что люди говорятъ вздоръ, отрицая возможность любви къ двумъ женщинамъ одновременно.

— Я-то знаю, что такая любовь бываетъ, — проговорилъ Киппсъ.

Читерло разсказалъ, что ему случалось быть влюбленнымъ сразу въ трехъ, и затѣмъ сталъ безъ умолку описывать закулисные нравы, доказывая, что артисту необходимо свободно предаваться страстямъ, не думая о принципахъ морали. Киппсъ слушалъ съ волненіемъ эти разсказы, открывавшіе ему жизнь, про которую онъ только читалъ въ романахъ, но не считалъ ее возможной въ дѣйствительности. Онъ ни разу не прервалъ Читерло, который становился все болѣе и болѣе откровеннымъ,

найдя такого благодарнаго слушателя и увлекаясь своими собственными признаніями въ романтической обстановкѣ лунной ночи на морскомъ берегу.

Наконецъ онъ прервалъ нить своихъ воспоминаній, заявивъ безъ всякаго перехода, что теперь онъ уже остепенился—пора вѣдь! — и очень счастливо женатъ. Онъ разсказалъ, что жена, изъ очень хорошей семьи, мать ея — кузина жены извѣстнаго портретиста Джонса, такъ что всѣ они принадлежатъ къ свѣтскому кругу. Но это все не играло никакой роли для Читерло, какъ онъ увѣрялъ Киппса. Гораздо болѣе онъ цѣнитъ въ своей женѣ ея поразительное контральто—еще совершенно, однако, необработанное. Теперь она уѣхала „къ своимъ“. Киппсъ понялъ по намекамъ Читерло, что родня его жены его не признаетъ и считаетъ, что сочиненіе драмъ—пустое, невыгодное занятіе. Конечно, всѣ они глубоко заблуждаются: Читерло и его другъ Киппсъ отлично знаютъ, что это можетъ принести несмѣтныя богатства,—нужно только умѣть выждать. Послѣ того въ Читерло заговорило опять чувство гостепріимства. Онъ уговорилъ Киппса пойти опять къ нему. Безсмысленно бродить по берегу всю ночь, когда дома еще есть невыпитая бутылка самой лучшей марки.

— Вы потомъ поспите на диванѣ,—сказалъ онъ Киппсу.—Не бойтесь сломанныхъ пружинъ; я всѣ пружины до одной вынулъ нѣсколько недѣль тому назадъ. Не знаю, зачѣмъ ихъ вообще вкладываютъ въ мебель. Я много путешествовалъ, и знаю, что какъ ни ляжешь на диванъ гдѣ-нибудь въ гостинницѣ, всегда пружины сломаны, и отъ нихъ однѣ только непріятности.

IV.

Черезъ нѣсколько времени они опять очутились въ обществѣ „старика Маѳусаила“, который, при помощи Читерло, вскорѣ снова оживилъ упавшій духъ Киппса. Читерло налилъ и себѣ стаканчикъ, затѣмъ закурилъ трубку и погрузился въ раздумье. Киппсъ прервалъ молчаніе, замѣтивъ, что жизнь актера состоитъ, вѣроятно, изъ частой смѣны удачъ и неудачъ.

— Да, — медленно произнесъ Читерло, — но обыкновенно актеръ самъ виноватъ, если ему не везетъ, потому что это обыкновенно значитъ, что онъ не умѣетъ ладить съ нужными людьми, съ женой директора или тамъ еще съ кѣмъ-нибудь.

Отъ разговора объ актерской жизни онъ перешелъ къ разговору о театрѣ вообще и, затѣмъ, о писаніи драмъ. Онъ опять

упомянулъ совершенно невѣдомое Киппсу имя Ибсена и объяснилъ ему, кто это такой и каковы достоинства и недостатки его драмъ. Оказалось, что случайно Читерло особенно силенъ именно въ томъ, что̀ слабо у Ибсена,—вѣроятно потому, что Читерло, такъ много бродившій по свѣту, видалъ многое, о чемъ Ибсенъ понятія не имѣетъ. Конечно, Ибсенъ въ этомъ не виноватъ, — и Читерло не можетъ тоже поставить себѣ въ заслугу свою опытность, но такъ дѣло обстоитъ, и это нужно принять какъ фактъ. Для иллюстраціи своихъ словъ Читерло выразилъ желаніе познакомить Киппса съ своей новой трагедіей, которая не уступитъ никакой драмѣ Ибсена по силѣ замысла. Многіе критики, вѣроятно, будутъ другого мнѣнія,—но они ничего не понимаютъ.

Такимъ образомъ Читерло перешелъ наконецъ къ своей пьесѣ. Онъ сказалъ, что лучше разскажетъ Киппсу ея содержаніе—это удобнѣе, такъ какъ многія сцены имѣются у него только еще въ наброскахъ. Онъ сталъ передавать фабулу—очень сложную, какъ показалось Киппсу. Героемъ драмы былъ знатный лордъ, отлично знающій жизнь и женщинъ. Читерло разсказывалъ очень живо, и даже сталъ представлять одну сцену, которую трудно было разсказать, такъ какъ положеніе въ ней было очень смѣлое. Киппсъ былъ въ восторгѣ. — Чертовски хорошо!—кричалъ онъ, совершенно освоившись съ своей новой ролью драматическаго критика, стуча кулакомъ по столу и чуть не опрокинувъ свою третью порцію (второй серіи) „старика Маѳусаила“.

— Чертовски хорошо, Чит'ло!

— Нравится вамъ?—сказалъ Читерло, весь сіяя.—Я зналъ, что вы поймете. А обыкновеннымъ критикамъ ни за что этого не понять. Но вѣдь это еще только начало.

Онъ вновь наполнилъ стаканъ Киппса и продолжалъ изложеніе. Киппсъ вдругъ почувствовалъ, что все вокругъ какъ-то странно дрожитъ и звенитъ, но все-таки поставилъ — съ нѣкоторой осторожностью—свой стаканъ обратно на столъ. Онъ увидѣлъ теперь, что бутылка пуста, и былъ доволенъ—по крайней мѣрѣ, онъ не напьется до пьяна. Онъ зналъ, что теперь онъ не пьянъ, но что какъ разъ пора перестать пить. Иные люди не знаютъ, когда остановиться,—и, кажется, какъ разъ Читерло—изъ такихъ. Ему вдругъ Читерло пересталъ нравиться. Онъ ему даже положительно становился непріятенъ, потому что все говорилъ, не переставая. Киппсъ разозлился, и хотѣлъ даже сказать Читерло, что у него настоящій талантъ къ пустозвонству; но онъ только выговорилъ слово „талантъ“, и Читерло опять побла-

годарилъ его и сказалъ, что онъ судитъ тоньше, чѣмъ всѣ извѣстные лондонскіе критики. Киппсъ продолжалъ, однако, глядѣть очень сердито на Читерло, пока не случилось нѣчто весьма странное. Читерло нѣсколько разъ назвалъ въ своемъ изложеніи кого-то Киппсомъ, и Киппсъ почувствовалъ что-то неладное въ этомъ.

— О какомъ Киппсѣ вы говорите?— спросилъ онъ наконецъ.

— Да все о томъ же. Я вѣдь уже говорилъ вамъ про него.

Киппсъ долго старался припомнить и сообразить, но не могъ, и повторилъ очень рѣшительно свой вопросъ:

— Какой такой Киппсъ?

— Да этотъ молодой человѣкъ въ моей драмѣ, — тотъ, что цѣлуетъ любимую имъ дѣвушку.

— Я никогда не цѣловалъ,—началъ Киппсъ,—по крайней мѣрѣ, насколько...—Но онъ не могъ въ точности припомнить, поцѣловалъ ли онъ Анни, или нѣтъ; онъ только зналъ, что хотѣлъ ее поцѣловать. Потомъ онъ повернулся къ Читерло и сказалъ:

— Вѣдь я Киппсъ.

— Что?—спросилъ Читерло.

— Киппсъ, это я,—повторилъ онъ, тыча пальцемъ себѣ въ грудь для большей ясности. Затѣмъ онъ продолжалъ очень серьезнымъ тономъ:—Послушайте, Чит'ло,—сказалъ онъ,—называть мое имя въ вашей пьесѣ совершенно не слѣдуетъ. Это не хорошо съ вашей стороны. Я могу потерять мѣсто.

У нихъ вышелъ, насколько потомъ вспоминалъ Киппсъ, маленькій споръ. Читерло объяснялъ ему, какъ онъ напалъ на это имя, говорилъ, что прочелъ его въ газетѣ, которая, навѣрное, тутъ гдѣ-нибудь еще лежитъ на столѣ. Онъ сталъ ее искать, а Киппсъ тѣмъ временемъ произнесъ цѣлую рѣчь, направленную главнымъ образомъ къ стоявшему на каминѣ портрету дѣвушки въ трико. Онъ сказалъ, что сначала она ему не понравилась изъ-за своего костюма, но что теперь онъ видитъ, какое у нея умное и пріятное лицо, и что она навѣрное тоже сказала бы,—какъ всѣ разсудительные люди,—что нельзя пользоваться именами знакомыхъ для сцены. Ему и такъ достанется за прокученную ночь, а тутъ еще имя его попадется въ драмѣ. И такъ вѣдь будетъ скандалъ—навѣрное будетъ... Почему онъ не ушелъ ровно въ десять часовъ? Онъ пытался сказать ей, что теперь совсѣмъ ужъ недостоинъ любви м-ссъ Уольшингэмъ, но въ эту минуту Читерло отказался наконецъ отъ тщетныхъ поисковъ и вдругъ сталъ ругать его за то, что онъ пьянъ—и мелетъ ерунду.

V.

Киппсъ проснулся на хваленомъ диванѣ, изъ котораго вынуты были предварительно всѣ пружины, и хотя, конечно, онъ не былъ пьянъ наканунѣ, но въ головѣ и во рту у него было очень неладно. Онъ спалъ въ платьѣ и у него ныло все тѣло,—но онъ ясно чувствовалъ, что дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что въ головѣ его засѣла какая-то неудобная, физически-неудобная мысль; она тяжело ворочалась въ мозгу, причиняя невыносимую боль. Мысль эта заключалась въ томъ, что онъ потерялъ, навѣрное, мѣсто и что онъ разоренъ: — Шальфордъ, навѣрное, узнаетъ о томъ, что онъ не ночевалъ дома, и въ связи съ исторіей изъ-за витрины...

Читерло убѣдилъ его подняться и сѣсть. Самъ онъ тоже сознавался, что ему нужно было бы опохмелиться, но на Киппса старался подѣйствовать педагогическими средствами, приводя примѣры людей, у которыхъ тоже бывали такія состоянія, но проходили безслѣдно. Затѣмъ онъ далъ ему поджаренную булку съ масломъ и пикантнымъ анчоусовымъ пюре: онъ по опыту зналъ, что это помогаетъ лучше всего. Съѣвъ тартинку, Киппсъ смогъ кое-какъ привести себя въ порядокъ, поправить смятый воротникъ, почистить платье и подготовиться къ минутѣ, когда онъ предстанетъ передъ лицомъ м-ра Шальфорда и долженъ будетъ держать отвѣтъ за свое неслыханное поведеніе—за первую проведенную внѣ дома ночь.

По совѣту Читерло, онъ пошелъ пройтись передъ тѣмъ, какъ возвращаться домой. Онъ прошелся по берегу, выпилъ чашку кофе въ кофейнѣ близъ гавани. Это его очень освѣжило и подбодрило, и онъ пошелъ навстрѣчу ожидающей его бурѣ съ большимъ мужествомъ. Въ концѣ концовъ, онъ велъ себя какъ настоящій взрослый мужчина, и головная боль съ похмелья—не униженіе. Ужасна была только мысль о предстоящемъ объясненіи съ Шальфордомъ. Подходя къ магазину, онъ встрѣтилъ двухъ учениковъ, которые пошли пробѣжаться передъ работой. При видѣ ихъ Киппсъ подтянулся, сдвинулъ шапку назадъ, обнажая очень блѣдный лобъ, заложилъ руки въ карманы и принялъ видъ настоящаго кутилы, глядя съ усталой, разочарованной улыбкой на невинныя лица мальчиковъ. Онъ даже въ эту минуту былъ радъ, что платье у него разорвано и забрызгано грязью: дѣти, навѣрное, подумаютъ, что онъ провелъ ночь въ какихъ-то страш-

ныхъ мѣстахъ. Онъ прошелъ мимо нихъ, не заговоривъ,—навѣрное, они потомъ долго глядѣли ему вслѣдъ. Однако пріятное чувство удовлетвореннаго тщеславія быстро разсѣялось у Киппса: онъ вспомнилъ о м-рѣ Шальфордѣ.

Чортъ побери,—разговоръ выйдетъ непріятный! Киппсъ сталъ было придумывать благовидныя объясненія. Онъ могъ разсказать вѣдь, что его сшибъ съ ногъ какой-то велосипедистъ, что тотъ далъ ему, чтобы оправиться, стаканчикъ виски (нужно будетъ сказать это съ очень изумленнымъ видомъ, какъ бы сообщая о совершенно непредвидѣнномъ, небываломъ дѣйствіи виски), и что у него закружилась послѣ этого голова..., чѣмъ уже объясняется все остальное. Въ сущности, такимъ объясненіемъ хозяинъ могъ бы отлично удовлетвориться.

Киппсъ вошелъ въ домъ около восьми, и ключница, которая къ нему вообще благоволила, повидимому не была возмущена его нарушеніемъ строгихъ правилъ дома. Она дала ему чашку чая и поджаренную булку.

— Хозяинъ, вѣрно...—началъ Киппсъ.

— Онъ знаетъ,—отвѣтила ключница, не давъ ему договорить.

Киппсъ спустился въ магазинъ нѣсколько раньше обыкновеннаго, и Бухъ тотчасъ же позвалъ его къ хозяину. Черезъ десять минутъ онъ вышелъ изъ кабинета Шальфорда. Младшій клеркъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ ему въ лицо, стараясь прочесть на немъ результатъ разговора. Буггинсъ прямо спросилъ, и Киппсъ отвѣтилъ однимъ единственнымъ словомъ:

— Прогналъ!—сказалъ Киппсъ.

VI.

Киппсъ стоялъ, прислонившись спиной къ прилавку и засунувъ руки въ карманъ, и разговаривалъ съ двумя младшими приказчиками.

— Я доволенъ, что меня выгнали,—ораторствовалъ онъ.—Надоѣлъ мнѣ хозяинъ съ его „системой“. Я и такъ не могъ дождаться, когда кончится мой срокъ по контракту.

Когда пришелъ Пирсъ, онъ разсказалъ и Пирсу о томъ, что произошло.

— За что же собственно?—спросилъ Пирсъ.—Все за невѣрно пристегнутые билетики въ витринѣ?

— Да нѣтъ же,—сказалъ Киппсъ, и, щеголяя своей необычайной испорченностью, сообщилъ, что онъ провелъ ночь внѣ дома.

Пирсъ, хотя тоже былъ человѣкъ бывалый, все же вытаращилъ глаза отъ изумленія.

— Гдѣ же это вы пропадали?—спросилъ онъ.

Киппсъ сказалъ небрежнымъ тономъ, что „кутилъ съ знакомымъ актеромъ".

— Вѣдь не пасторъ же я, чортъ возьми!—прибавилъ онъ.

— Ну конечно,—сказалъ Пирсъ, стараясь попасть ему въ тонъ.

Киппсъ продолжалъ рисоваться и послѣ ухода Пирса, передъ другими товарищами, и жаловался на то, какъ ему было скверно утромъ послѣ кутежа, пока онъ не съѣлъ кусочекъ жареной булки съ масломъ и анчоусовымъ патомъ:—Это самое лучшее средство съ похмелья,—совѣтую вамъ, Роджерсъ, никогда ничего другого не употреблять. Повѣрьте моему опыту!..—Когда къ нему стали приставать съ вопросами, онъ сказалъ, что „кутилъ" съ знакомымъ актеромъ; а когда слушатели просили сказать, въ чемъ состоялъ кутежъ, то Киппсъ отвѣтилъ:—Вы какъ это себѣ представляете?—Но въ дальнѣйшія подробности не вдавался, говоря, что маленькимъ мальчикамъ не полагается всего знать. Затѣмъ онъ таинственно разсмѣялся и занялся дѣломъ.

На короткое время рисовка передъ младшими товарищами отвлекла Киппса отъ мыслей объ отказѣ отъ мѣста. Но когда онъ остался наединѣ съ собой, это утѣшеніе уже не помогало. Онъ чувствовалъ все еще тошноту и непріятное ощущеніе во всемъ тѣлѣ, и въ глубинѣ души былъ очень недоволенъ собой. Работать было тяжело въ такомъ состояніи, но стоять и думать было тоже невесело. Грустно было, между прочимъ, и то, что погибли очень еще хорошіе панталоны.

Это была вторая по достоинству изъ его трехъ паръ панталонъ и стоила ему тринадцать съ половиной шиллинговъ. Они такъ порвались, что совершенно не годятся, а тѣ, въ которыхъ онъ дѣлалъ грязную работу по утрамъ, нельзя носить при покупателяхъ, такъ что придется надѣвать каждый день праздничную пару. Все это было очень непріятно. Его финансовое положеніе было весьма печальное. У него было пять фунтовъ въ сберегательной кассѣ и четыре шиллинга съ половиной на рукахъ. А придется вѣдь купить кое-что,—прежде всего новый чемоданъ. Его жестяной сундучокъ слишкомъ малъ, и произвелъ бы невыгодное впечатлѣніе на новомъ мѣстѣ. И сколько предстоитъ расходовъ: ѣзда въ поискахъ за новымъ мѣстомъ, публикаціи, почтовые расходы. Придется также писать письма. Какой непосильный трудъ! Онъ вѣдь совсѣмъ не умѣлъ писать писемъ, и

былъ слабъ по части орѳографіи. Если въ теченіе мѣсяца ничего не выгоритъ, придется вернуться домой, къ дядѣ и тетѣ. Какъ они ко всему этому отнесутся? Пока онъ рѣшилъ не писать. Обдумывая безъ конца свое положеніе, Киппсъ все не могъ сообразить, какъ все это въ сущности произошло. Онъ, очевидно, сталъ жертвой судьбы, или, вѣрнѣе, жертвой Читерло. Киппсъ старался припомнить въ послѣдовательномъ порядкѣ весь ходъ событій, но не могъ.

Буггинсъ былъ въ этотъ вечеръ очень щедръ на совѣты и утѣшенія: онъ увѣрялъ Киппса, что въ концѣ концовъ всегда находишь мѣсто, хотя вначалѣ и кажется, что ничего не выйдетъ. Таковъ былъ его личный опытъ. Онъ ему совѣтовалъ поѣхать въ Лондонъ и тамъ искать мѣста. Главное, нужно быть аккуратно и по возможности хорошо одѣтымъ, являясь искать занятій. Если придется даже поголодать, то не бѣда. Главное, чтобы воротники и манжеты были безукоризненной чистоты — тогда можно надѣяться на успѣхъ. Вѣдь такъ много всюду лавокъ и магазиновъ, гдѣ требуются приказчики...

Какъ разъ на слѣдующее утро послѣ того, какъ Шальфордъ отказалъ Киппсу, въ магазинъ пришла миссъ Уольшингэмъ. Она явилась въ сопровожденіи смуглой, худощавой дамы, ея матери, съ которой Киппсу суждено было въ будущемъ хорошо познакомиться. Онъ увидѣлъ ихъ въ отдѣленіи лентъ, когда зашелъ въ сосѣдній перчаточный отдѣлъ передать какіе-то свертки. Обѣ дамы нагнулись надъ коробкой съ черными лентами. Киппсъ растерялся въ первую минуту, не зная, что отъ него требовали правила этикета въ такихъ обстоятельствахъ. Онъ положилъ свой свертокъ на прилавокъ и стоялъ, глядя на двухъ покупательницъ; но когда миссъ Уольшингэмъ, сидѣвшая спиной къ нему, сдѣлала движеніе, чтобы обернуться, онъ испугался и сбѣжалъ... Вернувшись къ себѣ въ мануфактурное отдѣленіе, онъ, однако, почувствовалъ непобѣдимое желаніе снова поглядѣть на Елену. Онъ вернулся подъ какимъ-то предлогомъ въ отдѣленіе лентъ. Обѣ покупательницы уже поднялись, видимо кончивъ покупки и ожидая сдачу отъ приказчицы. М-ссъ Уольшингэмъ разсѣянно разсматривала какіе-то остатки, а Елена глядѣла вокругъ себя, какъ бы ища кого-то глазами. При видѣ Киппса она улыбнулась съ видимымъ удовольствіемъ. Онъ по привычкѣ опустилъ руки на прилавокъ и на минуту смущенно глядѣлъ на Елену. Какъ она поступитъ? Пройдетъ мимо него, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ? Но напротивъ того,—она прошла прямо къ его прилавку.

— Какъ вы поживаете, м-ръ Киппсъ?—спросила она очень отчетливо и протянула ему руку.

— Благодарю васъ. А вы?

Она сказала, что покупала ленты. Онъ замѣтилъ, что м-ссъ Уольшингэмъ смотритъ на нихъ съ большимъ удивленіемъ, и потому уже не рѣшился заговорить о прошломъ, о блаженныхъ урокахъ, а только сказалъ, что она, вѣроятна, рада каникуламъ.

Она сказала, что пользуется досугомъ, чтобы почитать и поработать, и что имъ, можетъ быть, даже удастся сдѣлать маленькое путешествіе, побывать въ Брюгге. Наступила короткая пауза. У Киппса сердце рвалось изъ груди—до того ему хотѣлось сказать миссъ Уольшингэмъ о перемѣнѣ въ его судьбѣ, о томъ, что онъ оставляетъ магазинъ Шальфорда и едва ли уже увидитъ ее еще разъ въ жизни. Но онъ не находилъ словъ; а время летѣло. М-ссъ Уольшингэмъ уже получила сдачу, и миссъ Уольшингэмъ опять протянула руку Киппсу на прощаніе. Ему оставалось только быть вѣжливымъ до конца и проводить ее и мать до дверей. Сказать что-либо въ присутствіи матери не было ни малѣйшей возможности,—и Елена такъ и ушла, не подозрѣвая о бурѣ въ душѣ своего ученика, принявъ, какъ богиня, ѳиміамъ его поклоненія. М-ссъ Уольшингэмъ очень сухо отвѣтила на его поклонъ, и, слѣдя за ними долго взглядомъ, когда онѣ уже вышли на улицу, Киппсъ видѣлъ, что мать спрашиваетъ о чемъ-то дочь. Движенія, которыми сопровождался отвѣтъ Елены, выражали довольство жизнью, всѣмъ свѣтомъ и, главное, собой. „Да ну же, мамочка, не могу же я не узнавать моихъ учениковъ при встрѣчѣ!“—говорила она въ дѣйствительности... Затѣмъ онѣ исчезли за угломъ. Она ушла и... можетъ быть, онъ уже никогда ее не увидитъ въ жизни! Никогда—а она даже этого не подозрѣваетъ...

Онъ пошелъ обратно въ магазинъ, но ему было невыносимо стоять у своего прилавка въ обществѣ младшихъ приказчиковъ. Весь міръ ему опостылѣлъ. Онъ не могъ вынести вида людей, и чтобы хоть на время избавиться отъ нихъ, пошелъ внизъ въ кладовую для мануфактурныхъ товаровъ. Тамъ онъ забрался въ самый темный уголъ, опрокинувъ нарочно коробку съ этикетками, чтобы имѣть предлогъ сидѣть на полу, и далъ наконецъ волю своему горю. Тамъ, въ своемъ темномъ углу, онъ сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока крикъ: „Киппсъ, въ магазинъ!“—не заставилъ его снова вернуться къ людямъ.

VII.

Въ тотъ же самый день, въ ранній послѣобѣденный часъ, когда въ магазинѣ было мало публики, къ Киппсу снова явился злосчастный Читерло, чтобы сообщить ему о нѣкоемъ поразительномъ совпаденіи обстоятельствъ. Онъ не пришелъ открыто въ магазинъ, а пробовалъ вызвать знаками своего пріятеля. Киппсъ первый узналъ его, увидавъ у одного изъ оконъ темную фигуру, которая старалась заглянуть во внутрь магазина промежъ вывѣшенныхъ въ этомъ окнѣ чулокъ и носковъ. Отъ этого окна Читерло перешелъ къ двери, потомъ къ окну съ выставкой дѣтскаго бѣлья, и его порывистыя движенія выражали сильное возбужденіе.

При дневномъ свѣтѣ Читерло казался гораздо менѣе внушительнымъ, чѣмъ вечеромъ при лампѣ и въ ореолѣ своихъ собственныхъ разсказовъ о себѣ. Во всемъ его существѣ чувствовалась какая-то пришибленность, и костюмъ его былъ тоже очень ужъ потертый, — только глаза сверкали юношескимъ блескомъ, когда онъ высматривалъ Киппса изъ-за разныхъ принадлежностей дѣтскаго гардероба. Киппсъ, однако, вовсе не жаждалъ теперь свиданія съ Читерло. Онъ бы даже спрятался подальше, замѣтивъ его, но боялся, что его собутыльникъ войдетъ въ магазинъ къ нему. Онъ поэтому воспользовался случаемъ, когда Читерло подошелъ къ окну съ мануфактурнымъ товаромъ, находящемуся въ непосредственномъ вѣдѣніи Киппса, и вышелъ къ нему, какъ бы для того, чтобы привести въ порядокъ витрину.

— Чит'ло! — подозвалъ онъ его тихимъ голосомъ, чтобы сказать ему, что теперь имъ никакъ нельзя видѣться, и сообщить, что ему отказано отъ мѣста. Но первымъ заговорилъ не онъ, а Читерло.

— А! васъ-то мнѣ и надо! — громко сказалъ онъ и крѣпко пожалъ руку Киппса.

— Скажите, — продолжалъ онъ, — сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать-одинъ, — отвѣтилъ Киппсъ. — Но зачѣмъ вамъ это знать?

— Ну, вотъ, а еще говорятъ, что нѣтъ поразительныхъ совпаденій въ жизни! А ваше имя какъ? Впрочемъ нѣтъ, подождите, я самъ скажу: васъ зовутъ Артуръ.

— Да...

— Значитъ, это вы! — сказалъ Читерло. — Болѣе поразительнаго совпаденія никогда не бывало. Подождите секунду, и я

вамъ скажу, какъ зовутъ вашу мать. Онъ разсмѣялся и полѣзъ въ боковой карманъ. Оттуда онъ сталъ вытаскивать самые разнообразные предметы: карандаши, записную книжечку, смятую сигару, каучуковый насосъ для велосипеда, дамскій кошелекъ и наконецъ, среди множества разныхъ другихъ мелочей, вытащилъ клочокъ газетнаго листа.—„Эвѳимія“!—прочелъ онъ и заглянулъ Киппсу въ глаза.—Ну что, вѣрно?—спросилъ онъ и шумно разсмѣялся.—А, недурная вѣдь выходитъ штука, весьма недурная, не говоря уже объ удивительномъ совпаденіи. Только не говорите, ради Бога, что ее не звали Эвѳиміей, а то все дѣло испорчено.

— Кого звали Эвѳиміей?—спросилъ Киппсъ.

— Да вашу мать.

— Дайте прочесть, что тамъ сказано.

Читерло далъ ему клочокъ газеты, громко и радостно смѣясь на всю улицу, и Киппсъ сталъ читать: „Вадди или Киппсъ... Если Артуръ Вадди или Артуръ Киппсъ, сынъ Маргариты Эвѳиміи Киппсъ, который...“

Читерло провелъ пальцемъ по газетному клочку и сталъ объяснять:—Я вотъ просматривалъ этотъ столбецъ, и какъ разъ всѣ имена подошли для моей пьесы. Я никогда не выдумываю именъ — я все беру изъ дѣйствительной жизни, какъ Зола. Но кто это Вадди?

— Никогда не слыхалъ такого имени.

Киппсъ сталъ снова читать, но бросилъ.—Ничего не понимаю, сказалъ онъ.—Что все это значитъ?

— Это значитъ,—сказалъ Читерло совершенно толково на этотъ разъ,—что вы, кажется, скоро разбогатѣете. Про Вадди забудьте, это неважно. Васъ вызываютъ, чтобы сообщить нѣчто пріятное—что же это можетъ быть иное? Совпаденіе удивительное. Я случайно взялъ газету, чтобы поискать именъ для пьесы. А какъ только я вторично прочелъ ее — я сразу понялъ, что это относится именно къ вамъ. Люди не вѣрятъ въ совпаденія, но я вѣрю. Вотъ увидите — васъ ждетъ большая удача. А про Вадди забудьте, это ни къ чему. Дѣло идетъ о васъ, никакого сомнѣнія быть не можетъ. Но читайте дальше, если не вѣрите мнѣ.

Онъ поднесъ газету прямо къ носу Киппса, и тотъ сталъ читать: —...„который родился въ Истъ-Гринстедѣ“... Да, тетя говорила...

— Ну конечно. Я вѣдь зналъ!—сказалъ опять Читерло.

— „Перваго сентября 1878 года“...

— Ну вотъ видите, все совершенно совпадаетъ. Вамъ остается написать Ватсону и Бину и получить...

— Что получить?

— Что бы тамъ ни было.

Киппсъ сталъ пощипывать свои едва пробивавшіеся усики.— А вы бы на моемъ мѣстѣ написали?

— Ну, еще бы!

— Но, по вашему, что же это такое?

— Въ томъ-то вся прелесть, — сказалъ Читерло, дѣлая на какого-то еще неизобрѣтеннаго танца,—въ этомъ-то весь интересъ! Это можетъ быть все, что только можно себѣ вообразить. Можетъ быть милліонъ. Вотъ видите, какую удачу я вамъ принесъ!..

Киппсъ началъ дрожать. — Такъ что, на моемъ мѣстѣ, вы бы...—началъ онъ.—Ну а какъ же насчетъ Вадди?

Но онъ не дождался отвѣта Читерло, увидавъ, что хозяинъ вошелъ въ магазинъ, и быстро юркнулъ въ дверь. Но Шальфордъ уже замѣтилъ отсутствіе Киппса, такъ какъ пришелъ именно въ его отдѣленіе помѣтить уменьшенными цѣнами остатки бумажныхъ тканей.

— Что это, Киппсъ,—сказалъ онъ,—зачѣмъ вы вышли изъ магазина?

— Я пошелъ осмотрѣть витрину,—отвѣтилъ Киппсъ.

Киппсъ тотчасъ же принялся за работу, и ему уже некогда было думать ни о Читерло, ни о скомканномъ клочкѣ газеты въ карманѣ. Читерло нѣсколько времени поджидалъ его у окна, не понимая, почему онъ вдругъ исчезъ; потомъ онъ заглянулъ въ дверь, увидѣлъ лоснящуюся лысину хозяина и, понявъ, что теперь нельзя отвлечь Киппса отъ дѣла, ушелъ.

Киппсъ продолжалъ выполнять распоряженія хозяина—довольно, впрочемъ, разсѣянно и не переставая думать объ объявленіи, которое сунулъ въ карманъ. Оно было все-таки какое-то непонятное. „Артуръ Вадди или Артуръ Киппсъ“. Означало ли это два лица, или одно? Онъ бы спросилъ Пирса или Буггинса. Но...

У него всегда было такое впечатлѣніе, что жизнь его матери облечена какой-то тайной. Тетка говорила ему съ дѣтства, чтобы онъ не отвѣчалъ ни на какіе вопросы относительно его матери, чтобы онъ всегда говорилъ, что не знаетъ. Киппсъ совершенно не зналъ поэтому, какъ ему быть теперь. Онъ говорилъ всѣмъ, что отецъ его былъ аристократомъ и разорился, занявшись сельскимъ хозяйствомъ.—Я круглый сирота,—объяснялъ онъ съ видомъ человѣка, видѣвшаго много горя на своемъ вѣку. Онъ говорилъ, что прожилъ дѣтство у дяди и тети, но не говорилъ, что у нихъ игрушечная лавка. А сказать, что дядя его былъ въ свое время метръ д'отелемъ, слугой—это онъ счелъ бы величайшей безтактностью. И почти всѣ его сослуживцы столь же

тщательно скрывали свое происхожденіе,—до того всѣ боялись обнаружить свое прикосновеніе къ низшимъ классамъ. Если же онъ теперь обратится къ старшимъ товарищамъ за разъясненіями по поводу „Вадди или Киппса", то это будетъ опроверженіемъ всего, что онъ говорилъ раньше. Въ сущности онъ не зналъ ничего точнаго относительно своего происхожденія, но чувствовалъ что-то неладное, роняющее его въ глазахъ другихъ... Не лучше ли въ виду этого порвать объявленіе и избавить себя отъ непріятностей?... Но пришлось бы тогда объяснять Читерло...

— Киппсъ, въ магазинъ!—раздался голосъ Каршота, который былъ въ этотъ день дежурнымъ надсмотрщикомъ. Киппсъ сунулъ въ карманъ смятый клочокъ газеты и поспѣшилъ на зовъ.

— Мнѣ нужно,—сказала вошедшая въ магазинъ покупательница, окидывая черезъ очки неопредѣленнымъ взглядомъ все вокругъ,—что-нибудь для обивки маленькаго кресельца. Какой-нибудь остатокъ, что-нибудь болѣе или менѣе подходящее.

Прошло полчаса, какъ газетное объявленіе лежало скомканнымъ и забытымъ въ карманѣ Киппса, а маленькое кресельцо такъ и не получило обивки; у Киппса же остался на рукахъ цѣлый ворохъ разбросанныхъ по прилавку матерій, которыя онъ долженъ былъ прибрать. Онъ такъ разозлился на маленькое кресельцо, что совсѣмъ забылъ на время о смятомъ объявленіи, которое сунулъ въ карманъ.

VIII.

Киппсъ сидѣлъ на своемъ жестяномъ сундучкѣ подъ газовымъ рожкомъ и читалъ о томъ, что значитъ имя „Эвѳимія" въ справочномъ словарѣ Буггинса, гдѣ можно было найти свѣдѣнія о чемъ угодно. Онъ надѣялся, что Буггинсъ, по обыкновенію, спроситъ его, о чемъ онъ читаетъ, но Буггинсъ собиралъ бѣлье для прачки и не обращалъ на него вниманія. Наконецъ Киппсъ не могъ удержаться, чтобы не подѣлиться предположеніями о своемъ знатномъ происхожденіи, и первый вступилъ въ разговоръ.

— Послушайте, Буггинсъ,—сказалъ онъ:—правда, что Эвѳимія не можетъ быть именемъ женщины изъ простого званія? Простые люди не назовутъ такъ своей дочери.

— Да никакіе порядочные люди не назвали бы такъ дѣвочку—все равно, простые ли, или не простые. Такое имя можетъ прямо погубить дѣвушку, вскруживъ ей голову своей необычайностью. Я бы, будь у меня дочка, назвалъ ее Дженни. И будь

у меня двѣнадцать дочерей, я бы всѣхъ ихъ до одной назвалъ Дженни,—лучшаго имени быть не можетъ! А то вдругъ Эвѳимія... Чортъ знаетъ, что̀ такое! Послушайте, Киппсъ,—кажется, у васъ подъ кроватью мой воротникъ.

Киппсъ вытащилъ воротникъ изъ-подъ кровати и передалъ Буггинсу. — По моему, Эвѳимія вовсе не скверное имя,—сказалъ онъ. Его обуяло волненіе.—А я все-таки напишу,—рѣшилъ онъ, и пока Буггинсъ записывалъ бѣлье, онъ досталъ баночку съ чернилами, перо и вышелъ изъ спальни. Онъ вернулся черезъ часъ, блѣдный и запыхавшись.

— Куда это вы ходили?—спросилъ Буггинсъ, отрываясь отъ чтенія газеты, которую онъ выписывалъ пополамъ съ Каршотомъ.

— Отправилъ нѣсколько писемъ,—сказалъ Киппсъ, вѣшая шляпу на гвоздь.

— Все просьбы о мѣстѣ?

— Да, все больше объ этомъ. О чемъ же другомъ мнѣ писать?—прибавилъ онъ съ нервнымъ смѣхомъ.

Буггинсъ продолжалъ читать. Киппсъ долго сидѣлъ на своей постели, но потомъ не вытерпѣлъ и окликнулъ товарища.

— Послушайте, Буггинсъ,—спросилъ онъ:—что̀ это значитъ, когда въ газетахъ публикуютъ, что разыскиваютъ такого-то, чтобы сообщить ему что-то хорошее для него?

— Это значитъ, что ищутъ кого-нибудь, кто пропалъ,—отвѣтилъ Буггинсъ и снова взялся за прерванное вопросомъ Киппса чтеніе.

— То-есть, что̀ же это значитъ?—продолжалъ спрашивать Киппсъ.—Наслѣдство или что-нибудь въ этомъ родѣ?

Буггинсъ покачалъ головой.—Большей частью это значитъ, что хотятъ взыскать долгъ.

— Но вѣдь тогда не печатали бы, что сообщатъ пріятное.

— Это чтобы изловить, говорится. А то еще часто публикуютъ жены, чтобы поймать сбѣжавшихъ мужей такимъ путемъ.

— Но все же иногда это означаетъ и наслѣдство, не правда ли? Можетъ быть такъ, чтобы кто-нибудь кому-нибудь оставилъ, скажемъ, сто фунтовъ?

— Никогда этого не бываетъ,—сказалъ Буггинсъ, и опять погрузился въ чтеніе газеты. Его заинтересовала передовая статья о положеніи въ Индіи, и онъ сталъ доказывать Киппсу, что нельзя давать политическихъ правъ туземцамъ, потому что кромѣ англичанъ никто не обладаетъ разсудительностью въ по-

литикѣ и въ общественныхъ дѣлахъ. Его краснорѣчіе, однако, круто оборвалось—потухъ газъ, а Буггинсъ не успѣлъ еще прочесть столбецъ о свѣтскихъ клубахъ, и былъ въ бѣшенствѣ; онъ уже ни о чемъ другомъ не могъ говорить, какъ о скупости ихъ хозяина. Ему пришлось раздѣться въ темнотѣ, и онъ при этомъ больно стукнулся о комодъ, и послѣ нѣсколькихъ ругательствъ замолкъ въ безмолвномъ гнѣвѣ. Киппсъ никакъ не могъ заснуть. Онъ все не могъ рѣшить, слѣдовало ли послать письмо, или нѣтъ. А что, если дѣйствительно ему оставлено сто фунтовъ? Вѣдь это бы обезпечило его на годъ, даже на два года. Да и пятьдесятъ фунтовъ были бы спасеніемъ въ его обстоятельствахъ.—

— Послушайте, Буггинсъ,—началъ онъ снова, рискуя навлечь гнѣвъ товарища,—послушайте!..

— Ну, что тамъ? — довольно нелюбезно спросилъ Буггинсъ.

— Что, еслибы вы прочли въ газетѣ объявленіе, гдѣ бы васъ приглашали явиться, чтобы сообщить вамъ нѣчто пріятное?

— Скрылъ бы, гдѣ я,— коротко отвѣтилъ Буггинсъ.

— Однако...

— Скрылъ бы безъ всякихъ разговоровъ; а теперь спокойной ночи!—Киппсъ долго еще лежалъ совершенно тихо, потомъ глубоко вздохнулъ, повернулся къ стѣнѣ и сталъ глядѣть въ темноту.—Какъ онъ былъ глупъ, что послалъ письмо! Господи, зачѣмъ онъ послалъ письмо!

IX.

Прошло ровно пять съ половиной дней послѣ разговора Киппса съ Буггинсомъ, послѣ отправки письма. На набережную въ Фолькстонѣ свернулъ съ одной изъ боковыхъ улицъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и сверкающими, широко раскрытыми глазами. Онъ былъ одѣтъ по праздничному и, несмотря на хорошую погоду, держалъ въ рукѣ зонтикъ, какъ въ воскресенье, идя въ церковь. Послѣ минутнаго колебанія, онъ повернулъ направо, сталъ внимательно разглядывать каждый домъ, мимо котораго проходилъ, и вдругъ остановился. На воротахъ передъ нимъ написано было большими черными буквами: „Югеденъ“, и на фасадѣ дома тоже выведено было золотомъ: „Югеденъ“. Домъ былъ каменный, великолѣпный, съ балкономъ, выкрашеннымъ въ дивный зеленый цвѣтъ съ позолотой. Молодой человѣкъ долго глядѣлъ и прошепталъ съ трепетомъ:—Боже, какое великолѣпіе!—На всѣхъ окнахъ нижняго этажа были шолковыя красныя занавѣси. Въ окнѣ гостиной стояло дивное тропическое растеніе въ художе-

ственной вазѣ. На дверяхъ прибитъ былъ сверкающій бронзовый молотокъ и сбоку были два звонка съ надписью: „для прислуги".

Молодой человѣкъ отошелъ отъ дома, посмотрѣлъ на него издали, потомъ обошелъ съ другой стороны, опять вернулся, сѣлъ на скамейку противъ „Югедена" и сталъ смотрѣть на домъ. При этомъ онъ тихо насвистывалъ и наклонялъ голову то въ одну сторону, то въ другую. Около Киппса сѣлъ проходившій мимо старый господинъ съ багровымъ лицомъ и выпуклыми глазами. Онъ снялъ широкую соломенную шляпу и сталъ отирать потъ съ лица. Киппсъ поглядѣлъ на него и подумалъ о томъ, сколько у него можетъ быть годового дохода и гдѣ онъ купилъ свою шляпу. Потомъ онъ снова вспомнилъ все, связанное съ „Югеденомъ", и, не будучи въ состояніи молчать, заговорилъ съ незнакомымъ господиномъ.

— Послушайте,—неожиданно спросилъ онъ его:—вы бы не повѣрили, еслибы я сказалъ вамъ, что вотъ этотъ домъ принадлежитъ мнѣ?

Старикъ, изумленный обращеніемъ Киппса, повернулъ голову, чтобы взглянуть на „Югеденъ", потомъ внимательно посмотрѣлъ на очень скромный туалетъ Киппса и только махнулъ рукой на него, вмѣсто всякаго отвѣта.

— Однако этотъ домъ мой,—повторилъ Киппсъ менѣе увѣреннымъ тономъ.

— Не говорите глупостей!—сказалъ старый господинъ, надѣлъ шляпу и тщательно протеръ платкомъ углы глазъ.—И такъ жарко,—продолжалъ онъ возмущеннымъ тономъ,—а вы тутъ съ вашими глупостями!—Киппсъ снова поглядѣлъ сначала на старика, потомъ на домъ, потомъ опять на старика, который презрительно отвернулся отъ него и глядѣлъ на море.

— Вы не вѣрите?—спросилъ Киппсъ.—Я сегодня утромъ получилъ его въ наслѣдство,—и не только одинъ этотъ домъ. Увѣряю васъ,—повторялъ онъ, стараясь убѣдить старика. Но тотъ уже съ трудомъ сдерживался, чтобы не вспылить.

— Послушайте,—сказалъ онъ, дѣлая усиліе надъ собой, чтобы говорить спокойно,—оставьте ваши шутки, а то я передамъ васъ полиціи!

— Какія такія шутки?

— Я не вчера на свѣтъ родился,—сказалъ старикъ, отдуваясь.—Взгляните-ка раньше на себя, прежде чѣмъ вздоръ молоть!

Разговоръ ихъ на этомъ оборвался. Киппсъ всталъ и медленно подошелъ къ крыльцу великолѣпнаго дома.—„Югеденъ"!—шепталъ онъ въ упоеніи. Онъ оглянулся черезъ плечо, какъ бы

подзывая старика, чтобы онъ убѣдился наконецъ, и затѣмъ отошелъ. Онъ еще долго обхаживалъ домъ со всѣхъ сторонъ, чувствуя себя не въ силахъ уйти. Наконецъ онъ насильственно рванулъ невидимую нить, которая привязывала его къ „Югедену", и повернулъ въ одну изъ боковыхъ улицъ. Очутившись въ концѣ пустынной маленькой улицы, онъ торопливо разстегнулъ сюртукъ и вынулъ изъ бокового кармана конвертъ, въ которомъ лежали три банковыхъ билета, посмотрѣлъ на билеты и положилъ ихъ опять въ конвертъ. Потомъ онъ вынулъ изъ кармана панталонъ пять новыхъ золотыхъ монетъ и сталъ ихъ разсматривать. Вотъ какое довѣріе внушило гг. Ватсону и Бину поразительное сходство Киппса съ его матерью! Эти деньги они дали ему сейчасъ же.

Онъ положилъ деньги опять въ карманъ и пошелъ веселымъ, бодрымъ шагомъ. Онъ теперь богатый человѣкъ, очень богатый... Киппсъ прошелъ всю улицу до конца, повернулъ за уголъ, прошелъ еще одну улицу, потомъ повернулъ обратно, рѣшивъ пойти въ магазинъ и разсказать всѣмъ.

Вдругъ онъ замѣтилъ издали кого-то, переходящаго черезъ улицу, странно связаннаго со всѣмъ, что онъ переживалъ въ эту минуту. Это былъ Читерло, тотъ, который первый ему все сказалъ. Актеръ шелъ по улицѣ очень рѣшительнымъ шагомъ, поднявъ голову вверхъ, и въ рукахъ у него были двѣ книги изъ библіотеки, газета, новая шляпа, завернутая въ бумагу, и сѣтка, въ которой лежали томаты и лукъ... Онъ скрылся за уголъ какъ разъ въ ту минуту, когда Киппсъ рѣшилъ поскорѣе нагнать его и разсказать ему о томъ, какая перемѣна произошла въ міровомъ порядкѣ. Киппсъ окликнулъ его, сталъ махать зонтикомъ, потомъ ускорилъ шаги, но напрасно,—Читерло исчезъ, точно сквозь землю провалился. Но самый видъ Читерло произвелъ хорошее впечатлѣніе на Киппса. Читерло былъ чѣмъ-то реальнымъ, какимъ-то разъясняющимъ звеномъ между прошлымъ и настоящимъ, а Киппсъ такъ нуждался въ подтвержденіи всего происшедшаго. Теперь все ясно—совсѣмъ ясно.

Ему захотѣлось какъ можно скорѣе разсказать всѣмъ,—онъ чувствовалъ, что тогда фантасмагорія превратится въ дѣйствительность. Онъ взялъ зонтикъ подъ мышку и пошелъ быстрыми шагами. Онъ вошелъ въ магазинъ черезъ дверь въ свое отдѣленіе мануфактурныхъ товаровъ и засталъ Пирса въ бесѣдѣ съ младшимъ ученикомъ. Пирсъ разъяснялъ, въ чемъ заключаются отличительныя черты истиннаго свѣтскаго изящества. Киппсъ подошелъ къ нимъ и остановился противъ прилавка.

— Какъ вы думаете, что̀ со мной произошло? Угадайте!

— Вы воспользовались тѣмъ, что хозяинъ въ Лондонѣ, и улизнули изъ дома.

— Совсѣмъ не то, а гораздо болѣе важное.

— Такъ что̀ же?

— Я получилъ наслѣдство.

— Да что̀ вы!

— Да. Тысячу двѣсти фунтовъ годового дохода.

Онъ направился къ маленькой двери, которая вела изъ его отдѣленія въ домъ, а Пирсъ все еще стоялъ съ широко раскрытымъ ртомъ.

— Да,—сказалъ Киппсъ.—Я получилъ наслѣдство и уѣзжаю.—И онъ прошелъ наверхъ въ свою комнату.

X.

Случилось какъ разъ, что м-ръ Шальфордъ уѣхалъ въ этотъ день въ Лондонъ закупать товаръ и, вѣроятно, также повидать кандидатовъ на мѣсто Киппса. Не было такимъ образомъ никакихъ препятствій распространенію вѣсти о наслѣдствѣ Киппса съ одного конца магазина въ другой. Вся мужская половина служащихъ начинала всякій разговоръ въ этотъ день словами: „Слыхали про Киппса?“ Новая барышня у кассы узнала отъ Пирса и побѣжала разсказать въ модномъ отдѣленіи, что Киппсъ получилъ наслѣдство въ тысячу фунтовъ въ годъ или двѣнадцать тысячъ въ годъ. Цифры въ точности не были извѣстны, но самый фактъ былъ внѣ сомнѣнія. Передавали также, что Киппсъ пошелъ къ себѣ въ комнату, складывать вещи, и сказалъ, что не прослужитъ здѣсь ни одного дня больше, хотя бы ему за это дали тысячу фунтовъ. И говорили еще, что онъ ходитъ по комнатѣ и все время подсмѣивается надъ Шальфордомъ.

Наконецъ Киппсъ сошелъ внизъ и появился въ конторѣ; всѣ его окружили. Одинъ только бѣдный Буггинсъ все еще не зналъ, въ чемъ дѣло: онъ занятъ былъ въ магазинѣ, отпуская товаръ, и никакъ не могъ понять, что̀ собственно происходитъ. Уже раздался звонокъ къ обѣду, но всѣ служащіе заняты были необычайной новостью, которую сообщали другъ другу; Киппсъ получилъ наслѣдство въ тридцать, въ сорокъ, въ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ.

— Что̀ такое?—крикнулъ старшій упаковщикъ и помчался въ контору такъ стремительно, точно ему сказали, что Киппсъ сломалъ себѣ шею.

— Одинъ изъ нашихъ служащихъ получилъ шестьдесятъ тысячъ фунтовъ наслѣдства,—сказалъ младшій приказчикъ, вернувшись къ покупательницѣ послѣ долгаго отсутствія.

— Совершенно неожиданно?—спросила покупательница.

— Совершенно,—отвѣтилъ приказчикъ.

— Если кто заслужилъ этого, то именно м-ръ Киппсъ,—сказала миссъ Мергль и, шурша шлейфомъ, направилась въ контору.

Тамъ Киппсъ стоялъ среди толпы поздравлявшихъ его товарищей. Лицо у него горѣло, и онъ все еще держалъ въ рукахъ шляпу и зонтикъ. Всѣ чистосердечно радовались его счастью, и послѣ ряда восклицаній и разспросовъ отправились всѣ гурьбой въ столовую обѣдать. Киппсъ сталъ уже по дорогѣ туда передавать свои впечатлѣнія.—Никогда ничего подобнаго не ожидалъ,—говорилъ онъ.—Когда старикъ Бинъ мнѣ сказалъ, я едва на ногахъ удержался... Онъ сказалъ: „Вамъ оставлено наслѣдство". Я и тогда подумалъ, что окажется фунтовъ сто, никакъ не больше.

За обѣдомъ общее возбужденіе еще поднялось. Экономка поздравляла Киппса, нарѣзывая мясо, и на радостяхъ даже давала всѣмъ бо̀льшія порціи, чѣмъ обыкновенно. Служанка, разносившая блюда, чуть не облила кого-то соусомъ, заглядѣвшись на героя такихъ удивительныхъ событій. А миссъ Мергль еще разъ повторила при всѣхъ, что считаетъ Киппса вполнѣ достойнымъ своего счастья.

— Вы теперь сдѣлаетесь большимъ бариномъ,—сказалъ Каршотъ.

— Навѣрное поѣдете въ Лондонъ,—говорилъ Пирсъ.—Сдѣлаетесь свѣтскимъ человѣкомъ. Будете ходить щеголемъ подъ Бурлингтонскими аркадами, съ букетикомъ фіалокъ въ петличкѣ. Конечно, наймете тамъ шикарныя комнаты въ Вестъ-Эндѣ,—такъ бы я поступилъ на вашемъ мѣстѣ. Сдѣлаетесь членомъ первокласснаго клуба.

— А вѣдь, кажется, въ эти клубы трудно попасть,—освѣдомился Киппсъ, съ аппетитомъ жуя картофель.

— Съ деньгами всюду можно попасть,—сказалъ Пирсъ, и барышня изъ отдѣленія кружевъ, которая знала свѣтъ по безстрашнымъ обличеніямъ Маріи Корелли, и потому презирала его, тоже прибавила:—Деньгами въ наше время можно всюду пробить себѣ путь.

Всѣ стали давать совѣты Киппсу. Каршотъ, какъ истый англичанинъ, совѣтовалъ ему поѣхать охотиться на медвѣдей; Пирсъ говорилъ, что нужно съѣздить во Францію; а старуха Бидди Мерфи, завѣдывавшая одной изъ большихъ мастерскихъ,

убѣждала его поѣхать въ Ирландію, потому что только тамъ красивая природа и хорошо охотиться, не говоря о томъ, что тамъ самыя красивыя женщины... Среди оживленныхъ толковъ Пирсъ сказалъ, что Киппсъ долженъ угостить ихъ всѣхъ шампанскимъ. Киппсъ съ радостью согласился,—и еслибы Шальфордъ случайно вернулся домой съ болѣе раннимъ поѣздомъ, чѣмъ предполагалъ, то можно себѣ представить, какъ бы онъ былъ пораженъ, увидавъ на обѣденномъ столѣ своихъ служащихъ бутылки съ золотыми горлышками. Шампанское принесли, раскупорили и стали наливать. Каршотъ потребовалъ, чтобы подали бокалы, потому что это не такое вино, которое пьютъ въ рюмкахъ, какъ портвейнъ или шерри.—Шампанское поднимаетъ духъ,—объяснялъ онъ,—и отъ него не пьянѣютъ. Онъ не крѣпче, чѣмъ лимонадъ. Настоящіе господа пьютъ его иногда каждый день.

— Да неужели?—недовѣрчиво переспросила экономка.—Вино по три шиллинга шесть пенсовъ—каждый день?

— Имъ это ни почемъ,—отвѣтилъ Каршотъ.

Всѣ окружили Киппса и такъ искренно поздравляли его и пили за его здоровье, что онъ едва могъ удержаться отъ слезъ. Какіе всѣ они, дѣйствительно, добрые люди, и какъ бы хотѣлось, чтобы и каждому изъ нихъ повезло, какъ и ему!

Послѣдствія обѣда съ шампанскимъ и общей радости по поводу наслѣдства Киппса давали себя чувствовать потомъ цѣлый день. Когда потомъ Каршотъ сталъ показывать кретоны одной покупательницѣ и хотѣлъ отодвинуть отвергнутыя штуки товара, чтобы отмѣрить купленный, онъ сдвинулъ ихъ такъ сильно, что онѣ скатились съ грохотомъ на полъ и отчасти на ноги стоявшему тутъ же младшему приказчику. А Буггинсъ, который долженъ былъ ходить по магазину въ то время, когда Каршотъ отпускалъ товаръ, дѣлалъ это съ необыкновенной важностью, размахивая моднымъ зонтикомъ, который онъ держалъ на одномъ пальцѣ.—Правда, очень они красивы, наши новомодные зонтики?—говорилъ онъ проходящимъ дамамъ, и послѣ короткой паузы прибавлялъ:—Удивительная случилась исторія! Одинъ изъ нашихъ служащихъ получилъ наслѣдство въ тысячу двѣсти фунтовъ въ годъ. Пріятные зонтики, не правда ли? Что еще прикажете, сударыня?—И онъ открывалъ дверь съ чрезвычайной любезностью, не переставая размахивать по воздуху зонтикомъ.

А второй ученикъ, продавая дешевый коленкоръ, неожиданно отвѣтилъ на вопросъ, крѣпкій ли онъ:

— Какой тамъ крѣпкій, сударыня!.. Не крѣпче простого лимонада.

Главный упаковщикъ возымѣлъ добродѣтельное рѣшеніе побить рекордъ скорости и необычайно быстро уложилъ и отправилъ всѣ покупки. Но зато м-ръ Свафенгэмъ, отправлявшійся на обѣдъ въ этотъ вечеръ въ семь часовъ, получилъ въ половинѣ седьмого, вмѣсто крайне необходимой ему фрачной сорочки, корсетъ, спеціально приспособленный для борьбы съ тучностью. А пакетъ нижняго платья, купленнаго старшей миссъ Вальдершомъ, какимъ-то образомъ размѣщенъ былъ въ видѣ безплатныхъ приложеній къ цѣлому ряду покупокъ менѣе интимнаго свойства. А въ картонкѣ съ модными шляпами, которыя посылались лэди Памшортъ, какъ-то очутилась фуражка младшаго разсыльнаго.

Всѣ эти мелочи, незначительныя сами по себѣ, краснорѣчиво доказывали, однако, съ какой безкорыстной радостью принята была во всемъ магазинѣ Шальфорда вѣсть о неожиданномъ счастьи Киппса.

XI.

Старинный почтенный дилижансъ, свершавшій нѣсколько разъ въ недѣлю переѣзды между Фолькстономъ и Нью-Ромнэ, привезъ изъ Фолькстона среди своихъ пассажировъ одного несомнѣнно счастливаго человѣка. Это былъ Киппсъ. Онъ сидѣлъ на самомъ высокомъ сидѣньи, прямо надъ кучеромъ, и голова у него кружилась, отчасти отъ выпитаго шампанскаго, но главнымъ образомъ отъ чудеснаго переворота въ его жизни. Онъ ничего не говорилъ, но только смѣялся отъ времени до времени тихимъ, счастливымъ смѣхомъ. На колѣняхъ у него лежало банджо—предметъ давнишнихъ его мечтаній. Теперь онъ могъ себѣ позволить эту роскошь, и купилъ сейчасъ же свой любимый музыкальный инструментъ.

Рядомъ съ Киппсомъ сидѣла молоденькая служанка, которая все время ѣла мятныя лепешки, и маленькій мальчикъ, очень заинтригованный, повидимому, непрерывнымъ смѣхомъ Киппса. Рядомъ съ кучеромъ сидѣли еще два молодыхъ человѣка въ штиблетахъ. Вотъ въ этой компаніи ѣхалъ Киппсъ, и никто не подозрѣвалъ, что у него тысяча двѣсти фунтовъ годового дохода. Еслибы не такой предметъ роскоши, какъ банджо, онъ бы ничѣмъ не отличался по виду отъ самаго зауряднаго молодого человѣка.

Когда дилижансъ въѣхалъ въ Нью-Ромнэ и остановился передъ лавкой старика Киппса, кучеръ помогъ Киппсу снять

сверху банджо и чемоданъ. Киппсъ заплатилъ за проѣздъ, далъ сверхъ того на чай кучеру и пошелъ съ чемоданомъ въ домъ дяди. Старикъ Киппсъ вышелъ ему навстрѣчу уже на порогѣ. Онъ услышалъ, что дилижансъ остановился передъ его домомъ, и вышелъ посмотрѣть, кто пріѣхалъ.

— Здравствуйте, дядя!—сказалъ Киппсъ.

— Это что значитъ?—изумленно спросилъ старикъ.—Развѣ у васъ сегодня раньше закрыли магазинъ?

— Я къ вамъ пріѣхалъ съ удивительными новостями,—отвѣтилъ Киппсъ, ставя чемоданъ на полъ.

— Ужъ не отказали ли тебѣ отъ мѣста? А это что̀ такое? Господи помилуй, да вѣдь это банджо! Вотъ на что̀ ты тратишь деньги? Прими отсюда чемоданъ—онъ загораживаетъ дорогу въ лавку. Молли, иди-ка сюда!.. Да почему ты съ чемоданомъ? Неужели тебѣ, дѣйствительно, отказали отъ мѣста?

— Кое что произошло со мной, дѣйствительно,—отвѣтилъ Киппсъ, слегка смущенный нелюбезнымъ пріемомъ.—Но ничего худого. Я вамъ разскажу.

Въ эту минуту вошла тетя и тоже стала спрашивать, почему онъ пріѣхалъ. Киппсу не хотѣлось сразу сказать имъ, въ чемъ дѣло. Онъ примостилъ свои вещи въ углу комнаты, потомъ, повернувшись къ дядѣ и тетѣ, сказалъ имъ только:

— Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ повезло!

Старики стали высказывать свои догадки и, не дожидаясь отвѣта племянника, сокрушались о немъ. Тетка предположила, что онъ играетъ на скачкахъ, а дядя—что онъ бросилъ мѣсто, чтобы зарабатывать деньги пѣніемъ подъ аккомпаниментъ банджо; онъ уже рѣшилъ, что Артуръ, по легкомыслію, совершенно напоминаетъ свою бѣдную покойную мать. Во всякомъ случаѣ, оба уже не сомнѣвались, что мѣсто свое онъ оставилъ и, навѣрное, самымъ безразсуднымъ образомъ. Киппсъ подразнилъ ихъ нѣсколько минутъ, говоря, что онъ, дѣйствительно, рѣшилъ заняться игрой на банджо и пѣніемъ, что онъ вымажетъ себѣ лицо черной краской, чтобы походить на негра, и будетъ зарабатывать этимъ очень много денегъ.

— Двадцать-шесть тысячъ фунтовъ я могу заработать хоть сейчасъ,—сказалъ онъ. Насладившись ужасомъ, съ которымъ старики слушали его болтовню, онъ наконецъ пересталъ шутить и сказалъ спокойнымъ и серьезнымъ тономъ:—Я не пьянъ и съ ума не сошелъ, но то, что̀ говорю про деньги, правда. Я получилъ наслѣдство въ двадцать-шесть тысячъ фунтовъ.

Наступило молчаніе.

— И ты отказался отъ мѣста? — неожиданно для Киппса спросилъ его дядя.

— Ну, разумѣется.

— И купилъ банджо, и надѣлъ лучшую пару, и пріѣхалъ сюда. Такимъ дуракомъ, однако, я не считалъ тебя!

— Да вѣдь я вамъ говорю, что это дѣйствительно такъ. Двадцать-шесть тысячъ фунтовъ и домъ на берегу моря. Я бы могъ сразу поселиться тамъ. Но я не хотѣлъ. Я не зналъ, что̀ собственно дѣлать, и мнѣ хотѣлось поѣхать къ вамъ и разсказать обо всемъ.

— Откуда ты знаешь, какой домъ?

— Мнѣ сказали.

— Да неужели же ты не понимаешь, Арти, что надъ тобой подшутили, чтобы посмотрѣть, какого ты дурака разыграешь?— сказалъ старикъ Киппсъ, качая головой съ сокрушеннымъ видомъ.—Ну, можно ли такъ попасться въ просакъ?

Тетка вполнѣ раздѣляла мнѣніе мужа, и когда Киппсъ оглянулся въ комнатѣ, когда онъ посмотрѣлъ на старую, жалкую обстановку, на свой старый, дешевенькій чемоданъ, онъ подумалъ, что, дѣйствительно, нельзя было представить себѣ здѣсь, что онъ вдругъ сталъ богатымъ человѣкомъ. Да и правда ли это, или только сонъ?.. Однако, если показать сто фунтовъ...

— Нѣтъ, дядя, — сказалъ онъ. — Все дѣйствительно такъ, какъ я вамъ говорю. Вы не вѣрите? Я получилъ письмо.

— Поддѣльное,—сказалъ старикъ Киппсъ.

— Но я отвѣтилъ на него и былъ послѣ того въ конторѣ. Тамъ со мной говорилъ очень почтенный старый джентльменъ. Онъ мнѣ все разъяснилъ. Ему можно вполнѣ вѣрить. Его зовутъ Ватсонъ и Бинъ,—т.-е., это собственно былъ Бинъ. Онъ сказалъ, что мнѣ оставлено наслѣдство,—Киппсъ полѣзъ въ боковой карманъ и сталъ доставать что-то оттуда,—моимъ дѣдушкой.

Старики остолбенѣли. Дядя почему-то инстинктивно подошелъ къ камину и взялъ въ руки стоявшій тамъ дагерротипъ его умершей сестры.

— Имя моего дѣдушки было Вадди,—сказалъ Киппсъ; онъ все еще держалъ руку въ боковомъ карманѣ, не находя того, что̀ искалъ.—Его сынъ былъ мой отецъ.

— Вадди?—произнесъ старикъ Киппсъ, и м-ссъ Киппсъ повторила вслѣдъ за нимъ:—Вадди?

— Она никогда не называла его имени,—сказалъ старикъ. Наступило короткое молчаніе. Киппсъ вынулъ наконецъ изъ кармана письмо, затѣмъ скомканное газетное объявленіе и три бан-

ковыхъ билета, и не могъ рѣшить, что̀ изъ всего этого показать старикамъ для большей убѣдительности.

— Такъ, вѣроятно, тотъ молодой человѣкъ, который приходилъ и все спрашивалъ... — сказалъ старикъ Киппсъ и посмотрѣлъ на жену глубоко изумленнымъ взглядомъ.

— Это, навѣрное, онъ и былъ! — сказала м-ссъ Киппсъ и вскрикнула:—Джэмсъ, а вѣдь можетъ быть все это дѣйствительно правда!

— Сколько, ты говоришь, онъ тебѣ завѣщалъ? — спросилъ старикъ, и Киппсъ отвѣтилъ спокойно, съ оправдательными документами въ рукахъ, сидя за болѣе чѣмъ скромнымъ ужиномъ:

— Двадцать-шесть тысячъ фунтовъ. Приблизительно столько, по словамъ Бина. Онъ сдѣлалъ завѣщаніе незадолго до смерти, — съ мѣсяцъ тому назадъ, не больше,—такъ мнѣ сказалъ м-ръ Бинъ. Онъ до того все не хотѣлъ простить сына. Сынъ его умеръ въ Австраліи много лѣтъ тому назадъ, но тогда старикъ не простилъ его. Сынъ его и былъ мой отецъ. А когда старикъ заболѣлъ и умиралъ, то пожалѣлъ, что остался одинъ, оттолкнувъ семью сына. Онъ тогда и сказалъ м-ру Бину, что это онъ имъ помѣшалъ пожениться. Вотъ какъ все это случилось...

XII.

Уже поздно вечеромъ, Киппсъ поднялся, со свѣчкой въ рукахъ, наверхъ, въ маленькую комнатку, которая была его пріютомъ и убѣжищемъ въ дѣтствѣ и въ юности. У него голова шла кругомъ. Въ теченіе всего вечера ему давали всевозможные совѣты, предостерегали его, поздравляли, поили грогомъ и пили за его здоровье, кормили вкуснымъ ужиномъ. Дядя настаивалъ на томъ, чтобы онъ избралъ парламентскую карьеру; тетя все высказывала опасеніе, какъ бы онъ не женился на дѣвушкѣ низшаго круга.

— Твой долгъ—жениться на барышнѣ изъ очень хорошей семьи,—настаивала она.

Дядя, главнымъ образомъ, совѣтовалъ ему никому не довѣрять,—даже почтенному Бину, котораго Киппсъ, повидимому, ставилъ очень высоко. Адвокаты и стряпчіе—народъ хитрый.

Киппсъ сталъ медленно раздѣваться, и мысли его заняты были однимъ: двадцать-шесть тысячъ фунтовъ состоянія! Но тревога тетки относительно его женитьбы направила его мысли на то, что̀ онъ временно забылъ подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ со-

бытій. Мысли его вернулись теперь къ классу рѣзьбы по дереву. Двадцать-шесть тысячъ фунтовъ—это кое-что да значитъ! Онъ раздѣлся, легъ въ постель, прикрылся периной и положилъ голову на подушку, которой онъ ввѣрилъ первой свою любовь къ Анни Порникъ. Но теперь онъ не думалъ объ Анни Порникъ. Онъ занятъ былъ одновременно всѣми на свѣтѣ—кромѣ Анни Порникъ. Всѣ счастливыя событія дня осаждали его напряженный, уставшій мозгъ: онъ видѣлъ передъ собой и Бина, сообщившаго ему ошеломляющую вѣсть, и толстаго старика на берегу, который никакъ не хотѣлъ вѣрить, что онъ—собственникъ „Югедена“, и миссъ Мергль, увѣренную въ томъ, что его счастье вполнѣ заслуженное, и Читерло, провалившагося какъ сквозь землю, и дядю съ тетей. Тетя боялась, какъ бы онъ не женился на дѣвушкѣ, недостойной его... она вѣдь не знала!

Онъ сталъ рисовать себѣ въ умѣ картину того, какъ онъ поразитъ весь классъ скромнымъ, но отчетливо произнесеннымъ заявленіемъ: „я получилъ наслѣдство въ двадцать-шесть тысячъ фунтовъ“. Потомъ онъ спокойно, но твердо скажетъ, что всегда любилъ миссъ Уольшингэмъ, и что онъ поэтому принесъ съ собой всѣ свои двадцать-шесть тысячъ фунтовъ, чтобы передать ихъ ей, не требуя ничего взамѣнъ... Онъ передастъ ей все въ конвертѣ и уйдетъ. Конечно, онъ оставитъ себѣ банджо и купитъ еще подарокъ для тети и дяди, еще кое-что... напримѣръ, моторъ и механическое піанино. И также еще велосипедъ и новый велосипедный костюмъ...

Его планы стали запутываться, и онъ не то что заснулъ, а забылся въ хаосѣ несвязныхъ сновъ, въ которыхъ онъ то съѣзжалъ въ громоздкомъ дилижансѣ съ горы съ невѣроятной быстротой, стараясь не сшибить кого-то съ ногъ; то одѣвалъ безконечное количество платьевъ одно на другое, и все не такъ, какъ слѣдуетъ, такъ что вокругъ него всѣ смѣялись надъ нимъ; то ходилъ по морскому берегу въ костюмѣ шотландскаго горца, и Шальфордъ гнался за нимъ съ полицейскими, все повторяя: „онъ мой приказчикъ и сбѣжалъ отъ меня!..“ Онъ пробовалъ спасаться бѣгствомъ, но у него свело ноги. Онъ въ ужасѣ крикнулъ—и проснулся. Поправивъ сползшую съ постели перину, онъ опять заснулъ, но очень тревожно. Ему казалось, что пора вставать, пойти вытирать пыль въ магазинѣ, а, открывъ глаза, онъ увидѣлъ, что темно, и сообразилъ, что онъ не въ домѣ Шальфорда. Ему уже начало казаться, что онъ сходитъ съ ума, и, наконецъ, онъ что-то опять понялъ: „Двадцать-шесть тысячъ фунтовъ!“—прошепталъ онъ, охваченный какимъ-то паническимъ

ужасомъ: ему на минуту показалось, что это какая-то страшная тяжесть, которая навалилась на него. Окончательно проснувшись, наконецъ, онъ успокоился, поправилъ постель и спокойно улегся обратно. Все прояснилось въ его сознаніи. Онъ зналъ, что ему уже не нужно вставать ровно въ семь часовъ, что онъ можетъ лежать въ постели до какого-угодно часа, дѣлать, что захочетъ, заказать къ завтраку, что только пожелаетъ... а главное, онъ сможетъ изумить миссъ Уольшингэмъ своимъ великодушіемъ.

Онъ проснулся на зарѣ отъ пѣнія жаворонка. „Тысяча-двѣсти фунтовъ въ годъ!.. Недурно!.. Недурно!..“

Киппсъ сталъ протирать глаза пальцами, потомъ соскочилъ съ кровати и сталъ быстро одѣваться. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе начать новую жизнь.

XIII.

Въ нашъ разсказъ вступаетъ теперь новое лицо—до нѣкоторой степени добрый геній Киппса,—изящный, прекрасно воспитанный и любезный м-ръ Честеръ Кутъ. Читатель долженъ представить себѣ его въ тотъ моментъ, когда онъ направляется въ сумерки въ общественную библіотеку въ Фолькстонѣ; походка его—идеалъ корректности. Онъ держится очень прямо; у него большая голова, очевидно полная значительныхъ мыслей, и въ рукѣ онъ держитъ большой конвертъ, имѣющій внушительный оффиціальный видъ. Въ другой рукѣ у него палка съ золотымъ набалдашникомъ. На немъ сѣрый сюртукъ, тщательно застегнутый на всѣ пуговицы, и онъ отъ времени до времени покашливаетъ. У него крупный носъ, сѣрые глаза и нѣсколько тяжелый ротъ; нижняя челюсть слегка выдается. Соломенная шляпа надвинута на лобъ; онъ вглядывается въ глаза каждому встрѣчному и отводитъ взглядъ, какъ только ему отвѣчаютъ на его взглядъ такимъ же.

Таковъ м-ръ Честеръ Кутъ, агентъ по покупкѣ домовъ, истинный джентльменъ и очень полезный членъ общества. Начиная отъ любительскаго спектакля и до научныхъ классовъ — ничто не могло состояться въ его округѣ безъ него. Онъ участвовалъ также и въ церковномъ хорѣ, обладая нѣсколько нетвердымъ и дребезжащимъ, но не лишеннымъ пріятности басомъ.

Теперь онъ направлялся въ библіотеку и, встрѣтивъ по дорогѣ священника, поднялъ вверхъ, въ знакъ привѣтствія, большой кон-

вертъ, который держалъ въ рукѣ, затѣмъ улыбнулся и вошелъ въ библіотеку; тамъ онъ и встрѣтилъ Киппса.

Прошло уже больше недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Киппсъ сталъ богатымъ человѣкомъ, и эта перемѣна обстоятельствъ сказывалась и въ его внѣшнемъ видѣ. На немъ былъ новый костюмъ изъ сѣрой фланели, панама на головѣ, красный галстукъ и въ рукахъ палка съ черепаховымъ набалдашникомъ. Онъ чувствовалъ вполнѣ сознательно, что сталъ другимъ человѣкомъ за эту недѣлю, чувствовалъ себя равнымъ любому герцогу, но въ глубинѣ души не зазнавался. Онъ перелистывалъ каталогъ, когда увидѣлъ передъ собой м-ра Кута, который улыбнулся ему самымъ любезнымъ образомъ.

— Вы тутъ что дѣлаете? — спросилъ м-ръ Честеръ Кутъ.

— Такъ, заглянулъ отъ нечего дѣлать! — отвѣтилъ Киппсъ, уже чувствуя, какъ повысилось его общественное положеніе по фамильярному тону м-ра Кута.

— Я вернулся въ Фолькстонъ нѣсколько дней тому назадъ! — продолжалъ онъ. — Я живу здѣсь въ моемъ домѣ.

— Вотъ какъ! — сказалъ м-ръ Кутъ. — Я еще не имѣлъ случая поздравить васъ съ вашимъ необычайнымъ счастьемъ. Позвольте сдѣлать это теперь.

Киппсъ пожалъ протянутую ему руку.

— Да, такого сюрприза я, дѣйствительно, не ожидалъ, — сказалъ онъ. — Когда м-ръ Бинъ сообщилъ мнѣ о наслѣдствѣ, я чуть съ ногъ не свалился. Все вѣдь измѣнилось для меня въ жизни. Я собственно говоря, и теперь еще не могу хорошо сообразить...

— Да, перемѣна поразительная! — согласился м-ръ Кутъ. — Что же, вы остаетесь въ Фолькстонѣ?

— Пока, во всякомъ случаѣ, остаюсь. У меня вѣдь здѣсь домъ моего дѣдушки. Я оставилъ ту же экономку, которая ведетъ хозяйство. Подумайте, какъ это странно: жить въ томъ же городѣ, когда все до такой степени измѣнилось! Непостижимо, да и только!

Разговоръ на минуту прекратился.

— Вы собираетесь читать теперь что-нибудь? — спросилъ Кутъ.

— Нѣтъ, я еще ничего не выписалъ. Я только просматриваю каталогъ. Удивительно хорошо тутъ все устроено. Знаешь, гдѣ о чемъ прочесть. Прелесть что такое!

— Да, удобно, — сказалъ Кутъ и опять кашлянулъ, глядя Киппсу въ глаза. На минуту они оба замолчали, но было ясно, что имъ не хотѣлось разставаться. Особенно Киппсу, которому было пріятно и лестно говорить съ такимъ человѣкомъ, какъ м-ръ Кутъ.

— Вы не очень заняты теперь?—спросилъ Киппсъ.

— Мнѣ нужно только передать бумагу относительно классовъ,—отвѣтилъ Кутъ.

— Такъ не зайдете ли ко мнѣ покурить и поболтать?—предложилъ Киппсъ.

Онъ очень несмѣло сказалъ это, боясь, не нарушаетъ ли онъ самыхъ элементарныхъ правилъ этикета, можно ли просить людей къ себѣ въ такой часъ.

— Я былъ бы очень, очень радъ,—прибавилъ онъ.

М-ръ Кутъ согласился; онъ пошелъ только передать свой пакетъ библіотекарю, и черезъ нѣсколько минутъ вернулся къ Киппсу, говоря, что онъ теперь вполнѣ къ его услугамъ. Они направились вмѣстѣ къ выходу. У каждой двери у нихъ происходили легкія пререканія, такъ какъ каждый хотѣлъ пропустить другого первымъ. Наконецъ они очутились на улицѣ.

— Съ непривычки все это для меня очень странно,—сказалъ Киппсъ.—Имѣть собственный домъ, ничего не дѣлать... Я не знаю даже, куда время дѣвать... Вы курите?—спросилъ онъ и вынулъ великолѣпный кожаный портъ-сигаръ съ золотыми украшеніями. Кутъ отказался курить, но попросилъ Киппса не стѣсняться и курить самому. Нѣсколько времени они шли молча. Первымъ заговорилъ Кутъ.

— Сколько у васъ собственно дохода? спросилъ онъ.

— Тысяча двѣсти фунтовъ въ годъ,—отвѣтилъ Киппсъ.—И даже нѣсколько больше.

— Вы думаете поселиться навсегда въ Фолькстонѣ?

— Не знаю, право. Можетъ быть. А можетъ быть и нѣтъ. Я вѣдь могу сдать свой домъ въ наемъ. Я еще ничего не рѣшилъ.

— Красивый закатъ!—сказалъ Кутъ, и они заговорили о красотѣ солнечныхъ закатовъ. Кутъ спросилъ, умѣетъ ли Киппсъ рисовать и писать красками. Киппсъ отвѣтилъ, что съ дѣтства этимъ не занимался, и теперь наврядъ ли уже можетъ. Кутъ сообщилъ ему, что его сестра хорошо пишетъ красками, и Киппсъ выслушалъ это съ большимъ вниманіемъ. Оказалось, что и Кутъ самъ хотѣлъ бы заняться искусствомъ, но къ сожалѣнію у него нѣтъ времени. Они въ это время подходили къ концу набережной, и передъ ними разстилалась живописная картина гавани въ вечернемъ освѣщеніи.—Вотъ бы написать это все!. сказалъ Кутъ. Киппсъ откинулъ голову съ видомъ знатока, наклонилъ ее въ одну сторону, посмотрѣлъ на гавань, прищуривъ одинъ глазъ, и сказалъ, что это не легкая штука. Потомъ

Киппсъ закурилъ новую папироску, бросивъ первую недокуренной. Онъ былъ доволенъ собой, находя, что въ достаточной степени поддерживалъ разговоръ.

Глядя на море, Кутъ сказалъ, что хорошо выѣзжать въ море въ такую тихую погоду, и спросилъ, много ли Киппсъ уже путешествовалъ. Киппсъ сказалъ, что „не много“, но что онъ собирается поѣхать въ Булонь. Тогда Кутъ сталъ говорить о прелестяхъ путешествій, и назвалъ цѣлый рядъ мѣстъ, о которыхъ Киппсъ никогда и не слыхалъ. Онъ старался поддерживать разговоръ, не выдавая своего невѣжества, но внутренно чувствовалъ, что все равно долго притворяться онъ не сможетъ...

Они подошли къ дому Киппса, и онъ видимо заволновался. Входъ къ нему былъ, дѣйствительно, очень внушительный. Киппсъ постучалъ не одинъ разъ и все-таки не два, а какъ-то полтора— не какъ хозяинъ, а какъ оробѣвшій посѣтитель. Имъ открыла дверь горничная, чрезвычайно корректная, и видно было, что Киппсъ нѣсколько боялся ея. Онъ спросилъ: „Въ кабинетѣ затопленъ каминъ, Мэри?“ — зная, что вопросъ совершенно излишній, и провелъ гостя наверхъ. Дѣвушка послѣдовала за ними, чтобы зажечь лампу, и пока она была въ комнатѣ, Киппсъ не могъ говорить; онъ только усиленно ходилъ по комнатѣ, отъ двери къ окну и обратно, чтобы показать, что чувствуетъ себя какъ дома. М-ръ Кутъ подошелъ къ камину, потомъ обернулся, поглядѣлъ на Киппса и погладилъ себѣ затылокъ рукой: это былъ одинъ изъ его любимыхъ жестовъ.

— Ну, вотъ мы и у себя,—сказалъ Киппсъ, положивъ руки въ карманы. Комната, въ которой они находились, была большая, съ тяжелыми, загрязнившимися лѣпными украшеніями на стѣнахъ и потолкѣ. Въ ней стояли два большихъ книжныхъ шкапа, съ стеклянными дверями, и на одномъ стояло подъ стекляннымъ колпакомъ чучело собаки. Надъ каминомъ висѣло зеркало; на окнахъ и дверяхъ были яркія красныя занавѣси и драпри. На каминѣ стояли также тяжелые черные каминные часы, затѣмъ вазы и большія пепельницы изъ лавы. У окна стоялъ большой письменный столъ.

— Это былъ кабинетъ моего дѣдушки,—сказалъ Киппсъ.— Онъ тутъ сидѣлъ и писалъ.

— Книги?

— Нѣтъ. Письма въ „Times“ и все такое. У него тутъ всѣ вырѣзки наклеены въ спеціальный для этого альбомъ. Вотъ тутъ въ шкапу... Что же вы не сядете? — Кутъ сѣлъ, слегка отдуваясь, и Киппсъ сталъ передъ нимъ на большой медвѣжьей

шкурѣ, разостланной передъ каминомъ. Онъ разставилъ ноги и, видимо, хотѣлъ принять непринужденный видъ. Но среди этой внушительной обстановки, стоя у камина съ огромнымъ зеркаломъ, на пышномъ коврѣ, онъ казался особенно ничтожнымъ и жалкимъ существомъ, и его собственная тѣнь на противоположной стѣнѣ какъ бы смѣялась надъ нимъ...

XIV.

Вначалѣ Киппсъ давалъ только реплики, а весь разговоръ велъ м-ръ Кутъ. Они исчерпали вопросъ о необыкновенной перемѣнѣ въ судьбѣ Киппса, и Кутъ перешелъ на болѣе общія темы, заговоривъ о мѣстныхъ и общественныхъ дѣлахъ.—Вамъ слѣдуетъ теперь вникать во все это,—сказалъ онъ. Изъ разговора скоро выяснилось, что у Кута очень большія общественныя связи. Онъ говорилъ о томъ, какое въ ихъ сосѣдствѣ смѣшанное общество, и какъ трудно убѣдить людей дѣйствовать заодно, когда всѣ замыкаются въ своихъ обособленныхъ кружкахъ. Онъ упоминалъ, между прочимъ, имена людей высшихъ военныхъ круговъ, и даже назвалъ одну титулованную особу, нѣкую лэди Понэтъ. Онъ сдѣлалъ это, конечно, безъ всякаго снобизма, не нарочно, а такъ, только потому, что приходилось къ слову. Онъ говорилъ, что устраивалъ вмѣстѣ съ нею какой-то благотворительный спектакль; она требовала чего-то совершенно нелѣпаго, а онъ ее урезонилъ,—конечно, очень мягко, но твердо. —Необходимо дѣйствовать съ ними именно такъ,—сказалъ Кутъ. Потомъ выяснилось, что онъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ духовенствомъ. И по мѣрѣ того, какъ Кутъ говорилъ, онъ все выросталъ въ глазахъ Киппса; онъ казался ему не только вообще замѣчательнымъ человѣкомъ, у котораго сестра пишетъ картину для академической выставки и т. д., не только образцовымъ джентльменомъ, но представителемъ настоящаго „свѣта“, гдѣ держатъ лакеевъ, являются къ обѣду во фракахъ, пьютъ вино— иногда по три съ полтиной за бутылку, гдѣ жизнь проходитъ среди лабиринта непостижимыхъ тонкостей этикета.

Кутъ развалился въ креслѣ, курилъ папироску и, видимо, наслаждался сознаніемъ своей свѣтскости. Киппсъ слушалъ его съ волненіемъ, чувствуя себя все болѣе и болѣе несоотвѣтствующимъ своему новому положенію. Бесѣда съ Кутомъ была полна для него захватывающаго интереса. Вскорѣ она утратила первоначальный общій характеръ и становилась все болѣе серьезной

и интимной. Кутъ сталъ говорить о людяхъ, которымъ повезло и которымъ не повезло, о тѣхъ, которые заняли положеніе въ свѣтѣ, и о тѣхъ, которымъ никакъ не удается попасть въ свѣтское общество. Наконецъ онъ перешелъ къ положенію самого Киппса.

— Для васъ начинается теперь пріятная жизнь, — сказалъ онъ, улыбаясь.

— Не знаю ужъ...—отвѣтилъ Киппсъ.

— Конечно, не нужно дѣлать глупостей и попадаться въ просакъ.

— Въ томъ-то и дѣло!

Кутъ закурилъ новую папиросу.—Сознаюсь, что меня интересуетъ, какъ сложится теперь ваша жизнь,—сказалъ онъ.—Когда молодой человѣкъ вдругъ оказывается обладателемъ большого состоянія, ему представляется множество соблазновъ.

— Я долженъ быть страшно остороженъ!—сказалъ Киппсъ.—Мнѣ уже говорилъ это Бинъ.

Кутъ сталъ говорить о разныхъ опасностяхъ, о скачкахъ, о дурномъ обществѣ.—Знаю, знаю,—поддакивалъ Киппсъ.

— Нехорошо также, когда начинаются сомнѣнія,—продолжалъ Кутъ.—Я зналъ одного молодого человѣка, адвоката, красиваго, талантливаго, но при этомъ невозможнаго скептика...

— Господи! — воскликнулъ Киппсъ. — Неужели онъ былъ атеистъ?

— Вотъ именно,—сказалъ Кутъ.—Такой славный молодой человѣкъ, но заразился всей этой модной ерундой, — настоящій циникъ. Сверхъ-человѣчество и все такое... Ницше!.. Очень мнѣ его жаль. Я бы много далъ, чтобы спасти его.

— Да, я тоже зналъ такого,—сказалъ Киппсъ, стряхивая пепелъ съ папиросы.—Одинъ изъ нашихъ служащихъ. Надо всѣмъ смѣялся... Онъ бросилъ мѣсто и пошелъ въ солдаты.

— Жалко также, — продолжалъ Кутъ, — что именно самые лучшіе сбиваются съ пути.

— Соблазны жизни!—замѣтилъ Киппсъ.

— Въ томъ-то и дѣло,—подтвердилъ Кутъ. — Современная жизнь такая сложная, и такъ много зависитъ отъ вліянія окружающей среды даже на самыхъ честныхъ по природѣ юношей...

— Да, вотъ и я...—началъ Киппсъ, на котораго нашло желаніе каяться. — Познакомился я съ однимъ актеромъ. Умный малый, что̀ и говорить. Мы много говорили о томъ, о семъ... ну, а при этомъ и пили—„Старый Маѳусаилъ“, три звѣздочки.

Знаете, я напивался. — Потомъ онъ прибавилъ, чувствуя жажду каяться безъ конца: — Я много разъ напивался...

— Ай-ай-ай! — сказалъ Кутъ.

— Разъ двѣнадцать за послѣднее время, — продолжалъ Киппсъ, у котораго разыгралось воображеніе. — Ну, а одно влечетъ за собой и другое: карты, женщины...

— Знаю, — сказалъ Кутъ, — знаю!

Киппсъ сталъ глядѣть въ огонь и, слегка покраснѣвъ, пробормоталъ что-то о томъ, что не слѣдуетъ выдавать тайны. Потомъ онъ прибавилъ твердымъ голосомъ:

— Но теперь я рѣшилъ исправиться.

— Это необходимо, — поддержалъ его Кутъ.

— Да, необходимо, — сказалъ Киппсъ, медленно качая головой. Онъ бросилъ недокуренную папиросу въ огонь, внутренно довольный тѣмъ, что сумѣлъ поддержать разговоръ въ надлежащемъ тонѣ. Но такъ какъ онъ не былъ лгуномъ по натурѣ, то почувствовалъ тотчасъ же желаніе возстановить хоть отчасти истину.

— Конечно, я не могу сказать, что я дѣйствительно пилъ до безчувствія... Такъ, иногда, до головной боли... и то раза три, четыре, не больше, — сказалъ онъ. — Но вотъ это, дѣйствительно, случалось.

— Я никогда не пилъ спиртныхъ напитковъ, — откровенно сознался Кутъ, — и, вѣроятно, никогда не испытаю, что̀ значитъ быть пьянымъ. Конечно, иногда, за обѣдомъ, рюмку вина выпить не мѣшаетъ. Но бѣда въ томъ, что потомъ не знаешь, когда остановиться. Поэтому лучше совсѣмъ не пить. Я только курю — вотъ моя слабость.

Киппсъ посмотрѣлъ на Кута и подумалъ о томъ, какой онъ славный, какой воспитанный человѣкъ, и какъ бы хорошо было поручить себя его покровительству.

— Да, — сказалъ онъ, — самое главное, это — хорошее общество. Особенно это важно для меня, — откровенно сознался онъ. — Я чувствую себя невѣжественнымъ, не знаю никогда, что̀ слѣдуетъ дѣлать, какъ поступать. Я бы, напримѣръ, хотѣлъ бывать въ такомъ обществѣ, какъ миссъ Уольшингэмъ и ея подруги, но я даже боюсь заговорить съ ними, не зная, какъ вести себя. — Я воспитывался въ школѣ, — продолжалъ онъ, — въ частной, а не въ простой, городской, но все-таки только теперь чувствую, до чего я не подготовленъ для общества. Теперь, когда у меня оказались деньги, я не знаю, что̀ дѣлать... Я откровенно вамъ говорю, — прибавилъ онъ, понижая голосъ. — Я чувствую, что я — не джентльменъ.

Кутъ съ серьезнымъ видомъ утвердительно покачалъ головой.

— А между тѣмъ на васъ теперь лежатъ обязанности джентльмена.

— Въ томъ-то и дѣло,—сказалъ Киппсъ.—Вотъ, напримѣръ, визиты. Если хочешь возобновить знакомство съ кѣмъ-нибудь, кого зналъ,—какъ это сдѣлать?—Онъ нервно засмѣялся.—Я—какъ рыба, которую вытащили изъ воды...—сказалъ онъ, глядя на Кута выжидающимъ взглядомъ.

Но Кутъ сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ продолжалъ.

— Вотъ, напримѣръ, мой актеръ,—продолжалъ Киппсъ.—Онъ славный, но онъ совсѣмъ не джентльменъ. А кромѣ него я знаю только прежнихъ товарищей по магазину. Они милые. Мы съ ними ужинали недавно, я пѣлъ и игралъ на банджо. Это все пріятно, но ни къ чему не можетъ привести. Есть у меня тетя и дядя. Они очень славные старики, но слишкомъ вмѣшиваются въ мои дѣла, хотятъ, чтобы я дѣлалъ все по ихнему, какъ маленькій. Это вѣдь все не то. Я знаю—мнѣ нужно общество образованныхъ людей... Вотъ, будь у меня такой другъ, какъ вы...

Съ этой минуты они очень быстро и легко стали столковываться.

— Еслибы я могъ быть вамъ полезенъ,—сказалъ Кутъ.

— Но вѣдь вы заняты и все такое.

— Я не такъ ужъ занятъ, какъ вы думаете. И вы меня очень интересуете... Молодой человѣкъ съ деньгами, неопытный, очень симпатичный... я съ радостью готовъ служить вамъ моимъ опытомъ.

— Такъ вы согласились бы быть моимъ другомъ?

— Съ радостью, дорогой Киппсъ... если вы позволяете такъ назвать васъ. Я сдѣлаю для васъ все, что только могу.

Такъ заключенъ былъ союзъ между ними. Они сдѣлались друзьями на томъ основаніи, что Киппсу нуженъ былъ руководитель въ житейскихъ дѣлахъ, а Кутъ увлекся страстью къ педагогической тираніи, къ наставничеству, которая составляетъ слабость многихъ самолюбивыхъ, домогающихся власти людей.

Съ англ. З. В.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ

ВЪ

КАЛИФОРНІИ.

Въ 5 часовъ и 15 минутъ утра 5-го (18-го) апрѣля вся территорія Сѣверо-Американскаго Союза подверглась землетрясенію; оно было особенно сильно на тихоокеанскомъ побережьи въ окрестностяхъ залива Санъ-Франциско, приблизительно миль на сто во всѣхъ отъ него направленіяхъ. Теперь уже извѣстно, что оно же, и почти въ тотъ же моментъ, потрясло и Гавайскіе и Филиппинскіе острова, и Австралію, и Италію, и даже Москву, слѣдовательно, чувствовалось одновременно почти на всемъ земномъ шарѣ. Городъ Санъ-Франциско, повидимому, былъ центромъ этого землетрясенія, и теперь окончательно разрушенъ. Землетрясеніе началось тремя толчками, непосредственно слѣдовавшими одинъ за другимъ и продолжавшимися, всѣ вмѣстѣ, только около 45 секундъ; затѣмъ были болѣе слабые толчки въ 8 и 10 часовъ утра и въ 2 и 8 часовъ пополудни въ тотъ же день и въ полдень на слѣдующій; послѣдній былъ довольно силенъ въ южной Калифорніи, въ нашемъ городѣ Лосъ-Анжелесѣ. Толчки эти продолжались по всему тихоокеанскому побережью и послѣ. Все разрушеніе было произведено первыми тремя толчками,—остальные были незначительны, хотя и нагнали ужасъ на все наше побережье.

Городъ Санъ-Франциско расположенъ на сѣверо-восточной оконечности длиннаго и узкаго полуострова, отдѣляющаго южную часть залива Санъ-Франциско отъ Тихаго океана. Сѣверо-западная оконечность этого полуострова, свыше полуторы тысячи акровъ,

занята военной резервацiей, принадлежащей федеральному правительству и называемой Presidio; на ней расположено нѣсколько фортовъ, защищающихъ входъ въ заливъ, проливъ Golden Gate—Золотыя Ворота, — казармы, военные госпитали, лѣтній лагерь для войскъ и помѣщенія управленія калифорнскаго военнаго округа. Все это или разрушено, или болѣе или менѣе повреждено землетрясеніемъ. Пристани, доки и верфи расположены отчасти на сѣверномъ, но преимущественно на восточномъ берегу полуострова; какъ они, такъ и дѣловыя и мануфактурныя и старыя резиденческія части города очень скучены, такъ что на пространствѣ, приблизительно, 12 квадратныхъ англійскихъ миль [1]) жило около $^9/_{10}$ всего населенія города; только новыя, болѣе бѣдныя резиденческія части, разросшіяся за послѣдніе года на песчаныхъ дюнахъ, на западъ отъ стараго города и въ направленіи Тихаго океана, разбросаны болѣе или менѣе. Когда, въ 1848 году, Санъ-Франциско былъ основанъ какъ всякій американскій городъ, восточный берегъ полуострова былъ очень пологъ и заливъ очень мелокъ на большое разстояніе, такъ что суда приходилось перегружать на мелко сидящія баржи; все это мелкое пространство было съ теченіемъ времени засыпано, такъ что искусственный берегъ отодвинулся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на цѣлую милю на востокъ, гдѣ вода достигала 30—35 футовъ глубины, и вся эта искусственная насыпь, нѣсколько квадратныхъ миль, была застроена дѣловой частью города — до пятидесяти кварталовъ многоэтажныхъ каменныхъ громадъ на насыпномъ грунтѣ. Presidio и сѣверная часть города, выходящія на проливъ Golden Gate, состоятъ изъ крутыхъ и довольно высокихъ холмовъ, съ гранитомъ, какъ подпочвой; затѣмъ слѣдуетъ вышеописанное насыпанное пространство, пологое и ровное, а къ нему примыкаетъ песчаная равнина, идущая на западъ до берега Тихаго океана; почти вся западная ея часть, болѣе чѣмъ на половину разстоянія между заливомъ и океаномъ, занята огромнымъ и великолѣпнымъ городскимъ паркомъ, Golden Gate Park. На югъ отъ этого насыпного пространства и равнины, простирающихся отъ трехъ до пяти миль въ ширину съ сѣвера на югъ и около десяти въ длину съ востока на западъ, начинаются непосредственно предгорья крутого и высокаго горнаго хребта, называемаго Coast Range (Береговой хребетъ), идущаго вдоль самаго берега океана на югъ на нѣсколько сотъ миль, съ вершинами до десяти тысячъ футовъ надъ поверхностью моря.

[1]) Англійская миля—почти какъ-разъ полторы русскихъ версты.

Заливъ Санъ-Франциско считается одною изъ лучшихъ и обширнѣйшихъ гаваней всего міра; въ него впадаютъ съ сѣвера рѣка Сакраменто, а съ юга—Санъ-Іоакинъ, единственныя судоходныя на значительныя разстоянія рѣки Калифорніи, обслуживающія всю ея великую центральную долину. Благодаря этимъ преимуществамъ, городъ Санъ-Франциско съ самаго дня своего основанія сдѣлался главнымъ мануфактурнымъ и торговымъ центромъ не только своего штата, но и всего тихоокеанскаго побережья; съ открытіемъ же, въ 1868 году, первой американской трансконтинентальной желѣзной дороги—сталъ главнымъ этапомъ всей американской торговли съ Дальнимъ Востокомъ и Австралазіей. Онъ росъ чрезвычайно быстро, и съ теченіемъ времени обратился въ одинъ изъ богатѣйшихъ и наиболѣе цвѣтущихъ и дѣятельныхъ всемірныхъ портовъ. По послѣдней федеральной переписи 1900 года въ немъ показано 342.000 жителей,—но съ тѣхъ поръ онъ выросъ очень существенно, такъ какъ сначала присоединеніе Гавайскихъ и Филиппинскихъ острововъ и испано-американская война, а затѣмъ русско-японская значительно расширили его торговыя дѣла, вызвали строительную горячку и привлекли въ послѣднее время въ его предѣлы, minimum, сто тысячъ народу, такъ что къ 1-му января 1906 г. въ немъ считалось не меньше 450.000 постоянныхъ жителей, да по крайней мѣрѣ 50.000 случайнаго населенія и туристовъ,—такъ какъ апрѣль мѣсяцъ считается у насъ вершиной туристскаго сезона, когда все переполнено,—и въ моментъ землетрясенія въ его предѣлахъ находилось не менѣе полумилліона народа.

Сначала золотая горячка, а затѣмъ желѣзно-дорожно-строительныя, торговыя и мануфактурныя преимущества дали городу Санъ-Франциско очень многочисленный и нигдѣ болѣе, вѣроятно, на земномъ шарѣ не встрѣчающійся исключительный классъ скороспѣлыхъ богачей,—людей, въ нѣсколько лѣтъ, а иногда и въ одинъ день превратившихся изъ простыхъ чернорабочихъ въ мульти-милліонеровъ. Имена Лика, Станфорда, Хопкинса, Хюнтингтона, Крокеровъ, Фэра, Флуда, Макэя, Шарона, Сютро, Тилэна, Миллса—хорошо извѣстны не только по всему Союзу, но и въ Европѣ. Сотни другихъ пользуются широкой мѣстной извѣстностью. Благодаря, вѣроятно, исключительности своего внезапнаго возвышенія на жизненномъ поприщѣ, почти всѣ эти люди отличались большей или меньшей оригинальностью, и объ ихъ странностяхъ сложилась въ нашемъ народномъ представленіи цѣлая серія легендъ. Но общей ихъ чертой была великая любовь къ Калифорніи вообще и къ Санъ-Франциско въ особен-

ности; они гордились имъ, щедро жертвовали цѣлые милліоны на его общественныя нужды, выстроили для его украшенія многія чудныя зданія, а самимъ себѣ роскошнѣйшіе дворцы, биткомъ набитые рѣдкими и цѣнными произведеніями искусствъ. Въ Союзѣ съ полдюжины городовъ больше Санъ-Франциско, но не было ни одного, въ которомъ была бы скоплена такая масса цѣнныхъ частныхъ библіотекъ, картинныхъ и скульптурныхъ галерей, и единственныхъ въ Америкѣ антикварныхъ и другихъ коллекцій. Это были не совсѣмъ обыкновенные меценаты, отличавшіеся не тароватостью, а безпредѣльной щедростью, и умѣвшіе предоставлять выборъ людямъ, знающимъ толкъ въ этой, совершенно самимъ имъ незнакомой, области. Кромѣ этихъ своихъ вліяній, они своей чуткой отзывчивостью на всякую общественную и даже частную нужду сумѣли оградить свою общину отъ порабощенія исключительно себялюбивымъ интересамъ, отъ жесткой эгоистичности янки Востока. Санъ-Франциско всегда шелъ во главѣ разныхъ соціальныхъ экспериментовъ, новыя умственныя теченія всегда находили въ немъ пристанище и привѣтъ, и его народныя массы никогда не были такъ подвластны капиталу и правящимъ классамъ, какъ въ другихъ частяхъ Союза. Вѣроятно, благодаря этому, Санъ-Франциско не отставалъ отъ другихъ всемірныхъ центровъ и въ умственномъ отношеніи; — онъ далъ міру такихъ писателей, какъ Бретъ Гартъ, такихъ поэтовъ, какъ Маркгамъ, такимъ мыслителей, какъ Генри Джорджъ, такихъ ученыхъ, какъ Леконтъ и Лоебъ, и цѣлые десятки менѣе громкихъ именъ и въ литературѣ, и въ наукѣ. Онъ могъ справедливо гордиться своими университетами въ Беркелэѣ и Станфордѣ, по извѣстности своихъ профессоровъ, числу студентовъ, великолѣпію зданій, богатству библіотекъ, учебныхъ пособій и коллекцій, соперничествовавшихъ съ старѣйшими и лучшими университетами страны. Уже долгое время Санъ-Франциско былъ признаннымъ средоточіемъ умственной, артистической и музыкальной жизни всего дальняго запада Америки. Въ немъ активно и плодотворно работали многія ученыя общества; въ немъ постоянно проживали многочисленныя писательскія, художническія и музыкальныя колоніи, многіе члены которыхъ обладали серьезными талантами и были извѣстны по всему Союзу. „Клубъ богемы“ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ учрежденіемъ во всей Америкѣ. Театры процвѣтали и отличались необычной у насъ требовательностью къ артистамъ. Вообще, Санъ-Франциско былъ и Аѳинами, и Парижемъ всего американскаго Запада; это былъ городъ очень гостепріимный и веселый, въ весьма значительной степени

оригинальный, не признававшій многихъ общепринятыхъ тенетъ чопорнаго Востока и жившій своей собственной, своеобразной жизнью, выработанной необычными условіями всей его исторіи. Серьезные умственные интересы, искусство, даже богема имѣли въ ней опредѣленныя, прочныя мѣста, открыто спорили за преобладаніе съ коммерческимъ и денежнымъ духомъ. Есть всяческое основаніе предполагать, что всѣ эти рѣдкіе и цѣнные въ Америкѣ элементы не переживутъ разрушенія города—ихъ средства къ жизни обыкновенно ненадежны, и нужда размечетъ ихъ по всей странѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что на настоящихъ развалинахъ очень быстро выростетъ новый Санъ-Франциско,—вѣроятно, даже болѣе великолѣпный и солидный,—но едва ли сможетъ сохраниться его своеобразность, которая такъ отличала его до сихъ поръ и дѣлала его такимъ симпатичнымъ. Тотъ Санъ-Франциско, который такъ хорошо зналъ и любилъ американскій Западъ, возродиться не можетъ: думаю, что всепоглощающій коммерціализмъ воспользуется случаемъ обезличить его и перекроить на свой ладъ.

За послѣднія пять лѣтъ вся жизнь Санъ-Франциско шла особенно ускореннымъ темпомъ;—онъ, очевидно, все болѣе и болѣе пріобрѣталъ не только національное, но и космополитическое значеніе, дѣлался главнымъ и самымъ вліятельнымъ портомъ всего сѣвернаго Тихаго океана. Вся американская и значительная часть европейской торговли съ Дальнимъ Востокомъ и другими тихоокеанскими портами сосредоточивалась въ его рукахъ; многія европейскія и азіатскія торговыя фирмы нашлись вынужденными открыть въ немъ свои конторы [1]). Онъ же былъ главнымъ пунктомъ отправленія туда же и въ Австралазію всяческихъ спеціальныхъ экспедицій—коммерческихъ, миссіонерскихъ, ученыхъ. Его многія срочныя пароходныя линіи въ Японію, Китай, Центральную и Южную Америку, Австралію и Австралазію не могли справляться съ работой. Китайскій бойкотъ американскихъ товаровъ за послѣдній годъ побудилъ здѣшніе экспортные торговые дома къ энергичному расширенію сношеній съ Сибирью, съ Мексико, съ Центральной Америкой, съ Австраліей и даже Индо-Китаемъ. Санъ-Франциско неустанно совершенствовалъ свои дѣловыя и коммерческія связи и приспособленія, и цѣлые десятки роскошнѣйшихъ и огромнѣйшихъ многоэтажныхъ зданій новѣйшей стале-скелетной конструкціи были возведены и воздвигались на его главныхъ улицахъ. Лихорадочная дѣятель-

[1]) Еще недавно было здѣсь открыто отдѣленіе русско-китайскаго банка.

ность царила въ городѣ и сразу чувствовалась всякимъ новопріѣзжимъ. Всѣ, казалось, забыли, что еще только въ 1868 году всѣ каменныя зданія въ городѣ были разрушены землетрясеніемъ до основанія. 18-ое апрѣля остро и наглядно возстановило въ памяти и этотъ годъ, и его послѣдствія, и тотъ фактъ, что Санъ-Франциско вообще подверженъ землетрясеніямъ въ весьма сильной степени. Дѣло въ томъ, что мѣстные жители привыкли къ нимъ и освоились съ ними. За тѣ пятнадцать лѣтъ, что я живу въ городѣ Лосъ-Анжелесѣ, не было года, чтобы насъ не встряхнули нѣсколько землетрясеній. Каждый годъ та или другая мѣстность страдаетъ отъ нихъ болѣе или менѣе, но центрами обыкновенно приходились малонаселенныя мѣста; однако, года три тому назадъ, былъ разрушенъ до основанія городокъ Сеспе, въ прошломъ году—Геметъ. Эти землетрясенія всегда сопровождаются знойной, удушливой погодой, такъ и извѣстной у насъ подъ именемъ „землетрясительной погоды“. На эти толчки мы до сихъ поръ не обращали ни малѣйшаго вниманія—газеты посмѣются надъ страхомъ публики на слѣдующій день, и тѣмъ дѣло и кончалось. Но на этотъ разъ центромъ толчка пришелся городъ Санъ-Франциско, и его слѣдуетъ признать огромнѣйшимъ физическимъ національнымъ бѣдствіемъ, которое когда-либо доселѣ пришлось испытать всему Сѣверо-Американскому Союзу.

Землетрясеніе 18-го апрѣля съ вызваннымъ имъ пожаромъ разрушили городъ Санъ-Франциско до основанія. Въ немъ не осталось ни одного неповрежденнаго болѣе или менѣе зданія—а до 30.000, кромѣ разрушенія, сгорѣли. Уцѣлѣли отъ пожара только небольшія резиденческія части на западныхъ и южныхъ окраинахъ, разбросанные бѣдные кварталы, отчасти застроенные преимущественно маленькими одноэтажными коттэджами на одну семью, выстроенными на скорую руку и самымъ дешевымъ образомъ. Въ этихъ уцѣлѣвшихъ отъ пожара частяхъ многіе дома съѣхали съ фундаментовъ на улицу, разрушены дымовыя трубы, разбиты и разъединены водо- и газопроводныя, обвалилась штукатурка, и т. д., такъ что въ большинствѣ изъ нихъ жить нельзя. Во многихъ случаяхъ верхній этажъ раздавилъ нижній и стоитъ посреди улицы надъ его развалинами. Большинство починить невозможно—нужно перестроить заново. Это относится къ деревяннымъ домамъ, такъ-называемымъ frame houses,—кирпичные же или развалились совершенно, или въ нихъ провалились крыши и потолки, или вывалились одна или двѣ стѣны. Землетрясеніе особенно разрушило старую дѣловую часть города, построенную на насыпномъ грунтѣ; грунтъ этотъ, несмотря на давность засыпки,

очевидно, не далъ зданіямъ достаточно солиднаго основанія, и цѣлые кварталы сплошныхъ пяти, шести и даже восьмиэтажныхъ каменныхъ домовъ старой конструкціи, занятыхъ магазинами, оптовыми складами, конторами, отелями и мелкими квартирами, мгновенно развалились и завалили улицы своими развалинами съ обѣихъ сторонъ. Почти всѣ дѣловыя улицы, даже самая широкая изъ нихъ, главная въ городѣ, Market Street, сразу сдѣлались непроѣздными, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и непроходимыми. Кромѣ того, на многихъ изъ нихъ землетрясеніе образовало широкія и глубокія трещины, гдѣ вдоль, гдѣ поперекъ, причемъ одна сторона этихъ трещинъ осѣдала, другая поднималась на 3, на 5, даже на 10 футовъ. Одна улица, Valencia Street, оказалась цѣликомъ выпученной въ сторону на цѣлыхъ сорокъ футовъ отъ прежней линіи, и съ проваломъ посрединѣ въ 15 футовъ въ ширину. Рельсы трамваевъ были выбиты съ мѣста, перегнуты и поломаны. Зданія новѣйшей конструкціи, съ стальными скелетами, выдержали толчки гораздо лучше, несмотря на свою многоэтажность—отъ 10 до 20 этажей. Очевидцы разсказываютъ, что они качались и скрипѣли, какъ корабль во время сильнаго шторма,—но ни одно изъ нихъ не развалилось и не упало, а лучшія были повреждены землетрясеніемъ наружно только очень мало. Пожаръ начался почти мгновенно въ сотнѣ мѣстъ заразъ—отъ паровиковъ, которые теперь необходимы во всякомъ большомъ домѣ для парового отопленія и движенія элеваторовъ, отъ разорвавшихся газовыхъ трубъ, отъ кухонныхъ печей, уже топившихся во многихъ мѣстахъ для приготовленія завтрака. Теперь умѣстно будетъ замѣтить, что всякое землетрясеніе, а въ особенности сильное, замѣчательно дѣйствуетъ на громадное большинство въ томъ отношеніи, что лишаетъ человѣка на нѣкоторое, болѣе или менѣе продолжительное время, способности разсуждать и дѣйствовать сознательно; у женщинъ же, кромѣ того, вызываетъ слезы и истеричность. Люди выбѣгаютъ на улицу въ самыхъ невозможныхъ костюмахъ, мечутся изъ стороны въ сторону, забываютъ, гдѣ они,—словомъ, шалѣютъ и дѣйствуютъ какъ безумные. Понятно поэтому, что прошло нѣкоторое время, пока полиція и пожарные пришли въ себя и сообразили, въ чемъ дѣло. Кромѣ того, начальникъ пожарныхъ города былъ смертельно раненъ стѣной, обрушившейся на кровать, на которой онъ спалъ; нѣкоторые другіе пожарные были убиты или ранены; многія машины разрушены и лошади при нихъ убиты или искалѣчены. Произошла значительная заминка, къ которой присоединилась

непроѣздность многихъ улицъ. Затѣмъ, когда пожарные добрались, наконецъ, до пожаровъ, которые распространились между тѣмъ съ ужасающей быстротой во всѣхъ направленіяхъ,—оказалось, что водопроводныя трубы всюду перебиты землетрясеніемъ, и что воды въ нихъ нѣтъ. Потомъ уже было открыто, что главный водопроводъ былъ уничтоженъ—въ нѣсколькихъ мѣстахъ еще за предѣлами города, такъ что, за исключеніемъ Presidio и нѣкоторыхъ небольшихъ отдаленныхъ частей, имѣвшихъ частное самостоятельное водоснабженіе, весь городъ остался сразу безъ капли воды. Безъ воды весь пожарный аппаратъ оказался безполезнымъ. Хотя раннее утро 18-го апрѣля было въ Санъ-Франциско тихое и удушливо-знойное, скоро поднялся вѣтеръ, къ полудню перешедшій въ настоящую бурю. И городскія власти, и пожарные скоро убѣдились, что единственная надежда на спасеніе отъ пожаровъ хотя бы нѣкоторыхъ частей города состояла во взрывѣ домовъ на пути огня и очищеніи извѣстнаго пространства, черезъ которое онъ не могъ бы перескочить. Но для этого нужна была крупная дисциплинированная сила. Между тѣмъ было замѣчено, что преступные элементы—а они въ такомъ большомъ космополитическомъ портѣ, какъ Санъ-Франциско, всегда очень многочисленны и смѣлы—начали грабить развалины. Уже въ 10 часовъ утра 18-го апрѣля было объявлено военное положеніе, и всѣ расположенныя въ Presidio и окрестностяхъ регулярныя войска, около 3.000 штыковъ, заняли городъ, установили караулы и патрули и вмѣстѣ съ пожарными занялись взрывомъ домовъ на пути пожаровъ. Командовалъ войсками начальникъ калифорнскаго военнаго округа, генералъ Фунстонъ, такъ прославившійся своей храбростью, энергіей и предпріимчивостью въ филиппинской войнѣ. Былъ изведенъ весь находившійся въ городѣ запасъ динамита, затѣмъ пироксилина, военнаго пороха, наконецъ даже артиллерійскихъ снарядовъ и патроновъ. Цѣлыхъ трое сутокъ продолжалась эта безустанная, безнадежная борьба съ пожарами, не принесшая, повидимому, никакой пользы, пока они не истребили всей скученной части города, на пространствѣ свыше десяти квадратныхъ миль, и не дошли до разбросанныхъ окраинъ. Очевидцы единогласно описываютъ работу пожарныхъ и войскъ по истинѣ героическою. Многіе были раздавлены валившимися со всѣхъ сторонъ расшатанными стѣнами зданій; другіе погибли, вытаскивая придавленныхъ развалинами страдальцевъ; третьи—отъ преждевременныхъ взрывовъ. Регулярныхъ войскъ скоро оказалось недостаточно—былъ вызванъ баталіонъ студентовъ университета въ Беркелэй,

затѣмъ постепенно — вся милиція штата. Грабителей, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія, было приказано тутъ же разстрѣливать,—въ первый же день произошло до двадцати такихъ экзекуцій. Толпа „линчевала“,—т.-е. вздернула на мѣстѣ на фонарный столбъ,—двоихъ: одного—схваченнаго въ тотъ моментъ, какъ онъ отрѣзалъ палецъ женскаго трупа, чтобы снять брилліантовое кольцо; другого—отрѣзавшаго руку, чтобы снять золотой браслетъ.

Число погибшихъ отъ землетрясенія и пожара останется навсегда гадательнымъ. Генералъ Фунстонъ и коронеръ, чинъ, завѣдующій неестественными смертными случаями, опредѣляютъ его „не меньше тысячи“. Другіе хорошо освѣдомленные люди вычисляютъ его отъ тысячи до десяти тысячъ душъ. Въ первое же утро, до 400 труповъ и до 200 тяжело раненыхъ было доставлено изъ разныхъ мѣстъ въ Mechanic's pavilion, зданіе, расположенное на верхней Market Street и считавшееся самымъ большимъ помѣщеніемъ въ городѣ для собраній, конвенцій и т. д. Къ вечеру оно сгорѣло, и пожаръ добрался до него такъ неожиданно быстро, что не успѣли вывезти не только труповъ, но, по нѣкоторымъ показаніямъ, и многихъ раненыхъ. На слѣдующій день были зарегистрованы оффиціально похороны еще болѣе 500 труповъ. Сколько народу было раздавлено и сгорѣло въ развалинахъ дѣловой части города—никогда не будетъ извѣстно. Цѣлые десятки огромныхъ дешевыхъ отелей, ночлежныхъ домовъ и домовъ съ мелкими квартирами—tenement houses—были разрушены до основанія первымъ же толчкомъ, и установлено, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ погибли и сотни постояльцевъ, и вся прислуга. Хотя пожаръ и уничтожилъ эти развалины, повидимому, до тла,—идущій отъ нихъ повсюду сильный трупный запахъ доказываетъ, какихъ открытій можно ожидать, когда приступятъ къ уборкѣ этихъ развалинъ. Тогда какъ число погибшихъ изъ мѣстныхъ жителей и можно будетъ впослѣдствіи установить съ нѣкоторой точностью,—дѣйствительная участь десятковъ тысячъ пріѣзжихъ, которые ночевали въ эту ночь именно въ наиболѣе другихъ разрушенной и почти немедленно сгорѣвшей дѣловой части города, останется навсегда неизвѣстною. Дома объ нихъ будутъ только знать, что они пропали безъ вѣсти,—установить ихъ смерть отъ землетрясенія документально будетъ невозможно,—и такимъ образомъ число погибшихъ въ катастрофѣ 18-го апрѣля въ городѣ Санъ-Франциско не можетъ быть и никогда не будетъ опредѣлено съ какою-либо достовѣрностью. Газеты полны патетическими случаями, въ которыхъ семьи разыскиваютъ пропавшихъ своихъ членовъ.

Также гадательными останутся навсегда и дѣйствительные матеріальные убытки. Ихъ пытаются опредѣлить и теперь—кто въ 200, кто въ 300 милліоновъ долларовъ, кто въ полбилліона, а кто и въ цѣлый билліонъ. Уничтожены и придется перестраивать заново — включая и рельсы — почти всѣ трамваи города, всѣ водо- и газопроводныя и сточныя трубы, всѣ проволоки, электрическія, телеграфныя и телефонныя, — а итогъ капитализаціи однѣхъ этихъ компаній далеко превышаетъ сто милліоновъ долларовъ. Городу придется перемостить заново большинство улицъ— такъ безобразно исковеркана ихъ поверхность. Разрушены землетрясеніемъ и затѣмъ сгорѣли 85 церквей разныхъ вѣроисповѣданій, всѣ банки—до 40—и всѣ 16 театровъ. Изъ наиболѣе цѣнныхъ зданій пострадали и сгорѣли: присутственныя мѣста графства и города, стоившія свыше 7 милліоновъ; знаменитый Palace Hotel, стоившій 6 милл.; отели St. Francis, 4½ милл., и Fairmount, 4 милл.; католическій каѳедральный соборъ, 2 м.; дома Флуда, 4 милл.; купеческой биржи, 4 милл., и ювелирный магазинъ Шрива, 2 милл., съ товаромъ на 2 милл. Одни эти 8 зданій стоили 35 милл., не считая ихъ обстановки, которая тоже стоила многихъ милліоновъ. Въ аристократической резиденческой части города, называемой Nob Hill, разрушены и сгорѣли: музей изящныхъ искусствъ Хопкинса, заключавшій въ себѣ многіе неоцѣнимые перлы живописи и ваянія, дворцы Станфорда, Хюнтингтона, обоихъ Крокеровъ, Фэра, Спрэкельса. Одна внутренняя обстановка этихъ дворцовъ стоила многихъ милліоновъ—каждая вещь въ нихъ была рѣдкостью въ томъ или другомъ родѣ. Огромную цѣнность, не считая зданій, имѣли оптовые склады разныхъ товаровъ. Санъ-Франциско былъ главнымъ складочнымъ оптовымъ пунктомъ не только для всего дальняго Запада Америки, но и для многихъ портовъ обоихъ береговъ Тихаго океана. По своимъ денежнымъ оборотамъ онъ былъ шестымъ городомъ Союза, что означало много-билліонные ежегодные коммерческіе обороты, и внутренніе, и внѣшніе,—и запасы товаровъ въ немъ были соотвѣтственные. Слѣдующая ему страховая отъ огня премія вычисляется въ суммѣ отъ 200 до 300 милліоновъ долларовъ; но, во-первыхъ, многія сравнительно мелкія страховыя компаніи будутъ присуждены этимъ пожаромъ къ полному банкротству и выплатятъ только центы на долларъ, а во-вторыхъ, благодаря стоявшей здѣсь очень высокой страховой преміи, очень многіе предпочитали страховать свое имущество сами, и потому страховыя деньги покроютъ только незначительную, сравнительно, часть дѣйствительныхъ убытковъ.

Изъ всѣхъ крупныхъ зданій Санъ-Франциско уцѣлѣлъ, и отъ землетрясенія, и отъ пожара, только новый федеральный монетный дворъ, необыкновенно массивная и низкая постройка, занимающая цѣлый отдѣльный кварталъ и потому совершенно-изолированная довольно широкими улицами со всѣхъ четырехъ сторонъ. Улицы эти и примыкающіе къ зданію троттуары совершенно исковерканы и подняты на цѣлыхъ три фута. Въ моментъ землетрясенія въ немъ хранилось разной монеты слишкомъ на 200 милліоновъ долларовъ. Какъ я уже упомянулъ выше, лучшія многоэтажныя зданія новѣйшей конструкціи съ стальными скелетами внутри, около полудюжины изъ нѣсколькихъ десятковъ, пострадали отъ землетрясенія, повидимому, только очень мало, но всѣ безъ исключенія, даже считавшіяся абсолютно огнеупорными, обгорѣли сверху до низу. Подтвердилось то, что уже было доказано страшнымъ пожаромъ дѣловой части города Балтимора, года два тому назадъ,—что огнеупорность недостижима, если зданіе окружено со всѣхъ сторонъ сгораемыми многоэтажными постройками. Жара при такихъ пожарахъ развивается такая, что трескается гранитъ и мраморъ, разсыпается въ пыль цементъ, расплавляются металлы, коверкая все, съ чѣмъ они соприкасаются, плавится стекло и облупливается облицовка. Архитекторы и подрядчики, осматривавшіе пострадавшія отъ толчка и пожара лучшія зданія Санъ-Франциско, утверждаютъ, что нѣкоторыя изъ нихъ можно починить, не разбирая ихъ до основанія,—мнѣ лично кажется, что такое зданіе должно будетъ навсегда остаться болѣе или менѣе опаснымъ, такъ какъ вся его внутренняя связь несомнѣнно разрушена.

Уже въ первый же день стало очевидно, что полмилліона народа осталось безъ крова, одежды, пищи и воды. Вся дѣловая часть города, заключавшая въ себѣ всѣ склады и магазины съѣстныхъ припасовъ и одежды, сгорѣла до тла въ первый же день, и доступа къ ней совсѣмъ не было. Остались только товары немногихъ небольшихъ лавочекъ на окраинахъ, которые были расхватаны до конца еще до полудня. Въ Америкѣ не принято держать въ частныхъ домахъ какіе бы то ни было запасы, такъ какъ все нужное заказывается ежедневно по телефону и доставляется торговцами на домъ безплатно, а катастрофа произошла раннимъ утромъ, прежде чѣмъ съѣстные припасы на день могли быть заказаны. Изъ сгорѣвшихъ резиденческихъ частей не было спасено положительно ничего, такъ какъ многія улицы были въ въ непроѣздномъ состояніи, да и пожаръ свирѣпствовалъ въ десяткахъ мѣстъ сразу, жара развилась невыносимая и многія

мѣстности были физически недоступны уже черезъ два, три часа послѣ землетрясенія, прежде чѣмъ люди успѣли придти въ себя. Извѣстно немало случаевъ, когда люди погибли, возвратившись въ горѣвшія части за чѣмъ-нибудь. Какъ сильно были потрясены умы, ясно изъ одного того, что въ первый же день, несмотря на всеобщій хаосъ, было задержано на улицахъ города 27 лицъ, сошедшихъ окончательно и внезапно съ ума отъ ужасовъ пережитаго. Прежде чѣмъ удалось хоть сколько-нибудь возстановить порядокъ, цѣлыя толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, часто полунагихъ, въ одномъ спальномъ бѣльѣ, или топтались на одномъ мѣстѣ, или безцѣльно стремились то въ ту, то въ другую сторону. Было нѣсколько случаевъ самоубійствъ на улицѣ, на глазахъ толпы. Въ этой паникѣ большинство семей разбилось и растеряло своихъ членовъ, и къ общей агоніи всего положенія присоединялись агонія страха за участь близкихъ и сумятица безплодныхъ поисковъ.

Выбраться изъ города было совершенно невозможно: весь берегъ, къ которому пристаютъ перекрещивающіе заливъ Санъ-Франциско во всѣхъ направленіяхъ паровые перевозы Ферри, былъ въ огнѣ, и только очень немногіе смѣльчаки, посредствомъ многомильныхъ обходовъ загроможденныхъ развалинами улицъ, успѣли въ первый день добраться до берега и такъ или иначе переѣхать заливъ, такъ какъ обычное правильное сообщеніе было совершенно прервано. Единственная желѣзная дорога, идущая изъ города по полуострову на югъ, была совершенно уничтожена отчасти землетрясеніемъ, отчасти пожаромъ, и всякое движеніе на ней остановлено;—оно еще не возстановлено и до настоящей минуты. Когда все это выяснилось,—толпы народа, гонимыя быстро подвигавшимися и на югъ, и на западъ пожарами, инстинктивно обратились къ казавшимся безопасными отъ огня городскимъ паркамъ, главнымъ образомъ къ обширному парку Золотыхъ Воротъ,—и къ ночи въ немъ скопилось свыше трехъ сотъ тысячъ бездомнаго народа, холоднаго, голоднаго и жаждущаго. Ни съѣстныхъ припасовъ, ни воды, ни теплой одежды, ни покрышки не было. Всякій бѣжалъ въ чемъ успѣлъ, многіе въ одной ночной рубашкѣ. Милліонеры и бѣдняки перемѣшались—и тѣ, и другіе были въ совершенно одинаковомъ положеніи, и въ этотъ день, и въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ, деньги въ Санъ-Франциско утратили всякое значеніе. Всѣ оставшіеся въ цѣлости въ предѣлахъ города съѣстные припасы были захвачены властями и распредѣлены поровну между толпой въ паркѣ, но ихъ далеко не хватило и на первый день. Только къ

полудню слѣдующаго дня было сочтено возможнымъ возстановить отчасти пароходное сообщеніе по заливу и удалось болѣе или менѣе очистить для пѣшеходовъ дорогу къ перевозу,—и на третій день толпа потянулась къ нему. Десятки тысячъ перевозились ежедневно—считаютъ, что по сегодняшній день вывезено уже около 225 тысячъ, но около 250 тысячъ отказываются покинуть родной городъ и рѣшили, стоя лагеремъ, дождаться крова въ немъ. Особенно ужасенъ былъ второй день, пока не успѣли провести въ паркъ воду для питья и пока не прибыли съѣстные припасы съ другого берега залива. Такъ какъ всѣ городскіе госпитали сгорѣли, — всѣхъ больныхъ, многія тысячи, пришлось перевезти въ тотъ же паркъ,—было немало смертныхъ случаевъ, родовъ и т. д., прямо въ толпѣ, подъ открытымъ небомъ. Власти, однако, ни разу не потерялись;—съ изумительной быстротой и энергіей, несмотря на наружный хаосъ и общую деморализацію, была проведена вода, устроены санитарныя приспособленія, распредѣлены палатки, водворенъ порядокъ въ раздачѣ съѣстныхъ припасовъ, организована медицинская помощь и т. д. Въ настоящій моментъ, черезъ недѣлю послѣ землетрясенія, въ паркѣ уже возведены цѣлые кварталы временныхъ построекъ, разбиты правильныя улицы палатокъ, устроены госпитали, родильные пріюты, вообще царствуетъ образцовый порядокъ, и лагерный городъ живетъ правильно организованной жизнью, безъ особыхъ лишеній.

Ужасу положенія этой несчастной толпы съ разбитыми на вѣкъ нервами немало способствовали въ первое время неизвѣстно откуда появившіеся слухи о томъ, что разрушено все тихоокеанское побережье, что городъ Лосъ-Анжелесъ на югѣ поглощенъ нахлынувшимъ на него океаномъ, а городъ Портлэндъ и Сіэттль на сѣверѣ разрушены до основанія, такъ что скорой помощи ждать неоткуда.

Землетрясеніе разрушило оба телеграфныя зданія въ городѣ, порвало всѣ кабели и всѣ проволоки. Какимъ-то чудомъ одна изъ нихъ уцѣлѣла на короткое время, и по ней-то весь Союзъ узналъ о постигшей городъ катастрофѣ. Во всѣхъ городахъ газеты немедленно выпустили экстры, и затѣмъ, въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ дней, выпускали бюллетени каждый часъ до поздней ночи. Ушло нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ выяснился болѣе или менѣе весь гигантскій размѣръ несчастія, прежде чѣмъ было оффиціально установлено телеграммами губернатора Калифорніи Парди, что полмилліона народа осталось, буквально, безъ крова, пищи и одежды—и въ такомъ изолированномъ углу Союза, отъ котораго ближайшіе сколько-нибудь значительные склады от-

стоятъ на 500 и тысячу миль. Но уже къ полудню перваго же дня, буквально, весь Союзъ организовался для помощи разрушенному городу Санъ-Франциско. Мѣстная дѣятельность и работа вездѣ остановилась—школы были распущены, и весь народъ взялся за работу сбора пожертвованій. Губернаторы двадцати штатовъ и мэйоры многихъ сотенъ городовъ телеграфировали Пардди, спрашивая, что именно нужнѣе всего, и уже къ шести часамъ вечера перваго же дня до 15-ти спеціальныхъ поѣздовъ летѣли по курьерскимъ росписаніямъ съ разныхъ концовъ Союза, нагруженные съѣстными припасами, одеждой, одѣялами, палатками, медицинскими принадлежностями. Нашъ городъ, Лосъ-Анжелесъ, въ первый же день нагрузилъ и отправилъ два спеціальныхъ парохода и 5 спеціальныхъ поѣздовъ, уже на другой день утромъ прибывшихъ къ берегамъ залива Санъ-Франциско. Въ первый же день было зарегистровано пожертвованій на пять милліоновъ долларовъ наличными, да, вѣроятно, припасовъ на такую же сумму. На третій день итогъ пожертвованныхъ наличныхъ денегъ дошелъ до 16 милліоновъ, и совершенно невозможно предвидѣть, на чемъ онъ остановится. Всѣ желѣзныя дороги везутъ всѣ пожертвованія безплатно и увозятъ народъ изъ Санъ-Франциско по желанію назначенія тоже даромъ. Число вагоновъ съ пожертвованными припасами всякаго рода давно перевалило за тысячу. Несмотря на дальность разстоянія, на разстройство телеграфа и желѣзныхъ дорогъ въ окрестностяхъ залива, всѣ препятствія были преодолѣны, и уже на слѣдующій по землетрясеніи день продовольствіе и снабженіе Санъ Франциско были вполнѣ обезпечены. Я не знаю болѣе блестящаго примѣра—какъ удивительныхъ способностей американскаго народа къ организаціи, къ достиженію цѣли, несмотря, повидимому, на непреодолимыя препятствія,—такъ и замѣчательной эффективности и практичности всѣхъ американскихъ жизненныхъ методовъ и приспособленій. Было засвидѣтельствовано неопровержимымъ образомъ, что уже на второй день къ вечеру въ Санъ-Франциско не было ни одной голодной души, и весь сложный, организованный только за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, механизмъ комитетовъ помощи какъ по всему Союзу, такъ и на берегахъ залива Санъ-Франциско, работалъ безъ малѣйшей заминки, вполнѣ отвѣчая всѣмъ возникшимъ такъ внезапно гигантскимъ потребностямъ и чутко и немедленно отзываясь на нихъ до послѣдней мелочи. Необходимо имѣть въ виду, что въ новѣйшей исторіи это первый случай полнаго и мгновеннаго разрушенія современнаго большого города съ полумилліоннымъ населеніемъ, притомъ города, изоли-

рованнаго громадными разстояніями отъ всѣхъ другихъ центровъ, что не было никакихъ прецедентовъ, и что вышеупомянутый механизмъ былъ, слѣдовательно, во всѣхъ отношеніяхъ чисто импровизаціей минуты.

Трагическая судьба такого гиганта, какъ Санъ-Франциско, на время совершенно заслонила собой гибель многихъ окружающихъ его городовъ, гибель столь же полную и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопровождавшуюся ужаснѣйшей потерей жизни. Совершенно разрушенъ и частію сгорѣлъ городъ Санъ-Хозе, съ тридцатью тысячами жителей, расположенный въ 50 миляхъ на югъ отъ Санъ-Франциско, въ центрѣ богатѣйшей земледѣльческой мѣстности. Въ немъ убито землетрясеніемъ до ста душъ, и матеріальные убытки простираются до двадцати милліоновъ долларовъ. Разрушенъ штатный домъ умалишенныхъ въ мѣстечкѣ Агнюсъ, причемъ былъ раздавленъ до смерти весь медицинскій персоналъ и свыше ста больныхъ и ранено болѣе или менѣе тяжело около 150, а изъ оставшихся нетронутыми большинство разбѣжалось по окрестностямъ. Разрушены болѣе или менѣе всѣ зданія знаменитаго университета Станфорда, причемъ убито и ранено нѣсколько студентовъ, а убытки вычисляются въ семь милліоновъ долларовъ. Больше всѣхъ другихъ, относительно, пострадалъ городъ Санта-Роза, съ десятью тысячами жителей, расположенный въ ста миляхъ на сѣверъ отъ Санъ-Франциско. Въ немъ первый толчокъ землетрясенія былъ особенно силенъ и, буквально, не оставилъ камня на камнѣ. Раздавлено до смерти свыше ста душъ, а убытки вычисляются въ десять милліоновъ долларовъ. Въ горахъ Санта-Круцъ съѣхала въ долину цѣлая гора, заваливъ на пятьсотъ футовъ въ глубину большую лѣсопильню со всѣмъ ея населеніемъ. Въ городѣ Вотсонвиллѣ совершенно разрушенъ огромный, только-что отстроенный свекловично-сахарный заводъ, стоившій три милліона. Буквально, сметенъ съ лица земли лѣсопильный городокъ Фортъ-Брагъ, съ пятитысячнымъ населеніемъ. Разрушены города Салинасъ, Браулей, Гильрой и многіе другіе. Повреждены болѣе или менѣе всѣ желѣзныя дороги; разрушены мосты, водокачалки; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опустились въ болота цѣлыя мили пути. Число смертныхъ случаевъ отъ землетрясенія внѣ города Санъ-Франциско превышаетъ 500, а матеріальные убытки достигнутъ ста милліоновъ долларовъ.

Я пишу настоящія строки какъ разъ черезъ недѣлю послѣ землетрясенія 18-го апрѣля, когда уже болѣе или менѣе выяснились главнѣйшіе его результаты и подъ впечатлѣніемъ новаго

сильнаго толчка, только-что опять встряхнувшаго развалины Санъ-Франциско, повредившаго оставшіяся постройки и вызвавшаго новые смертные случаи.

Прямые и косвенные убытки отъ катастрофы такъ громадны, что очень остро отозвались на всей дѣловой жизни Союза. Банки во всемъ районѣ землетрясенія все еще не открыты, такъ какъ опасаются денежной паники. Всѣ бумаги на нью-іоркской биржѣ серьезно упали. Десятки тысячъ состоятельныхъ людей и сотни милліонеровъ обратились въ нищихъ. Уничтожены всѣ приспособленія для громадной торговли, и транзитной съ Европой и всѣмъ міромъ, и самостоятельной внутренней, импортной и экспортной. Должны пройти цѣлые года, прежде чѣмъ всѣ сложныя отправленія такого важнаго центра и порта могутъ быть возстановлены. Американскія энергія и предпріимчивость, конечно, справились бы со всѣмъ этимъ быстро и удовлетворительно, еслибъ ихъ не парализовалъ страхъ за будущее. Вліяніе ужаса землетрясенія на человѣческій умъ—совершенно исключительное. Описать это вліяніе я не берусь—нужно лично бесѣдовать съ испытавшими его людьми, дабы быть въ состояніи вполнѣ оцѣнить его силу и значеніе. Я думаю, что городу Санъ-Франциско придется перемѣнить громадное большинство своего дѣлового персонала — у пережившихъ землетрясеніе людей нервы окажутся слишкомъ разбитыми для предстоящей имъ гигантской работы. Надъ ихъ энергіей будетъ вѣчно висѣть Дамокловъ мечъ возможнаго повторенія пережитыхъ ужасовъ и страданій. Этотъ страхъ чувствуется теперь осязательно во всемъ, виситъ страшнымъ гнётомъ надъ душой; скоро ли и насколько его удастся преодолѣть—покажетъ только будущее.

П. А. Тверской.

13/26-го апрѣля 1906 г.
г. Лосъ Анжелесъ, Калифорнія.

ОТКРЫТІЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
И НАЧАЛО ЕЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

I.

Тронная рѣчь Государя Императора.

27-го сего апрѣля послѣдовалъ Высочайшій выходъ въ Зимнемъ Дворцѣ по случаю открытія новыхъ законодательныхъ учрежденій.

Послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго въ Георгіевскомъ Тронномъ залѣ въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Особъ Императорской Фамиліи, Государственнаго Совѣта, Государственной Думы, Правительствующаго Сената и высшихъ чиновъ Имперіи, Его Императорское Величество изволилъ обратиться къ Государственной Думѣ съ слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ („Правит. Вѣстн.“, № 94):

„Всевышнимъ Промысломъ врученное Мнѣ попеченіе о благѣ Отечества побудило Меня призвать къ содѣйствію въ законодательной работѣ выборныхъ отъ народа.

„Съ пламенной вѣрой въ свѣтлое будущее Россіи Я привѣтствую въ лицѣ вашемъ тѣхъ лучшихъ людей, которыхъ Я повелѣлъ возлюбленнымъ Моимъ подданнымъ выбрать отъ себя.

„Трудная и сложная работа предстоитъ вамъ. Вѣрю, что любовь къ Родинѣ, горячее желаніе послужить ей воодушевятъ и сплотятъ васъ.

„Я же буду охранять непоколебимыми установленія, Мною дарованныя, съ твердой увѣренностью, что вы отдадите всѣ свои силы на самоотверженное служеніе Отечеству для выясненія нуждъ столь

близкаго Моему сердцу крестьянства, просвѣщенія народа и развитія его благосостоянія, памятуя, что для духовнаго величія и благоденствія Государства необходима не одна свобода, необходимъ порядокъ на основѣ права.

„Да исполнятся горячія Мои желанія видѣть народъ Мой счастливымъ и передать Сыну Моему въ наслѣдіе Государство крѣпкое, благоустроенное и просвѣщенное.

„Господь да благословитъ труды, предстоящіе Мнѣ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою, и да знаменуется день сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго облика Земли Русской, днемъ возрожденія ея лучшихъ силъ.

„Приступите съ благоговѣніемъ къ работѣ, на которую Я васъ призвалъ, и оправдайте достойно довѣріе Царя и народа.

„Богъ въ помощь Мнѣ и вамъ".

II.

Отвѣтъ Государственной Думы на тронную рѣчь, 5-го мая.

„Ваше Императорское Величество.

„Вашему Величеству благоугодно было въ рѣчи, обращенной къ представителямъ народа, заявить о рѣшимости Вашей охранять непоколебимыми установленія, коими народъ призванъ осуществлять законодательную власть въ единеніи со своимъ Монархомъ. Государственная Дума видитъ въ этомъ торжественномъ обѣщаніи Монарха, данномъ народу, прочный залогъ укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія порядка законодательства, соотвѣтствующаго строго конституціоннымъ началамъ. Государственная Дума съ своей стороны приложитъ усилія къ усовершенствованію началъ народнаго представительства и внесетъ на утвержденіе Вашего Величества законъ о народномъ представительствѣ, основанный, согласно единодушно проявляющейся волѣ народа, на началахъ всеобщаго избирательнаго права.

„Призывъ Вашего Императорскаго Величества къ сплоченію въ работѣ на пользу родины находитъ живой откликъ въ сердцахъ всѣхъ членовъ Государственной Думы. Государственная Дума, имѣя въ своемъ составѣ представителей всѣхъ классовъ и всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, объединена общимъ горячимъ стремленіемъ обновить Россію и создать въ ней государственный порядокъ, основанный на мирномъ сожитіи всѣхъ классовъ и народностей и на прочныхъ устояхъ гражданской свободы.

„Но Государственная Дума пріемлетъ долгъ указать, что условія, въ которыхъ живетъ страна, дѣлаютъ невозможной истинно плодотворную работу, направленную къ возрожденію лучшихъ силъ страны.

„Страна сознала, что главною язвою всей нашей государственной жизни является самовластіе чиновниковъ, отдѣляющихъ Царя отъ народа. И, охваченная единодушнымъ порывомъ, страна громко заявила, что обновленіе жизни возможно лишь на основѣ свободы, самодѣятельности и участія самого народа въ осуществленіи власти законодательной и въ контролѣ надъ властью исполнительною. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было въ манифестѣ 17 октября 1905 г. возвѣстить съ высоты Престола твердую рѣшимость положить эти именно начала въ основу дальнѣйшаго устроенія судебъ земли русской. И весь народъ единодушнымъ кликомъ восторга встрѣтилъ эту вѣсть.

„Однако уже первые дни свободы омрачились тяжелыми испытаніями, въ которыя ввергли страну тѣ, кто, все еще преграждая народу путь къ Царю и попирая всѣ основы Высочайшаго манифеста 17 октября, покрыли страну позоромъ безсудныхъ казней, погромовъ, разстрѣловъ и заточеній.

„И слѣдъ отъ этихъ дѣйствій администраціи за послѣдніе мѣсяцы такъ глубоко осѣлъ въ душѣ народа, что никакое умиротвореніе страны невозможно дотолѣ, доколѣ не станетъ ясно народу, что отнынѣ не дано властямъ творить насилія, прикрываясь Именемъ Вашего Императорскаго Величества, доколѣ всѣ министры не будутъ отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ и сообразно съ этимъ не будетъ обновлена администрація на всѣхъ ступеняхъ государственной службы.

„Государь, только перенесеніе отвѣтственности передъ народомъ на министерство можетъ укоренить въ умахъ мысль о полной безотвѣтственности Монарха; только министерство, пользующееся довѣріемъ большинства Думы, можетъ укрѣпить довѣріе къ правительству, и лишь при такомъ довѣріи возможна спокойная и правильная работа Государственной Думы. Но прежде всего необходимо освободить Россію отъ дѣйствія тѣхъ чрезвычайныхъ законовъ,—усиленной и чрезвычайной охраны и военнаго положенія,—подъ прикрытіемъ которыхъ особенно развилось и продолжаетъ проявляться самовластіе безотвѣтственныхъ чиновниковъ.

„Рядомъ съ укорененіемъ начала отвѣтственности администраціи передъ избранниками народа, для плодотворной дѣятельности Государственной Думы необходимо опредѣленное проведеніе основного начала истиннаго народнаго представительства, состоящаго въ томъ, что только единеніе Монарха съ народомъ является источникомъ за-

конодательной власти. Поэтому всѣ средостѣнія между Верховною Властью и народомъ должны быть устранены. Не можетъ также быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народнаго представительства въ единеніи съ Монархомъ. Государственная Дума считаетъ долгомъ совѣсти заявить Вашему Императорскому Величеству отъ имени народа, что весь народъ только тогда съ истинною силою и воодушевленіемъ, съ истинною вѣрою въ близкое преуспѣяніе родины будетъ выполнять творческое дѣло обновленія жизни, когда между нимъ и Престоломъ не будетъ стоять Государственный Совѣтъ, составленный изъ назначенныхъ сановниковъ и выборныхъ отъ высшихъ классовъ населенія, когда установленіе и взиманіе налоговъ и податей будетъ подчинено волѣ народнаго представительства и когда никакими особыми узаконеніями не будетъ положенъ предѣлъ законодательной компетенціи народнаго представительства. Государственная Дума считаетъ также несовмѣстнымъ съ жизненными интересами народа, чтобы какой-нибудь законопроектъ, налагающій денежныя тягости на населеніе, разъ онъ принятъ Думой, подлежалъ измѣненію со стороны учрежденія, не представляющаго собою массъ плательщиковъ налоговъ.

„Въ области предстоящей законодательной дѣятельности Государственная Дума, исполняя долгъ, опредѣленно возложенный на нее народомъ, почитаетъ неотложно необходимымъ обезпечить страну точнымъ закономъ о неприкосновенности личности, свободѣ совѣсти, свободѣ слова и печати, свободѣ союзовъ, собраній и стачекъ, —убѣжденная въ томъ, что безъ точнаго установленія и строгаго проведенія этихъ началъ, заложенныхъ уже въ манифестѣ 17 октября, никакая реформа общественныхъ отношеній неосуществима. Дума считаетъ также необходимымъ обезпечить за гражданами право обращаться съ петиціями къ народному представительству.

„Государственная Дума исходитъ, далѣе, изъ непреклоннаго убѣжденія, что ни свобода, ни порядокъ, основанный на правѣ, не могутъ быть прочно укрѣплены безъ установленія общаго начала равенства всѣхъ безъ исключенія гражданъ передъ закономъ. И потому Государственная Дума выработаетъ законъ о полномъ уравненіи въ правахъ всѣхъ гражданъ, съ отмѣною всѣхъ ограниченій и привилегій, обусловленныхъ сословіемъ, національностью, религіею или поломъ. Стремясь къ освобожденію страны отъ связывающихъ ее путъ административной опеки и предоставляя ограниченіе свободы гражданъ единственно лишь независимой судебной власти, Государственная Дума считаетъ, однако, недопустимымъ примѣненіе даже и по судебному приговору наказанія смертью. Смертная казнь никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть назначаема. Государственная Дума

считаетъ себя въ правѣ заявить, что она явится выразительницею единодушнаго стремленія всего населенія въ тотъ день, когда постановитъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни навсегда. Въ предвидѣніи этого закона страна ждетъ пріостановленія нынѣ же Вашею, Государь, властью исполненія всѣхъ смертныхъ приговоровъ.

„Выясненіе нуждъ сельскаго населенія и принятіе соотвѣтствующихъ законодательныхъ мѣръ составитъ ближайшую задачу Государственной Думы. Наиболѣе многочисленная часть населенія страны—трудовое крестьянство—съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды, и первая русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, еслибы она не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ.

„Государственная Дума считаетъ также необходимымъ выработать законы, утверждающіе равноправіе крестьянъ и снимающіе съ нихъ гнетъ произвола и опеки. Государственная Дума признаетъ столь же неотложнымъ удовлетвореніе нуждъ рабочаго класса путемъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ охранѣ наемнаго труда. Первымъ шагомъ на этомъ пути должно явиться обезпеченіе наемнымъ рабочимъ во всѣхъ отрасляхъ труда свободы организаціи и самодѣятельности для поднятія своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія.

„Государственная Дума сочтетъ также долгомъ употребить всѣ усилія для поднятія народнаго просвѣщенія и прежде всего озаботится выработкой закона о всеобщемъ безплатномъ обученіи.

„Рядомъ съ этими мѣрами Дума обратитъ особое вниманіе на справедливое распредѣленіе налоговой тяготы, неправильно лежащей нынѣ на болѣе бѣдныхъ классахъ населенія, и на цѣлесообразное употребленіе государственныхъ средствъ.

„Не менѣе существеннымъ законодательнымъ трудомъ явится коренное преобразованіе мѣстнаго управленія и самоуправленія, съ привлеченіемъ къ равному участію въ послѣднемъ всего населенія на началахъ всеобщаго избирательнаго права. Памятуя о тяжкомъ бремени, которое народъ несетъ въ арміи и флотѣ Вашего Величества, Государственная Дума озаботится укрѣпленіемъ въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права.

„Государственная Дума считаетъ, наконецъ, необходимымъ указать въ числѣ неотложныхъ задачъ своихъ и разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи давно назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей. Россія представляетъ государство, населенное многоразличными

племенами и народностями. Духовное объединеніе всѣхъ этихъ племенъ и народностей возможно только при удовлетвореніи потребности каждаго изъ нихъ сохранять и развивать своеобразіе въ отдѣльныхъ сторонахъ быта. Государственная Дума озаботится широкимъ удовлетвореніемъ этихъ справедливыхъ нуждъ.

„Ваше Императорское Величество! Въ преддверіи всякой нашей работы стоитъ одинъ вопросъ, волнующій душу всего народа, волнующій насъ, избранниковъ народа, лишающій насъ возможности спокойно приступить къ первымъ шагамъ нашей законодательной дѣятельности. Первое слово, прозвучавшее въ стѣнахъ Государственной Думы, встрѣченное кликами сочувствія всей Думы, было слово—амнистія. Страна жаждетъ амнистіи, распространенной на всѣ, предусмотрѣнныя уголовнымъ закономъ дѣянія, вытекавшія изъ побужденій религіозныхъ или политическихъ, а также на всѣ аграрныя правонарушенія.

„Есть требованія народной совѣсти, въ которыхъ нельзя отказывать, съ исполненіемъ которыхъ нельзя медлить. Государь! Дума ждетъ отъ Васъ полной политической амнистіи, какъ перваго залога взаимнаго пониманія и взаимнаго согласія между Царемъ и народомъ“.

III.

Заявленіе Предсѣдателя Совѣта Министровъ.

13-го мая, Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ сдѣлано было Государственной Думѣ отъ лица Совѣта Министровъ нижеслѣдующее заявленіе:

„Совѣтъ Министровъ, разсмотрѣвъ переданный ему Его Императорскимъ Величествомъ адресъ Государственной Думы на привѣтственное слово, съ коимъ Государю Императору благоугодно было обратиться къ Государственному Совѣту и къ Государственной Думѣ, принялъ во вниманіе, что высказанныя въ этомъ адресѣ пожеланія и предположенія касаются одни—предметовъ законодательства, а другія—порядка государственнаго управленія.

„Полагая въ основу своей дѣятельности соблюденіе строгой законности и обсудивъ, въ связи съ этимъ началомъ, высказанныя Государственной Думой соображенія, Правительство выражаетъ прежде всего готовность оказать полное содѣйствіе разработкѣ тѣхъ вопросовъ, возбужденныхъ Государственной Думой, которые не выходятъ изъ предѣловъ предоставленнаго ей законодательнаго почина.

„Такое содѣйствіе, вполнѣ отвѣчающее обязанности Правительства разъяснить Государственной Думѣ свои взгляды по существу

этихъ вопросовъ и отстаивать свои предположенія по каждому изъ нихъ, оно окажетъ и въ вопросѣ объ измѣненіи избирательнаго права, хотя съ своей стороны и не считаетъ этого вопроса подлежащимъ немедленному обсужденію, такъ какъ Государственная Дума только еще приступаетъ къ своей законодательной дѣятельности, а потому и не успѣла выясниться потребность въ измѣненіи способа ея составленія.

„Съ особливымъ вниманіемъ относится Совѣтъ Министровъ къ возбужденнымъ Государственною Думою вопросамъ о незамедлительномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ сельскаго населенія и изданіи закона, утверждающаго равноправіе крестьянъ съ лицами прочихъ сословій, объ удовлетвореніи нуждъ рабочаго класса, о выработкѣ закона о всеобщемъ начальномъ образованіи, объ изысканіи возможныхъ способовъ къ вящшему привлеченію къ тягостямъ налоговъ болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія и о преобразованіи мѣстнаго управленія и самоуправленія, съ принятіемъ въ соображеніе особенностей окраинъ.

„Не меньшее значеніе придаетъ Совѣтъ Министровъ и отмѣченному Государственною Думою вопросу объ изданіи новаго закона, обезпечивающаго неприкосновенность личности, свободу совѣсти, слова и печати, собраній и союзовъ, вмѣсто дѣйствующихъ нынѣ временныхъ правилъ, замѣна коихъ правилами постоянными, выработанными во вновь установленномъ законодательномъ порядкѣ, предусмотрѣна была при самомъ ихъ изданіи. При этомъ Совѣтъ Министровъ почитаетъ, однако, необходимымъ оговорить, что при выполненіи этой законодательной работы необходимо вооружить административную власть дѣйствительными способами къ тому, чтобы и при дѣйствіи законовъ, разсчитанныхъ на мирное теченіе государственной жизни, Правительство могло предотвращать злоупотребленія дарованными свободами и противодѣйствовать посягательствамъ, угрожающимъ обществу и государству.

„Относительно разрѣшенія земельнаго крестьянскаго вопроса путемъ указаннаго Государственною Думою обращенія на этотъ предметъ земель удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ, къ которымъ принадлежатъ и земли крестьянъ собственниковъ, пріобрѣвшихъ ихъ покупкою, Совѣтъ Министровъ считаетъ своею обязанностью заявить, что разрѣшеніе этого вопроса на предположенныхъ Государственною Думою основаніяхъ безусловно недопустимо. Государственная власть не можетъ признавать права собственности на земли за одними и въ то же время отнимать это право у другихъ. Не можетъ Государственная власть и отрицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на

всякое иное имущество. Начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности является, во всемъ мірѣ и на всѣхъ ступеняхъ развитія гражданской жизни, краеугольнымъ камнемъ народнаго благосостоянія и общественнаго развитія, кореннымъ устоемъ государственнаго бытія, безъ коего немыслимо и самое существованіе государства. Не вызывается предположенная мѣра и существомъ дѣла. При обширныхъ и далеко не исчерпанныхъ средствахъ, находящихся въ распоряженіи государства, и при широкомъ примѣненіи всѣхъ законныхъ къ тому способовъ, земельный вопросъ несомнѣнно можетъ быть успѣшно разрѣшенъ безъ разложенія самаго основанія нашей государственности и подтачиванія жизненныхъ силъ нашего Отечества.

„Остальныя, включенныя въ адресъ Государственной Думы, предположенія законодательнаго свойства сводятся къ установленію отвѣтственности передъ народнымъ представительствомъ министровъ, пользующихся довѣріемъ большинства Думы, упраздненію Государственнаго Совѣта и устраненію установленныхъ особыми узаконеніями предѣловъ законодательной дѣятельности Государственной Думы. На этихъ предположеніяхъ Совѣтъ Министровъ не считаетъ себя въ правѣ останавливаться; они касаются коренного измѣненія основныхъ государственныхъ законовъ, не подлежащихъ по силѣ оныхъ пересмотру по почину Государственной Думы.

„Наконецъ, что касается заботъ Государственной Думы объ укрѣпленіи въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права, то въ этомъ отношеніи Правительство заявляетъ, что въ войскахъ Его Императорскаго Величества начала эти съ давнихъ поръ установлены на незыблемыхъ основаніяхъ. Нынѣ же заботы Державнаго Вождя вооруженныхъ силъ Имперіи направлены, какъ это явствуетъ изъ послѣднихъ по сему предмету мѣропріятій, къ улучшенію матеріальнаго быта всѣхъ чиновъ арміи и флота. Изыскать средства, необходимыя для болѣе широкаго осуществленія этихъ мѣропріятій, составитъ одну изъ главныхъ задачъ Государственной власти и вновь установленныхъ законодательныхъ учрежденій.

„Обращаясь ко второй группѣ выраженныхъ Государственною Думою пожеланій—объ устраненіи дѣйствія исключительныхъ законовъ и произвола отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, Совѣтъ Министровъ находитъ, что они относятся всецѣло къ области государственнаго управленія. Въ этой области полномочія Государственной Думы заключаются въ правѣ запроса Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями по поводу незакономѣрныхъ дѣйствій, послѣдовавшихъ со стороны ихъ самихъ или подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій. Независимо отъ сего водвореніе въ нашемъ Отечествѣ строгой законности на началахъ порядка и права составляетъ особую

заботу Правительства, которое и не преминетъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣйствія отдѣльныхъ правительственныхъ органовъ были постоянно проникнуты тѣмъ же стремленіемъ.

„Отмѣченная Государственной Думой неудовлетворительность исключительныхъ законовъ, направленныхъ къ обезпеченію порядка и спокойствія въ случаяхъ чрезвычайныхъ, сознается и самимъ Правительствомъ. Разработка взамѣнъ ихъ новыхъ, болѣе совершенныхъ, производится въ подлежащихъ вѣдомствахъ. Если, не взирая на неудовлетворительность этихъ законовъ, дѣйствіе ихъ за послѣднее время было, тѣмъ не менѣе, распространяемо на многія мѣстности, то причина къ тому коренится исключительно въ непрекращающихся и понынѣ повседневныхъ убійствахъ, грабежахъ и возмутительныхъ насиліяхъ. Основную обязанность Государственной власти составляетъ охраненіе жизни и имущества мирныхъ обывателей. Совѣтъ Министровъ, въ сознаніи всей тяжести лежащей на немъ въ семъ отношеніи отвѣтственности передъ страной, заявляетъ, что, доколѣ указанныя проявленія охватившей страну смуты не прекратятся и въ распоряженіе Правительственной власти не будутъ предоставлены вновь изданными законами дѣйствительныя средства борьбы съ беззаконіемъ и нарушеніемъ основныхъ началъ общественной и личной безопасности,—Правительство вынуждено и впредь ограждать ее всѣми существующими нынѣ законными способами.

„Общая политическая амнистія, ходатайство о коей заявлено Государственной Думой, заключаетъ, съ одной стороны, помилованіе приговоренныхъ по суду, а съ другой—освобожденіе отъ мѣръ административнаго взысканія лицъ, подвергнутыхъ имъ въ порядкѣ положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, и военнаго положенія. Помилованіе приговоренныхъ по суду, какого бы свойства ни были совершенныя ими преступныя дѣянія, составляетъ прерогативу Верховной Власти, отъ которой единственно и всецѣло зависитъ признать Царскую милость къ впавшимъ въ преступленія соотвѣтствующей благу общему. Совѣтъ Министровъ, съ своей стороны, находитъ, что этому благу не отвѣчало бы, въ настоящее смутное время, помилованіе преступниковъ, участвовавшихъ въ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ.

„Что же касается лицъ, лишенныхъ свободы въ порядкѣ административномъ, то Совѣтомъ Министровъ приняты мѣры къ самому тщательному пересмотру состоявшихся въ этомъ порядкѣ постановленій для освобожденія всѣхъ тѣхъ лицъ, предоставленіе коимъ свободы не угрожаетъ общественной безопасности, ежедневно нарушаемой преступными на нее посягательствами.

„Независимо отъ приведенныхъ выше соображеній по содержанію

адреса Государственной Думы, Совѣтъ Министровъ находитъ нужнымъ нынѣ же намѣтить, въ общихъ чертахъ, свои ближайшія предположенія въ области законодательства.

„Сила Русскаго Государства зиждется прежде всего на силѣ земледѣльческаго населенія. Благосостояніе нашего Отечества не достижимо, пока не обезпечены необходимыя условія успѣха и процвѣтанія земледѣльческаго труда, который составляетъ основу всей нашей экономической жизни. Почитая поэтому крестьянскій вопросъ—въ виду его всеобъемлющаго государственнаго значенія—наиболѣе важнымъ изъ подлежащихъ нынѣ разрѣшенію, Совѣтъ Министровъ признаетъ, что въ соотвѣтствіи съ этою важностью требуется и особливая заботливость и осторожность въ изысканіи путей и способовъ для его разрѣшенія. Осторожность въ этомъ дѣлѣ необходима и во избѣжаніе рѣзкихъ потрясеній исторически своеобразно сложившагося крестьянскаго быта. Однако, по мнѣнію Совѣта, послѣдовавшее преобразованіе нашего государственнаго строя, съ предоставленіемъ выборнымъ отъ крестьянскаго населенія участія въ законодательной дѣятельности, предопредѣляетъ главныя основанія предстоящей крестьянской реформы. При этихъ условіяхъ сословная обособленность крестьянъ должна уступить мѣсто объединенію ихъ съ другими сословіями въ отношеніи гражданскаго правопорядка, управленія и суда. Должны также отпасть всѣ тѣ ограниченія права собственности на надѣльныя земли, которыя были установлены для обезпеченія исправнаго погашенія выкупного долга.

„Уравненіе крестьянъ въ ихъ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ прочими сословіями отнюдь не должно лишить Государственную власть права и обязанности выказывать особую заботливость къ нуждамъ земледѣльческаго крестьянства. Мѣропріятія въ этой области должны быть направлены какъ къ улучшенію условій крестьянскаго землепользованія въ его существующихъ границахъ, такъ и къ увеличенію площади землевладѣнія малоземельной части населенія за счетъ свободныхъ казенныхъ земель и пріобрѣтеніемъ частновладѣльческихъ земель при содѣйствіи Крестьянскаго поземельнаго банка.

„Предстоящее въ семъ отношеніи для государства поле дѣятельности обширно и плодотворно. Подъемъ сельско-хозяйственнаго промысла, находящагося нынѣ на весьма низкой ступени развитія, увеличитъ размѣры производства страны и тѣмъ возвыситъ уровень общаго благосостоянія. Громадныя пространства пригодной для обработки земли нынѣ пустуютъ въ азіатскихъ владѣніяхъ Имперіи. Развитіе переселенческаго дѣла составитъ въ виду этого одну изъ первѣйшихъ заботъ Совѣта Министровъ.

„Сознавая неотложность поднятія умственнаго и нравственнаго

уровня массъ населенія развитіемъ его просвѣщенія, Правительство изготовляетъ, соотвѣтствующія выраженнымъ по сему предмету Государственною Думою пожеланіямъ, предположенія о всеобщемъ начальномъ образованіи съ широкимъ привлеченіемъ къ дѣлу народнаго обученія общественныхъ силъ. Озабочиваясь кромѣ того правильной постановкой средняго и высшаго образованія, Совѣтъ Министровъ внесетъ въ ближайшемъ будущемъ на разсмотрѣніе Государственной Думы проектъ преобразованія средней школы, открывающаго просторъ для общественнаго и частнаго въ этой области почина, а равно проектъ реформы высшихъ учебныхъ заведеній, построенной на началахъ самоуправленія.

„Проникнутый убѣжденіемъ, что провозглашенное Государемъ Императоромъ обновленіе нравственнаго облика Земли Русской немыслимо безъ водворенія въ странѣ истинныхъ началъ законности и порядка, Совѣтъ Министровъ выдвигаетъ въ первую же очередь вопросъ о мѣстномъ судѣ и устройствѣ его на такихъ основаніяхъ, при коихъ достигалось бы приближеніе суда къ населенію, упрощеніе судебной организаціи, а также ускореніе и удешевленіе судебнаго производства.

„Одновременно съ выработаннымъ проектомъ мѣстнаго судоустройства, Совѣтъ Министровъ внесетъ въ Государственную Думу проекты измѣненія дѣйствующихъ правилъ относительно гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ. Проекты эти исходятъ изъ той мысли, что сознаніе святости и ненарушимости закона можетъ укорениться въ населеніи только наряду съ увѣренностью въ невозможности безнаказаннаго нарушенія закона не только со стороны обывателей, но и представителей власти.

„Стремясь, засимъ, къ достиженію возможно полной уравнительности въ дѣлѣ распредѣленія налогового бремени, совѣтъ министровъ предполагаетъ внести на уваженіе законодательной власти проектъ о подоходномъ налогѣ, объ измѣненіи положенія о пошлинахъ съ наслѣдствъ и о крѣпостныхъ пошлинахъ и о пересмотрѣ нѣкоторыхъ видовъ косвенныхъ налоговъ.

„Наконецъ, въ ряду изготовленныхъ законопроектовъ, совѣтъ министровъ считаетъ нужнымъ упомянуть еще о проектѣ преобразованія паспортнаго устава, предполагающаго отмѣну нынѣшнихъ паспортовъ и видовъ на жительство.

„Въ заключеніе совѣтъ министровъ считаетъ долгомъ заявить, что, сознавая первостепенное значеніе мѣръ, направленныхъ къ обновленію нашего законодательства на началахъ Высочайшаго манифеста 17-го октября 1905 года, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуто убѣжденіемъ, что могущество государства, его внѣшняя крѣпость и внутренняя сила неизмѣнно покоятся на закономѣрной, но твердой и

дѣятельной исполнительной власти. Подобную власть Правительство намѣрено неуклонно проявлять, въ сознаніи лежащей на немъ отвѣтственности за сохраненіе общественнаго порядка передъ Монархомъ и русскимъ народомъ. Совѣтъ Министровъ питаетъ увѣренность, что Государственная Дума, въ убѣжденіи, что мирное преуспѣяніе Россійскаго государства зависитъ отъ разумнаго сочетанія свободы и порядка, своей спокойной созидательной работой поможетъ ему внести столь необходимое для страны успокоеніе во всѣ слои населенія".

IV.

Отвѣтъ Государственной Думы.

Въ томъ же засѣданіи 13-го мая, Государственная Дума отвѣтила на вышеприведенное заявленіе отъ лица Совѣта Министровъ слѣдующею резолюціею:

„Усматривая въ выслушанномъ заявленіи Предсѣдателя Совѣта министровъ рѣшительное указаніе на то, что правительство совершенно не желаетъ удовлетворить народныя требованія и ожиданія земли, правъ и свободы, которыя были изложены Государственною Думою въ ея отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, и безъ удовлетворенія которыхъ невозможны спокойствіе страны и плодотворная работа народнаго представительства;

„находя, что своимъ отказомъ въ удовлетвореніи народныхъ требованій правительство обнаруживаетъ явное пренебреженіе къ истиннымъ интересамъ народа и явное нежеланіе избавить отъ новыхъ потрясеній страну, измученную нищетою, безправіемъ и продолжающимся господствомъ безнаказаннаго произвола властей, выражая передъ лицомъ страны полное недовѣріе къ безотвѣтственному передъ народнымъ представительствомъ министерству и—

„признавая необходимѣйшимъ условіемъ умиротворенія государства и плодотворной работы народнаго представительства немедленный выходъ въ отставку настоящаго министерства и замѣну его министерствомъ, пользующимся довѣріемъ Государственной Думы,—

„Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ".

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1906.

Первые шаги новыхъ учрежденій.—Пренія объ адресѣ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ.—Безсиліе консерваторовъ и реакціонеровъ.—Министерство И. Л. Горемыкина и его декларація. — Рѣчь министра юстиціи. — Результаты примѣненія исключительныхъ законовъ. — Безцѣльность политическихъ убійствъ. — Ожидаемое упраздненіе земскихъ начальниковъ. — Запоздалые оправдательные приговоры.

Когда эти строки появятся въ печати, пренія объ адресѣ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ, какъ и самые адресы, будутъ, вѣроятно, полу-забыты: событія идутъ быстро, каждый день приноситъ съ собой что-нибудь сенсаціонное и важное, общественная мысль обращена гораздо больше къ будущему, чѣмъ къ прошедшему. На самомъ дѣлѣ, однако, первые шаги на новомъ для Россіи пути парламентской жизни сохраняютъ и сохранятъ надолго большое значеніе. Съ небывалою яркостью отразились въ нихъ общественныя настроенія, господствующія и стремящіяся къ господству, едва зарождающіяся и сходящія со сцены.

Куда дѣвались—таковъ первый вопросъ, возбуждаемый памятными апрѣльскими и майскими днями—куда дѣвались сторонники стараго режима, еще недавно казавшіеся многочисленными и сильными? Все, повидимому, предвѣщало имъ если не успѣхъ, то во всякомъ случаѣ вліятельную, видную роль на выборахъ и послѣ выборовъ. На ихъ долю выпадала поддержка властей, начиная съ высшихъ и до самыхъ низшихъ; имъ должны были сослужить службу, косвенно или прямо, всѣ стѣсненія, всѣ правоограниченія, всѣ преслѣдованія, которымъ подвергались ихъ противники; имъ благопріятствовали сложные, запутанные избирательные порядки, выдвигавшіе на первый планъ консервативную, какъ предполагалось, крестьянскую массу; за ними, на-

конецъ, обезпечена была прочная точка опоры въ видѣ Государственнаго Совѣта, преобразованнаго съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ его среду вошло какъ можно меньше прогрессивныхъ элементовъ. И что же? Въ Государственной Думѣ — „истинно-русскихъ людей", членовъ „русской монархической партіи" и однородныхъ съ нею союзовъ и организацій, не оказалось почти вовсе; участіе ихъ въ преніяхъ объ адресѣ выразилось только въ защитѣ смертной казни—ссылкою на употребленіе животной пищи, въ попыткѣ реабилитировать узкій націонализмъ—грубо-ироническимъ намекомъ на несовмѣстимость болѣе широкихъ взглядовъ съ самымъ бытіемъ Россіи. Крайнюю правую въ Думѣ, за отсутствіемъ или ничтожествомъ настоящихъ реакціонеровъ, образовали представители союза 17-го октября, очень малочисленные и далеко не во всемъ расходившіеся съ большинствомъ. Не оправдали ожиданій крестьяне, въ средѣ которыхъ тяга влѣво оказалась гораздо сильнѣе, чѣмъ тяга вправо. Въ концѣ концовъ адресъ, рѣшительно разрывающій съ прошлымъ, былъ принятъ всѣми находившимися на лицо членами Думы; его противники заявили, устами гр. Гейдена, что не считаютъ возможнымъ поддерживать его цѣликомъ, но, будучи во многомъ съ нимъ согласны, не желаютъ нарушать единогласіе Думы, и потому удаляются изъ залы засѣданій.

Не менѣе характерно, въ своемъ родѣ, то, что произошло тогда же въ Государственномъ Совѣтѣ. Единственнымъ—по выраженію реакціонной печати—„трезвымъ русскимъ голосомъ среди петербургскаго хаоса" явился проектъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, составленный „при главномъ участіи" члена Государственнаго Совѣта Д. Ѳ. Самарина [1]). Этотъ проектъ отвергнутъ значительнымъ большинствомъ Совѣта, остановившимся на другой редакціи адреса, во многихъ отношеніяхъ прямо противоположной. Въ проектѣ Д. Ѳ. Самарина вовсе не упоминалось ни о Государственной Думѣ, ни о новомъ политическомъ строѣ, созданномъ манифестомъ 17-го октября, но зато говорилось о „священномъ долгѣ *всемѣрно* охранять неколебимость верховной самодержавной власти"; въ адресѣ, принятомъ Государственнымъ Совѣтомъ, выражена благодарность за „осуществленіе народнаго представительства, которое ввело Россію въ кругъ правовыхъ государствъ", и заявлено намѣреніе „прямодушно стремиться къ взаимодѣйствію съ Государственною Думой". Въ проектѣ Д. Ѳ. Самарина восхваляется *порядокъ*, безъ котораго невозможна *гражданская* свобода „въ подлинномъ ея смыслѣ"; въ адресѣ на одинъ уровень съ водвореніемъ порядка и внутренняго мира ставится охрана права и свободы. Проектъ видѣлъ въ

[1]) „Московскія Вѣдомости" совершенно неправильно называютъ Д. Ѳ. Самарина избранникомъ города Москвы: онъ избранъ въ Государственный Совѣтъ уполномоченными отъ дворянскихъ собраній.

крестьянствѣ, „сильномъ духомъ и прочно обезпеченномъ въ своемъ хозяйственномъ быту“, „твердую опору нашего государственнаго строя и общественнаго быта“ — т.-е. стоялъ за сословную обособленность крестьянства, давно осужденную опытомъ; адресъ не отдѣляетъ крестьянъ отъ другихъ классовъ народа. Проектъ, подчеркивая „единство и нераздѣльность русской земли“, умалчивалъ о нерусскихъ элементахъ населенія; адресъ признаетъ необходимость „справедливаго уваженія къ ихъ особенностямъ“. Проектъ, взывая къ „твердой власти, *дѣйствующей безъ колебаній*“, осуждалъ тѣмъ самымъ всякую мысль объ амнистіи; адресъ „повергаетъ на великодушное возрѣніе монарха участь тѣхъ, кои въ неудержимомъ стремленіи къ скорѣйшему достиженію желанной свободы нарушили грани, закономъ поставленныя“. Правда, ходатайство объ амнистіи обставлено въ адресѣ оговорками, существенно уменьшающими его значеніе и силу; но знаменательнымъ, при настоящемъ составѣ Государственнаго Совѣта, представляется и тотъ скромный, болѣе чѣмъ скромный шагъ впередъ, на который рѣшилось большинство. „Истинно-русскихъ людей“ оказалось мало даже между сановниками, возвысившимися благодаря старому режиму, даже между избранниками сословія, всего болѣе заинтересованнаго въ сохраненіи старыхъ порядковъ. „Крайняя лѣвая“ Государственнаго Совѣта—въ сущности не идущая дальше черты, передъ которой обыкновенно останавливается парламентскій лѣвый центръ,—насчитываетъ всего двѣнадцать членовъ; но только немногимъ сильнѣе крайняя правая Совѣта. Не ясно ли, что реакція во что бы то ни стало не находитъ точекъ опоры даже тамъ, гдѣ ихъ можно было ожидать съ наибольшею вѣроятностью?

А всеподданнѣйшія телеграммы разныхъ „истинно-русскихъ“ организацій, въ такомъ изобиліи появляющіяся съ нѣкоторыхъ поръ на страницахъ „Правительственнаго Вѣстника“ и „Русскаго Государства“? Не свидѣтельствуютъ ли онѣ о широкомъ распространеніи и значительной интенсивности тѣхъ взглядовъ, которые почти вовсе не нашли приверженцевъ въ Государственной Думѣ и потерпѣли крушеніе даже въ Государственномъ Совѣтѣ? Мы думаемъ, что выводъ изъ нихъ долженъ быть сдѣланъ совершенно другой. Къ такимъ способамъ дѣйствія прибѣгаютъ только партіи, сознающія и чувствующія себя побѣжденными. Что значатъ десятки, сотни, даже тысячи подписей, собранныхъ неизвѣстно кѣмъ и неизвѣстно какъ, въ сравненіи съ милліонами голосовъ, полученныхъ оппозиціонными членами Государственной Думы? Кто можетъ отнестись серьезно къ „знакомымъ незнакомцамъ“, отрицающимъ право Думы говорить отъ имени народа—и признающимъ это право за своимъ муравейникомъ? Кто сомнѣвается въ томъ, что при небольшомъ стараніи—и при отсутствіи внѣшнихъ препятствій—легко

было бы вызвать безконечный рядъ заявленій прямо противоположнаго содержанія?.. Намъ приходитъ на память аналогичный эпизодъ изъ прусской исторіи. Въ 1862 г., въ самомъ началѣ конфликта между королемъ и палатой депутатовъ, новые выборы, несмотря на всѣ усилія консервативнаго кабинета (Гогенлоэ—ф. д. Гейдта), дали огромное большинство оппозиціи, рѣшительно осудившей, въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, политику правительства. На защиту послѣдней стали выступать разныя депутаціи, встрѣчавшія благосклонный пріемъ при дворѣ Вильгельма I-го. Бесѣдуя съ одною изъ нихъ, король выразилъ надежду, что многіе изъ числа депутатовъ скоро усвоятъ себѣ иной образъ мыслей и оцѣнятъ по достоинству намѣренія и дѣйствія власти. Прошло, однако, болѣе четырехъ лѣтъ, прежде чѣмъ совершилось примиреніе—и совершилось оно только тогда, когда Бисмаркъ, побѣдоносно окончивъ борьбу съ Австріей и германскимъ союзомъ, присоединилъ къ ореолу внѣшнихъ успѣховъ сознаніе въ нелегальности своей внутренней политики. Исходной точкой новыхъ отношеній между парламентомъ и короной послужило забвеніе прошлаго (Indemnität), вотированное палатой депутатовъ.

Итакъ, полнѣйшее политическое и нравственное безсиліе реакціонныхъ элементовъ русскаго общества—вотъ первый фактъ, обнаруживаемый преніями объ адресѣ и ихъ отголосками. Другое заключеніе, къ которому они приводятъ, касается обоихъ министерствъ — какъ прежняго, вышедшаго въ отставку наканунѣ открытія Думы, такъ и новаго, смѣнившаго его у власти. До чего довелъ Россію кабинетъ Витте-Акимова-Дурново—этого могутъ не видѣть теперь только слѣпые. Предполагалось, что репрессіи, безпримѣрныя, безграничныя, ничѣмъ не сдерживаемыя, водворятъ въ странѣ спокойствіе, внушаемое страхомъ: на самомъ дѣлѣ онѣ еще больше взволновали населеніе. Предполагалось, что избиратели, запуганные чернымъ или краснымъ призракомъ, устранятся отъ выборовъ или проведутъ кандидатовъ, угодныхъ власти; на самомъ дѣлѣ воспользовалось своимъ правомъ, по крайней мѣрѣ въ городахъ, очень значительное число избирателей, и воспользовалось имъ для того, чтобы подчеркнуть какъ можно ярче осужденіе правительства. Предполагалось, что торопливо, въ явное нарушеніе октябрьскихъ обѣщаній изданные законы окружатъ Думу крѣпкою стѣной, о которую разобьются всѣ ея усилія; на самомъ дѣлѣ эта стѣна колеблется уже теперь и едва ли устоитъ противъ волны народнаго голоса. Кабинетъ, не оправдавшій ни одной надежды, ни передъ чѣмъ не отступавшій и все-таки ничего не достигшій, не могъ, очевидно, стать лицомъ къ лицу съ народнымъ представительствомъ.

Перемѣнилось, однако, не направленіе: перемѣнились только люди. И. Л. Горемыкинъ, поставленный во главѣ новаго кабинета, достаточно доказалъ, въ бытность свою министромъ внутреннихъ дѣлъ (1895—99), свою принадлежность къ той категоріи администраторовъ, которые ничему не научились и ничего не забыли [1]). Еще болѣе характерно, быть можетъ, назначеніе г. Стишинскаго, сотрудника В. К. Плеве въ крестьянскомъ дѣлѣ, главноуправляющимъ земледѣлія и землеустройства. Кн. Ширинскій-Шихматовъ, замѣнившій кн. А. Д. Оболенскаго, былъ товарищемъ синодальнаго оберъ-прокурора при К. П. Побѣдоносцевѣ; еще раньше онъ былъ губернаторомъ въ Твери, столь же воинствующимъ по отношенію къ земству, какъ и его предшественники. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ проводилъ въ саратовской губерніи правительственную систему П. Н. Дурново. И. Г. Щегловитовъ состоялъ товарищемъ министра юстиціи при г. Акимовѣ. Когда, годъ тому назадъ, А. С. Ермоловъ оказался черезчуръ либеральнымъ, на его мѣсто былъ призванъ П. Х. Шванебахъ, теперь назначенный государственнымъ контролеромъ. Постъ министра финансовъ ввѣренъ В. Н. Коковцову, занимавшему его до октябрьскаго манифеста. Неудивительно, что министерство, составленное по старому бюрократическому рецепту, оказалось чуждо условіямъ и требованіямъ парламентской жизни. Произошло нѣчто невиданное и неслыханное: ни одинъ изъ министровъ не принялъ участія въ преніяхъ объ адресѣ, ни одинъ изъ нихъ не счелъ нужнымъ безотлагательно объяснить, какъ смотритъ правительство на вопросы, затрогиваемые Думой. Не было сдѣлано попытки найти хоть какой-нибудь путь къ соглашенію, хоть какую-нибудь почву для совмѣстной дѣятельности. Игнорируя Думу, не допуская на страницы „Правительственнаго Вѣстника“ отчеты о ея преніяхъ, министерство въ то же время давало широкую оффиціальную огласку вышеупомянутымъ телеграммамъ „истинно-русскихъ людей“, какъ будто бы ими можно не подорвать, а поддержать авторитетъ правительственной власти.

Дальнѣйшимъ шагомъ на пути, съ самаго начала избранномъ министерствомъ, является заявленіе, прочитанное И. Л. Горемыкинымъ, отъ имени совѣта министровъ, въ засѣданіи Думы 13-го мая. По всѣмъ существенно важнымъ вопросамъ министерство идетъ прямо въ разрѣзъ съ рѣшеніями, почти единогласно принятыми Думою. Во всемъ томъ, что касается отношеній народнаго представительства къ правительственной власти, оно прикрывается основными законами, игнорируя коренной ихъ недостатокъ—противорѣчіе между способомъ ихъ изданія и манифестомъ 17-го октября. Политической амнистіи оно

[1]) Характеристику его управленія см. въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1899 г.

противопоставляетъ ссылку на никѣмъ не оспариваемую прерогативу монарха. Прекращеніе дѣйствія исключительныхъ законовъ, неудовлетворительность которыхъ признается самимъ министерствомъ, оно отодвигаетъ въ неопредѣленную даль будущаго. Всего поразительнѣе отвѣтъ министерства на ту часть адреса, которая относится къ земельному вопросу. Разрѣшеніе его на предположенныхъ Государственною Думою основаніяхъ провозглашается *безусловно недопустимымъ*. „Государственная власть"—такова аргументація министерства—„не можетъ признавать права собственности на земли за одними и въ то же время отнимать это право у другихъ. Не можетъ государственная власть и отрицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество. Начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности является во всемъ мірѣ и на всѣхъ ступеняхъ развитія гражданской жизни краеугольнымъ камнемъ народнаго благосостоянія и общественнаго развитія, кореннымъ устоемъ государственнаго бытія, безъ коего немыслимо и самое существованіе государства". И это говоритъ не реакціонная печать, давно утратившая чувство мѣры и переставшая стѣсняться въ выборѣ доводовъ: это говоритъ русскій государственный дѣятель, свидѣтель великаго акта 19-го февраля, участвовавшій въ его осуществленіи! Что же, Россія, въ моментъ освобожденія крестьянъ съ землею, стояла ниже самой низшей ступени „развитія гражданской жизни"? Для нея стало немыслимымъ, съ тѣхъ поръ, „государственное бытіе"? Не было ли, наоборотъ, надѣленіе крестьянъ землею необходимымъ условіемъ для того, чтобы Россія могла начать жить истинно-государственною жизнью?.. Именно въ Россіи не должно, казалось бы, быть мѣста для абсолютнаго преклоненія передъ поземельною собственностью, звучащаго въ словахъ предсѣдателя совѣта министровъ; именно въ Россіи должно быть ясно для всѣхъ, что принудительное (не безвозмездное) отчужденіе земель, *въ какихъ бы размѣрахъ оно ни производилось*, не имѣетъ ничего общаго съ *отнятіемъ* собственности, по вѣжливому выраженію г. Горемыкина, или съ *грабежомъ*, по безцеремонной терминологіи его газетныхъ союзниковъ.

Справедливость принудительнаго отчужденія—все равно, захватываетъ ли оно только одну десятину земли подъ станцію желѣзной дороги, или распространяется на милліоны десятинъ, въ цѣляхъ увеличенія площади крестьянскаго землепользованія,—зависитъ исключительно отъ его государственной или общественной *необходимости*. На эту почву, послѣ неудачной экскурсіи въ область юридической метафизики, переходитъ и г. Горемыкинъ. „Предположенная Думою мѣра не вызывается", по его словамъ, „существомъ дѣла: при обшир-

ныхъ и далеко не исчерпанныхъ средствахъ, находящихся въ распоряженіи государства, и при широкомъ примѣненіи всѣхъ законныхъ къ тому способовъ, земельный вопросъ несомнѣнно можетъ быть успѣшно разрѣшенъ безъ разложенія самаго основанія нашей государственности и подтачиванья жизненныхъ силъ нашего отечества". Въ другомъ мѣстѣ заявленія указаны и способы, которые имѣетъ въ виду г. Горемыкинъ: это—надѣленіе малоземельныхъ за счетъ свободныхъ казенныхъ земель, пріобрѣтеніе частновладѣльческихъ земель при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка, подъемъ сельскохозяйственнаго промысла и переселеніе на пустующія въ азіатскихъ владѣніяхъ имперіи *громадныя пространства* пригодной для обработки земли. Нужно ли доказывать всю недостаточность этихъ способовъ? Казенныхъ земель, годныхъ для хлѣбопашества, немного, особенно въ наиболѣе населенныхъ мѣстностяхъ Россіи. Пріобрѣтать съ помощью крестьянскаго банка можно только земли, предназначенныя къ продажѣ ихъ владѣльцами—т.-е. весьма часто вовсе не тѣ, въ которыхъ всего больше нуждаются крестьяне,—и притомъ по цѣнѣ, сплошь и рядомъ искусственно поднятой. По свидѣтельству всѣхъ знатоковъ переселенческаго вопроса, количество земель, куда можетъ быть направлено переселеніе, вовсе не громадно. Подъемъ сельско-хозяйственной культуры совершается медленно, а положеніе крестьянской массы требуетъ безотлагательнаго улучшенія. Долгій періодъ невниманія къ ея нуждамъ довелъ ихъ до крайняго обостренія—и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко измѣнилъ народныя чувства и народные взгляды. Обезсиленное недостаточнымъ количествомъ и возрастающею неурожайностью плохо удобряемой земли, истощенное голодными годами, подавленное непомѣрнымъ ростомъ арендныхъ цѣнъ, искусственно удерживаемое въ умственномъ мракѣ или полумракѣ, безправное, угнетаемое многочисленнымъ и разнообразнымъ начальствомъ, крестьянство извѣрилось въ помощь сверху и стало больше разсчитывать на собственныя свои силы. На почвѣ старыхъ представленій о землѣ, передававшихся изъ рода въ родъ еще въ крѣпостную эпоху, быстро выросло понятіе о правѣ на землю, вытекающемъ изъ труда надъ землею. Искоренить это понятіе нельзя; можно только ввести его въ мирное русло, создать для него легальныя границы и формы. Въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь Дума выразила намѣреніе приступить къ этой работѣ; въ основныхъ положеніяхъ, обсуждаемыхъ теперь особою аграрною коммиссіею, намѣчены ея цѣли и ея рамки. Отказаться отъ нея народные представители не могутъ: слишкомъ очевидны ея настоятельность и важность, слишкомъ велики возлагаемыя на нее народомъ надежды.

Послѣ короткихъ, но содержательныхъ преній, Государственная

Дума отвѣтила на заявленіе министерства мотивированнымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ, сдержаннымъ по тону, но какъ нельзя болѣе рѣшительнымъ по содержанію. Знаменательно, что формула перехода была предложена крестьяниномъ Жилкинымъ; еще болѣе знаменательно, что она принята большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ *одиннадцати* [1]). Какъ и при заключеніи преній объ адресѣ, консервативная группа членовъ Думы оказалась численно ничтожной. Противъ адреса возражали, отъ ея имени, всего два оратора; въ защиту министерскаго заявленія изъ ея среды не говорилъ *никто*, и попытку возразить на нападенія сдѣлалъ только министръ юстиціи. А между тѣмъ, въ Думѣ немало землевладѣльцевъ, для которыхъ прямо невыгодно принудительное отчужденіе земельной собственности. Они стоятъ за него, потому что ставятъ идею—выше личнаго интереса, справедливость—выше личныхъ разсчетовъ. Въ справедливости своего требованія убѣждены, конечно, и члены трудовой группы — но въ нихъ говоритъ, сверхъ того, сознаніе нужды, которую они видѣли вблизи или сами испытали, сознаніе отвѣтственности передъ избирателями, ввѣрившими имъ свою судьбу. Велика нравственная сила союза, состоящаго изъ такихъ элементовъ. За крестьянами-членами Думы стоитъ вся многомилліонная народная масса; за попавшими въ Думу земскими и городскими дѣятелями, адвокатами, писателями, профессорами стоитъ вся русская интеллигенція. И въ той, и въ другой средѣ можетъ, конечно, возникнуть разногласіе, когда зайдетъ рѣчь о *предѣлахъ* и *условіяхъ* принудительнаго отчужденія; но въ принятіи основныхъ началъ аграрной реформы единодушно, повидимому, огромное большинство Думы, какъ и огромное большинство русскаго народа.

На что же разсчитываетъ, на кого предполагаетъ опереться министерство, принципіально отрицая эти основныя начала? Неужели оно не замѣчаетъ своего безнадежнаго нравственнаго одиночества? Неужели оно думаетъ, что достаточной для него поддержкой служитъ и будетъ служить матеріальная сила, представляемая полиціей и войскомъ? Неужели ему неизвѣстна глубокая истина, съ такою яркостью выраженная въ французскомъ афоризмѣ: „on peut s'appuyer sur les bayonettes, mais on ne peut pas s'y asseoir"? Неужели опытъ послѣдняго времени не убѣдилъ его въ томъ, что казнями, экзекуціями, карательными отрядами, конфискаціей періодическихъ изданій, заточеніемъ и высылкой, по суду и безъ суда, „фолликюлеровъ" и другихъ „нарушителей порядка" нельзя возстановить внутренній миръ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе необходимый? Еще нѣсколько мѣ-

[1]) Нѣсколько дней спустя, десять депутатовъ изъ числа одиннадцати заявили, что они подали голосъ не противъ существа резолюціи, а только противъ ея редакціи.

сяцевъ такого горячечнаго возбужденія, какое, съ лѣта 1904-го года, переживаетъ Россія—и разореніе, разстройство страны надолго станетъ непоправимымъ... „Совѣтъ министровъ“—такъ заканчивается заявленіе, прочитанное И. Л. Горемыкинымъ — „питаетъ увѣренность, что Государственная Дума своей спокойной созидательной работой поможетъ ему внести успокоеніе во всѣ слои населенія“. Но развѣ возможна созидательная работа, когда составленный для нея планъ въ главныхъ его чертахъ заранѣе объявляется неосуществимымъ? Развѣ возможно успокоеніе населенія, пока въ прежнéй силѣ остается произволъ, пока полны тюрьмы и мѣста ссылки и въ замѣнъ освобождаемыхъ во всякую данную минуту могутъ быть задержаны другіе, въ томъ же никого и ничего не обезпечивающемъ порядкѣ?.. Нормальный выходъ изъ невыносимаго положенія только одинъ: образованіе министерства, пользующагося довѣріемъ Государственной Думы. Совсѣмъ инымъ былъ бы ходъ событій, еслибы такое министерство было составлено до открытія Думы: но и теперь еще возможно наверстать потерянное время. Первое условіе довѣрія—отсутствіе тѣсной связи съ недавнимъ прошлымъ, съ отжившимъ режимомъ. Кто занималъ, при этомъ режимѣ, важныя государственныя должности, тотъ едва ли способенъ отрѣшиться отъ бюрократическихъ традицій, понять и исполнить новыя требованія жизни. Неудача обоихъ кабинетовъ, образованныхъ послѣ 17-го октября, объясняется, въ значительной степени, именно ихъ составомъ, заимствованнымъ всецѣло изъ высшихъ административныхъ сферъ... Второе условіе довѣрія, прямо вытекающее изъ перваго—независимость отъ закулисныхъ вѣяній и твердая рѣшимость идти рука объ руку съ Государственной Думой.

Мы сказали выше, что въ защиту министерской декларації говорилъ только одинъ ораторъ—министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ. Главный источникъ затрудненій, въ которыя поставлено правительство, онъ видитъ въ необходимости руководиться старыми, крайне неудовлетворительными законами, пока не выработаны новые, болѣе совершенные. На самомъ дѣлѣ не всѣ законы, пускаемые въ ходъ правительствомъ, могутъ быть названы старыми: нѣкоторые изъ нихъ—весьма недавняго происхожденія. Таковы, напримѣръ, временныя правила о печати, временныя правила о собраніяхъ и союзахъ. Они состоялись, правда, при предшественникахъ нынѣшняго министерства; но кто мѣшалъ ему отказаться отъ неудобнаго наслѣдства или по крайней мѣрѣ принять его sous bénéfice d'inventaire? Если кабинету несимпатично положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ—положеніе, которымъ очень широко пользовался И. Л. Горемыкинъ, когда былъ ми-

нистромъ внутреннихъ дѣлъ,—то почему же кабинетъ почти вездѣ оставляетъ его въ силѣ, хотя имѣетъ полную возможность отказаться отъ его примѣненія? Если законъ—какъ выразился И. Г. Щегловитовъ—есть „первая и главная основа дѣятельности правительства“, то почему же кабинетъ, въ составъ котораго входитъ министръ юстиціи, согласился на обнародованіе новой редакціи основныхъ законовъ, идущей въ разрѣзъ съ манифестами 17-го октября и 20-го февраля, и на включеніе въ нее статьи, предоставляющей единоличному усмотрѣнію Государя, даже во время сессіи Государственной Думы, объявленіе мѣстностей на военномъ или исключительномъ положеніи?... Министръ юстиціи сравнилъ положеніе министерства съ положеніемъ домохозяина, который живетъ въ весьма плохой постройкѣ, но не можетъ промѣнять ее на лучшую, потому что послѣдняя еще не окончена. Ближе къ истинѣ было бы сравненіе министерства съ домохозяиномъ, который, хорошо видя недостатки своего дома, еще больше ихъ обостряетъ, запрещая, напримѣръ, открывать окна въ душныхъ и темныхъ комнатахъ, заставляя жильцовъ тѣсниться въ наименѣе удобныхъ частяхъ постройки... Напомнивъ, что „изъ столкновенія мнѣній родится истина“, министръ юстиціи выразилъ увѣренность, что разница во взглядахъ министерства и Государственной Думы является залогомъ совершенства будущихъ законовъ. Онъ упустилъ изъ виду, что министерская декларація содержитъ въ себѣ нѣчто бо́льшее, чѣмъ изложеніе *мнѣній*: она представляетъ собою рядъ *рѣшеній*, на которыхъ остановилось министерство—рѣшеній, во многомъ прямо противоположныхъ *пожеланіямъ* Думы. Соглашеніе, при такихъ условіяхъ, совершенно немыслимо.

Нѣсколько иначе, чѣмъ въ рѣчи министра юстиціи, продолжающееся примѣненіе исключительныхъ законовъ мотивируется предсѣдателемъ совѣта министровъ. Въ виду „непрекращающихся и понынѣ повседневныхъ убійствъ, грабежей и возмутительныхъ насилій“, онъ считаетъ необходимымъ, впредь до установленія новыхъ средствъ борьбы съ беззаконіемъ, „ограждать общественную и личную безопасность всѣми существующими нынѣ законными способами“. „Совѣтомъ министровъ“—говоритъ онъ дальше—„приняты мѣры къ самому тщательному пересмотру состоявшихся въ административномъ порядкѣ постановленій, для освобожденія всѣхъ тѣхъ лицъ, предоставленіе коимъ свободы не угрожаетъ общественной безопасности, ежедневно нарушаемой преступными на нее посягательствами“. Итакъ, министерство продолжаетъ думать, что для оправданія такихъ мѣръ, какъ лишеніе свободы и высылка въ отдаленныя мѣстности имперіи, достаточно неопредѣленныхъ догадокъ и предположеній; оно продолжаетъ вѣрить въ дѣйствительность чрезвычайныхъ репрессій, въ возмож-

ность бороться съ насиліемъ—насиліемъ. Первое заблужденіе понятно: оно поддерживается вѣковой традиціей, восходящей ко временамъ преображенскаго приказа и вошедшей въ плоть и кровь нашей бюрократіи. Труднѣе объяснить себѣ устойчивость вѣры, на каждомъ шагу опровергаемой фактами. Стоитъ только раскрыть любой газетный листъ, чтобы убѣдиться, что никакія охраны не предупреждаютъ политическихъ убійствъ и другихъ аналогичныхъ преступленій. Нигдѣ репрессіи не достигали такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ въ остзейскомъ краѣ: нигдѣ, кажется, не было такъ велико число казней (по суду и безъ суда), тѣлесныхъ наказаній, сожженныхъ домовъ. И что же? Въ одной телеграммѣ, напечатанной 15-го мая въ „Новомъ Времени“, мы нашли слѣдующія свѣдѣнія: въ виндавскомъ уѣздѣ (курляндской губерніи) революціонный терроръ въ полномъ разгарѣ; въ фридрихштадтскомъ уѣздѣ (той же губерніи) все населеніе терроризовано; въ венденскомъ уѣздѣ (лифляндской губерніи) должностныя лица получаютъ смертные приговоры; въ самой Ригѣ не прекращаются революціонныя расправы; въ *тридцати пяти* сельскихъ почтовыхъ отдѣленіяхъ края пріостановленъ пріемъ денежной корреспонденціи. Не ясно ли, что потоки крови пролиты здѣсь напрасно—или еще хуже, чѣмъ напрасно? Не ясно ли, что усмиреніе, даже самое жестокое, не приводитъ къ цѣли? Возобновить, въ прежнемъ видѣ и прежнихъ размѣрахъ, дѣятельность карательныхъ отрядовъ министерство И. Л. Горемыкина едва ли рѣшится: она была явнымъ нарушеніемъ даже исключительныхъ законовъ—а въ министерской декларации идетъ рѣчь о водвореніи въ странѣ „истинныхъ началъ законности и порядка“... Въ томъ же № газеты сообщено о покушеніяхъ на жизнь генерала Неплюева — въ Севастополѣ, генералъ-губернатора Тимофеева — въ Тифлисѣ. Не проходитъ дня, который не приносилъ бы съ собою извѣстій о новыхъ посягательствахъ, совершаемыхъ, большею частью, именно тамъ, гдѣ функціонируютъ военные суды и примѣняется смертная казнь. Безцѣльность отступленій отъ закона доказана съ полною очевидностью: не остается ничего другого, какъ положить имъ конецъ безповоротно, навсегда.

Есть, однако, и другая сторона вопроса, слишкомъ часто обходимая молчаніемъ. Безцѣльной жестокая расправа оказывается не только тогда, когда она идетъ со стороны должностныхъ лицъ, но и тогда, когда она направлена противъ нихъ. Число убитыхъ и раненыхъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, полицейскихъ приставовъ, жандармскихъ офицеровъ, низшихъ чиновъ полиціи постоянно растетъ—а общій характеръ полицейской и судебно-полицейской дѣятельности измѣняется очень мало. Подъ вліяніемъ кровопролитія, отвѣчающаго на кровопролитіе, съ ужасающею быстротою падаетъ уваженіе къ чело-

вѣческой жизни. Этому способствуетъ и форма, въ которую облекаются, сплошь и рядомъ, политическія убійства. Чтобы уничтожить одного, признаваемаго достойнымъ смерти, рискуютъ убить или изувѣчить многихъ, ни въ чемъ неповинныхъ. Какое потрясающее впечатлѣніе производитъ, напримѣръ, телеграмма изъ Севастополя, изображающая послѣдствія покушенія на жизнь генерала Неплюева! Генералъ и другія начальствующія лица остались невредимыми, но изъ публики, пришедшей посмотрѣть на церковный парадъ, убито *шесть* (по другимъ свѣдѣніямъ—восемь), тяжело ранэно 14, легко—40 человѣкъ! Какой неизгладимый слѣдъ должны оставить въ народной памяти эти клочья человѣческихъ тѣлъ, покрывавшіе площадь, церковную ограду, сосѣдніе дома! Какъ низко упала цѣнность жизни, если для бросанія бомбъ выбирается именно то мѣсто и тотъ моментъ, гдѣ и когда должна была собраться и дѣйствительно собралась толпа!.. Не пора ли сойти съ дороги, ведущей къ такимъ ужаснымъ результатамъ? Не измѣнились ли самыя условія, благопріятствовавшія развитію, у насъ въ Россіи, политическихъ убійствъ? Было время, когда они казались единственнымъ возможнымъ видомъ протеста, единственнымъ средствомъ поколебать невыносимо тягостный порядокъ вещей. Это время прошло: несмотря на всѣ уцѣлѣвшія стѣсненія, печать пользуется сравнительною свободой, собранія пріобрѣтаютъ право гражданства—и, главное, существуетъ Государственная Дума, открыто выступающая въ защиту народа. Если прежде политическія убійства не достигали своей цѣли, то теперь они прямо идутъ въ разрѣзъ съ нею: они не облегчаютъ, а затрудняютъ борьбу, разъ что ее можно вести мирными средствами.

Давно ли институтъ земскихъ начальниковъ разсматривался, въ оффиціальныхъ сферахъ, какъ неприкосновенная святыня, какъ краеугольный камень государственнаго и общественнаго порядка? Давно ли всякая мысль объ отмѣнѣ или хотя бы ограниченіи этой „сильной и близкой къ народу власти“ признавалась неосуществимой, но тѣмъ не менѣе зловредной мечтой, подлежащей запрещенію и подавленію? Цѣлыхъ двадцать лѣтъ, если не больше, „Вѣстникъ Европы“ велъ борьбу сначала противъ проектовъ, направленныхъ къ созданію „властной руки“, потомъ противъ законовъ, вводившихъ ее въ жизнь. Долго, очень долго эта борьба казалась безнадежной. Безслѣдно исчезло предположеніе объ урѣзкѣ судебныхъ функцій земскаго начальника, мелькнувшее, въ половинѣ 90-хъ годовъ, при приступѣ къ пересмотру судебныхъ уставовъ. Безслѣдно, повидимому, должны были прозвучать голоса сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, возставшихъ, въ 1902-мъ году, противъ юридической приниженности крестьянъ и ви-

дѣвшихъ въ ней одну изъ причинъ упадка народнаго благосостоянія. Увѣковѣчить, обострить эту приниженность должны были работы редакціонной коммиссіи, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Казалось, что ни къ чему не приведетъ даже указъ 12-го декабря 1904-го года, провозгласившій необходимость возвести крестьянъ на степень „полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей". Исполненіе этой его части было возложено на особое совѣщаніе, состоявшее подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте—а три мѣсяца спустя совѣщаніе было закрыто, при обстоятельствахъ, указывавшихъ на возвращеніе къ политикѣ гг. Стишинскаго и Плеве. Чтобы сдвинуть съ мѣста тяжеловѣсную преграду, загромождавшую путь къ вторичному освобожденію крестьянъ, понадобилась коренная перемѣна въ государственномъ устройствѣ. Въ конституціонной Россіи не оказывается мѣста для учрежденія, насквозь проникнутаго косностью и произволомъ — и это понимаетъ даже министерство, очень мало считающееся съ требованіями новаго политическаго строя. Въ „предположеніяхъ по крестьянскому дѣлу", составленныхъ совѣтомъ министровъ, особое сословное крестьянское управленіе и особыя установленія, завѣдывающія крестьянскими дѣлами (земскіе начальники, уѣздные съѣзды, губернскія присутствія) признаются подлежащими упраздненію; повсемѣстно возстановлены—или введены—должны быть выборные мировые судьи, съ передачей имъ всѣхъ дѣлъ, подсудныхъ, въ настоящее время, волостному суду.

Теперь, когда рушится зданіе, съ такими побѣдными кликами возведенное въ 1889 г., зданіе, еще недавно прославлявшееся какъ послѣднее слово политической мудрости, своевременно спроситъ себя, что оно дало государству и народу? Земскіе начальники должны были служить оплотомъ тишины и порядка—а на самомъ дѣлѣ не предупредили аграрныхъ волненій, именно въ послѣдніе годы разростихся до небывалыхъ прежде размѣровъ. Они должны были укрѣпить въ народѣ покорность судьбѣ и привычку къ пассивному повиновенію—а на самомъ дѣлѣ подорвали въ немъ довѣріе къ власти. Они должны были возстановить вліяніе и авторитетъ помѣстнаго дворянства—а на самомъ дѣлѣ углубили пропасть, отдѣляющую его отъ народной массы. Подъ ихъ отеческой опекой должно было расцвѣсть народное благосостояніе — а на самомъ дѣлѣ оно никогда не падало такъ низко. Несправедливо было бы, безъ сомнѣнія, приписывать однимъ земскимъ начальникамъ недостаточное развитіе въ народѣ чувства законности и уваженія къ чужому праву; но они сдѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы поддержать невысокій уровень этого чувства или еще болѣе его понизить. Чего стоили, въ этомъ отношеніи, одни взысканія, налагавшіяся земскими начальниками въ силу ихъ дискреціонной власти!

Какимъ краснорѣчивымъ комментаріемъ къ значенію „усмотрѣнія“ служила самая неравномѣрность этихъ взысканій, одними примѣнявшихся на каждомъ шагу, другими не практиковавшихся почти вовсе! Какую печальную роль сыграло право земскихъ начальниковъ допускать или не допускать исполненіе тѣлесныхъ наказаній! Какое деморализующее вліяніе оказали стѣсненія судебной защиты, недоброжелательное отношеніе къ жалобамъ и жалобщикамъ, товарищеская снисходительность къ неправильнымъ рѣшеніямъ! Какой развращающей школой служило разбирательство въ волостномъ судѣ, слишкомъ часто обращавшееся въ пародію на правосудіе! И прежде, конечно, волостной судъ былъ, въ большинствѣ случаевъ, судомъ только по имени—но тогда его почти не касалась правительственная власть, и на нее не падала отвѣтственность за дѣйствія и рѣшенія волостныхъ судей.

Въ томъ, что починъ упраздненія земскихъ начальниковъ идетъ отъ г. Горемыкина, четыре года сряду широко пользовавшагося ихъ услугами, и отъ г. Стишинскаго, еще недавно ввѣрявшаго имъ всецѣло судьбу сельскаго населенія—чувствуется своеобразная иронія судьбы. Не знаменательно ли, что именно имъ приходится подписать смертный приговоръ учрежденію, олицетворявшему собою цѣлый политическій строй, цѣлое политическое міросозерцаніе? Законодательство 12-го іюля 1889-го года, предназначенное теперь къ отмѣнѣ, занимаетъ, среди „контръ-реформъ“ императора Александра III-го, приблизительно такое же мѣсто, какое принадлежало освобожденію крестьянъ среди великихъ реформъ Александра II-го. Признать несостоятельность института земскихъ начальниковъ и всего непосредственно съ нимъ связаннаго, значитъ произнести обвинительный приговоръ надъ цѣлымъ періодомъ нашей исторіи, еще недавно прославлявшимся на всѣ лады и находившимъ, въ оффиціальныхъ сферахъ, только подражателей и продолжателей. Туманъ, сгустившійся надъ прошлымъ, мѣшалъ видѣть настоящее и предвидѣть будущее. Его разсѣяла буря, пронесшаяся надъ русской землей.

15-го мая с.-петербургская судебная палата постановила оправдательные приговоры по дѣламъ В. Г. Короленко, какъ редактора „Русскаго Богатства“, и П. Н. Милюкова и І. В. Гессена, какъ редакторовъ „Свободнаго Народа“. Поводъ къ обвиненію въ обоихъ случаяхъ былъ одинъ и тотъ же: напечатаніе такъ называемаго манифеста совѣта рабочихъ депутатовъ. Въ обоихъ случаяхъ оно сопровождалось пріостановкой періодическихъ изданій, редакторы которыхъ были привлечены къ отвѣтственности. Для І. В. Гессена и П. Н. Милюкова

обвиненіе по 129-ой ст. уголовнаго уложенія повлекло за собою, сверхъ того, исключеніе изъ числа выборщиковъ (въ составъ которыхъ первый входилъ по городу Петербургу, второй—по петербургскому уѣзду) и, слѣдовательно, невозможность быть членами Государственной Думы, куда они, при отсутствіи искусственно созданнаго препятствія, были бы избраны несомнѣнно. Что законы, при дѣйствіи которыхъ возможны такія явныя несообразности, требуютъ пересмотра — это совершенно очевидно. Въ самомъ дѣлѣ, не вопіющая ли несправедливость — пріостановка изданія, продолжающаяся цѣлые мѣсяцы и затѣмъ отмѣняемая, вслѣдствіе отсутствія въ инкриминированной статьѣ признаковъ преступленія? Къ чему такая крайняя мѣра, разъ что возможно судебное преслѣдованіе каждаго отдѣльнаго нумера изданія, подходящаго подъ дѣйствіе уголовнаго закона? Какъ и чѣмъ вознаградить разстройство, внесенное пріостановкой въ дѣла изданія, въ положеніе всѣхъ многочисленныхъ лицъ, къ нему прикосновенныхъ?... Недешево стоитъ замѣна одного изданія другимъ, да не всегда она и легко осуществима: мы видимъ, напримѣръ, что между пріостановкой (за статью, авторъ которой также оправданъ судебной палатой) „Народной Свободы“, выходившей вмѣсто „Свободнаго Народа“, и появленіемъ фактически замѣнившей ихъ „Рѣчи“ прошло слишкомъ два мѣсяца, въ теченіе которыхъ конституціонно-демократическая партія вовсе не имѣла ежедневнаго органа. Не ясно ли, что необходимо отмѣнить какъ можно скорѣе чрезвычайное право, предоставленное суду временными правилами 24-го ноября 1905-го года?...

Не менѣе несправедливъ и законъ, изъ-за котораго не могли попасть въ Думу І. В. Гессенъ и П. Н. Милюковъ (а также В. М. Гессенъ, привлеченный къ отвѣтственности съ меньшимъ еще основаніемъ, чѣмъ они, и еще раньше оправданный судебной палатой). По 7-ой статьѣ Учрежденія Государственной Думы не могутъ участвовать въ выборахъ лица, состоящія подъ слѣдствіемъ или судомъ по обвиненію въ преступныхъ дѣяніяхъ, влекущихъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія. Ст. 129-ая уголовнаго уложенія, подъ которую подводится теперь прокурорскимъ надзоромъ большинство обвиняемыхъ въ преступленіяхъ печати, грозитъ ссылкою на поселеніе или заключеніемъ въ исправительномъ домѣ, т.-е. наказаніями, влекущими за собою, по ст. 30 уложенія, потерю права быть избирателемъ и избираемымъ. Правда, отъ ссылки на поселеніе судъ, въ дѣлахъ литературныхъ, переходитъ, большею частью, къ заключенію въ крѣпости, съ ограниченіемъ правъ не сопряженному; но до окончанія дѣла нельзя знать, какая изъ предусмотрѣнныхъ закономъ карательныхъ мѣръ будетъ примѣнена къ обвиняемому, и потому привлеченіе его къ слѣдствію подвергаетъ его послѣдствіямъ, соединеннымъ съ наи-

болѣе тяжкимъ изъ грозящихъ ему наказаній. Чтобы устранить всѣ вытекающія отсюда несообразности, необходимо исключить изъ числа каръ, назначаемыхъ за преступленія печати (какъ и вообще за политическія преступленія, разъ что они не соединены съ другими, общеуголовными правонарушеніями), всѣ наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, оставивъ здѣсь въ силѣ только такъ называемую custodia honesta (т.-е. заключеніе въ крѣпости и арестъ)—или, по крайней мѣрѣ, сохранить за обвиняемыми въ этихъ преступленіяхъ избирательное право, пока они не осуждены вошедшимъ въ окончательную законную силу судебнымъ приговоромъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1906.

I.

— Яковъ Рейтенфельсъ. Сказанія свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Козьмѣ Третьему о Московіи. Падуя, 1680 г. Съ латинскаго перевелъ Алексѣй Станкевичъ. М. 1906.

Переводъ сказаній Рейтенфельса, первый полный и научный переводъ, является въ высшей степени цѣннымъ пріобрѣтеніемъ нашей историко-бытовой литературы. Исполненный съ любовью и глубокимъ знаніемъ дѣла, онъ заполняетъ въ ней тѣмъ большій пробѣлъ, что сказанія Рейтенфельса были извѣстны до сихъ поръ лишь небольшому кружку спеціалистовъ, широкіе же круги читателей могли имѣть въ своемъ распоряженіи лишь тѣ извлеченія, какія были сдѣланы въ свое время извѣстнымъ археологомъ и историкомъ Литвы Тарнава-Боричевскимъ въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“ за 1839 г.; былъ еще неполный переводъ Ю. И. Венелина, но онъ остался ненапечатаннымъ. „Печатаемый ниже переводъ сказаній Рейтенфельса,—говоритъ г. Станкевичъ,—сдѣланъ нами полностью, безъ всякихъ пропусковъ, при чемъ мы старались держаться, какъ можно ближе латинскаго текста, позволяя себѣ отступленія отъ него только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не представлялось возможности передать иначе точный смыслъ подлинника“.

Свѣдѣнія объ авторѣ сказаній крайне скудны, и переводчикъ ставитъ своей задачей производить дальнѣйшія разысканія въ этомъ направленіи. Главнѣйшія извѣстія сообщаетъ объ авторѣ сказаній издатель его сочиненія (1680) въ своемъ „Предувѣдомленіи къ просвѣщенному читателю“. Яковъ Рейтенфельсъ былъ сыномъ польскаго вельможи и пользовался большимъ значеніемъ у короля Казимира;

позже онъ былъ въ большой милости у герцога Тосканскаго Козьмы III-го, жилъ нѣкоторое время при его дворѣ и, по желанію своего покровителя, составилъ для него сказанія о Московіи. Затѣмъ г. Станкевичъ разыскалъ два документа 1672 г., относящихся, по его мнѣнію, къ Рейтенфельсу. Изъ нихъ оказывается, что Рейтенфельсъ приходился племянникомъ главному врачу царя Алексѣя Михайловича, датчанину Іоганну Розенбургу, по ходатайству котораго ему было разрѣшено, вмѣстѣ съ другими лицами, отправиться въ Вильну для ученія, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи поступить на царскую службу. Гораздо болѣе существенно было установить фактъ, что Рейтенфельсъ былъ въ Москвѣ въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича, свѣдѣнія о которыхъ отличаются наибольшею обстоятельностью. Въ предисловіи авторъ сказаній указываетъ на ихъ необработанный, отрывочный характеръ. Это даетъ поводъ переводчику сдѣлать цѣнное замѣчаніе, что Рейтенфельсъ постоянно записывалъ все видѣнное и слышанное, что̀ и собралъ въ одно цѣлое позже, живя у тосканскаго герцога. Много неясностей существуетъ и относительно подлинной рукописи сказаній Рейтенфельса, по копіи съ которой было сдѣлано первое падуанское изданіе 1680 г. Какъ бы ни было, сказанія Рейтенфельса исполнены глубокой занимательности и общаго интереса.

Основной своей цѣлью Рейтенфельсъ поставилъ описаніе обычаевъ (mores) и нѣкоторыхъ „новѣйшихъ событій Московъ“ на основаніи источниковъ, наблюденій очевидцевъ и личнаго опыта. Сказанія распадаются на четыре книги, изъ которыхъ каждая дѣлится на многочисленныя главы. Въ первой книгѣ разсматриваются событія отъ происхожденія московитовъ и обзоръ древнѣйшихъ событій до вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича; книга вторая посвящена описанію „двора и нынѣшняго правленія“; книга третья изображаетъ „сословіе подданныхъ и нравы“; книга четвертая знакомитъ читателя съ „природными богатствами государства и его обширностью“.

Конечно, на всемъ протяженіи своего сочиненія Рейтенфельсъ, при всемъ желаніи остаться объективнымъ и близкимъ къ истинѣ, часто высказываетъ сужденія недостовѣрныя, основанныя на неудовлетворительныхъ источникахъ или вымыслѣ, и даже въ главахъ, написанныхъ имъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, встрѣчаются противорѣчія, свидѣтельствующія, впрочемъ, о томъ, что его отрывочныя записи, напр., объ одномъ и томъ же, дѣлались въ разное время подъ вліяніемъ свѣжихъ, непосредственныхъ впечатлѣній. Но эти недостатки легко устранимы путемъ исторической критики, и на первый планъ выступаютъ крупныя достоинства сказаній—богатство

свѣдѣній (начиная со второй книги), широта взгляда автора, его живое, бойкое и подчасъ остроумное изложеніе. Отношеніе къ изображаемому характеризуется прежде всего тѣмъ, что Рейтенфельсъ, истый сынъ своего вѣка, прилагаетъ къ нимъ, по преимуществу, принципъ моральной оцѣнки. Но онъ прилагаетъ заботу о безпристрастіи въ томъ смыслѣ, что намѣренъ изображать событія, не поддаваясь ни чувству пріязни, ни чувству вражды къ изображаемому. „Ибо мнѣ хорошо извѣстны и чувство взаимнаго отвращенія между отдѣльными лицами, и присущее всѣмъ народамъ вообще зло, зависть и презрѣніе. Я также хорошо знаю, что люди ревниво относятся къ добродѣтелямъ и порокамъ смертныхъ, постоянно расходясь другъ съ другомъ и ошибаясь, благодаря личному чувству. Благодаря этому, зачастую, одно и то же, у разныхъ народовъ, то превозносится, то осуждается, ибо даже самый негодный поступокъ мы хитро скрашиваемъ придуманнымъ выраженіемъ „благочестивый обманъ“ или „государственная необходимость“, и, нерѣдко, одно и то же чудовищное проявленіе варварства, которое мы въ другихъ всячески стараемся пояснѣе обнаружить, въ самихъ себѣ мы таимъ, благодаря лишь различнымъ названіямъ. Отъ всего этого, въ виду его дикости и непристойности, я намѣренъ воздержаться“.

Русь представляется ему обширнымъ, богатымъ, преувеличенно могущественнымъ государствомъ, населеннымъ во многихъ отношеніяхъ любопытными „азіатами“, обычаи которыхъ почему-то часто напоминаютъ ему Китай и Востокъ вообще. Говоря объ учрежденіяхъ и отмѣчая упомянутый параллелизмъ, Рейтенфельсъ дѣлаетъ такое общее замѣчаніе: „причина двойная: та, что весьма многіе обычаи всѣхъ азіатскихъ народовъ схожи между собой, и та, что многіе обычаи были переняты русскими у татаръ, которые одинаково владычествовали надъ китайцами и Московіей“.

Рейтенфельсъ оставилъ любопытныя изображенія коренныхъ способовъ управленія Московіей. Сочувствуя лично принципу сильной централизованной власти, онъ обнаруживаетъ, сравнительно съ другими иностранцами, писавшими о Россіи, много своеобразныхъ чертъ въ объясненіи отношеній между верховной властью и порабощеннымъ народомъ. Съ одной стороны, онъ устанавливаетъ непосредственную связь между грубой эксплуататорской и грубо-произвольной политикой правительства и обнищаніемъ народа, а съ другой стороны— у него постоянно между строками пробѣгаетъ мысль, что подобному народу, какъ московиты, и не можетъ соотвѣтствовать иное правительство, чѣмъ то, которое имѣетъ дѣло съ людьми грубыми, темными. Поэтому въ высшей степени любопытной является его характеристика самодержавно-рабовладѣльческаго строя русскаго государства,

смягчаемая чувствомъ искренней и глубокой симпатіи къ царю Алексѣю Михайловичу. Остановимъ вниманіе читателя на нѣкоторыхъ извлеченіяхъ. „Власть московскаго царя — говоритъ Рейтенфельсъ — до того не стѣснена никакими законами и до того самоуправна, что справедливо можетъ считаться равною, если не превосходящей, царской власти древнихъ ассирійцевъ и грековъ, и современныхъ турокъ, персовъ и татаръ. Поэтому-то нѣкій турецкій ораторъ сказалъ, что изъ всѣхъ христіанскихъ правителей только московскій царь одинъ обладаетъ полною и высшею властью надъ своими: этотъ варваръ, повидимому, либо по невѣжеству своему не замѣтилъ, а скорѣе всего не зналъ того, что гораздо болѣе украшаетъ царей и болѣе священно у христіанскихъ царей, именно—ихъ превосходство надъ прочими. И дѣйствительно, царь имѣетъ не только полнѣйшее право издавать и отмѣнять законы, заключать и нарушать союзы и мирные договоры, назначать и удалять чиновниковъ, уменьшать и увеличивать налоги, но располагаетъ вполнѣ жизнью и смертью своихъ подданныхъ и ихъ имуществомъ, такъ что можетъ, если захочетъ, отнять у нихъ все состояніе и жизнь, не объясняя причинъ сихъ дѣйствій. Если онъ иногда совѣщается о чемъ-либо съ боярами, то онъ не проситъ о согласіи, а пользуется ихъ опытностью и покорностью. Поэтому всѣ его подданные открыто признаютъ, что всѣ они цѣликомъ и все ихъ имущество принадлежатъ Богу и царю и прячутъ, все, что у нихъ есть дорогого и цѣннаго, въ сундуки или подземелья, дабы другіе, увидавъ, не позавидовали бы, правитель не заподозрилъ бы, и дабы не привлечь на себя чьей-либо жадности или иную какую опасность. И это одна, между прочимъ, изъ главныхъ причинъ тому, что Москва до сихъ поръ такъ отвратительно дика и не отличается красотою своихъ зданій. Самая же царская власть вполнѣ наслѣдственна и составляетъ достояніе царской семьи, причемъ всегда наслѣдуютъ сыновья, старшіе или младшіе, смотря по желанію родителей. Прочіе члены семьи не могутъ никоимъ образомъ, основываясь на близкомъ родствѣ, захватить себѣ власть, такъ какъ волѣ умирающаго царя представляется, слѣдуя весьма похвальному обычаю, передавать изъ рукъ въ руки царскій скипетръ. Изъ этой власти проистекаютъ и эти многочисленныя и пышныя прозванія — Великаго Государя, Царя, Самодержца, Отчича и Дѣдича. Единственная цѣль, къ которой единодушно стремится все русское государство, это—исключительно слава царя, выгода его и благосостояніе, которая и достигается крайней суровостью и поддерживается строжайшими законами. Поэтому, равнымъ образомъ, и всѣ подданные, дабы знали, что межъ ними нѣтъ никакого различія другъ отъ друга, никогда не допускаются слишкомъ близко къ царю, не пользуются

освобожденіемъ отъ повинностей или какими-либо преимуществами, наконецъ, не могутъ разбогатѣть". Рейтенфельсъ приводитъ затѣмъ слышанное имъ мнѣніе, что близость къ царямъ и обиліе средствъ у знати служатъ той стѣной, изъ-за которой ведется борьба за власть, раздача же привиллегій немногимъ является поводомъ къ соблазну и источникомъ мятежа. Смиреніе признается Рейтенфельсомъ единственно правымъ путемъ, которымъ при московскомъ государственномъ строѣ возможно идти „просто и легко".

Любопытно еще и слѣдующее разсужденіе Рейтенфельса объ основныхъ законахъ, являющееся выводомъ всего сказаннаго о самодержавной власти. „Цари, дабы лучше обосновать свою власть и вполнѣ обезопасить себя, установили слѣдующіе основные законы, сходные съ древними спартанскими, а нынѣ—татарскими. Ибо, одинаково съ ними, они не позволяютъ своимъ подданнымъ ни путешествовать, ни вступать въ бракъ съ чужеземцами, ни, наконецъ, заниматься науками и искусствами, ради умственнаго развитія и нравственнаго совершенства; въ довершеніе къ сему, запрещается еще, кому бы то ни было, спорить о вѣрѣ, или обращаться съ рѣчами къ народу въ церкви. Итакъ—священники держатъ въ Московіи народъ въ убѣжденіи, что царь ничего не дѣлаетъ помимо воли Божіей, и что повинующійся до конца жизни приказаніямъ царя непремѣнно будетъ угоденъ Богу. Съ той же цѣлью князьямъ и боярамъ московскимъ приказано постоянно пребывать во дворцѣ, а члены наиболѣе вліятельныхъ семей обыкновенно разлучаются или высылаются въ отдаленныя области подъ видомъ оказанія имъ чести. Наконецъ, справедливость князя въ особенности, частая перемѣна должностныхъ лицъ и расположенныя по всему государству военныя стражи до такой степени хорошо упрочиваютъ московскій престолъ, что всѣмъ ясно, въ какой степени и Россія опирается на платоновское благоустройство". Можно было бы полагать, что въ подобныхъ разсужденіяхъ Рейтенфельса кроется злая иронія, еслибы этому не противорѣчило общее направленіе его книги и его взгляды на существо и характеръ государственной власти. Съ этими взглядами вполнѣ согласуется и убѣжденіе въ неизбѣжности мятежныхъ проявленій и въ наказуемости послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи интересы властителей у Рейтенфельса на первомъ планѣ. „Опытъ цѣлыхъ вѣковъ показываетъ, какъ страшны бывали часто властителямъ, вслѣдствіе частыхъ гибельныхъ мятежей, большіе города, уздою закона еще несдерживаемые, но такъ какъ они черезъ-чуръ надѣялись на себя, то, большею частью, ихъ могущество и богатство быстро подрывались. Точно также и у московитовъ: Новгородъ, Тверь, Псковъ и многіе другіе города, нѣкогда пользовавшіеся громадными

вольностями и обладавшіе большими военными силами, нынѣ находятся въ такомъ рабскомъ подчиненіи у царя, что не смѣютъ даже и помыслить о прежнемъ благополучіи". Замѣчанія объ избирательныхъ правахъ характерны для европейца. Смертную казнь Рейтенфельсъ считаетъ обычнымъ явленіемъ московской Руси: казнили за неуваженіе къ царямъ, за сомнѣнія въ вѣрѣ, за разнаго рода преступленія, но особенно сурово наказывали за возмущенія и измѣну. Авторъ подробно разсказываетъ, какъ Стеньку Разина казнили медленной смертью, съ цѣлью дать ему почувствовать, что онъ—„умираетъ по заслугамъ".

Наряду съ изображеніемъ недобросовѣстности и подкупности чиновниковъ, Рейтенфельсъ невольно-мрачными красками обрисовываетъ тяжкое положеніе крестьянства. Если бытъ русскихъ вообще, по его замѣчанію, „болѣе отзывается азіатской необузданностью, чѣмъ европейской образованностью", то состояніе крестьянъ поражаетъ автора своей дикостью, невѣжествомъ, обиліемъ грубыхъ предразсудковъ и суевѣрій и нищетой. „Деревенскіе жители въ Московіи называются крестьянами, или чернымъ или лѣснымъ людомъ, ведутъ хотя и самый простой образъ жизни, но далеко не самый счастливый, ибо являя собою наружно, въ пищѣ, одеждѣ и ежедневныхъ трудахъ, какъ бы образецъ простоты золотого вѣка, они, до настоящаго времени, при этомъ, находятся въ глубочайшемъ невѣжествѣ относительно Божественнаго Откровенія, и нравы ихъ до того грубы, что нѣтъ возможности вполнѣ достойно оплакать ихъ. Они проводятъ жизнь совершенно по-дѣтски, чтобы не сказать чего худшаго, безо всякихъ необходимыхъ свѣдѣній о Законѣ Божьемъ, не умѣя молиться, и только разъ въ году принимая св. Тайны. Когда мы ѣхали въ Московію, то мы вдосталь насмотрѣлись на возбуждающее сожалѣніе невѣжество ихъ. Ибо, когда мы спросили у нѣкоторыхъ, попавшихся намъ на пути, земледѣльцевъ, между другими нѣкоторыми вопросами касательно вѣроисповѣданія, знаютъ ли они также что-либо объ Іудѣ предателѣ, то всѣ они стали переглядываться между собою, и одинъ, болѣе остальныхъ смышленый, отвѣчалъ, что говорятъ, дескать, у насъ, что онъ измѣнилъ Іисусу Христу и предалъ его врагамъ, но что онъ не вполнѣ твердо увѣренъ, что это дѣйствительно совершенно такъ. Да не удивится никто таковому ихъ незнанію Священной Исторіи, ибо всѣ ихъ христіанскія упражненія и молитвы заключаются въ возможно частомъ осѣненіи себя крестнымъ знаменіемъ и повтореніи словъ „Господи, помилуй", т.-е. „Боже, сжалься надо мною". Будучи обречены на тяжкую работу и прикрѣпощены къ землѣ, эти люди безнаказанно оскверняютъ праздничные дни, благодаря снисхожденію законовъ, работою на себя, дабы не пропасть, такъ какъ въ теченіе

всей недѣли они обязаны въ потѣ лица трудиться на своихъ господъ. Тяжелыми податями они доведены до такой бѣдности, что ничего не имѣютъ, кромѣ кое-какой изорванной одежды и коровы съ подойникомъ. Мужчины, по большей части, работаютъ лѣтомъ въ полѣ на быкахъ, хотя, мѣстами, вслѣдствіе мягкой почвы, они пашутъ плугами въ одну лишь лошадь, но во время жатвы и сѣнокоса женщины трудятся въ поляхъ гораздо болѣе, нежели мужчины. Зимою же обыкновенно они занимаются рубкою лѣса, плетеніемъ обуви изъ липовой коры и рыбною ловлею, а иногда бываютъ вынуждены, за неимѣніемъ какихъ бы то ни было средствъ, таскаться толпами по городамъ и просить милостыни. Вслѣдствіе дороговизны хлѣба, чрезмѣрнаго постояннаго голода и холода, это, конечно, случается чуть ли не изъ года въ годъ. А иногда они прокармливаются и дома крайне скудною пищею". Замѣчаніе о женщинахъ здѣсь не согласуется съ тѣмъ, что Рейтенфельсъ говоритъ ниже (стр. 151) о „великой праздности женщинъ" и о томъ, что „домашнія и семейныя работы лежатъ исключительно на мужчинахъ"; это замѣчаніе—одно изъ тѣхъ противорѣчій, о которыхъ мы говорили выше.

Невѣжество изображается у Рейтенфельса явленіемъ, постигающимъ не одну крестьянскую массу. Невѣжественно духовенство, невѣжественны чиновники,—и все это стоитъ въ прямой связи съ отсутствіемъ настоящихъ школъ. „Они (московиты) въ школахъ учатся только читать, писать и считать, а больше ничему. Поэтическія произведенія у нихъ хотя и не отсутствуютъ совершенно, но грубы и неизящны, и понынѣ и поэты у нихъ, подобно царямъ, не дѣлаются, но рождаются. Пишутъ они почти всѣ съ изысканными оборотами рѣчи и хранятъ свои писанія не такъ, какъ мы, т.-е. въ видѣ отдѣльныхъ книгъ или сшитыхъ листовъ, ихъ склеиваютъ въ длинную полосу, свертываемую въ трубку (какъ это дѣлается и понынѣ у евреевъ). Считаютъ они посредствомъ камешковъ и коралловъ, нанизанныхъ на проволоку и расположенныхъ въ два ряда, на подобіе татаръ и китайцевъ"... Отмѣтивъ, что въ его время ученые въ Москвѣ стали уже „терпимы", Рейтенфельсъ дѣлаетъ интересное замѣчаніе объ отношеніи власти къ новому типу школъ. „Недавно русскіе открыли въ столицѣ и школу для обученія латинскому языку, но опасаются, какъ бы занятія учениковъ не вышли за предѣлы изученія языка; поэтому государь разрѣшалъ безпрепятственно учиться лишь тѣмъ, которые намѣрены, въ будущемъ, служить переводчиками, но и это столь полезное учрежденіе, какъ я узналъ изъ писемъ нѣкоторыхъ лицъ, по винѣ учителей, опять упразднено".

Въ своихъ замѣчаніяхъ о духовенствѣ Рейтенфельсъ останавливается большей частью на внѣшней сторонѣ дѣятельности этого со-

словія. Ко времени пробыванія въ Московіи Рейтенфельса борьба царя съ Никономъ уже закончилась и высшее церковное управленіе представляется ему всецѣло зависящимъ отъ царской власти. Приведя списокъ іерархическихъ степеней въ церковномъ управленіи, Рейтенфельсъ разсказываетъ о „низшихъ священнослужителяхъ“: „священнослужители низшаго разряда, по бо̀льшей части, такъ мало почитаются, что если они принесутъ судьѣ жалобу на кого-либо въ оскорбленіи ихъ, то при малѣйшей, съ ихъ стороны, провинности, они сами скорѣе, нежели истинный виновникъ, терпятъ наказаніе. Всѣ, съ кѣмъ они затѣваютъ ссору, безнаказанно колотятъ ихъ палками по всему тѣлу, кромѣ головы; но если кто собьетъ у нихъ съ головы митру (!), возложенную епископомъ, тотъ подвергается тяжкому наказанію. Въ одеждѣ они мало отличаются ото всѣхъ остальныхъ, кромѣ того, что носятъ волосы распущенными и не стригутъ ихъ. Въ вопросахъ, касающихся вѣры, они крайне невѣжественны и нерѣдко подвержены пьянству, предпочитая лучше казаться святыми, нежели быть таковыми въ дѣйствительности“. Объ одномъ митрополитѣ разсказывается, что онъ, „прежде чѣмъ выходить изъ дому, обкуривалъ свое красное лицо сѣрою до блѣдности“. Въ той же главѣ Рейтенфельсъ разсказываетъ о „халдеяхъ“, „крайне нахальномъ разрядѣ людей, похожихъ на дикихъ, нежели на святыхъ, которые во время рождественскихъ праздниковъ должны были представлять исторію о трехъ юношахъ, ввергенныхъ въ пылающую печь, и напоминать объ обращеніи руссовъ посредствомъ огненнаго чуда“.

Рейтенфельсъ отмѣчаетъ враждебное отношеніе православныхъ къ католикамъ, но въ своихъ отзывахъ о православіи онъ высказываетъ взгляды, проникнутые терпимостью и просвѣщеніемъ. „Хотя моски продолжаютъ питать къ латинской церкви ненависть, унаслѣдованную ими отъ грековъ, однако въ основныхъ ученіяхъ вѣры они почти во всемъ согласны съ нею, но такъ какъ у нихъ все подчиняется личному чувству, а общественное благо и согласіе все болѣе и болѣе пренебрегаются, то и самое это сродство служитъ къ еще бо̀льшему раздраженію“.

Много интересныхъ наблюденій дѣлаетъ Рейтенфельсъ и относительно различныхъ другихъ сторонъ государственной и народной жизни. Интересны именно его непосредственныя наблюденія (обычаи, бытъ, матеріальная культура), которыя при чтеніи обыкновенно легко бываетъ отличить отъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ постороннихъ источниковъ. Заинтересовываетъ и личность самого автора сказаній, человѣка образованнаго, начитаннаго, много думавшаго обо всемъ, что̀ ему приходилось видѣть и слышать. Все это, вмѣстѣ взятое, откроетъ

книгѣ Рейтенфельса, повторяемъ, доступъ въ широкіе круги людей, любознательныхъ къ судьбамъ родной исторіи.

II.

— Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій. Его жизнь, творенія и статьи. Подъ редакціей В. В. Стасова. Изд. т-ва Вольфъ. СПб. и М. 1905.

Объемистый томъ (1046 стр.) заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, переписку Антокольскаго съ В. В. Стасовымъ, Мамонтовымъ, Крамскимъ, Тургеневымъ и др., затѣмъ біографическій очеркъ, отрывки автобіографіи и статьи Антокольскаго объ искусствѣ. Въ перепискѣ и сосредоточивается главный интересъ книги; выправленные опытной редакторской рукой неправильные, ломаные обороты русской рѣчи полны живой и мѣткой мысли, оригинальныхъ сужденій, блестокъ тонкаго наблюдательнаго ума и самороднаго, стихійно прорывающагося юмора. Оставаясь специфически самимъ собой въ своихъ письмахъ, Антокольскій въ то же время обращался къ каждому изъ своихъ корреспондентовъ, по ихъ индивидуальности, различными сторонами своего духовнаго облика: наиболѣе полнымъ образомъ отражается онъ въ письмахъ къ В. В. Стасову, которому онъ сообщаетъ объ удачахъ и неудачахъ въ области своихъ работъ, полемизируетъ во взглядахъ на искусство, дѣлится своими художественными впечатлѣніями, переживаніями своего творчества и т. д. Тургеневъ является для него якоремъ спасенія, за который онъ хватается въ минуты отчаянія при полученіи извѣстій о жестокостяхъ и насиліяхъ, творившихся надъ евреями. Въ письмахъ къ Мамонтову появляется элементъ дѣловой, коммерческій, хотя преобладающимъ мотивомъ остается попрежнему искусство. Письма къ Крамскому писаны какъ къ товарищу-художнику, которому Антокольскій пишетъ о своихъ художественныхъ наблюденіяхъ, о постановкѣ дѣла въ Академіи Художествъ, о выставкахъ и проч.

Въ письмахъ нашли себѣ выраженіе взгляды Антокольскаго на искусство и въ особенности отраженіе ихъ въ исторіи творчества самого художника. Читатель съ большимъ интересомъ прочтетъ страницы, наглядно свидѣтельствующія о томъ, какимъ вдумчивымъ и упорнымъ исканіемъ сопровождалось осуществленіе творческихъ замысловъ Антокольскаго, столь разнообразныхъ по темамъ, какъ „Петръ I“, „Іоаннъ Грозный“, „Христосъ“, „Мефистофель“, „Спиноза“, „Смерть Сократа“ и др. О сюжетахъ своихъ работъ Антокольскій пишетъ цѣлыя статьи, любопытныя не въ одномъ автобіографическомъ

смыслѣ. Исходя изъ принципа, что искусство самоцѣльно, Антокольскій опредѣляетъ искусство, какъ „выраженіе ощущеній души во всѣхъ ея фазисахъ. Задача художника: вызвать эти ощущенія въ художественной формѣ. Если художественное творчество не застываетъ на оболочкѣ глаза зрителя, а достигаетъ внутри человѣка глубокихъ ощущеній, каковы: смѣхъ, плачъ, радость, печаль и т. д., если творчество завлекаетъ зрителя въ область дѣйствительности, опоэтизированной художникомъ такъ, что онъ перестаетъ видѣть краски, композицію и весь остальной механизмъ художника, тогда творецъ торжествуетъ—онъ достигъ своей цѣли! Отъ степени интеллигенціи художника зависятъ выборъ сюжета и самый взглядъ на искусство. Чѣмъ болѣе онъ развитъ, тѣмъ шире горизонтъ его, и тѣмъ глубже и вѣрнѣе онъ чувствуетъ". Возникаетъ естественный вопросъ, каково же отношеніе художника къ современному обществу, можетъ ли онъ стоять внѣ интересовъ современности?—На это Антокольскій отвѣчаетъ: „Истинный художникъ, какъ бы онъ ни сознавалъ, что теперь нехорошо, что цѣль жизни состоитъ въ томъ, чтобы достигать всего лучшаго, никоимъ образомъ не можетъ остаться нейтральнымъ къ настоящему. Напротивъ, чѣмъ болѣе чутко онъ чувствуетъ, тѣмъ глубже онъ захватываетъ жизнь, тѣмъ вѣрнѣе на немъ отражается обликъ его времени. Художникъ не можетъ создать комическаго, когда въ жизни существуетъ драма; онъ не можетъ создать высокаго, когда въ дѣйствительности его нѣтъ; онъ всегда и во всякое время остается вѣренъ себѣ и жизни, какъ художникъ и человѣкъ. Какъ художникъ, онъ по своей спеціальности всегда стремится къ свѣту, къ лучшему. Жизнь окутать въ поэзію—таковъ процессъ искусства во всѣхъ его фазисахъ. Но, какъ въ человѣкѣ впечатлительномъ, въ немъ концентрируется, помимо его собственныхъ стараній, жизнь съ ея интересами". Въ полной гармоніи съ этими взглядами находится и взглядъ Антокольскаго на конечную цѣль искусства, на его значеніе въ качествѣ общественнаго служенія. Оно, по словамъ Антокольскаго, стремится, чтобы создать гармоническаго человѣка; оно держится красоты душевной и пытается узнать человѣка, развивать у него чувство къ гармоніи, красотѣ, для того, *чтобы жизнь стала богатой и роскошной.*

Но, наряду съ этими взглядами, любопытно сопоставить отношеніе Антокольскаго къ Пушкину въ письмахъ, написанныхъ въ періодъ работы надъ проектомъ Пушкинскаго памятника. Внутреннее противорѣчіе такъ и осталось нераскрытымъ для Антокольскаго. Оно заключалось въ томъ, что Антокольскій *не чувствовалъ* духа Пушкинской поэзіи и, оцѣнивая созданія его со стороны выраженія полноты жизни, прилагалъ къ нимъ исключительно раціоналистическую мѣрку и немилосердно опрозаичивалъ ихъ. Письма, сюда

относящіяся, были написаны въ половинѣ семидесятыхъ годовъ и, можетъ быть, хранятъ въ себѣ слѣды нѣкоторой писаревщины, вообще несвойственной его душѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно понимать его стремленіе разграничивать пушкинскіе характеры гранью „счастія и несчастія", что было въ сущности только болѣе смягченнымъ выраженіемъ господствовавшаго тогда принципа утилитаризма. „Какъ бы ни желалъ я,—пишетъ онъ г. Стасову,—видѣть среди Пушкинскихъ героевъ такихъ, которые представляли бы что-нибудь свѣтлое, великое, счастливое, но, къ сожалѣнію, ихъ нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.." Только Петръ I-й да Пименъ являются какъ бы нѣкоторымъ исключеніемъ среди Пушкинскихъ героевъ, но и они мало удовлетворяютъ Антокольскаго. Признавая Пушкина „творцомъ, чувствующимъ не только окружающую жизнь, но и самую глубину души человѣческой", онъ въ другомъ письмѣ отказываетъ Пушкину въ цѣльности и законченности творческаго воплощенія: „Нельзя сказать, чтобы онъ (Пушкинъ) не зналъ строя и цѣльности сочиненія, не зналъ, что можетъ быть лишняго и мѣшать общему, но онъ часто относится къ этому совершенно небрежно, т.-е. дѣлаетъ отступленіе и начинаетъ говорить то, что у него на душѣ, но не имѣетъ ничего общаго съ даннымъ произведеніемъ". Далѣе идетъ разсужденіе о симпатичности Пушкинскихъ героевъ и Татьянѣ. „Очень немногимъ изъ героевъ его мы можемъ симпатизировать, да и врядъ ли самъ Пушкинъ симпатизируетъ имъ. Вотъ, напримѣръ, даже сама Татьяна,—ну, что это такое? Въ чемъ выражается ея человѣческая сторона? Просто въ томъ, что она нуждалась въ томъ, чтобы влюбиться въ кого-нибудь. Въ точности словъ не помню, но необыкновенно лишь то, что она сама объясняется въ любви, а Онѣгинъ настолько великодушенъ, что отказывается отъ подобнаго удовольствія, собственно потому, что подобное удовольствіе уже надоѣло ему. И что же въ концѣ-концовъ? Она скучаетъ, отказываетъ женихамъ, и вдругъ ее увозятъ въ Москву. И вотъ, Татьяна является свѣтской дамой, женой искалѣченнаго и стараго генерала, и только благодаря этому нашъ Онѣгинъ влюбляется въ нее до чахотки. Но она—героиня, тверда, недоступна и наконецъ (Богъ знаетъ, отчего) принимаетъ Онѣгина, имѣетъ съ нимъ объясненіе и доказываетъ (по крайней мѣрѣ, я такъ понялъ), что она хоть и чиста въ супружеской своей жизни, но вовсе не героиня, и даже не человѣкъ съ чистымъ характеромъ, а просто малодушная женщина" и т. д.

Можетъ быть, такое непостиженіе Пушкина, воплотившаго въ обаятельной формѣ именно полноту и глубину русскаго духа, коренится гораздо глубже и стоитъ въ связи съ той душевной надломленностью, которая явилась результатомъ многовѣковыхъ страданій и гнета еврей-

ской расы и до извѣстной степени атрофировала чувство безграничной свободы, идущее не изъ бездны страданія и скорби, а изъ свѣтлой радости бытія. Оттого въ области положительной поэзіи истиннымъ представителямъ еврейства всегда ближе языкъ скептически настроенной мысли, чѣмъ музыка нѣжныхъ и неизъяснимыхъ ощущеній души. А какъ глубоко чувствовалъ Антокольскій свои кровныя связи съ еврействомъ—показываютъ его прекрасныя, полныя истиннаго одушевленія и глубокой скорби письма къ И. С. Тургеневу, рисующія его съ другой и чрезвычайно симпатичной стороны. Эти письма были написаны по поводу притѣсненій евреевъ въ 1881 г. Въ нихъ Антокольскій горячо становится на защиту своего родного племени и съ горечью замѣчаетъ, что „тѣ же люди, которые такъ недавно возмущались ужасами болгарскихъ бѣдствій и съ порывомъ великодушія жертвовали всѣмъ для освобожденія болгаръ, теперь остаются равнодушными зрителями всѣхъ ужасовъ, совершающихся у насъ на югѣ. Намъ отвѣтятъ, что „ненависть къ евреямъ племенная и происходитъ отъ экономическихъ условій,—ненависть, которую каждый всасывалъ съ молокомъ матери". Но вѣдь и турки говорили чуть ли не то же самое... Евреи всегда были барометромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ временнымъ громоотводомъ всякой народной грозы—ихъ гоняли, обвиняли вездѣ и во всемъ тогда только, когда народное благосостояніе стояло низко, или падало, и наоборотъ... Но какое дѣло до этого русскому Яго: онъ правъ по своему, когда драпируется въ патріотическую тогу и всѣми чистыми и нечистыми средствами агитируетъ противъ ненавистнаго ему жида. „Евреи высасываютъ кровь изъ народа",—агитируетъ онъ,—„евреи—шинкари процентщики". Но развѣ народу живется легче тамъ, гдѣ еврея нѣтъ, и развѣ тамъ пьютъ меньше? Кто проценты не береть?.. Если еврейскіе проценты невыгодны, то пускай открываютъ мелкій кредитъ для бѣдныхъ. Далѣе: „евреи опасные конкуренты для русской торговли"—тѣмъ же лучше для покупателей, отъ этого все становится дешевле, а не дороже. „Еврей избѣгаетъ воинской повинности, обходитъ законы, даетъ подкупъ и представляетъ опасную кооперацію, „государство въ государствѣ".—Но кого защищать? Отечество, котораго за нимъ не признаютъ? Дайте имъ гражданство, и не будетъ надобности обходить законъ; наконецъ, будто одни евреи только и даютъ взятки! Да и отчего начальство беретъ? Вѣдь оно-то и должно подавать народу примѣръ правды и справедливости. Поднимите уровень образованія, дайте чиновникамъ жить лучше, и тогда зла будетъ относительно меньше, какъ мы видимъ это въ міровыхъ (?) учрежденіяхъ. Отнимите карантинныя цѣпи отъ ихъ „осѣдлости", и тогда не будетъ тѣсноты, отчаянной конкуренціи и ненависти другъ къ другу, доводящей до столь звѣрскихъ

поступковъ... Будьте христіанами, любите правду, будьте великодушны къ своимъ и чужимъ бѣдамъ. Мы всѣ страдаемъ общимъ недугомъ. Намъ всѣмъ нужно одинаковое радикальное излѣченіе".

Живя бо́льшую часть своей жизни заграницей, онъ часто груститъ о Россіи, называетъ ее милой родиной и сознается, что цѣль его жизни—Россія. Отвѣчая на письмо В. В. Стасова, въ которомъ тотъ напоминаетъ о еврейской школѣ въ искусствѣ, Антокольскій говоритъ: „мнѣ кажется, что это (осуществленіе еврейской школы) трудно и даже невозможно. Еврей скорѣе принадлежитъ къ извѣстной партіи, чѣмъ къ національности, или, говоря иначе, онъ націоналистъ, который стремится къ космополитизму. По-моему, въ этомъ и заключается высокое значеніе каждой національности. Евреи имѣютъ національнаго только прошедшее, а въ настоящее время—они и русскіе, и французы, и нѣмцы". Интересы Россіи, а въ частности русскаго искусства, у него на первомъ планѣ: онъ изучаетъ прошедшее Россіи и воспроизводитъ его въ своихъ шедеврахъ; онъ заботится о развитіи искусства въ Россіи посредствомъ выдачи премій за лучшія сочиненія объ искусствѣ, за лучшіе рисунки для школъ; его сердцу близки радости и скорби русскаго народа, и нигдѣ и никогда онъ не порываетъ своей связи съ Россіей. Проповѣдуя общечеловѣческое искусство и сочувствуя идеѣ сліянія всѣхъ народовъ въ одинъ великій свободный народъ, Антокольскій отрицательно относится къ французамъ, нѣмцамъ, итальянцамъ; изъ Россіи онъ видитъ пришествіе будущаго обновляющаго человѣка. По адресу различныхъ національностей у Антокольскаго разбросано немало мѣткихъ художественныхъ характеристикъ.

Въ своихъ письмахъ Антокольскій былъ проповѣдникомъ любовнаго начала въ жизни. Отмѣчая слова Стасова: „Можно любить лишь очень немногое,—все остальное требуетъ настоятельно нашей ненависти, нашего презрѣнія, нашей рѣшительной непріязни вообще", Антокольскій говоритъ: „Нѣтъ, сто разъ нѣтъ! Я совершенно другого убѣжденія: любить многое, и лишь немногое мы должны презирать. Мы должны стремиться любить какъ собственную, такъ и чужую жизнь. Наши стремленія, наши желанія—однимъ словомъ, всѣ мы должны стремиться достигать этого. Мы первые должны сознательно и разумно любить, и лишь съ любовью улучшать все то, что въ жизни есть сквернаго. Еслибы у меня не было надежды на будущее, еслибы я зналъ, что мой трудъ, весь я—не принесемъ улучшенія въ будущее, то я самъ бы подъ собой вырылъ яму, ибо такъ жить или смотрѣть, какъ живутъ другіе—это позоръ для человѣчества!.." Мысли, что искусство и художникъ должны служить человѣчеству, разбросаны у него во многихъ мѣстахъ. Индивидуалисты и мизантропы встрѣчали

въ Антокольскомъ рѣшительнаго противника: „Скверно, когда человѣкъ пичкаетъ всѣхъ своимъ личнымъ „я“. Пора бросить это разъ навсегда, и раньше всего: пора перестать заниматься собой. Мое „я“ должно принадлежать другимъ, для нихъ я долженъ работать и думать... Придетъ ли когда-нибудь то счастливое время, когда со спокойною совѣстью, положа руку на сердце, я сумѣю сказать: „Я не эгоистъ, я работалъ и не даромъ грѣлся подъ лучами солнца!..“

Біографическій и автобіографическій очерки дополняютъ матеріалъ писемъ, по преимуществу, внѣшними данными жизни и творчества Антокольскаго. Въ книгѣ помѣщенъ рядъ снимковъ съ портретовъ Антокольскаго и его произведеній.

III.

— И. Ѳ. Анненскій. Книга отраженій. Изд. бр. Башмаковыхъ. Спб. 1906.

Заглавіе, данное авторомъ своей книгѣ, удачно опредѣляетъ ея сущность. „Критикъ стоитъ обыкновенно внѣ произведенія,—говоритъ г. Анненскій;—онъ его разбираетъ и оцѣниваетъ. Онъ не только внѣ его, но гдѣ-то надъ нимъ. Я же писалъ здѣсь только о томъ, что̀ *мной владѣло*, за чѣмъ я *слѣдовалъ*, чему я *отдавался*, что̀ я хотѣлъ сберечь въ себѣ, сдѣлавъ собою“. Въ дальнѣйшемъ авторъ подчеркиваетъ „поэтичность“ своихъ отраженій, которыя невозможно сводить къ геометрическимъ чертежамъ: „Самое *чтеніе поэта* есть уже творчество. Поэты пишутъ не для зеркалъ и не для стоячихъ водъ. Тѣмъ болѣе сложнымъ и активнымъ оказывается *фиксированіе* нашихъ впечатлѣній“. Очерки, изъ которыхъ состоитъ книга, озаглавлены: „Проблема Гоголевскаго юмора“, „Достоевскій до катастрофы“, „Умирающій Тургеневъ“, „Три соціальныхъ драмы“ („Горькая судьбина“, „Власть тьмы“, „На днѣ“), „Драма настроеній“, „Бальмонтъ-лирикъ“. „Я бралъ только то,—говоритъ г. Анненскій по поводу выбора,—что̀ чувствовалъ выше себя, и въ то же время созвучное“... „Я бралъ произведенія субъективно характерныя. Меня интересовали не столько объекты и не самыя фантоши, сколько творцы и хозяева этихъ фантошей“.

Это, дѣйствительно, книга отраженій того, что̀ передумалъ и перечувствовалъ авторъ, поддаваясь обаянію художественныхъ образовъ. Наросталъ сложный психологическій матеріалъ, получавшій цвѣты и звуки изъ источника своего очарованія, — этотъ матеріалъ и ложился въ основу аналитическихъ и синтетическихъ комбинацій. Отсюда языкъ автора, подражательный по настроеніямъ, пора-

жаетъ въ то же время своей субъективностью, переходящею въ интимность, съ которой читатель приглашается внимательно-напряженно, не столько путемъ неустанной логической повѣрки, сколько инстинктомъ эстетически-настроенныхъ ощущеній, слѣдить за рѣчью автора, не чуждой полунамековъ, полусимволовъ, положеній, вытекающихъ изъ извѣстнаго душевнаго настроенія, и потому не доказуемыхъ. Авторъ, и впрямь, не приводитъ ни къ какимъ обобщеніямъ, ничего не доказываетъ, ни въ чемъ не убѣждаетъ. Онъ подходитъ къ писателямъ съ той утонченной душевной любознательностью, которая придаетъ его книгѣ характеръ интересной попытки литературнаго исканія и, можетъ быть, служитъ новой ступенью въ пониманіи предстоящихъ критическихъ задачъ.

Г. Анненскій настолько сживается съ тѣмъ или инымъ произведеніемъ, что способность оцѣнки и въ самомъ дѣлѣ отступаетъ у него на далекій планъ передъ волной чувствованій и переживаній. Глубокое и любовное изученіе предмета своей работы приводитъ его не только къ гармоничному примиренію съ художникомъ, къ *созвучности* съ нимъ, но и къ подчиненію себя власти творца, который становится его кумиромъ. Какимъ бы характеромъ ни отличалась грядущая критика, она никогда не поставитъ это свойство въ особую заслугу своимъ представителямъ. Душа критика, какъ и душа художника, должна быть свободна для всѣхъ стихій человѣческаго чувства и воли, и въ ея протестующемъ началѣ скрыта одна изъ тайнъ ея жизненной необходимости и власти. Лично отъ себя г. Анненскій не вноситъ никакого протеста, не дѣлаетъ никакого усилія воли, чтобы толкнуть жизнь въ томъ или иномъ направленіи: онъ—вдумчивый и тонкій истолкователь того, что созвучно его душѣ, и потому онъ вполнѣ основательно избѣгаетъ названія своихъ очерковъ критическими. Они написаны объ *избранномъ* и для *избранныхъ*. Это — укромные и живописные заливчики, въ которыхъ отражаются прибрежная зелень и голубыя небеса, но изъ нихъ, изъ этихъ заливчиковъ, не тянетъ, распустивъ парусъ, выплыть навстрѣчу волнамъ и бурямъ безграничнаго морского простора. Прочитавъ книгу г. Анненскаго, невольно хочется сказать: вотъ какъ слѣдуетъ знать и любить писателя, но чтобы помочь другимъ узнать и полюбить его, нужно писать и такъ, какъ пишетъ г. Анненскій, и какъ-нибудь иначе... болѣе объективно и властно.

Тонкая художественная впечатлительность автора, въ соединеніи съ чуткостью самонаблюденія, вводитъ читателя въ область своеобразнаго импрессіонизма, создаетъ параллелизмъ настроенія, созвучнаго настроенію изучаемаго произведенія. Пишетъ, напр., г. Анненскій о „Носѣ“ Гоголя, онъ разлагаетъ синтезъ Гоголевскаго творчества на эмбріоны въ настроеніяхъ и даетъ новый синтезъ, въ которомъ,

въ полусимволической формѣ, осмысливаетъ повѣсть. Согласится ли читатель или нѣтъ съ этимъ осмысленіемъ — вопросъ совершенно особый, но онъ передумаетъ повѣсть вмѣстѣ съ авторомъ, а главное *почувствуетъ* Гоголя,—а войти въ духъ писателя составляетъ основную цѣль стремленій г. Анненскаго. „Литературныя изображенія людей имѣютъ какъ бы двѣ стороны: одну—обращенную къ читателю, другую—намъ не видную, но неотдѣлимую отъ автора. Внутренняя, интимная сторона изображеній чаще всего просвѣчиваетъ сквозь внѣшнюю, какъ бы согрѣвая ее своими лучами. Но, повторяю, она недоступна нашему непосредственному созерцанію, а существуетъ лишь во внутреннемъ переживаніи поэта, и нами постигается только симпатически. Внутренняя, интимная сторона изображеній болѣе всего занимаетъ г-на Анненскаго, но она обыкновенно не приводитъ къ положительнымъ рѣшеніямъ, если не считать туманныхъ ссылокъ на „высшія категоріи бытія“ и на „лазурныя краски невозможнаго“, которыя ничего не объясняютъ. Иногда авторъ разсматриваетъ отдѣльныя литературныя изображенія съ точки зрѣнія иллюстраціи къ основнымъ идеямъ творчества писателей. Таковъ, напр., этюдъ о „Прохарчинѣ“, гдѣ есть, между прочимъ, одно очень тонкое замѣчаніе. „Мотивъ повѣсти,—говоритъ г. Анненскій,—*непосильная для наивной души* борьба съ *страхомъ жизни*. Вдумайтесь въ природу и смыслъ этого страха жизни, и вы откроете интересный контрастъ между даннымъ мотивомъ и столь возвеличенной въ наши дни Чеховщиной. Кажется, ни одинъ поэтъ не давалъ читателю лучше Достоевскаго почувствовать, что такое настроеніе: вспомните только сонъ Раскольникова въ его „каютѣ“ и потомъ, когда онъ проснулся, закатъ въ стеклахъ и бьющуюся между ними муху, или еще то раннее утро, когда Свидригайловъ ощупываетъ въ карманѣ револьверъ, а на него глядѣли закрытыми ставнями желтые домишки Петербургской стороны, еще скользкіе отъ ночного тумана. Никто сильнѣе Достоевскаго не умѣлъ внести въ самую пошлую и отрезвляющую обыденность—фантазіи самой безумной, или, съ другой стороны, свести смѣлый романтическій полетъ къ безнадежно осязательной реальности“. Этотъ этюдъ г. Анненскаго раскрываетъ и ту особенность его дарованія, которая, можетъ быть не безъ нѣкотораго зараженія Достоевскимъ, направляетъ интересъ автора на употребляемые художниками пріемы въ изображеніяхъ ощущенія жизни, на процессы его осмысленія, на то, какъ оно совершается въ реальной дѣйствительности и вызываетъ боль и страданіе своимъ несоотвѣтствіемъ идеалу. И, опредѣливъ внутренній смыслъ того или другого изображенія, авторъ тотчасъ же восходитъ къ его художнику и опредѣляетъ ихъ взаимоотношеніе или, лучше сказать, одно изъ возможныхъ взаимоотношеній. Прохарчинъ у автора

является контрастомъ къ Достоевскому 1846 г., но способъ объясненія молодого Достоевскаго съ Прохарчинымъ едвали можно признать убѣдительнымъ. Достоевскій обладалъ неистощимой фантазіей,—Прохарчинъ былъ бездаренъ; Достоевскій былъ общителенъ (1846?),—Прохарчинъ боялся любви; на Достоевскаго, какъ и на Прохарчина, „напирала жизнь, требуя отвѣта и грозя пыткой, въ случаѣ, если онъ не сумѣетъ отвѣтить"—эти и т. п. доказательства еще ничего не говорятъ о тѣхъ глубочайшихъ импульсахъ въ творчествѣ Достоевскаго, которые повели къ созданію прохарчинскаго типа. Также много натянутаго въ сближеніяхъ Тургенева съ Аратовымъ („Клара Миличъ"), но, какъ *исканія*,—сопоставленія автора, повторяемъ, очень любопытны, и на нихъ стоитъ остановить пристальное вниманіе. Слабые въ обобщеніяхъ, очерки г. Анненскаго заключаютъ въ себѣ рядъ мастерскихъ характеристикъ отдѣльныхъ положеній и тонкихъ замѣчаній, напр., о драмѣ Толстого, о Горькомъ („Горькій, кажется, никого не любитъ, онъ ничего не боится"), о поэзіи г. Бальмонта. Въ итогѣ—книга Анненскаго — интересная и живая книга, которой не слѣдуетъ затеряться среди новѣйшей, слишкомъ ужъ специфической книжной литературы.

Евг. Л.

IV.

— Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. CXXI, CXXII, Спб., 1906.

Давно не появлялось въ печати такого интереснаго тома Имп. Русскаго Историческаго Общества, какъ настоящій. Въ него вошли матеріалы изъ архива свѣтлѣйшаго князя А. И. Чернышева; мастерски подобранные и прекрасно освѣщенные кн. Н. В. Голицынымъ, они вносятъ цѣнный и новый вкладъ въ изслѣдованіе отношеній Россіи и Франціи въ началѣ XIX вѣка. Первоначально 121-й томъ долженъ былъ выйти подъ редакціей покойнаго Н. К. Шильдера: кн. Н. В. Голицынъ въ краткомъ предисловіи объясняетъ, что Чернышевскія бумаги „представляютъ собой матеріалъ крайне разнородный по содержанію, а потому и не одинаково важный по своему историческому значенію". Для изученія этихъ бумагъ онѣ подраздѣлены на 13 отдѣловъ, что значительно облегчаетъ читателю пользованіе ими; такъ, I, II, III, IV, VII, VIII и IX отдѣлы исключительно отведены для дипломатической дѣятельности Чернышева съ 1809 по 1817 г.; отдѣлъ V содержитъ бумаги, касающіяся военной дѣятельности кн. Александра Ивановича; VI и X—отведены для докладныхъ записокъ имп. Александру I-му; въ XI—собраны бумаги по устройству войска Дон-

ского; XII отдѣлъ заключаетъ въ себѣ переписку съ разными лицами, и наконецъ XIII—семейныя письма и бумаги.

Переходя къ болѣе подробному обзору настоящаго труда, слѣдуетъ обратить особое вниманіе на отдѣлъ I-й, гдѣ напечатанъ рядъ интересныхъ свѣдѣній о пребываніи Чернышева въ арміи имп. Наполеона въ знаменательную кампанію 1803 г. въ Австріи.

Особенно драгоцѣнны записки о пребываніи Чернышева при Наполеонѣ въ маѣ и іюнѣ 1809 г., поѣздки къ Наполеону и имп. Францу осенью того же года, черновыя замѣтки во время пребыванія въ Австріи и описанія сраженій при Аспернѣ и Ваграмѣ.

Во II отдѣлѣ рядъ важнѣйшихъ документовъ, относящихся къ военно-дипломатической миссіи Чернышева въ Парижѣ въ 1810 г. Письма къ канцлеру гр. Румянцеву свидѣтельствуютъ о замѣчательной наблюдательности молодого русскаго полковника, о вѣрности и смѣлости его взглядовъ — какъ на Францію („Coup d'oeil rapide sur l'intérieur actuel de la France"), такъ и на настроеніе общества и самого Наполеона въ этотъ періодъ его жизни. Здѣсь въ первый разъ мы узнаемъ о переговорахъ Чернышева съ полковникомъ Жомини по поводу возможности перехода его въ русскую службу. До сихъ поръ была извѣстна только измѣна Жомини, происшедшая на поляхъ Саксоніи въ кампанію 1813 г., когда, будучи начальникомъ штаба маршала Нея, онъ внезапно бросилъ французскія знамена и перешелъ въ ряды русскихъ войскъ. Между тѣмъ, оказывается, что этотъ переходъ на нашу службу былъ не какимъ-либо случайнымъ поступкомъ, а результатомъ давно обдуманнаго рѣшенія, которому предшествовало полное согласіе имп. Александра еще за три года до этого, т.-е. въ іюнѣ 1810 года.

Далѣе, въ письмахъ Чернышева къ гр. Румянцеву не разъ подробно повѣствуется объ его разговорахъ съ маршаломъ Бернадотомъ. Бесѣды эти велись часто, и маршалъ настойчиво утверждалъ о своихъ симпатіяхъ къ Россіи, о своемъ недовольствѣ режимомъ Бонапарта, а также выяснялъ, отчего онъ согласенъ превратиться въ наслѣднаго принца шведскаго. Если вспомнить роль Бернадота въ 1813 и 1814 годахъ, его дружескія сношенія съ имп. Александромъ, то многое станетъ теперь понятнымъ.

Въ III отдѣлѣ помѣщены неизвѣстные доселѣ документы, относящіеся къ дипломатической миссіи Чернышева въ Стокгольмѣ въ 1810 году.

Почти сто страницъ составляютъ IV отдѣлъ, въ которомъ заключены подробныя донесенія Александра Ивановича канцлеру гр. Румянцеву, имп. Александру и военному министру Барклаю-де-Толли отъ января 1811 до февраля 1812 г., во время военно-дипломатиче-

ской миссіи Чернышева въ Парижѣ. Письма почти всѣ весьма обширны и заслуживаютъ вниманія, такъ какъ въ нихъ выразились наблюденія русскаго уполномоченнаго, наканунѣ разрыва между Франціей и Россіей. Любопытно въ нихъ то, насколько Чернышевъ входилъ во всѣ мелочи, подробно донося о колоссальныхъ приготовленіяхъ Наполеона къ походу на Россію. Параллельно съ этимъ, имъ сообщаются также результаты дѣйствій французскихъ войскъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, гдѣ французы терпятъ частыя неудачи, невыгодно отражавшіяся на настроеніи французскаго населенія; отмѣчая это, Чернышевъ замѣчаетъ, что новая, полная лишеній и трудностей война съ Россіей врядъ ли будетъ популярна во Франціи. Вообще, надо отдать полную справедливость наблюдательности и ясному изложенію всѣхъ донесеній Чернышева за этотъ періодъ его дѣятельности.

Документы, касающіеся военной дѣятельности Чернышева за 1812, 1813 и 1814 года, помѣщены въ V отдѣлѣ, но особаго интереса не представляютъ, такъ какъ тогда Чернышевъ не занималъ отвѣтственныхъ должностей, не обнаруживалъ военныхъ талантовъ, а единственнымъ извѣстнымъ маневромъ его было взятіе города Касселя, что̀ и было любимымъ конькомъ впослѣдствіи въ бесѣдахъ Чернышева о своихъ подвигахъ въ 1814 году. Въ сборникѣ имѣется подробное донесеніе о взятіи Касселя и о различныхъ дѣйствіяхъ его отряда въ Германіи и во Франціи въ періодъ 1813 и 1814 годовъ.

Изъ докладныхъ записокъ Чернышева имп. Александру, помѣщенныхъ въ VI отдѣлѣ, обращаетъ на себя вниманіе записка о возстановленіи Польши, гдѣ выражены ясные взгляды князя по этому вопросу.

VII, VIII, IX и X отдѣлы относятся къ дипломатическимъ миссіямъ Чернышева въ Вѣнѣ въ 1816 году, въ Гагѣ въ 1817 году, въ Стокгольмѣ въ 1818 году и, наконецъ, записки, представленныя въ томъ же году государю на ахенскомъ конгрессѣ.

Весьма интересны письма изъ Вѣны, гдѣ снова проявляется замѣчательная наблюдательность Чернышева и весьма мѣткія сужденія о Меттернихѣ и его дѣятельности. То же можно сказать о донесеніяхъ изъ Гаги и Стокгольма, гдѣ помѣщены подробности о восшествіи на шведскій престолъ Бернадота подъ именемъ короля Карла XIV, уже не разъ имѣвшаго сношенія съ русскимъ уполномоченнымъ и въ Парижѣ, и въ періодъ освободительныхъ войнъ въ борьбѣ съ Наполеономъ.

Бумаги по дѣламъ Донского комитета (1821 — 1824) не имѣютъ особаго значенія, но свидѣтельствуютъ о тѣхъ разнородныхъ порученіяхъ, которыя приходилось исполнять Чернышеву. Это пригодилось

ему впослѣдствіи, когда онъ былъ военнымъ министромъ въ царствованіе Николая I-го и брался за рѣшеніе всевозможныхъ сложныхъ вопросовъ съ легкостью человѣка, привыкшаго умѣло пользоваться обстоятельствами, несмотря, впрочемъ, на полное отсутствіе серьезной подготовки къ такому отвѣтственному посту, какъ постъ военнаго министра.

Въ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ помѣщены—переписка Чернышева съ разными лицами съ 1809 по 1825 г. и семейныя письма къ матери, сестрѣ и третьей супругѣ его, рожденной Зотовой. Вѣроятно, въ семейномъ архивѣ находится еще немало другихъ писемъ Александра Ивановича, такъ какъ онъ за свою долгую жизнь былъ въ сношеніяхъ почти со всѣми дѣятелями царствованій Александра и Николая Павловичей и интересовался всѣми вопросами, особенно политическими, волновавшими людей этой эпохи.

Изъ собранныхъ въ настоящемъ сборникѣ писемъ Чернышева, вообще не особенно интересныхъ, любопытны письма къ женѣ, писанныя изъ Таганрога, когда Чернышевъ, въ числѣ весьма немногихъ лицъ, сопутствовалъ государю въ его путешествіи по Крыму и былъ при немъ въ послѣднія минуты его жизни.

Документы напечатаны, въ подлинникѣ, на французскомъ языкѣ, что̀ не только важно для нашихъ изслѣдователей родной исторіи, но и для иностранныхъ историковъ, которымъ, по незнанію русскаго языка, недоступно большинство сокровищъ нашихъ архивовъ.

Переходимъ ко второму изъ вышедшихъ въ послѣднее время томовъ „Сборника“.

Насколько толково изданъ разсмотрѣнный нами выше томъ „Сборника“, настолько небрежно выпущенъ въ свѣтъ томъ сто двадцать второй, не обозначенный именемъ своего составителя, которое остается неизвѣстнымъ. Нѣтъ предисловія, необходимаго при изданіи историческихъ матеріаловъ; не имѣется ни малѣйшаго указанія, кто былъ составителемъ довольно обширной біографіи князя А. И. Чернышева; не указано, изъ какого архива заимствованы письма высочайшихъ особъ, князя Паскевича, всеподданнѣйшія записки Чернышева. На страницѣ 288 имѣется, правда, примѣчаніе, что „этимъ годомъ Михайловскій-Данилевскій заканчиваетъ біографію князя А. И. Чернышева“, но это примѣчаніе ровно ничего не объясняетъ.

Надо полагать, что помѣщенная въ этомъ томѣ біографія А. И. Чернышева была первоначально составлена Михайловскимъ-Данилевскимъ, въ видѣ апологіи всесильнаго военнаго министра, которому онъ былъ многимъ обязанъ. Вѣроятно, эта біографія нашлась въ Чернышевскомъ архивѣ въ числѣ прочихъ бумагъ. Она была одно время въ рукахъ покойнаго Н. К. Шильдера, который, за своей подписью,

печаталъ ее въ „Русской Старинѣ“, но смерть помѣшала ему окончить ея печатаніе. Затѣмъ эта біографія находилась у Н. Ѳ. Дубровина, имѣвшаго намѣреніе ее обработать, но за смертью и онъ не успѣлъ привести въ исполненіе своего намѣренія. Теперь та же работа появляется на страницахъ Историческаго Сборника — безъ подписи, и приходится гадать,—представляетъ ли это первоначальный трудъ Михайловскаго-Данилевскаго, или уже отчасти переработанное жизнеописаніе Чернышева Шильдеромъ и Дубровинымъ?

Намъ думается, что въ Сборникѣ напечатана цѣликомъ апологія-біографія кн. Чернышева, такъ какъ изложеніе поразительно напоминаетъ біографическіе очерки того же Михайловскаго-Данилевскаго, сдѣланные имъ къ изданію портретовъ генераловъ отечественной войны изъ галлереи Зимняго дворца.

Во второй части разсматриваемаго тома помѣщены письма разныхъ лицъ къ А. И. Чернышеву въ періодъ тридцатыхъ годовъ, но, къ сожалѣнію, письма эти мало интересны, а отсутствіе указаній со стороны издателя еще болѣе умаляетъ ихъ значеніе.

Послѣдняя часть Сборника отведена письмамъ кн. Паскевича къ А. И. Чернышеву. Письма эти, въ количествѣ 108, писаны съ 1827 по 1852 годъ, и къ нимъ тоже не сдѣлано никакихъ примѣчаній. Между тѣмъ письма князя Паскевича представляютъ несомнѣнный интересъ, не только историческій, но и для характеристики личности самого князя Варшавскаго. Но отвѣты на нихъ князя Чернышева не напечатаны, что составляетъ досадный пробѣлъ, потому что оба играли настолько выдающуюся роль въ царствованіе имп. Николая I, что будущему историку могли бы служить богатѣйшимъ матеріаломъ для изученія этой эпохи. Остается только пожелать, чтобы пробѣлъ этотъ былъ пополненъ въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ „Сборника“ Имп. Историческаго Общества, послѣднему не трудно было бы добыть ихъ изъ архива князя Паскевича, который находится въ образцовомъ порядкѣ въ Гомелѣ и которымъ обильно пользовался исторіографъ фельдмаршала Паскевича — кн. Щербатовъ, издавшій цѣлую серію весьма обширныхъ томовъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ.—Н. М.

V.

— О. Н. Чюмина (Михайлова). „Новыя стихотворенія“. Т. III. Спб. 1905.

Поэзія О. Н. Чюминой—ровная, спокойная поэзія. Она похожа на бѣленькій уютный домикъ, гдѣ-нибудь въ лѣсу, далеко отъ города. Въ немъ такъ хорошо отдохнуть послѣ трудной дороги; все въ немъ

такъ знакомо, близко вамъ. Никакихъ особенныхъ рѣдкостей не увидятъ тамъ, ничего новаго тамъ не раскажутъ, но тамъ живутъ радушные, привѣтливые люди, они приласкаютъ и пріютятъ читателя.

Послѣ бури вечеръ ясный
И безоблачная даль,
И порывъ смѣняетъ страстный
Примиренная печаль.—

вотъ основное настроеніе поэзіи г-жи Чюминой. Гдѣ-то тамъ далеко люди терзаются, люди блуждаютъ безъ дороги, гдѣ-то тамъ Боделеръ, Эдгаръ Поэ, Нитцше, Метерлинкъ, а здѣсь тепло, уютно подъ низкимъ потолкомъ, лампа свѣтитъ привѣтливо...

...Солнце восходитъ, заходитъ,—
Все пусто и глухо въ лѣсу,
И жизнь незамѣтно проходитъ,
Минуя царевну-красу.

Г-жа Чюмина — умѣлая и заслуженная переводчица,—и въ переводахъ своихъ она находитъ близкихъ себѣ по духу поэтовъ. Тихорадостная Елизавета Браунингъ, спокойный Теннисонъ, идиллическій Пальеронъ, незатѣйливый Ричардъ Гарнетъ—вотъ постоянные и желанные гости этого бѣленькаго, уютнаго домика. Правда, порою забѣжитъ туда Доде, забредетъ праздный Верленъ, войдутъ загорѣлые поэты мужицкой Германіи—Фонтанъ, Штормъ, Герокъ,—но, странное дѣло, въ этихъ уютныхъ стѣнахъ они становятся какъ-то тише, какъ-то спокойнѣе, и даже самъ Викторъ Гюго смиряется здѣсь и забываетъ на время, что онъ—громовержецъ.

Г-жа Чюмина прекрасно перевела его „Châtiments“:

Да, совѣсть умерла среди постыдныхъ оргій,
Насталъ великій день для вора и лжеца,
И наглость, наклонясь надъ мертвою въ восторгѣ,
Ей оскорбленія наноситъ безъ конца.

Судья и іезуитъ—намѣстники Іуды,
Тамъ, у подножія Господняго креста,
Считаютъ золота награбленнаго груды,
И снова предаютъ Распятаго Христа, и т. д.

Но это только переводъ, только прекрасная передача чужихъ словъ. На самомъ же дѣлѣ—

Сегодня небо такъ лазурно,
И такъ прозрачны облака,
И даль морская такъ безбурна—
Что таетъ на сердцѣ тоска.

Забвеньемъ дышитъ все и миромъ,
Чаруетъ море синевой:
Оно блеститъ живымъ сапфиромъ
Изъ рамокъ зелени живой.

Въ этомъ томикѣ стиховъ г-жи Чюминой *нѣтъ современныхъ напѣвовъ* (не сюжетовъ, а именно напѣвовъ, красокъ). Каждое изъ ея стихотвореній могло быть написано и вчера, и сорокъ лѣтъ назадъ. Никто не удивился бы, если бы подъ этимъ, напр., стихотвореніемъ оказалась *дата 1820 г.*:

Листва желтѣющая—рѣже,
Съ зарей—обильнѣе роса,
Утра безоблачны и свѣжи,
Прозрачно ярки небеса;
Какъ будто тѣ же и не тѣ же
Стоятъ задумчиво лѣса.

Такъ и былого обаянье
Становится съ теченьемъ дней
Еще прекраснѣй, но—грустнѣй.
Оно живетъ въ воспоминаньѣ,
Какъ ранней осени дыханье,
Какъ отблескъ меркнущихъ огней...

Таковы въ настоящей книжкѣ стихи г-жи Чюминой. Новые поэты пишутъ нынче о „безднахъ“, о „хаосѣ“, у г-жи Чюминой—„обаянье“, „воспоминанье“, „дыханье“...

И форма, и господствующее настроеніе здѣсь—идиллія. Не даромъ г-жа Чюмина начала свою поэтическую дѣятельность съ переводовъ Франсуа Коппе. Не даромъ такъ великолѣпны ея переводы изъ „Королевской идилліи“ Теннисона. Не даромъ ей такъ удалась „Кукла“ Пальерона. Здѣсь поэтесса—у себя дома. Всѣ оттѣнки нѣжной, примиренной, спокойно-грустной любви, гдѣ нѣтъ ни смѣха, ни слезъ, а одна только улыбка трогательнаго воспоминанія,—передаются г-жей Чюминой съ удивительнымъ мастерствомъ. Какъ хорошъ, напримѣръ, ея переводъ „Старосвѣтскихъ идиллій“ Остина Добсона! Какъ прекрасно передано г-жей Чюминой это старое бабушкино письмо, написанное, когда бабушка была еще влюбленной, молодой дѣвушкой,—письмо, надъ которымъ замечтался ея внучекъ-поэтъ:

Росла шпалерника стѣна
Такъ чинно и такъ прямо,
Какъ и въ быломъ, во времена
Голандскаго Вильяма.

Замысловатый свой узоръ
Хранили тамъ куртины,

И выпускали до сихъ поръ
Струю воды дельфины.

Попрежнему среди колоннъ,
Служившихъ богу храмомъ,
(Теперь безносый) Аполлонъ
Все улыбался дамамъ...

„Но, слѣдъ новѣйшей суеты повсюду обнаруживъ, какъ будто юныя черты изъ-подъ старинныхъ кружевъ, и въ этомъ мирномъ уголкѣ сквозила жизнь иная. Валялся крокетъ на пескѣ, накидка кружевная, картинка модная"...—картинка, такая стильная, такая вычурная,—и вдругъ, на этомъ фонѣ,—столько лиризма, столько свѣжаго, нѣжнаго, душевнаго чувства:

„Милый мой, ни любви, ни тоски
Не знавала я раньше, но вѣрь,
Что однимъ лишь пожатьемъ руки
По недѣлѣ живу я теперь.
Шлю въ письмѣ—угадаешь ли, что?
Въ уголкѣ сохраняется онъ...
Хочешь знать?.. Не скажу ни за что!
Поищи и найдешь, милый Джонъ".

Это уже не переводъ. Это—перевоплощеніе. Ибо здѣсь,—въ этомъ маленькомъ очаровательномъ уголкѣ—всѣ симпатіи г-жи Чюминой. А ея переводы изъ Метерлинка, напр., хоть и вѣрные подлиннику внѣшне, душою совершенно далеки отъ него. У Метерлинка не стихи, а пѣсни—г-жа Чюмина лишила ихъ именно напѣвности. Она придала имъ размѣръ, котораго нѣтъ въ подлинникѣ, и почему-то сократила одну изъ лучшихъ пѣсенъ („А если онъ вернется"), выбросивъ изъ нея самыя характерныя строки. Все это потому, что Метерлинкъ для музы г-жи Чюминой—мимолетный и случайный гость.

Нужно ли упоминать, что г-жа Чюмина владѣетъ прекраснымъ языкомъ, что стихъ ея гибокъ, послушенъ, музыкаленъ, что образы всюду нѣжны, граціозны, изящны... — К. Ч—ій.

VI.

— Проф. А. Ѳ. Фортунатовъ. Поземельныя отношенія въ Западной Европѣ. Москва, 1905 г., стр. 70.

Въ настоящее время, когда аграрный вопросъ такъ живо интересуетъ русское общество, когда пишется столько статей и брошюръ, посвященныхъ этому вопросу, и когда сухія статистическія данныя о

поземельныхъ отношеніяхъ Россіи сдѣлались предметомъ общаго вниманія—небольшая книжка проф. Фортунатова, посвященная поземельнымъ отношеніямъ Западной Европы, появилась весьма кстати. При обсужденіи аграрнаго вопроса въ одной странѣ, весьма полезно справляться съ тѣмъ, что представляютъ въ данномъ отношеніи другія государства; и особенно полезно было бы имѣть въ виду эти послѣднія при обсужденіи видовъ на будущее нашихъ аграрныхъ и агрикультурныхъ отношеній. Сравненіе Россіи съ Западной Европой оказало бы прежде всего отрезвляющее вліяніе на наши разсужденія о вѣроятномъ будущемъ земледѣльческихъ классовъ Россіи въ томъ отношеніи, что заставило бы усомниться въ правильности предположенія, будто русскій земледѣлецъ обрѣтетъ прочную основу благосостоянія въ тѣхъ самыхъ (техническихъ) преобразованіяхъ своего производства, путемъ которыхъ была достигнута извѣстная (не Богъ знаетъ, впрочемъ, какая!) высота матеріальнаго благополучія его западнаго собрата. Эти разсужденія аналогичны недавно еще широкораспространенному у насъ мнѣнію, что для поднятія экономическаго уровня нашей страны слѣдуетъ довести нашу индустрію до того приблизительно состоянія, въ какомъ она находится въ болѣе развитыхъ государствахъ. Это соображеніе заставило, какъ извѣстно, нашихъ государственныхъ мужей ввести энергичную покровительственную политику, а поклонниковъ западно-европейскихъ промышленныхъ порядковъ—аплодировать успѣхамъ нашей подхлестываемой индустріи. Нынѣче объ „успѣхахъ“ фабрично-заводской промышленности скромно умалчиваютъ, но тѣмъ рѣшительнѣе мечтаютъ о грядущихъ успѣхахъ промышленности сельско-хозяйственной, указывая, что при самыхъ незначительныхъ затратахъ мы можемъ чуть не удвоить производительность нашей земли.

Можно опасаться, что въ этихъ надеждахъ насъ ожидаетъ такое же разочарованіе, какое мы недавно испытали по отношенію индустріи. Фабрично-заводская и земледѣльческая промышленность Россіи, конечно, не обречена на вѣчный застой; и ни та, ни другая не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Но изъ этого никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что въ любой моментъ исторіи мы можемъ двинуть ту или другую такъ далеко впередъ, какъ это желательно для нашего благополучія. Мы не имѣли бы такой власти, еслибы развитіе нашей промышленности зависѣло исключительно отъ внутреннихъ отношеній. Тѣмъ менѣе можемъ мы строить широкіе замыслы при современныхъ условіяхъ производительности, когда на экономическія отношенія одной страны оказываютъ вліяніе всѣ цивилизованныя государства, когда національное производство превратилось въ международное. Быть можетъ, мы и удвоили бы въ нѣсколько лѣтъ количество производимаго у насъ

зерна! Но что мы будемъ дѣлать съ этимъ зерномъ, если нашъ конкуррентъ увеличитъ и свою производительность хотя бы на 20—25%, а страны, ввозящія зерно, подымутъ на него таможенныя пошлины? А вѣдь хлѣбная производительность растетъ не у насъ однихъ. Да и безъ повышенія таможенныхъ пошлинъ, націи, ввозящія хлѣбъ, не станутъ пріобрѣтать по желательнымъ для насъ цѣнамъ столько товара, сколько мы пожелаемъ имъ предложить.

Разсматриваемая нами книжка проф. Фортунатова заключаетъ свѣдѣнія, выясняющія одно изъ условій возрастанія земледѣльческой производительности. Условіе это заключается въ емкости внутренняго рынка для сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Въ Россіи, какъ и повсюду, господствуетъ товарное производство. Разсужденія о необходимости поднятія производительности нашего земледѣлія имѣютъ въ виду не одно только насыщеніе самихъ производителей хлѣба. Еще въ большей мѣрѣ разсчитываютъ при этомъ на возрастаніе денежныхъ доходовъ земледѣльцевъ и на послѣдующее за этимъ развитіе промышленности, упроченіе государственныхъ и мѣстныхъ финансовъ и т. д. Возрастаніе же денежныхъ доходовъ земледѣльцевъ зависитъ отъ того, сколько они могутъ продать своихъ произведеній, а это обусловливается имѣющимся рынкомъ для сбыта послѣднихъ. И вотъ, что касается внутреннихъ потребителей земледѣльческихъ продуктовъ, сводящихся болѣе и болѣе на жизненные припасы, то данныя А. Ѳ. Фортунатова рисуютъ слѣдующимъ образомъ положеніе въ этомъ отношеніи различныхъ европейскихъ государствъ.

Покупателями земледѣльческихъ продуктовъ, доставляющими сельскимъ хозяевамъ денежные доходы, является населеніе, не занимающееся сельскимъ хозяйствомъ. Отъ количества этого населенія, отъ отношенія между земледѣльческимъ и неземледѣльческимъ населеніемъ страны зависитъ поэтому размѣръ этихъ денежныхъ доходовъ. Чѣмъ значительнѣе неземледѣльческое населеніе, тѣмъ больше своего товара можетъ продать сельскій хозяинъ; чѣмъ меньшая доля жителей отвлечена отъ сельскаго хозяйства, тѣмъ менѣе запросъ рынка на продажные продукты земледѣлія, тѣмъ менѣе имѣется у сельскаго хозяина возможности увеличить денежные свои доходы, тѣмъ менѣе побудительныхъ причинъ къ возвышенію производительности его земли.

Въ Россіи, согласно переписи 1897 г., отъ земли, какъ главнаго промысла, получаютъ средства существованія 70% населенія; неземледѣльческое же населеніе составляетъ 30% всѣхъ жителей. Болѣе высокій процентъ падаетъ на земледѣльческое населеніе лишь въ маленькой Сербіи, а приближаются въ данномъ отношеніи къ Россіи маленькая Болгарія и Венгрія. Въ мелкихъ государствахъ—Румыніи, Греціи и Португаліи—земледѣльцы составляютъ 60% всего населе-

нія; въ Австріи, Испаніи и Италіи — нѣсколько болѣе половины; во Франціи и Швейцаріи — нѣсколько менѣе половины; въ Даніи, Швеціи и Германіи — нѣсколько болѣе 1/3 части, а въ Бельгіи и Голландіи — ровно 1/3 часть населенія. Изъ этой статистической справки читатель можетъ усмотрѣть, что въ богатыхъ цивилизованныхъ государствахъ процентъ земледѣльческаго населенія колеблется между 1/3—1/2 всего населенія, или, говоря иначе, денежный доходъ обезпечивается земледѣльцу спросомъ на его произведенія со стороны 1/2—2/3 жителей. Въ Россіи же покупателями земледѣльческихъ продуктовъ является всего 30% населенія. Нѣтъ ничего удивительнаго, если, при такихъ условіяхъ, нашъ земледѣлецъ стремится добыть деньги для покрытія своихъ нуждъ вывозомъ зерна заграницу. И такъ какъ его дорогому хлѣбу приходится конкуррировать на внѣшнихъ рынкахъ съ продуктомъ дешеваго заатлантическаго производства, то этотъ прибавочный источникъ денежныхъ доходовъ крестьянина стоитъ ему очень дорого: низкія цѣны американскаго зерна обезцѣниваютъ его товаръ не только заграницей, но и внутри Россіи. Но онъ не обращаетъ на это вниманія и продолжаетъ добывать зерно не только для внутренняго, но и для внѣшняго рынка,—потому что, по мѣрѣ уничтоженія натуральнаго хозяйства, потребность крестьянина въ деньгахъ растетъ, а ничтожность внутренняго спроса на цѣнные продукты земледѣлія не даетъ возможности такого преобразованія хозяйства, при которомъ добычу зерна можно было бы сократить въ пользу мясныхъ, молочныхъ и другихъ товаровъ.

Кромѣ справки о числѣ земледѣльцевъ, разсматриваемый нами трудъ А. Ѳ. Фортунатова даетъ свѣдѣнія о числѣ населенія, площади и распредѣленіи по угодьямъ территоріи каждаго государства Западной Европы, о числѣ землевладѣльцевъ и хозяйствъ и распредѣленіи тѣхъ и другихъ по размѣрамъ ихъ участковъ, о хозяйствахъ на собственной и арендованной землѣ. Содержаніе книжки, такимъ образомъ, — чисто статистическое, и назначена она, конечно, не для обыкновеннаго чтенія, а для болѣе серьезнаго, такъ сказать, употребленія. Авторъ выражаетъ даже надежду, что его очерки послужатъ „толчкомъ къ самостоятельному изслѣдованію статистики поземельныхъ отношеній". Въ виду такого характера труда очень жаль, что авторъ скупится на абсолютныя цифры и очень часто ограничивается указаніемъ процентныхъ отношеній. Отсутствіе нѣкоторыхъ абсолютныхъ чиселъ ограничиваетъ возможность самостоятельныхъ сопоставленій для читателя. Напрасно также авторъ переноситъ на свои страницы шаблонное подраздѣленіе лицъ, участвующихъ въ земледѣльческомъ производствѣ, на хозяевъ, администрацію и наемныхъ рабочихъ, не выдѣляя изъ послѣднихъ работающихъ членовъ хозяйскихъ семей. Благодаря такой

группировкѣ, число земледѣльческихъ наемныхъ рабочихъ, напр., въ Германіи показано въ $1^1/_2$ раза болѣе ихъ дѣйствительнаго количества. Нельзя еще не пожалѣть о томъ, что авторъ избѣгаетъ табличной формы и располагаетъ цифровыя данныя, на манеръ текста, въ строку. Это лишаетъ ихъ наглядности, столь важной въ статистическомъ дѣлѣ.—В. В.

Въ маѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Алексѣевъ, А. А.—Контрасигнированіе, его значеніе и объемъ въ конституціонномъ правѣ. Спб. 906.

Аракинъ, А.—„Освободительное движеніе“ и массовое помѣшательство. Спб. 906. Ц. 25 к.

Барацъ, Г. М.—Критико-сравнительный разборъ Устава вел. кн. Всеволода о церковныхъ судахъ. Спб. 906.

Барсуковъ, Н.—Памяти моего брата Ив. Платон. Барсукова. Спб. 906.

Бернацкій. М. В.—Къ аграрному вопросу. Спб. 906. Ц. 30 к.

Борковскій. И.—Статистика путей сообщенія Спб. 906.

Бѣлозерскій, Н.—Мирабо. Опытъ характеристики по Верморелю. Спб. 906. Ц. 25 к.

Величкинъ, В., Очерки исторіи инквизиціи. Кн. I. М. 906. Ц. 1 р.

Веснинъ, А. Сѣверо-американскіе трѣсты. Спб. 906. Ц. 1 р.

Войтинскій. Вл.—Рынокъ и цѣны, съ предисл. М. Туганъ-Барановскаго. Спб. 906. Ц. 2 р.

Волынцевъ, В.—*Domi*.—Спб. 906.

Гербертъ, Самуель.—Либерализмъ. Опытъ изложенія и программы современнаго либерализма въ Англіи. Съ введеніемъ Г. Асквита. Съ англ., п. р. М. Мамуровскаго. М. 905.

Геруа.—Послѣ войны о нашей арміи. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Гинцбургъ, Ник. — Систематическія конспективныя таблицы по русской исторіи (1462—1881 гг.). Спб. 906. Ц. 25 к.

Головачевскій, С.—„Мене-Текелъ-Паресъ“. Стихотворенія. М. 906. Ц. 1 р. 75 к.

Гринченко, Б.—На безпросвѣтномъ пути. Объ украинской школѣ. Кіевъ, 906. Ц. 25 к.

Днѣпровъ. Пѣсни, думы и сатиры. Харьк. 906.

Добрынинъ, К. И.—Древній Востокъ и героическая Грецiя. Курсъ III класса гимназій. Со 100 рис. М. 906. Ц. 80 к.

Дружининъ, Н. П.—Крестьяне-граждане. Народное чтеніе. М. 906. Ц. 20 к.

——— Что такое конституція и зачѣмъ она нужна народу? М. 906. Ц. 5 к.

Елпатьевскій, К.—Учебникъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателемъ личныхъ именъ. 10-е изд. Спб. 906. Ц. 1 р. 40 к.

Ефимова, Е. А.—Рыцарство. Съ рис. М. 906, Ц. 45 к.

Зола, Эм.—Истина. Съ франц. О. Н. Поповой. Спб. 906. Ц. 1 р.

Зомбартъ, В.—Судьбы американскаго пролетаріата. Спб. 906. Ц. 50 к.

Кеннанъ, Дж.—Сибирь! Т. I. Съ нѣм., безъ всякихъ сокращеній. Спб. 906. Ц. 75 к.

*Клинген*ъ, А.—Воздѣлываніе кормовыхъ растеній и польза отъ нихъ. Ч. II: Злаки. Ч. III—VI: Бобовыя травы. Ц. 30 к.

*Котович*ъ, Алексѣй.—Къ вопросу о духовной цензурѣ. Спб. 906.

Круглый, Д.—На судъ преподавателей русскаго языка. Обзоръ учебниковъ и русской грамматики. Спб. 906. Ц. 20 к.

*Крюков*ъ, Н. А. — Мысли объ участіи народа въ государственномъ домостроительствѣ. М. 906. Ц. 8 к.

——— Земля и какъ лучше всего съ нею распорядиться. М. 906. Ц. 10 к.

*Кудрин*ъ, Н. (Н. Русановъ).—Галерея современныхъ французскихъ знаменитостей. Съ приложеніемъ 12 портретовъ. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Лавеле, Эм., де.—Парламентаризмъ и демократія. Съ франц. перев. И. Тарасовъ. М. 906. Ц. 20 к.

*Лебедев*ъ, Пл.—Библіотека соціалъ-демократа. Н.-Новг. 906. Ц. 15 к.

Луначарскій, А.—Королевскій брадобрѣй. Пьеса въ 7 картинахъ. Спб. 906. Ц. 30 к.

*Малышев*ъ, Кронидъ.—Гражданскіе законы Калифорніи, въ сравнительномъ изложеніи съ законами Нью-Іорка и другихъ восточныхъ штатовъ и съ общимъ правомъ Англіи и Сѣв. Америки. Т. II. Спб. 906.

*Мельников*ъ, Н. К. (Сибирякъ). Стихотворенія. Берлинъ, 906. Ц. 3 марки.

Мережковскій, Д.—Пророкъ русской революціи. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Назарова, Ю.—Систематическій курсъ начальной географіи, популярно изложенный. М. 906. Ц. 50 к.

*Патканов*ъ, С.—Опытъ географіи и статистики тунгузскихъ племенъ Сибири, на основаніи данныхъ переписи и переселенія 1897 г. и др. источн. Ч. I: Тунгусы собственно, вып. 1 и 2 (Записки Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XXXI). Спб. 906.

Покровскій, Н.—М. Е. Салтыковъ, какъ сатирикъ, художникъ и публицистъ. Изъ критической литературы о Салтыковѣ. М. 906. Ц. 1 р. 25 к.

*Пругавин*ъ, А. С. Голодающее крестьянство. 1898—99 гг. М. 906. Ц. 85 к.

Пшибышевскій, Станиславъ. Дѣти Сатаны. Романъ. Перев. Е. Троповскій. М. 906. Ц. 1 р. 80 к.

*Рейтман*ъ, Дм.—Значеніе математики, какъ науки и какъ общеобразовательнаго предмета. Спб. 906. Ц. 50 к.

Реклю, Эл.—Земля и Люди, вып. IX: Балканскія государства, Грецiя, Турція, Болгарія, Румынія, Сербія, Черногорія. Съ франц. А. В. Мезіеръ. Съ 24 рис. Спб. 906. Ц. 2 р.

Романовскій, Пантелеймонъ.—Религія и воспитаніе. Спб. 905. Ц. 25 к.

*Саводник*ъ, В.—Очерки исторіи русской литературы XIX-го вѣка. М. 906. Ц. 1 р. 60 к.

*Свифт*ъ, Дж. — Путешествіе Гулливера въ страну Лилипутовъ. Съ англ. Шишмарева, съ 27 рис. Спб. 906.

Семевскій, В. И.—Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ. Ростовъ-на-Дону. 906. Ц. 15 к.

Семевскій, В. К.—Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова. Ростовъ-на-Дону. Ц. 20 к.

*Сологуб*ъ, Ѳ.—Стихи, кн. V: Родинѣ. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Тарановскій, Ѳ.—Лейбницъ и такъ-называемая внѣшняя исторія права. Спб. 906.

Толстой, гр. А. К. — Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Тушинскій, Д. А.—Попечительства о народной трезвости въ 1903 г. Спб. 906.

Фаресовъ, А. И. Мужики и начальство. Спб. 906. Ц. 1 р.

Фатьевъ, Ар.—„Что новаго внесло христіанство въ созиданіе идеи личности и ея правъ по сравненію съ античной этико-политической философіей?“ Харьк. 906.

Фортунатовъ. А.—Нѣсколько данныхъ о численности и составѣ населенія Россіи. М. 906. Ц. 6 к.

Шалитъ, М.—Билуйцы. Страницы изъ исторіи національнаго пробужденія евреевъ. Вильна. 906. Ц. 15 к.

Шампьонъ, Эда.—Франція наканунѣ революціи, по наказамъ 1789 года. Спб. 906. Ц. 50 к.

Швейковскій, П. А.—Права и обязанности военныхъ начальниковъ по военно-суднымъ дѣламъ. 4-ое изд. Спб. 906. Ц. 2 р.

Ягодинъ, А.—Лѣтопись 1904—5 года. Т. I. М. 906. Ц. 1 р.

Эльцбахеръ, проф. П.—Сущность анархизма. Изложеніе теорій: Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Тукера и Л. Толстого. Перев. п. р. М. Андреева. Т. I. Спб. 906. Ц. 75 к.

Oberlé, Ern.—Comptabilité des Sociétés par Actions. Leipz. 906.

— Библіотека освободительной борьбы: 1) В. Фигнеръ, Стихотворенія. Ц. 20 к.; 2) М. Фроленко, Милость. Ц. 10 к.; 3) Якубовичъ (Мельшинъ),—Шлиссельбургскіе мученики. Спб. 906. Ц. 15 к.

— Библіотека „Свободная Россія“: № 19. С. Фортунатовъ, Права гражданина въ Англіи и въ Сѣв.-Амер. Соедин. Штатахъ. Ц. 5 к.—№ 20. Ю. Подвинскій, Конституція Царства Польскаго и ея судьба. 1815—1830. М. 906. Ц. 15 к.

— Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. 1904—905 г. Годъ X. Кіевъ. 905 г.

— Журналы засѣданій Елисаветградскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія 1905 года. Елисаветгр. 905.

— Законъ о повременныхъ и неповременныхъ изданіяхъ. М. 906. Ц. 35 к.

— Изданія „Вѣстника Знанія“: 1) Проф. Гретцъ, Іисусъ Христосъ и христіанство. „Жизнь Іисуса“, Эрн. Ренана; 2) Ройе и Мейеръ, Астрономія; 3) Ренаръ, Соціалистическій строй. Спб. 906.

— Изданіе И. К. Шамова: 1) Арциб. Гейки, О преподаваніи географіи. Съ англ. Л. Синицкій, ц. 1 р.; 2) Клазенъ и Бахъ, Сборникъ геометрическихъ задачъ къ элементарной геометріи Герхера, вып. 1: Планометрія, съ нѣм, ц. 30 к.; 3) Б. Герхеръ, Учебникъ элементарной планометріи, вып. I. Планиметрія. М. 906, ц. 60 к.

— Книгоиздательство „Мысль“: 1) А. Гоффманъ, „Десять заповѣдей и имущіе классы“, перев. Ѳ. Капелюша, ц. 20 к.; 2) Э. Ренанъ, Жизнь Іисуса, съ франц., ц. 40 к.; 3) К. Каутскій, Этика и историческій матеріализмъ, съ нѣм., ц. 25 к. 4) Эл. Реклю, Анархія, съ франц., ц. 5 к.; 5) Ф. Энгельсъ, Очерки соціальной жизни Россіи, съ нѣм. В. Ивановой, ц. 10 к.; 6) П. Кропоткинъ, Анархія, ея философія и идеалъ, съ франц., ц. 15 к.; 7) Адлеръ, Г., Анархизмъ, съ нѣм., ц. 20 к.; 8) І. Дитцгенъ, Религія соціалдемократіи, съ нѣм., ц. 12 к. Спб. 906.

— Сборникъ. Спб. Округа путей сообщенія. Вып. VIII. Спб. 906.

— Отчетъ по лѣсному управленію за 1904 годъ. Спб. 906.

— По поводу Максима Горькаго и Марка-Твэна. Спб. 906. Ц. 8 к.

— Противъ смертной казни. Сборникъ статей п. р. М. Гернета, О. Гольдовскаго и И. Сахарова. М. 906. Ц. 1 р. 25 к.

— Сборникъ договоровъ и дипломатическихъ документовъ по дѣламъ Дальняго Востока. 1895—1905 гг. Спб. 906.

— Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, за 1903 г. Спб. 906.

— Темы жизни: 1) М. Боголѣповой, Война и финансы. Спб. 906. Ц. 6 к.; 2) П. Масловъ, Русская революція и народное хозяйство. Спб. 906. Ц. 5 к.

— Третій делегатскій съѣздъ академическаго союза. 14—17 янв. 1906 г. Спб. 906.

— Труды руководителей и слушателей педагогическихъ курсовъ военно-учебныхъ заведеній. Посвящается директору и основателю ихъ А. Н. Макарову, въ день его 50-лѣтняго юбилея. Спб. 906.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1906 г.

Иностранная печать о первомъ русскомъ парламентѣ.—Разсужденія нѣкоторыхъ лондонскихъ газетъ.—Странныя обмолвки въ „Temps“.—Отзывы нѣмецкой прессы.—Защита русскихъ подданныхъ въ прусской палатѣ депутатовъ.—Французскіе парламентскіе выборы.—Балканскія дѣла: турецкія и прочія звѣрства.

Для всей Европы, а не только для Россіи, крупнѣйшимъ событіемъ истекшаго мѣсяца было открытіе засѣданій перваго собранія русскихъ народныхъ представителей, какъ оффиціальнаго и самостоятельнаго законодательнаго учрежденія. „Весь міръ, — говоритъ лондонскій „Times“,—будетъ съ глубочайшимъ интересомъ слѣдить за начальными фазисами конституціоннаго опыта, болѣе обширнаго и важнаго, чѣмъ всѣ другіе опыты подобнаго рода, предпринимавшіеся въ континентальной Европѣ со времени событій 1789 года во Франціи“. Иностранная печать дѣйствительно съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдитъ за первыми шагами нашего народнаго представительства; газеты полны сообщеніями и отчетами о вновь появившемся русскомъ парламентѣ, который какъ-то сразу пріобрѣлъ популярность за границей и повсюду оживилъ интересъ къ Россіи и къ русскимъ дѣламъ.

Къ сожалѣнію, эти всеобщія симпатіи къ Государственной Думѣ соединяются большею частью съ полнымъ незнаніемъ и непониманіемъ реальнаго внутренняго положенія Россіи; нашъ политическій кризисъ оцѣнивается по общепринятымъ западно-европейскимъ шаблонамъ, и намъ преподаются благожелательные совѣты, основанные на очевидныхъ недоразумѣніяхъ относительно характера и способовъ дѣйствія существующаго у насъ правительства. Даже такой солидный органъ, какъ „Times“, строитъ свои разсужденія и выводы на ложныхъ фактическихъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ ему случайными корреспондентами изъ Петербурга; такъ, онъ напечаталъ телеграмму о томъ, что „основные законы, хотя и неправильно изданные за нѣсколько дней до собранія Думы, заключаютъ въ себѣ, быть можетъ, самыя широкія конституціонныя формулы, какія только совмѣстимы съ интересами разумнаго управленія страною“, и что, несмотря на употребленіе термина „самодержавіе“ и на неудачныя статьи о государственномъ совѣтѣ, „нѣтъ ни одного пункта конституціонно-демократической программы, который былъ бы изъятъ изъ круга компетенціи и иниціативы Думы“. Принявъ на вѣру эти утвержденія, „Times“ въ передовой

статьѣ считаетъ уже несомнѣннымъ, что „новые органическіе законы, повидимому, предоставляютъ странѣ конституціонныя вольности въ такой мѣрѣ, о какой немногіе русскіе реформаторы могли мечтать въ теченіе послѣдняго года". Тѣмъ не менѣе,—продолжаетъ газета,—русскій народъ недоволенъ, и не трудно понять причину его недовольства. „Какъ ни просторны рамки новыхъ органическихъ законовъ, самый способъ ихъ обнародованія разсматривается скорѣе какъ угроза, чѣмъ какъ обезпеченіе для конституціи. Русскіе жалуются не на то, что органическіе законы даютъ слишкомъ мало, а на то, что ихъ могли опубликовать произвольно, съ явнымъ нарушеніемъ знаменитаго манифеста 17 октября, въ силу котораго составленіе новыхъ законовъ предоставлялось Государственной Думѣ. Этотъ фактъ кажется особенно серьезнымъ въ виду обстоятельствъ, сопровождавшихъ выходъ графа Витте въ отставку. Его удаленіе приписывалось именно тому, что онъ настаивалъ на немедленномъ изданіи подобныхъ законовъ, а Царь находилъ такой способъ дѣйствія неправильнымъ"... „Times" не сомнѣвается въ искреннемъ желаніи Императора ввести конституціонное правленіе, противъ чего возстаютъ, съ одной стороны, вліятельные придворные кружки, а съ другой—„мрачныя революціонныя силы"; но газета не берется предсказывать, какъ поступитъ большинство нашей Думы при этихъ трудныхъ условіяхъ преобразовательной дѣятельности. „Добрыя чувства всего міра,—заключаетъ „Times",—будутъ сопутствовать работамъ Думы, и не менѣе другихъ странъ раздѣляетъ эти чувства Англія, такъ какъ столь важное для нея соглашеніе съ Россіею зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ успѣшнаго выполненія задачъ, лежащихъ на Думѣ; и русскіе депутаты могутъ только въ томъ случаѣ успѣшно исполнить эти задачи, если они будутъ постоянно помнить обширность и величіе ихъ и то огромное политическое воспитаніе, которому долженъ подвергнуться народъ, прежде чѣмъ Россійская имперія реально превратится въ конституціонное государство". Въ дальнѣйшей статьѣ, отъ 16 мая (нов. ст.), „Times" говоритъ уже въ совершенно другомъ тонѣ объ отношеніяхъ между Думой и правительствомъ, опираясь на фактическое содержаніе рѣчей нѣкоторыхъ думскихъ ораторовъ; изъ этихъ рѣчей лондонская газета отчасти узнала, подъ какимъ режимомъ живутъ русскіе обыватели и въ чемъ заключается сущность усиленной охраны и военнаго положенія. Называя нашу страну „несчастною", „Times" высказываетъ надежду, что верховная власть не упуститъ представляющагося ей случая возстановить нормальныя отношенія къ своимъ подданнымъ и вернуть къ себѣ народное довѣріе, отбросивъ колебанія и реакціонные замыслы, внушаемые неразумными совѣтниками. Обсуждая проектъ отвѣта Думы на тронную рѣчь, „Times" находитъ этотъ „знаменательный доку-

ментъ“ чрезмѣрно содержательнымъ и многообъемлющимъ, предполагающимъ перемѣны, которыя въ другихъ государствахъ служили бы матеріаломъ для программъ послѣдовательнаго ряда многихъ министерствъ; но, взятыя въ отдѣльности, „требованія отвѣтнаго адреса,— по мнѣнію „Times“,—сами по себѣ справедливы и большею частью умѣренны, если не считать вопроса объ экспропріаціи земель, который остается открытымъ для практическаго компромисса“. Эти требованія,—разсуждаетъ далѣе „Times“,—представляются удивительными только вслѣдствіе прежняго отрицанія въ Россіи самыхъ элементарныхъ народныхъ правъ, а также потому, что мы безсознательно прилагаемъ къ русскому движенію тѣ понятія о постепенности политическихъ перемѣнъ, которыя выработаны нашимъ собственнымъ опытомъ при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Со времени великой, мирно совершившейся и только впослѣдствіи замѣченной иностранцами революціи въ Японіи, не было въ мірѣ политическаго движенія столь глубоко интереснаго и поразительнаго, какъ этотъ русскій подъемъ. Никто не думалъ, что почва была въ такой степени подготовлена, и сами русскіе были твердо убѣждены, что масса крестьянства остается внѣ вліянія революціонной или реформаторской агитаціи; однако, среди этихъ народныхъ массъ, которымъ приписывались лишь чувства преданности и слѣпого повиновенія, происходятъ факты, съ замѣчательною точностью напоминающіе революціи другихъ странъ и притомъ слѣдующіе одинъ за другимъ съ такою драматическою быстротою, какой не бывало въ другихъ революціяхъ“.

„Times“ держится вообще консервативныхъ взглядовъ и не можетъ сочувствовать какимъ бы то ни было революціоннымъ событіямъ, но старается соблюдать безпристрастіе и справедливость при обсужденіи чужихъ дѣлъ; либеральная и прогрессивная часть англійской печати проявляетъ болѣе опредѣленный и живой интересъ къ русскому освободительному движенію, тогда какъ немногіе консервативные органы, вродѣ еженедѣльнаго „Saturday Review“, откровенно стоятъ на сторонѣ русскаго правительства, которое предполагается, конечно, вполнѣ добросовѣстнымъ, авторитетнымъ, но отечески-строгимъ, а иногда даже суровымъ. „Saturday Review“ выражаетъ свое искреннее недоумѣніе по поводу заявленнаго Думою требованія полной политической амнистіи: неужели — спрашиваетъ газета — можно серьезно предлагать выпустить изъ тюремъ всѣхъ убійцъ, грабителей и поджигателей только на томъ основаніи, что ихъ преступленія имѣли политическіе мотивы? „Если гдѣ-нибудь должностныя лица позволили себѣ грубыя насилія или даже серьезныя беззаконія, то они должны быть наказаны, точно такъ же, какъ нарушители законовъ изъ среды оппозиціи; но мы не видимъ здѣсь оправданія для освобожденія отъ

отвѣтственности того или другого разряда преступниковъ". Англійскій публицистъ не можетъ понять, что при извѣстной правительственной системѣ должностныя лица вовсе не привлекаются къ суду за свои беззаконія и нерѣдко получаютъ за нихъ награды и повышенія по службѣ, чѣмъ именно и вызываются многія политическія преступленія: еслибы органы правительства могли подвергаться законной отвѣтственности за свои преступныя дѣйствія, какъ это свободно практикуется въ Англіи, то не было бы случаевъ жестокой расправы со стороны самовольныхъ мстителей, и исчезла бы почва для политическихъ убійствъ и покушеній. „Saturday Review" просто полагаетъ, что въ Россіи существуютъ какіе-то неизвѣстно откуда взявшіеся революціонные элементы, питающіе неодолимую страсть къ злодѣйскимъ нападеніямъ на представителей власти,—элементы, въ теченіе многихъ лѣтъ преслѣдуемые и искореняемые правительствомъ, но тѣмъ не менѣе упорно не поддающіеся суровымъ истребительнымъ мѣропріятіямъ; самъ же русскій народъ доволенъ своимъ правительствомъ и вѣритъ въ его мудрость и могущество; „только когда крестьянство перестанетъ служить оплотомъ противъ революціи и утратитъ вѣру въ неограниченную верховную власть,—наступитъ конецъ Россійской имперіи: проницательный русскій наблюдатель могъ бы въ этомъ найти объясненіе энтузіазма извѣстной категоріи лицъ въ Англіи по поводу дѣятельности Думы". Высказываясь съ такою самоувѣренностью о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, консервативный англійскій журналъ въ то же время въ другомъ мѣстѣ сознается, что въ этотъ важный періодъ русской политики лондонская пресса обставлена крайне плохо по части свѣдѣній и сообщеній изъ Россіи и остается совершенно некомпетентною въ дѣлѣ ознакомленія англичанъ съ происходящими у насъ событіями; но, будучи некомпетентнымъ и не имѣя въ Россіи никакого корреспондента, „Saturday Review" все-таки заступается за графа Витте и рѣзко осуждаетъ горячихъ русскихъ истолкователей русской конституціи: британскимъ консерваторамъ вообще неинтересны чужія конституціонныя заботы.

Французская журналистика принимаетъ близко къ сердцу вопросы о русскихъ финансахъ и русскомъ кредитѣ, но относится довольно равнодушно къ положенію русскаго общества и народа, какъ и къ успѣхамъ и неудачамъ русскихъ прогрессивныхъ партій; для французовъ важно, чтобы Россія была могущественна и чтобы финансовое состояніе ея было обезпечено отъ потрясеній, а будетъ ли это достигнуто суровымъ абсолютизмомъ или конституціонною свободою—для нихъ въ сущности безразлично. По крайней мѣрѣ до послѣдняго вре-

мени французскіе умѣренные республиканцы, сохраняя вѣрность русскому союзу, чувствовали себя солидарными скорѣе съ русскимъ правительствомъ, чѣмъ съ русскою оппозиціею; только радикалы и соціалисты считали своимъ долгомъ выражать иногда свое сочувствіе дѣятелямъ и жертвамъ конституціонной борьбы въ Россіи. Острый политическій кризисъ, предшествовавшій созыву Государственной Думы, не былъ правильно понятъ или, быть можетъ, прошелъ отчасти незамѣченнымъ во Франціи, какъ это ясно обнаружилось въ извѣстныхъ переговорахъ о займѣ; но само собою разумѣется, что открытіе перваго русскаго парламента усилило интересъ французовъ къ нашимъ внутреннимъ дѣламъ, хотя и не увеличило ихъ свѣдѣній и не расширило ихъ пониманія въ этой далекой для нихъ области. Газета „Temps“, имѣющая доступъ къ самымъ лучшимъ оффиціальнымъ и частнымъ источникамъ, стала чаще прежняго помѣщать критическіе отзывы о дѣйствіяхъ русскаго правительства и о предположеніяхъ и рѣшеніяхъ нашихъ парламентскихъ партій. „Temps“ не одобрилъ изданія новыхъ основныхъ законовъ, противорѣчащихъ манифесту 17-го октября, и призналъ „не особенно ловкимъ“ поведеніе министерства Горемыкина, считавшагося будто бы либеральнымъ. „Когда самодержавное правительство своими ошибками сдѣлало неизбѣжнымъ установленіе парламентскаго контроля, оно не имѣетъ предъ собою другого средства, какъ только добросовѣстно подчиниться опыту. Очевидно, правительство, не имѣвшее достаточно силы, чтобы помѣшать созыву выборнаго народнаго собранія, будетъ также безсильно обуздать его. Безъ сомнѣнія, предстоятъ опасности, крупныя опасности на томъ пути, который теперь открывается; но наибольшая опасность возникла бы, еслибы нарушено было данное слово и подорвано было довѣріе народа. Этимъ сознаніемъ долженъ былъ бы проникнуться мнимый либерализмъ г. Горемыкина“. Такъ поучаетъ насъ авторитетный органъ французской республики въ нумерѣ отъ 11-го мая. Выходитъ, что народное представительство и парламентскій контроль—эти признанныя во всемъ культурномъ мірѣ необходимыя условія законнаго и цѣлесообразнаго государственнаго управленія—составляютъ лишь результатъ ошибокъ и слабости самодержавной власти, не сумѣвшей избѣгнуть печальнаго опыта, и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожаютъ странѣ какими-то новыми крупными опасностями, которыхъ не было при старомъ режимѣ. Чѣмъ отличается это разсужденіе отъ обычной аргументаціи нашихъ реакціонеровъ, для которыхъ даже г. Горемыкинъ кажется „либераломъ“? Тѣ конституціонныя реформы и нововведенія, которыя даже оффиціально признаны у насъ единственными дѣйствительными средствами для избавленія Россіи отъ гнетущихъ ее золъ и хроническихъ бѣдствій, изображаются французскою республиканскою

газетою въ видѣ какихъ-то ненужныхъ экспериментовъ, навязанныхъ правительству извнѣ и не заключающихъ въ себѣ никакой внутренней необходимости. Конечно, „Temps“ хорошо понимаетъ истинное значеніе конституціонныхъ гарантій и парламентскаго контроля для всѣхъ культурныхъ государствъ; но газета не привыкла примѣнять къ Россіи общую культурно-политическую мѣрку и невольно выразила такой взглядъ на наше отечество, который обыкновенно прилагается лишь къ государствамъ, подобнымъ Китаю или Турціи. Вскорѣ, однако, „Temps“ отнесся болѣе серьезно къ начатому у насъ „опыту“ и обратилъ всю силу своей критики противъ перваго акта нашего парламента—отвѣта на тронную рѣчь. Не зная ни нашихъ политическихъ обстоятельствъ, ни настроенія русскаго народа, газета настоятельно совѣтуетъ Государственной Думѣ „отказаться отъ всеобъемлющей программы реформъ, изложенной въ отвѣтномъ адресѣ, и ограничиться только важнѣйшими политическими требованіями даннаго момента—расширеніемъ компетенціи народнаго представительства до предѣловъ нормальныхъ полномочій современныхъ парламентовъ, съ устраненіемъ ограничительныхъ основныхъ законовъ“; въ противномъ случаѣ, „къ анархіи бюрократической прибавится только анархія парламентская“. Впрочемъ, „Temps“ еще рѣзче отзывается потомъ объ адресѣ государственнаго совѣта: „невозможно представить себѣ что-нибудь болѣе безцвѣтное, неопредѣленное и ничтожное, чѣмъ этотъ документъ“, дающій оппозиціи только лишній доводъ въ пользу упраздненія импровизированной верхней палаты. Рѣшительный контрастъ между обоими адресами, однако, „крайне усложняетъ задачу правительства“; но въ вопросѣ объ амнистіи правительство и государственный совѣтъ справедливо „воспротивились неразумнымъ требованіямъ, направленнымъ къ выпуску на волю тысячъ поджигателей, воровъ и убійцъ, подъ предлогомъ политическихъ преступленій“. Особенно пугаетъ газету возбужденіе аграрнаго вопроса: „легальная экспропріація можетъ легко и быстро перейти въ грубую конфискацію“, а „первыя засѣданія Думы показываютъ ее намъ въ состояніи полной демагогіи“. Легковѣсныя замѣчанія „Temps“ показались почему-то настолько важными представителямъ нашей конституціонно-демократической партіи, что они сочли нужнымъ обратиться въ редакцію, черезъ посредство ея петербургскаго корреспондента, съ особою оффиціальною декларацією, которая и была напечатана въ газетѣ отъ 21-го мая. Передавая текстъ этого заявленія, корреспондентъ прибавляетъ отъ себя, что вожди партіи „чрезвычайно заботятся о томъ, что думаютъ о нихъ заграницею“, и что ихъ „декларація, составленная по совмѣстному между ними соглашенію, должна служить оправданіемъ ихъ образа дѣйствій“. По всей вѣроятности, комитетъ „партіи народной свободы“ не думалъ

сообщать корреспонденту ни своего взгляда на важность иностранныхъ отзывовъ о дѣятельности партіи, ни своего намѣренія оправдаться предъ иностранною публикою; но сама редакція газеты поняла „декларацію“ именно въ этомъ оправдательномъ смыслѣ, какъ видно изъ передовой статьи того же нумера отъ 21-го мая. Наши конституціоналисты-демократы объясняютъ французской газетѣ, что въ Россіи ихъ упрекаютъ въ неумѣренности только реакціонеры, что, напротивъ, имъ еще ставятъ въ вину излишнюю сдержанность и съ этой точки зрѣнія возстаютъ противъ нихъ соціалисты; что же касается аграрной реформы, то это мѣра вовсе не революціонная, а напротивъ, успокоительная, имѣющая цѣлью положить конецъ непрерывнымъ крестьянскимъ волненіямъ. Съ своей стороны, редакція „Temps“ старается увѣрить возражателей, что она питаетъ безусловныя симпатіи и къ „кадетамъ“, и къ Государственной Думѣ, и что французы только безпокоятся насчетъ дальнѣйшей судьбы русскаго парламентаризма, которому можетъ грозить неудача, если не будутъ приняты во вниманіе результаты чужого опыта. Болѣе затруднительно было положеніе „Temps“, когда на него обрушился въ газетѣ „Humanité“ Жоресъ съ прямымъ обвиненіемъ въ угодничествѣ передъ русскою высокопоставленною бюрократіею и въ систематическомъ противодѣйствіи русскому освободительному движенію; газета вынуждена была оправдываться и дѣлала это съ несвойственною ей горячностью, ссылаясь на свои многочисленныя статьи будто бы въ пользу интересовъ русской передовой оппозиціи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ „Temps“ печатались иногда либеральныя разсужденія о русскихъ дѣлахъ, но въ общемъ газета, подобно французской дипломатіи, всегда дорожила только дружбою оффиціальной Россіи и придавала очень мало значенія требованіямъ и жалобамъ русскихъ прогрессистовъ. Умѣренные французскіе республиканцы, органомъ которыхъ служитъ „Temps“, представляютъ собою консервативнѣйшую въ мірѣ буржуазію, для которой разныя соціальныя реформы суть только громкія и пустыя слова, а вопросы вродѣ аграрнаго кажутся иногда страшными призраками, напоминающими о возможныхъ будущихъ катастрофахъ; эти буржуазные дѣятели и публицисты органически неспособны заинтересоваться нуждами трудящихся народныхъ массъ даже своего собственнаго отечества, не говоря уже о чужихъ странахъ. Руководствуясь своимъ традиціоннымъ опытомъ и своими установившимися взглядами, они могли усмотрѣть только „непостижимую нелѣпость“ въ подробномъ перечисленіи наболѣвшихъ народныхъ потребностей и желаній въ видѣ отвѣта на тронную рѣчь, и безполезно было вступать съ ними по этому поводу въ оффиціальную полемику. Подлинныя чувства и идеи „Temps“ какъ нельзя яснѣе высказались въ приведенныхъ выше

„обмолвкахъ“, проникнутыхъ сочувствіемъ и жалостью къ старому самодержавному режиму, который такъ долго былъ надежною опорою Франціи въ международныхъ отношеніяхъ и еще недавно оказалъ ей безспорную услугу въ маррокскомъ вопросѣ.

Съ несравненно большимъ пониманіемъ слѣдятъ за Государственною Думою нѣмецкія газеты, не исключая и самыхъ консервативныхъ. Оффиціозная, далеко не расположенная къ Россіи „Кельнская газета“, въ своихъ весьма обстоятельныхъ и добросовѣстныхъ отчетахъ о засѣданіяхъ нашей „Reichsduma“, даетъ читателямъ картину чего-то совершенно новаго, глубоко-поучительнаго, достойнаго всякаго уваженія и симпатіи;—рядомъ съ кипучею молодою энергіею, не останавливающеюся ни предъ какими преградами и вытекающею какъ будто изъ „бурнаго порыва къ свободѣ и къ лучшему будущему“, проявляется, по словамъ газеты, „спокойная, сознательная выдержка, которая сдѣлала бы честь любому старому, испытанному парламенту“. Относительно проекта отвѣтнаго адреса,—замѣчаетъ „Кельнская газета“,—„нельзя сказать, что гора родила мышь: независимо отъ своего содержанія этотъ документъ представляетъ необычайный интересъ по своей формѣ и по всему проникающему его духу“. Вмѣсто того, чтобы критиковать заявленія и требованія Думы, съ точки зрѣнія какихъ-нибудь заграничныхъ образцовъ, какъ это дѣлаетъ парижскій „Temps,“—„Кельнская газета“ находитъ тутъ матеріалъ для характеристики всего нашего запутаннаго и крайне запущеннаго политическаго кризиса, причемъ совершенно правильно опредѣляетъ многолѣтнюю разлагающую роль самовластнаго правительства и указываетъ на непримиримый антогонизмъ между существующимъ реакціоннымъ министерствомъ и Государственной Думою. По мнѣнію газеты, при обсужденіи щекотливаго вопроса о послѣдствіяхъ отказа принять парламентскую депутацію съ отвѣтнымъ адресомъ въ Петергофѣ, корректное поведеніе всего собранія заслуживало всякой похвалы. Другой, болѣе прогрессивный нѣмецкій органъ, „Berliner Tageblatt“, полагаетъ, что въ этомъ случаѣ наша „Reichsduma“ поступила „съ чисто славянскимъ добродушіемъ“. Министерская декларація получила въ нѣмецкой прессѣ большею частью вполнѣ справедливую оцѣнку, и результатомъ первой встрѣчи правительства съ парламентомъ признается „пораженіе кабинета Горемыкина“; такъ озаглавлены статьи и отчеты многихъ нѣмецкихъ газетъ о знаменитомъ засѣданіи 13 (26) мая. Нѣмецкія газеты знаютъ, что въ Россіи нѣтъ еще политической отвѣтственности министровъ предъ народнымъ представительствомъ и что формально этотъ принципъ не признается также въ Пруссіи; но онѣ думаютъ, что въ

данномъ случаѣ дѣло шло о торжественномъ признаніи полной неспособности и некомпетентности министерства въ цѣломъ его составѣ и что подобный случай никакъ не могъ бы произойти въ Пруссіи, гдѣ въ министры назначаются все-таки люди дѣльные, знающіе и нерѣдко прямо талантливые, а вовсе не случайные фавориты или придворные интриганы. Нѣмцы вообще не могутъ себѣ представить, чтобы заурядные прусскіе министры вздумали бороться противъ цѣлой страны и ея законнаго представительства, не имѣя за собою никакихъ другихъ государственныхъ идей и интересовъ, кромѣ лишь заботы о сохраненіи власти и господства въ пользу опредѣленной группы лицъ. Правда, Бисмаркъ правилъ нѣсколько лѣтъ противъ воли парламента, но онъ создалъ этой цѣною новую германскую имперію и получилъ прощеніе за свои внутренніе политическіе грѣхи только послѣ блестящей побѣды надъ Австріею; немыслимо, конечно, ссылаться на этотъ прецедентъ для оправданія какихъ-нибудь ничтожныхъ министерскихъ карьеристовъ, стремящихся во что бы то ни стало остаться на своихъ мѣстахъ вопреки формально выраженному имъ парламентскому недовѣрію. Прусскіе примѣры вообще совершенно не годятся для русской парламентской практики: во-первыхъ, прусская правительственная бюрократія издавна славится традиціями неподкупной честности, твердымъ сознаніемъ общественнаго и служебнаго долга, высокимъ уровнемъ образованія, неизмѣннымъ чувствомъ законности и отвѣтственности,—т.-е. качествами, прямо противоположными тѣмъ, которыми всегда отличалась и понынѣ отличается русская бюрократія; оттого пруссакамъ совершенно чужды понятія о бюрократическомъ строѣ, какъ о чемъ-то ненавистномъ и враждебномъ народу; у нихъ нѣтъ поэтому ни поводовъ, ни мотивовъ къ непримиримой борьбѣ между администраціею и населеніемъ,—ибо въ Пруссіи нѣтъ ни административнаго самовластія, ни страдающаго отъ него общества. Во-вторыхъ, сама верховная власть въ Пруссіи настолько проникнута сознаніемъ своей солидарности съ націею и въ такой мѣрѣ привыкла считать себя лишь высшимъ органомъ и слугою прусскаго государства, что тамъ почти нѣтъ почвы для антагонизма между властью и народомъ, и самая мысль о такомъ антагонизмѣ представлялась бы совершенно невозможною, несовмѣстимою съ жизненными задачами и сущностью государства. Императоръ Вильгельмъ II, правда, имѣетъ свои особые взгляды, идеалы и стремленія по разнымъ вопросамъ политическимъ и военно-морскимъ, но при всѣхъ выдающихся особенностяхъ своего характера и при своемъ необыкновенно высокомъ монархическомъ чувствѣ онъ никогда еще не считалъ себя вправѣ насильственно навязывать свою волю народу и предпринимать что-нибудь серьёзное вопреки желаніямъ и рѣшеніямъ законнаго представитель-

ства страны. Въ сущности можно сказать, что не только его министры, но и самъ онъ ни на минуту не забываетъ своей отвѣтственности передъ государствомъ и народомъ, и потому за все время его правленія Пруссія не подвергалась никакимъ политическимъ кризисамъ, опаснымъ для ея внутренняго мира и спокойствія.

Въ прусской палатѣ депутатовъ происходили 12 мая (нов. ст.) любопытныя пренія, въ которыхъ рѣчь шла главнымъ образомъ о Россіи и русскихъ подданныхъ. Обѣ фракціи свободомыслящихъ внесли въ палату слѣдующій запросъ: „Извѣстны ли королевскому правительству размѣры и основанія производимыхъ полицейскимъ президентомъ Берлина высылокъ русскихъ подданныхъ? Одобряетъ ли королевское правительство принятыя мѣры, и что думаетъ оно сдѣлать, чтобы противодѣйствовать произвольному, соединенному съ несправедливостями и чрезмѣрными строгостями примѣненію права высылокъ?“ Такой же запросъ былъ недавно предъявленъ соціалъ-демократами въ имперскомъ сеймѣ, но въ отвѣтъ на обвинительную рѣчь Бебеля представитель правительства, графъ Посадовскій, заявилъ отъ имени канцлера Бюлова, что дѣйствія прусскихъ властей въ предѣлахъ прусской территоріи не подлежатъ контролю имперскаго сейма. Ораторъ свободомыслящихъ, депутатъ Трегеръ, подробно мотивировалъ интерпелляцію указаніемъ на многочисленные факты явно ошибочныхъ или возмутительно-грубыхъ распоряженій относительно лицъ, прибывшихъ за послѣднее время изъ Россіи въ предѣлы Пруссіи и въ частности въ Берлинъ. Ораторъ не отрицалъ, что право высылокъ иностранцевъ несомнѣнно принадлежитъ и должно принадлежать правительству, но это право не можетъ быть примѣняемо безъ достаточныхъ основаній, съ нарушеніемъ элементарныхъ предписаній человѣколюбія и здраваго смысла. Между тѣмъ въ короткое время было выслано нѣсколько сотъ человѣкъ, изъ которыхъ многіе имѣли крупные денежные вклады въ берлинскихъ банкахъ или вели значительныя торговыя дѣла и, слѣдовательно, никакъ не могли быть причислены къ категоріи неимущихъ и обременительныхъ иностранцевъ, подлежащихъ по закону высылкѣ по усмотрѣнію администраціи; другіе внезапно удалялись изъ столицы, несмотря на то, что они жили тамъ въ теченіе продолжительнаго времени, имѣли постоянныя занятія или содержали свои мастерскія. Депутатъ Трегеръ настаивалъ на томъ, что въ силу существующаго торговаго договора съ Россіею русскіе подданные должны пользоваться охраною законовъ въ Пруссіи наравнѣ съ туземнымъ населеніемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ Бетманъ-Гольвегъ, призналъ справедливость отдѣльныхъ указаній интерпеллянта, назвалъ нѣкоторыя

распоряженія своихъ подчиненныхъ неправильными и неумѣлыми, и обѣщалъ по возможности предупредить повтореніе подобныхъ ошибокъ въ будущемъ; но вообще онъ энергически защищалъ принятыя мѣры для охраны отечественной территоріи отъ внезапнаго наплыва массы иностранцевъ, покинувшихъ сосѣднее государство вслѣдствіе возникшихъ волненій, тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ пріѣзжихъ вѣроятно сами играли нѣкоторую роль въ этихъ волненіяхъ; всякая страна имѣетъ право и обязанность ограждать себя отъ такого рода пришлыхъ неспокойныхъ элементовъ, и потому производившіяся массовыя высылки не противорѣчатъ ни законамъ, ни существующимъ международнымъ обычаямъ. Большинство палаты согласилось съ доводами министра и приняло къ свѣдѣнію его обѣщаніе слѣдить за болѣе осторожнымъ и разумнымъ примѣненіемъ права высылокъ; а что касается нарушенныхъ международныхъ правъ Россіи, то о нихъ говорилъ нѣмецкій депутатъ, не уполномоченный на это русскимъ правительствомъ, и эта сторона вопроса могла быть оставлена безъ вниманія прусскимъ министромъ, какъ и палатою. Между тѣмъ невольно является вопросъ: что же дѣлали оффиціальные представители Россіи въ Берлинѣ во время упомянутыхъ повальныхъ высылокъ русскихъ подданныхъ? Неужели изъ множества случаевъ явной несправедливости относительно подданныхъ Россіи ни одинъ фактъ не былъ доведенъ до свѣдѣнія ея оффиціальныхъ представителей при прусскомъ дворѣ? Такъ какъ объ этихъ высылкахъ говорили всѣ газеты, и сами потерпѣвшіе не могли скрывать свои бѣдствія и жалобы отъ чиновъ русскаго посольства или консульства въ Берлинѣ, то чѣмъ объяснить полное молчаніе и бездѣйствіе этихъ должностныхъ лицъ, когда на нихъ лежала прямая обязанность заступничества за несправедливо нарушенные интересы русскихъ подданныхъ? Не странно ли, что въ защиту русскихъ подданныхъ за границею выступаютъ посторонніе мѣстные дѣятели, побуждаемые къ этому чувствами справедливости и человѣколюбія, а уполномоченные для такой защиты и охраны дипломаты постыдно молчатъ? Для чего же въ такомъ случаѣ существуетъ столь дорого обходящееся казнѣ международное представительство? Интересно было бы получить какой-нибудь отвѣтъ на эти вполнѣ естественные и законные вопросы.

Парламентскіе выборы, происходившіе во Франціи 6-го и 20-го мая (нов. ст.), значительно усилили республиканское большинство и совершенно подорвали значеніе главныхъ оппозиціонныхъ группъ клерикально-національнаго оттѣнка. Предстояло избрать 591 депутата; въ день 6-го мая было выбрано всего 431, въ томъ числѣ передовыхъ

республиканцевъ и соціалистовъ—267, а умѣренныхъ либераловъ, реакціонеровъ и націоналистовъ—164; осталось 156 перебаллотировокъ, которыя были произведены 20-го мая и довершили побѣду радикально-соціалистическаго „блока“. За исключеніемъ колоній, въ 585 округахъ выбрано всего 411 передовыхъ республиканцевъ, вмѣсто прежнихъ 353, и 174 оппозиціонныхъ депутатовъ, вмѣсто бывшихъ 232; въ частности, лѣвыхъ республиканцевъ числится теперь 90 (вмѣсто прежнихъ 83), радикаловъ—115 (вмѣсто 96), радикаловъ-соціалистовъ—132 (вмѣсто 119), соціалистовъ—74 (вмѣсто 55); реакціонеровъ остается 78 (вмѣсто 84), націоналистовъ—30 (вмѣсто 53), прогрессистовъ—66 (вмѣсто 95). Такимъ образомъ клерикальная оппозиція потеряла всего 58 мѣстъ, которыя достались республиканцамъ; наиболѣе пострадали націоналисты, которые изъ крупной парламентской фракціи превратились въ ничтожную группу въ 30 человѣкъ; больше другихъ выиграли радикалы и соціалисты.

Въ новой палатѣ клерикалы и реакціонеры разныхъ оттѣнковъ теряютъ уже возможность оказывать рѣшающее вліяніе на судьбу республиканскихъ министерствъ при содѣйствіи партіи центра или прогрессистовъ (называемыхъ также „мелинистами“, по имени основателя этой группы, покойнаго Мелина); вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ уже играть прежнюю роль небольшіе, колеблющіеся кружки депутатовъ, вродѣ того, во главѣ котораго стоялъ честолюбивый Поль Думеръ. Всѣ министры—разумѣется, кромѣ сенаторовъ, не подлежавшихъ избранію,—выбраны вновь, и такъ какъ они принадлежатъ большею частью къ числу радикаловъ и соціалистовъ, то общій результатъ выборовъ можетъ считаться вполнѣ благопріятнымъ для кабинета Сарріена-Клемансо. Пораженіе партій, враждебныхъ республикѣ, выразилось особенно рѣзко въ неудачѣ ихъ главныхъ вождей: знаменитые патріоты-націоналисты, Поль Деруледъ, полковникъ Маршанъ, генералъ Цурлинденъ, Марсель Габеръ, майоръ Дріанъ, зять генерала Буланже, были безжалостно забаллотированы, точно такъ же, какъ и Гюйо де-Вильневъ, прославившійся своими обличеніями генерала Андрѣ и министерства Комба; зато въ палату попалъ извѣстный защитникъ Дрейфуса, адвокатъ Фердинандъ Лабори. Руководители всѣхъ существующихъ соціалистическихъ партій и школъ присутствуютъ теперь въ парламентѣ; кромѣ Жореса и Вальяна, мы видимъ здѣсь главу марксистовъ или „гедистовъ“, Жюля Геда, вождя „аллеманистовъ“, Аллемана, и предводителя „бруссистовъ“, Брусса. Ничто не мѣшаетъ республиканскому большинству приступить наконецъ къ положительной законодательной работѣ для осуществленія тѣхъ широкихъ соціальныхъ программъ, которыя возвѣщались народу властвующими нынѣ партіями во Франціи. Острый періодъ борьбы съ клерикально-

монархической оппозиціей уже прошелъ; совершившееся отдѣленіе церкви отъ государства позволяетъ правительству сосредоточить свое вниманіе на крупныхъ реформахъ, требуемыхъ настоятельными нуждами и интересами большинства трудящагося населенія.

Было время, когда наши „патріоты“ съ необычайною наивностью или съ скрытымъ лицемѣріемъ возмущались насиліями и беззаконіями, совершаемыми въ Турціи, не замѣчая или стараясь не замѣчать того, что творится въ собственномъ отечествѣ. Турецкіе порядки не измѣнились до сихъ поръ,—по крайней мѣрѣ въ своихъ основахъ и сущности,—такъ какъ единственною уздою для нихъ остается поверхностный и слабый международный контроль, относящійся лишь къ нѣкоторымъ частямъ турецкой территоріи и къ опредѣленнымъ сферамъ дѣятельности султана. Иностранныя газеты и теперь иногда съ негодованіемъ сообщаютъ о возмутительныхъ дѣйствіяхъ турецкихъ властей; но эти сообщенія кажутся отчасти заимствованными изъ внутренней хроники русской печати, и потому неспособны уже вызывать христіанскія чувства россійскихъ „патріотовъ“, привыкшихъ у себя дома равнодушно проходить мимо самыхъ вопіющихъ фактовъ административнаго произвола и даже оправдывать ихъ соображеніями государственной пользы.

Въ журналѣ „La Macédoine“, выходящемъ въ Парижѣ, мы находимъ, напримѣръ, статью подъ интереснымъ заглавіемъ: „Человѣческій грузъ“. „Въ день святого Георгія, 6-го мая,—говорится въ этой статьѣ,—въ Салоникской гавани былъ нагруженъ людьми небольшой пароходъ подъ турецкимъ флагомъ; это—политическіе плѣнники, отправляемые на каторгу или въ ссылку въ Малую Азію. Приготовленный къ отплытію пароходъ давно уже пользуется печальной славою; онъ служилъ для вывоза въ Азію и Африку многихъ тысячъ армянъ, македонцевъ и младотурокъ. Несчастные помѣщались на палубѣ, въ цѣпяхъ, какъ невольничье стадо древнихъ негроторговцевъ, и немногіе изъ нихъ пережили ссылку. На этотъ разъ почти всѣ принадлежатъ къ болгарской народности; они въ послѣднее время присуждены къ наказаніямъ въ размѣрѣ отъ десятилѣтняго заключенія до безсрочной ссылки. Одни содержались въ знаменитой „кровавой башнѣ“, другіе вышли изъ тюремъ Ускюба и Монастыря; это большею частью учителя, зажиточные обыватели, торговцы. Одинъ изъ нихъ—выдающійся врачъ, пріобрѣвшій большую популярность и уваженіе среди болгаръ; его личныя качества, прямодушіе и преданность народнымъ интересамъ побудили мрачное турецкое правительство пожелать его исчезновенія, ибо при Абдулъ-Гамидѣ только грубые хищники имѣютъ свое

законное мѣсто на землѣ. Съ нимъ отправляются окружной директоръ болгарскихъ школъ изъ Велеса, извѣстный купецъ изъ Ихтиба, три священника и другіе „нотабли“ изъ разныхъ мѣстъ. Столько силъ гибнетъ, и цвѣтъ населенія безпощадно уничтожается для того, чтобы несчастная Македонія оставалась добычей варваровъ! Изъ всей массы этихъ людей, молодыхъ и сильныхъ, которыхъ за послѣднія пять-шесть лѣтъ Македонія принесла въ жертву императорскимъ хищникамъ, едва половина остается еще въ живыхъ. Одни медленно, мало-по-малу, задыхаются въ тѣсныхъ тюремныхъ кельяхъ; другіе, дождавшись свободы въ силу навязанныхъ правительству амнистій, поочередно умираютъ отъ болѣзней, пріобрѣтенныхъ въ періодъ заключенія. Всякій рано или поздно падаетъ подъ мстительными ударами великаго убійцы, который никогда не соглашался на помилованіе иначе какъ подъ условіемъ постепенной смерти. И вотъ новая серія 150 жертвъ уносится моремъ на глазахъ консуловъ великихъ державъ, наслаждающихся кейфомъ на своихъ террасахъ въ Салоникахъ!“

Быть можетъ, это трогательное описаніе подѣйствуетъ на иностранную публику и возбудитъ въ ней чувство отвращенія къ турецкому правительству, прибѣгающему къ такимъ мѣрамъ борьбы съ „внутренними врагами“, которыя давно осуждены нравственнымъ сознаніемъ культурныхъ націй; но для насъ эта ссылка „политическихъ плѣнниковъ“, приговоренныхъ къ наказанію какимъ-то турецкимъ судомъ, не представляетъ ничего особеннаго, ибо наши газеты ежедневно печатаютъ свѣдѣнія о массовыхъ ссылкахъ русскихъ обывателей, въ томъ числѣ видныхъ земскихъ дѣятелей, публицистовъ, учителей и даже университетскихъ профессоровъ, въ отдаленныя сѣверныя или сибирскія губерніи, безъ всякаго суда, по произвольному усмотрѣнію административныхъ властей. По оффиціальнымъ даннымъ, напечатаннымъ недавно въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, число административно высланныхъ русскихъ гражданъ за одно полугодіе съ конца октября 1905 до конца апрѣля 1906 года составляетъ 6.825 человѣкъ, а содержалось къ 1-му мая подъ стражей въ томъ же произвольномъ административномъ порядкѣ 2.627 человѣкъ. Едвали мусульманская власть въ Турціи успѣла сослать или упрятать въ тюрьму такое количество христіанъ изъ Македоніи въ теченіе цѣлыхъ семи или восьми лѣтъ. Туркамъ далеко еще до нашихъ отечественныхъ усмирителей, и съ нашей стороны было бы какъ-то странно и неловко нападать на жестокость турецкой администраціи или говорить о недостаткахъ турецкаго режима. Напротивъ, вопреки рѣзкимъ обвинительнымъ отзывамъ иностранцевъ, мы должны были бы еще удивляться мягкости и осторожности дѣйствій турецкихъ начальниковъ, гражданскихъ и военныхъ, въ краѣ, находящемся въ состояніи

хроническаго возстанія. Въ Македоніи распоряжаются военные отряды и дѣйствуютъ исключительные суды; но то, что̀ приводится газетами въ видѣ ужасныхъ образчиковъ турецкой юстиціи, производитъ даже успокоительное впечатлѣніе сравнительно съ болѣе близкими намъ общеизвѣстными фактами. Недавно чрезвычайный судъ въ Салоникахъ разбиралъ дѣло двадцати шести болгаръ, арестованныхъ въ одномъ мѣстечкѣ послѣ обыска, произведеннаго отрядомъ турецкихъ солдатъ подъ руководствомъ мудира; въ домѣ одного болгарина нашли ружье и саблю; въ саду другого обывателя открыли какой-то подозрительный погребъ; остальные подозрѣвались въ принадлежности къ мѣстному революціонному комитету. Чрезвычайный судъ призналъ виновными пятерыхъ болгаръ и приговорилъ ихъ къ трехгодичному тюремному заключенію; прочіе подсудимые, въ числѣ двадцати одного человѣка, были выпущены на свободу, просидѣвъ четыре мѣсяца въ тюрьмѣ. Ни одинъ изъ нихъ не былъ разстрѣлянъ солдатами, никто не подвергся предварительной тѣлесной расправѣ, и оправданные никуда не сосланы административнымъ порядкомъ; — въ общемъ это былъ обыкновенный судебный процессъ, не заключающій въ себѣ никакого явнаго беззаконія. Другое дѣло разбиралось въ Монастырѣ; судился болгаринъ, у котораго въ домѣ турецкіе солдаты нашли будто-бы бомбу; но такъ какъ при обыскѣ не было ни мѣстнаго старшины, ни понятыхъ, то офицеръ, для соблюденія установленной закономъ формальности, предложилъ подписать протоколъ болгарскому священнику и двумъ другимъ обывателямъ, которые однако на судѣ заявили, что не знали вовсе объ отысканіи бомбы въ домѣ подсудимаго; тѣмъ не менѣе, послѣдній былъ присужденъ къ тюремному заключенію на пятнадцать лѣтъ. Опять-таки тутъ замѣчается стремленіе офицеровъ къ соблюденію по крайней мѣрѣ внѣшней законности. Бываютъ случаи, когда прямо выясняется добросовѣстность турецкихъ властей; такъ, въ одномъ мѣстечкѣ греки помѣстили корзину съ тремя бомбами въ болгарской школѣ и затѣмъ донесли о бомбахъ полиціи. вслѣдствіе чего было арестовано восемнадцать болгаръ; между тѣмъ судебное разслѣдованіе установило тотъ фактъ, что бомбы были принесены самими доносителями, и задержанные болгары были освобождены; недовольный этимъ мудиръ старался найти другихъ виновныхъ болгаръ и совѣтовалъ одному мѣстному обывателю, бывшему прежде участникомъ возстанія, удалиться въ лѣсъ, такъ какъ онъ, мудиръ, думаетъ обвинить его въ доставленіи найденныхъ бомбъ; но обыватель не послушался, а принесъ жалобу на мудира высшему начальству въ Салоникахъ, послѣ чего могъ свободно вернуться въ свое мѣстечко. Конечно, происходятъ также простыя избіенія жителей турецкими солдатами и башибузуками, но эти избіенія не прикрываются

подобіемъ военнаго суда и имѣютъ характеръ случайныхъ столкновеній или сознательныхъ посягательствъ, вызванныхъ расовою и религіозною ненавистью; чаще всего эти кровавые подвиги совершаются нерегулярными турецкими войсками и албанскими фанатиками. Событія подобнаго рода, дававшія матеріалъ для краснорѣчивыхъ разсужденій о турецкихъ звѣрствахъ, не могутъ уже вызывать чувства ужаса и негодованія, послѣ того, что̀ безпрепятственно дѣлалось въ теченіе послѣдняго года въ разныхъ мѣстахъ Россійской имперіи. По газетнымъ подсчетамъ, въ одномъ Прибалтійскомъ краѣ, только за два мѣсяца съ 1-го декабря 1905 года по 1-е февраля 1906 года, „карательнымъ“ отрядомъ генерала Орлова разстрѣляно безъ суда 620 человѣкъ, въ томъ числѣ 11 народныхъ учителей, 2 студента, 4 писаря, 1 аптекарь, 1 книготорговецъ и 29 владѣльцевъ крестьянскихъ усадебъ; повѣшено 18 человѣкъ, убито при столкновеніяхъ съ войсками 321, подвергнуто тѣлеснымъ наказаніямъ 250, въ томъ числѣ двѣ женщины; сожжено 97 крестьянскихъ домовъ, 4 школы, 2 волостныхъ правленія и 3 общественныхъ зданія; въ маленькихъ городахъ сожжено 22 дома. Намъ не подобаетъ уже толковать о турецкихъ звѣрствахъ и башибузукахъ, что̀ бы ни творили мусульманскіе властители съ своими христіанскими подданными на Балканскомъ полуостровѣ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Marcelle Tinayre. La Rebelle. Roman. Стр. 372. Paris, 1806. (Calm. Levy éditeur).

Имя Марсель Тинэръ, наряду съ именемъ графини де Ноайль,—одно изъ самыхъ извѣстныхъ въ новѣйшей французской беллетристикѣ. Если сравнить этихъ двухъ женщинъ, то перевѣсъ въ смыслѣ чисто литературныхъ качествъ склонится скорѣе на сторону Марсель Тинэръ. Графиня де Ноайль—южанка, румынка по происхожденію, и ея романы страдаютъ чрезмѣрной экзальтаціей. Лиризмъ страстей топитъ въ нихъ всякую психологическую разработку характеровъ. Марсель Тинэръ болѣе уравновѣшена въ своемъ творчествѣ. Ея романы интересны главнымъ образомъ детальной разработкой психологическихъ чертъ, умѣньемъ автора изобразить послѣдовательное развитіе характеровъ. Она большей частью объясняетъ психологію своихъ героевъ и героинь, т. е. носителей своихъ идей, издалека, указываетъ на вліяніе среды, воспитанія. Но это не замедляетъ повѣствованія, какъ это иногда бываетъ у чрезмѣрно добросовѣстныхъ, но недостаточно самобытныхъ реалистовъ. Напротивъ того, изображеніе среды въ романахъ Марсель Тинэръ очень привлекательно. Она умѣетъ передавать атмосферу жизни, интимную сторону переживаній, изображать характерныя и оригинальныя подробности, рисовать любопытные типы, и въ ея картинахъ дѣйствительности много поэзіи.

Она большей частью изображаетъ тихую, застывшую провинціальную жизнь, отсталую въ смыслѣ духовной культуры, но обаятельную своей независимостью отъ мѣняющихся нормъ и требованій лихорадочной столичной суеты. На фонѣ „живой старины“ романистка изображаетъ—наряду съ типичными фигурами—людей съ обособленной индивидуальностью, съ переживаніями, въ которыхъ воспринятое отъ окружающей среды своеобразно сочетается съ неожиданнымъ, стихійно властнымъ въ душѣ. Эти люди съ сильной индивидуальностью становятся носителями идей автора.

„Идеи“ Марсель Тинэръ не представляютъ, впрочемъ, ни большой новизны, ни самобытно широкаго пониманія жизни, ея задачъ и требованій. Нельзя даже говорить объ идеяхъ во множественномъ числѣ. Во всѣхъ ея романахъ, во всякомъ случаѣ въ лучшихъ изъ нихъ, проводится одна основная мысль—мысль о побѣдной силѣ любви. Мар-

сель Тинэръ изображаетъ любовь въ столкновеніяхъ съ разными противодѣйствующими вліяніями: со строгостью условной морали, съ церковными вліяніями, затѣмъ съ болѣе современной враждебной силой, съ принципами общественной свободы въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ—и всегда, какъ бы сильна ни была власть противодѣйствующаго начала, побѣда оказывается на сторонѣ любви, если она глубока и правдива. Современная французская романистка такимъ образомъ возвращается къ основной темѣ классической Корнеллевской трагедіи: къ борьбѣ долга и чувства. Долгъ носитъ, конечно, у нея иныя маски, чѣмъ у классика XVII-го вѣка: тамъ онъ назывался долгомъ чести, долгомъ мести, сыновнимъ долгомъ, гражданской доблестью и т. д. У Марсель Тинэръ маски долга иныя; нѣкоторые герои—рабы семейнаго долга и общественныхъ предразсудковъ; иные—рабы добровольно исповѣдуемыхъ этическихъ принциповъ,—и этому современному рабству передъ отвлеченной идеей долга романистка опять-таки противопоставляетъ стихійную силу любви—и любовь побѣждаетъ, когда она оказывается истинной и свободной. Эти столкновенія, интересно, современно и остро воспринятыя романисткой изъ наблюденій современной дѣйствительности, составляютъ содержаніе ея наиболѣе интересныхъ книгъ. Въ „Vie amoureuse de François Barbazanges“ представлено назрѣваніе чувствъ въ молодой душѣ, идущей навстрѣчу жизни съ полной непосредственностью ожиданій и настроеній. Въ этой книгѣ, очень поэтичной въ описаніяхъ молодого чувства, преобладаетъ гармоничное общее настроеніе. Столкновеніе же „чувства и долга“ въ рамкѣ современныхъ условій жизни изображено художественно и сильно въ одномъ изъ лучшихъ романовъ Марсель Тинэръ, „La Maison du Péché“. Въ немъ представлена мучительная борьба страсти съ узкими предразсудками католической провинціальной среды. Этотъ романъ, появившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и создалъ автору крупное литературное имя. Въ „Maison du Péché“ художественно очерчены всѣ вліянія, создавшія строгость религіозныхъ и этическихъ принциповъ молодого героя. Августинъ—потомокъ старой католической семьи, которая гордится своими католическими традиціями. Члены ея въ XVII-мъ вѣкѣ боролись съ янсенистами и были всегда воинствующими защитниками католическихъ интересовъ. Августинъ воспитывается у матери, которая противъ воли отказалась въ ранней юности отъ своей мечты сдѣлаться монахиней; она вышла замужъ по настоянію семьи. Мужъ ея умеръ въ первый же годъ послѣ брака, и вся ея дальнѣйшая жизнь—подвигъ аскетическаго благочестія, осложненный заботами о сынѣ. Всѣ ея помыслы направлены на то, чтобы воспитать его истиннымъ христіаниномъ и продолжателемъ семейныхъ традицій, причемъ ничего, кромѣ строгихъ принци-

повъ, она не можетъ дать ребенку. Нѣжности, материнской теплоты чувствъ она къ мальчику не испытываетъ. И онъ выростаетъ въ этой странной атмосферѣ, видя свою мать лишь вскользь, не зная нѣжности, окружающей другихъ дѣтей въ его возрастѣ,—и все же безгранично обожаетъ свою мать, которая кажется ему святой, стоящей выше всѣхъ на свѣтѣ. Воспитаніемъ Августина руководитъ строгій, умный патеръ, оставившій свою миссіонерскую дѣятельность въ Средней Азіи для того, чтобы заняться воспитаніемъ потомка старинной семьи, потрудившейся на славу католической церкви. Мальчикъ выростаетъ въ этой атмосферѣ въ полной гармоніи со своими воспитателями. Ни тѣни возмущенія противъ внушаемой ему ограничительной морали въ немъ нѣтъ. Единственный человѣкъ съ здоровыми жизненными инстинктами въ окружающей его средѣ—это старая служанка, которая возмущается систематическимъ убиваніемъ живыхъ чувствъ въ подростающемъ юношѣ. Но самъ Августинъ не сознаетъ условности внушаемыхъ ему принциповъ. Послѣ отъѣзда учителя онъ живетъ простой строгой и однообразной жизнью подлѣ своей матери, видится съ ограниченнымъ кругомъ родныхъ и друзей, занимается управленіемъ своего помѣстья и чувствуетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Онъ преклоняется передъ святостью матери, читаетъ католическія книги и не сознаетъ, что глаза его закрыты на красоту и разнообразіе жизни. Борьба между этой искусственно привитой святостью и неожиданно нахлынувшей страстью и составляетъ основную тему романа. Въ помѣстьи Августина поселяется молодая вдова, художница; онъ сначала незамѣтнымъ для себя образомъ привязывается къ ней и жизнь его превращается въ рядъ бурь, въ постоянную борьбу съ матерью, осудившую безповоротно и его любовь къ невѣрующей парижанкѣ, и его свободный союзъ съ нею. Происходятъ трагическія столкновенія между старыми вліяніями, которыя временно отрываютъ Августина отъ его подруги и возвращаютъ его роднымъ—и всепобѣдной страстью, раскрывающей ему ширь, радость и свободу жизни. Вся драма сводится такимъ образомъ къ борьбѣ чувства и долга, и Марсель Тинэръ сознательно берется за старую Корнеллевскую тему съ тѣмъ, чтобы рѣшить ее въ современномъ духѣ. Она даже нарочно избираетъ героя въ духѣ Корнеллевскихъ фанатиковъ долга—чтобы показать на его примѣрѣ силу и правоту жизни, побѣду ея органическихъ силъ надъ узостью искусственно созданныхъ теорій.

Въ своемъ новомъ романѣ „La Rebelle“ Марсель Тинэръ изображаетъ торжествующую силу любви въ борьбѣ съ болѣе современнымъ началомъ, чѣмъ предразсудки католической семьи. Ея героиня и ея герой борются не съ внѣшними вліяніями, а сами съ собой: она—съ своими принципами женской свободы, не допускающими рабства чувствъ,

опъ—съ переживаніями „собственническихъ“ отношеній къ женщинѣ. Путь страданій, который они оба проходятъ, прежде чѣмъ одерживаютъ внутреннюю побѣду надъ собой и обрѣтаютъ гармоничное счастье любви, составляетъ содержаніе романа, задуманнаго не банально. Въ разработкѣ темы чувствуется, правда, чисто французское узкое отношеніе къ вопросу о женской свободѣ: она разсматривается не въ большихъ линіяхъ, не какъ одно изъ проявленій общечеловѣческой свободы и равноправности, а какъ право женщинъ, живущихъ самостоятельно, внѣ нормальной семьи, на свободу отъ условныхъ стѣсненій, обязательныхъ для средней француженки. Марсель Тинэръ тоже думаетъ, что свобода нужна только исключительно одареннымъ женщинамъ. Это тотъ же взглядъ, какъ у Прево, защитника „vierges fortes“, и всѣхъ французскихъ поборниковъ феминизма. Марсель Тинэръ смотритъ на женскій вопросъ немного шире—но очень немного.

Но въ романѣ интересны не толки о феминизмѣ,—ихъ довольно много и въ нихъ еще много условнаго пониманія женской свободы и самостоятельности,—а психологическій замыселъ, борьба между принципами и стихійнымъ чувствомъ. Героиня романа съ большимъ трудомъ создаетъ себѣ въ своемъ кругу положеніе свободной, но уважаемой всѣми женщины; она красива, и потому отстоять уваженіе къ себѣ при свободномъ и самостоятельномъ образѣ жизни ей особенно трудно. Тотъ, кого она любитъ,—теоретическій поборникъ женскихъ правъ; но когда задѣта его личная психологія, то всѣ теоріи о женской эмансипаціи исчезаютъ изъ его сознанія, и онъ испытываетъ самыя буржуазныя чувства. Силой, которая помогаетъ имъ обоимъ побороть всѣ противорѣчивыя чувства и побужденія, является любовь, вносящая гармонію и примиреніе въ ихъ жизнь.

Жозанна Валентинъ обманываетъ мужа, но не считаетъ себя виновной. Ея мужъ—больной капризный человѣкъ, которому она нужна какъ терпѣливая сидѣлка, и она исполняетъ свой добровольный долгъ. Жозаннѣ приходится много работать; мужъ ея боленъ, не можетъ продолжать своихъ занятій,—онъ химикъ, и заботы о заработкѣ въ значительной степени лежатъ на ней. Она сначала даетъ уроки музыки, потомъ случайно дѣлается сотрудницей журнала, посвященнаго женскимъ модамъ и женскимъ интересамъ, и получаетъ скромное жалованье, составляя хронику моды. Въ домѣ одной знакомой, которая ей покровительствуетъ и доставляетъ ей уроки, Жозанна встрѣчаетъ Мориса Натье. Онъ интереснѣе другихъ, и она охотно говоритъ съ нимъ. Онъ узнаетъ отъ хозяйки дома, кто она такая, почему она приходитъ безъ мужа; онъ узнаетъ про ея грустную участь—и начинаетъ ухаживать за нею еще болѣе настойчиво. Она ему уступаетъ, искренно привязавшись къ нему. Исторія ихъ отношеній—банально

грустная: со стороны Жозанны—искренняя привязанность, со стороны Мориса—легкая интрига съ женщиной, которую онъ не уважаетъ уже за то, что она отдалась ему. Жозанна начинаетъ понимать психологію Мориса послѣ того, какъ объявляетъ ему о томъ, что станетъ матерью. Морисъ, вмѣсто того, чтобы настоять на разводѣ съ мужемъ, совѣтуетъ Жозаннѣ убѣдить мужа, что ребенокъ—его. Жозанна возмущена, на время перестаетъ видѣться съ Морисомъ. Но потомъ, когда маленькій Клодъ появляется на свѣтъ—какъ сынъ химика Валентина,—она снова мирится съ Морисомъ, чувствуя всю унизительность своихъ отношеній къ нему, страдая отъ лжи, которую она создаетъ вокругъ себя, и еще болѣе страдая отъ равнодушія Мориса. Въ одну изъ минутъ наибольшаго отчаянія, тщетно поджидая Мориса на условленномъ мѣстѣ свиданія, она разглядываетъ новую книгу о женскомъ вопросѣ, „La Travailleuse“, Ноэля Делиля. Она перелистываетъ главу „О новой женской нравственности“ и поражена новизной и широтой взглядовъ автора, который требуетъ для женщины права „свободно располагать своими чувствами“ и т. д. Мысли Ноэля Делиля въ сущности довольно азбучныя, но для Жозанны онѣ—откровенія или, вѣрнѣе, неожиданная поддержка. Авторъ книги говоритъ, что теперешняя самостоятельная женщина-„работница“ кажется опасной буржуазному обществу, какъ врагъ установленнаго порядка вещей... „Но теперь уже поздно возвращаться къ старому!—восклицаетъ Ноэль Делиль.—Если всѣ работницы и не принадлежатъ къ числу окончательно освободившихся отъ рабства, то во всякомъ случаѣ всѣ онѣ подняли мятежъ. Онѣ возстали противъ закона, установленнаго для нихъ мужчинами, предразсудковъ, поддерживаемыхъ мужчинами, противъ устарѣлаго идеала, который они навязываютъ своимъ подругамъ... Женщины порвали пряжу, которую пряли ихъ бабушки, оставили прялку, иголку и зеркало—и вмѣстѣ съ этимъ также пассивныя добродѣтели и суетность. Онѣ уже не полагаютъ, что достаточно быть цѣломудренной женщиной, чтобы быть честной, и не считаютъ себя падшими изъ-за того, что онѣ любили нѣсколько разъ“.

Жозаннѣ кажется, что все это относится лично къ ней; она тоже одна изъ „возмутившихся“, хотя еще не изъ свободныхъ. Ей даже легче переносить предательства Мориса послѣ того, какъ она прочла главу книги, такъ смѣло отстаивающей все, за что она, Жозанна, много выстрадала въ жизни.

Романъ съ Морисомъ Натье кончается, оставивъ въ душѣ Жозанны горькія воспоминанія о пережитыхъ страданіяхъ и униженіяхъ. Наступаетъ день, когда онъ ей объявляетъ о своемъ намѣреніи порвать съ нею, о своей предстоящей женитьбѣ. Мысль о ребенкѣ не останавливаетъ его въ его рѣшеніи. Ребенокъ носитъ имя другого—у него

нѣтъ никакихъ фактическихъ обязательствъ, а нравственныхъ онъ не признаетъ. Жозанна остается душевно-одинокой и машинально продолжаетъ жить, исполняя свои дѣловыя обязанности секретаря редакціи и ухаживая за больнымъ мужемъ. За это время случается, однако, нѣчто пріятное: редакторъ журнала, услышавъ ея отзывъ о книгѣ Ноэля Делиля, предложилъ ей написать рецензію о книгѣ, и чтобы поощрить молодую сотрудницу, прибавилъ ей жалованья. Жозанна написала замѣтку очень горячо и умно, и съ этихъ поръ ей стали поручать не только хронику модъ, но и болѣе отвѣтственную литературную работу въ журналѣ.

Судьба Жозанны вскорѣ послѣ разрыва съ Морисомъ мѣняется. Мужъ ея умираетъ; она съ ребенкомъ уѣзжаетъ въ провинцію, къ родственницѣ мужа, очень доброй старой дѣвѣ, которая готова посвятить всю жизнь заботамъ о маленькомъ Клодѣ и его матери. Жозаннѣ спокойно въ провинціальной глуши, и она отдается этому пассивному чувству отдохновенія, хотя и чувствуетъ, что оно пагубно для души. Свои отношенія къ журналу она оборвала, уѣхавъ внезапно изъ Парижа, и боится, что въ редакціи ее навѣрное замѣнили кѣмъ-нибудь другимъ. Но всѣ ея колебанія кончаются, когда она получаетъ необыкновенно любезное письмо отъ редактора журнала, который проситъ ее вернуться и предлагаетъ ей стать дѣятельнымъ членомъ редакціи. Эта чрезвычайная любезность объясняется письмомъ Ноэля Делиля къ редактору съ запросами о талантливомъ рецензентѣ его книги. Жозанна ѣдетъ въ Парижъ, поселяется тамъ съ своимъ сыномъ, работаетъ въ редакціи, довольна своимъ самостоятельнымъ положеніемъ. Черезъ нѣсколько времени она встрѣчается съ Ноэлемъ, и между ними завязываются сначала чисто дружескія отношенія, которыя потомъ переходятъ въ любовь. Тутъ и начинаются осложненія принципіальнаго характера. Жозанна такъ изстрадалась отъ исторіи съ Морисомъ, отъ всего, что вноситъ рабскаго въ жизнь любовь, что долго сопротивляется своему чувству. Но и тогда, когда она отдаетъ безповоротно свое сердце Ноэлю, у нея начинаются другого рода колебанія. Онъ не знаетъ ея прошлаго, исторіи ея любви къ Морису, и она не знаетъ, какъ этотъ апостолъ женской свободы отнесется къ тому, что было. Она долго поэтому уклоняется отъ любви Ноэля, говоритъ ему о препятствіяхъ и наконецъ разсказываетъ ему о Морисѣ. Наступаетъ долгая пора взаимныхъ терзаній: Ноэлю страшна ложь, которую Жозанна ввела въ свою жизнь; онъ чувствуетъ, что теряетъ довѣріе къ ней, мучается непобѣдимой ревностью и больше всего страдаетъ отъ присутствія Клода, отъ материнской любви Жозанны. Когда ему кажется, что онъ побѣдилъ наконецъ свое стихійное чувство ревности, онъ возвращается къ Жозаннѣ. Ихъ любовь становится

вѣчной смѣной періодовъ радости и вспыхивающихъ страданій. Наконецъ ихъ окончательно сближаетъ страданіе. Маленькій Клодъ опасно заболѣваетъ. Они вмѣстѣ ухаживаютъ за нимъ; Ноэль переживаетъ муки и отчаяніе Жозанны, какъ собственное горе. Когда ребенокъ выздоравливаетъ, любовь Жозанны и Ноэля очистилась отъ всякихъ постороннихъ элементовъ. Всякая ревность къ отцу ребенка у него безслѣдно исчезаетъ, также какъ у нея всѣ колебанія отстаивающей свою свободу женщины. Все это исчезаетъ передъ вѣрой въ свободно избраннаго друга, — и они покоряются торжествующему закону любви.

II.

Alfred Sutro. Mollentrave on Women. Comedy. London, 1906.

Въ современной англійской драмѣ есть двѣ рѣзко разграниченныя категоріи: театръ, который подчиняется вкусу публики, — и театръ, который подчиняетъ себѣ вкусы публики. Главное различіе между ними—въ томъ, что къ первой категоріи относится репертуаръ всѣхъ большихъ лондонскихъ театровъ—а ихъ не меньше двадцати въ самомъ центрѣ Лондона — и главнѣйшихъ провинціальныхъ; вторая же „царитъ“ на двухъ-трехъ сценахъ, существующихъ лишь благодаря крупнымъ вкладамъ частныхъ лицъ. Есть въ Лондонѣ „Stage Society“, которая ставитъ пьесы иностранныхъ авторовъ, Ибсена, Горькаго, Бріё, Зудермана — все въ перемежку, руководствуясь только однимъ принципомъ: ставить то, что̀ другія сцены отвергли бы за „безнравственность“, понимая это слово какъ всякій протестъ противъ условной морали. Но на представленія „Stage Society“ билеты не продаются, а раздаются членамъ за ихъ членскій взносъ. Болѣе широкими экспериментами, т.-е. постановкой „смѣлыхъ“ пьесъ для платной публики, занимается въ настоящее время Court Theatre, очень небольшой, разсчитанный исключительно на интеллигентную публику. Тамъ идутъ передѣлки Эврипида, тамъ идутъ комедіи Бернарда Шоу, такъ зло и мѣтко вышучивающія англійскую респектабельность. Для полноты англійскаго самосознанія нужна и твердая респектабельность массъ—и признаніе правъ націи на самобичеваніе, на злую сатиру: свобода и уваженіе человѣческой личности требуетъ и того, и другого. Поэтому-то, наряду съ Рёскиномъ, съ проповѣдью трезвости, съ любовью къ романамъ и пьесамъ съ „благополучной развязкой“, пользуется большой популярностью и Бернардъ Шоу. Куда бы ни являлся этотъ остроумный соціалистъ-вегетаріанецъ для произнесенія рѣчей, на митингъ ли противъ вивисекціи, или на выставку „эксплуатаціи

труда" (Sweated industries exhibition)—вслѣдъ за нимъ является самая фешенебельная публика—слушать, какъ ее вышучиваетъ талантливый сатирикъ. И Court Theatre, ставя его анти-общественныя комедіи, дѣйствуетъ, какъ это ни странно, совершенно въ духѣ англійской респектабельности; она вѣдь настолько увѣрена въ своей правотѣ, въ прочности своихъ устоевъ, что благодушно допускаетъ шутки нетерпѣливой молодежи, которая должна же погорячиться и поругаться на свободѣ: англичане вообще любятъ ругань; въ умѣренномъ количествѣ она кажется имъ очень гигіеничной и вполнѣ соотвѣтствующей идеалу джентльменства. Вотъ нѣкоторыя причины успѣха и Бернарда Шоу съ его пьесами, и нѣкоторыхъ другихъ постановокъ Court Theatre и другихъ „смѣлыхъ" театровъ.

Но подобные эксперименты совершенно пропадаютъ въ массѣ пьесъ, которыя ставятся на всѣхъ остальныхъ сценахъ и пользуются дѣйствительнымъ успѣхомъ, т.-е. выдерживаютъ много сотъ представленій. Про драму или комедію только тогда говорятъ, что она имѣла успѣхъ, когда она въ теченіе двухъ сезоновъ шла безъ перерыва каждый вечеръ при полныхъ сборахъ. Только это и можетъ дѣйствительно возмѣстить огромные расходы англійскихъ постановокъ. Если на пьесу хорошо продаются только мѣста въ партерѣ, т.-е. если она привлекаетъ только интеллигентную публику, то она не будетъ долго держаться на сценѣ. Такой публики въ Лондонѣ, а тѣмъ болѣе въ провинціи, немного, и она вся успѣетъ перебывать въ театрѣ за мѣсяцъ или полтора, послѣ чего пьесу придется снять съ репертуара—задолго до того, какъ директоръ театра окупилъ свои расходы по постановкѣ. „Моя комедія,—говорилъ намъ одинъ извѣстный современный драматургъ,—шла семьдесятъ разъ; я считалъ это успѣхомъ, но директоръ театра называлъ это проваломъ. Толпѣ, т.-е. публикѣ галлерей и партера (pitt and gallery), она была не по вкусу,—а только эта публика рѣшаетъ судьбу пьесы, опредѣляетъ ея долголѣтіе". Вотъ почему идутъ безъ конца на большихъ сценахъ такія пьесы, какъ „Одинокіе милліонеры", „Левъ и мышка" (исторія милліонера, попадающаго въ сѣти умной гувернантки), или „Батская красавица" и безконечный рядъ комедій и фарсовъ „съ музыкой", трогательно невинныхъ, но и абсолютно безсодержательныхъ; это теперь любимый жанръ въ Англіи.

Существуютъ, однако, въ современномъ англійскомъ репертуарѣ пьесы, занимающія середину между названными двумя категоріями. Это драмы и комедіи, задѣвающія современныя психологическія темы, не разсчитанныя на успѣхъ у публики; авторы подчиняются въ нихъ требованіямъ условной морали и вообще стараются не выходить за кругозоръ средней англійской публики въ разрѣшеніи жизненныхъ вопросовъ. Къ числу такихъ драматурговъ, занимающихъ видное по-

ложеніе и по литературности пьесъ, и по ихъ успѣху у публики, принадлежитъ прежде всего Пинеро. Онъ прославился своей эффектной драмой „Вторая м-ссъ Тэнкерей“, вошедшей въ репертуаръ всѣхъ знаменитыхъ актрисъ: и Дузе, и Сарры Бернаръ, а у насъ Савиной и другихъ. Послѣ того онъ писалъ и продолжаетъ писать очень сценичныя пьесы — съ болѣе или менѣе интересными психологическими замыслами,—но съ чрезмѣрными уступками условной морали въ разрѣшеніи выдвинутыхъ вопросовъ.

Къ тому же разряду драматурговъ, какъ Пинеро, относится молодой писатель Альфредъ Сутро. Онъ принадлежитъ по своимъ литературнымъ вкусамъ къ молодому поколѣнію. Его главная заслуга въ этомъ смыслѣ — прекрасные переводы Метерлинка, котораго онъ всячески пропагандируетъ на англійской сценѣ. Духовная близость къ Метерлинку сказывается до нѣкоторой степени и въ томъ, что Метерлинкъ въ свою очередь написалъ интересное предисловіе къ одной изъ наиболѣе интересныхъ пьесъ Сутро, „The Cave of Illusion“, — слишкомъ смѣлой по англійскимъ понятіямъ и потому еще не попавшей до сихъ поръ на сцену. Наряду со своимъ служеніемъ чисто литературнымъ и художественнымъ цѣлямъ, Сутро—авторъ множества пьесъ, преимущественно комедій, которыя пользуются большимъ успѣхомъ и въ Англіи, и въ Америкѣ. Это пьесы съ „благополучными развязками“, не оскорбляющія ни въ какомъ отношеніи англійской щепетильности, но все же выдѣляющіяся изъ обычнаго репертуара своей несомнѣнной литературностью. Въ нихъ есть психологическое содержаніе, есть любопытство къ законамъ жизни. Во всѣхъ своихъ пьесахъ Сутро старается такъ или иначе, серьезно или юмористически, воплотить связь событій и переживаній съ силами жизни, съ мудростью міра, которая осуществляется — въ большомъ, какъ и въ маломъ — иногда наперекоръ человѣческимъ стараніямъ, иногда же совпадая съ стремленіями людей и создавая тѣмъ самымъ иллюзію воздѣйствія воли на судьбу.

Наиболѣе серьезно и наиболѣе художественно это отношеніе къ жизни и ея задачамъ проведено Сутро въ его драмѣ „Пещера иллюзій“. Подъ этимъ аллегорическимъ названіемъ (оно звучитъ въ оригиналѣ не такъ безвкусно романтично, какъ по-русски) авторъ подразумѣваетъ жизнь: человѣкъ будто бы созидаетъ для себя законы жизни, а на самомъ дѣлѣ подчиняется правдѣ, которая выше его; она управляетъ имъ и создаетъ результаты его будто бы самовольныхъ поступковъ,—вотъ основная мысль его драмы. „Пещера иллюзій“ интересна своей искренностью, т.-е. тѣмъ, что авторъ не придумываетъ рѣшающихъ формулъ, не даетъ категорическихъ отвѣтовъ. Онъ чувствуетъ, что каждое рѣшеніе жизненнаго вопроса, каждый выходъ изъ слож-

наго положенія, — вѣрны, но что столь же вѣрно будетъ и противоположное рѣшеніе; нѣтъ и не можетъ быть категорическихъ рѣшеній тамъ, гдѣ законы человѣческихъ желаній сталкиваются съ законами жизненно необходимаго, а въ этихъ столкновеніяхъ—все содержаніе жизни.

Приближаясь до нѣкоторой степени къ этому пониманію, Сутро ограничивается только тѣмъ, что ставитъ вопросы, возсоздаетъ драмы духа, но не даетъ отвѣтовъ и психологическихъ формулъ. Это только и цѣнно въ его пьесахъ — въ особенности въ „Пещерѣ иллюзій". Герой этой драмы, Давидъ Голисдэль, — писатель. Онъ талантливъ и не хочетъ зарыть свой талантъ въ землю; ему недостаточно того, что книги его имѣютъ успѣхъ и продажа ихъ обогащаетъ и его издателя, и его самого. Ему дѣйствительно хочется сказать нѣчто, научить другихъ тому, что онъ самъ постигъ въ жизни. Онъ не сразу понялъ свою миссію, но, понявъ ее, задумалъ книгу, въ которую вкладываетъ всю душу. При этомъ онъ вдругъ, неожиданно для себя, оказывается въ антагонизмѣ со всѣмъ, что до того составляло содержаніе его жизни. Борьба между проснувшимися неумолимыми требованіями духа и нравственными обязательствами относительно жизни составляетъ содержаніе драмы. Чувство долга привязываетъ Давида къ женѣ, хорошей женщинѣ, имѣющей всѣ нравственныя права на его привязанность; но свободная душа влечетъ его къ другой женщинѣ, той, которая стала его вдохновительницей, потому что она какъ магнитъ вытягиваетъ изъ человѣка все, что въ немъ есть творческаго. Сначала Давидъ не чувствуетъ, что судьба завязала узелъ, который необходимо такъ или иначе распутать. Прежде, когда онъ писалъ книги, создавшія ему крупное имя, онъ читалъ каждую строчку до печати своей женѣ, руководствовался ея мнѣніемъ, видѣлъ въ ней дѣйствительную подругу жизни. Теперь же, когда въ немъ совершился душевный переворотъ, когда литературное творчество стало для него выполненіемъ миссіи, а не путемъ къ славѣ, все измѣнилось. Онъ проводитъ дни у своего новаго друга — замужней женщины, открыто отвлекаетъ ее отъ всѣхъ ея знакомыхъ, занимая все ея время чтеніемъ всего, что онъ пишетъ; но онъ совершенно не предполагаетъ, что своимъ духовнымъ общеніемъ съ Габріэлей нарушаетъ права своей жены или возбуждаетъ толки въ обществѣ. Габріэль съ своей стороны посвящаетъ себя всецѣло этой дружбѣ, не скрывая ее ни отъ кого, и вполнѣ солидарна съ Давидомъ въ его стремленіи не угождать вкусамъ публики, а творить свое, быть искреннимъ искателемъ истины. Она прямо говоритъ издателю Давида, что именно новая книга его—наиболѣе цѣнная, хотя и не можетъ разсчитывать на успѣхъ у публики, подобно прежнимъ.

Духовная близость Давида и Габріэли становится однако невозможной въ обычныхъ условіяхъ общественной жизни: Давиду приходится выбирать между долгомъ передъ жизнью, передъ женой—и долгомъ передъ собой, т.-е. тѣмъ, что онъ считаетъ своей миссіей. Мужъ Габріэли уже давно совершенно равнодушенъ къ женѣ и предоставляетъ ей свободу, — но только настолько, чтобы отъ этого не страдала безупречность ея репутаціи какъ замужней женщины. Какъ только онъ узнаетъ, что въ обществѣ начинаютъ злословить относительно ея и Давида, онъ сейчасъ же отказываетъ послѣднему отъ дому. Давидъ возмущенъ, но увѣренъ, что положитъ конецъ всякой клеветѣ тѣмъ, что его собственная жена станетъ на сторону Габріэли. Габріэль, по просьбѣ Давида, приходитъ въ гости къ Кларѣ, женѣ Давида. Сцена между двумя женщинами, взрывъ необузданной ревности у Клары, наперекоръ ея твердому рѣшенію признать Габріэль членомъ ихъ семьи, — самая сильная въ драмѣ. Она написана очень жизненно и правдиво, съ тонкимъ анализомъ безсилія воли передъ стихіей чувства. Клара отказывается наотрѣзъ отплатить визитъ Габріэли, и вслѣдствіе этого для Давида и Габріэли прекращается возможность видаться. Но это только ускоряетъ развязку. Всякая духовная жизнь, всякая творческая работа становится тоже немыслимой для Давида внѣ общенія съ Габріэлью. Онъ перестаетъ писать, скрывая это, однако, отъ своей жены. Онъ жалѣетъ Клару, заболѣвшую отъ горя, не отходитъ отъ нея и старается забыть про свою дружбу съ Габріэлью. Клара счастлива. Ей кажется, что гроза миновала, что мужъ окончательно вернулся къ ней,—она увѣрена, что онъ работаетъ, не подозрѣвая, что у него не написано ни одной строчки съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ видаться съ Габріэлью. Наконецъ Давидъ, измученный своимъ духовнымъ одиночествомъ, не выдерживаетъ и уходитъ изъ дому. Онъ бродитъ около дома Габріэли, стоитъ на террасѣ, заглядывая въ комнату и не рѣшаясь войти. Габріэль, тоскующая въ разлукѣ съ Давидомъ, собирается какъ разъ принять приглашеніе одной изъ своихъ пріятельницъ и поѣхать погостить къ ней; но, замѣтивъ Давида на террасѣ, она отдѣлывается отъ пріятельницы и выходитъ къ своему другу на террасу. Въ эту минуту какъ разъ изъ внутреннихъ комнатъ выходитъ мужъ Габріэли. Увидавъ жену на террасѣ, рядомъ съ человѣкомъ, которому онъ отказалъ отъ дому, онъ закрываетъ передъ ними дверь въ домъ. Такимъ образомъ онъ рѣшаетъ за нихъ то, для чего у нихъ самихъ не хватало смѣлости. Эту сцену, это драматическое и вполнѣ жизненное воплощеніе силы, двигающей судьбами людей, Метерлинкъ особенно хвалитъ въ своемъ предисловіи къ пьесѣ. Она, дѣйствительно, производитъ сильное впечатлѣніе. Конецъ, послѣднее дѣйствіе, написано какъ

бы въ вопросительномъ тонѣ. Давидъ и Габріэль, отверженные, покинутые всѣми, живутъ во Франціи. Его книга закончена; она нравится издателю, т.-е., съ его точки зрѣнія, никуда не годится, и этотъ внѣшній успѣхъ не удовлетворяетъ его. Любовь къ Габріэли попрежнему сильна, но въ душѣ Давида заговорило и другое чувство: жалость къ Кларѣ; проснулись сожалѣнія и вопросъ о нравственномъ долгѣ. Давидъ—не изъ тѣхъ людей, которые свободно „переступаютъ предѣлы", и поэтому въ его лицѣ вопросъ не рѣшенъ; онъ самъ кажется скорѣе неудачникомъ, не имѣющимъ права подчинять себѣ обстоятельства. Но въ драмѣ Сутро интересно то, что поставленъ самый вопросъ—для современнаго англійскаго театра очень смѣлый,—и что показана въ дѣйствіи стихійная сила духа, управляющая поступками и ведущая къ цѣлямъ, которыя часто кажутся противорѣчащими непосредственнымъ интересамъ жизни.

Другія пьесы Сутро, написанныя въ иномъ тонѣ, въ духѣ легкихъ забавныхъ комедій, проводятъ, въ сущности, ту же основную идею, только приспособленную къ условіямъ сцены, къ требованіямъ большой публики. Комедія „Mollentrave on Women", вышедшая недавно въ печати, имѣла большой успѣхъ на сценѣ и является характернымъ образцомъ манеры Сутро. Въ центрѣ пьесы изображенъ „знатокъ женщинъ", Моллентрэвъ, который написалъ книгу о женщинахъ, о способахъ добиваться любви женщинъ, объ устройствѣ браковъ по любви и т. д. Все это—результатъ его многолѣтнихъ наблюденій, и онъ проводитъ свои принципы на практикѣ, увѣренный, что все совершается именно такъ, какъ онъ предусмотрѣлъ въ теоріи. Комическій узелъ пьесы заключается въ томъ, что Моллентрэвъ интригуетъ, выдумываетъ какія-то хитросплетенія и воображаетъ, что вліяетъ на событія, что комбинаціи его необыкновенно удачны. А въ дѣйствительности осуществляются логическіе законы жизни, не имѣющіе никакого отношенія къ комбинаціямъ „знатока женщинъ", и его конечное торжество обусловлено только тѣмъ, что по обычной человѣческой близорукости онъ приписываетъ себѣ все, что совершилось, въ сущности, вопреки его стараніямъ повліять на ходъ событій. „Матеріалъ", надъ которымъ экспериментируетъ „знатокъ женщинъ", состоитъ изъ четырехъ лицъ—двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ. Это, во-первыхъ, дочь Моллентрэва, молодая вдова, лэди Клодъ, и сэръ Джозефъ, талантливый и немолодой членъ высшей магистратуры, политическій дѣятель съ высокимъ общественнымъ положеніемъ; затѣмъ—молодая дѣвушка, живущая въ домѣ сэра Джозефа, порученная его опекѣ его умершимъ другомъ, ея отцомъ, и молодой, только-что окончившій курсъ врачъ, племянникъ сэра Джозефа, Эверардъ. Естественно, что сэръ Джозефъ и лэди Клодъ составили одну пару, а юная Маргарита и Эверардъ—

вторую. Но въ простое дѣло жизни вмѣшивается многоопытный знатокъ женщинъ, и потому желаемый и естественный результатъ достигается лишь послѣ цѣлаго ряда трагикомическихъ осложненій, вызванныхъ именно стараніями Молентрэва устроить то, что и устраивается въ концѣ концовъ помимо его. Маргарита, увлеченная краснорѣчіемъ сэра Джозефа—она слышала его на судѣ,—восторгаясь его талантомъ, ослѣпленная его положеніемъ въ обществѣ, воображаетъ, что влюблена въ него. Она пристаетъ къ нему со всяческими знаками своего расположенія, приноситъ въ его комнату цвѣты (по его мнѣнію, это значитъ приводить въ безпорядокъ его кабинетъ) и не замѣчаетъ, какъ его тяготитъ ея общество. Сэру Джозефу, какъ старому холостяку, очень неудобно присутствіе барышни въ домѣ и связанная съ этимъ отвѣтственность; ему хотѣлось бы какъ можно скорѣе выдать ее замужъ. Есть для нея подходящій женихъ—Эверардъ, но сэръ Джозефъ, по неопытности, совершенно не знаетъ, какъ способствовать браку очень подходящихъ другъ къ другу дѣвушки и юноши. Моллентрэвъ, которому сэръ Джозефъ говоритъ о своемъ тяжеломъ положеніи опекуна, берется все устроить—на то онъ „знатокъ женщинъ“, чтобы все пошло какъ по писаному. Въ помощницы призывается также дочь Моллентрэва, лэди Клодъ; въ нее сэръ Джозефъ былъ влюбленъ еще до ея перваго брака, и продолжаетъ попрежнему любить ее. Нужно прежде всего поговорить съ молодыми людьми. Съ Эверардомъ разговоръ очень несложенъ. Онъ при первомъ намекѣ признается въ своей пламенной любви къ Маргаритѣ, но изъ робости не рѣшается сдѣлать ей самъ предложеніе. Сэръ Джозефъ тоже слишкомъ неопытенъ въ этихъ дѣлахъ, но ихъ выручаетъ Моллентрэвъ. Онъ—„знатокъ женщинъ“, онъ поговоритъ съ Маргаритой и подготовитъ почву для Эверарда. Всѣ очень довольны; Моллентрэвъ говоритъ съ Маргаритой въ присутствіи безмолвнаго сэра Джозефа, который только взглядами подтверждаетъ всѣ слова „знатока женщинъ“. Но результатъ получается самый непредвидѣнный. Маргарита съ радостью даетъ согласіе, увѣренная, что руки ея добивается сэръ Джозефъ. Когда Эверардъ приходитъ къ Маргаритѣ, она уже ему твердо отказываетъ, заявляя, что она—невѣста сэра Джозефа. Такая путаница не смущаетъ Моллентрэва. Онъ увѣренъ въ самомъ лучшемъ исходѣ,—нужно только, чтобы сэръ Джозефъ, съ согласія лэди Клодъ, разыгралъ роль жениха и надоѣлъ Маргаритѣ, притворяясь немощнымъ старикомъ. Это положеніе создаетъ рядъ очень забавныхъ сценъ, осложненныхъ тѣмъ, что лэди Клодъ—тоже по системѣ Моллентрэва—кокетничаетъ слегка съ Эверардомъ и настолько влюбляетъ его въ себя, что Маргарита начинаетъ невольно ревновать. Въ концѣ концовъ все разъясняется: Маргарита и Эверардъ понимаютъ, что лю-

бятъ другъ друга и рѣшаются наконецъ объявить объ этомъ старшимъ, рискуя, какъ они думаютъ, страшно ихъ этимъ огорчить. Огорченія, однако, никакого нѣтъ, такъ какъ сэръ Джозефъ и лэди Клодъ съ своей стороны ищутъ только возможности освободиться отъ обязательствъ относительно молодежи и даже готовы сбѣжать отъ нихъ. Все кончается благополучно, и Моллентрэвъ увѣренъ, что счастье двухъ любящихъ паръ—дѣло его рукъ, его знанія женщинъ. Въ общемъ получается забавный водевиль, но съ серьезной мыслью о власти высшихъ стихійныхъ силъ въ жизни.

Въ настоящее время на одной изъ лондонскихъ сценъ идетъ другая пьеса Сутро, „Обольстительный м-ръ Вандервельде“,—тоже легкая комедія. Но и въ ней авторъ показываетъ въ легкой формѣ власть жизни, разбивающей интриги. Въ комедіи вышучивается свѣтскій баловень, козни котораго оказываются безсильными, когда они направлены противъ женщины съ прямой натурой и яснымъ умомъ; ее онъ не можетъ заманить въ свои сѣти, какъ обычныхъ свѣтскихъ куколъ. Героиня комедіи—молодая вдова, у которой очень много ухаживателей. „Обольстительный м-ръ Вандервельде“, котораго она вышучиваетъ, поклялся жениться на ней и не стѣсняется средствами, чтобы добиться ея руки. Онъ придумываетъ цѣлую интригу, чтобы скомпрометировать ее: уѣзжаетъ съ ней на автомобилѣ, подстраиваетъ несчастный случай, такъ что они должны провести вмѣстѣ внѣ дома матери вдовы цѣлыя сутки. Она скомпрометирована, тѣмъ болѣе, что изъ упрямства отказывается давать какія-либо объясненія, вернувшись домой; всѣ рѣшаютъ, что она должна выйти замужъ за Вандервельде, хотя онъ и нежелательный женихъ. Но она отказывается—и выходитъ за благороднаго полковника, котораго давно любила. Онъ одинъ къ тому же не считаетъ ее скомпрометированной и не требуетъ объясненій. Свѣтская интрига мелкаго донъ-Жуана, основанная на англійскихъ предразсудкахъ, развѣялась по вѣтру подъ вліяніемъ искреннихъ чувствъ двухъ просто смотрящихъ на жизнь людей. Комедія изобилуетъ комическими положеніями, забавными сценами (напр., въ деревенской гостинницѣ, куда попадаетъ вдова со своимъ ухаживателемъ послѣ несчастія съ автомобилемъ) и т. д. Въ этой пьесѣ, какъ и въ другихъ, Сутро обнаружилъ пониманіе сцены, остроуміе діалога и другія чисто литературныя качества. Онъ сообразуется со вкусами публики, имѣетъ въ виду „любимые“ предразсудки англійскаго общества, но замыслы его литературны, что̀ выгодно выдѣляетъ его изъ общей массы англійскихъ драматурговъ, подвизающихся на лондонскихъ сценахъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1906.

Открытіе Государственной Думы.—Впечатлѣнія первыхъ дней.—Пренія по аграрному вопросу.—Нежелательные пріемы партійной борьбы.—Первые запросы.—Допустима ли для Думы забастовка?—Тонъ декларації министерства.—Иллюстрація къ „диктатурѣ пролетаріата".—И. С. Соколовъ †.

Навѣрное, никогда невиданную картину представляли собою залы Зимняго дворца 27-го апрѣля. Не туалеты дамъ, не залитые золотомъ мундиры и не украшенные боевыми наградами высшіе и низшіе чины войска приковывали всеобщее вниманіе. И даже не національные костюмы, не крестьяне—великороссы и малороссы, литовцы, поляки, татары. Всевозможные живописные кафтаны въ стѣнахъ Зимняго дворца бывали не разъ... Въ нихъ не бывали только черные фраки, сюртуки и пиджаки, надѣтые на плечи людей, которые до этого дня, подъ придворнымъ угломъ зрѣнія, если не всѣ поголовно считались формально преступными, то всѣ — „неблагонадежными". И эти люди — что-то среднее между „вѣрноподданными" и открытыми „внутренними врагами" — пришли не одинъ, не два, а пришли въ числѣ сотенъ. Пришли и составили одну массу съ крестьянами въ національныхъ одеждахъ, съ двумя-тремя православными священниками, съ католическими ксендзами и съ представителями родового и служилаго дворянства. Пришли, какъ выбранные народомъ „лучшіе люди", для того, чтобы раздѣлить съ Царемъ бремя власти и бремя отвѣтственности... Присутствующими придворными не могло не чувствоваться, что съ приходомъ во дворецъ этой чуждой дворцу массы прошлое—однимъ столь любезное, другимъ, быть можетъ, тяжелое, но всѣмъ равно привычное—должно неизбѣжно оборваться. На лицахъ, мимо которыхъ дефилировали члены Думы изъ николаевскаго зала въ георгіевскій тронный, не столько видѣлось изумленіе и любопытство, сколько отражалась мучительная работа мысли надъ роковымъ вопросомъ: что̀ тутъ будетъ?

Къ часу дня, по Морской, Невскому, черезъ площадь и по набережной Невы тянулись вереницы извозчичьихъ дрожекъ и пѣшеходовъ, обгоняемые каретами и колясками. Не обгоняемые вглядывались въ лица обгоняющихъ, а наоборотъ. Изъ рѣдкаго окна кареты не выглядывало внимательныхъ глазъ. И публика, стоявшая на панеляхъ, не замѣчая каретъ и колясокъ, слѣдила за дрожками и пѣшеходами, называя имена, до сихъ поръ бывшія извѣстными по литературѣ, по митингамъ, пожалуй по преслѣдованіямъ со стороны администраціи,

но уже никакъ не по участію въ рѣшеніи судебъ государства и въ высшемъ управленіи... За іорданскимъ подъѣздомъ придворные и полицейскіе чины предупредительно-вѣжливо повѣряли входные билеты и направляли на величественную лѣстницу. Въ залѣ входившіе поступали въ распоряженіе церемоніймейстеровъ съ жезлами. По стѣнамъ николаевскаго зала стояли почетные караулы отъ военно-учебныхъ заведеній. Любители остротъ говорили, что это сдѣлано умышленно: изъ вниманія къ „кадетамъ".

Среди оппозиціоннаго большинства членовъ Думы, до болѣзненности недовѣрчиво настроеннаго въ отношеніи бюрократіи и двора, передавались опасенія, что во время церемоніи распредѣленіемъ мѣстъ для присутствующихъ будетъ подчеркнута второстепенная роль народныхъ представителей. Говорили, что на первыхъ мѣстахъ вблизи трона будутъ стоять члены государственнаго совѣта, министры, генералитетъ, а что членамъ Думы придется затеряться въ глубинѣ залы. Опасенія не оправдались. Распорядители торжества, напротивъ, сумѣли ясно показать, что Государь призвалъ выборныхъ представителей народа, чтобы имъ непосредственно сказать слово привѣтствія. Для членовъ Думы была отведена цѣлая половина зала, тогда какъ на другой половинѣ, имѣя передъ собой духовенство и пѣвчихъ, стояли и члены государственнаго совѣта, и сенаторы, и свита, и военные генералы... Въ ожиданіи начала церемоніи, столичные депутаты удовлетворяли любопытство провинціальныхъ, показывая и называя по фамиліямъ сановниковъ. Особенно интересовались провинціалы видѣть своими глазами дѣятелей послѣдняго времени — графа Витте, П. Н. Дурново и генерала Трепова. Одинъ священникъ все просилъ ему показать К. П. Побѣдоносцева и выражалъ недоумѣніе, что среди духовенства нѣтъ о. Іоанна Кронштадтскаго. Съ противоположной стороны зала еще съ большимъ интересомъ, навѣрное, вглядывались въ лица членовъ Думы. Никто только не могъ въ той же мѣрѣ удовлетворять любопытство. Эта сторона имѣла передъ собой людей будущаго, прозрѣвать которое смертнымъ не дано. А передъ пришедшими впервые во дворецъ стояли законченные образы людей настоящаго, наканунѣ его обращенія въ прошлое...

Пронесли регаліи, вошли Государь и Императрицы. Началось молебствіе. Многіе ли молились? Слишкомъ неотступно у всѣхъ работала мысль надъ разгадкой раскрывающагося новаго и неизвѣстнаго, чтобы возможно было отрѣшаться отъ реальной жизни и подниматься надъ нею въ высь неземного... Больше всѣхъ, конечно, испытывалъ всю важность минуты Тотъ, кто до этого дня былъ единымъ повелителемъ народа и единымъ отвѣтчикомъ за судьбы народа передъ Богомъ — Тотъ, за кѣмъ стояли долгіе вѣка неограниченной власти съ

неразрывной преемственностью помазанія на царство... Онъ снималъ съ себя часть бремени отвѣтственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уступалъ часть данной Богомъ власти. Онъ дѣлалъ это для блага народа. Наступитъ ли оно?... Онъ стоялъ спокойно... Взоръ не могъ оторваться отъ лица, стоявшаго рядомъ. За внѣшнимъ спокойствіемъ виднѣлись на этомъ лицѣ муки тревоги любящей души, нечеловѣческія страданія, ужасъ. Съ такимъ выраженіемъ глазъ стоятъ предъ неизбѣжно-роковой страшной и громадной опасностью не для себя, а для дорогого, близкаго, любимаго... Этого выраженія нельзя забыть... Кто видѣлъ его, у того оно врѣзалось въ память на всю жизнь... Хотѣлось закричать слово успокоенія. Хотѣлось сказать: „мы не враги, не изверги; не для злого дѣла мы пришли; насъ привело горячее желаніе добра, покоя и счастія народа, насъ привело сознаніе, что иначе нельзя, и искренняя вѣра, что станетъ лучше“...

Тронная рѣчь произвела сильное впечатлѣніе. Но извѣрившійся умъ не спѣшилъ ему отдаться. Извѣрившійся умъ боялся сразу рѣшить, такъ ли онъ воспринялъ сказанныя слова, нѣтъ ли въ нихъ скрытаго, недоговореннаго смысла. Раздалось „ура“... Регаліи двинулись обратно. За ними — Государь, великіе князья и княгини, свита и придворные... Церемонія окончилась. Народные представители направились къ выходу... Говорятъ, что на набережной противъ дворца стояла толпа искусственная—агенты охраны и дворники по особымъ билетамъ. Если — да, то и ихъ, значитъ, захватило величіе минуты. Толпа привѣтствовала членовъ Думы и провожала восторженными кликами до пароходной пристани... Одинъ за другимъ стали отходить по Невѣ къ Таврическому дворцу пароходы. Со всѣхъ мостовъ встрѣчали ихъ привѣтствія уже настоящей толпы. Изъ оконъ домовъ махали платками... Угрюмые разгрузчики барокъ оставляли работу и снимали шапки. Когда пароходы проходили мимо Выборгской тюрьмы, во всѣхъ безчисленныхъ окнахъ появлялись бѣлые платки... Въ общемъ гулѣ привѣтственныхъ возгласовъ явственно выдѣлялось слово: „амнистія“... Отъ пристани у городского водопровода первымъ избранникамъ народа приходилось пробираться сквозь густые ряды мужчинъ, женщинъ, офицеровъ, студентовъ, рабочихъ и грубо и изящно одѣтыхъ людей всякаго званія и возраста, еле сдерживаемые полиціей. Здѣсь депутатамъ пожимали руки и ихъ обнимали. Здѣсь былъ неподдѣльный бурный восторгъ и здѣсь уже могучими раскатами воздухъ оглашался крикомъ: „амнистія“... Массамъ всегда нуженъ внѣшній символъ. Массы хотѣли, чтобы 27-ое апрѣля было концомъ прошлаго, и лучшимъ символизированіемъ конца, конечно, ничто иное не могло служить, какъ широкая, полная, всепрощающая ликвидація счетовъ стараго строя съ тѣми, кто во имя готовящагося наступить новаго

уклада жизни въ пылу борьбы перешелъ грани формальнаго закона...

Въ большой залѣ Таврическаго дворца опять служили молебствіе. Здѣсь крестьяне-депутаты были „дома", у себя. Они густой стѣной окружали духовенство и искренно, горячо молились. Отвыкшіе молиться ходили, стояли, сидѣли. Чувствовалось утомленіе... Сейчасъ должно открыться первое засѣданіе. Сейчасъ долженъ наступить моментъ, за которымъ возврата нѣтъ и быть не можетъ. Что̀ наступитъ: начало ли конца или конецъ начала? Начало ли конца кроваваго зарева революціи положитъ день 27-го апрѣля? Или имъ кончится начало попытки мирнаго рѣшенія историческаго кризиса, высоко поднявшаго на поверхность и обнажившаго вѣками копившіяся несправедливость, горе и нужду?... Что̀ ждетъ изстрадавшуюся страну? Что̀ ждетъ только въ надеждѣ на Думу затихшую народную бурю? Справятся ли посланные народомъ представители съ невѣроятно тяжелой задачей? Хватитъ ли у нихъ силъ, умѣнья, спокойствія и выдержки? Удастся ли имъ сломить внѣшнія препятствія? Или имъ суждено погибнуть отъ руки палача? Ужели ничто не предотвратитъ пугачевщины?!.. Отъ этихъ мыслей безконечно трудно было отрѣшиться...

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, въ годовомъ собраніи петербургскаго юридическаго общества, А. Ѳ. Кони дѣлился воспоминаніями и впечатлѣніями о первыхъ дняхъ судебной реформы. Въ печати не разъ появлялись также статьи и разсказы другихъ авторовъ, посвященные этимъ памятнымъ днямъ. Слушать и читать воспоминанія, какъ велись первыя публичныя засѣданія судовъ, особенно съ участіемъ впервые занявшихъ свои скамьи присяжныхъ засѣдателей, какъ длинно и съ постоянными отступленіями въ область общихъ вопросовъ и теоретическихъ разсужденій говорили прокуроры и защитники, какъ неувѣренны были предсѣдатели—чрезвычайно любопытно. Получается впечатлѣніе чего-то неумѣлаго, порой безпомощнаго и суетливаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ священнодѣйственнаго. За сорокъ лѣтъ сложились судебные обычаи, выработались традиціи и привычки и появилась рутина, со всѣми ея положительными и отрицательными сторонами. Въ первые же дни былъ только законъ, буква котораго не можетъ различать наиболѣе важнаго отъ второстепеннаго, и который никогда не въ силахъ раскрыть тайну воздѣйствія на чужую мысль.

Такъ, навѣрное, черезъ десятки лѣтъ будутъ вызывать въ новомъ поколѣніи удивленіе, граничащее съ усмѣшкой, отчеты о первыхъ шагахъ Государственной Думы. Дай только Богъ, чтобы они не вызывали сожалѣнія о скоро утраченномъ благоговѣйномъ отношеніи къ

дѣлу... Пока такое отношеніе несомнѣнно есть. Оно выражается въ посѣщеніи засѣданій всѣмъ наличнымъ составомъ Думы, во вниманіи, съ которымъ выслушиваются каждая рѣчь и каждое заявленіе, въ обдумываніи списка лицъ, предлагаемыхъ къ избранію въ коммиссіи, и т. д. Но на-ряду съ нимъ и отсутствіе обычаевъ и привычекъ даетъ себя чувствовать. Какъ отдѣльные ораторы, такъ нерѣдко и вся Дума, не могутъ забыть, что засѣданіе Государственной Думы не митингъ, и что принимаемыя Думою рѣшенія ничего не имѣютъ общаго по значенію, а потому и не могутъ быть повтореніемъ, по содержанію и по формѣ, резолюцій и постановленій всевозможныхъ митинговъ, собраній и съѣздовъ. Безконечно много времени уходитъ на общія разсужденія и на произнесеніе болѣе или менѣе талантливыхъ или болѣе или менѣе безталанныхъ зажигательныхъ рѣчей.

Справедливость, впрочемъ, требуетъ отмѣтить, что послѣднихъ гораздо меньше, чѣмъ первыхъ. Откуда что взялось! Неумѣнье наше, русскихъ, говорить считалось всегда избитой истиной. Оказывается, что намъ только негдѣ было говорить. Какъ полтора года освободительнаго движенія дали высокую степень политической зрѣлости всѣхъ классовъ населенія, не исключая крестьянства, такъ менѣе года участія на митингахъ и въ собраніяхъ выработали ораторовъ. Но слѣды дурной школы, конечно, съ переходомъ съ митинга въ Думу сразу исчезнуть не могли. Фразистая крикливость формы и бойкость мысли въ ущербъ ея продуманной обоснованности — вотъ основныя черты весьма многихъ рѣчей. Къ сожалѣнію, „митинговые“ ораторскіе пріемы принесли съ собою въ Думу и нѣкоторые изъ тѣхъ, кто задолго до начала движенія пользовались извѣстностью краснорѣчивыхъ ораторовъ—въ судѣ, въ земскихъ собраніяхъ и на профессорской каѳедрѣ. Что касается предложеній, дѣлаемыхъ съ трибуны, то они зачастую сводятся къ требованію постановить или вынести резолюцію, безъ указанія, къ кому, зачѣмъ и какъ направить резолюцію или постановленіе. И предсѣдателю не разъ приходилось разъяснять, что парламенты ничего въ пространство не постановляютъ.

Отсутствіе установившихся парламентскихъ нравовъ рѣзко проявлялось въ первые дни въ дѣйствіяхъ партій, особенно въ пріемахъ партіи конституціоналистовъ-демократовъ, единственно крупной и сплоченной въ Думѣ. Эти пріемы, быть можетъ не всегда сознательно для примѣнявшихъ ихъ, явно обнаруживали, въ глазахъ сторонняго наблюдателя, стремленіе къ диктаторскому господству. Въ первое дѣловое засѣданіе, 29 апрѣля, однимъ изъ членовъ партіи было внесено предложеніе о порядкѣ избранія товарищей предсѣдателя Думы, секретаря и его товарищей, причемъ „попутно“ проектировалось распредѣленіе обязанностей между товарищами предсѣдателя и секретаря. Прочи-

танное передъ четырьмя стами пятьюдесятью лицами, предложеніе естественно — какъ ни маловажно оно было — вызвало желаніе отнестись съ сознаніемъ и съ добросовѣстностью къ голосованію каждаго изъ его девяти параграфовъ. Открылись пренія, стали высказываться сомнѣнія и посыпались поправки. Очень скоро сдѣлалось очевидно, что главная цѣль предложенія—ускорить мѣшкотный порядокъ двойного избранія, записками и шарами,—не можетъ быть достигнута, ибо на споры о способѣ выигрыша времени уйдетъ больше часовъ, чѣмъ на соблюденіе требованія закона. Пришлось предложеніе снять. Но прежде, чѣмъ это сдѣлать, „кадеты“ пытались бесѣдами въ кулуарахъ убѣдить возражавшихъ отказаться отъ сомнѣній и поправокъ, повѣривъ имъ на слово, что предложеніе практично и что лучшаго порядка выборовъ, чѣмъ предлагаемый, не выдумать. Какъ аргументъ, приводилось то, что „мы“ предложеніе уже обсуждали и приняли.

То же повторялось затѣмъ не разъ и особенно рѣзко проявилось въ отношеніи внесеннаго сорока двумя членами партіи предложенія образовать коммиссію для разработки и представленія Думѣ законопроекта по земельному дѣлу. Авторы предложенія включили въ заявленіе предположенія о рѣшеніи аграрнаго вопроса, принятыя на апрѣльскомъ съѣздѣ конституціонно-демократической партіи, и, ссылаясь на то, что они просятъ передать заявленіе въ коммиссію лишь какъ матеріалъ, потребовали образованія коммиссіи вовсе безъ предварительнаго обмѣна мнѣній по существу вопроса. Дума не согласилась, и это вызвало, конечно, опять въ кулуарахъ, упреки по адресу наиболѣе рѣшительно возражавшихъ противъ молчаливаго образованія коммиссіи въ намѣренномъ затягиваніи такого исключительно важнаго дѣла.

Мы не склонны становиться на скользкій путь разгадыванія тайныхъ партійныхъ замысловъ и готовы вѣрить, что партія въ данномъ случаѣ отнюдь не имѣла въ виду обезпечить торжество своимъ воззрѣніямъ. Мы согласны, что многое изъ того, что говорилось въ продолженіе нѣсколькихъ дней въ Думѣ, было бы высказано въ коммиссіи. Но для насъ несомнѣнно, что въ теченіе неизбѣжно долгаго времени коммиссіонной работы все общество было бы подъ впечатлѣніемъ единодушнаго отношенія Думы къ главнымъ основамъ рѣшенія аграрнаго вопроса и именно въ смыслѣ кадетской партійной программы. И коммиссія приступила бы къ занятіямъ подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ. Наконецъ, самый выборъ коммиссіи, при незнакомствѣ членовъ Думы другъ съ другомъ и при незнаніи, кто какихъ взглядовъ держится по вопросу, былъ бы произведенъ въ свѣтлую лишь для партіи, а для непринадлежащихъ къ ней онъ былъ бы совершенно случайнымъ. Подписи подъ предложеніемъ создали бы естественное пред-

ставленіе о подписавшихся, какъ о лицахъ, болѣе другихъ изучавшихъ вопросъ, и не было бы ничего страннаго, еслибы при всѣхъ способахъ избранія именно изъ нихъ сложилось большинство коммиссіи. Такимъ образомъ, даже помимо воли руководителей партіи, партійныя воззрѣнія получили бы большіе шансы на торжество.

Пренія, между тѣмъ, показали, что Дума единодушно относится только къ одному: къ принципу принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ и другихъ разнаго наименованія земель въ пользу крестьянъ и вообще лицъ, обрабатывающихъ землю своимъ трудомъ. Во всемъ же остальномъ существуетъ самое крайнее различіе взглядовъ, начиная отъ требованія безвозмезднаго отчужденія всѣхъ земель и вплоть до возмездной уступки отрѣзковъ, необходимыхъ для нуждъ ближайшихъ къ отчуждаемой землѣ крестьянъ. Изъ преній выяснилось, что среди самихъ членовъ конституціонно-демократической партіи нѣтъ единства въ отношеніи формы передачи крестьянамъ земли—въ пользованіе или въ собственность.

Сообразно съ этимъ оказалось, что идея образованія государственнаго земельнаго запаса далеко не такъ популярна, какъ можно было ранѣе думать. Всѣ представители польскихъ, остзейскихъ, западныхъ и малороссійскихъ губерній категорически высказывались противъ нея, утверждая, что мѣстное сельское населеніе полученіемъ земли на арендномъ правѣ удовлетворено не будетъ. Тѣ же представители раскрыли весьма важную обратную сторону системы образованія единаго для всей имперіи земельнаго запаса. Необходимость эксплоатаціи запаса повлечетъ немедленную организацію переселенія на свободныя земли, которыя въ настоящій моментъ будутъ за предѣлами нормъ потребности мѣстнаго населенія. Въ минскую, напримѣръ, губернію вольется избытокъ землепашцевъ изъ тульской или курской. Но когда, черезъ 20—40 лѣтъ, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, мѣстнымъ бѣлоруссамъ станетъ тѣсно, то для нихъ не окажется иного исхода, какъ бросать вѣками насиженныя мѣста и идти куда-либо на востокъ. Удовлетворивъ справедливости въ данный моментъ, система, слѣдовательно, тѣмъ самымъ нарушитъ ее въ близкомъ будущемъ. И нарушитъ весьма грубо, такъ какъ приведетъ къ нивеллировкѣ и подавленію культурно-національныхъ особенностей.

Съ другой стороны, однако, пренія же показали полную невозможность признать установленіе способовъ рѣшенія аграрнаго вопроса дѣломъ не обще-государственнымъ, а всецѣло мѣстнымъ, на чемъ такъ упорно настаиваютъ представители царства польскаго и юго-западнаго края. Ихъ страстность и готовность идти на все, только бы

не допустить опредѣленія обязательныхъ для всей страны началъ земельной реформы, даютъ полное основаніе опасаться, что, если окажется малѣйшая возможность, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ реформа будетъ сужена до послѣдней степени. Словомъ, пренія были утомительны и безполезны только для узко-партійныхъ доктринеровъ, надѣвшихъ на себя шоры программъ, принесенныхъ со съѣзда и изъ клуба и составленныхъ безъ выслушанія людей другого образа мыслей. Коммиссіи же они не позволятъ отнестись къ вопросу односторонне.

При преніяхъ по аграрному вопросу Думѣ довелось выслушать отправныя положенія, которыхъ держится правительство. Ихъ подробно развивали въ засѣданіяхъ 19 и 23 мая главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ г. Стишинскій и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Гурко. Первый началъ съ оригинальнаго полемическаго пріема. Онъ разобралъ дѣйствующія статьи гражданскихъ законовъ и положеній о крестьянахъ и изъ текста ихъ вывелъ „полную неправильность юридической постановки началъ“, предложенныхъ въ заявленіи 42 членовъ Думы. Этотъ пріемъ былъ обычнымъ средствомъ междувѣдомственной полемики передъ прежнимъ государственнымъ совѣтомъ. Его принесъ г. Стишинскій и въ Думу, очевидно полагая, что и на народныхъ представителей можно воздѣйствовать страхомъ противорѣчія между законодательнымъ предположеніемъ и тѣми законами, которые это предположеніе имѣетъ въ виду отмѣнить или измѣнить. Да какъ же тутъ не быть противорѣчію? И можно ли людей, желающихъ отмѣны дѣйствующаго закона и, слѣдовательно, признающихъ заключающіяся въ немъ нормы неправильными, убѣдить въ невѣрности предложенной ими новой юридической конструкціи ссылкою на старую? Далѣе г. Стишинскій развивалъ идею интенсификаціи хозяйства, признавая ее единственнымъ способомъ коренного разрѣшенія аграрнаго вопроса. На той же точкѣ зрѣнія отчасти стоялъ и г. Гурко. Въ основу своихъ соображеній онъ положилъ слѣдующія цифровыя данныя. Всей удобной земли въ губерніяхъ Европейской Россіи имѣется 318 милліоновъ десятинъ. Изъ нихъ 109 милліоновъ находятся въ губерніяхъ архангельской, вологодской, олонецкой, вятской и пермской, т.-е. въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ условія для занятія земледѣліемъ хуже, чѣмъ во всей остальной Россіи, и даже хуже, чѣмъ во многихъ мѣстахъ Сибири. Остается 209 милліоновъ десятинъ. Изъ нихъ 91 милліонъ надѣльной земли и 118 милліоновъ всѣхъ иныхъ земель, въ томъ числѣ 19 милліоновъ крестьянской купчей земли, 56 милліоновъ находятся подъ лѣсомъ и лишь остатокъ въ 43 милл. составляетъ ту удобную землю, которая принадлежитъ церквамъ, монастырямъ, удѣламъ, кабинету, крестьянамъ, частнымъ собственникамъ, государству.

Иначе говоря, при полномъ, абсолютномъ, отчужденіи имѣется всего на всего 43 милл. десятинъ на 44 милл. душъ населенія. Такимъ образомъ, на каждую душу приходится немногимъ менѣе 1 десятины. Если присоединить сюда крестьянскую купленную и надѣльную земли, то получится всего 4 десят. на душу. „Очевидно—вывелъ изъ послѣдней цифры ораторъ —этого недостаточно". Затѣмъ онъ продолжалъ: „Вотъ результатъ провозглашенія того принципа, что земля должна принадлежать трудящемуся населенію. Этотъ принципъ приведетъ къ тому, что крестьяне, которые обладаютъ болѣе 4 дес. земли, должны будутъ весь свой излишекъ уступить другимъ крестьянамъ. Я говорю это, поскольку имѣю въ виду чисто-землевладѣльческое населеніе, но записка гг. 42 членовъ Думы говоритъ о надѣленіи и тѣхъ крестьянъ и рабочихъ, которые покинули землю въ силу различныхъ условій, но желаютъ къ ней вернуться". Затѣмъ г. Гурко разбиралъ предложеніе съ точки зрѣнія соціализма и упрекалъ его авторовъ въ недоговоренности и половинчатости проектируемыхъ мѣропріятій. Вслѣдъ за упрекомъ былъ сдѣланъ и намекъ. „Я убѣжденъ, что если встать на личную точку зрѣнія землевладѣльцевъ, то исходъ, предлагаемый въ запискѣ 42 членовъ Думы, представляется для нихъ очень выгоднымъ. Что предлагается въ запискѣ? Купить у помѣщиковъ землю по справедливой оцѣнкѣ! Да они всѣ къ этому стремятся! Врядъ ли кто-нибудь скажетъ, что владѣніе землей представляетъ теперь больше удобствъ, чѣмъ владѣніе деньгами. Что касается усадебъ, къ которымъ у помѣщиковъ можетъ сохраниться личное чувство, личная привязанность, то вѣдь усадьбы имъ оставляютъ. Итакъ, для помѣщиковъ эта реформа не страшна. Не для нихъ она тлетворна и пагубна, а для всей Россіи, и прежде всего для сельскихъ народныхъ массъ. Не землевладѣльцевъ вы обездолите, а тѣхъ самыхъ крестьянъ, о которыхъ вы заботитесь. Землевладѣльцевъ приходится теперь убѣждать не въ томъ, чтобы они разставались съ своими имѣніями, а въ томъ, чтобы они не разставались съ ними, въ томъ, что ихъ патріотическій долгъ—сохранять свою землю и вкладывать въ нее свои средства".

Сильную рѣчь въ отвѣтъ произнесъ г. Герценштейнъ, искусно парировавшій игру со средними цифрами. „Вы насчитали,—говорилъ онъ, —43 милл. десятинъ и заявляете: подѣлимъ равномѣрно среди всѣхъ крестьянъ и на душу выйдетъ одна десятина. Вѣдь это ариѳметика. Вы говорите о политической экономіи, и еслибы вы сколько-нибудь внимательно отнеслись къ вопросу, то отбросили бы ариѳметику. Для этого нужно имѣть познанія четырехъ правилъ ариѳметики и больше ничего, а отъ государственныхъ людей мы можемъ требовать большаго". Шагъ за шагомъ разбивалъ г. Герценштейнъ доводы

представителей правительства и закончилъ словами: ...„народъ разберетъ, гдѣ землею пахнетъ и гдѣ земли не даютъ“...

Мы отмѣчали неправильность пріемовъ конституціонно-демократической партіи въ Думѣ отнюдь не въ цѣляхъ дискредитированія принциповъ, на которыхъ объединились вошедшія въ ея составъ лица. Эти принципы почти совпадаютъ съ тѣми, которые всегда проводилъ и которыхъ нынѣ держится нашъ журналъ. Они намъ дороги не меньше. Но именно поэтому мы желали бы, чтобы средства ихъ проведенія были безупречны, ибо въ безупречности средствъ парламентской борьбы—одинъ изъ вѣрнѣйшихъ залоговъ успѣха.

По нашему мнѣнію, партіи на первыхъ порахъ не удалось справиться съ выпавшей на ея долю задачей. Люди, всегда бывшіе въ рядахъ критикующей оппозиціи, вдругъ оказались въ положеніи руководящаго парламентскаго большинства. Критиковать этому большинству въ первые дни засѣданій Думы было рѣшительно нечего, потому что министерство сразу отказалось отъ иниціативы—къ открытію Думы имъ не было изготовлено и не было внесено ни одного законопроекта. Только въ засѣданіи 13-го мая, когда правительство представило свою декларацію, была благодарная почва для критики, и ею „кадеты“ умѣло воспользовались. Во всѣхъ же другихъ разсматривались предложенія, проекты и запросы, редактированные и одобренные въ клубѣ на Сергіевской. Весьма откровенна и характерна была рѣчь представителя Одессы, Е. Н. Щепкина, во время преній объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь. Хотя проектъ адреса былъ представленъ коммиссіей, имѣвшей въ своемъ составѣ далеко не однихъ „кадетовъ“ и во многомъ измѣнившей первоначальный набросокъ, но ораторъ съ этимъ не считался и, рекомендуя принять проектъ, называлъ его „нашъ“. Въ его сознаніи, очевидно, сильнѣе всего запечатлѣлись сужденія, происходившія въ клубѣ; тамъ было настоящее обсужденіе, а Дума должна дать только формальную санкцію. Одинаковая нота звучала въ рѣчи другого оратора, который передъ передачей въ коммиссію законопроекта объ обезпеченіи личной неприкосновенности—кстати сказать, болѣе чѣмъ слабаго въ отношеніи технической разработки—заявлялъ, что вопросъ простъ и что коммиссіи никакихъ трудностей не предстоитъ. Онъ не договаривалъ своей мысли до конца, но этотъ конецъ былъ ясенъ: „мы“ вопросъ всесторонне обсудили, и „вамъ“, т.-е. Думѣ, остается только приложить санкціонирующій штемпель.

Кто считаетъ, что у него по вопросу уже рѣшеніе принято, тотъ естественно долженъ смотрѣть на пренія и споры, какъ на ненужную трату времени. Отсюда естественно же вытекало стремленіе „кадетовъ“

подвергать пренія гильотинѣ, и они неоднократно пользовались правомъ вносить предложеніе, за подписью тридцати лицъ, о прекращеніи записи ораторовъ и объ ограниченіи рѣчей пятью минутами. Былъ даже такой случай: ранѣе оглашенія предложенія заявили желаніе говорить семь ораторовъ—и сейчасъ же было подано предсѣдателю заявленіе о прекращеніи записи. Такимъ образомъ, еще не была извѣстна сущность предложенія, еще не были выслушаны представившіе его, а ножъ гильотины уже готовъ былъ опуститься на право свободнаго слова. Подобныхъ пріемовъ борьбы съ „инако мыслящими“ не допускаютъ, насколько мы знаемъ, даже городскія думы, не говоря уже о земскихъ собраніяхъ.

Первый запросъ министерству Думою былъ сдѣланъ по поводу кровавыхъ событій въ Вологдѣ, Калязинѣ и Царицынѣ и обнаруженнаго печатью формальнаго участія чиновъ корпуса жандармовъ и департамента полиціи въ составленіи „черносотенныхъ“ прокламацій и въ организаціи еврейскихъ погромовъ.

Обнаруженіе состояло въ помѣщеніи на страницахъ „Рѣчи“ (№ 63) рапорта завѣдующаго особымъ отдѣломъ департамента полиціи, ст. сов. Макарова, отъ 15 февраля 1906 года, на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Рапортъ начинается со ссылки на „доложенныя вашему высокопревосходительству 6-го числа текущаго мѣсяца свѣдѣнія о составленіи, отпечатаніи и распространеніи департаментомъ полиціи воззваній, возбуждающихъ одни классы населенія противъ другихъ“, послѣ чего въ немъ излагаются результаты разслѣдованія, „не организовано ли, дѣйствительно, ожидаемое въ гор. Александровскѣ избіеніе евреевъ должностными лицами и не дѣйствовали ли послѣднія подъ руководствомъ или съ вѣдома чиновъ департамента полиціи“.

„Разсмотрѣвъ,—писалъ г. Макаровъ,—дѣла особаго отдѣла департамента полиціи по екатеринославской губерніи, я обнаружилъ въ нихъ два донесенія департаменту помощника начальника екатеринославскаго губернскаго жандармскаго управленія по александровскому и павлоградскому уѣздамъ, ротмистра Б., отъ 27-го ноября и 5-го декабря 1905 года, за №№ 1054 и 1061, не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, что избіеніе евреевъ въ г. Александровскѣ подготовляется, что преступная агитація съ этой цѣлью ведется по иниціативѣ ротмистра Б. и что чинами департамента полиціи, которые о семъ были своевременно освѣдомлены, не только не было принято мѣръ къ прекращенію означенной агитаціи, но дѣятельность ротмистра Б. даже поощрялась“. Далѣе приведены подробныя выписки изъ представленныхъ ротмистромъ Б. шести литографированныхъ и двухъ печатныхъ воззваній, дающихъ полный составъ дѣянія, именуе-

маго возбужденіемъ къ насилію однихъ классовъ населенія противъ другихъ, и заключающихъ въ себѣ прямой призывъ „подыматься", „образовывать дружины", „запасаться оружіемъ, косами, вилами" и идти „на защиту царя, родины и вѣры православной" противъ „революціонеровъ, соціалъ-демократовъ и жидовъ".

„Представляя вышеописанныя воззванія,—доносилъ, затѣмъ, ст. сов. Макаровъ, — департаменту полиціи, ротмистръ Б. въ донесеніяхъ своихъ за №№ 1054 и 1061 сообщаетъ, что воззванія эти разбрасываются „Александровскимъ союзомъ 17-го октября" въ г. Александровскѣ и въ сосѣднихъ деревняхъ „въ значительномъ количествѣ", что они „приносятъ существенную пользу въ дѣлѣ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ", что весь составъ означеннаго патріотическаго союза ему, ротмистру Б., извѣстенъ и что онъ „употребляетъ все свое вліяніе на выпускъ подобныхъ же воззваній и въ селахъ своего района", что, по его мнѣнію, благотворно повліяетъ на крестьянъ и удержитъ ихъ отъ насилій надъ помѣщиками. Подобныя донесенія поступали въ департаментъ полиціи отъ ротмистра Б. и ранѣе, какъ то видно изъ помѣты на его донесеніи за № 1054, сдѣланной прикомандированнымъ къ особому отдѣлу департамента чиновникомъ особыхъ порученій П., но донесеній этихъ я въ дѣлахъ особаго отдѣла не нашелъ, несмотря на то, что чиновникомъ особыхъ порученій П., при представленіи донесенія ротмистра Б. за № 1054 завѣдывавшему политической частью департамента полиціи Рачковскому, а донесенія за № 1061 завѣдывавшему особымъ отдѣломъ департамента полиціи Тимофееву (нынѣ чиновнику для порученій при дворцовомъ комендантѣ) были сдѣланы на донесеніи помѣты: на первомъ—„прилагаемыя воззванія Александровскаго союза 17 октября безусловно заключаютъ въ себѣ натравливаніе противъ евреевъ", а на второмъ—„еще рядъ воззваній, направленныхъ противъ евреевъ", донесенія эти не вызвали по поводу означенныхъ воззваній никакихъ распоряженій ни со стороны д. с. с. Рачковскаго, ни со стороны с. с. Тимофеева, а вмѣстѣ съ тѣмъ ротмистръ Б. былъ представленъ къ награжденію".

Слухи о томъ, что „черносотенная" агитація ведется полиціей, ходили давно. Но мы—теперь въ этомъ приносимъ повинную—относились къ нимъ скептически. Мы допускали со стороны полицейскихъ агентовъ, притомъ преимущественно низшихъ, преступное невмѣшательство—не больше. О томъ же, что агитація, вплоть до подготовки погромовъ, велась подъ руководствомъ центральнаго органа, вѣдующаго всей полиціей въ имперіи, и что объ этомъ было извѣстно министру внутреннихъ дѣлъ—мы не допускали мысли. Такое издѣвательство надъ закономъ казалось намъ слишкомъ чудовищнымъ, чтобы къ нему могли прибѣгать люди, имѣющіе прошлое, занимающіе выс-

шіе посты въ государственномъ управленіи и не вовсе безумные. Тѣмъ сильнѣе ошеломилъ насъ рапортъ г. Макарова... При принятіи запроса, министра внутреннихъ дѣлъ въ Думѣ не было. Его товарищъ по кабинету, государственный контролеръ, заявилъ, что г. Столыпинъ дастъ отвѣтъ въ установленный закономъ мѣсячный срокъ. Что онъ скажетъ? Положеніе бывшаго министра, г. Дурново, было бы, конечно, во сто кратъ тяжеле, но и на мѣстѣ г. Столыпина, когда ему придется войти на трибуну, едвали кто пожелалъ бы быть. Гг. Рачковскій, Тимофеевъ и ихъ вдохновители продолжаютъ оставаться на своихъ мѣстахъ, а съ ними—и вся система...

Второй запросъ былъ сдѣланъ предсѣдателю совѣта министровъ по поводу утвержденія прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ приговора къ смертной казни, состоявшагося въ Ригѣ надъ восемью лицами. И. Л. Горемыкинъ, черезъ день, письменно извѣстилъ предсѣдателя Думы, что запросъ имъ переданъ, по принадлежности, военному министру. А еще черезъ сутки стало извѣстно изъ газетъ, что приговоръ приведенъ въ исполненіе. Дума отвѣтила принятіемъ предложенія поручить особой коммиссіи составить и представить въ пятидневный срокъ проектъ закона объ отмѣнѣ смертной казни.

Возможности другого достойнаго Думы отвѣта не было, такъ какъ генералъ-губернаторъ, съ формальной точки зрѣнія, ничѣмъ не нарушилъ предѣловъ своей дискреціонной власти, и въ случаѣ повторенія запроса военный министръ могъ бы коротко сослаться на подлежащія статьи военно-судебнаго устава и правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи. Но въ кулуарахъ, передъ началомъ засѣданія 18-го мая, говорили, что нѣкоторые члены Думы имѣютъ въ виду потребовать увольненія прибалтійскаго генералъ-губернатора и смѣны министерства и, впредь до удовлетворенія этихъ требованій, прекратить занятія. По счастью, никто такого неосторожнаго предложенія не сдѣлалъ. Лишь одинъ ораторъ намекнулъ, что если такъ будетъ продолжаться, то членамъ Думы ничего другого не останется, какъ разъѣхаться по домамъ. Хотя намекъ этотъ замѣтнаго сочувствія не встрѣтилъ, и вообще Дума, пока что, не склонна на забастовку, мы, все-таки говоримъ: „по счастью“.

При рѣзко поднятомъ настроеніи Думы и въ виду широкой пропаганды крайними лѣвыми партіями идей бойкота и забастовочнаго способа борьбы, еще неизвѣстно, какія послѣдствія могъ бы имѣть талантливо выраженный призывъ бросить вызовъ правительству и сказать рѣшительно: „или мы, или вы“. Между тѣмъ, такой вызовъ былъ бы грубой политической ошибкой. Если правительство намѣренно закрываетъ глаза и не хочетъ видѣть дѣйствительнаго положенія дѣлъ, то Дума ни на минуту не должна забывать, что кризисъ дошелъ до

послѣдней степени развитія. Видимое спокойствіе создало сначала ожиданіе созыва Думы, затѣмъ—ожиданіе результата ея дѣятельности. Эта психологія ожиданія образовала какъ бы корку, но тонкую и далеко не прочную, подъ которой все продолжается и даже усиливается кипѣніе. Малѣйшая неосторожность можетъ разрушить корку и залить кипящей лавой всю страну. Реакціонное министерство тогда, конечно, будетъ сметено въ первую голову, но вмѣстѣ съ нимъ погибнетъ и многое другое, равно дорогое реакціонерамъ и радикаламъ, консерваторамъ и либераламъ...

Съ другой стороны, какой непосредственный, ближайшій результатъ дала бы забастовка Думы? Едвали министерство сразу и добровольно пошло бы на уступки: объективная оцѣнка его отношеній къ народному представительству показываетъ обратное. Министерство, прежде всего, попыталось бы, безъ сомнѣнія, использовать ошибочный шагъ Думы и дискредитировать въ глазахъ населенія ея первый составъ, какъ не обнаружившій ни надлежащаго спокойствія, ни выдержки, ни работоспособности, ни сознанія отвѣтственности, а попутно попыталось бы дискредитировать самую идею конституціонализма. Немедленно послѣдовалъ бы рядъ указовъ въ порядкѣ верховнаго управленія. Руки министерства оказались бы развязанными и до революціоннаго взрыва опять бы началось безудержное торжество реакціи... Нельзя забывать, что какъ бы министерство ни относилось къ Думѣ, сейчасъ распустить ее оно никогда не рискнетъ. За роспускомъ по иниціативѣ правительства должны немедленно послѣдовать новые выборы. А что они дадутъ—краснорѣчиво свидѣтельствуютъ происходящіе теперь выборы на окраинахъ. Въ Тифлисѣ въ выборщики прошли 71 соціалъ-демократъ и только 9 кадетовъ. Совсѣмъ другое дѣло, если Дума разойдется сама. Тогда можно съ выборами и повременить...

Декларація министерства, прочитанная И. Л. Горемыкинымъ 13-го мая, разобрана выше, во „Внутреннемъ Обозрѣніи". Здѣсь мы отмѣтимъ только ея общій характеръ и тонъ и отчасти коснемся происходившихъ по поводу ея преній.

Тонъ и характеръ первой декларації перваго русскаго конституціоннаго министерства поражаютъ въ чтеніи и поразили Думу своей странностью, чтобы не сказать болѣе. Чувствовалось, что какъ будто не представители исполнительной власти пришли къ избранникамъ народа, призваннымъ участвовать въ осуществленіи высшей власти законодательной, дабы объявить свою программу и испросить ея одобренія, а всемогущіе и всевѣдущіе носители всей полноты государственной власти на мигъ оставили свои министерскія канцеляріи, чтобы

дать урокъ государственной мудрости неразумной толпѣ. Совѣтъ министровъ сперва вѣжливо, но твердо подвергъ уничтожающей критикѣ заявленія и пожеланія Думы, включенныя въ адресъ, затѣмъ изложилъ въ общихъ чертахъ свои предположенія и закончилъ призывомъ Государственной Думы къ спокойной созидательной работѣ, которою она „поможетъ *ему* (т.-е. совѣту министровъ) внести столь необходимое для страны успокоеніе во всѣ слои населенія".

По отношенію къ принудительному отчужденію частновладѣльческой земли, совѣтъ министровъ счелъ своей обязанностью заявить, „что разрѣшеніе земельнаго вопроса на предположенныхъ Государственною Думою основаніяхъ *безусловно недопустимо*". Не мнѣніе свое выразилъ совѣтъ министровъ, не затрудненія выставилъ практическаго приведенія въ исполненіе мысли Государственной Думы, а категорично отрѣзалъ: это безусловно недопустимо. Гдѣ и когда въ парламентской практикѣ Запада были примѣры, чтобы министры на такомъ языкѣ говорили съ народными представителями? Какое надо имѣть слабое представленіе о конституціонномъ строѣ, чтобы имѣть смѣлость, ссылаясь „на лежащую на правительствѣ отвѣтственность за сохраненіе общественнаго порядка передъ монархомъ и *русскимъ народомъ*", призывать уполномоченныхъ этого народа быть *помощниками* правительства?!

Такъ говорить, очевидно, можетъ только властный съ подвластнымъ, разумный съ неразумнымъ, умудренный знаніями и опытомъ съ невѣждой. И министерство до конца выдержало роль учителя. Въ полномъ составѣ оно оставалось въ Думѣ очень недолго послѣ объявленія деклараціи. Послѣ перерыва предсѣдатель совѣта и большая часть министровъ на скамьи не вернулись. Вернулись только двое или трое. И они, однако, задолго до окончанія преній и принятія формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ удалились. Въ залѣ Думы остались, какъ бывало и раньше, пустующія министерскія мѣста. Да и зачѣмъ на нихъ сидѣть тѣмъ, кто считаетъ возможнымъ говорить народнымъ представителямъ: „это безусловно недопустимо", кто требуетъ отъ нихъ помощи себѣ, кто считаетъ себя призваннымъ ихъ „вразумлять" и „учить"!?..

Еслибы министры оставались, то имъ пришлось бы выслушать, правда, нѣсколько рѣчей болѣе страстныхъ, чѣмъ содержательныхъ. Но они услышали бы также изъ устъ М. М. Ковалевскаго слѣдующіе полезные для нихъ уроки. „Какого правительства министры приходятъ напомнить намъ о неприкосновенности собственности и утверждать, что этой неприкосновенности противорѣчитъ выкупъ ея государствомъ? Приходятъ министры того государства, которое въ 1861 году произвело самый грандіозный актъ выкупа земли въ интересахъ обще-

ственной пользы и общественной необходимости. Еслибы мы отвѣчали господамъ министрамъ тѣми же назиданіями, какими они удостоили насъ, то мы сказали бы: какъ вы смѣете выступать противъ воли царя-освободителя, какъ вы смѣете порицать самый великій актъ русской исторіи — освобожденіе крестьянъ съ землею!"... „Я удивляюсь,—говорилъ далѣе ораторъ,—почему господамъ министрамъ нужно было напомнить намъ о томъ, что право помилованія есть прерогатива Государя Императора; никто здѣсь этого не отрицалъ. Я полагаю, что такое напоминаніе въ высшей степени неумѣстно. Неумѣстно на томъ основаніи, что, подчеркивая то, что это есть прерогатива Государя, лица, засѣдающія на этихъ скамьяхъ, открываютъ намъ то, чего они не вправѣ открывать. Они даютъ намъ понять, что если амнистія не даруется, то такова воля Государя Императора. Министерство конституціоннаго монарха, сдѣлавшее подобнаго рода поступокъ, оскорбило монарха, и не мы должны требовать его отставки— верховная власть сама имѣетъ для этого достаточное основаніе"...

Чрезвычайно силенъ былъ въ аргументаціи В. Д. Набоковъ, съ тяжелымъ чувствомъ констатировавшій, что „мы не имѣемъ и зачатковъ конституціоннаго министерства, мы имѣемъ все тѣ же бюрократическіе лозунги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устраняется всякая надежда наша на то, чтобы это министерство могло вывести страну изъ того положенія, въ которомъ она находится, и могло бы осуществить тѣ задачи, которыя на него возложитъ народное представительство". Онъ закончилъ рѣчь слѣдующими словами: „Мы думаемъ, что выходъ изъ положенія можетъ быть только одинъ: разъ насъ призываютъ къ борьбѣ, разъ намъ говорятъ, что правительство является не исполнителемъ требованій народнаго представительства, а ихъ критикомъ и отрицателемъ, то съ точки зрѣнія принципа народнаго представительства мы можемъ сказать одно:—исполнительная власть да покорится власти законодательной"!!..

Членъ Думы Аникинъ нарисовалъ яркую картину, какъ правительство заботится о крестьянахъ и печется о ихъ интересахъ, какъ оно во имя охраненія права собственности сжигаетъ цѣлыя деревни и разстрѣливаетъ изъ пушекъ дома. А. Р. Ледницкій и М. М. Винаверъ очертили краснорѣчивое умолчаніе декларації объ инородцахъ и о необходимости уничтоженія національныхъ и религіозныхъ правоограниченій... Закончилось памятное засѣданіе единодушнымъ вотированіемъ недовѣрія „безотвѣтственному передъ народнымъ представительствомъ министерству".

Съ точки зрѣнія правовѣрной соціалъ-демократіи, весь міръ дѣлится на пролетаріатъ и эксплоататоровъ. Первый составляютъ люди

физическаго труда. Въ категорію вторыхъ входятъ всѣ остальные классы населенія, каковы бы ни были ихъ экономическое положеніе и роль въ существующемъ строѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній.

Такая, болѣе чѣмъ простая, конструкція вполнѣ понятна, какъ протестъ или какъ боевой лозунгъ. Люди физическаго труда занимаютъ въ современномъ обществѣ дѣйствительно исключительно приниженное положеніе, и эта исключительность, объединяя чернорабочаго съ получающимъ сотни рублей въ мѣсяцъ мастеромъ, рѣзко отдѣляетъ ихъ не только отъ владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ или отъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, но также отъ людей науки, писателей, врачей, адвокатовъ и т. д. Ихъ отдѣляетъ необезпеченность заработка, зависимость, иной уровень образованія, а въ Россіи, сверхъ того, все то сложное и многое, что создаетъ людямъ, не занимающимся физическимъ трудомъ, кличку и положеніе „господъ“. Но какъ основной принципъ строя общественной жизни, подобная конструкція вызываетъ, мало сказать, сомнѣнія—она вызываетъ полное недоумѣніе.

Это недоумѣніе невольно обращается въ громадный вопросительный знакъ всякій разъ, когда приходится сталкиваться съ практическимъ осуществленіемъ, путемъ созданія факта, тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ требованій соціалъ-демократической программы. Идейное значеніе даннаго требованія въ приложеніи къ жизни и обратная сторона его проведенія внѣ связи со всѣми явленіями и условіями, отъ которыхъ оно зависитъ и которыя зависятъ отъ него,—все это или умышленно игнорируется, или просто не принимается въ соображеніе. Требованіе соотвѣтствуетъ интересамъ борьбы рабочаго пролетаріата—и этого довольно. Никакая критика, никакой споръ—не допускаются. Какою цѣною покупается осуществленіе требованія, какія слѣдствія оно ведетъ за собой — все равно. Получается впечатлѣніе какой-то невѣроятной узкости. На мѣсто торжества капитала ставится такое же гнетущее подавляющее торжество физическаго труда... У Льва Толстого есть сказка, въ которой проводится мысль, что царства небеснаго достоинъ только тотъ, у кого ладони рукъ покрыты мозолями. Неужели возможно мозоли на рукахъ понимать не какъ символъ труда вообще, въ противоположность праздности, а въ буквальномъ смыслѣ реальнаго показателя занятія физическимъ трудомъ? Что сталось бы съ человѣчествомъ, еслибы исчезъ трудъ умственный или еслибы онъ былъ низведенъ на степень лишь допустимой забавы? Жизнь, ея условія и запросы, неизмѣримо сложнѣе, чѣмъ это кажется прямолинейнымъ отрицателямъ всего во имя поднятія положенія рабочаго класса...

Давно уже ведется агитація въ пользу воскреснаго отдыха приказчиковъ, сидѣльцевъ, ремесленниковъ и другихъ группъ рабочихъ, и едвали можно найти принципіальныхъ противниковъ разрѣшенія вопроса въ смыслѣ предоставленія права каждому трудящемуся отдыхать одинъ день въ недѣлю. Но едвали можно найти оправданіе тѣмъ, кто, добиваясь отдыха, не останавливаются ни передъ какими неоспоримыми доводами разсудка. Провести всеобщій отдыхъ въ воскресенье во всѣхъ областяхъ приложенія труда такъ же невозможно, какъ невозможно остановить на воскресенье движеніе земли, теченіе рѣкъ — словомъ, все, что̀ живетъ. Если такъ, то почему въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ абсолютное прекращеніе работъ въ воскресные дни возможно, но вызываетъ серьезныя неудобства, не допустить отдыха частичнаго и условнаго? Почему не замѣнить для части работающихъ и по очереди воскресный отдыхъ отдыхомъ въ другой любой день недѣли? Вѣдь нельзя же серьезно разсуждать такъ, какъ разсуждала одна газета, поддерживавшая требованія наборщиковъ, чтобы никакія повременныя изданія не выходили въ свѣтъ по понедѣльникамъ. Нельзя говорить и вѣрить своимъ словамъ, что если не всѣ наборщики поголовно будутъ свободны отъ работы по воскресеньямъ, то современному движенію наступитъ конецъ и реакція восторжествуетъ, ибо движеніе лишится „передовыхъ борцовъ“. Вѣдь, несомнѣнно, гораздо большую опасность для движенія представляетъ то, что каждый седьмой день въ недѣлю настроеніе населенія лишается поддержки въ извѣстномъ направленіи и знакомится съ фактами и событіями въ освѣщеніи оффиціозной прессы.

Всѣ эти мысли снова пришли намъ въ голову по поводу бойкота, объявленнаго союзомъ рабочихъ печатнаго дѣла газетѣ „Двадцатый Вѣкъ“. Бойкотъ объявленъ за „противодѣйствіе рѣшенію рабочихъ печатнаго дѣла провести съ 16-го апрѣля 1906 года воскресный отдыхъ въ газетѣ“. Вчитайтесь въ эту фразу. Союзъ рабочихъ печатнаго дѣла *рѣшилъ* провести воскресный отдыхъ *въ газетѣ*. А спросилъ ли о томъ союзъ другихъ людей труда, вкладывающихъ въ газету трудъ умственный, идейный?—Такъ и слышится отвѣтъ, стереотипно повторявшійся на подобный вопросъ въ октябрѣ и ноябрѣ: „это насъ не касается“. Да развѣ такое рѣшеніе не насиліе? Развѣ оно не раскрываетъ того же гнета надъ свободой и правомъ, противъ котораго возстала вся Россія, только съ другого конца?.. И неисполненіе этого „рѣшенія“ именуется „противодѣйствіемъ“, которое выразилось въ томъ, что администрація выкинула всѣхъ своихъ рабочихъ на улицу! Что же—идейные руководители газетъ должны только молча и безпрекословно повиноваться тѣмъ, кто механически воспроизводятъ ихъ мысли!?..

Въ концѣ апрѣля, въ Петербургѣ, скончался И. С. Соколовъ, сынъ крестьянина новгородской губерніи, череповецкаго уѣзда; выступивъ въ жизнь съ небольшимъ запасомъ образованія, пріобрѣтеннаго сначала въ земской начальной школѣ, а потомъ довершеннаго въ череповецкой учительской семинаріи, И. Соколовъ, испытавъ невзгоду на первыхъ же шагахъ педагогическаго поприща, въ званіи народнаго учителя, вскорѣ сдѣлался, упорнымъ трудомъ надъ самимъ собою, весьма замѣтнымъ дѣятелемъ въ уѣздномъ земствѣ: онъ былъ избранъ на родинѣ уѣзднымъ гласнымъ отъ крестьянъ, а затѣмъ оставался губернскимъ гласнымъ въ теченіе двухъ трехлѣтій; въ послѣднюю сессію своей бытности гласнымъ, въ 1895 году, онъ сдѣлалъ предложеніе—ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, но предсѣдатель собранія не допустилъ обсужденіе такого предложенія, какъ выходящаго изъ предѣловъ компетенціи земства. И. Соколовъ былъ избранъ послѣ въ члены уѣздной управы и мѣстнаго городского училищнаго совѣта, но не былъ утвержденъ губернаторомъ: по выходѣ изъ учительской семинаріи, онъ состоялъ одно время, какъ мы замѣтили выше, народнымъ учителемъ, но, въ виду его „неблагонадежности“, былъ уволенъ, и вотъ это обстоятельство, вѣроятно, было одной изъ причинъ неутвержденія его выборовъ губернаторомъ. Неудачи и на поприщѣ общественной дѣятельности, а также и природная склонность—побудили его отдаться всецѣло литературѣ и публицистикѣ. И. Соколовъ, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, много поработалъ въ различныхъ газетахъ и журналахъ; между прочимъ, онъ помѣстилъ и у насъ, лѣтъ десять тому назадъ, обширный трудъ подъ заглавіемъ: „Дома, очерки современной деревни“ (1896 г., іюль, августъ и сентябрь), которую онъ такъ хорошо зналъ и любилъ, будучи сыномъ деревни, почтившей его, какъ мы видѣли, избраніемъ въ ея представители,—и этотъ его этюдъ, сколько мы помнимъ, обратилъ на себя въ свое время вниманіе читающей публики, открывъ предъ нею тяжелый внутренній бытъ деревни и условія этого быта.

Болѣе подробное жизнеописаніе такихъ личностей, какою былъ покойный, скончавшійся отъ разрыва немало пострадавшаго въ жизни сердца,—могло бы быть не только интересно, но и назидательно: невольно пришло бы каждому на мысль, сколько наша страна выдѣляла бы изъ народной среды Соколовыхъ, еслибы въ Россіи, какъ, напримѣръ, въ Германіи, каждый могъ получить не одно „начальное“ образованіе, но и „окончательное“, полное народное образованіе—шестилѣтнее, вмѣсто настоящаго—трехлѣтняго; еслибы правительство сдѣлало сначала для себя обязательнымъ повсемѣстное открытіе народныхъ школъ и затѣмъ объявило бы для населенія обязательнымъ обученіе въ нихъ?!

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Переживаемыя страной за послѣднее время тяжелыя событія отразились очень сильно и на дѣятельности Литературнаго Фонда: сперва война, а потомъ глубокія потрясенія нашей внутренней жизни неблагопріятно повліяли на притокъ пожертвованій и другія случайныя поступленія въ Фондъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились затрудненія по устройству предпріятій Фонда—лекцій, литературныхъ вечеровъ, спектаклей и т. д., дававшихъ всегда довольно значительный доходъ.

Тѣ же обстоятельства, которыя вызвали весьма значительное уменьшеніе поступленій въ Фондъ, настойчиво требовали увеличенія выдачъ изъ него. Война заставила журналы и почти всѣ газеты сократить многіе отдѣлы литературнаго и научнаго характера и тѣмъ повлекла пониженіе и даже прекращеніе заработка очень многихъ литераторовъ; война тоже сильно уменьшила сбытъ произведеній печати. Далѣе, множество литературныхъ дѣятелей приняло участіе въ движеніи, такъ глубоко охватившемъ всю Россію, и тяжкія репрессіи, которымъ подверглись эти лица, еще болѣе расширили кругъ писателей, нуждавшихся въ помощи Фонда. Такое стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ повлекло за собою уже въ 1905 году крупное превышеніе расходовъ надъ доходами, и Литературный Фондъ имѣлъ на 1 января сего года *по расходному капиталу—изъ котораго, по Уставу, только и можетъ быть производима большая часть выдачъ Фонда*—дефицитъ въ 7.800 руб. Въ текущемъ году не только не оказалось возможнымъ покрыть этотъ дефицитъ, но напротивъ, даже самое умѣренное удовлетвореніе потребностей обращавшихся въ Фондъ за пособіемъ просителей вновь повлекло за собой превышеніе расходовъ надъ поступленіями. Еслибы Фондъ прекратилъ совершенно выдачу одновременныхъ пособій, производя, однако, полностью уплату назначенныхъ пенсій и продолжительныхъ пособій, то дефицитъ составитъ уже теперь около 2.000 руб.

Такое положеніе дѣла побудило Комитетъ Фонда принять экстренныя мѣры къ уменьшенію наростанія дефицита и съ этой цѣлью прежде всего сократить, до улучшенія финансоваго положенія Фонда, выдачи, ограничивъ ихъ только безусловно крайними случаями острой нужды; считая долгомъ поставить общество въ извѣстность относительно всего вышеизложеннаго, Комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ лицамъ, сочувствующимъ задачамъ Литературнаго Фонда, съ усердной просьбой приходить ему на помощь посильными пожертвованіями, устройствомъ предпріятій, могущихъ увеличивать расходный капиталъ (каковы спектакли, литературные вечера, публичныя лекціи), привлеченіемъ новыхъ членовъ общества и т. п. мѣрами. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что членами Литературнаго Фонда могутъ быть не только литераторы и

ученые, но и лица всѣхъ сословій, сочувствующія литературѣ и просвѣщенію; заявленія о желаніи вступить въ члены дѣлаются или Комитету (Фонтанка, 25), или одному изъ членовъ Фонда, который передаетъ это заявленіе Комитету; избраніе производится посредствомъ баллотировки въ одномъ изъ общихъ собраній, при чемъ лица женскаго пола принимаются безъ такой баллотировки, по одобренію Комитета. Размѣръ членскаго взноса—начиная отъ 10 р. въ годъ.

Предсѣдатель Комитета *П. Вейнбергъ*.

II. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертво-*

ванная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая. Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность организаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ“ (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ“ (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями“ (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ“ (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи“ (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ“ (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ“ (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ“ (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ“ (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей“ (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей“ (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ“ (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей“ (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ“ (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли“ (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей“ (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ“ (Англійскій пр., 45),

---

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРЕТЬЯГО ТОМА

Май—Іюнь, 1906.

Книга пятая. — Май.

стр.

Изъ дневника на войнѣ 1877—78 г.г.—1878-ой годъ. 1-ое января—17-ое апрѣля. —III: 21 января—13 февраля.—М. А. ГАЗЕНКАМПФА 5

Внѣ цеха.—Романъ.—I-VIII.—АЛЕКСАНДРА КРУГЛОВА 52

П. І. Шафарикъ.— Очеркъ изъ жизни русской науки, полвѣка тому назадъ.— I-XI.—АЛЕКСАНДРА КОЧУБИНСКАГО 105

Человѣкъ порядка.—Разсказъ.—Л. АВИЛОВОЙ 154

Палата лордовъ въ Англіи. — Историко-политическій этюдъ по вопросу:—одна или двѣ палаты?—М. БРУНА 176

Подъ колесомъ.—Эскизъ по роману Германа Гессе: „Unter' m Rad".—I-V. — О. Ч. 220

Стихотворенія. — Зарница.—Съ нѣм. Н. К. МЕЛЬНИКОВА 258

Киппсъ.—Исторія простой души. — H. G. Wells, Kipps, The Story of a Simple Soul. — Книга первая. — I-XIV. — Съ англ. З. В. 259

* * * Сердце старое свободу ждать устало...—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА. 304

Хроника. — По поводу аграрнаго вопроса. — Письмо изъ Америки. — П. А. ТВЕРСКОГО 305

Внутреннее Обозрѣніе. — Условія, при которыхъ открывается Государственная Дума. — Ближайшія ея задачи.— Необходимость поставить на очередь аграрный вопросъ. — Проектъ новой редакціи основныхъ законовъ.— Законъ 14-го и 18-го марта.—„Клубъ независимыхъ" и московское особое присутствіе.—„Нужны ли Россіи демократическія реформы"? . . 317

По поводу статьи г-на Ворононова: „Крестьянскій банкъ и его начало".— ѲЕДОРА САМАРИНА 333

Литературное Обозрѣніе. — I. Ад. Олеарій, Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно. Введеніе, переводъ, примѣчанія и указатель, А. Ловягина.—II. Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1906 г. Кн. IX.—III. Розановъ, В., Около церковныхъ стѣнъ.—IV. С. Рафаловичъ, „Свѣтлыя Пѣсни".—V. Графъ П. Шереметевъ, Замѣтки.—**Евг. Л.** —VI. М. Герценштейнъ, Аграрный вопросъ. — VII. Проф. М. Грушевскій, Очеркъ исторіи украинскаго народа.—**А. Лотоцкаго.**—VIII. Страхованіе рабочихъ, Е. Дементьева.—IX. Выкупная операція, Ал. Лосицкаго.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры 341

Иностранное Обозрѣніе. — Странная роль нынѣшней русской дипломатіи. — Проектъ созыва новой конференціи въ Гаагѣ.—Марокканскій вопросъ, франко-русская дружба и русскій заемъ.—Волненія рабочихъ во Франціи.—Вопросъ о реформахъ въ Австріи и новое министерство въ Венгріи.—Конституція въ Черногоріи 379

Новости Иностранной Литературы. — James Huneker. Iconoclasts. A book of dramatists. —З. В. 393

Замѣтка.—Книга г. Волжскаго: „Изъ міра литературныхъ исканій".— ЕВГ. ЛЯЦКАГО 402

Изъ Общественной Хроники.—Результаты выборовъ въ Государственную Думу.— Что ими опредѣлилось?—Кто побѣдилъ на выборахъ и кто побѣжденъ?— Крестьяне и партійныя программы. — Къ вопросу о прямомъ и степенномъ голосованіи. — „Разгонятъ" ли Думу? — „Тибетская медицина" и заключеніе по ней медицинскаго совѣта.— Postscriptum 418

Извѣщенія.— I. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.—II. Отъ Общества вспомоществованія студентамъ университета св. Владиміра. 434

Библіографическій Листокъ.—Костомаровъ, Н. И., Собраніе сочиненій. Кн. VIII. — Политическая энциклопедія. Т. I, вып. 1. — Арсеньевъ, К. К., Салтыковъ-Щедринъ.—Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи. Т. IV.— Буркгардтъ, Як., Культура Италіи въ эпоху „Возрожденія", т. I и II.

Объявленія.—I-IV; I-XII.

Книга шестая. — Іюнь.

стр.

П. І. Шафарикъ.— Очеркъ изъ жизни русской науки, полвѣка тому назадъ.—XII-XXII.—Окончаніе.—АЛЕКСАНДРА КОЧУБИНСКАГО . 437

Внѣ цеха.—Романъ.—IX-XIV.—АЛЕКСАНДРА КРУГЛОВА 476

Изъ дневника на войнѣ 1877 — 78 г.г. — 1878-ой годъ. 1-ое января — 17-ое апрѣля.—IV: 14 февраля—15 марта.— М. А. ГАЗЕНКАМПФА . . . 524

Современный польскій романъ.—Очеркъ.—I-VII.—Л. ПОЛОНСКАГО 581

Не герой.—Повѣсть.— No hero, by E. W. Horning.— I-X.—Съ англ. О. Ч. . 627

П. Корнель.—1606—1906 г.—I-VII.—ЮРІЯ ВЕСЕЛОВСКАГО 670

Киппсъ.—Исторія простой души.—H. G. Wells, Kipps. The Story of a Simple Soul.—Книга вторая.—I-XIV.—Съ англ. З. В. 703

Землетрясеніе въ Калифорніи.—П. А. ТВЕРСКОГО 744

Хроника. — Открытіе Государственной Думы и начало ея дѣятельности.—I. Тронная рѣчь Государя Императора.—II. Отвѣтъ Государственной Думы на тронную рѣчь, 5-го мая.— III. Заявленіе Предсѣдателя Совѣта министровъ, 13-го мая. — IV. Отвѣтъ Государственой Думы 760

Внутреннее Овозрѣніе. — Первые шаги новыхъ учрежденій.—Пренія объ адресѣ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ.—Безсиліе консерваторовъ и реакціонеровъ.—Министерство И. Л. Горемыкина и его декларація.—Рѣчь министра юстиціи.—Результаты примѣненія исключительныхъ законовъ.—Безцѣльность политическихъ убійствъ.—Ожидаемое упраздненіе земскихъ начальниковъ.—Запоздалые оправдательные приговоры 772

Литературное Овозрѣніе.—I. Рейтенфельсъ, Як., Сказанія о Московіи.—II. М. М. Антокольскій, его жизнь, творенія и статьи.. — III. И. Ѳ. Анненскій, Книга отраженій.—**Евг. Л.**—IV. Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества и Архивъ князя А. И. Чернышева.—**Н. М.**— V. О. Н. Чюмина (Михайлова). „Новыя стихотворенія“.—**К. Ч-ій.**—VI. А. Фортунатовъ, Поземельныя отношенія въ Западной Европѣ.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры. 788

Иностранное Овозрѣніе.—Иностранная печать о первомъ русскомъ парламентѣ. —Разсужденія нѣкоторыхъ лондонскихъ газетъ.— Странныя обмолвки въ „Temps“.—Отзывы нѣмецкой прессы.—Защита русскихъ подданныхъ въ прусской палатѣ депутатовъ.—Французскіе парламентскіе выборы.—Балканскія дѣла: турецкія и прочія звѣрства 819

Новости Иностранной Литературы.—I. Marcelle Tinayre. La Rebelle. Roman.— II. Alfred Sutro. Mollentrave on Women. Comedy 835

Изъ Общественной Хроники.— Открытіе Государственной Думы.—Впечатлѣнія первыхъ дней.—Пренія по аграрному вопросу.—Нежелательные пріемы партійной борьбы.— Первые запросы.— Допустима ли для Думы забастовка?—Тонъ декларации министерства.— Иллюстрація къ „диктатурѣ пролетаріата“.—И. С. Соколовъ †. 849

Извѣщенія.—I. Отъ Комитета Литературнаго Фонда.— II. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія 868

Библіографическій Листокъ.— Никоновъ, Ѳ. П., Крестьянскій правопорядокъ и его желательное будущее.—Паткановъ, С. Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири. Ч. I. Тунгусы собственно. Вып. 1 и 2.— Сочиненія А. П. Щапова. Томъ второй. — Кайгородовъ, Д., Пернатые хищники. Популярные очерки изъ міра русскихъ хищныхъ птицъ. Съ 12-ью красочными и многочисленными рисунками въ текстѣ.

Объявленія.—I-IV; I-XII стр.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

3 —